ПРАВОСЛАВНО-БОГОСЛОВСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ ИСХОЖДЕНІИ

СВЯТАГО ДУХА

ОТЪ ОДНОГО ТОЛЬКО ОТЦА.

Адама Зерникава.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

Подъ редакціей Б. Давидовича.

Томъ I.

ПОЧАЕВЪ.
Типографія Почаево-Успенской Лавры.
1902.

Отъ Кіевскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Кіевъ. 25 Февраля 1902 года.

Предсѣдатель Комитета, Профессоръ Кіевской Духовной Академіи, Протоіерей *Іоаннъ Корольковъ.*

Всякій истинно вѣрующій христіанинъ не можетъ равнодушно относиться къ тому прискорбному явленію, что пониманіе и усвоеніе божественной истины Христова ученія раздѣлило христіанское человѣчество на враждебные станы, стало не источникомъ единенія и братства между людьми, а причиною розни и ненавистничества, какихъ не возбуждали, можетъ быть, разныя языческія вѣроученія до пришествія Христа Спасителя на землю. Печальнѣе всего, что это человѣконенавистничество оправдывалось часто въ нѣдрахъ самой Христовой Церкви и находило мнимыя основанія въ самомъ словѣ Божіемъ. Мрачная картина бѣдствій, порожденныхъ религіозными недоразумѣніями, которыми полна исторія христіанскихъ народовъ, приводила нѣкоторыхъ мыслителей къ небезъосновательному, повидимому, утвержденію, что христіанство не двинуло впередъ просвѣщенную имъ часть человѣчества,—и въ развитіи разумныхъ и человѣчныхъ отношеній между людьми главную роль нужно приписать не религіи, а наукѣ, т. е. распространенію здравыхъ и научныхъ понятій и воззрѣній на человѣка и природу. Такой взглядъ развивалъ, напримѣръ, знаменитый въ свое время Бокль. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что изученіе природы и человѣка, какъ составной ея части, не улучшаетъ понятій о нравственности, какъ основѣ междучеловѣческихъ от-

ношеній, и приводитъ лишь къ научному оправданію взаимнаго истребленія человѣка человѣкомъ, выразившемуся въ созданіи теоріи борьбы за существованіе, примѣняемой нѣкоторыми очень просвѣщенными и исповѣдующими христіанство народами въ настоящее время въ ихъ международной политикѣ. Исходя изъ теоріи борьбы за существованіе, такое научное просвѣщеніе логически устанавливаетъ и узаконяетъ право сильнаго и въ области отношеній общественныхъ, низводя человѣка въ частной жизни на степень животнаго, безжалостно истребляющаго себѣ подобныхъ на основаніи будто-бы разумномъ. Необходимо поэтому признать, что истинно человѣчныя отношенія между людьми устанавливаетъ только религія, понимаемая въ смыслѣ вложеннаго въ человѣческій умъ и совѣсть Высшимъ Разумомъ сознанія идеи добра и справедливости. Даваемое Божественнымъ откровеніемъ пониманіе міра, его существа и конечной цѣли есть единственно правильное и разумное, и роль науки заключается въ томъ, что она должна фактами, постигаемыми нашимъ ограниченнымъ разумѣніемъ, подтвердить истины вѣры; настоящая задача науки, по сознанію великихъ умовъ въ человѣчествѣ, — наблюденіемъ подробностей мірозданія и сведеніемъ ихъ къ общимъ законамъ уяснить основоположенія вѣры, имѣющія внѣопытное происхожденіе, какъ связь ума человѣческаго съ разумомъ Всемогущаго Творца.

Какъ ни смотрѣть на отношеніе науки къ религіи, но фактъ раздѣленія христіанскихъ народовъ и вражды между ними изъ-за религіозныхъ недоразумѣній остается во всемъ его историческомъ значеніи и не можетъ не смущать христіанскую совѣсть. Происхожденіе и причины раздѣленія единой Церкви Христовой—слишкомъ обширный предметъ, чтобы его можно было обнять въ нѣсколькихъ словахъ. Несомнѣнно, что въ этомъ прискорбномъ явленіи играли значительную роль обще-

культурныя условія латино-германскаго и греко-славянскаго міровъ и политическія обстоятельства юныхъ христіанскихъ народовъ, но не мало вины падаетъ также и на мірскія страсти и стремленія предстоятелей церквей Стараго и Новаго Рима, ставившихъ иногда личные интересы выше единства вселенской Церкви. Забвеніе словъ Спасителя: царство Мое не отъ міра — и вовлеченіе Церкви въ сферу политики привело мало-по-малу христіанскіе народы къ церковному разъединенію, выразившемуся сначала на почвѣ обряда и вопросовъ церковной дисциплины, а затѣмъ отразилось въ области основного догмата вѣроученія, окончательно раздѣливши вселенскую Церковь на восточную и западную. Съ тѣхъ поръ та и другая считаютъ себя хранительницами христіанской истины. Выродившееся изъ западной Церкви протестантство не можетъ имѣть притязанія на храненіе правой вѣры, не составивъ Церкви, основывающейся на авторитетѣ богопоставленной іерархіи и на преданіи.

Но истина—одна и свѣтъ во тьмѣ свѣтится. Сознаніе этой истины и стремленіе возстановить единство Церкви Христовой не угасало ни на востокѣ, ни на западѣ. Къ сожалѣнію, политическая роль, которую упорно преслѣдовали предстоятели западной Церкви, и интересы ихъ церковнаго государства дѣлали попытки соединенія церквей безуспѣшными. На первый планъ въ предпринимаемыхъ уніяхъ выдвигался вопросъ о главенствѣ Римскаго епископа, тѣсно связанный съ его политическимъ и чисто мірскимъ положеніемъ. Папское государство поглощало интересы вселенской Христовой Церкви и земныя страсти и стремленія разрушали дѣло царствія Божія. Такъ было во времена Флорентійской уніи, то-же мы видимъ и въ исторіи Брестской уніи.

Между тѣмъ неумолимый ходъ исторіи, логически разрушающій всякую фальшивую идею, привелъ къ

уничтоженію свѣтской власти Римскаго епископа. Можно предвидѣть, что въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи его главенство будетъ приведено къ простому предстоятельству одной изъ мѣстныхъ церквей, и такимъ образомъ падетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ возстановленія единства Церкви. Уже вскорѣ послѣ 1870 г. (уничтоженіе папскаго государства) нѣкоторая часть католиковъ, имѣя во главѣ извѣстныхъ католическихъ богослововъ, отказалась признать непогрѣшимость Римскаго епископа и образовала, такъ называемую, старо-католическую церковь. Да и вообще вопросъ о главенствѣ папы въ своей сущности сводится къ вопросу о церковной дисциплинѣ и не составляетъ непреоборимой преграды къ возстановленію единства Церкви. Еще менѣе могутъ затруднять возстановленіе единства церковные обряды; различіе обрядовое развилось и установилось главнымъ образомъ во времена разобщенія, но существовало въ значительной степени и въ первыя времена Церкви еще единой. По крайней мѣрѣ бывшіе доселѣ примѣры уніи восточной Церкви съ латинской показали возможность единенія при различіи богослуженія.

Такимъ образомъ остается, можно сказать, единственная преграда къ сліянію церквей и объединенію Христова стада—это выросшее, очевидно, на случайной почвѣ недоразумѣній изъ-за власти и матеріальныхъ расчетовъ разногласіе между востокомъ и западомъ относительно догмата исхожденія Св. Духа. Это разногласіе тѣмъ болѣе важно, что догматъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына сохранило и протестантство, между прочимъ такой крупный отдѣлъ его, какъ, такъ называемая, Церковь англиканская, о соединеніи которой съ восточной Церковью поднимался не разъ вопросъ. Нельзя не видѣть, что, если суждено протестантству возвратиться въ лоно единой Церкви, то это возсоединеніе должно начаться съ англиканства,

сохранившаго іерархію и отчасти древнее церковное устроеніе. Между тѣмъ всякій искренній христіанинъ долженъ питать крѣпкую увѣренность, что разномысліе, раздѣляющее христіанскій міръ, съ теченіемъ времени падетъ, какъ плодъ темныхъ временъ и слѣдствіе отсутствія надлежащихъ способовъ распространенія истины,—что съ наступленіемъ болѣе свѣтлыхъ дней для просвѣщенія христіанскихъ народовъ всякія недоразумѣнія между ними могутъ быть разрѣшены, ибо истина—одна, и рано или поздно она должна восторжествовать, разсѣявши мракъ ослѣпленія и уничтоживши порожденную имъ вражду вольную, или невольную. Стремиться къ такому свѣтлому будущему и содѣйствовать его наступленію—долгъ всякаго христіанина, а въ особенности—долгъ пастырей и руководителей Христова стада. Въ частности такую цѣль должны преслѣдовать православные духовные пастыри на нашихъ западныхъ окраинахъ, населенныхъ католиками и протестантами. Прошли времена, когда наше духовенство могло замкнуться въ сознаніи своей правоты и смотрѣть на инославныхъ, какъ на язычниковъ и мытарей [1]), съ которыми не можетъ быть соглашенія. Ростъ русской православной державы, принимающей все болѣе и болѣе характеръ вселенскій и становящейся во главѣ христіанскихъ народовъ, требуетъ прежде всего культурнаго объединенія внутри нея самой. Это объединеніе разнородныхъ составныхъ частей населенія Россіи должно совершиться главнымъ образомъ на почвѣ религіозной. Только тогда прекратится тотъ антагонизмъ, который встрѣчаетъ и въ настоящее время, хотя не въ такой степени, какъ въ недавнемъ прошломъ, русская объединительная идея на западной нашей окраинѣ, населенной самыми культурными, а слѣдовательно самыми сильными инославными подданными. Столѣтняя исто-

[1]) Матѳ. XVIII—17.

рія пребыванія поляковъ въ лонѣ русскаго государства показала, что сліянію этой самой крупной отрасли славянства съ русскимъ народомъ мѣшаетъ главнымъ и почти исключительнымъ образомъ различіе вѣроисповѣдное. За поляками и другіе западные славяне, силою историческихъ судебъ попавшіе подъ вліяніе Рима, сторонятся Россіи въ значительной степени по той-же причинѣ.

Но въ послѣднія десятилѣтія, такъ называемая, славянская взаимность, надъ возбужденіемъ которой трудились и трудятся лучшіе сыны славянства, сдѣлала огромные шаги впередъ. Начинаетъ утихать и казавшаяся неукротимою ненависть польскихъ образованныхъ классовъ ко всему русскому; что касается собственно польскаго народа и лучшихъ его радѣтелей и защитниковъ, то они давно сознали благодѣтельность и необходимость сліянія съ русскимъ государствомъ. Появлялись и среди польскаго духовенства смѣлые проповѣдники идеи единенія съ русскимъ государствомъ и русскою Церковью. Но голоса ихъ звучали одиноко и покрывались злобнымъ воплемъ непримиримаго большинства.

Въ настоящее время, когда при помощи школы русское дѣло на нашей польской окраинѣ подвинулось далеко впередъ и во всѣхъ углахъ ея засіялъ православный крестъ, позволительно питать надежду на близость поворота въ отношеніяхъ поляковъ къ русской Церкви и на возможность прекращенія вѣроисповѣдной розни. Содѣйствовать этому повороту должны всѣ искренніе ревнители православія и славянскаго единства. На нихъ лежитъ главнымъ образомъ долгъ спокойнаго выясненія недоразумѣній политическихъ и религіозныхъ, созданныхъ исторіею, и приготовленія почвы для торжества истины и возстановленія согласія и единства. Достигши такого единства у себя дома, Россія съ большимъ правомъ на успѣхъ

приступить къ выполненію своей міровой роли объединительницы вселенскаго христіанства, роли, по нашему глубокому убѣжденію, предначертанной ей Провидѣніемъ. Это убѣжденіе основывается на утвержденномъ исторіею человѣчества фактѣ, что торжество великимъ идеямъ можетъ дать только сильный политическій организмъ, а таковымъ нельзя не признать въ настоящее время Россію...

Изложенные взгляды и чаянія руководили переводчиками и издателями предлагаемаго благосклонному вниманію главнымъ образомъ нашего духовенства труда. По замѣчанію знаменитыхъ православныхъ духовныхъ писателей, трудъ Зерникава представляетъ самое полное и всестороннее изслѣдованіе вопроса объ исхожденіи Св. Духа, вопроса, какъ сказано, кореннаго и существеннаго въ дѣлѣ возстановленія единства вселенской Церкви. Такія свѣтила нашей богословской науки, какъ митрополитъ Макарій и преосвященный Сильвестръ, черпали изъ сочиненія Зерникава свѣдѣнія для своихъ трудовъ по догматикѣ. На него дѣлаетъ частыя ссылки знаменитый намъ Горскій въ своей «исторіи флорентійской уніи», изданной безъ имени автора. Съ большою похвалою о немъ отзывается и нашъ свѣтскій богословъ А. С. Хомяковъ [1]). Мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ трудѣ Ѳеофана Прокоповича, котораго можно назвать первымъ по времени русскимъ ученымъ богословомъ, приведено въ латинскомъ предисловіи къ Зерникаву. Становится поэтому удивительнымъ, какъ такой важный богословскій трудъ до сихъ поръ не былъ переведенъ на русскій языкъ и оставался неизвѣстнымъ большой публикѣ, будучи доступенъ только ограниченному

[1]) Между прочимъ чтеніе Зерникава убѣдило въ истинѣ православнаго ученія о Св. Духѣ знаменитаго англійскаго богослова Пальмера, искавшаго единенія съ восточною Церковью и находившагося по этому поводу въ перепискѣ съ Хомяковымъ.

кругу ученыхъ. Впрочемъ въ концѣ XVIII столѣтія въ Кіевѣ была сдѣлана попытка монахами Печерской Лавры перевести Зерникава на русскій языкъ; но переводъ этотъ такъ и остался въ рукописи; притомъ онъ сдѣланъ дословно и написанъ такимъ языкомъ, что въ настоящее время читать его гораздо труднѣе, чѣмъ латинскій подлинникъ. Замѣчательно, что въ томъ-же XVIII столѣтіи (1797 г.), вскорѣ послѣ появленія въ печати труда Зерникава (1774 г.), нашей Академіей Наукъ былъ изданъ греческій переводъ его, представляющій роскошное изданіе въ научномъ и типографскомъ отношеніяхъ. Между прочимъ греческій переводчикъ [1]) предпринялъ на русскія деньги это изданіе, чтобы противодѣйствовать пропагандѣ католичества на Балканскомъ полуостровѣ. О томъ, что въ предѣлахъ самой Россіи въ то время велась такая-же пропаганда и что сочиненіе Зерникава могло оказать существенную пользу для возсоединенія многихъ милліоновъ уніатовъ, унаслѣдованныхъ Россіею отъ Польши, никто тогда не думалъ.

Появленіе настоящаго перевода Зерникава на русскій языкъ принадлежитъ почину и поощренію Высокопреосвященнаго Модеста, Архіепископа Волынскаго, и вызванъ убѣжденіемъ, что этотъ трудъ можетъ дать нашему духовенству и духовенству вообще западной окраины средство воздѣйствія на католиковъ въ самомъ существенномъ пунктѣ догматическаго разногласія. Въ этомъ отношеніи весьма важнымъ достоинствомъ этого труда является то, что онъ написанъ бывшимъ протестантомъ, человѣкомъ западнымъ съ самымъ широкимъ богословскимъ и философскимъ образованіемъ. Это—не защита человѣкомъ предубѣжденнымъ унаслѣдованныхъ вѣрованій и взглядовъ,—

---

[1]) По нѣкоторымъ даннымъ, это былъ Евгеній Булгарисъ, архіепископъ Херсонскій.

это—не повтореніе ходячихъ мнѣній человѣкомъ, получившимъ воспитаніе въ православной странѣ, выросшимъ среди людей православнаго образа мыслей, которыя могли невольно отразиться на убѣжденіяхъ послѣдователя инославнаго ученія. Затѣмъ—не исканіе выгодъ земныхъ и почестей привело Зерникава къ воспринятію и утвержденію истины православія. Человѣкъ образованный всесторонне, ученый, изучавшій богословіе въ главныхъ средоточіяхъ мысли протестантскихъ и католическихъ, онъ путемъ долгаго и глубокаго изученія и основательнаго ознакомленія съ источниками приходитъ къ убѣжденію, что истинное христіанство, настоящее православіе хранится въ восточной Церкви. Между тѣмъ по всему строю жизни, какъ уроженецъ запада и протестантъ—лютеранинъ, онъ стоялъ несравненно ближе къ католичеству,—притомъ и въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа послѣдователи Лютеровой реформы слѣдуютъ ученію западной Церкви.

Что касается самыхъ «православныхъ богословскихъ изслѣдованій» Зерникава, то они написаны по простому и ясному плану, но съ схоластическими пріемами, какіе господствовали въ XVII вѣкѣ, и языкомъ, въ наше время кажущимся устарѣлымъ. Изложеніе Зерникава представляется на первый взглядъ черезчуръ простымъ для читателя современныхъ богословскихъ трактатовъ, которые пишутся обыкновенно, такъ называемымъ, высокимъ слогомъ и съ ученымъ аппаратомъ, что дѣлаетъ ихъ мало доступными обыкновенному читателю, не получившему спеціально богословскаго образованія. Этимъ, кажется, слѣдуетъ въ значительной степени объяснить сравнительно малую распространенность въ нашемъ обществѣ богословской литературы. Доступность изложенія Зерникава для всякаго читателя является поэтому также однимъ изъ крупныхъ достоинствъ его труда.

Тѣмъ не менѣе переводъ «богословскихъ изслѣдованій» сопряженъ съ чрезвычайными трудностями. Во-первыхъ, они написаны схоластическою латынью, неудобопонятною вслѣдствіе множества условныхъ выраженій и терминовъ, выработанныхъ въ тѣ времена, когда наука вездѣ преподавалась на латинскомъ языкѣ; во-вторыхъ, правильное пониманіе Зерникава требуетъ глубокой начитанности въ церковно-исторической литературѣ; наконецъ,—приводимыя имъ мѣста изъ писаній Св. Отцовъ по высотѣ предмета и необычайности способовъ выраженія представляютъ большія трудности для возможно точной передачи ихъ на русскій языкъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторая нестройность изложенія въ сочиненіи Зерникава, затрудняющая переводъ его, можетъ быть объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что оно было издано по смерти автора и, можетъ быть, не было окончательно имъ обработано. Но внѣшніе недостатки со стороны формы изложенія, которые можно находить въ трудѣ Зерникава, если смотрѣть на дѣло съ современной точки зрѣнія, выкупаются съ избыткомъ богатствомъ содержанія. Переводчики съ своей стороны приложили всѣ усилія къ тому, чтобы побѣдить представлявшіяся имъ трудности, и поставили себѣ цѣлью перевести трудъ Зерникава современнымъ литературнымъ языкомъ, сохраняя выраженія подлинника, но избѣгая архаизмовъ, установившихся въ богословскихъ нашихъ сочиненіяхъ и дѣлающихъ часто мысль темною и малопонятною.

«Богословскія изслѣдованія» Зерникава имѣютъ историко-полемическій характеръ. Хотя этотъ писатель въ значительной степени отступилъ отъ общаго тона полемическихъ сочиненій его времени, отличавшихся рѣзкими пріемами въ опроверженіи взглядовъ противника, но переводчики нашли нужнымъ въ иныхъ мѣстахъ сгладить выраженія, кажущіяся черезчуръ силь-

ными для нынѣшняго читателя: истина становится тѣмъ болѣе убѣдительною, чѣмъ спокойнѣе она выражена.

Трудъ Зерникава состоитъ изъ XIX изслѣдованій (главъ) [1]; семь изъ нихъ составляютъ первый томъ и представляютъ преимущественно историческую часть вопроса; второй томъ заключаетъ изслѣдованія догматико-полемическаго характера. Кромѣ того, къ послѣднему тому приложены разсужденія Марка Ефесскаго, участника Флорентинскаго собора.

Каждый томъ Зерникава можетъ быть разсматриваемъ, какъ отдѣльное цѣлое, по характеру своему вполнѣ законченное. Вотъ почему является возможность издать не сразу оба тома. Притомъ одновременное изданіе обоихъ томовъ повлекло-бы за собой чрезмѣрное напряженіе силъ издателей умственныхъ и матеріальныхъ и задержало-бы появленіе въ свѣтъ этого важнаго труда; кромѣ того, пріобрѣтеніе обоихъ томовъ сопряжено было-бы съ значительнымъ единовременнымъ расходомъ. Переводчики однако надѣются издать вторую часть въ близкомъ будущемъ.

Настоящее изданіе въ значительной степени обязано своимъ появленіемъ въ свѣтъ просвѣщенному содѣйствію Почаевской Лавры, которая, выполняя свою просвѣтительную роль, предложила напечатать переводъ Зерникава въ своей типографіи. Переводъ издаваемаго тома составляетъ трудъ Б. С. Давидовича, Гр. Я. Крыжановскаго и С. П. Новоселецкаго; общая редакція и примѣчанія принадлежатъ первому изъ нихъ.

Б. Д.

---

[1]) Вотъ его полное Латинское заглавіе: Tractatus theologici orthodoxi de processione Spiritus Sancti a solo Patre, elaborati auctore Adamo Zoernikav, Baturini in parva Russia, anno 1682.—Regiomonti 1774.—(Regiomontum—Кролевецъ, теперь Кенигсбергъ, нѣкогда Польскій городъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ *).

Къ благосклонному читателю.

Для достойнаго и заслуженнаго прославленія имени писателя, трудъ котораго предлагается читателю,—писателя, уже давно почившаго, но имѣющаго право на посмертное похвальное слово, ничего нельзя придумать болѣе блистательнаго и болѣе умѣстнаго того, что высказалъ о немъ человѣкъ необыкновеннаго ума и учености, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, нѣкогда архіепископъ Новгородскій, вице-предсѣдатель Святѣйшаго Сѵнода. Прочитавши трудъ нашего автора и взвѣсивши безпристрастно и подробно его содержаніе,—чего однако онъ не сдѣлалъ о самомъ авторѣ, такъ какъ послѣдній жилъ въ малой Россіи,—этотъ ученый мужъ не могъ удержаться, чтобы не взяться за перо и съ сердечнымъ сокрушеніемъ не начертать слѣдующаго отзыва: «я хотѣлъ, говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, приложить къ этому сочиненію свое предисловіе съ тѣмъ, чтобы въ немъ сдѣлать не столько оцѣнку самаго труда, который превосходитъ всякія похвалы, сколько изобразить жизнь его автора, человѣка ученѣйшаго, какого только помнитъ исторія,—сказать объ его отечествѣ, лѣтахъ и, если можно, даже о чертахъ его лица. Однако я долженъ былъ отказаться отъ мысли все это изслѣдовать за отсутствіемъ нужныхъ свѣдѣній: въ такой неизвѣстности остаются у насъ ученѣйшіе люди и свѣтила церкви, такъ мало придаютъ имъ цѣны и значенія! Ибо и при жизни его мало цѣнили, даже подвергали насмѣшкамъ,—между тѣмъ какъ тупицы и глупцы,

*) Это предисловіе на латинскомъ языкѣ написано первымъ издателемъ Зерникава.

шумно и безцеремонно провозглашавшіе себя во всеуслышаніе философами и богословами, въ то-же время имѣли не только богатыя средства къ жизни и почетъ, но пріобрѣли и славу. О времена, о нравы! О глупость и безуміе, ниспосланныя свыше въ наказаніе нашему наглому вѣку! Всякій разъ какъ я объ этомъ думаю, у меня словно темнѣетъ въ глазахъ, какъ-бы разрываются внутренности,—я почти задыхаюсь отъ негодованія; но когда проходитъ припадокъ раздраженія, я обливаюсь слезами и одновременно сержусь и сожалѣю наше несчастное время. Въ утѣшеніе себѣ при этомъ я обыкновенно привожу мысль Василія Великаго, которую онъ выразилъ въ началѣ посланія къ еретичкѣ Симплиціи: «по неразумію люди ненавидятъ лучшихъ и любятъ худшихъ». Однако я не перестану прилагать стараніе къ тому, чтобы узнать что-нибудь вѣрное относительно этого ученѣйшаго писателя и найти сходство его лица въ какомъ-нибудь другомъ человѣкѣ сообразно съ разсказами тѣхъ, кто его видѣлъ,—и тогда приложу къ настоящему труду обѣщанное предисловіе». Вотъ какъ оплакивалъ нашего писателя знаменитый архіепископъ!—

Какъ видимъ, благосклонный читатель, названный знаменитый мужъ не могъ почетнѣе и основательнѣе отозваться о нашемъ авторѣ, замѣтивши искренно, что трудъ его превосходитъ всякія похвалы. Дѣйствительно, всякій, кто прочтетъ его твореніе внимательно и не поддаваясь вліянію страстей, найдетъ, что этотъ отзывъ справедливъ и основателенъ. Поэтому нельзя не признать чрезвычайно печальнымъ то обстоятельство, что этотъ писатель, выдающійся глубокою и разностороннею ученостью, пребывая въ Россіи, не только не пользовался почестями и славою, не только не обезпеченъ былъ достаточными средствами жизни, но, напротивъ, нисколько не былъ оцѣненъ, мало того,—служилъ посмѣшищемъ и былъ освистанъ подобно плохому актеру. Это отмѣтилъ не только Ѳеофанъ Прокоповичъ, со словъ современниковъ, пережившихъ автора,—но и самъ авторъ, описывая свою жизнь и странствованія, не счелъ нужнымъ объ этомъ умолчать. А мы въ свою очередь считаемъ долгомъ упомянуть, что авторъ, говоря о выдачѣ ему ничтожнаго

денежнаго пособія въ качествѣ какъ-бы награды за его ученые труды, вспоминаетъ о старомъ конѣ, называемомъ имъ отставнымъ пенсіонеромъ, конѣ, котораго тогдашній малороссійскій гетманъ подарилъ этому литературному герою. Не можемъ поэтому и мы удержаться, чтобы, подобно Ѳеофану, не воскликнуть объ этомъ пошломъ вѣкѣ: «о время невѣжества и тупости! о необразованные умы! о грубость вельможъ, не далеко ушедшая отъ лошадиной глупости»!

Однако жизнь автора и изложеніе его странствованій, о чемъ выше упомянуто, спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, по счастливому случаю были найдены въ библіотекѣ Кіевскаго митрополита, находившейся при Софійскомъ каѳедральномъ Соборѣ. Но такъ какъ авторъ оставилъ это свое жизнеописаніе незаконченнымъ, притомъ въ рукописи оказалось не мало мѣстъ, испорченныхъ временемъ, такъ что очень многаго нельзя прочитать; кромѣ того, иногда касается онъ событій, не имѣющихъ общаго интереса, то мы сочли нужнымъ приложить къ настоящему предисловію только сокращенный очеркъ жизни и странствій Зерникава, насколько можно было, пользуясь его рукописью, за нимъ слѣдить.

Слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ еще достовѣрныхъ данныхъ для того, чтобы установить, гдѣ и въ какомъ положеніи провелъ Зерникавъ остатокъ своей жизни и кончилъ свое земное поприще. Есть люди, утверждающіе, что онъ постригся въ монахи;— однако относительно того, въ какой монастырь поступилъ онъ, существуетъ разногласіе: одни утверждаютъ, что онъ принялъ постригъ и умеръ въ монастырѣ Св. Николая, находящемся вблизи г. Батурина, бывшей столицы малороссійскихъ гетмановъ, и извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ Крупецкаго; но большинство, напротивъ, доказываютъ, что онъ и постригся, и умеръ вскорѣ послѣ постриженія въ славной святынями и мощами угодниковъ Божіихъ Кіевской обители, гдѣ снискалъ дружбу монаховъ и благосклонность настоятеля.

Какъ бы тамъ ни было, слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что нашъ писатель поступилъ въ монахи и умеръ въ иноческомъ чинѣ. Испытавъ много бѣдствій и превратностей, онъ, ру-

ководимый Провидѣніемъ, подъ конецъ жизни сознательно и добровольно исполнилъ обѣтъ, данный имъ въ то время, когда онъ жилъ въ Оксфордѣ, въ Англіи. Когда въ этомъ средоточіи науки Зерникавъ послѣ непрестаннаго чтенія книгъ пришелъ къ убѣжденію, что истинное православіе заключается только въ восточной греческой церкви, онъ немедленно рѣшилъ ѣхать въ Россію, не останавливаясь передъ мыслью, что тамъ его, какъ иностранца, ждетъ печальная судьба,—между тѣмъ какъ внѣ Россіи онъ могъ-бы достигнуть извѣстности и славы. Это убѣжденіе побудило его также написать предлагаемое сочиненіе, равно какъ и другое такого-же содержанія, написанное въ отвѣтъ на писаніе нѣкоего іезуита Рутки. Этотъ второй трудъ Зерникава въ рукописи находится у насъ подъ руками, но нуждается во многихъ мѣстахъ въ исправленіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что причиною появленія настоящаго труда была горячая ревность и непреодолимое желаніе всѣми средствами открыть и изслѣдовать истинное православіе. И Зерникавъ, занявшись этимъ вопросомъ въ ранніе годы своей сознательной жизни со всѣмъ пыломъ и усердіемъ и получивъ въ Оксфордской Академіи возможность пользоваться ея знаменитою библіотекою, при содѣйствіи Св. Духа, изслѣдовалъ истинное ученіе, извлекъ изъ мрака и вывелъ на свѣтъ. Сдѣлать это онъ поставилъ цѣлью своей жизни, полагая, что если онъ не доставитъ полнаго торжества и признанія сознанной имъ истинѣ, то въ собственныхъ глазахъ явится достойнымъ осужденія и казни. Чтобы утвердить и свой духъ прочнымъ убѣжденіемъ въ открытой истинѣ, а также и другимъ дать свѣточъ къ ея изслѣдованію, приготовить для этого удобную и ровную дорогу, онъ и приступилъ къ созданію своего превосходнаго труда, предназначеннаго для потомства, и приложилъ къ нему всѣ силы своего ума.

Трудно требовать большей умѣлости и основательности въ изложеніи, чѣмъ проявилъ нашъ авторъ въ своемъ трудѣ. Поняви послѣ тщательнаго обсужденія, какъ великъ и важенъ вопросъ, т. е., догматъ восточной Церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного Отца, а не отъ Отца и Сына, сознавши, что ученіе о немъ не можетъ быть доказано ясно и очевидно отно-

сящимися сюда мѣстами Священнаго Писанія, онъ пришелъ къ убѣжденію, что для выясненія этого вопроса необходимо ученіе восточной Церкви подтвердить согласнымъ и единодушнымъ свидѣтельствомъ Отцовъ и Учителей какъ греческой, такъ и латинской Церкви, живших отъ вѣка апостольскаго вплоть до восьмого вѣка, въ концѣ котораго согласіе обѣихъ Церквей въ этомъ вопросѣ исчезло. Ибо, если предъ умственными очами читателя предстанетъ убѣжденіе, что въ теченіе восьми вѣковъ Отцы и Учители той и другой Церкви въ этомъ вопросѣ хранили между собою единомысліе и полное согласіе, то необходимо всякому придти къ заключенію, что такой именно смыслъ и такое именно значеніе изреченій Священнаго Писанія объ исхожденіи Св. Духа, которыя могутъ казаться не совсѣмъ ясными, приняла и усвоила Христова Церковь отъ самыхъ Апостоловъ,—что такъ именно безъ всякаго колебанія она учила въ теченіе цѣлыхъ восьми вѣковъ и сохраняла это ученіе, какъ нѣкое сокровище, ей завѣщанное и довѣренное, въ полной неприкосновенности.

Разъ кто-нибудь это признаетъ, то, прочитавъ трудъ Зерникава, онъ составитъ незыблемое убѣжденіе, какое общество послѣ раздѣленія христіанъ по праву носитъ имя Каѳолической Церкви, т. е. греческое-ли восточное, державшееся до сихъ поръ древняго ученія, или западно-латинское, введшее въ число членовъ вѣры новое, въ теченіе стольких вѣковъ неупотребляемое и неслыханное исповѣданіе, и сдѣлавшее прибавку къ символу?

Составивши такой планъ выясненія истины, нашъ авторъ при помощи Божіей, однако съ большими усиліями и неутомимо преслѣдуя свою цѣль, выполнилъ свою задачу такъ, что заслужилъ всеобщее уваженіе къ своему труду. Стройность и послѣдовательность въ подборѣ и расположеніи свидѣтельствъ Отцовъ на пространствѣ цѣлыхъ восьми вѣковъ до возникновенія извѣстнаго разногласія и разъединенія умовъ, а также въ два вѣка вслѣдъ за разъединеніемъ, вездѣ соблюдена. Что касается связи между отдѣльными свидѣтельствами, то она, такъ сказать, заимствована изъ самыхъ ихъ внутренностей и никоимъ образомъ не можетъ быть расторгнута. Кромѣ того, все, что противники

могутъ возразить, всякое встрѣчное недоразумѣніе авторъ разрѣшаетъ умѣло и остроумно, напередъ предвидитъ всякое хитросплетеніе противника и легко его распутываетъ. Наконецъ все свое изслѣдованіе Зерникавъ ведетъ просто, ясно, естественно, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ.

Одинъ недостатокъ можно найти у автора: это—что онъ не могъ пользоваться лучшими и исправнѣйшими изданіями святыхъ Отцовъ; нѣкоторыя изданія, самыя точныя и совершенныя, каково, напр., Парижское изданіе Бенедиктинцевъ, въ вѣкъ автора еще не выходили. Дѣйствительно, мы замѣтили, что авторъ могъ бы освободить себя во многихъ случаяхъ отъ неблагодарнаго труда, если-бы ему извѣстны были изданія подобнаго рода. Эти изданія во многихъ мѣстахъ очистили писанія св. Отцовъ отъ извращеній, тогда какъ Зерникаву стоило большого труда возстановить истинный смыслъ этихъ писаній, извращенный сплошь и рядомъ въ древнѣйшихъ изданіяхъ, которыми онъ принужденъ былъ пользоваться. Для примѣра достаточно привести одно мѣсто изъ твореній Св. Василія, заключающееся въ его III кн. противъ Евномія; это мѣсто знаменито тѣмъ, что Флорентинскій соборъ, занявшись выясненіемъ вопроса, кто его испортилъ, греки или латиняне, употребилъ на разрѣшеніе этого спора чуть не цѣлый годъ. Наконецъ разрѣшеніе этого спора сдѣлалось возможнымъ только послѣ изданія твореній Св. Василія Бенедиктинцами, о которыхъ мы только что упоминали и у которыхъ спорное мѣсто очищено отъ всякихъ затрудненій и изложено совершенно ясно.

Этотъ недостатокъ, за который трудно винить автора, легко могъ-бы быть исправленъ, если-бы были приложены къ его труду примѣчанія съ указаніемъ чтенія св. Отцовъ по новѣйшимъ изданіямъ; мы охотно готовы были за это взяться, но само сочиненіе послано было въ печать раньше, чѣмъ мы думали, и такимъ образомъ исполненіе нашего намѣренія оказалось невозможнымъ.

Нельзя пройти молчаніемъ, что нашъ писатель, давая другимъ средства изслѣдовать истину, заслуживаетъ, по общему признанію, особенной похвалы за умѣренность тона и выраженій въ своемъ полемическомъ трудѣ. Въ то время какъ въ подобнаго

рода сочиненіяхъ авторы позволяли себѣ всякія насмѣшки, ругательства, награждали своихъ противниковъ, такъ сказать, словесными пинками и кулаками, Зерникавъ удерживается отъ изверженія яда на людей, съ нимъ разномыслящихъ, и отъ ѣдкихъ выраженій: онъ именно ставилъ себѣ цѣлью въ приготовленіи путей Божіихъ сглаживать всякую шероховатость, удалять и искоренять все, что могло служить оскорбленіемъ для другихъ. Такъ какъ авторъ не приложилъ не только предисловія, но и указателя къ своему сочиненію, то мы сочли необходимымъ присоединить указатель въ концѣ его труда.

Причиною того, что рукописи превосходнаго и драгоцѣннаго труда Зерникава лежали столь долгое время похороненными въ нѣкоторыхъ русскихъ книгохранилищахъ и не явились на свѣтъ съ помощью типографскаго искусства, нужно искать отчасти въ невѣдѣніи этихъ рѣдкихъ рукописей, отчасти въ косности и нерадѣніи. Упомянутый въ началѣ настоящаго предисловія Ѳеофанъ Прокоповичъ, вызванный изъ Кіева въ Петербургъ и сдѣланный затѣмъ Псковскимъ епископомъ, въ 1718 г. и слѣдующемъ сильно заботился объ извлеченіи сочиненія Зерникава изъ мрака неизвѣстности. Это видно изъ того, что въ эти годы, безъ сомнѣнія, по его почину и настоянію, присланы были въ Кіевъ два указа императора Петра I-го—одинъ на имя митрополита Кіевскаго Іоасафа Кроковскаго, а позже другой на имя замѣстителя умершаго уже митрополита—Григорія Гошкевича. Оба эти указа требовали немедленной и неуклонной высылки собственноручно переписанной Зерникавомъ его книги, которой пользовался Ѳеофанъ, будучи Ректоромъ Кіевской Академіи. Остается однако не выясненнымъ, исполнены-ли были указы, или почему-либо исполненіе ихъ было отложено; равнымъ образомъ не можемъ мы никакой вѣроятной догадкой объяснить, почему Ѳеофанъ, занявшій впослѣдствіи высокое положеніе, въ дальнѣйшемъ теченіи своей жизни не настоялъ на исполненіи своего желанія.

Вотъ, благосклонный читатель, замѣчанія, которыя мы сочли нужнымъ сдѣлать въ настоящемъ предисловіи. Въ заключеніе намъ остается выразить пожеланіе, что-бы всѣ тѣ, кого еще не озарилъ свѣтъ истины, читали и перечитывали предлагаемоо се-

чиненіе съ такимъ-же усердіемъ и тщаніемъ, съ какимъ его писалъ и прилагалъ все свое разумѣніе авторъ. Несомнѣнно, онъ —и это главное—и самъ нашелъ истину, и другимъ открылъ дверь къ ея изслѣдованію и познанію. А всеблагой Богъ, Который нѣкогда открылъ сердце Лидіи къ воспріятію рѣчи Павла, да откроетъ также умъ читателя, чтобы онъ скорѣе воспріялъ въ душу истину, доказанную въ предлагаемомъ трудѣ, и, воспріявши, наслаждался ею; мало того, пусть читатель, по примѣру нашего писателя, поразится дивнымъ и необычнымъ трепетомъ на порогѣ познанной истины и считаетъ себя осужденнымъ и отверженнымъ, если благоговѣйно не преклонится передъ нею. Ибо такой трепетъ есть несомнѣнно предтеча грядущаго Господа; кого онъ объемлетъ, тотъ, осужденный своимъ внутреннимъ приговоромъ, становится оправданнымъ и разрѣшеннымъ судомъ всеблагого Бога и вступаетъ въ святой сонмъ вѣровавшихъ и вѣрующихъ отъ самаго вѣка Апостоловъ до нашихъ временъ **православно.**

ЖИЗНЬ

АДАМА ЗЕРНИКАВА,

ученѣйшаго мужа, сжато изложенная и представленная въ краткомъ очеркѣ по разсказу, который нѣкогда написалъ собственною рукою Адамъ.

Родиною Адама Зерникава была Пруссія, именно городъ Кролевецъ (Кенигсбергъ), столица Пруссіи. Онъ произошелъ отъ Христіана Зерникава, по ремеслу золотыхъ дѣлъ мастера, а по происхожденію Голштинца. Мать Адама—Марія была дочерью Кролевецкаго ювелира Тамма. Рожденіе Адама произошло 21 сентября 1652 года. Крещенный по образу предковъ, мальчикъ былъ посланъ въ школу, гдѣ онъ усвоилъ сперва начатки латыни, а потомъ, подвинувшись въ изученіи латинскаго языка, сталъ прилежно заниматься словесными науками и закономъ Божіимъ по лютеранскому исповѣданію. Когда Адаму было около 18 лѣтъ, онъ лишился обоихъ родителей. Приходя въ возрастъ и предаваясь разнымъ занятіямъ, Адамъ, по убѣжденію учителей, продолжалъ посѣщать школу и усердно изучать науки, которыя тамъ преподавались. Подготовивши себя такимъ образомъ къ высшимъ наукамъ, Адамъ задумываетъ поступить въ Академію, чтобы тамъ заняться или богословіемъ, или римскимъ правомъ, или политическими науками, или наконецъ медициною. Сначала онъ поступилъ въ Кролевецкую Академію, названную по имени основателя, прусскаго герцога Альберта,—Альбертинскою. Здѣсь онъ сперва сталъ заниматься философіею, увлеченный авторитетомъ знаменитыхъ преподавателей; но затѣмъ все свое прилежаніе и всѣ помыслы направилъ на изученіе богословія.

Въ Альбертинской Академіи слушалъ Адамъ двухъ ученѣйшихъ мужей, профессоровъ богословія—Дрейера и Седлера, которые, называя себя протестантами, до того расходились и съ Лютеранами, и съ другими западными исповѣданіями, что, повидимому, проповѣдывали нѣкоторую особенную форму религіи. Въ особенности Седлеръ возражалъ противъ лютеранства. Наслушавшись Дрейера и Седлера, Адамъ сталъ впервые понимать, что не одни лютеране, среди которыхъ онъ родился и воспитался, обладаютъ истиною: эти учители утверждали, что въ дѣлѣ вѣры нужно основываться не на авторитетѣ Лютера и его послѣдователей, а на согласномъ ученіи каѳолической Церкви, св. Отцовъ и Соборовъ. Такимъ образомъ естественно они обнаруживали многочисленныя заблужденія лютеранъ и латинянъ.

Около этого времени попало въ руки Адама «исповѣданіе восточной Церкви» Митрофана Криптопула, изданное послѣднимъ въ Гельмштадтѣ. Такъ понравилось это исповѣданіе Адаму, что съ этихъ поръ пробудилась въ немъ особенная склонность къ восточной Церкви.

Прозанимавшись четыре года въ Кролевецкой Академіи богословіемъ и философіей, Адамъ рѣшилъ оставить богословіе и вмѣсто него заняться изученіемъ римскаго права. Поэтому онъ направился изъ Кролевца въ Іену, гдѣ удобнѣе могъ удовлетворить свое желаніе. Послѣ года усердныхъ занятій римскимъ правомъ встрѣтилъ Адамъ здѣсь «разсужденія о римской имперіи» Бокгорна, къ которымъ Стрилегій присоединилъ свои комментаріи. Читая эти комментаріи, онъ напалъ на мѣсто, въ которомъ говорилось: «очень полезно, выйдя изъ юношескихъ лѣтъ, выбрать удобное для жизни мѣсто; часто у иностранцевъ бываетъ въ большомъ почетѣ то, на что въ отечествѣ не обращаютъ вниманія. Поэтому достигнешь почестей и богатства, если изберешь мѣсто, гдѣ въ большой цѣнѣ то, что ты считаешь своею спеціальностью».

Крѣпко запали въ душу Адама эти слова; онъ сталъ перебирать въ умѣ всѣ христіанскія государства и остановился на русскомъ царствѣ, нуждавшемся и благопріятствовавшемъ людямъ науки и искусства. Сталъ онъ размышлять о Россіи, какъ странѣ,

всего болѣе подходящей для его дѣятельности; но сразу представились ему огромныя препятствія къ поселенію въ ней, изъ которыхъ главнымъ было различіе исповѣданія и обрядовъ; онъ думалъ, что, по убѣжденію Русскихъ, всѣ приходящіе къ нимъ съ запада должны вторично принять крещеніе. По этой причинѣ онъ принимаетъ рѣшеніе, при первой возможности, тщательно изслѣдовать книги соборовъ и св. Отцовъ, думая, что вѣчное блаженство слѣдуетъ предпочесть всякому мірскому благополучію. Размышляя объ этомъ и не находя случая изучить желаемые источники, Адамъ предается всецѣло изученію политики, старается собирать сочиненія по политическимъ наукамъ и въ этихъ занятіяхъ проводитъ больше года, пріобрѣтая свѣдѣнія, относящіяся къ познанію государства. Спустя нѣкоторое время онъ сводитъ знакомство съ людьми, преподававшими математическія науки, и считаетъ для себя полезнымъ изучить геометрію, астрономію, военную архитектуру, даже астрологію, чтобы имѣть и о ней вѣрныя свѣдѣнія.

Занимаясь всѣмъ этимъ усердно, Адамъ въ тоже время собираетъ различныя сочиненія, написанныя противъ восточной Церкви и жадно ихъ читаетъ, а также отмѣчаетъ все, что возражали западные люди противъ восточныхъ и что въ свою очередь послѣдніе выставляли въ защиту своихъ мнѣній. Между тѣмъ ему удалось при помощи одного лютеранскаго пастора достать сочиненія главнѣйшихъ Отцовъ Церкви. Прочитавши эти сочиненія, Адамъ, какъ говорится, толстыми гвоздями прикрѣпилъ [1]) въ памяти своей все, что высказали св. Отцы объ исхожденіи Св. Духа, о необходимости крещенія черезъ погруженіе, о причащеніи младенцевъ, вообще все, что составляло предметъ спора между западными и восточными христіанами.

Хотя ему представилась возможность читать св. Отцовъ только въ очень старыхъ изданіяхъ, но онъ считалъ это счастливымъ жребіемъ, такъ какъ получилъ надежду утвердительно рѣшить, каковъ смыслъ Священнаго Писанія, какова истинная вѣра святой каѳолической Церкви. Случилось послѣ того, что

[1]) clavis trabalibus in animo fixit.

человѣкъ, снабжавшій Адама книгами, отказался ихъ давать дальше, чѣмъ чрезвычайно его огорчилъ. Такъ какъ Адамъ всею душею стремился къ чтенію писаній св. Отцовъ, Соборовъ и иныхъ Учителей Церкви, но не могъ ихъ найти въ Іенѣ, то рѣшилъ отправиться въ Оксфордъ, въ Англію, чтобы тамъ пользоваться знаменитою библіотекою. Пробывши, такимъ образомъ, три года въ Іенѣ, направляется онъ въ Англію и, посѣтивши на пути разныя страны и города, пріѣзжаетъ въ Лондонъ, а оттуда въ Оксфордъ. Здѣсь онъ согласно съ принятымъ рѣшеніемъ посѣщаетъ ежедневно Бодлеанскую библіотеку, чрезвычайно богатую книгами всякаго рода, и изучаетъ со всѣмъ усердіемъ творенія св. Отцовъ, Соборовъ, церковныхъ историковъ и другихъ писателей, ему нужныхъ. Долго и много трудится здѣсь Адамъ и наконецъ составляетъ рѣшительное убѣжденіе, подъ чьимъ знаменемъ обрѣтается истина, т. е. подъ знаменемъ-ли восточной, или западной Церкви; глубоко убѣжденный въ правотѣ восточной Церкви, онъ сталъ считать себя достойнымъ осужденія, если не ухватится, какъ говорится, за дознанную истину обѣими руками. Вотъ почему впослѣдствіи Адамъ поставилъ себѣ цѣлью стремиться не къ временнымъ, тлѣннымъ и пустымъ благамъ, а напротивъ желалъ лучше быть послѣднимъ рабомъ въ томъ лагерѣ, въ которомъ сражаются за истину, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ проводить жизнь въ самомъ почетномъ званіи. Тутъ-же онъ принимаетъ твердое рѣшеніе не возвращаться никогда въ отечество, если-бы даже пришлось терпѣть всякія несчастья.

Оставивши наконецъ Оксфордъ, Адамъ прибылъ въ Кембриджъ, гдѣ также пользуется публичною библіотекою, перечитываетъ сочиненія какъ по богословію, такъ и по другимъ наукамъ и прибавляетъ много къ своимъ замѣткамъ. Изъ Кембриджа онъ посѣщаетъ снова Лондонъ, гдѣ утоляетъ свою жажду знаній въ Коттоніанской библіотекѣ, знаменитой огромнымъ собраніемъ рукописей. Изъ Лондона Адамъ переселяется въ Парижъ, гдѣ по разнымъ соображеніямъ расширяетъ и довершаетъ кругъ своихъ познаній политическихъ, военныхъ и другихъ. Окончивши все, что ему нужно было сдѣлать въ Парижѣ, онъ готовится къ пу-

тешествію въ Италію какъ для занятій тамъ, такъ и потому, что расчитываетъ въ Италіи встрѣтить людей съ востока, съ помощью и рекомендаціею которыхъ онъ могъ бы отправиться въ Россію.

Съ такими мыслями оставляетъ Адамъ Парижъ, посѣщаетъ Ліонъ, Туринъ, Миланъ, Болонью, Феррару, Венецію, Падую и во всѣхъ этихъ мѣстахъ изучаетъ все, что представляетъ ему случай. Пробывши нѣкоторое время въ Италіи, онъ однако не встрѣтилъ ни русскихъ пословъ, ни людей, которые бы вели сношенія съ Россіею. Тогда онъ пускается въ разныя соображенія и помышляетъ направиться то въ Австрію, то въ Богемію, то въ Польшу, то въ другія державы въ надеждѣ найти тамъ русскихъ пословъ, или купцовъ. Наконецъ рѣшаетъ онъ направиться въ Польшу, сопредѣльную русскому царству, и прибываетъ въ Варшаву, столицу Польскаго Королевства. Тутъ судьба ему посылаетъ нѣкоего уроженца Литвы, который, отправляясь въ Вильну, предлагаетъ Адаму ѣхать туда съ нимъ.

Въ Вильнѣ Адамъ сводитъ знакомство съ однимъ русскимъ священникомъ, уважаемымъ и почтеннымъ старцемъ. Когда онъ открылъ ему свою душу и высказалъ свои желанія, то легко снискалъ его благоволеніе и получилъ рекомендательное письмо къ Черниговскому архіепископу (можно догадываться, Лазарю Барановичу). Съ этимъ письмомъ и отправляется Адамъ въ Черниговъ, распрощавшись съ Вильной, и представляется архіепископу. Замѣтивши, что пришелецъ—человѣкъ образованный, изощренный во всякихъ наукахъ, узнавши, что онъ, кромѣ того, имѣетъ искреннее и серьезное желаніе быть принятымъ въ лоно греческой Церкви, архіепископъ, самъ мужъ великой учености и добродѣтели, осыпалъ иностранца милостями и распорядился доставлять ему все нужное для удовлетворенія жизненныхъ потребностей.

Спустя нѣкоторое время, Адамъ, по совѣту архіепископа, пишетъ собственноручно свое исповѣданіе вѣры, отказывается отъ всѣхъ лютеранскихъ догматовъ, несогласныхъ съ ученіемъ греческой Церкви, и свое писаніе вручаетъ архіепископу. Вскорѣ тѣмъ-же архіепископомъ съ соблюденіемъ торжественныхъ обря-

довъ, принятыхъ въ греческой Церкви, Адамъ помазывается святымъ мѵромъ и пріобщается къ восточной Церкви въ Черниговскомъ храмѣ, посвященномъ русскимъ князьямъ Св. Роману и Давиду (Борису и Глѣбу).

Принятый такимъ образомъ въ лоно восточной Церкви, Адамъ спѣшитъ въ Кіевъ, влекомый желаніемъ увидать святыя мѣста, поклониться останкамъ святыхъ, прославить Бога въ святыхъ Его, а также побесѣдовать съ архимандритомъ обители или Лавры Печерской, объ учености и привѣтливости котораго онъ много слышалъ. Прибывши въ Кіевъ, онъ былъ принятъ очень предупредительно, поклонился мощамъ святыхъ въ пещерахъ, бесѣдовалъ съ архимандритомъ и получилъ отъ него въ даръ часть мощей и святой крестъ.

Затѣмъ возвращается Адамъ въ Черниговъ. Во время его пребыванія въ этомъ городѣ вызванъ былъ сюда архіепископомъ настоятель или игуменъ Батуринскаго монастыря, называемаго обыкновенно Крупецкимъ. Такъ какъ Адамъ по случаю наступавшаго праздника Рождества Христова горѣлъ желаніемъ пріобщиться Св. Таинъ, чтобы возстановить и умножить свои падавшія духовныя силы, то онъ отправляется съ этимъ игуменомъ въ Батуринскій монастырь съ намѣреніемъ углубиться въ самого себя, открыть и исповѣдать предъ игуменомъ грѣхи предъидущей жизни и язвы своей совѣсти и такимъ образомъ достойно приступить къ соучастію въ святой вечери Христовой. Пробывши нѣкоторое время въ этомъ монастырѣ, Адамъ надлежащимъ образомъ приготовляетъ себя къ принятію святой евхаристіи, очистивши свою совѣсть отъ грѣховъ, совершенныхъ въ теченіи всей предъидущей жизни, исповѣдавъ ихъ и оплакавъ предъ тѣмъ-же Батуринскимъ игуменомъ. Такимъ образомъ 25 декабря стараго стиля, въ день Рождества Господня, въ первый разъ въ восточной Церкви сподобляется онъ духовной пищи и питья, т. е. тѣла и крови Спасителя нашего Іисуса Христа въ томъ-же Батуринскомъ монастырѣ.

Въ то время, какъ Адамъ совершаетъ эти дѣла благочестія, слухъ о томъ, кто онъ и откуда, доходитъ до Малороссійскаго гетмана, который тогда имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Бату-

ринѣ. Не разъ приглашали Адама къ гетману, и многое тутъ высказывалось съ той и другой стороны. Между прочимъ Адамъ намекнулъ, что ему хочется попасть въ Москву и поступить на службу къ Московскому царю. Гетманъ не одобрилъ этого намѣренія и сталъ убѣждать Адама поступить лучше на службу къ нему, говоря, что тотъ не найдетъ въ Москвѣ лучше мѣста, чѣмъ у него, что для него важно удержать при себѣ такого человѣка, который можетъ помогать ему въ военномъ дѣлѣ, а потому онъ дастъ ему хорошее содержаніе, будетъ его ласкать и кормить. Много соображеній побуждали Адама склониться на предложеніе гетмана; поэтому, оставивши всякіе иные замыслы, онъ остановился на службѣ у гетмана и рѣшилъ не оставлять его. Возвращается онъ въ Черниговъ и сообщаетъ архіепископу о своихъ сношеніяхъ съ гетманомъ. Архіепископъ желаетъ ему всякаго благополучія на новомъ пути и даетъ ему письмо къ гетману, въ которомъ рекомендуетъ Адама съ самой лучшей стороны. Собравши свои пожитки, которыя оставлялъ въ Черниговѣ, и распрощавшись съ архіепископомъ, отправляется Адамъ въ Батуринъ и отдаетъ себя въ распоряженіе гетмана.

Съ тѣхъ поръ, обнаруживая свою дѣятельность въ разныхъ занятіяхъ, Адамъ продолжаетъ ревностно заниматься литературными трудами, которымъ обыкновенно всегда предавался до поступленія на службу. Ибо, выражаясь словами Плинія, «въ томъ заключалась его дѣятельность и его досугъ, на то шелъ его трудъ и его покой, на то полагалъ онъ свое бодрствованіе и свой сонъ, чтобы создать что-нибудь такое, что онъ всегда могъ считать своимъ».

Оставимъ въ сторонѣ тѣ труды Адама, которые онъ выполнялъ, чтобы угодить гетману, и которые заключались въ изготовленіи разныхъ плановъ, нужныхъ въ военномъ дѣлѣ,—о чемъ онъ всюду упоминаетъ въ своемъ дневникѣ. Какое значеніе и какую важность имѣли эти труды, мы не можемъ судить, такъ какъ ихъ не видѣли, да и если-бы видѣли, ничего про нихъ сказать не могли-бы. Достаточно привести два совершенные Адамомъ труда: одинъ— «объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца»,—другой, въ которомъ онъ опровергаетъ книгу іезуита

Рутки объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына. Оба эти труда такъ выполнены, что совершенно справедливо и заслуженно характеризуются Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, знаменитымъ и ученымъ архіепископомъ Новгородскимъ, слѣдующимъ образомъ: «Адамъ Зерникавъ издалъ противъ латинянъ одно огромное сочиненіе и другое, въ которомъ разбилъ книгу іезуита Ѳеофила Рутки; то и другое исполнены такой учености, что ничего больше не осталось сказать по данному вопросу, ничего рѣшительно нельзя больше желать».

Изъ нихъ первый, извлеченный изъ пыли и плѣсени, впервые издается въ свѣтъ; второй-же еще тлѣетъ и покрывается плѣсенью.

Въ заключеніе слѣдовало-бы хотя кратко и отрывочно приступить къ разсмотрѣнію остальной поры жизни Зерникава и сказать: какъ долго Адамъ оставался при своемъ гетманѣ, до какихъ лѣтъ онъ дожилъ,—въ какомъ званіи и положеніи провелъ остатокъ своихъ дней, когда, гдѣ и какъ закончилъ теченіе своей жизни; однако, такъ какъ обо всемъ этомъ самъ Адамъ въ написанномъ имъ разсказѣ о своей жизни ничего не упомянулъ вовсе и своего разсказа до конца не довелъ, или не могъ довести, то и мы ничего достовѣрнаго объ этихъ моментахъ его жизни не можемъ сказать. Судя по нѣкоторымъ непровѣреннымъ слухамъ, Адамъ въ концѣ жизни принялъ монашество (какъ объ этомъ мы говорили въ предисловіи),—по словамъ однихъ въ Батуринскомъ или Крупецкомъ монастырѣ, а по другимъ—въ великой обители Кіевской, всему міру извѣстной мощами святыхъ, почивающихъ въ ея пещерахъ. Въ монашескомъ чинѣ онъ и освободился отъ узъ тѣла, какъ изъ темницы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ*),

въ которой показывается, какъ св. восточные Отцы первыхъ десяти вѣковъ единомысленно и единодушно вѣровали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

При изслѣдованіи какого-нибудь догмата каѳолической Церкви прежде всего и главнымъ образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду согласное ученіе о немъ св. Отцовъ. Опираясь на ихъ писанія, св. вселенскіе Соборы утвердили истинную вѣру во Христа вопреки измышленіямъ ересиковъ. Изъ этихъ-же отеческихъ писаній мы можемъ знать, что думали вселенскіе Соборы объ остальныхъ догматахъ вѣры, такъ какъ они нерѣдко ссылаются на Отцовъ и заявляютъ, что во всемъ имъ слѣдуютъ. Да иначе и быть не могло: ибо, отдѣленные другъ отъ друга разстояніемъ и времени, и мѣста, Отцы не могли по соглашенію между собою измыслить какую-нибудь ложь и учили только тому, что сами узнали по преданію отъ своихъ предшественниковъ.

Вотъ почему тотъ, кто намѣренъ разсуждать объ исхожденіи Св. Духа, долженъ прежде всего перечитать сочиненія св. Отцовъ, чтобы изъ ихъ яснаго и твердаго ученія вывести всеобщій догматъ вселенской Церкви. Съ послѣдовательнаго въ порядкѣ времени разсмотрѣнія ученія св. Отцовъ мы и начинаемъ наше изслѣдованіе объ этомъ догматѣ.

Кромѣ первыхъ двухъ вселенскихъ Соборовъ, оставившихъ намъ только въ краткихъ выраженіяхъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа, остальные Соборы этого догмата почти не касаются;—

*) Въ подлинникѣ части труда Зернкава носятъ названіе tractatus (изслѣдованіе); умѣстнѣе назвать ихъ сообразно съ современными литературными пріемами—главами.

они лишь подтверждают изложеніе вѣры предшествующихъ Соборовъ, или повторяютъ св. Символъ. И понятно почему: на этихъ Соборахъ рѣшенію подлежали вопросы, касающіеся домостроительства нашего спасенія, или церковнаго преданія, а не подвергался преніямъ какъ на первыхъ двухъ, догматъ о единствѣ Св. Троицы. Посмотримъ теперь, какъ объ этомъ догматѣ учили Св. Отцы, изъ которыхъ одни стали знамениты на востокѣ, другіе на западѣ. Начнемъ нашъ обзоръ съ разсмотрѣнія ученія объ исхожденіи Св. Духа восточныхъ Отцовъ въ то время, когда они находились въ общеніи и согласіи съ западными.

I вѣкъ.

Святый Евангелистъ Маркъ, первый епископъ Александрійскій, въ своей Литургіи [1]) (томъ II библіотеки греческихъ Отцовъ, греко-латинскаго Парижскаго изданія 1624 года, стр. 37) говоритъ: «молимъ и призываемъ Тебя, благій Человѣколюбецъ, ниспошли съ Твоей святой небесной высоты, съ готоваго жилища Твоего, изъ неописанныхъ нѣдръ Твоихъ Самого Утѣшителя Духа истины, Господа животворящаго, Который единосущенъ Тебѣ, исходитъ отъ Тебя, сидитъ на престолѣ царства Твоего вмѣстѣ съ Тобою и съ единороднымъ Сыномъ Твоимъ, Господомъ и Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ». Ясно, что Евангелистъ Маркъ говоритъ о Богѣ Отцѣ, когда прибавляетъ: «Который сидитъ на престолѣ царства Твоего съ единороднымъ Твоимъ Сыномъ», слѣдовательно учитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного Отца, а не вмѣстѣ также и отъ Сына. Насколько-же слова Отцовъ, въ которыхъ упоминается Одинъ только Отецъ, въ вопросѣ объ исхожденіи Святаго Духа противорѣчатъ латинянамъ и показываютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца,—это мы увидимъ въ концѣ настоящей главы.

---

[1]) Литургія Св. Марка, хотя считается апокрифическою, но многими принимается такъ-же, какъ и другія литургіи, носящія имя апостоловъ. Латинскіе писатели считаютъ ее достойною занять мѣсто «среди древнихъ памятниковъ Церкви и книгъ православныхъ Отцовъ» (Вильгельмъ Сирлетъ Кардиналъ). *Примѣч. переводчика.*

Слѣдуетъ замѣтить, что латиняне повредили эти слова св. Марка объ исхожденіи Святаго Духа; это видно изъ латинскаго изданія Библіотеки святыхъ Отцовъ, о чемъ мы будемъ говорить въ другой главѣ. Теперь достаточно замѣтить, что коль скоро латиняне извращаютъ слова святыхъ Отцовъ, въ которыхъ послѣдніе учатъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, не прибавляя: «и отъ Сына», то ясно, что подобныя слова святыхъ Отцовъ совершенно противорѣчатъ ученію объ исхожденіи Святаго Духа «отъ Сына»; въ противномъ случаѣ они не нуждались бы въ поддѣлкѣ или поправкѣ.

Святый Іаковъ, Апостолъ и первый епископъ Іерусалимскій, въ книгѣ I «Воспоминаній», приписываемой Клименту Римскому или какому-то другому автору (стр. 20 Кельнскаго латинскаго изданія 1570 года) говоритъ: «не думайте, что мы признаемъ двухъ нерожденныхъ Боговъ, или одного, раздѣлившагося на два, или, какъ утверждаютъ нечестивые, что Одинъ и Тотъ-же Богъ сталъ мужескимъ и женскимъ своимъ началомъ; но мы утверждаемъ, что Единородный Сынъ Божій несказанно родился не изъ иного начала, но отъ Него (Отца). Подобнымъ образомъ мы утверждаемъ и объ Утѣшителѣ». Не изъ иного начала, говоритъ Св. Іаковъ, но отъ Отца происходитъ какъ Сынъ Божій, такъ и Духъ Святый. Слѣдовательно, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, подобно тому какъ Сынъ рожденъ отъ Одного только Отца.

Святый Діонисій Ареопагитъ въ книгѣ «О божественныхъ именахъ» въ главѣ II (стр. 171 греко-латинскаго Парижскаго изданія 1615 года) говоритъ: «ипостаси въ отношеніи неизреченнаго божественнаго происхожденія отнюдь не смѣшиваются взаимно: одинъ только есть источникъ сверхъестественнаго Божества—Отецъ; такъ что Сынъ не есть Отецъ, ни Отецъ не есть Сынъ, но для каждаго изъ Божественныхъ Лицъ нерушимо сохраняется Ему принадлежащее поклоненіе». Св. Діонисій ясно говоритъ, что Одинъ только Отецъ есть источникъ или причина и производитель Божества, т. е. Сына и Святаго Духа. Ибо быть источникомъ, причиною, началомъ и производителемъ есть одно и то-же тамъ, гдѣ слово «источникъ» принимается въ смыслѣ

происхожденія, а не временнаго только истеченія. Слѣдовательно, отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый, а не вмѣстѣ и отъ Сына. На эти слова Діонисія и на подобныя выраженія другихъ Отцовъ, утверждающихъ, что Одинъ только Отецъ есть причина и начало Св. Духа, латиняне обыкновенно возражаютъ: подъ словами: источникъ, причина и начало святые Отцы понимаютъ источникъ, причину и начало непроизводное и потому такія слова святыхъ Отцовъ не противорѣчатъ исхожденію Святаго Духа отъ Сына, какъ причины производной, такъ какъ Онъ не отъ Себя, но отъ Отца имѣетъ свойство быть источникомъ и началомъ Духа. Неосновательность этого возраженія латинянъ мы разсмотримъ въ концѣ настоящей главы.

Далѣе тотъ-же Св. Діонисій въ срединѣ упомянутой главы (стр. 173) говоритъ: «что Отецъ есть источное Божество, а Іисусъ и Духъ, если можно такъ выразиться, суть богонасажденные отпрыски богораждающаго Божества и какъ-бы цвѣты и сверхъестественные лучи,—это мы знаемъ изъ Священнаго Писанія. А какимъ образомъ это происходитъ,—ни высказать, ни понять этого мы не можемъ». Здѣсь, безъ сомнѣнія, Діонисій снова утверждаетъ, что одинъ источникъ Сына и Святаго Духа—Отецъ; и потому какъ Сынъ родился отъ Одного только Отца, такъ и Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

Наконецъ въ началѣ той-же главы (стр. 166): «Если выраженіе: «Я (есмь) сущій» —признавать сказаннымъ не относительно всего вообще Божества и стараться отнести только къ одной сторонѣ Его, то какъ понимать такое выраженіе: «Вотъ что говоритъ Сущій, Который есть и Который придетъ вседержитель»? Или такое: «Ты Тотъ-же Самый». Или такое: «Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ».

Могутъ возразить: однако въ Галліи, апостоломъ которой былъ Діонисій, никогда такъ не вѣровали, а между тѣмъ Галлы очень усердно изучали творенія этого своего апостола. Слѣдовательно, какимъ образомъ Діонисій училъ тому, чего Галлы никогда не могли у него ни читать, ни видѣть? Какимъ образомъ Св. Діонисіемъ проповѣдывалось бы Галламъ то, слѣдовъ чего не существуетъ ни въ одной Галльской церкви? Между тѣмъ ни

одинъ народъ не издалъ столько сочиненій объ исхожденіи Святаго Духа отъ Сына, какъ именно Галлы. Они-же на Ахенскомъ соборѣ 809 года прибавили въ символѣ, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына, чего, конечно, никогда бы не сдѣлали, если-бы существовало ученіе Св. Діонисія, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца [1]).

На самомъ дѣлѣ невѣрно, будто въ Галльскихъ церквахъ никогда не существовало вѣры, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, или будто въ нихъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ этого догмата. Я умолчу о томъ, что въ первые восемь вѣковъ даже вся Галльская церковь постоянно и согласно вѣровала въ исхожденіе Святаго Духа отъ Одного только Отца. Но несомнѣнно, что когда въ самомъ концѣ восьмого вѣка нѣкоторые стали вводить въ Галльскія церкви ученіе объ исхожденіи Святаго Духа отъ Сына, то сами-же остальные Галлы строго осудили этотъ догматъ. (Это мы доказываемъ на основаніи самихъ-же латинскихъ писателей въ другой главѣ). Впрочемъ Галлы могли въ твореніяхъ Св. Діонисія не видѣть и не читать объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. Развѣ не оставались еретики слѣпыми къ словамъ самого Священнаго Писанія, а не только къ словамъ какого-нибудь Отца, хотя-бы самымъ яснымъ? Слѣдовательно, если мы повсюду видимъ, что еретики искажаютъ и представляютъ соотвѣтственно своему разумѣнію слова Священнаго Писанія, которому однако, какъ они сами соглашаются, во всемъ должно слѣдовать, какъ слову Самого Бога,—то что удивительнаго, если они дѣлали тоже со словами какого-нибудь Отца, хотя-бы и почитаемаго ими? Далѣе, тѣ изъ Галловъ, которые въ девятомъ вѣкѣ издали сочиненія въ защиту исхожденія Святаго Духа отъ Сына, были вынуждены къ тому ничѣмъ инымъ, какъ необходимостью защитить новый догматъ отъ нападокъ какъ со стороны остальныхъ латинянъ, такъ и со стороны восточныхъ писателей. Впрочемъ Галлы не въ первый разъ на Ахенскомъ соборѣ 809 года вставили въ символъ, что

---

[1]) Такъ, между прочимъ, возражаетъ Циховій въ опроверженіи Евсевія Нимена въ своемъ «Трибуналѣ»,—стр. 138.

Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Ибо изъ письма LXIX Альбина Алкуина, умершаго въ 804 году, видно, что нѣкоторые изъ Галловъ уже раньше дерзали сдѣлать это. Наконецъ самый соборъ этотъ былъ созванъ для того, чтобы прекратить начавшіеся споры по поводу сдѣланной уже прибавки. Но объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

До насъ дошли слова *Ахейскихъ клириковъ,* описавшихъ жизнь Св. Андрея,—слова, которыя, какъ они пишутъ [1]), они усвоили себѣ отъ Св. Андрея: «да вѣруютъ въ Духа Святаго, исходящаго отъ Отца и въ Сынѣ пребывающаго; да будетъ извѣстно, что Одинъ Духъ въ Отцѣ и Сынѣ и что Единородный Сынъ есть то-же, что и родившій».

Здѣсь, говоря:— «отъ Отца исходящаго», клирики, конечно, отнюдь въ словѣ Отецъ не разумѣютъ вмѣстѣ и Сына, какъ обыкновенно возражаютъ латиняне; это ясно изъ непосредственно-слѣдующей прибавки: «и въ Сынѣ пребывающаго» [2]). Слѣдовательно, уча, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, они разумѣютъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и Сына. Въ дальнѣйшихъ словахъ они хотятъ показать, что въ Отцѣ и Сынѣ— Одинъ Духъ и что Сынъ такъ-же точно Богъ, какъ и Отецъ. Это они и доказываютъ своею предпосылкою,—что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и въ Сынѣ пребываетъ. Если-бы при этомъ они вѣровали, что Духъ Св. исходитъ отъ Обоихъ, т. е. отъ Отца и Сына, то они для такого вывода взяли-бы и по отношенію къ Сыну тотъ-же средній терминъ, который употребили по отношенію къ Отцу (отъ Отца исходитъ); тогда ихъ разсужденіе имѣло-бы такой видъ: потому именно Одинъ Духъ въ Обоихъ и потому Сынъ Одинъ Богъ вмѣстѣ съ Отцомъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Того и Другого. Это было бы самое ясное доказательство, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына. Но ничего

---

[1]) Это жизнеописаніе Первозваннаго начинается такъ: «то, что мы, пресвитеры и діаконы Ахейскихъ церквей, видѣли собственными глазами» и пр.

[2]) Нѣкоторые латинскіе писатели (Бароній) пытаются доказывать, что эти слова вставлены впослѣдствіи,—но другіе ихъ опровергаютъ. *Примѣч. переводчика.*

подобнаго Ахейскіе клирики не говорятъ; отсюда очевидно, что они вѣровали въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца.

Какова, затѣмъ, была вѣра христіанъ того времени (I-го вѣка), видно изъ словъ, которыя произноситъ у *Лукіана* языческій авторъ діалога, озаглавленнаго Φιλόπατρις (Любящій отечество), осмѣивая нечестивыми и хульными словами вѣру христіанъ (стр. 121 греко-латинскаго Парижскаго изданія 1615 года). Въ этомъ діалогѣ одно лицо говоритъ другому: «кѣмъ-же я тебѣ поклянусь»? и отвѣчаетъ: «Богомъ, горѣ царствующимъ, великимъ, небеснымъ и вѣчнымъ, Сыномъ Отчимъ и Духомъ, отъ Отца исходящимъ, однимъ въ трехъ и тремя въ одномъ. Это почитай, какъ Зевса, этого признавай Бога». Итакъ даже отсюда видно, что христіане того вѣка вѣровали, что существуетъ одно только начало Сына и Духа Святаго—Отецъ и въ исхожденіи Св. Духа не соединяли Сына съ Отцомъ. Въ противномъ случаѣ вышеупомянутый авторъ не преминулъ-бы прибавить вмѣстѣ и это, желая показать, въ какомъ смыслѣ у христіанъ Тройца почиталась въ Одномъ Божествѣ и какъ одно лицо получаетъ свое начало и бытіе отъ другого.

II вѣкъ.

Святый Іустинъ [1]) *Философъ и Мученикъ* въ «Изложеніи вѣры» (греко-латинскаго Парижскаго изданія 1615 года стр. 380) пишетъ: «итакъ, мы разумѣемъ, что Сынъ родился отъ Отца такъ, какъ свѣтъ, сіяющій отъ свѣта. Такого-же понятія мы держимся о Св. Духѣ. Ибо какъ Сынъ отъ Отца, такъ и Духъ, за исключеніемъ развѣ того, что выступаетъ нѣкоторое различіе въ образѣ явленія; именно: тотъ свѣтъ вышелъ изъ свѣта чрезъ рожденіе, а этотъ свѣтъ произошелъ отъ свѣта не чрезъ рожденіе, но чрезъ исхожденіе. Такъ вмѣстѣ съ Отцомъ мы познаемъ совѣчнаго Ему, Одного и Того-же по существу, такъ мы познаемъ исходящаго отсюда безъ всякаго страданія; такъ мы познаемъ въ Тройцѣ единицу и въ единицѣ Тройцу». Желая объяснить,

---

[1]) Св. Іустинъ Философъ и Мученикъ началъ проповѣдь слова Божія около 133 г., пострадалъ въ 165 или 166 г. *Прим. перев.*

откуда какая ипостась имѣетъ свое бытіе, Іустинъ сперва учитъ, что Сынъ родился отъ Отца, т. е. отъ Одного только Отца. Потомъ, слѣдуя словамъ вышеупомянутаго Св. Апостола Іакова, прибавляетъ: такого-же понятія мы держимся и о Св. Духѣ». Слѣдовательно, онъ вѣровалъ, что и Духъ Святый равно произошелъ отъ Одного только Отца. Затѣмъ присовокупляетъ: «ибо какъ Сынъ отъ Отца, такъ и Духъ Святый, съ тою разницей, что Сынъ родился, а Духъ Святый исходитъ. Посему какъ Сынъ, говоритъ онъ, отъ Одного только Отца, такъ такого-же понятія мы держимся о Св. Духѣ. Ибо отъ Того-же Отца Сынъ и Духъ Святый; разница заключается только въ образѣ явленія, такъ какъ Одинъ раждается, а Другой исходитъ». Итакъ, здѣсь Іустинъ ясно учитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Затѣмъ онъ не знаетъ никакой другой разницы въ способѣ, по которому отъ Отца происходятъ Духъ и Сынъ, за исключеніемъ той, что Сынъ родился отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ. Если-бы дѣйствительно Духъ Святый происходилъ и отъ Сына, то, безъ сомнѣнія, было-бы указано и это различіе въ способѣ, по которому Сынъ и Духъ Святый произошли отъ Отца: т. е., что Сынъ произошелъ отъ Одного только Отца, а Духъ Святый произошелъ и отъ Сына. Слѣдовательно, такъ какъ нѣтъ никакой другой разницы въ способѣ, по которому Сынъ и Духъ Святый произошли отъ Того-же Отца, за исключеніемъ той, какая существуетъ въ различномъ образѣ явленія: то ясно отсюда, что Іустинъ никоимъ образомъ не могъ вѣровать, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Наконецъ у него здѣсь мы видимъ явное намѣреніе показать начало ипостасей и что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, отъ Котораго родился Сынъ. А что Онъ исходитъ и отъ Сына, объ этомъ Іустинъ совсѣмъ молчитъ и не знаетъ этого. Отсюда, слѣдовательно, ясно видно, что ни во что подобное онъ не вѣровалъ.

Тотъ-же Іустинъ въ началѣ вышеупомянутаго «Изложенія вѣры» (стр. 373) говоритъ: «поистинѣ Одинъ есть Богъ вселенной, Который познается въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Ибо такъ какъ Отецъ родилъ Сына изъ Своего существа и изъ Него-же произвелъ Духа, то участники одной и той-же сущности

по-справедливости удостоиваются одного и того-же Божества. Но какимъ-же образомъ, скажетъ кто-нибудь, различается рождающееся отъ рождающаго и происходящее отъ того, отъ чего происходитъ? Безъ сомнѣнія, тѣмъ, что Отецъ не рожденъ, Сынъ родился отъ Него, а Духъ Святый исходитъ». Изъ самаго начала и происхожденія ипостасей Св. Іустинъ хочетъ показать единство Божества въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Поэтому, желая показать, каково происхожденіе Сына и Св. Духа, онъ говоритъ, что Одинъ только Отецъ произвелъ и Сына, и Духа Святаго. Итакъ отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый, какъ отъ Одного только Отца родился Сынъ.

Наконецъ въ томъ-же «Изложеніи» (стр. 377) читаемъ: «иногда (Св. Апостолъ) приписываетъ Его (Св. Духа) Отцу, говоря въ одномъ мѣстѣ: вы не духа міра сего получили, но Духа, Который отъ Бога и Отца; и опять: Самъ Сынъ называетъ Его Духомъ истины, такъ какъ Самъ есть истина, и также учитъ что Онъ—Духъ Отца, именно отъ Отца исходитъ».

Аѳинагоръ [1]), христіанскій философъ, въ началѣ своей «Апологіи христіанъ» (находится также въ вышеупомянутомъ изданіи, послѣ твореній Іустина, стр. 10) говоритъ: «Сынъ есть первое рожденіе Отца, происшедшее не такъ, чтобы оно получило бытіе во времени, но чтобы быть первообразомъ и дѣйственною силою (ἰδέα καὶ ἐνέργεια) всѣхъ матеріальныхъ вещей. Мы утверждаемъ также, что и Духъ Святый, Который дѣйствуетъ въ пророкахъ, исходитъ отъ Бога (т. е. Отца, ибо о Немъ онъ (Аѳинагоръ) только что упомянулъ), подобно лучу солнечному, истекая изъ Него и къ Нему возвращаясь». Сказавши, что Сынъ родился отъ Отца, Аѳинагоръ прибавляетъ: «не только Сынъ, но и Духъ Святый отъ Того-же Отца. Сынъ есть рожденіе Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Бога». Слѣдовательно, онъ знаетъ Одного только Отца, отъ Котораго родился Сынъ и исходитъ Духъ Святый.

---

[1]) Аѳинагоръ представилъ свою апологію Марку Антонину Аврелію около 168 или около 178 года. Она переведена на русскій языкъ И. Преображенскимъ (Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ». Москва. 1867 г.) *Примѣч. переводчика.*

III вѣкъ.

Въ «Строматахъ» и въ «Педагогѣ» *Климента Александрійскаго* [1]), а также въ «Увѣщаніи (Протрептикѣ) къ язычникамъ» ничего не встрѣчается объ исхожденіи Святаго Духа; объ этомъ онъ довольно подробно говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ «о пророчествѣ» и «о душѣ»; сочиненія эти не сохранились до нашего времени. Но, какъ видно изъ пятой книги «Стромать», онъ намѣренъ былъ разсуждать о Св. Духѣ пространно въ указанныхъ сочиненіяхъ.

Въ третьемъ вѣкѣ пользовался большою извѣстностью *Оригенъ* [2]), Катехетъ Александрійскій. Въ сочиненіяхъ его нерѣдко встрѣчаются мѣста, которыя совершенно отрицаютъ единство сущности Отца, Сына и Св. Духа. Однако, какъ утверждаютъ нѣкоторые, эти мѣста принадлежатъ не самому Оригену, но вставлены въ творенія его еретиками. Покрайней мѣрѣ въ другихъ мѣстахъ онъ учитъ наоборотъ, что Сынъ родился, а Духъ Святый исходитъ изъ самаго Божества Отца. Изъ этихъ мѣстъ въ особенности заслуживаютъ вниманія тѣ, которыя встрѣчаются въ IV книгѣ Толкованія на V главу посланія къ Римлянамъ (часть II твореній, латинскаго Базельскаго изданія 1571 года, стр. 523): «Если и Духъ есть Духъ любви, и Сынъ есть Сынъ любви, и Богъ—любовь, то, конечно, надобно разумѣть, что и Сынъ и Духъ Святый—изъ одного источника—Отчаго Божества». «Изъ одного источника Отчаго Божества», учитъ Оригенъ, т. е. отъ Одного только и единаго Отца и Сынъ и Духъ Святый. И въ другомъ мѣстѣ (т. I Толкованія на Евангеліе Іоанна): «это подтверждаетъ Евангелистъ Іоаннъ, говоря: Въ началѣ было Слово. Подъ Словомъ онъ разумѣетъ Сына, Который представляется существовавшимъ въ началѣ потому, что Онъ былъ въ Отцѣ». То-же повторяетъ онъ въ десятой книгѣ бесѣдъ на различныя мѣста Новаго Завѣта (Бесѣда XXI): «Если поистинѣ начало есть отличительное наименованіе Отца, то точно такъ-же началомъ

[1]) Климентъ умеръ около 220 года.
[2]) Оригенъ жилъ между 185—252 или 254 годами.
Примѣчаніе переводчика.

Божества будетъ и одна только первая ипостась или, что то-же, Отецъ». Для каждаго, конечно, само собою очевидно, что въ данномъ случаѣ названіе «начало» примѣняется къ произведенію Божественныхъ Лицъ, а не понимается вмѣстѣ и въ отношеніи къ созданію остальныхъ тварей. Въ послѣднемъ смыслѣ называется началомъ въ Священномъ Писаніи и Сынъ.

Затѣмъ въ книгѣ первой «о Началахъ», въ концѣ второй главы (часть I вышеупомянутаго Базельскаго изданія, стр. 764) Оригенъ говоритъ: «первоначальная благость должна быть мыслима въ Богѣ Отцѣ, отъ Котораго родившійся Сынъ и исходящій Духъ Святый, безъ сомнѣнія, сохраняютъ въ себѣ природу благости, заключающуюся въ томъ источникѣ, отъ Коего родился Сынъ и исходитъ Духъ Святый». Изъ этихъ словъ снова видно, что Оригенъ признаетъ одинъ только источникъ или начало—Отца, отъ Котораго родился Сынъ и исходитъ Духъ Святый: «заключающейся въ томъ источникѣ, говоритъ онъ, отъ коего родился Сынъ и исходитъ Духъ Святый». Слѣдовательно, существуетъ одинъ и тотъ-же источникъ Сына и Св. Духа. А раньше этотъ источникъ онъ назвалъ Отцомъ. Слѣдовательно, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, подобно тому какъ отъ Одного только Отца родился Сынъ.

Въ книгѣ VII Толкованій на посланіе къ Римлянамъ, на начало VIII главы (т. II твореній, стр. 563) Оригенъ снова говоритъ: «хотя есть много сыновъ Божіихъ, по слову Писанія: я сказалъ: вы боги и сыны Вышняго,—однако по природѣ одинъ есть Сынъ и единородный отъ Отца, чрезъ Котораго всѣ получаютъ наименованіе сыновъ. Равнымъ образомъ много есть духовъ, но одинъ по истинѣ исходитъ отъ Самаго Бога и всѣмъ остальнымъ сообщаетъ благодать Своего имени и освященія».

Наконецъ въ бесѣдѣ XVII на книгу Чиселъ (т. I, стр, 239) Оригенъ выражается: «Спаситель нашъ есть рѣка, оживляющая градъ Божій, и Духъ Святый не только Самъ есть рѣка, но и у тѣхъ, кому Онъ будетъ данъ, рѣки изъ чрева ихъ проистекутъ; и Богъ Отецъ говоритъ: оставили Меня—источникъ живой воды, изъ котораго проистекаютъ эти рѣки».

Святый Григорій [1]) *Чудотворецъ* въ изложеніи вѣры, которое носитъ названіе «Κατὰ μέρος» (стр. 99 Парижскаго изданія 1621 года) говоритъ: «если кто скажетъ: какимъ образомъ Одинъ есть Богъ, если и Сынъ есть Богъ отъ Бога?—то мы отвѣтимъ: въ отношеніи начала, такъ какъ одно есть начало—Отецъ. Нечестивые снова скажутъ: какимъ образомъ не будетъ три Бога, три лица, если Они имѣютъ одно Божество? Мы отвѣтимъ: поелику Отецъ есть начало Сына, а Онъ (Сынъ) есть образъ и сѣмя Отца и не есть братъ Его; равнымъ образомъ и Духъ Святый есть Духъ Бога». Св. Григорій учитъ, что одно есть начало Сына и Духа Святаго—Отецъ, и коль скоро Сынъ вмѣстѣ съ Духомъ возвращаются къ одному этому началу, т. е. къ Отцу, то отсюда слѣдуетъ, что Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый суть единое. Слѣдовательно, Св. Григорій Чудотворецъ знаетъ одного только производителя Сына и Духа Святаго, именно—Бога Отца.

Далѣе въ изложеніи вѣры, которое, какъ свидѣтельствуетъ Григорій Нисскій въ похвальномъ словѣ Григорію Чудотворцу, онъ усвоилъ себѣ по откровенію Св. Іоанна Богослова, читаемъ: «и единъ Духъ Святый, отъ Бога имѣющій бытіе и чрезъ Сына явившійся, конечно, людямъ». Св. Григорій Чудотворецъ имѣлъ намѣреніе показать происхожденіе ипостасей съ тѣмъ, чтобы отсюда доказать, что Божество Отца, Сына и Св. Духа—одно. Но онъ учитъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, подобно тому какъ отъ Него Одного только рождается Сынъ. Слѣдовательно, Одинъ только Отецъ есть виновникъ Духа Святаго, а не и Сынъ. Затѣмъ: являться людямъ и имѣть бытіе—не одно и то-же. Въ самомъ дѣлѣ, и Духъ Святый являетъ Сына, такъ какъ «никто не придетъ въ познаніе Сына, если не будетъ просвѣщенъ Духомъ Святымъ», и такъ какъ Духъ Святый открываетъ и дѣла Сына. Вотъ почему Іоаннъ Дамаскинъ въ первой книгѣ «Православной вѣры» (въ главѣ VII-й) говоритъ: «Духъ Святый есть самостоятельная сила, которую надобно представлять въ собственной ипостаси,—сила, отъ Отца и въ Словѣ почивающая и Его

[1]) Григорій Чудотворецъ родился въ 215 г.,—обращенный въ христіанство и обученный Оригеномъ, онъ сталъ потомъ епископомъ Неокесарійскимъ въ 240 г. Скончался въ 265 г. *Прим. переводчика.*

проявляющая». А передъ этимъ замѣчаетъ: «Духа разумѣемъ сопутствующимъ Слову и проявляющимъ Его дѣла, а не дыханіемъ, неимѣющимъ самостоятельности». Однако ни въ коемъ случаѣ Духъ Святый не есть причина Сына. Затѣмъ явленіе людямъ есть дѣло внѣшнее, совершающееся притомъ во времени; между тѣмъ производить по отношенію къ Божеству (in divinis) есть дѣло Божіе внутреннее и прежде всѣхъ вѣковъ совершается. Слѣдовательно, совершенно различныя вещи: являться людямъ и имѣть начало. А Св. Чудотворецъ въ приведенныхъ словахъ говоритъ, что Духъ Святый имѣетъ начало только отъ Отца, а не также и отъ Сына; Онъ только является людямъ чрезъ Сына. Слѣдовательно, этимъ онъ совсѣмъ исключаетъ Сына изъ участія въ произведеніи Духа Святаго. Ибо если-бы онъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то онъ не утверждалъ-бы, что Отецъ и Сынъ имѣютъ различный образъ по отношенію къ Духу Святому, но, конечно, приравнялъ-бы Сына къ Отцу въ произведеніи Духа Святаго.

Могутъ сказать [1]): не слѣдуетъ греческое слово τὸ πεφυκέναι относить только къ временному обнаруженію, такъ какъ Святые Отцы нерѣдко говорятъ, что Духъ Святый называется Духомъ Сына по той причинѣ, что Онъ явился (πεφυκώς) чрезъ Сына, между тѣмъ Духъ Святый есть Духъ Сына отъ вѣчности [2]). Справедливо, дѣйствительно, что иные святые Отцы въ особенномъ смыслѣ признавали, что Духъ Святый открывается чрезъ Сына отъ вѣчности; но ужели отсюда слѣдуетъ, что въ вышеприведенныхъ словахъ Св. Григорій Чудотворецъ говоритъ о вѣчномъ, а не о временномъ обнаруженіи? Вѣдь въ нихъ самъ онъ τὸ πεφυκέναι ясно относитъ къ временному обнаруженію. Затѣмъ логически не основателенъ такой выводъ: Духъ Святый называется Духомъ Сына, потому что Онъ открывается чрезъ Сына; слѣдовательно, такъ какъ Духъ Святый есть Духъ Сына отъ вѣчности, то и откровеніе Его чрезъ Сына вѣчно. Такъ,

---

[1]) Такъ возражаетъ Циховій въ своемъ изслѣдованіи «объ исхожденіи Св. Духа», вопросъ 6-й, стр. 58.

[2]) Ошибочно здѣсь польскій іезуитъ Циховій написалъ πεφυκέναι (родиться) вмѣсто πεφηνέναι—явиться и πεφυκὼς (рожденный) вмѣсто πεφηνὼς (явившійся). Такъ съ него списалъ и Зерникавъ. *Прим. пер.*

напр., и Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ словѣ о субботѣ говоритъ, что Духъ называется Духомъ Сына, потому, что Онъ отъ Сына сообщается вѣрнымъ. «Духъ, говоритъ онъ, называется Духомъ Сына, потому что Онъ явился чрезъ Сына и сообщенъ твари». Однако не могъ Духъ Святый сообщаться твари отъ вѣчности, такъ какъ она тогда еще небыла сотворена. Но хотя изліяніе Святаго Духа не предвѣчное, а происходитъ во времени, какъ совершилось и откровеніе Его людямъ чрезъ Сына; однако отсюда вытекаетъ справедливо и основательно, что Духъ Святый называется Духомъ Сына. Ибо Духъ Святый не могъ быть удѣленъ вѣрующимъ изъ сущности Сына, не могъ быть Сыномъ объявленъ, какъ Единый Богъ съ Отцомъ и съ Нимъ, если Онъ (Св. Духъ) не былъ Духомъ Сына, т. е. не былъ единосущенъ Сыну.

Могутъ далѣе сказать: слова Св. Григорія Чудотворца, что Духъ Святый является людямъ чрезъ Сына, не противорѣчатъ вѣчному Его исхожденію отъ Сына, ибо временное явленіе предполагаетъ вѣчное [1]). Но здѣсь Святый Чудотворецъ, исключая всякое иное явленіе, даетъ понять, что слова его нужно понимать по отношенію только къ временному явленію; и если явленіе Духа Святаго чрезъ Сына понимать въ смыслѣ исхожденія Его отъ вѣчности, то въ данномъ случаѣ, какъ мы видѣли, Св. Чудотворецъ рѣшительно исключаетъ Сына изъ участія въ произведеніи Св. Духа.

Далѣе, какимъ образомъ, спрашивается, временное явленіе необходимо предполагаетъ вѣчное? Вѣдь Духъ Святый, конечно, открываетъ Сына во времени. Ужели-же отсюда слѣдуетъ, что явленіе Сына чрезъ Духа Святаго совершается отъ вѣчности? Безъ сомнѣнія этого никогда не могли утверждать латиняне, понимающіе предвѣчное явленіе въ смыслѣ исхожденія.

Приводятъ и такое возраженіе: изъ сочиненій Кирилла Александрійскаго извѣстно, что слово «πεφυκώς» означаетъ скорѣе рожденный, существующій, истекающій, чѣмъ явленный. Что-же выходитъ? Кириллъ слово «πεφυκώς» употребляетъ въ значеніи «рожденный»; слѣдовательно, слово «πεφυκώς» естественно означаетъ скорѣе рожденный, чѣмъ явившійся? Безъ сомнѣнія и

1) Такъ возражаетъ тотъ-же Циховій тамъ-же.

слово «посланіе» Сына Св: Кириллъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., во II-й книгѣ, въ главахъ III и V-й толкованія на ев. Іоанна, а также въ V-й главѣ IV-й книги того-же толкованія на Іоанна, употребляетъ въ значеніи «рожденіе» Сына; ужели-же отсюда слѣдуетъ, что слово «быть посланнымъ» скорѣе означаетъ быть изведеннымъ и рожденнымъ, чѣмъ временно быть посланнымъ? Никогда, затѣмъ, этотъ смыслъ въ приведенныхъ словахъ Св. Григорія Чудотворца не могъ имѣть мѣста. Ибо какой былъ-бы смыслъ въ словахъ: Духъ Святый чрезъ Сына изведенъ или рожденъ людямъ, рожденъ, повторяю, людямъ?

Тотъ-же Св. Григорій Чудотворецъ въ отрывкѣ «о Тройцѣ» (изданномъ въ «Аугсбургской Библіотекѣ» въ 1608 году вмѣстѣ съ сочиненіемъ о Тройцѣ, которое приписываютъ Св. Кириллу Александрійскому) говоритъ: «Отецъ раждаетъ Сына и есть Отецъ, и Сынъ рожденный есть Слово и остается Сыномъ,—равнымъ образомъ и Духъ Святый, Который исходитъ отъ Отца, есть Духъ Святый, чрезъ Котораго все освящается».)

Кромѣ того, въ «Изложеніи вѣры противъ Елпиандa» (на 101-й страницѣ твореній вышеприведеннаго Парижскаго изданія) Григорій говоритъ: «Богъ Отецъ имѣетъ также совершеннаго Духа Святаго, отъ Бога чрезъ Сына изліяннаго на усыновленныхъ сыновъ, живаго и животворящаго, святаго и освящающаго тѣхъ, которые принимаютъ Его не какъ дыханіе, издаваемое человѣкомъ, не чрезъ себя существующаго, но отъ Бога живущаго». Отъ Бога, т. е. отъ Отца, такъ какъ Григорій Чудотворецъ Духа Святаго называетъ изліяннымъ отъ Бога чрезъ Сына, гдѣ, конечно, подъ Богомъ разумѣетъ Отца. Наконецъ тамъ-же онъ говоритъ: «такъ какъ Отецъ пребываетъ нерожденнымъ, Сынъ-же рожденъ отъ Отца чрезъ истинное рожденіе, а не чрезъ твореніе по желанію,—и Духъ Святый изъ сущности Отца чрезъ Сына вѣчно исходитъ и имѣетъ силу освящать всю тварь». А въ какомъ смыслѣ Духъ Святый признается посылаемымъ отъ вѣчности Отца чрезъ Сына (чрезъ Сына именно), это я покажу въ другомъ мѣстѣ, когда возраженія, взятыя изъ писаній восточныхъ Отцовъ, буду опровергать собственными словами этихъ святыхъ Отцовъ.

IV вѣкъ.

Боровшаяся дотолѣ съ жесточайшими гонителями христіанъ, каѳолическая Церковь не могла достигнуть того благополучія, какимъ она заблистала при императорахъ христіанахъ. Поэтому послѣдующія времена были гораздо богаче и учеными мужами, которые оставили намъ свои произведенія. Между ними первымъ является *Святый Аѳанасій* [1]) *Исповѣдникъ* и самый твердый защитникъ единства Божественности Отца и Сына противъ Аріанъ. Въ греко-латинскихъ изданіяхъ твореній Св. Аѳанасія встрѣчается одно сочиненіе, озаглавленное «Двадцать вопросовъ». Если-бы принадлежность этого сочиненія Св. Аѳанасію была такъ-же несомнѣнна, какъ не подлежитъ сомнѣнію изложенная въ немъ вѣра относительно исхожденія Св. Духа, то отсюда можно было-бы привести противъ латинянъ превосходное и рѣшительное доказательство исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца. Но эти «Вопросы» суть твореніе не Аѳанасія, а Геннадія, перваго патріарха захваченнаго Турками Константинополя, ибо его «разговоръ о христіанской вѣрѣ» тождественъ съ упомянутыми вопросами, такъ что для изслѣдователей принадлежность этихъ сочиненій одному и тому-же лицу становится очевидною. Но и Петръ Фелькманнъ, который первымъ издалъ въ Гейдельбергѣ въ 1600 г., въ числѣ твореній Аѳанасія, эти вопросы, въ собраніи различныхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, говоритъ (стр. 90): «такъ какъ они (т. е. вопросы) были найдены цѣликомъ (за исключеніемъ символа) въ концѣ твореній блаженнаго Аѳанасія, во второмъ спискѣ, которымъ я воспользовался въ первомъ томѣ,— то посему я и помѣстилъ ихъ здѣсь, не смотря на то, что въ нихъ не обозначено ни имя автора, ни заглавіе». Такимъ образомъ вопросы эти въ самой рукописи не имѣли заглавія и не были обозначены именемъ Аѳанасія, такъ что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторомъ ихъ нужно признать Геннадія. Тѣмъ не менѣе изъ другихъ мѣстъ вполнѣ достовѣрно извѣстно,

[1]) Аѳанасій называется также Великимъ; родился около 300 г., взошелъ на Александрійскую каѳедру въ 326 г.; умеръ около 373 года. *Прим. переводчика.*

что Аѳанасій вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца. Такъ, въ сочиненіи своемъ «о вѣчной сущности Сына и Духа Святаго» — противъ послѣдователей Савеллія (помѣщено въ первомъ томѣ твореній его, изданныхъ въ 1627 году въ Парижѣ на греческомъ и латинскомъ языкахъ, стр. 651) онъ выражается такъ: «мы отличаемся и отъ іудействующихъ, которые превращаютъ христіанство въ іудейство, и отъ тѣхъ, которые, отрицая Бога отъ Бога, признаютъ единаго Бога, такъ-же какъ и іудеи, и которые утверждаютъ, что Одинъ только есть Богъ (т. е. Отецъ, по слову Спасителя, Іоан. XVII) не потому, что Онъ Одинъ только есть нерожденный и Одинъ только Онъ источникъ Божества, но потому, что Его считаютъ скорѣе безплоднымъ, чѣмъ способнымъ родить живое Слово и истинную Мудрость». Здѣсь Аѳанасій говоритъ: что Одинъ только Богъ называется Отцомъ, потому что Онъ Одинъ есть источникъ Божества, т. е. Сына и Св. Духа. Слѣдовательно, Одинъ только Отецъ есть производитель Сына и Св. Духа. Далѣе онъ учитъ, что Отецъ обозначается собственно Своимъ именемъ Начало, когда Евангелистъ Іоаннъ (гл. I) говоритъ: «Въ Началѣ бѣ Слово»; такъ въ началѣ V рѣчи противъ Аріанъ (т. I, стр. 501) Аѳанасій говоритъ: «По слову Іоанна, въ томъ-же Началѣ (Отцѣ) было Слово и Слово было у Бога. Ибо Богъ есть Начало, и такъ какъ Слово изъ Начала, то посему и Слово было Богъ». Но объ этомъ мы говорили уже выше по поводу подобныхъ словъ Оригена.

Въ діалогѣ I «о Троицѣ» (т. II, стр. 160) представляется такой разговоръ между несогласнымъ (ἀνόμοιος) и православнымъ (ὀρθόδοξος). Несогласный: «Развѣ нѣтъ различія между Отцомъ и Сыномъ и Св. Духомъ»? Православный: «Въ природѣ нѣтъ, въ волѣ нѣтъ; но есть различіе по свойству раждать и родиться, посылать и исходить». Несогласный: «Что значитъ раждать, родиться, производить и исходить»? Православный: «то, что Отецъ раждаетъ, т. е. родилъ, а Сынъ раждается, т. е. родился; и Самъ Отецъ посылаетъ Духа, т. е. послалъ, Духъ-же исходитъ, т. е. исшелъ». Несогласный: «Въ этомъ состоитъ различіе»? Православный: «Да».—Такимъ образомъ Аѳанасій утверждаетъ, что нѣтъ другого различія между лицами Св. Троицы, кромѣ

того, которое состоитъ въ свойствѣ раждать, родиться, производить и исходить; намѣреваясь-же показать, какимъ образомъ въ этомъ отношеніи лица различаются другъ отъ друга, онъ говоритъ, что Отецъ родилъ Сына и извелъ Духа Святаго, Сынъ только родился, а Духъ Святый исходитъ; но при этомъ о Сынѣ не прибавляетъ, что, какъ Отецъ раждаетъ и посылаетъ, такъ и Онъ раждаетъ и посылаетъ. Слѣдовательно, коль скоро Аѳанасій знаетъ одно только это различіе въ Тройцѣ, то ясно, что этимъ онъ вмѣстѣ отрицаетъ, будто Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Если-бы даже, какъ латиняне говорятъ, совсѣмъ не было никакого различія между свойствами: быть посылаемымъ и исходить, то и отсюда ясно видно, что Духъ Святый ни въ какомъ случаѣ не исходитъ отъ Сына.

Затѣмъ далѣе Аѳанасій упоминаетъ объ одной только ипостаси, именно—Отца, изъ которой исходитъ Духъ Святый; такъ, продолжая тотъ-же діалогъ, онъ говоритъ (стр. 163): Несогласный: «И мы говоримъ, что все отъ Бога». Православный: «Но иное создано какъ бы по повелѣнію Его, Сынъ-же происходитъ, какъ рожденный изъ Его ипостаси, а Духъ, какъ исходящій». Несогласный: «Ты говоришь, что и Духъ изъ ипостаси»? Православный: «Откуда-же иначе»? Несогласный: «Гдѣ написано, что одно существуетъ по повелѣнію, а другое изъ ипостаси»? И затѣмъ на стр. 176: «Отецъ не имѣетъ ни отца, ни творца, къ которому бы относилъ Свое начало, ни причины явленія, какъ-бы изъ ипостаси. Сынъ имѣетъ Отца, но творца, къ которому бы относилъ происхожденіе, не имѣетъ, ибо Онъ не сотворенъ, но рожденъ. А Духъ Святый не имѣетъ Отца: ибо Онъ не рожденъ; не имѣетъ и творца, къ которому бы относилъ Свое происхожденіе: ибо Онъ не сотворенъ; но имѣетъ причину—Бога, Коего Онъ есть Духъ и отъ Котораго исходитъ». Несогласн.: «Не происходятъ-ли отъ Него и другіе духи»? Православ.: «И мы рождены отъ Бога; но подобно тому, какъ мы, рожденные отъ Бога, не изъ нѣдръ (чрева) Его ипостаси рождены: такъ и духи, исходящіе отъ Бога, не изъ устъ Его ипостаси исходятъ. Духъ-же Святый есть Духъ изъ устъ ипостаси». Такимъ образомъ Аѳанасій прежде всего неоднократно учитъ, что Духъ Святый

исходитъ изъ ипостаси, а не изъ ипостасей, и притомъ изъ ипостаси Отца. Если-же Духа Святаго произвела одна ипостась, то, конечно, Одинъ только Отецъ есть производитель Духа Святаго, тѣмъ болѣе, что въ вышеприведенныхъ словахъ онъ прямо выразился: «ты говоришь, что и Духъ изъ ипостаси? Откуда-же иначе»? Слѣдовательно, по смыслу этихъ словъ Аѳанасія, не изъ иного чего, а изъ ипостаси Отца, или, что то-же, не изъ иной ипостаси, а изъ ипостаси Отца, или отъ Одного только Отца Духъ Святый исходитъ. И затѣмъ въ послѣдующихъ словахъ, гдѣ онъ подробно говоритъ о производителѣ Св. Духа, называетъ не Сына, но только ипостась Отца. Вотъ какъ Аѳанасій продолжаетъ: Несогл.: «Если и Сынъ изъ ипостаси и Духъ изъ ипостаси, то, значитъ, они братья»? Правосл.: «О Сынѣ говорится, что Онъ не только изъ ипостаси, но и изъ чрева; Духъ-же называется не только Духомъ изъ ипостаси, но и Духомъ устъ Его, такъ что разница заключается не въ разсужденіи происхожденія изъ ипостаси, но въ разсужденіи происхожденія изъ чрева и устъ». Аѳанасій прежде всего говоритъ, что и Сынъ и Духъ Святый изъ одной и той-же ипостаси, именно изъ ипостаси Отца: ибо изъ нея Сынъ; и онъ признаетъ только одну эту ипостась причиною Сына и Духа Святаго. Затѣмъ, если-бы онъ думалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то на вопросъ: не братья-ли они, если и Сынъ, и Духъ Святый изъ одной и той-же ипостаси?—безъ сомнѣнія отвѣтилъ-бы: братьями они не могутъ быть уже потому, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына.

Наконецъ онъ говоритъ, что Сынъ и Духъ Святый различаются не въ томъ *отношеніи*, что и Тотъ, и Другой произведены изъ одной и той-же ипостаси, но въ томъ, какимъ образомъ они изъ нея произведены: въ то время какъ Сынъ произошелъ изъ утробы, Духъ Святый изъ устъ ипостаси Отца. Если-же Сынъ и Духъ Святый различаются не въ томъ, что они произошли изъ одной ипостаси Отца, но только въ томъ, какимъ образомъ они произошли изъ одной и той-же ипостаси, то ясно, что какъ Сынъ обязанъ причиною своего появленія Одному только Отцу, такъ равно и Духъ Святый исходитъ отъ Одного только

Отца. Ибо если-бы Духъ Святый исходилъ и отъ Сына, то и Сынъ, и Духъ Святый, конечно, различались-бы въ томъ, что произошли отъ одной ипостаси. Ибо въ то время, какъ Сынъ произошелъ отъ Одного только Отца, Духъ Святый исходилъ-бы отъ Отца и, сверхъ того, отъ Сына. Къ сказанному выше Аѳанасій прибавляетъ: «какимъ образомъ Богъ раждаетъ Сына, я не пытаюсь это изслѣдовать, и какимъ образомъ посылаетъ Духа Святаго, я равнымъ образомъ не любопытствую, но я вѣрую, что Сынъ рожденъ неизреченно и безстрастно, равнымъ образомъ и Духъ Святый исходитъ неизреченно и безстрастно». Даже отсюда видно, что Аѳанасій доселѣ говорилъ объ ипостаси Отца, ибо Отецъ произвелъ Сына чрезъ рожденіе, и потому доселѣ онъ разумѣлъ одну только ипостась Отца.

Въ діалогѣ I противъ Македонія (т. II, стр. 278) Аѳанасій такъ говоритъ Македонію: «подобно тому какъ Сынъ, все имѣя въ природѣ, какъ Сынъ, говоритъ: Я ничего не дѣлаю отъ Меня Самого, чтобы начало блага относить къ Отцу; такъ и о Духѣ Святомъ слушай, какъ Онъ говоритъ: не смотря на то, что Духъ Самъ имѣетъ въ Своей природѣ все, какъ Духъ Божій, однако Онъ относитъ все къ причинѣ, говоря: не отъ Себя Онъ будетъ говорить, но будетъ говорить, что услышитъ, и грядущее возвѣститъ вамъ. И дальше: Онъ отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ. Сказалъ-же, что Онъ принимаетъ, не потому, чтобы Онъ не зналъ, но относя къ причинѣ какъ дѣятельность Духа, такъ и благодать». О Духѣ Святомъ, говоритъ Аѳанасій, утверждается, что Онъ будетъ говорить то, что услышитъ, и прочее, чтобы относить это къ причинѣ. Желая-же показать, Кто есть причина Духа Святаго, онъ именуетъ Одного только Отца: «Отъ Моего, говоритъ Онъ, возьметъ Духъ Святый; услышитъ, что будетъ говорить» [1]). О Духѣ Святомъ это говорится ради причины, т. е. Отца. Слѣдовательно, онъ вѣровалъ, что одинъ только есть производитель Духа Святаго—Отецъ. Такъ какъ латиняне эти слова Іисуса Христа: «отъ Моего пріиметъ» изъясняютъ въ подтвержденіе ученія своего объ исхожденіи Духа Святаго отъ Сына, то и

[1]) Отъ Моего пріиметъ.... елика аще услышитъ, глаголати имать. Іоан. XVI. 13. 14.

Аѳанасій, если-бы признавалъ этотъ догматъ, точно такъ-же, конечно, относилъ-бы эти слова ко Христу, а не къ Отцу; между тѣмъ онъ ясно показываетъ, что эти слова должны быть понимаемы по отношенію къ причинѣ Духа Святаго. Итакъ, коль скоро эти слова онъ понимаетъ по отношенію къ Отцу, то ясно, что онъ никоимъ образомъ не вѣровалъ, будто Духъ Святый исходитъ одинаково и отъ Отца, и отъ Сына.

Далѣе, въ «Символѣ вѣры» [1]) по греческому тексту (т. II, стр. 32) читаемъ: «Отецъ никѣмъ не созданъ, не сотворенъ и не рожденъ; Сынъ Однимъ только Отцомъ не созданъ и не сотворенъ, но рожденъ; Духъ Святый отъ Одного только Отца не созданъ, не сотворенъ и не рожденъ, но исходитъ». Съ цѣлью показать, откуда ведутъ свое начало Сынъ и Духъ Святый, Аѳанасій говоритъ, что Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ Святый такимъ-же образомъ исходитъ отъ Отца, но не и отъ Сына. Слѣдовательно, онъ вѣровалъ, что Одинъ только Отецъ одинаково есть производитель Духа Святаго и родитель Сына. Въ противномъ случаѣ въ вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа онъ упомянулъ бы, конечно, не объ Одномъ только Отцѣ. А какимъ образомъ латиняне повредили впослѣдствіи, по собственному сознанію ихъ, эти слова, я покажу это въ главѣ о поврежденіяхъ.

Возразятъ: хотя Аѳанасій и не прибавилъ словъ: «и отъ Сына», но говоря, что Сынъ отъ Одного только Отца и не говоря того-же о Св. Духѣ, онъ этимъ самымъ ясно даетъ разумѣть, что Сынъ есть отъ Одного только Отца, а Святый Духъ не отъ Одного только Отца [2]). Но не было никакой надобности, чтобы Аѳанасій съ цѣлью показать, что Духъ Святый равно исходитъ отъ Одного только Отца, какъ Сынъ раждается отъ Одного только Отца, всякій разъ прибавлялъ, что «Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца», ибо достаточно было поименовать одну ипостась Отца. Вѣдь если Духа Святаго производитъ одна ипо-

---

[1]) Безпристрастная критика признаетъ Символъ вѣры Аѳанасія подложнымъ (см. Истор. ученіе объ Отцахъ Церкви Филарета, архіеп. Черниговскаго, 1859 г. т. II, стр. 65). *Прим. переводчика.*

[2]) Такъ возражаетъ Циховій въ вопросѣ 3 «объ исхожденіи Духа Святаго», стр. 33.

стась—Отца, то, слѣдовательно, Одинъ только Отецъ понимается какъ начало Духа Святаго. Отсюда смыслъ словъ Аѳанасія получается такой: Сынъ рожденъ отъ Одного только Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ «того-же» Отца. Здѣсь, конечно, всякій видитъ, что и въ послѣднемъ предложеніи точно такъ-же должно подразумѣвать выраженіе (отъ) «Одного только»,—такъ какъ исхожденіе Духа Святаго одинаково относится единственно къ одному и тому-же Отцу, отъ Котораго родился Сынъ.

Затѣмъ въ діалогѣ III противъ Македонія (т. II, стр. 213) находимъ такой разговоръ: Македоній: «Слѣдовательно, Духъ не изъ сущности Бога»? Православный: «Вполнѣ изъ сущности». Македон.: «Слѣдовательно и Онъ также Сынъ»? Православ.: «Но Сынъ рожденъ изъ сущности и потому есть единородный Сынъ, Духъ-же изъ сущности исходитъ. Ибо написано: Духъ отъ Меня исходитъ, а не написано: раждается. И Сынъ говоритъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, а не говоритъ: Который отъ Отца раждается».

Въ діалогѣ II о Троицѣ (т. II, стр. 186) читаемъ: «Если Тотъ, Кто отъ Отца, видитъ Отца, то и Самъ Отецъ видитъ Себя Самого; а что о Немъ говорятъ и вѣруютъ, что Онъ—невидимъ, это должно быть отнесено не къ Нему Самому, не къ Сыну, Который изъ Него, и не къ Духу Святому, Который отъ Него», (т. е. Отца).

Въ діалогѣ I противъ Македонія (т. II, стр. 269): «до Отца и Сына и Духа Святаго ничего не существовало, но отъ Отца Сынъ родился и Духъ Святый исходитъ».

Въ книгѣ объ общей сущности Отца, Сына и Св. Духа, подъ заглавіемъ: «Троица единосущная» (т. I, стр. 235): «Одинъ Богъ Отецъ, отъ Котораго все: ибо и Слово отъ Него чрезъ рожденіе, и Духъ Святый чрезъ исхожденіе».

Въ посланіи къ Серапіону противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что Духъ Святый есть тварь (т. I, стр. 175), Аѳанасій говоритъ: «слѣдовательно тѣ, которые худо мыслятъ о Духѣ Святомъ, неправо мыслятъ и о Сынѣ; ибо если-бы они правильно мыслили о Словѣ Божіемъ, то они правильно мыслили-бы и о Духѣ Святомъ, Который отъ Отца исходитъ, Который принадлежитъ Сыну,

Который отъ Сына подается ученикамъ и всѣмъ вѣрующимъ въ Него». И на стр. 186: «обѣщая послать (Духа Святаго), не сказалъ, что Онъ пошлетъ Духа, но Духа истины, Который отъ Отца исходитъ». Тоже на стр. 195: «такъ какъ Одинъ Сынъ есть живое Слово, то надлежитъ, чтобы была одна совершенная, полная, освящающая и просвѣщающая жизнь, т. е. сила, способность Его и даръ, которая (жизнь) называется исходящею отъ Отца. Она возсіяваетъ, посылается и дается Словомъ, Которое мы исповѣдуемъ происшедшимъ отъ Отца». И въ концѣ посланія, на стр. 208: «сама Истина свидѣтельствуетъ, говоря: пошлю вамъ Утѣшителя, Духа истины, Который отъ Отца исходитъ, Котораго міръ не можетъ принять, то-есть, не могутъ принять отрицающіе, что Духъ отъ Отца въ Сынѣ».

Въ IV книгѣ противъ Арія (т. I, стр. 467) Аѳанасій говоритъ: «Не три начала, или трехъ Отцовъ мы вводимъ, подобно Маркіонитамъ и Манихеямъ, какъ не три солнца беремъ для сравненія, но единое солнце и его сіяніе и одинъ свѣтъ отъ солнца въ сіяніи (καὶ ἓν τὸ ἐξ ἡλίου ἐν τῷ ἀπαυγάσματι φῶς)». Аѳанасій сравниваетъ единство трехъ ипостасей съ солнцемъ и его сіяніемъ и свѣтомъ. Свѣтъ-же, посредствомъ котораго онъ обозначаетъ Духа Святаго, онъ производитъ отъ одного только солнца, а не и отъ сіянія, т. е. отъ Отца, а не и отъ Сына. Вотъ почему латиняне, такъ какъ видѣли, что это не согласуется съ ихъ мнѣніемъ, извращая самымъ недобросовѣстнымъ образомъ слова Аѳанасія, читаютъ ихъ по-латыни такъ: «и единый изъ обоихъ свѣтъ». Но о поврежденіяхъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ концѣ своего «изложенія вѣры» (т. I, стр. 242) Аѳанасій замѣчаетъ: «Духъ Святый, исходя отъ Отца, всегда пребываетъ въ рукахъ посылающаго Отца и посящаго Сына, чрезъ Котораго Онъ все наполняетъ».

Наконецъ, въ опроверженіи лжеученія Мелетія, Евсевія и Павла Самосатскаго о единосущіи [1]), въ концѣ (т. I, стр. 573)

[1]) Сочиненіе это, приписанное Св. Аѳанасію, относится къ сомнительнымъ, но оно несомнѣнно древнее и свидѣтельство его имѣетъ значеніе. *Прим. переводчика.*

говорится: «невозможно, чтобы Духъ сопрославлялся во славѣ Тройцы, если только Онъ не исходитъ отъ Бога чрезъ Іисуса, но, какъ утверждаютъ, сотворенъ Богомъ на подобіе твари».

Вотъ свидѣтельства изъ писаній Аѳанасія объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца.

Дидимъ Александрійскій во второй книгѣ о Св. Духѣ [1]), изданной вмѣстѣ съ твореніями Іеронима въ Парижѣ въ 1602 г. (т. VI, столбецъ 500), говоритъ: «итакъ, на основаніи всего сказаннаго доселѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что нетлѣнный и вѣчный по природѣ Отца и Сына Духъ Святый не можетъ быть признаваемъ однимъ изъ сотворенныхъ существъ, такъ какъ Онъ есть Духъ Божій, исходящій, какъ показываютъ слова Спасителя въ евангеліи, отъ Отца: когда придетъ, говоритъ Онъ, Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ дастъ свидѣтельство о Мнѣ». И немного дальше (столб. 501): «слова (Спасителя): Духъ Святый исходитъ отъ Отца—нужно понимать такъ, какъ Спаситель свидѣтельствуетъ о Себѣ, что Онъ ишелъ отъ Бога, говоря: Я отъ Бога ишелъ и пришелъ». И еще дальше: «итакъ по неизреченному и одною только вѣрою воспринимаемому ученію должно вѣровать, что Спаситель, какъ сказано, ишелъ отъ Бога и что Духъ истины исходитъ отъ Отца, когда Онъ говоритъ: Духъ, Который отъ Меня исходитъ. И прекрасно говоритъ: Который отъ Отца исходитъ: ибо хотя Онъ могъ сказать: либо отъ Господа, либо отъ Всемогущаго, однако не употребилъ этихъ названій, но говоритъ: отъ Отца, не потому, чтобы Отецъ былъ не то-же, что Всемогущій Богъ, было бы преступленіемъ даже помыслить это; но согласно отличительному свойству и смыслу слова «Родитель» Духъ истины признается исходящимъ отъ Него. Ибо хотя Спаситель часто говоритъ, что Онъ ишелъ отъ Бога, однако отличительное свойство и, такъ сказать, родство, о кото-

---

[1]) Это сочиненіе, какъ почти все, написанное Дидимомъ, было забыто съ теченіемъ времени. Переведено оно было Іеронимомъ, который считается его ученикомъ, на латинскій языкъ и помѣщено среди сочиненій Іеронима.—Дидимъ сталъ извѣстенъ ок. 370 г., умеръ ок. 392 г., свыше 83-хъ лѣтъ отъ роду. *Прим. переводчика.*

ромъ я уже говорилъ довольно часто, Онъ заимствуетъ Себѣ болѣе отъ слова Отецъ, говоря: Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. Итакъ, этотъ Духъ Святый, говоритъ Господь, Который отъ Отца исходитъ, засвидѣтельствуетъ о Мнѣ, представляя свидѣтельство, подобное тому свидѣтельству Отца, о которомъ Онъ говоритъ: свидѣтельствуетъ о Мнѣ Отецъ, Который послалъ Меня». Въ данномъ мѣстѣ Дидимъ изъясняетъ слова Спасителя: «когда придетъ Утѣшитель, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ»; однако, говоря такъ пространно объ исхожденіи Св. Духа, Онъ никогда не упоминаетъ о томъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, но вездѣ называетъ только Отца производителемъ Духа Святаго; уже одно это показываетъ, что Дидимъ не признавалъ исхожденія Духа Святаго и отъ Сына.

Затѣмъ тамъ-же нѣсколько далѣе (въ столбцѣ 504) читаемъ: «то, что Святый Духъ посылается Отцомъ во имя Сына, имѣя то свойство Сына, по которому Онъ есть Богъ; однако, не имѣя сыновства, такъ чтобы Онъ былъ Сынъ Его (т. е. Сына), показываетъ, что Онъ только близокъ къ Сыну». Что Духъ Святый не есть Сынъ Сына, это онъ выводитъ изъ того, что Духъ Святый только связанъ съ Сыномъ. Слѣдовательно, по той-же причинѣ Духъ Святый и не исходитъ отъ Сына; ибо въ противномъ случаѣ Онъ не только былъ бы тѣсно связанъ съ Сыномъ, но, кромѣ того, зависѣлъ-бы отъ Сына въ отношеніи причины. Очевидно, если-бы Дидимъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то въ силу этого онъ по необходимости отвѣтилъ бы: Духъ Святый не есть Сынъ Сына потому, что Онъ отъ Него не раждается, но исходитъ.

Наконецъ тамъ-же (въ столбцѣ 508) Дидимъ говоритъ: «хотя Духъ истины исходитъ Отца и Богъ даетъ Духа просящимъ у Него, однако, такъ какъ все, что имѣетъ Отецъ,—Мое, то и Самъ Духъ Отца есть Мой Духъ и отъ Моего возьметъ».

Ефремъ [1]) *Сиринъ,* діаконъ Эдесской церкви (коего значеніе въ церкви по смерти было такъ велико, что, по свидѣтель-

[1]) Ефремъ Сиринъ сталъ извѣстнымъ около 360 г., умеръ въ 378 г. Написалъ очень много разныхъ сочиненій по-сирійски; еще при жизни его они переведены были на греческій языкъ. *Прим. пер.*

ству бл. Іеронима въ книгѣ «о церковныхъ писателяхъ», сочиненія его считались вторыми послѣ Священнаго Писанія) въ словѣ: «объ исповѣди и обличеніи самому себѣ» (т. III твореній, изданныхъ въ Римѣ въ 1589 году, стр. 104) говоритъ: «такъ какъ Богъ предвидѣлъ, что никто изъ сотворенныхъ не можетъ вмѣстить Его, то безначально произвелъ изъ сущности Своей Сына и Святаго Духа не по какой-нибудь необходимости и не по какой-нибудь причинѣ». И показавши, какимъ образомъ Сынъ не сотворенъ, но истинно рожденъ отъ Отца, онъ прибавляетъ о Духѣ Святомъ: «Духъ же Святый не родился, но исшелъ изъ сущности Отца не полусовершеннымъ и не смѣшаннымъ; ибо Онъ не Отецъ иногда, а иногда Сынъ, но Духъ Святый, имѣющій полноту благости и исходящій во свидѣтельство о Божествѣ, именно что Отецъ родилъ Сына не по страсти, не во времени, не по-необходимости, безъ измѣненія и не по какой-нибудь иной причинѣ, но природою, свободною отъ всякой необходимости, которую установилъ чрезъ Свою ипостась; и желая извести и другого Общника, не Того, Котораго родилъ, но Духа Святаго, произвелъ Его изъ Своей сущности. Не прежде Сына произвелъ Духа, чтобъ не сказали мы, что хотѣніе Его подчинено необходимости. Не убоялся человѣческаго о Немъ сомнѣнія, именно въ томъ, какимъ образомъ родилъ безстрастный, имѣя въ доказательство Духа Святаго. Ибо не рождалъ (Св. Духа), извелъ Его по Своему: такъ и Сына, рождая, родилъ безстрастно по-Своему. И не умалился (Отецъ) вслѣдствіе исхожденія Святаго Духа, чтобы и рожденіе Сына не предполагали мы страстнымъ. Если-же Духа Святаго мы именуемъ послѣ Сына, то въ означеніе не времени, а Лица. Ибо одно время и Духа, и Слова. И мы вмѣстѣ съ словомъ изводимъ дыханіе. И такъ Отецъ не имѣлъ нужды во времени къ произведенію Сына, и не въ какой-нибудь промежутокъ времени, не послѣ Слова, извелъ Духа Святаго. Посему-то Божество Святой Троицы совѣчно». Св. Ефремъ подробно излагаетъ, какимъ образомъ Сынъ родился, а Духъ Святый произведенъ; такъ, говоря объ исхожденіи Св. Духа, онъ неоднократно учитъ, что Духъ Святый произведенъ только отъ Отца послѣ Сына и нигдѣ не упо-

минаетъ о томъ, что Онъ исходитъ и отъ Сына. Напротивъ, желая показать, въ какомъ отношеніи находится Сынъ къ произведенію Св. Духа, онъ не говоритъ, что Духъ Святый изведенъ отъ Сына, Котораго родилъ Отецъ, но что Онъ исходитъ послѣ Сына только отъ Отца. «Не прежде Сына, говоритъ онъ, Отецъ произвелъ Духа, чтобы не сказали мы, что хотѣніе Его подчинено необходимости». Въ данномъ случаѣ Ефремъ скорѣе сказалъ-бы, что Духъ Святый изведенъ не прежде Сына, «потому что Онъ исходитъ равно и отъ Сына», если-бы онъ вѣровалъ въ что-либо подобное: ибо этотъ отвѣтъ лучше выражалъ бы такое его вѣрованіе, былъ бы яснѣе и легче, чѣмъ когда онъ представляетъ такое основаніе своего ученія: «потому что въ противномъ случаѣ хотѣніе Его было-бы подчинено необходимости».

Наконецъ въ своемъ завѣщаніи (т. III, стр. 290) Ефремъ восклицаетъ: «если возвеличилъ я въ умѣ своемъ Бога Отца паче Сына Его, то да не помилуетъ Онъ меня. И если умалялъ я Духа Божьяго Святаго, то да покроются тьмою очи мои».

Затѣмъ, Іеронимъ въ книгѣ «о церковныхъ писателяхъ» упоминаетъ, что св. Ефремъ написалъ сочиненіе о Св. Духѣ, но его въ латинскомъ изданіи нѣтъ. Если-бы оно существовало, то изъ него больше можно было бы привести мѣстъ о вѣрѣ Каѳолической Церкви относительно исхожденія Св. Духа.

Св. Василій [1]) *Великій,* Архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, въ посланіи XLIII къ брату Григорію о различіи между сущностью и ипостасью въ Божествѣ (т. II твореній греко-латинскаго Парижскаго изданія 1618 года, стр. 808) говоритъ: «будемъ изыскивать только то, чрезъ что понятіе о каждомъ отдѣльномъ лицѣ было бы отдѣлено отъ понятій общихъ ясно и несмѣшанно. И такъ, мнѣ кажется полезнымъ вникнуть въ слѣдующее: какое бы по могуществу Божію благо съ нами ни случилось, мы говоримъ, что все есть дѣло благодати, во всемъ вседѣйствующей, по словамъ Апостола: все-же сіе производитъ Одинъ и Тотъ-же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ ему

[1]) Св. Василій родился въ 328 году; занялъ архіерейскую каѳедру въ Кесаріи въ 369 году, умеръ въ 379 году. *Прим. пер.*

угодно [1]). Вникая-же въ то, отъ Одного-ли Святаго Духа получаетъ начало обиліе благъ, которое подается достойнымъ, мы снова изъ Писанія научаемся вѣрить, что начальникъ и виновникъ обилія благъ, дѣйствующихъ въ насъ отъ Духа, есть Единородный Богъ. Ибо изъ Св. Писанія мы знаемъ, что все произошло черезъ Него и въ Немъ состоитъ [2]). Достигнувъ такого разумѣнія, будучи снова наставляемы богодухновеннымъ руководствомъ, узнаемъ, что все отъ небытія въ бытіе производится тою-же силою; однако не изъ нея безначально, а есть нѣкая сила нерожденная и безначально пребывающая, которая есть причина причины всего существующаго. Ибо отъ Отца Сынъ, черезъ Котораго все, вмѣстѣ съ Которымъ Духъ Святый познается нераздѣльно, такъ какъ никому невозможно придти въ познаніе Сына, если онъ не будетъ просвѣщенъ Духомъ. Такъ какъ Духъ Святый, отъ Котораго изливается на тварь всякое подаяніе благъ, зависитъ отъ Сына, съ Которымъ представляется вмѣстѣ и нераздѣльно, а отъ Отца, какъ причины, имѣетъ зависимое бытіе, отъ Котораго и исходитъ; то отличительный признакъ Его ипостаснаго свойства есть тотъ, что Онъ познается вмѣстѣ съ Сыномъ и отъ Отца имѣетъ бытіе. Сынъ-же, Который чрезъ Себя и вмѣстѣ съ Собою созпаетъ Духа, исходящаго отъ Отца, Одинъ единородно возсіявшій отъ нерожденнаго свѣта, по отличительнымъ своимъ признакамъ не имѣетъ ничего общаго со Отцомъ, или со Св. Духомъ, но познается изъ однихъ вышесказанныхъ признаковъ. А стоящій надъ всѣмъ Богъ Отецъ имѣетъ отличительный признакъ своей ипостаси тотъ, что Онъ есть Отецъ и ни отъ какой причины бытія Своего не заимствуетъ, и познается Онъ собственно по этому признаку. Посему мы говоримъ, что познаваемыя въ Св. Троицѣ отличія эти, конхъ представляется отличительный признакъ, при единствѣ существа Троицы, не имѣютъ никакого сходства и общности, такъ какъ каждое изъ Лицъ, передаваемыхъ намъ въ вѣрѣ, познается различно—по своимъ отличительнымъ признакамъ,—такъ что различіе ипостасей

---

[1]) Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію, коемуждо якоже хощетъ (1 Кор. XII, 11).

[2]) Вся тѣмъ быша... (Іоан. I, 3).

познается чрезъ вышеуказанныя свойства». Задача Василія Великаго показать, чѣмъ каждая ипостась отличается отъ другой, или какія отличительныя свойства каждой ипостаси. Такъ въ началѣ онъ сказалъ: «будемъ изыскивать только то, чрезъ что понятіе о каждомъ отдѣльномъ Лицѣ было бы отдѣлено отъ понятій общихъ ясно и несмѣшанно». А въ концѣ говоритъ: «различіе ипостасей познается чрезъ вышеуказанныя свойства». Отличительное свойство Духа Святаго по отношенію къ Отцу онъ полагаетъ въ томъ, что Отецъ есть причина Духа Святаго, или что Онъ исходитъ отъ Отца. Такого-же отличія Духа Святаго по отношенію къ Сыну онъ совсѣмъ не признаетъ, а утверждаетъ только, что Духъ познается вмѣстѣ съ Сыномъ. Но если-бы Василій Великій вѣровалъ въ исхожденіе Духа Святаго и отъ Сына, или во что-либо подобное, то онъ не преминулъ-бы упомянуть о такомъ-же отличительномъ свойствѣ Св. Духа и по отношенію къ Сыну, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду изложить точное ученіе объ отличительныхъ свойствахъ ипостасей. Кромѣ того, желая показать въ началѣ тѣсную связь ипостасей, въ силу которой по необходимости можно было-бы восходить отъ одной ипостаси къ другой (т. е. такъ, чтобы отсюда видно было, какія существуютъ ипостасныя отличія Лицъ Божества), онъ въ отношеніи къ Сыну говоритъ: «познавая Его, мы по необходимости восходимъ къ Отцу, такъ какъ, хотя Сынъ есть Творецъ всего, но не отъ Себя, а отъ Отца, отъ Котораго родился, имѣетъ эту силу (творить)». Раньше онъ показалъ, какимъ образомъ восходить отъ Духа Святаго къ Сыну: отъ Духа Святаго онъ восходитъ къ Сыну, а отъ Сына къ Отцу. Теперь, если-бы онъ вѣровалъ, что и Сынъ есть причина и производитель Св. Духа, то онъ прибавилъ бы: «Духъ Святый щедро подаетъ намъ дары, но въ этомъ мы познаемъ Сына, ибо Онъ не отъ Себя, а отъ Сына имѣетъ это, такъ какъ отъ Него происходитъ». Но ничего подобнаго онъ не утверждаетъ и вовсе не приписываетъ причины Духа Святаго Сыну, а только выражается: «посредствомъ Св. Духа становится извѣстенъ намъ Сынъ» въ томъ смыслѣ, что не Одинъ только Духъ Святый есть виновникъ Своихъ даровъ, но и Сынъ есть причина ихъ. И за-

тѣмъ въ дальнѣйшихъ словахъ приписываетъ причину Св. Духа именно Отцу, а не и Сыну также: «Духъ Святый, говоритъ онъ, зависитъ отъ Сына, но отъ Отца имѣетъ причину бытія». Употребляя противоположительное выраженіе: «а отъ Отца», Василій Великій показываетъ, что въ предшествующихъ словахъ онъ не разумѣетъ причины, и что не Сыну, а Отцу принадлежитъ причина бытія Св. Духа. Затѣмъ, чтобы изъяснить самое исхожденіе Св. Духа, онъ учитъ, что Духъ Святый исходитъ не и отъ Сына также, а только отъ Отца. А чтобы не считали, что и Сынъ есть вмѣстѣ причина Духа Святаго, или чтобы кто-нибудь не думалъ, что подъ словомъ «Отецъ» разумѣется и Сынъ, онъ вслѣдъ за тѣмъ ясно показываетъ, въ какомъ отношеніи Духъ Святый находится и къ Сыну, именно, что Онъ познается вмѣстѣ съ Сыномъ. Наконецъ прибавляетъ: «Сынъ по отличительнымъ Своимъ признакамъ не имѣетъ ничего общаго со Отцомъ и Св. Духомъ»; между тѣмъ Сынъ имѣлъ-бы отличительное свойство Отца въ томъ случаѣ, если-бы Онъ изводилъ Духа Святаго такъ-же, какъ и Отецъ. Да и Духу Святому несвойственно участвовать въ изведеніи другого лица.

Сторонники исхожденія Св. Духа и отъ Сына, опираются на слова: «Духъ зависитъ отъ Сына». Какимъ образомъ, говорятъ они, Духъ Святый зависѣлъ-бы отъ Сына, какъ не въ отношеніи начала? На это я сперва отвѣчаю: что Василій Великій въ указанныхъ словахъ не разумѣлъ причины,—это явствуетъ изъ того, что онъ сейчасъ-же прибавляетъ: «а отъ Отца, какъ причины, имѣетъ бытіе»; такъ какъ здѣсь онъ употребляетъ противоположительный союзъ «а» (а отъ Отца), то ясно, что въ предшествующихъ словахъ Василій Великій говоритъ не о причинѣ. Далѣе, если-бы въ вышеприведенныхъ словахъ онъ разумѣлъ причину, то смыслъ словъ Василія былъ бы таковъ: Духъ Святый отъ Сына имѣетъ причину бытія. А это было бы равносильно тому, какъ если-бы онъ сказалъ: Духъ Святый зависитъ отъ Сына, какъ отъ причины, а отъ Отца,—тоже какъ причины, имѣетъ бытіе. Какая-же связь этихъ словъ? Развѣ не пришлось-бы сказать, что святый Отецъ пустословитъ, если-бы онъ выразился такъ? Затѣмъ, вышеупомянутыми словами св. Ва-

силій хочетъ показать, каково ипостасное свойство Св. Духа. Если-бы въ нихъ онъ разумѣлъ причину, то, конечно, и въ послѣдующихъ словахъ показалъ-бы, что ипостасное свойство Св. Духа состоитъ въ томъ, что Онъ имѣетъ бытіе отъ Сына,—подобно тому какъ изъ сказаннаго здѣсь-же, что Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Отца, онъ выводитъ ипостасное свойство Св. Духа, что Онъ имѣетъ бытіе отъ Отца. Слѣдовательно, не причину онъ разумѣлъ, когда говорилъ, что Духъ Святый зависитъ отъ Сына. А какой смыслъ приведенныхъ словъ Василія, это видно изъ слѣдующаго: Василій Великій показалъ, какимъ образомъ мы можемъ найти тѣсную связь между ипостасями, посредствомъ которой съ необходимостью можно было бы восходить отъ одной ипостаси къ другой, такъ чтобы отсюда, наконецъ, видно было, каковы отличительныя свойства ипостасей. И вотъ отъ Св. Духа къ Сыну онъ восходилъ такъ: всѣ дары мы имѣемъ отъ Св. Духа, но, познавши Его, мы познаемъ вмѣстѣ и Сына Божія, такъ какъ не Одинъ только Духъ Святый подаетъ эти дары, но и Единородный Сынъ есть виновникъ ихъ. И такъ, употребляя выраженіе: «слѣдовательно, такъ какъ Духъ Святый, отъ Котораго изливается на тварь всякое подаяніе благъ, зависитъ отъ Сына», Василій Великій допускаетъ повтореніе (на это указываетъ и заключительный союзъ «ergo» —слѣдовательно) съ тою цѣлью, чтобы показать, какое существуетъ различіе между Духомъ Святымъ и прочими Лицами. Такимъ образомъ словами: «зависитъ отъ Сына» Василій Великій обозначаетъ то, что онъ сказалъ раньше, именно, что отъ Св. Духа мы восходимъ къ Сыну, такъ какъ не Одинъ только Духъ Святый есть виновникъ своихъ даровъ, но и Сынъ, «отъ Котораго», какъ онъ говоритъ раньше, «подается тварямъ всякое благо».

Далѣе, въ книгѣ V противъ Евномія (т. II, стр. 122) читаемъ: «Богъ раждаетъ не какъ человѣкъ, но раждаетъ истинно, и рожденное отъ Него есть Слово человѣческое; являетъ-же изъ Себя это Слово истинно; Онъ изводитъ Духа устами, не по человѣчески, потому что и уста Божіи не тѣлесны; но Духъ изъ Него, а не отъинуду». Что Св. Василій, говоря: «Богъ раждаетъ», разумѣетъ Отца, это ясно видно для каждаго, ибо Одинъ только

Онъ родилъ Сына; но онъ обозначаетъ только ипостась Отца, ибо только она раждаетъ Сына, сущность же не раждаетъ и не раждается. Точно такъ же прибавляя: «и производитъ Духа Святаго», онъ разумѣетъ ипостась Отца, производящаго Св. Духа. Но Василій еще прибавляетъ: «но Духъ изъ Него, а не отъинуду», т. е., какъ показано, изъ ипостаси Отца, а не отъинуду. Слѣдовательно, присовокупляя «не отъинуду» къ ипостаси Отца, онъ безъ сомнѣнія показываетъ, что все, что не есть ипостась Отца, не производитъ Духа Святаго, и что не изъ иной какой ипостаси, а только изъ ипостаси Отца исходитъ Духъ Святый: именно потому отъ Одного только Отца, что не отъинуду, и наоборотъ: потому не отъинуду, что отъ Одного только Отца.

Могутъ сказать: смыслъ словъ Василія тотъ, что изъ сущности Отца или изъ Божественной сущности, а не изъ иной произведенъ Духъ Святый. Ибо въ данномъ мѣстѣ Василій Великій споритъ противъ тѣхъ, которые утверждали, что Духъ Святый есть тварь, и поэтому противъ нихъ дѣлаетъ заключеніе, что Духъ Святый произведенъ изъ Божественной сущности или изъ сущности Отца, а не изъ иной. Но что слова эти должно понимать не относительно сущности, а относительно ипостаси Отца, это только что показано. Справедливо, конечно, что Св. Василій употребляетъ приведенныя слова противъ тѣхъ, которые изрекали хулу на Духа Святаго, называя Его тварью. Но ужели, говоря, что Духъ Святый отъ Отца, а не отъинуду, онъ разумѣетъ только сущность Отца? Безъ сомнѣнія, когда я логически заключаю, что Св. Духъ произведенъ изъ самой ипостаси Отца, то изъ этого по необходимости вытекаетъ, что Духъ Святый не есть тварь. Кромѣ того, осудивши за богохульство тѣхъ, которые утверждаютъ, что Духъ Святый есть тварь, онъ затѣмъ противъ нихъ защищаетъ самое произведеніе Божественныхъ ипостасей, вслѣдствіе котораго именно Сынъ и Духъ Святый суть Единый со Отцомъ Богъ. Поэтому-то онъ говоритъ: «Отецъ истинно раждаетъ Сына и изводитъ Духа Святаго».

Въ книгѣ III противъ Евномія (т. II, стр. 78) читаемъ: «Потомъ говоритъ (Евномій), будто-бы отъ святыхъ онъ узналъ,

что Духъ Святый есть третій по порядку и достоинству; самъ-же вѣруетъ, что Онъ есть третій и по природѣ. Но какіе святые и въ какихъ словахъ изложили это ученіе, сказать не можетъ. Бывалъ-ли когда столь смѣлый человѣкъ, вводившій новизны въ божественные догматы? Ибо если Духъ есть третій по достоинству и порядку, то какая необходимость быть Ему третьимъ и по природѣ? Что Духъ по достоинству занимаетъ второе мѣсто по Сынѣ, это, можетъ быть, передаетъ слово благочестія, но что Онъ третій и по природѣ, тому святое писаніе не научило насъ, и изъ прежде сказаннаго нельзя заключить того съ строгою послѣдовательностью. Ибо какъ Сынъ по Отцѣ второй по порядку, потому что отъ Отца, и второй по достоинству, потому что Отецъ есть Его начало и причина и потому что чрезъ Него доступъ и приведеніе къ Богу Отцу; но по природѣ—отнюдь не второй, потому что въ Обоихъ одно Божество: такъ точно, хотя и Духъ Святый по порядку и по достоинству слѣдуетъ за Сыномъ (въ чемъ мы совершенно согласны), но изъ этого еще не видно, чтобы справедливо было заключать, будто-бы Духъ Святый—иной природы». Смыслъ этихъ словъ такой: Духъ Святый по достоинству не есть второй по Сынѣ, а Сынъ по достоинству второй по Отцѣ потому, что Отецъ есть причина и начало Его бытія. Если бы Св. Василій вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то онъ въ данномъ случаѣ, безъ всякаго сомнѣнія, одинаково утверждалъ бы, что Духъ Святый по достоинству второй по Сынѣ: ибо онъ ставитъ Сына по достоинству на второе послѣ Отца мѣсто потому, что Отецъ служитъ Его началомъ и причиною. Слѣдовательно, если то, что имѣетъ отъ другого бытіе, и по достоинству занимаетъ второе мѣсто по немъ, а Духъ Святый, согласно ученію Василія Великаго, по достоинству не второй по Сынѣ, то отсюда ясно вытекаетъ, что по Василію Великому Духъ Святый не происходитъ отъ Сына. А какимъ образомъ эти слова Василія Великаго впослѣдствіи извратили латинствующіе Греки, это мы увидимъ въ главѣ о поврежденіяхъ.

Въ словѣ Св. Василія противъ Савелліанъ (т. I, стр. 608) читаемъ: «я знаю принадлежность Духа Отцу, потому что Онъ исходитъ отъ Отца, принадлежность и Сыну потому, что слышу:

если кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его» [1]). Желая показать, какое отличительное свойство имѣетъ Духъ Святый по отношенію къ Отцу и Сыну, онъ по отношенію къ Отцу учитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а по отношенію къ Сыну, что Онъ есть Духъ Христовъ. Безъ сомнѣнія, если бы Василій Великій вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то онъ по необходимости утверждалъ бы, что Св. Духъ по отношенію къ Отцу и Сыну имѣетъ одно и то-же свойство, такъ какъ Онъ исходитъ отъ Нихъ Обоихъ. Если-же онъ упоминаетъ объ иномъ свойствѣ Духа Святаго по отношенію къ Сыну, нежели какое Онъ имѣетъ по отношенію къ Отцу, то ясно, что Василій Великій не вѣровалъ, будто Духъ Святый исходитъ и отъ Сына.

Въ книгѣ V противъ Евномія (т. II, стр. 141) Василій пишетъ: «Духъ ничего не имѣетъ въ Себѣ пріобрѣтеннаго, но все имѣетъ вѣчно, какъ Духъ Божій, какъ отъ Бога явившійся, Его имѣющій причиною и какъ бы Своимъ источникомъ, изъ котораго истекаетъ. Но Онъ и Самъ—источникъ исчисленныхъ выше благъ. Истекающее-же изъ Бога—въ существѣ Божіемъ пребываетъ, а истекающія изъ Него блага суть дѣйствія Его. Сего-то Духа Святаго обильно изліялъ на насъ Богъ чрезъ Іисуса Христа». Здѣсь названіемъ «Божій» Василій обозначаетъ Отца, какъ это видно изъ послѣднихъ словъ: «Его изліялъ Богъ чрезъ Іисуса Христа». Слѣдовательно, этими словами Василій Великій учитъ, что Отецъ есть причина и источникъ Св. Духа, т. е. что Духъ Святый отъ Него исходитъ и истекаетъ. Но онъ отнюдь не прибавляетъ, что и Сынъ есть вмѣстѣ причина Св. Духа, а только говоритъ, что Онъ служитъ посредникомъ въ изліяніи Св. Духа на вѣрующихъ. Слѣдовательно—Одного только Отца онъ признаетъ производителемъ Св. Духа.

Въ посланіи LXXXVIII (т. II, стр. 891) Василій говоритъ: «мы не называемъ Св. Духа не рожденнымъ, ибо мы знаемъ одного нерожденнаго и одно начало всего существующаго—Отца Господа нашего Іисуса Христа; не называемъ Его и рожденнымъ ибо въ ученіи вѣры мы узнали, что одинъ есть Единородный.

[1]) Аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Егожъ (Рим. VIII, 9).

Но, будучи наставлены, что Духъ истины исходитъ отъ Отца, исповѣдуемъ, что Онъ—отъ Отца безъ сотворенія». Василій Великій говоритъ, что онъ узналъ изъ Свящ. Писанія, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца только, а не и отъ Сына; этимъ онъ достаточно свидѣтельствуетъ, что въ Св. Писаніи вовсе не говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, а оно именно учитъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца.

Въ книгѣ V противъ Евномія (т. II, стр. 120) читаемъ: «почему Духъ Святый не Сынъ Сыну? Не потому, что Онъ отъ Бога не чрезъ Сына, но чтобы Тройцу не почли безконечнымъ множествомъ, остановясь на той мысли, что Она имѣетъ сыновъ отъ Сыновъ, какъ бываетъ у людей. Но ты скажешь: если Сынъ —образъ Бога, а Духъ—образъ Сына, то почему-же Духъ не называется Сыномъ Сына? И это принялъ ты за самое крѣпкое основаніе для своего нечестія. Ибо приказываешь разумѣть Его или Сыномъ, или тварью. И такъ какъ Онъ не именованъ Сыномъ, то посему ты богохульно называешь тварью Того, Кто причина твари, Кто освящаетъ и обожествляетъ тварь, Кто прославляется именемъ Господа и Бога, Кто окончательно совершаетъ Божьи дѣйствія. И такъ, если Онъ кажется тебѣ недостойнымъ имени Сына, какъ чуждый Отцу и Сыну, то разсуди, какъ-же Онъ сдѣлаетъ сынами Имъ освящаемыхъ? Если ты сынъ Божій чрезъ Духа, то почему-же Духъ не можетъ имѣть сыновства? Если ты —богъ чрезъ Духа, то почему-же Духъ чуждъ Божества? Ты опять спросишь: почему-же не принялъ Онъ имени Сына? Не хочешь вникнуть въ сказанное и требуешь (объясненія) причины несказаннаго, подобно Саддукею, который не принимаетъ воскресенія, а любопытствуетъ объ образѣ воскресенія и опровергаетъ сказанное не сказаннымъ. И если мы умолчимъ, не желая быть пытливыми въ томъ, что Божье, ты подумаешь, что уничижена тобою слава Духа Божьяго, потому что не дается Ему наименованіе Сына, какъ будто нельзя и у тебя на то-же требовать отвѣта. Ибо, если ты исповѣдуешь, что чрезъ Духа тысячи дѣлаются сынами по усыновленію, то почему же Духъ не называется Сыномъ даже по усыновленію, во всякомъ случаѣ будучи совершеннѣе тѣхъ, которые чрезъ Него усыновляются по благодати? И

поэтому не тѣмъ болѣе-ли не долженъ Онъ быть унижаемъ чрезъ наименованіе? Но мы и на это, по мѣрѣ силъ, дадимъ отвѣтъ, сами для себя (потому что для тебя достаточно намъ молчать, такъ какъ на тотъ-же вопросъ обязанъ отвѣтить и ты самъ). Посему говоримъ, что сказать о Сынѣ отъ Сына, значило бы—людей, услышавшихъ объ этомъ, навести на мысль о множествѣ въ Троичности Божества. Ибо легко было-бы сдѣлать заключеніе, что какъ отъ Сына родился Сынъ, такъ отъ сего послѣдняго можетъ родиться другой, а отъ другаго еще другой, и такъ далѣе, до множества. Посему, что Духъ отъ Бога, о томъ ясно проповѣдалъ Апостолъ, говоря: мы приняли Духа, Который отъ Бога.[1]). А что Духъ явился чрезъ Сына, это Апостолъ сдѣлалъ яснымъ, наименовавъ Его Духомъ Сына, какъ и Духомъ Божіимъ, и назвавши умомъ Христовымъ, какъ и Духомъ Божіимъ, на подобіе Духа въ человѣкѣ. Но онъ остерегся назвать Его сыномъ Сына. И Одинъ Богъ-Отецъ, всегда пребывающій Отцомъ, вѣчно существующій тѣмъ, что Онъ есть. И Одинъ—Сынъ, рожденный предвѣчнымъ рожденіемъ, Который безначально присутствуетъ съ Отцомъ, истинный Сынъ Божій, всегда существующій, Который есть Богъ, Слово и Господь. И Одинъ—Духъ Святый, истинно Святый Духъ, по написанному».

Прежде всего, когда Василій предлагаетъ здѣсь вопросъ: почему Духъ не Сынъ Сыну?—то онъ испытываетъ величайшее для разрѣшенія этого вопроса, какъ для всякаго ясно, неудобство оттого, что нельзя искать причины, а просто нужно отвергнуть этотъ вопросъ. Но если-бы онъ когда-либо вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то онъ вывелъ бы себя изъ затрудненія однимъ словомъ,—онъ бы сказалъ: это происходитъ оттого, что Св. Духъ не рожденъ отъ Сына, но исходитъ. Затѣмъ другой выводъ еретиковъ: «Сынъ есть образъ Отца, а Духъ—образъ Сына; слѣдовательно: Духъ Святый—Сынъ Сыну»—онъ никоимъ образомъ не можетъ разрѣшить, а только отвергаетъ его, какъ вздорный. Но опять, если бы онъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то онъ, конечно, доказалъ бы,

---

[1]) Пріяхомъ Духа иже отъ Бога (1 Кор. II, 12).

что отсюда вытекаетъ одинъ только выводъ: что Духъ производится Сыномъ, и нѣтъ никакой необходимости, чтобы Онъ также рождался отъ Сына; и этимъ отвѣтомъ безъ всякаго труда разрѣшилъ бы выставленный противъ него выводъ. Далѣе онъ утверждаетъ, что Духъ Святый не Сынъ Сыну потому, что если бы отъ Сына раждался Сынъ, то людямъ казалось бы, что отъ Святаго Духа опять долженъ бы родиться другой Сынъ. Въ силу такого соображенія и по мысли Василія Великаго отсюда также вытекаетъ, что Сынъ никоимъ образомъ и не производитъ Св. Духа. Ибо подобно тому, какъ, если бы Сынъ раждалъ другого Сына, людямъ могло бы казаться, что и Духъ Святый долженъ бы родить другого Сына, точно такъ-же, если-бы Сынъ и производилъ другого Сына,—одинаково могло-бы услышавшимъ это казаться, что въ свою очередь и Духъ Святый долженъ бы производить другого: основаніе для такого заключенія одно и то же. Поэтому, какъ если бы Сынъ раждалъ Св. Духа, то можно было бы думать, что Духъ Святый и въ свою очередь раждаетъ другого: по той же причинѣ, если Сынъ производитъ Св. Духа, одинаково могло бы казаться, что Духъ Святый производитъ другого. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что Св. Василій Великій считалъ невозможнымъ какъ рожденіе Св. Духа отъ Сына, такъ и исхожденіе.

Но въ данномъ случаѣ Василій Великій предлагаетъ вопросъ: «почему Духъ Святый не Сынъ Сыну»? не потому, чтобы этотъ вопросъ поднимался православными, но потому, что еретики утверждали, что если Духъ Святый не Сынъ Сыну, то Онъ—тварь. Вотъ слова Василія: «и это принялъ ты за самое крѣпкое основаніе для своего нечестія. Ибо приказываешь разумѣть Его или Сыномъ (т. е. Сына), или тварью. И такъ какъ Онъ не именуется Сыномъ, то посему ты богохульно называешь (Его) тварью». На этотъ вопросъ Василій отвѣчаетъ: «не потому Духъ Святый не Сынъ Сыну, что Онъ отъ Бога не чрезъ Сына, но чтобы Троицу не почли имѣющею Сыновъ отъ Сыновъ». Словами: «не потому, что Онъ отъ Бога не чрезъ Сына» обозначается ничто иное, какъ только то, что Духъ Святый не чуждъ Отцу и Сыну,—такъ какъ именно отъ Отца, какъ отъ причины,

чрезъ Сына, т. е. послѣ того какъ былъ рожденъ Сынъ, исходитъ истинный Богъ, единый съ Отцомъ и Сыномъ. Еретики отрицали, что Духъ Святый есть Богъ, и говорили, что Онъ чуждъ Отцу и Сыну, потому что Онъ—не Сынъ Сыну. Точно такъ же Василій Великій никакими другими словами не могъ выразить того, что Духъ Святый не чуждъ ни Сыну, ни Отцу, какъ только упомянувши о Его вѣчномъ исхожденіи, такъ какъ только вслѣдствіе этого исхожденія Духъ Святый есть истинный Богъ, единый съ Отцомъ и Сыномъ. Въ силу такихъ соображеній сами собою падаютъ тѣ возраженія, какія латиняне обыкновенно представляютъ, почерпая ихъ изъ даннаго мѣста Василія.

Вотъ эти возраженія: прежде всего говорятъ [1]), что Василій не могъ предложить вопроса: почему Духъ Святый не Сынъ Сыну, если-бы Онъ исходилъ отъ Одного только Отца, а не и отъ Сына. Но, какъ сказано, Василій не самъ возбуждаетъ этотъ вопросъ, а занимается имъ потому, что еретики утверждали, будто Духъ Святый есть тварь, на томъ основаніи, что Онъ не Сынъ Сыну.

Далѣе выставляютъ на видъ, что въ рѣшеніи этого вопроса Отцы встрѣчаютъ большое затрудненіе, между тѣмъ какъ если-бы они вѣровали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, то они могли-бы вывести себя изъ затрудненія однимъ словомъ, отвѣтивши: Духъ Святый не Сынъ Сыну потому, что Сынъ не есть начало Св. Духа. На это возраженіе мы отвѣтили выше. И прежде всего, если-бы Василій вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то по необходимости указалъ бы, что Духъ Святый не Сынъ Сыну потому, что Онъ отъ Сына не раждается, но исходитъ. Затѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ: почему Духъ Святый не Сынъ Сыну?—Василій могъ бы, хотя бы и не логично, отвѣтить: потому что Сынъ не есть производитель Св. Духа; точно такъ-же, какъ на вопросъ: почему Ангелы—не творцы міра? могъ бы отвѣтить: потому что Ангелы—не производители міра. Говоримъ: не логично. Ибо коль скоро Духъ Святый называется Сыномъ Сына, то этимъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается, что Сынъ есть начало Его; такъ что, безъ сомнѣ-

[1]) Беллярминъ:—кн. II «о Христѣ»,—и другіе.

нія, вышеупомянутый вопросъ не можетъ быть основательно разрѣшенъ, если ты отвѣтишь: потому что Сынъ не есть начало Св. Духа. Ибо вопросъ: не Сынъ-ли Сыну Духъ Святый? совершенно равносиленъ вопросу: не производится-ли Духъ Святый Сыномъ, какъ это видно изъ приведеннаго примѣра. Далѣе и еретики, утверждая, что Духъ Святый не производится Сыномъ, никогда не понимали этого выраженія иначе, какъ въ смыслѣ рожденія, чтобы отсюда вывести заключеніе, что Духъ Святый чуждъ Сыну. И никогда св. Василію, даже во снѣ, не приходило на мысль, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Слѣдовательно, какимъ образомъ Василій на вышеупомянутый вопросъ еретиковъ могъ отвѣтить: потому что Сынъ не начало Св. Духа, если онъ не представлялъ себѣ никакого другого способа произведенія Св. Духа, какъ именно рожденіе?

Затѣмъ возражаютъ: если въ отвѣтѣ св. Василія: «не потому, что Онъ отъ Бога не чрезъ Сына» предлогъ «чрезъ» (διὰ) указываетъ не на причину, а равносиленъ по значенію предлогу «съ» (σὺν), то онъ ничего не сказалъ. Ибо въ такомъ случаѣ никто не могъ-бы думать, что Онъ—Сынъ Сыну, но скорѣе долженъ былъ-бы думать, что Онъ—Братъ Сыну. Но уже раньше сказано, въ какомъ смыслѣ Василій Великій употребляетъ эти слова: ошибочно думать, будто онъ употребляетъ эти слова съ цѣлью показать ими, что кто-нибудь могъ предполагать, будто Духъ Святый—Сынъ Сыну.

Указываютъ опять на то, будто отвѣтъ Василія Великаго заключаетъ въ себѣ такой смыслъ: Духъ—отъ Сына, однако не по способу рожденія, а по иному способу произведенія, и потому Онъ не называется Сыномъ Сына. Но на какомъ основаніи утверждаютъ, будто таковъ смыслъ отвѣта св. Василія? Разумѣется, безъ всякаго основанія. Напротивъ, изъясняя вслѣдъ затѣмъ, въ какомъ смыслѣ онъ употребилъ выраженіе, что Духъ Святый отъ Бога чрезъ Сына, Василій Великій вовсе не утверждаетъ, какъ этого желали возражатели, что Св. Духъ отъ Сына, но не посредствомъ рожденія, а по иному способу произведенія; а только говоритъ, что Онъ возсіяваетъ чрезъ Сына, такъ какъ Духъ Святый есть Духъ и умъ Сына, но бытіе имѣетъ отъ Бога.

«Посему, говоритъ онъ, то, что Духъ Святый отъ Бога, ясно проповѣдалъ Апостолъ; а что Онъ возсіялъ чрезъ Сына, это Апостолъ ясно выразилъ, назвавъ Его Духомъ Сына, какъ и Духомъ Божьимъ: но онъ остерегся назвать Его Сыномъ Сына». Но святые Отцы, какъ это видно изъ примѣра Григорія Нисскаго, выраженіе: «Духъ Святый сіяетъ чрезъ Сына» ясно отличаютъ отъ причины, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи.

Говорятъ наконецъ: какимъ образомъ св. Василій могъ отвѣтить, что оттого, что отъ Сына былъ бы Сынъ, можетъ грозить опасность умноженія Тройцы, если бы Духъ Святый не исходилъ ни отъ Сына, ни черезъ Сына? Вѣдь въ такомъ случаѣ между Тѣмъ и Другимъ не было бы никакой внутренней связи, и потому не было-бы опасности, чтобы отъ Св. Духа былъ какой-нибудь Сынъ [1]). Это замѣчаніе неосновательно. Василій Великій объясняетъ, что мысль о томъ, что Тройца имѣетъ сыновъ отъ сыновъ, можетъ возникнуть у кого-нибудь при томъ предположеніи, будто Духъ Святый—Сынъ Сыну. Слѣдовательно, какимъ образомъ не будетъ никакой опасности умноженія Тройцы, если только Духъ Святый исходитъ отъ Сына?

Но такъ какъ вопросъ выясненъ, то мы продолжаемъ.

Тотъ-же Василій Великій въ посланіи CCC [2]) (т. II, стр. 1070) говоритъ: «если (Духъ Святый) выше Бога, то Онъ не отъ Бога. Но написано: Духъ, Который отъ Бога [3]). Если же Онъ отъ Бога, то какимъ образомъ Онъ первоначальнѣе Того, отъ Кого Онъ? Что за безуміе, въ то время какъ одинъ нерожденный, говоритъ, что есть иной нѣкто выше нерожденнаго? Но Духъ не первѣе и Единороднаго, потому что нѣтъ ничего средняго между Сыномъ и Отцомъ. Если-же Онъ не отъ Бога, но чрезъ Христа, то Онъ совсѣмъ не существуетъ. Посему это нововведеніе относительно порядка заключаетъ въ себѣ уничтоженіе самого бытія и есть отрицаніе всей вѣры. Равнымъ образомъ безбожно какъ причислять Духа къ тварямъ, такъ и утверждать, что по времени или по порядку Онъ выше Сына, или Отца».

---

[1]) Циховій. Вопросъ 6, стр. 44.

[2]) Epistola ad canonic.

[3]) Духъ, иже отъ Бога (1 Кор. II, 12).

Въ бесѣдѣ противъ Савелліанъ (т. I, стр. 606) читаемъ: «Отецъ имѣетъ совершенное и ни въ чемъ ненуждающееся бытіе; Онъ есть корень и источникъ Сына и Святаго Духа». И въ концѣ той-же бесѣды: «какъ много сыновъ, но Одинъ истинный Сынъ: такъ, хотя о многомъ говорится, что оно отъ Бога, но собственно Сынъ отъ Бога и Духъ отъ Бога; потому что и Сынъ исшелъ отъ Отца и Духъ отъ Отца исходитъ; но Сынъ отъ Отца чрезъ рожденіе, а Духъ отъ Бога неизреченно».

Говорятъ: [1]) если бы св. Василій въ данномъ случаѣ думалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, то вмѣсто послѣднихъ словъ онъ скорѣе сказалъ бы: «а Духъ отъ Того-же Отца таинственнымъ образомъ»; а такъ какъ онъ употребляль слово «Богъ» совмѣстно по отношенію къ Отцу и Сыну, по этимъ самымъ выразилъ мысль, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына. Но что въ концѣ приведенныхъ словъ подъ словомъ «Богъ» Василій разумѣетъ только Отца, это прямо явствуетъ изъ того, что, сказавши сперва, что и Сынъ, и Духъ Святый отъ Бога, онъ, съ цѣлью пояснить эту мысль, прибавляетъ: потому что и Сынъ и Духъ Святый изошли отъ Отца. А чтобы показать различіе, по которому и Тотъ и Другой отъ Отца, онъ прибавляетъ: Сынъ исшелъ отъ Бога чрезъ рожденіе, а Духъ неизреченно; слѣдовательно подъ именемъ Бога онъ разумѣетъ здѣсь Отца. Затѣмъ, имя «Богъ» —общее Отцу и Сыну. Однако, когда говорится о произведеніи ипостасей, то подъ этимъ именемъ св. Отцы весьма часто разумѣютъ только Отца, какъ это видно изъ даннаго мѣста св. Василія и изъ словъ другихъ отцовъ.

Въ книгѣ «о Святомъ Духѣ», въ главѣ XVI (т. II, стр. 181) Василій говоритъ: «Духъ устъ Божіихъ, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ».

Въ толкованіи на псаломъ XXXII (т. I, стр. 203) онъ-же пишетъ: «какъ Зиждитель Слово утвердилъ небо,—такъ и Духъ Святый Божій, Который отъ Отца исходитъ. Это то, что изъ устъ Его; и чтобы ты не считалъ Его чѣмъ-нибудь внѣшнимъ

[1]) Циховій въ отвѣтъ Евсевію Нимену: «Трибуналъ» стр. 140.

и принадлежащимъ къ тварямъ, но прославлялъ Его, какъ имѣющаго ипостась отъ Бога, Онъ совмѣстилъ въ Немъ всѣ силы». И немного далѣе: «здѣсь Онъ пишется Духомъ устъ Его, а въ другихъ мѣстахъ находимъ, что Онъ называется также Словомъ устъ Его, чтобы разумѣли Спасителя нашего и Духа Святаго отъ Отца».

Въ литургіи Василія (т. II библіотеки греческихъ отцовъ греко-латинскаго Парижскаго изданія 1624 года, стр. 49) говорится: «Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, путь, освященіе, сила, свѣтъ истинный, отъ Котораго явился Духъ Святый, Духъ истины, благодать всыновленія».

Въ посланіи CCCI (т. II твореній вышеупомянутаго изданія, стр. 1071) Василій пишетъ: «вы увѣровали въ Отца и Сына и Святаго Духа: никогда не измѣняйте этому ввѣренному вамъ завѣту, что Отецъ—начало всего, что Единородный Сынъ рожденъ отъ Него, что Онъ истинный Богъ, совершенный отъ совершеннаго, живой образъ, всецѣло являющій въ Себѣ Отца,—что Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Бога, что Онъ источникъ святости».

Въ главѣ XVIII книги «о Святомъ Духѣ» (т. II твореній, стр. 189) Василій пишетъ: «съ Отцомъ и Сыномъ (Духъ Святый) соединяется въ такомъ смыслѣ, въ какомъ единица имѣетъ сродство съ единицею: и не отсюда только можно заимствовать доказательства общности по природѣ, но и изъ того, что Онъ называется имѣющимъ бытіе, происходящимъ отъ Бога, не какъ все и не чрезъ рожденіе, какъ Сынъ, но какъ Духъ устъ Его».

Наконецъ въ посланіи XLIII, въ срединѣ (т. II, стр. 810) Василій пишетъ: «если кто назоветъ Одного только Духа, то онъ уже въ исповѣданіи своемъ обнимаетъ и Того, Чей Онъ есть Духъ; и такъ какъ Онъ—Духъ Христовъ и есть отъ Бога, какъ говоритъ Ап. Павелъ;—то кто привлекъ къ себѣ Духа, чрезъ Него привлекъ вмѣстѣ и Сына и Отца». А такъ какъ въ началѣ того-же посланія Василій доказываетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, то ясно, что ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына совершенно противорѣчитъ догмату вселенской Церкви. Это именно посланіе и заключающееся въ немъ ученіе о Св. Духѣ вполнѣ подтвердилъ святый вселенскій VI-й,

т. е. Халкидонскій, соборъ. Такъ, въ привѣтственномъ словѣ къ императору Маркіану (т. IV соборовъ Парижскаго изданія 1671 г., столбецъ 825) читаемъ: «Василій Великій, служитель благодати, въ своемъ посланіи дивно опредѣлилъ очевидность ипостасей и очень точно передалъ ученіе о Св. Духѣ».

Вотъ мѣста изъ сочиненій св. Василія Великаго, подтверждающія истинность православнаго ученія, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца.

Св. Григорій Богословъ [1]), епископъ города Назіанза, въ словѣ о догматѣ и о поставленіи епископовъ (т. I его твореній— Парижскаго греко-латинскаго изданія 1609 г., слово по числу XXIX, стр. 490) говоритъ: (Отецъ) «былъ бы началомъ чего то низкаго и Его недостойнаго, если бы Онъ не былъ причиною Божества, являемаго въ Сынѣ и Святомъ Духѣ. Надобно и сохранить Единаго Бога, и исповѣдывать три ипостаси или три Лица, притомъ каждое съ Его личнымъ свойствомъ. Сохранится-же, по моему разсужденію, Единый Богъ, когда и Сына и Св. Духа будемъ относить къ одной причинѣ, но не слагать и не смѣшивать, и когда будемъ разумѣть одно и то-же (назову такъ) движеніе и хотѣніе Божества и тождество сущности. Сохранимъ и три ипостаси, если не будемъ вымышлять никакого смѣшенія, или разрѣшенія, или сліянія, чтобы въ противномъ случаѣ не было уничтожено все тѣми, кто почитаетъ единство болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Наконецъ сохранятся нами и личныя свойства, когда будемъ представлять и называть Отца и безначальнымъ, и началомъ (началомъ, какъ причину, какъ источникъ, какъ вѣчный свѣтъ), а Сына—нимало не безначальнымъ, однако-же и началомъ всего. Когда говорю: началомъ: ты не привноси времени, не ставь чего-либо средняго между Родившимъ и Рожденнымъ». Григорій Богословъ спрашиваетъ: какимъ образомъ Богъ единъ, когда есть три ипостаси Божества?—и отвѣчаетъ: Богъ единъ, во-первыхъ, вслѣдствіе тождества природы; во-вторыхъ, потому, что Сынъ и Святый Духъ имѣютъ одну и ту же причину. Зна-

[1]) Григорій Богословъ родился въ 328, сталъ знаменитъ около 368 г., умеръ въ 389 году. *Примѣч. пер.*

чить, если-бы Духъ Святый исходилъ и отъ Сына, то Духъ и Сынъ не имѣли бы одной и той-же причины: ибо Сынъ не отъ Самого Себя рожденъ. А подъ одною причиною онъ разумѣетъ только Отца. Такъ, онъ говоритъ: «Отецъ былъ-бы причиною чего-то низкаго, если-бы только Онъ не былъ причиною Сына и Св. Духа». И въ другомъ мѣстѣ: «Отецъ въ Божествѣ есть причина, начало и источникъ». Такимъ образомъ онъ показываетъ, что Сынъ и Св. Духъ единый со Отцомъ Богъ, потому что Сынъ и Духъ Святый относятся къ одной причинѣ—Отцу или, что по силѣ выраженія одно и то-же, къ единому производителю—Отцу. Итакъ, Одинъ только производитель Сына и Св. Духа—Отецъ, и потому Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не и отъ Сына. Кромѣ того, Богословъ говоритъ: «наконецъ сохранятся нами и личныя свойства, если будемъ представлять Отца началомъ, т. е., Сына и Св. Духа. Если-же личное свойство Отца состоитъ въ томъ, что Онъ есть начало какъ Сына, такъ и Св. Духа, то, конечно, Одинъ только Отецъ есть производитель Св. Духа. Наконецъ онъ прибавляетъ: «начало тварей—Сынъ», но не прибавляетъ, что Онъ есть вмѣстѣ начало и Духа Святаго. А это онъ не преминулъ бы прибавить, если-бы вѣровалъ во что-либо подобное, какъ это всегда привыкли выводить оттуда латиняне и латинствующіе.

Подобныя же мысли находимъ въ XXXVII словѣ Григорія Богослова о Святомъ Духѣ (стр. 601): «у насъ Одинъ Богъ, потому что Божество одно. И къ единому (т. е. началу или Отцу) возводится то, что отъ Него (т. е. Сынъ и Св. Духъ), хотя вѣруется въ Троихъ». И немного дальше: «посему, когда станемъ разсматривать Божество, первую причину и единоначаліе (Отца): тогда представляемое нами—одно. А когда имѣемъ мы въ мысли Тѣхъ, въ Которыхъ Божество, и то, что явилось отъ первой причины безвременно и равночестно: тогда поклоняемся—Троимъ». Въ данныхъ мѣстахъ Григорій одинаково показываетъ, что три ипостаси суть Одинъ Богъ, потому что Сынъ и Духъ Святый возводятся къ Одному началу—Отцу. Слѣдовательно, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Первой причиной здѣсь Григорій Назіанзинъ называетъ Отца, потому что, хотя

и Сынъ есть причина, именно всего сотвореннаго, но имѣетъ это свойство отъ Отца. Въ такомъ, напр., смыслѣ онъ называетъ Сына началомъ въ словѣ XXIX, какъ это мы видѣли въ концѣ приведенныхъ выше изъ него словъ. Затѣмъ онъ называетъ Отца первою причиною одинаково какъ Сына, такъ и Духа Святаго; слѣдовательно, такъ какъ по отношенію къ Св. Духу онъ называетъ Отца первою причиною, то отсюда можно вывести заключеніе, что Св. Григорій не признавалъ какой-либо причины Его—не первой. Ибо въ отношеніи къ Сыну и латиняне никогда не утверждали, что существуетъ какая-нибудь причина не-первая. Наконецъ, Григорій не знаетъ какой-либо иной причины и Св. Духа, кромѣ этой первой: одна, говоритъ онъ, существуетъ причина Сына и Св. Духа, именно—первая. Слѣдовательно, если нѣтъ никакой другой причины Сына, кромѣ первой, то этимъ самымъ предполагается, что нѣтъ иной причины, кромѣ первой, и Духа Святаго. Но объ этомъ подробно будетъ сказано въ концѣ этой главы.

Далѣе въ словѣ XIII («о мирѣ»—т. II стр. 209) читаемъ: «если, исповѣдуя достоинство Сына и Духа, станемъ вводить нѣчто безначальное, или возводить къ иному началу (а не къ Отцу), то поистинѣ слѣдуетъ опасаться, чтобы или не обезславить тѣмъ Бога, или не допустить чего-либо богопротивнаго. Но, сколько-бы ты ни возвышалъ Сына и Духа, ты не поставишь Ихъ выше Отца и не устранишь Ихъ отъ этой причины, а напротивъ того къ ней возведешь и преславное рожденіе, и чудное исхожденіе. Спрошу у тебя, приверженецъ нерожденія и безначалія: кто болѣе безчеститъ Бога,—тотъ-ли, кто почитаетъ Его началомъ такого Сына и такого Духа, какими ты признаешь Ихъ, или кто исповѣдуетъ Его началомъ не такого Сына и не такого Духа, но подобныхъ Ему по природѣ и равныхъ въ славѣ, какими исповѣдуетъ Ихъ наше ученіе»? И немного раньше (откуда ясно видно, что онъ доселѣ говорилъ объ Отцѣ): «ужели-же для Бога есть что-либо выше, чѣмъ быть Отцомъ Сына, а также производителемъ Духа»? Итакъ, подъ началомъ, родившимъ Сына и изведшимъ Св. Духа, Богословъ разумѣетъ Отца; ктому-же онъ сказалъ раньше: «если Сына и Св. Духа станемъ возводить

къ иному началу, а не къ Отцу». Если-же не иное начало Сына и Св. Духа, а только Отецъ, то какимъ образомъ, кромѣ Отца, началомъ Св. Духа можно признавать и Сына? Итакъ, отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый, а не вмѣстѣ и отъ Сына.

Въ словѣ XXIII «въ похвалу философа Герона» въ концѣ (стр. 420) Григорій говоритъ: «заключи въ предѣлы ученіе нашей вѣры и благочестіе, научая насъ познавать Единаго нерожденнаго Бога, а также Единаго рожденнаго, то-есть Господа Сына, именуемаго Богомъ, когда говорится о Немъ въ отдѣльности, и Господомъ, когда именуется Онъ при Отцѣ: Богомъ—по природѣ, Господомъ—по единоначалію; наконецъ,—научая познавать Единаго Духа Святаго, исшедшаго или исходящаго отъ Отца,—также Бога». Когда, говоритъ Григорій Богословъ, мы говоримъ вмѣстѣ объ Отцѣ и Сынѣ, то Отца именуемъ Богомъ, а Сына—Господомъ, Господомъ—по единоначалію (μοναρχίαν), или по началу отъ Одного, т. е. Отца: ибо Онъ есть начало Сына и Св. Духа. Слѣдовательно, Одинъ только Отецъ есть начало въ Божествѣ и потому Одинъ только Онъ есть и производитель Св. Духа. Равнымъ образомъ, если въ тѣхъ случаяхъ, когда Отецъ и Сынъ упоминаются вмѣстѣ, по единоначалію Одинъ Отецъ называется Богомъ, а Сынъ—только Господомъ: то отсюда слѣдуетъ, что разъ Сынъ не называется Богомъ, Онъ не есть начало. Поэтому, какимъ образомъ Сынъ можетъ быть производителемъ Св. Духа? Вотъ почему и въ другихъ мѣстахъ Григорій Богословъ неоднократно утверждаетъ, что въ Божествѣ сохраняется монархія, или начало (начальство) Одного. Такъ, въ томъ-же словѣ немного дальше (стр. 422) онъ говоритъ: «не унижай нечестиво единоначалія, сокращая и обсѣкая Божество».

Въ словѣ XL на святое Крещеніе (стр. 668): «даю тебѣ Трехъ безконечныхъ тожество природы, гдѣ Каждый, созерцаемый Самъ по Себѣ, есть Богъ, какъ Отецъ, такъ и Сынъ; какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый, съ сохраненіемъ въ Каждомъ личнаго свойства, и Трое, мыслимые вмѣстѣ,—также Богъ: первое—по причинѣ единосущія, послѣднее—по причинѣ монархіи или начала отъ Одного». Здѣсь такъ-же, какъ и въ приведенномъ раньше мѣстѣ изъ слова XXIX, Григорій учитъ, что три ипостаси суть

Единый Богъ, потому что они возводятся къ Одному или, какъ видно изъ цитируемаго мѣста, къ началу отъ Одного, т. е. къ Отцу. Итакъ Одинъ только Отецъ есть начало, а потому и Одинъ только Онъ есть производитель Св. Духа.

То-же читаемъ въ стихотвореніи III, озаглавленномъ: «Наставленія дѣвамъ» (т. II твореній Парижскаго изданія 1611 г., стр. 68):

«Приди же къ намъ, милосердая, святая Троица,
Приди къ намъ, благая, всегда изъ Единаго
Сочетавающаяся во Едино, Ты, Которая
И нынѣ озаряешь свѣтлыя очи,
А впослѣдствіи еще свѣтлѣе будешь озарять
Насъ, просвѣтленныхъ Тобою, которымъ Ты
Возсіяваешь,—Единый Богъ Родитель,
И Сынъ, и Святый Духъ, совершенное Божество,
Вмѣщающееся въ совершенной Троицѣ».

Св. Григорій воспѣваетъ Тройцу, сочетавающуюся изъ Единаго въ Единаго, слѣдовательно, Одинъ только есть производитель, одно начало Божественности, именно—Богъ Отецъ. Значитъ, Одинъ только Отецъ есть производитель Святаго Духа.

Наконецъ въ словѣ I, въ которомъ Григорій Богословъ оправдываетъ удаленіе свое въ Понтъ по рукоположеніи въ пресвитера (т. I твореній вышеупомянутаго Парижскаго изданія 1609 года, стр. 17) читаемъ: «не слѣдуетъ такъ увлекаться любовію ко Христу, чтобы не оставлять Ему даже имени Сына, а Отцу не оставлять преимущества быть причиною принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю. Ибо Отецъ былъ бы причиною чего-то низкаго и недостойнаго, или, вѣрнѣе сказать, началомъ въ низкомъ и недостойномъ смыслѣ, если бы не былъ причиною Божества и благости, созерцаемой въ Сынѣ и въ Святомъ Духѣ,—въ Первомъ, какъ въ Сынѣ и Словѣ, а въ другомъ, какъ въ исходящемъ и нерастворяемомъ Духѣ». Здѣсь Богословъ снова приписываетъ Одному только Отцу причину Сына и Св. Духа. «Должно оставлять, говоритъ онъ, Сыну имя Сына, а Отцу преимущество—быть причиною». Слѣдовательно, Одинъ только Отецъ есть причина и производитель Св. Духа. Нельзя предполагать, будто Гри-

горій Богословъ въ данномъ случаѣ называетъ Отца причиною только по отношенію къ Сыну, на томъ основаніи, что онъ прибавляетъ: (преимущества) «принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю». Ибо сказавши: «должно оставить Отцу преимущество —быть началомъ», онъ вслѣдъ затѣмъ присовокупляетъ: «Отецъ былъ бы причиною чего-то низкаго, если бы не былъ причиною Божества, созерцаемаго въ Сынѣ и Св. Духѣ». Этимъ онъ ясно показываетъ, что, назвавши Отца сперва причиною, онъ признаетъ Его причиною Сына и Св. Духа. Что-же касается прибавки: «принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю», то это нисколько не противорѣчитъ сказанному. Ибо произведеніе Св. Духа вытекаетъ изъ отцовства и съ нимъ непосредственно связывается и вмѣстѣ понимается, подобно тому какъ ипостась Отца совмѣщаетъ въ себѣ понятіе и Родителя Сына, и производителя Духа Святаго.

Тотъ-же Григорій Богословъ въ словѣ XLIV на святую пятидесятницу (стр. 711) говоритъ: «Духъ Святый самовластенъ, всесиленъ, хотя какъ все принадлежащее Единородному, такъ и все принадлежащее Св. Духу, возводится къ первой причинѣ». Передъ этимъ только что было сказано, почему онъ называетъ Отца первой причиной. Все, говоритъ онъ, что принадлежитъ какъ Сыну, такъ и Духу Святому, возводится къ Отцу. А если-бы Духъ Святый исходилъ и отъ Сына, то, конечно, Онъ не все, Ему принадлежащее, возводилъ бы къ Отцу, т. е. всей своей ипостасью и бытіемъ Онъ обязанъ былъ не Одному только Отцу, какъ Сынъ, но возводилъ бы все, принадлежащее Ему, одинаково и къ Отцу, и къ Сыну. Такимъ образомъ, не отличая въ отношеніи происхожденія Сына и Св. Духа, а утверждая, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый все, принадлежащее Имъ, одинаково возводятъ къ Отцу, Григорій Богословъ показываетъ, что Одинъ только есть производитель Сына и Св. Духа, именно—Отецъ.

Такой же смыслъ имѣетъ мѣсто изъ слова XXXVII о Святомъ Духѣ (стр. 611): «а если въ Писаніи и встрѣчаются нѣсколько унизительныя выраженія (о Св. Духѣ): дается (Дѣян. VIII, 18), посылается (Іоан. XIV, 26), дѣлится (Дѣян. II, 3), дуновеніе (Іоан. XX, 21), обѣтованіе (Дѣян. II, 33), ходатайство (Рим. VIII, 26) и другія подобныя, то надобно ихъ возводить къ пер-

вой причинѣ (Отцу), чтобы этимъ показать, отъ Кого Духъ, и чтобы не принять три отдѣльныя начала, какъ будто бы было Боговъ много». Всѣ нѣсколько унизительныя выраженія Св. Писанія о Св. Духѣ, по мнѣнію Григорія Богослова, возводятся къ первой причинѣ или къ Отцу, а не вмѣстѣ и къ Сыну. Такъ какъ въ Писаніи говорится, что Духъ Святый посылается, дается, обѣщается точно такъ же Сыномъ, какъ Онъ посылается, дается, обѣщается Отцомъ, то Григорій Богословъ, конечно, по необходимости сказалъ бы, что это надобно возводить не только къ Отцу, но и къ Сыну,—если бы только онъ вѣровалъ, что и Сынъ есть одинаково причина Св. Духа. Слѣдовательно, по мнѣнію Св. Григорія, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, какъ онъ и прибавляетъ: «чтобы показать, отъ Кого Духъ». Изъ этихъ-же словъ ясно видно, что смыслъ выраженія Григорія Назіанзина таковъ: все, что говорится о Духѣ Святомъ унизительнаго, говорится въ отношеніи къ причинѣ, т. е., что этимъ обозначается, что Духъ Святый имѣетъ бытіе не отъ Себя, но отъ Иного, какъ отъ причины: «чтобы показать, говоритъ онъ, отъ Кого Духъ Святый». А показывая, отъ Кого Духъ Святый, онъ именуетъ только первую причину или Отца: «все это, говоритъ онъ, надобно возводить къ первой причинѣ, чтобы показать, отъ Кого Духъ». И такъ, Григорій Богословъ здѣсь учитъ, что Одинъ только Отецъ есть причина или производитель Св. Духа.

Одинаковый смыслъ имѣетъ и мѣсто изъ III стихотворенія—«о началахъ», озаглавливаемаго «о Святомъ Духѣ» (т. II твореній Св. Григорія Богослова Парижскаго изданія 1611 года, стр. 163):

«Если въ Божьемъ Словѣ и у богоносныхъ мужей
Слышишь или о Сынѣ, или о благомъ Духѣ,
Будто имѣютъ Они второе мѣсто по Богѣ Отцѣ,
То совѣтую тебѣ здѣсь, въ словахъ глубокой мудрости,
Находить тотъ смыслъ, что Они не Божество
Разсѣкаютъ, но восходятъ Оба къ единому
Безначальному Корню, дабы ты видѣлъ
Единство державы и одинаково чтилъ ее».

Здѣсь св. Григорій снова учитъ, что все, что говорится о Св. Духѣ унизительнаго, должно относить къ Отцу,—указываетъ,

что Духъ Святый ведетъ Свое начало отъ безначальнаго Корня, какъ выражено въ греческомъ текстѣ, т. е. отъ Отца. Впрочемъ то, что отсюда можно вывести въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, мы только что изложили по поводу подобнаго-же мѣста, поэтому продолжаемъ.

Въ словѣ XXIV «на прибытіе Египетскихъ епископовъ» (т. I твореній Парижскаго изданія 1609 года, стр. 429) читаемъ: «Сыну принадлежитъ все, что имѣетъ Отецъ, кромѣ причины, и все, принадлежащее Сыну, принадлежитъ Духу, кромѣ сыновства и того, что говорится о Сынѣ тѣлообразно,—ради меня—человѣка и моего спасенія». Если же Сынъ не причина, то какимъ образомъ Духъ Святый исходитъ отъ Него? Скажешь, что подъ словомъ «причина» разумѣется причина Сына, а не и Духа Святаго. Но въ какомъ смыслѣ Св. Григорій Назіанзинъ обычно употребляетъ слово «причина», это видно даже изъ доселѣ приведенныхъ мѣстъ и между прочимъ изъ словъ, приведенныхъ нами раньше изъ слова I (въ защиту своего удаленія), гдѣ онъ, сказавши о причинѣ, которая принадлежитъ Отцу, какъ Отцу и Родителю, ясно употребляетъ это слово въ смыслѣ причины Сына и Св. Духа. «Сыну, говоритъ онъ затѣмъ, принадлежитъ все, что имѣетъ Отецъ, кромѣ причины, и все принадлежащее Сыну принадлежитъ Духу, кромѣ сыновства». Если бы св. Григорій вѣровалъ, что Сынъ есть причина Св. Духа, то въ данномъ случаѣ онъ, конечно, не преминулъ бы исключить причину изъ личныхъ свойствъ Св. Духа; вѣдь исключаетъ же онъ ее изъ личныхъ свойствъ Сына въ отношеніи къ Отцу. Было бы нелѣпо, если бы, приписывая Духу Святому все, что принадлежитъ Сыну, и выключая изъ этого не только сыновство, но и то, что говорится по отношенію къ домостроительству нашего спасенія, онъ не исключилъ изъ этихъ свойствъ и (принадлежащей якобы Сыну) причины, которую однако одну только онъ исключаетъ изъ свойствъ Сына въ отношеніи къ Отцу. Итакъ, отсюда ясно видно, что св. Григорій Богословъ отнюдь не вѣровалъ, будто Духъ Святый исходитъ и отъ Сына.

Въ словѣ XXIII—«въ похвалу Герона» (т. I, стр. 421) Григорій выражается: «истинно Сына называю Сыномъ, потому что

Онъ Одинъ только Сынъ Одного только Отца, Сынъ въ единственномъ смыслѣ и исключительно, а не вмѣстѣ и Отецъ,—Сынъ всецѣло и всецѣлый и изъ—начала». Если же Сынъ исключительно Сынъ и всецѣло Сынъ, то какимъ образомъ Онъ будетъ также и причиной? Вѣдь тотъ, кто (только) исключительно рожденъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не раждаетъ и не производитъ; тотъ, кто всецѣло зависитъ отъ причины [1]) не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и производителемъ. А такъ какъ Сынъ, по словамъ св. Григорія Богослова, исключительно и всецѣло рожденъ, только зависитъ отъ причины (изъ чего именно и вытекаетъ, что Онъ исключительно и всецѣло Сынъ), то Онъ никакъ не можетъ быть производителемъ Св. Духа.

Въ словѣ XXXI на евангельскія слова: «когда окончилъ Іисусъ эти рѣчи», въ концѣ (стр. 507), Григорій Богословъ говоритъ: «если безчестишь Св. Духа, то и Сынъ не принимаетъ твоего чествованія; ибо хотя Духъ и не какъ Сынъ отъ Отца, однако отъ Того-же Отца». Безъ сомнѣнія, если-бы св. Григорій полагалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то въ данномъ случаѣ онъ употребилъ-бы такое умозаключеніе: если безчестишь Святаго Духа, то и Сынъ не принимаетъ твоего чествованія, потому что Духъ Святый одинаково и отъ Него исходитъ или имѣетъ бытіе, и не имѣлъ бы нужды для того, чтобы показать, что безчестящій Святаго Духа безчеститъ и Сына, именовать Отца, говоря: отъ Него именно и Сынъ и Духъ Святый произошли. Если-же для доказательства своей мысли св. Григорій Назіанзинъ прибѣгаетъ къ Одному и Тому же началу Сына и Св. Духа, то отсюда становится очевиднымъ, что онъ отнюдь не вѣровалъ, будто Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Затѣмъ онъ говоритъ: «хотя Духъ и не какъ Сынъ отъ Отца, однако отъ Того же Отца». Итакъ, уча, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый произошли отъ Одного и Того-же Отца, онъ, конечно, вѣровалъ, что только отъ Одного Отца рожденъ Сынъ и исходитъ Духъ Святый.

---

[1]) Causatus—αἰτιατός.

Въ словѣ XXXVII «о Святомъ Духѣ», изложивши раньше ученіе о томъ, что Духъ Святый происходитъ отъ Отца, но не способомъ сыновства, а чрезъ исхожденіе, Григорій Богословъ выводитъ человѣка, ищущаго какого-нибудь подобія, изъ котораго было бы видно, что отъ одного и того-же одинъ рождекъ, а другой не рожденъ. «Укажи мнѣ (говоритъ онъ на стр. 598), чтобъ отъ одного и того же одинъ былъ сынъ, а другой не сынъ, и притомъ были одной сущности съ нимъ,—тогда и я допущу Бога и Бога». На это Григорій Богословъ не отрицаетъ, что Сынъ и Духъ Святый происходятъ отъ одного и того-же, того именно, чье подобіе спрашивающій ищетъ, но говоритъ, что нѣтъ ничего, съ чѣмъ можно было бы сравнивать божественную природу: въ противномъ случаѣ онъ и самъ захотѣлъ бы предъявлять свои желанія до безконечности. И затѣмъ вотъ какъ доказываетъ, что и Сынъ, и Духъ Святый происходятъ отъ Одного и Того-же. «Укажи же, говоритъ онъ, и ты мнѣ иного Бога и (иную) Божью природу, и тогда представлю тебѣ иную Тройцу съ тѣми же именами и свойствами. А такъ какъ Богъ Одинъ и верховная причина одна, то откуда я представлю тебѣ подобіе»? Если-же Сынъ и Духъ Святый отъ одного и того-же, именно отъ Отца, ибо отъ Него Сынъ,—то Духъ Святый исходитъ, конечно, отъ Одного и только отъ Одного Отца, а не и отъ Сына. Если-бы Духъ Святый исходилъ и отъ Сына, то нельзя было бы и говорить, что Духъ Святый и Сынъ произошли отъ одного и того-же, потому что Сынъ не отъ Себя Самого; но въ такомъ случаѣ Сынъ и Духъ происходили бы отъ различныхъ. Доказавши, что явленія изъ жизни человѣческой нельзя сопоставлять съ Божествомъ, Григорій Богословъ тѣмъ не менѣе приводитъ напослѣдокъ такое подобіе (стр. 599): «развѣ Ева и Сѳъ не отъ одного и того-же Адама? Отъ кого-же иного? Ужели-же оба они—родились отъ Адама? Нимало. А что-же такое? Ева—отломокъ, а Сѳъ—Сынъ. Однакожъ оба они тождественны между собою, оба человѣки, въ чемъ никто не будетъ спорить». Итакъ отъ одного Адама Сѳъ родился, а Ева произошла, какъ отломокъ: подобіе этого, говоритъ онъ, можно указать и въ Тройцѣ,—именно: отъ Одного и Того-же Отца одинаково—Сынъ является чрезъ рожденіе, а Духъ Свя-

тый—чрезъ исхожденіе. Заслуживаютъ затѣмъ вниманія слѣдующія слова: «Ева и Сиѳъ не отъ одного и того-же Адама? Отъ кого-же иного»? Значитъ, если бы или Сиѳъ родился, или Ева, какъ отломокъ, происходила отъ иного, а не отъ Адама, то въ такомъ случаѣ Сиѳъ и Ева, конечно, не были-бы отъ одного и того-же Адама. Слѣдовательно, одинаково вытекаетъ и тотъ выводъ, что если-бы Духъ Святый былъ не отъ Отца, а отъ иного, напримѣръ отъ Сына, то равнымъ образомъ Сынъ и Духъ Святый не были бы отъ Одного; а между тѣмъ св. Григорій неоднократно учитъ, что Сынъ и Духъ Святый отъ Одного и Того-же.

Въ словѣ XXVI—«о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи» (стр. 445) Богословъ говоритъ: «мы должны признавать Одного Бога Отца безначальнаго и нерожденнаго, и Одного Сына —рожденнаго отъ Отца, и Одного Духа, имѣющаго бытіе отъ Бога, уступающаго нерожденность Отцу и рожденность Сыну, во всемъ-же прочемъ соестественнаго и сопрестольнаго, единославнаго и равночестнаго. Это слѣдуетъ знать, это исповѣдывать, этого твердо держаться, а лишнее пустословіе и скверныя новоизмышленія предоставить людямъ празднымъ». Духъ Святый, говоритъ Григорій Богословъ, отъ Бога, т. е. отъ Отца имѣетъ бытіе, подобно тому какъ и Сынъ рожденъ отъ Отца; во всемъ-же прочемъ Божество Отца, Сына и Св. Духа одно. Итакъ, на этомъ онъ повелѣваетъ останавливаться, это исповѣдывать, большаго не искать, новыхъ понятій не изобрѣтать. Поэтому откуда исхожденіе Св. Духа отъ Сына, если должно останавливаться на рожденіи Сына и исхожденіи Св. Духа отъ Отца? если не позволительно изобрѣтать новыя слова (понятія)?

Въ словѣ XXXV—первомъ «о Сынѣ» —тотъ-же Учитель Церкви говоритъ (стр. 563): «но если Сынъ и Духъ совѣчны Отцу, то почему же не собезначальны? Потому, что Они отъ Отца, хотя не послѣ Отца. Правда, что безначальное вѣчно; но вѣчное вовсе не безначально, коль скоро возводится къ Отцу, какъ къ началу. И такъ, Сынъ и Духъ не безначальны въ отношеніи причины; а очевидно, что причина вовсе не первоначальнѣе того, для чего она служитъ причиною; потому что и солнце не предупреждаетъ свѣта во времени, а что касается времени, то они безначальны».

Въ словѣ XXIII—«въ похвалу Герона», въ концѣ, (стр. 422): «и Отцу и Сыну и Святому Духу суть общи неначинаемость бытія и Божественность; а Сыну и Святому Духу—то, что Они имѣютъ бытіе отъ Отца. Отличительное-же свойство Отца—есть нерожденность, Сына—рожденность, а Духа Святаго—исхожденіе.

Въ словѣ XXXIX «на святые свѣты» (стр. 422): «Отецъ есть Отецъ и безначаленъ, потому что Онъ не отъ кого-нибудь. Сынъ есть Сынъ, и не безначаленъ, потому что отъ Отца. Но если начало будешь разумѣть относительно времени, то Сынъ и безначаленъ, потому что Онъ—Творецъ временъ и не—подъ временемъ. Духъ есть истинно Духъ Святый, происходящій отъ Отца, но не какъ Сынъ; потому что происходитъ не посредствомъ рожденія, а черезъ исхожденіе».

Въ словѣ XXIX—«о догматѣ и о поставленіи епископовъ» (стр. 493) Григорій говоритъ: «слышишь, что Духъ исходитъ отъ Отца; не любопытствуй знать, какимъ образомъ это происходитъ».

Въ словѣ XXXV—первомъ «о Сынѣ Божьемъ» находимъ слѣдующія выраженія (стр. 562): «единица, отъ начала двинувшаяся въ двойственность, остановилась въ троичности. И это у насъ: Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ. Отецъ—родитель и производитель, раждающій и производящій безстрастно, внѣ времени и безтѣлесно; Сынъ—рожденное; Духъ—изведенное». Тамъ-же на стр. 563: «посему, не выходя изъ данныхъ намъ предѣловъ, вводимъ Нерожденнаго, Рожденнаго, и отъ Отца Исходящаго, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Самъ Богъ—Слово» (Іоан. XV, 26).

Въ словѣ XXXVII—«о Святомъ Духѣ»—(стр. 597) читаемъ: «такъ какъ Онъ отъ Отца исходитъ, то Онъ—не тварь; насколько Онъ не есть нѣчто рожденное, то Онъ—не Сынъ».

Въ словѣ XIII—второмъ «о мирѣ»—Григорій говоритъ (на стр. 209): «насколько Богъ превосходитъ твари, настолько приличнѣе первой причинѣ быть началомъ Божества, а не тварей». И затѣмъ немного дальше: «развѣ ты не знаешь, что, признавая Бога началомъ Сына и Духа, какъ тварей, ты не чтишь самаго начала и безчестишь исходящихъ изъ Него? Не чтишь начала,

потому что полагаешь Его началомъ чего-то низкаго, малаго, недостойнаго Божества; безчестишь и исходящихъ изъ начала, потому что дѣлаешь Ихъ малыми, и не только тварями, но даже чѣмъ то такимъ, что презрѣннѣе и безчестнѣе самыхъ тварей... А я, вводя начало Божества безвременное, неотдѣлимое и безпредѣльное, чту и начало, а равно и исходящихъ изъ начала,—первое, потому что Оно—начало таковыхъ исходящихъ, и послѣднихъ, потому что Они—такъ, такими и изъ такого исходятъ начала».

Въ словѣ XXIII— «въ похвалу Герона» ,—въ концѣ, (стр. 421): «учи Сына, или Духа Святаго не дѣлать безначальнымъ, дабы у Отца не отнять Ему свойственнаго. Ибо Они нисколько не безначальны, и вмѣстѣ въ нѣкоторомъ отношеніи (что въ самомъ дѣлѣ удивительно) безначальны: Они не безначальны въ отношеніи къ причинѣ, потому что Они отъ Бога, хотя и не послѣ Него, подобно тому какъ отъ солнца свѣтъ; но Они и безначальны—въ отношеніи ко времени, потому что не состоятъ подъ временемъ».

Въ словѣ XXXII— «къ ста пятидесяти епископамъ второго вселенскаго собора» —(стр. 520): «единство—Отецъ, изъ Котораго и къ Которому возводятся Тѣ, Кто за Нимъ слѣдуетъ (Сынъ и Св. Духъ), не сливаясь и не смѣшиваясь, а будучи съ Нимъ связаны».

Въ словѣ XL— «на святое крещеніе» —(стр. 669): «готовъ-бы я назвать бо́льшимъ Отца, отъ Котораго остальныя два равныя Лица имѣютъ и равенство, и бытіе (съ чѣмъ всѣ соглашаются): но боюсь, чтобы эту первую причину не сдѣлать началомъ меньшихъ и не оскорбить предпочтеніемъ. Ибо нѣтъ славы Отцу въ униженіи Тѣхъ, Которые отъ Него. Выраженіе «большій» (Отецъ) нужно относить не къ природѣ, но къ причинѣ».

Въ стихотвореніи «Похвала дѣвству» (т. II, стр. 43) Григорій Богословъ говоритъ:

«Отъ Сына-же нѣтъ другого сына,
Восхищающаго у Отца равную славу,
Такъ что Отецъ всецѣло пребываетъ Родителемъ,
А Сынъ всецѣло Сыномъ, и единымъ Сыномъ

Единаго Отца, и соединены Они
Со Святымъ Духомъ. Поэтому
Одинъ Богъ и одно Божество
Открывается въ трехъ свѣтахъ».

Когда св. Григорій Богословъ говоритъ: «Отецъ всецѣло пребываетъ Родителемъ», то изъ этого само собою становится понятнымъ, что никакое иное Лицо не можетъ быть родителемъ, какъ только первое, чего не было бы въ томъ случаѣ, если-бы и Сынъ раждалъ другого Сына. Затѣмъ, когда говоритъ: «Сынъ всецѣло пребываетъ Сыномъ», то подъ этимъ точно также разумѣется то, что Онъ исключительно бываетъ Сыномъ, а не инымъ, и потому Сынъ не можетъ въ свою очередь раждать другого. Ибо иной смыслъ, если сказать: Сынъ есть всецѣло Сынъ, и иной—просто сказать: Сынъ есть во всемъ Сынъ.

Въ третьемъ изъ стихотвореній «о началахъ», озаглавленномъ: «о Святомъ Духѣ» (т. II, стр. 163), Григо́рій пишетъ:

«Онъ (Духъ Святый) исходитъ отъ Отца. Онъ Божія сила».

Въ одной изъ «Лебединыхъ пѣсней», озаглавленныхъ: «о себѣ самомъ и на завистниковъ» (стр. 187) святой поэтъ говоритъ:

«У насъ Отецъ—корень и источникъ благъ;
Отъ Него—Сынъ, рожденный свѣтъ и Слово,
Печать Безначальнаго;
Отъ Него и Духъ—безвременная природа.
Богъ, Богъ мой и Богъ, тройственная Единица».

Епифаній [1]), епископъ города Констанціи на Кипрѣ, въ сочиненіи своемъ: «Панарій или ковчегъ на восемьдесятъ ересей», въ описаніи LXXVI ереси, ереси Аномеевъ, въ опроверженіе главы II Аэтія (латинское Базельское изданіе 1578 года, въ переводѣ Іоанна Корнарія, стр. 309) пишетъ: «Отецъ не рожденъ и отъ вѣка родилъ Единороднаго, будучи природы довлѣющей самой себѣ; вслѣдствіе того, что Онъ родилъ Одного только Единороднаго, Онъ и Духа извелъ, будучи Одинъ только Родителемъ, черезъ Одного только Единороднаго, Который (Духъ) и существуетъ вмѣстѣ съ безначально рожденнымъ Сыномъ». Здѣсь св. Епифаній ясно го-

[1]) Епифаній родился въ 322 году, взошелъ на епископство въ 366 г., скончался въ 402 или въ 403 году. *Прим. пер.*

воритъ, что Духа Святаго извелъ Одинъ только Отецъ; слѣдовательно Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

Іезуитъ Петавій въ греко-латинскомъ Парижскомъ изданіи твореній св. Епифанія 1622 года, на томъ основаніи, что въ подлинникѣ читается: «μόνῳ ἐπὶ μονογενεῖ», переводитъ это мѣсто такъ: «и Духа извелъ единый только Родитель съ единымъ только Единороднымъ». Но хотя «ἐπὶ» съ дательнымъ падежемъ иногда означаетъ «съ», однако предполагаемый здѣсь Петавіемъ смыслъ никоимъ образомъ не можетъ имѣть мѣста, т. е. будто Богъ Отецъ и Сынъ вмѣстѣ извели Св. Духа. Выходитъ противорѣчіе, если сказать, что Св. Духа произвели Одинъ только Отецъ и Одинъ только Сынъ, какой будто-бы смыслъ, по Петавію, имѣютъ эти слова Св. Епифанія. Ибо если Св. Духа произвелъ Одинъ только Сынъ, то какимъ образомъ Его-же произвелъ и Отецъ? Или, если Духа Святаго произвелъ Одинъ только Отецъ, то какимъ образомъ Его произвелъ также и Сынъ? Между тѣмъ слова св. Епифанія, какъ очевидно для каждаго, будутъ имѣть ясный смыслъ, если перевести «ἐπὶ» посредствомъ «черезъ», или посредствомъ «послѣ», или посредствомъ «кромѣ», или другимъ подобнымъ способомъ. Затѣмъ, къ означеннымъ словамъ св. Епифаній непосредственно прибавляетъ: «Который существуетъ вмѣстѣ съ безначально рожденнымъ Сыномъ». Если-бы въ словахъ: «Одинъ только Отецъ съ Однимъ только Единороднымъ произвелъ Св. Духа» смыслъ былъ тотъ, что одинаково и Сынъ есть производитель Св. Духа, то, конечно, этихъ словъ онъ не прибавилъ бы: вѣдь онъ это уже выразилъ бы сказавши, что Сынъ есть причина Св. Духа. Поэтому-то онъ и не дѣлаетъ подобной прибавки по отношенію къ Отцу.

Но, кромѣ того, и изъ другихъ мѣстъ его сочиненій вытекаетъ, что св. Епифаній вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца. Постараемся указать такія мѣста.

Въ изложеніи каѳолической вѣры, которое слѣдуетъ за опроверженіемъ ересей (т. I твореній св. Епифанія вышеупомянутаго изданія Петавія, стр. 1095), читаемъ: «Тройца всегда существуетъ и никода не нуждается въ прибавленіи, не имѣетъ въ Себѣ чего-либо подчиненнаго, но возводится къ одному единству и къ одному

началу Бога и Отца». Слѣдовательно какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый имѣютъ одно только начало и Одного только производителя—Отца [1]). Итакъ Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

Въ началѣ «слова якорнаго» (ὁ Ἀγκυρωτὸς λόγος)—подъ номеромъ II, т. II, стр. 7) Епифаній говоритъ: «Одинъ есть Богъ Отецъ и Одинъ истинный Богъ, не такой, какъ выдуманные боги, которыхъ нѣкоторые изъ эллиновъ называли богами, тогда какъ они не суть боги; но Одинъ истинный Богъ (т. е. Отецъ), потому что Одинъ только отъ Одного Единородный и Одинъ только Св. Духъ». Здѣсь св. Епифаній ясно учитъ, что отъ Одного только Отца Одинъ только Единородный, т. е. чрезъ рожденіе, и Одинъ только Духъ Святый, т. е. чрезъ исхожденіе. Слѣдовательно, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Іезуитъ Петавій въ своемъ латинскомъ переводѣ читаетъ это мѣсто такъ: «потому что Одинъ только отъ Одного Единородный и Одинъ только Святый Духъ произошли отъ Него». Но послѣднихъ словъ «произошли отъ Него» въ греческомъ текстѣ нѣтъ. У Епифанія читается только: «потому что Одинъ только отъ Одного Единородный и Одинъ только Духъ Святый». Итакъ, коль скоро даже самъ Петавій долженъ признать, что слова: «и Одинъ только Духъ Святый» указываютъ на то, что Духа Святаго нужно разумѣть происходящимъ отъ Отца такъ же, какъ и Сына, то рѣчь св. Епифанія пришлось-бы признать нелѣпою, если слова: «и Одинъ только Духъ» не относить къ выраженію: «отъ Одного только». Въ самомъ дѣлѣ, какой былъ бы смыслъ сказать: «Одинъ только Богъ Отецъ, потому что Сынъ отъ Одного только и Духъ Святый», если слова: «Сынъ и Духъ Святый» не относить къ выраженію «отъ Одного только»? Ясно, что слова св. Епифанія не имѣютъ никакого иного смысла, кромѣ того, что Сынъ и Духъ Святый—происходятъ отъ Одного только Отца.

Въ томъ-же «словѣ якорномъ» (номеръ IV, стр. 9) Епифаній говоритъ: «достаточно отъ Одного утверждать полную связь Тройцы, и по Отцу разумѣть и Сына Богомъ истиннымъ, и Духа—

---

[1]) Заключительныя слова: «слѣдовательно какъ Сынъ..., которыя издатели труда Зерникава оставили, не суть слова св. Епифанія.—*Примѣчаніе переводчика.*

истиннымъ». Слѣдовательно, если остальныя Лица имѣютъ бытіе отъ Одного только, т. е. отъ Отца, то, значитъ, отъ Одного только Отца раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. И Петавій это выраженіе переводитъ: «достаточно приписывать одному Лицу то, что существуетъ связь со всей Тройцей, и по Отцу разумѣть и Сына Богомъ истиннымъ, и Духа—истиннымъ» [1]). Итакъ, если смыслъ словъ Епифанія тотъ, что Одно только Лице—Отецъ есть начало Сына и Св. Духа, то Духъ Святый исходитъ, конечно, отъ Одного только Отца.

Въ опроверженіи ереси LXV, ереси Павла Самосатскаго (гл. III. Т. I, стр. 609), Епифаній пишетъ: «сей-же не говоритъ, что Одинъ только Отецъ называется Богомъ, потому что Отецъ есть источникъ, но что Одинъ только есть Богъ, отвергая, насколько это въ его власти, Божество и ипостась Сына и Святаго Духа». Смыслъ этихъ словъ, какъ очевидно для всякаго, такой: потому Священное Писаніе говоритъ, что Одинъ только Отецъ есть Богъ, что Онъ есть источникъ Сына и Св. Духа. Если-же Одинъ только Отецъ называется Богомъ, потому что Онъ есть источникъ, то отсюда слѣдуетъ, что Одинъ только Отецъ есть источникъ или производитель Сына и Св. Духа. Слѣдовательно, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

Въ опроверженіи ереси LXXVI, ереси Духоборцевъ (гл. II. Т. I, стр. 900), Епифаній говоритъ: «хотя и много духовъ, но Онъ выше всѣхъ духовъ, такъ какъ Онъ существуетъ вѣчно отъ Отца, а не отъ другихъ существъ, происшедшихъ изъ ничего. Много духовъ, но Духъ Святый одинъ. Какъ Одинъ Богъ и Одинъ Единородный Сынъ Божій, такъ и Духъ Святый Божій, Онъ—отъ Бога и въ Богѣ. Единородный Сынъ непостижимъ, и Духъ непостижимъ; Онъ отъ Бога и не чуждъ Отцу и Сыну. Онъ не въ сліяніи съ Отцомъ и Сыномъ, но Тройца вѣчно живущая одного и того же существа, существа не иного отъ Божества, и Божество не иное отъ существа, но само по себѣ Божество и отъ того-же Божества Сынъ и Святый Духъ». И не-

[1]) Satis est uni Personae, quod cum tota Trinitate conjunctum est, tribui oportere et ex Patre Filium verum Deum intelligi, ac verum Spiritum.

много дальше (стр. 901): «Духъ не есть слитый Духъ, ни собратъ Отцу и Сыну; но Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ произошелъ отъ Отца, такъ что Троица пребываетъ въ славѣ неизъяснимаго тождества».

Въ опроверженіи ереси LXXVI,—ереси Аномеевъ, въ номерѣ III (т. I, стр. 915) тотъ-же св. писатель говоритъ: «Единородный Сынъ Божій есть для насъ одно и то-же съ Божествомъ и достоинствомъ Отца и равенъ Ему истиннымъ образомъ и подобіемъ, не такимъ, которое измѣнялось-бы, но неизмѣннымъ, какъ Сынъ, истинно и единосущно рожденный отъ Отца. Такъ мы думаемъ и о Духѣ Святомъ, потому что Онъ отъ Отца исходитъ, хотя и не раждается, такъ какъ Сынъ единороденъ». И нѣсколько дальше (стр. 918): «если мы станемъ искать родителя для нерожденнаго, чтобы не потерять истиннаго мнѣнія о Христѣ, тогда найдется уже не Одинъ Отецъ, и не Отецъ Отца, но окажутся при исканіи безконечные Отцы Отцовъ, и будетъ уже не Одинъ Богъ, вѣчно сущій, ничего не имѣвшій прежде Себя и всегда пребывающій, отъ Котораго родился и существуетъ истинный, единородный Сынъ и Святый Духъ, отъ Него происшедшій,—но будутъ искомые многіе Боги».

Въ опроверженіи ереси LXVII, ереси Іеракитовъ (гл. II. т. I, стр. 711) Епифаній говоритъ: «объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ—(Іераксъ) думаетъ не одинаково съ Оригеномъ, но вѣритъ, что Сынъ истинно рожденъ отъ Отца, и о Духѣ Святомъ, что Онъ происходитъ отъ Отца».

Въ концѣ «слова якорнаго» (т. II, стр. 123) встрѣчаемъ такое мѣсто: «святый символъ неповрежденно содержитъ такое ученіе: вѣрую въ Духа Святаго, Господа животворящаго, отъ Отца исходящаго, съ Отцомъ и Сыномъ спокланяемаго и спрославляемаго, говорившаго чрезъ пророковъ».

Въ опроверженіи ереси LXXVI, ереси Аномеевъ, противъ главы II Аэтія Епифаній возражаетъ: «Отецъ, или Сынъ, или Святый Духъ не воспринялъ отъ другой природы и не далъ другой природѣ соучастія въ Своей природѣ и достоинствѣ, и не вслѣдствіе какого-либо сѣченія, или истеченія совершилось происхожденіе Единороднаго и Духа Святаго изъ Отца и произвело

измѣненіе въ Его природѣ, но какъ изначала превосходнѣйшая природа Отца всегда была нерожденною и несозданною, такъ Онъ ясно возвѣстилъ намъ, что Онъ отъ вѣчности произвелъ отъ Себя превосходнѣйшаго Сына и Святаго Духа безъ всякаго измѣненія».

То-же читаемъ въ опроверженіи главы VIII Аэтія (стр. 944): «Отецъ могъ родить только Одного Единороднаго, а не другого какого-либо еще послѣ одного, и произвелъ изъ Себя Святаго Духа, а не другого еще Духа; для произведенныхъ-же и всегда производимыхъ отъ Него Онъ есть Создатель и Творецъ. Посему уже́ не много Сыновъ раждается и не много Духовъ отъ Него исходитъ, но одно и то-же Божество всегда пребываетъ и прославляется въ Тройцѣ».

Въ опроверженіи главы XIV Аэтія (номеръ II, стр. 954): «исповѣдуемъ Его и безстрастнымъ Родителемъ, и безстрастнымъ Создателемъ: ибо родилъ Онъ Единороднаго, не страдая и извелъ изъ Себя Святаго Духа, не подвергшись дѣленію».

Въ опроверженіи главы XXII Аэтія (стр. 967) Епифаній пишетъ: «не всякую сущность называемъ мы нерожденною и не всякую отъ Бога рожденною, потому что родившій рожденнаго отъ Него и пославшій отъ Себя Святаго Духа Своего, Духа, причастнаго тому, что принадлежитъ Сыну, не всѣхъ родилъ, но одного, почему Онъ и есть Единородный, и одного послалъ отъ Себя, почему Онъ и есть Святый Духъ». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 969): «ни потому, что Онъ родилъ Единороднаго, ни потому, что Единородный рожденъ, ни потому, что Святый Его Духъ отъ Него посланъ, страданіе не касается Святой Тройцы». Тамъ-же, немного далѣе: «рожденное не тѣлесно, но есть духъ отъ духа и Сынъ отъ Отца. Такимъ-же образомъ и Святый Духъ, отъ Него исходящій, Духъ Отца, Духъ Христовъ, несозданный, нерожденный, не собратъ, не прародитель, не внукъ».

Въ опроверженіи главы XXIII Аэтія (стр. 970): «нерожденная природа находится не въ одинаковомъ ко всему, но въ иномъ отношеніи къ рожденному Единородному и къ исшедшему отъ Нея Святому Духу; Она—служитъ причиною не такъ, какъ то, что существуетъ по отношенію къ тому, чего нѣтъ: ибо Рожден-

ный не происходитъ изъ ничего, а Родившій существуетъ, также и Святый Духъ, отъ Него исшедшій».

Въ опроверженіи главы XXV Аэтія (стр. 972): «Сынъ не имѣетъ названія ни сотвореннаго, ни созданнаго: Его признаютъ (Ангелы и вѣрующіе) рожденнымъ отъ Отца и покланяются Ему, какъ сущему отъ Сущаго, равно какъ и отъ Него (Отца) исшедшему Святому Духу».

Въ опроверженіи главы XXVII Аэтія (стр. 974): «поэтому и сами мы не покланяемся всему, что ниже существа Самого Бога, такъ какъ прилично воздавать поклоненіе одному только неподчиненному, Отцу нерожденному, и Сыну, Который отъ Него, и Святому Духу, отъ Него и чрезъ Единороднаго происшедшему». И далѣе: «все это создано и сотворено, Отецъ-же не созданъ, имѣетъ Сына, отъ Него рожденнаго, но не созданнаго, и Святаго Духа, отъ Него исходящаго и несозданнаго». И еще далѣе тамъ-же: «ни Сынъ, вслѣдствіе того, что рожденъ, не будетъ страдать, ни Духъ Святый, вслѣдствіе того, что исходитъ отъ Отца: ибо и Отецъ въ томъ, что Онъ родилъ и извелъ изъ Себя Самого, и во всемъ остальномъ, что послѣ Сына и Духа созданъ, не подлежитъ страданію причины».

Въ опроверженіи главы XXVIII Аэтія (стр. 975): «такъ какъ нерожденная природа есть сущность, и изъ себя самой, а не изъ ничего безпорочно и безстрастно родила она Единороднаго, безвременно и безначально, и изъ себя же самой она извела Святаго Духа, а не изъ ничего, то въ Святой Каѳолической Церкви православно проповѣдуется единосущная Тройца».

Въ опроверженіи главы XXIX Аэтія (стр. 976): «Богъ Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ есть самосущность, и не различная сущность: ибо Сынъ не есть собратъ въ отношеніи къ Отцу, не рожденъ послѣ, но неизъяснимымъ образомъ имя Отецъ сопричествуетъ въ отношеніи къ Отцу и Сыну, происшедшему отъ Него, чрезъ Него и отъ того, что есть Его, Святому Его Духу».

Въ опроверженіи главы XXXII Аэтія (стр. 980): «несомнѣнно, что въ нерожденной природѣ пребываетъ Богъ, сотворившій и создавшій все изъ ничего: Отецъ, раждающій изъ Себя Сына, единосущнаго Себѣ Самому и сопричествующаго Его вѣчности,

и Духа, отъ Него исшедшаго, приличествующимъ образомъ пребывающаго въ единосущіи съ Нимъ». И дальше: «сущность не подлежитъ ни растяженію, ни сокращенію; но, будучи Самъ духомъ, Отецъ родилъ истинно духа Сына и извелъ изъ Себя Духа Святаго».

Въ опроверженіи главы XXXIII Аэтія (стр. 982): «Сынъ есть всегда отъ Самого Родителя: почему Онъ есть рожденное отъ Сущаго, какъ и отъ Него-же исшедшій Святый Духъ, такъ что Тройца находится въ одномъ несозданномъ единствѣ».

Въ опроверженіи главы XXXV Аэтія (стр. 984): «Духъ Святый вѣчно существуетъ и отъ Отца посылается; Онъ также всегда пребываетъ съ Отцомъ и не отъ времени началъ быть».

Наконецъ въ опроверженіи главы XXXVI Аэтія (стр. 986): «рожденное мы называемъ не произведеніемъ и не твореніемъ, но Сыномъ, существенно отъ Отца въ чистотѣ рожденномъ, единосущнымъ Отцу и спокланяемымъ Ему; и Святаго Духа называемъ исшедшимъ отъ Него и не чуждымъ Ему, а носему и спокланяемымъ».

Въ описаніи LXXIII ереси—ереси Полуаріанъ, (номеръ XVII-й, стр. 863): «восточные признаютъ, что Святый Духъ, Котораго Божественное Писаніе именуетъ Утѣшителемъ, самостоятельно существуетъ отъ Отца чрезъ Сына».

Въ описаніи ереси LIX, ереси Каѳаровъ, (номеръ VIII-й, стр. 500): «о Святомъ Духѣ Петръ учитъ насъ, говоря къ Ананіи и женѣ его: зачѣмъ сатана искусилъ васъ солгать Духу Святому? Вы солгали не человѣку, но Богу. Ибо Духъ отъ Бога и не чуждъ Богу». Затѣмъ далѣе въ очень многихъ мѣстахъ Епифаній отдѣляетъ Сына отъ Отца въ дѣлѣ исхожденія Святаго Духа и учитъ, что Духъ Святый исходитъ именно отъ Отца, а не и отъ Сына; отъ Сына онъ только получаетъ, по слову Спасителя: «изъ Моего получитъ (возьметъ)».

Въ описаніи ереси XLVIII, ереси Фриговъ или Монтанистовъ, въ концѣ (стр. 414): «единъ есть Духъ Святый, удѣляющій всякому, кому хочетъ; Онъ называется то Духомъ благочестія, то Духомъ Христа, то Духомъ, исходящимъ отъ Отца, то

получающимъ отъ Сына, то имѣющимъ бытіе, не чуждое Отцу и Сыну».

Въ описаніи ереси LVII—Ноэтіанъ (стр. 482): «о Духѣ Святомъ Спаситель сказалъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, отъ Моего получитъ, чтобы показать ипостаснаго Отца, ипостаснаго Сына и ипостаснаго Духа Святаго». И нѣсколько дальше (стр. 483): «отъ Самого Отца исходитъ и Духъ Святый, существующій ипостасно, и Онъ поистинѣ совершенный Духъ истины, все просвѣщающій, отъ Сына получающій, Духъ истины, Духъ Отца, Духъ Христа».

Въ описаніи ереси LXII,—ереси Савелліанъ (стр. 514): «Духъ Святый никогда не называлъ Себя Христомъ, но Духомъ Христа, чрезъ Христа подаваемымъ, отъ Отца исходящимъ, отъ Сына получающимъ». И немного дальше (515): «Духъ—вѣчно съ Отцомъ и Сыномъ, не собратъ Отцу, не рожденный, не сотворенный, не братъ Сыну, не потомокъ Отца, но исходящій отъ Отца и получающій отъ Сына». И еще дальше (стр. 518): «Духъ Святый, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій, вѣчно единый Богъ, первый и послѣдующій».

Въ описаніи ереси LXV,—ереси Павла Самосатскаго (стр. 613): «о Духѣ Святомъ Спаситель говоритъ: Я иного Утѣшителя пошлю вамъ. Обрати вниманіе на слова: пошлю, иного и Я. Здѣсь Спаситель имѣетъ въ виду показать ипостась Отца и ипостась Св. Духа. Онъ Меня прославитъ, говорилъ Онъ о Св. Духѣ, потому что отъ Моего получитъ. И какимъ называетъ Его? Отъ Отца исходящимъ и отъ Моего получающимъ».

Въ опроверженіи ереси LXVII,—ереси Іеракитовъ, (стр. 714): «хотя мы и не называемъ Духа рожденнымъ, потому что Сынъ единороденъ, однако Христосъ называетъ Духа исходящимъ отъ Отца и отъ Моего получающимъ. Итакъ—Онъ исходитъ отъ Отца и отъ Моего получаетъ и не можетъ быть безъ Отца».

Въ опроверженіи ереси LXIX,—ереси Аріанъ, (стр. 741): «Духъ Святый не равенъ другимъ духамъ, потому что Онъ есть единый Духъ Божій, Духъ, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій». И немного дальше (стр. 742): «Духъ Святый, какъ знаетъ Самъ Отецъ и Единородный, не рожденъ, не сотворенъ

и не чуждъ Отцу и Сыну, но исходитъ отъ Отца и отъ Сына получаетъ». И въ главѣ XXVII (стр. 752): «Духъ Святый есть Богъ отъ Бога; чрезъ Него мы именуемся храмами Духа, если вселимъ въ себя Духа Его. Ибо Духъ Христа есть Духъ отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій, какъ исповѣдуетъ Самъ Единородный». Затѣмъ снова (стр. 757): «все создано Богомъ; Одинъ Сынъ Божій рожденъ и Одинъ Духъ Святый отъ Отца исшелъ и отъ Сына получилъ. Прочее-же все создано, а не произошло отъ Отца и получило не отъ Сына, но отъ полноты Сына». Въ другомъ мѣстѣ (774): «о Духѣ Святомъ они осмѣливаются говорить, что Онъ созданъ Сыномъ, тогда какъ Онъ не созданъ, исходитъ отъ Отца и отъ Сына получаетъ». Затѣмъ дальше (стр. 780): «какъ можетъ быть созданнымъ Духъ, о Которомъ есть свидѣтельство, что Онъ отъ Отца исходитъ и отъ Моего получаетъ»? Наконецъ (стр. 788): «отхожу (говоритъ Спаситель) и пошлю вамъ Духа Святаго, Который отъ Отца исходитъ и отъ Моего получаетъ».

Въ опроверженіи ереси LXXI,—ереси Фотиніанъ, въ концѣ (стр. 833): «святое слово обличаетъ тебя, когда Господь, признавая Святаго Духа однороднымъ съ Собою по Божеству, говоритъ: Который отъ Отца исходитъ и отъ Моего получаетъ».

Въ опроверженіи ереси LXXIV,—ереси Духоборцевъ, (стр. 887): «Онъ называется Духомъ Господнимъ, отъ Отца исходящимъ и отъ Сына получающимъ». И дальше (стр. 898): «если Духъ Святый отъ Отца исходитъ и отъ Моего получитъ, какъ говоритъ Господь; то подобно тому какъ ни Отца никто не знаетъ, только Сынъ, ни Сына, только Отецъ, такъ, осмѣливаюсь сказать, и Духа Святаго никто не знаетъ, кромѣ Сына, отъ Котораго Онъ получаетъ, и Отца, отъ Котораго исходитъ». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 900): «Духъ есть Духъ Святый и Сынъ есть Сынъ. Духъ-же отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ. По наименованію—Онъ третій».

Въ опроверженіи ереси LXXVI,—ереси Аномеевъ, (стр. 918): «намъ нужно знать, какъ и есть въ дѣйствительности, единаго Бога, Отца Господа нашего Іисуса Христа, отъ Котораго и Духъ Святый, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій». И нѣ-

сколько дальше (стр. 921): «Отецъ чрезъ Сына и Святаго Его Духа, отъ Него исшедшаго и отъ Сына получающаго, сотворилъ и утвердилъ все».

Въ опроверженіи главы VIII Аэтія (стр. 945): «чрезъ одного (Сына), не по благодати и не простымъ лишь именованіемъ называемаго Сыномъ, но Сына поистинѣ, созданы остальные сыны, отъ Одного Отца, чрезъ Одного Сына, съ исходящимъ отъ Перваго и получающимъ (берущимъ) отъ Второго Святымъ Духомъ».

Въ опроверженіи главы XV Аэтія (стр. 955): «Родившій пребываетъ, всегда имѣя Рожденнаго изъ Него и совершеннаго Его Духа, Который отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ (беретъ)».

Въ опроверженіи главы XX Аэтія (стр. 964): «Отецъ есть воистину истинный Богъ, какъ свидѣтельствуетъ Сынъ, видящій Отца. И Сынъ есть истинный свѣтъ, знаемый Отцомъ и свидѣтельствуемый. И Духъ есть Духъ истинный, не чуждый, но отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій (берущій)».

Въ опроверженіи главы XXVIII Аэтія (стр. 975): «Тройца есть всегда: Отецъ,—Отецъ совершенный, Сынъ, Сынъ совершенный, отъ Отца рожденный, и Духъ Святый, Духъ совершенный, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій».

Въ опроверженіи XXXI главы Аэтія (стр. 979): «Богъ свободенъ отъ всякой причины, имѣя все въ Себѣ Самомъ, не съ промедленіемъ и раскаяніемъ, но времени начавъ имѣть Сына или Святаго Духа Своего, но приличествующимъ всегда имѣющему Сына образомъ, имѣя рожденнаго Сына и притомъ Единороднаго, имѣющаго всегда Отца въ Себѣ Самомъ; имѣетъ и Духа Святаго, существующаго отъ Отца и отъ Сына получающаго».

Въ «словѣ якорномъ» (т. II, стр. 11): «Единороденъ—Одинъ Сынъ; Святый Духъ есть Духъ Святый, Духъ Божій, всегда существующій со Отцомъ и Сыномъ, не чуждый Богу, но отъ Бога сущій, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій». И немного дальше, въ главѣ VII: «и Духъ есть Святый Духъ, а Сынъ есть Сынъ; Духъ-же отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ». Затѣмъ въ главѣ VIII (стр. 12): «Духъ Свя-

тый единственный, имѣющій не имя Сына, не именованіе Отца, но Духъ Святый, такъ называемый, не чуждый Отцу. Ибо Самъ Единородный говоритъ: Духъ Отца, Который отъ Отца исходитъ и отъ Моего возьметъ; чтобы не считали Его чуждымъ ни Отцу, ни Сыну, но имѣющему ту-же сущность, то-же Божество». Также въ главѣ XI (стр. 16): «Духа никто не знаетъ, кромѣ Отца, отъ Котораго Онъ исходитъ, и Сына, отъ Котораго получаетъ». Наконецъ тамъ-же (стр. 124): «вѣруемъ въ Него, что Онъ есть Духъ Святый, Духъ Божій, Духъ совершенный, Духъ Утѣшитель, не созданный, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій».

Св. Григорій [1]), епископъ Нисскій, въ сочиненіи «объ общихъ понятіяхъ (т. I твореній, Парижскаго греко-латинскаго изданія 1615 года, стр. 917) говоритъ: «опять—всѣ человѣческія лица имѣютъ бытіе не отъ одного и того-же лица непосредственно, но одни—отъ одного, а другія—отъ другого; даже многія и различныя, происшедши отъ причины, сами бываютъ причиною. Но не такъ въ Св. Троицѣ: ибо отъ одного и того-же лица Отца раждается Сынъ и исходитъ Св. Духъ. Посему мы утверждаемъ, что Одинъ. Богъ есть единственная причина происшедшихъ отъ Него,—такъ какъ Онъ и существуетъ вмѣстѣ съ Ними». Эти слова въ опроверженіе заблужденія латинянъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ привелъ Григорій Ѳессалоникійскій въ первомъ доказательномъ словѣ (стр. 10 греческаго Лондонскаго изданія). И что можетъ быть яснѣе этихъ словъ? Святый Григорій учитъ, что отъ одного и того-же лица, или отъ одного только лица Отца Сынъ раждается, а Духъ Святый исходитъ, и что Сынъ и Св. Духъ получаютъ Свое начало не отъ многихъ лицъ вмѣстѣ, какъ люди, которые ведутъ происхожденіе отъ многихъ лицъ.

Въ книгѣ I противъ Евномія (въ прибавленіи къ твореніямъ св. Григорія Нисскаго, изданномъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ Парижѣ Гретсеромъ, стр. 100) читаемъ: «Отецъ безначаленъ, нерожденъ и понимается всегда, какъ Отецъ;

---

[1]) Григорій Нисскій род. въ 330 г., епископомъ сталъ въ 371, умеръ въ 395 г. *Прим. перев.*

а отъ Него непрерывно и нераздѣльно понимается вмѣстѣ съ Отцомъ Единородный Сынъ; чрезъ Сына же и съ Нимъ, прежде нежели мысль встрѣтитъ промежуточную пустоту и безличную среду, немедленно и въ соединеніи съ Тѣмъ и Другимъ постигается и Духъ Святый, не позднѣе Сына по бытію, такъ чтобы Единородный могъ когда-нибудь быть представляемымъ безъ Духа; но Самъ Святый Духъ имѣетъ причину бытія отъ Бога вселенной, какъ и Единородный свѣтъ. Возсіявшій-же черезъ этотъ истинный свѣтъ не отдѣляется отъ Отца и отъ Сына никакимъ разстояніемъ и никакимъ различіемъ природы». Въ этихъ словахъ св. Григорій Нисскій причину Св. Духа ясно относитъ къ Одному только Отцу, а не вмѣстѣ и къ Сыну. Чрезъ Сына, какъ онъ прибавляетъ, Духъ Святый только возсіяваетъ. А что онъ разумѣетъ подъ словами: «чрезъ Сына Духъ Святый возсіяваетъ» — это самъ онъ указываетъ въ предшествующихъ словахъ: «чрезъ Него (Сына) и съ Нимъ, прежде нежели мысль встрѣтитъ промежуточную пустоту и безличную среду, немедленно и въ соединеніи съ Тѣмъ и Другимъ постигается и Духъ Святый». Слѣдовательно, выраженіе Григорія Нисскаго: Духъ Святый чрезъ Сына возсіяваетъ, означаетъ то-же, что чрезъ Сына и съ Сыномъ Духъ Святый соединенъ съ Отцомъ и Сыномъ, потому именно, что Сынъ раждается отъ Отца, когда никто еще не былъ произведенъ, а Духъ Святый исходитъ отъ Отца, когда былъ произведенъ Сынъ. Объ этомъ ученіи Григорія Нисскаго мы скажемъ потомъ.

Одинаковый смыслъ имѣютъ и слѣдующія слова той-же I книги противъ Евномія (стр. 132): «представимъ себѣ не лучъ отъ солнца, но отъ нерожденнаго солнца другое солнце, которое явилось вмѣстѣ съ первымъ черезъ рожденіе,—равное съ нимъ во всемъ:—въ красотѣ, въ силѣ, въ блескѣ, въ величинѣ, въ ясности,—однимъ словомъ во всемъ, что усматривается въ солнцѣ. И еще другой подобный свѣтъ такимъ-же образомъ представимъ, никакимъ временнымъ разстояніемъ не отдѣляемый отъ рожденнаго свѣта, но чрезъ него возсіявающій, причину-же иностаси своей получающій въ первообразномъ свѣтѣ». Такимъ образомъ, здѣсь снова причину Св. Духа Григорій приписываетъ Одному

только Отцу и прибавляетъ, что Духъ Святый только возсіяваетъ чрезъ Сына. Для всякаго очевидно, что эти выраженія Григорія Нисскаго: «чрезъ Сына» возсіяваетъ и «отъ Отца» имѣетъ бытіе—обозначаютъ мысль не тождественную, такъ какъ онъ ихъ противопоставляетъ: «чрезъ Сына, говоритъ, возсіяваетъ, но отъ Отца исходитъ». Слѣдовательно, эти выраженія необходимо признать устанавливающими различіе.

То-же находимъ въ одномъ мѣстѣ, предшествующемъ приведеннымъ (на стр. 78): «Духъ—связанъ съ Отцомъ, потому что Тотъ и Другой не сотворены, но Онъ отличается отъ Отца тѣмъ, что Онъ—не Отецъ, какъ Тотъ. А съ Сыномъ Онъ (Духъ) связанъ и тѣмъ, что Оба Они не сотворены, и тѣмъ, что Оба имѣютъ причину бытія отъ Бога вселенной; отличается-же Онъ (Духъ) отъ Сына тѣмъ Своимъ свойствомъ, что не произошелъ отъ Отца, какъ Единородный, и что явился черезъ Сына». Желая показать, чѣмъ Духъ Святый отличается отъ Сына, св. Григорій Нисскій говоритъ, что Онъ происходитъ отъ Отца, но не чрезъ рожденіе; но при этомъ онъ отнюдь не прибавляетъ, что Духъ Святый отличается отъ Сына также тѣмъ, что Онъ отъ Него исходитъ, а только поясняетъ, что Онъ чрезъ Сына является, тогда какъ причину бытіе имѣетъ отъ Отца. Слѣдовательно, Григорій Нисскій вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

Но возразятъ: Григорій Нисскій дальше говоритъ: «опять, такъ какъ тварь приведена въ бытіе чрезъ Сына, то да не подумаетъ кто-нибудь, будто и Духъ, какъ явившійся чрезъ Сына, имѣетъ нѣкую общность съ тварію: Духъ отличается отъ твари непреложностью и неизмѣняемостью. Поэтому можно сказать: если бы подъ обнаруженіемъ черезъ Сына Григорій не подразумѣвалъ причину, то онъ конечно, не прибавилъ-бы: такъ какъ и тварь приведена въ бытіе чрезъ Сына, не прибавилъ-бы изъ опасенія, чтобы не подумали, будто и Духъ Святый, какъ явившійся чрезъ Сына, имѣетъ общность съ тварію, какъ будто и Самъ Онъ—тварь вслѣдствіе обнаруженія чрезъ Сына. Далѣе онъ отличаетъ тварей отъ Духа Святаго только особенностями божественной природы. Такимъ образомъ онъ молча соглашается,

что и твари, и Духъ Святый приведены въ бытіе чрезъ Сына, хотя Духъ Святый и отличается отъ тварей». Но что Григорій Нисскій, говоря, что Духъ Святый возсіяваетъ или является чрезъ Сына, не разумѣетъ здѣсь причины [1]), это только что доказано. Притомъ Григорій Нисскій выразился не такъ: «такъ какъ и тварь также приведена въ бытіе чрезъ Сына», но просто: «такъ какъ тварь приведена въ бытіе чрезъ Сына» безъ прибавленія— также и. Кромѣ того онъ приводитъ не свое собственное мнѣніе, но мнѣніе еретиковъ, что можетъ показаться, будто Духъ Святый, какъ явившійся чрезъ Сына, есть тварь, на томъ основаніи, что и тварь получила бытіе чрезъ Сына. Слѣдовательно, для того, чтобы опровергнуть это возраженіе еретиковъ, Григорію Нисскому не было нужды доказывать, что выраженіе «является чрезъ Сына» не означаетъ причины,—достаточно было какимъ угодно способомъ подтвердить, что Духъ Святый не есть тварь, напримѣръ, словами, что Онъ неизмѣняемъ, непреложенъ. Этимъ Григорій Нисскій хотѣлъ только сказать, что еретику могло показаться, что Духъ Святый имѣетъ общность съ тварію, такъ какъ Онъ является чрезъ Сына, а тварь имѣетъ бытіе отъ Сына. Если-бы, наконецъ, этотъ святой Отецъ училъ согласно съ мнѣніемъ латинянъ, толкующихъ выраженіе: «является чрезъ Сына» въ смыслѣ причины, то онъ въ доказательство отличія Духа Святаго отъ тварей привелъ бы, конечно, то основаніе, что Духъ Святый исходитъ изъ ипостаси Сына, а твари приведены въ бытіе чрезъ Сына изъ ничего; такимъ образомъ весь вышеупомянутый доводъ онъ разбилъ-бы двумя словами. Итакъ, это возраженіе противъ исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца не имѣетъ никакой силы.

Въ сочиненіи Григорія Нисскаго «о томъ, что не три Бога», въ концѣ (т. II твореній, стр. 459) [2]) читаемъ: «исповѣдуя, что Божественная природа чужда различія и разнообразія, мы не отрицаемъ разности, которая существуетъ между причиною и тѣмъ, что происходитъ отъ причины, понимая, что этимъ только

[1]) — не считаетъ Сына причиною бытія Св. Духа.

[2]) Полное заглавіе: «Къ Авлампію о томъ, что не три Бога».

и различается одно отъ другого, именно мы вѣруемъ, что одно есть причина, а другое—отъ причины. И въ томъ, что отъ причины, опять представляемъ себѣ другую разность; ибо одно (происходитъ) прямо отъ перваго, другое отъ перваго-же при посредствѣ того, что отъ Него прямо (произошло), такъ что и единородность несомнѣнно остается при Сынѣ, и Духу несомнѣнно также принадлежитъ бытіе отъ Отца, потому что посредничество Сына и Ему Самому сохраняетъ единородность, и Духа не удаляетъ отъ естественнаго отношенія къ Отцу». Св. Григорій Нисскій учитъ, что между лицами нѣтъ никакого иного различія, кромѣ разности быть причиною и происходить отъ причины: а между происходящими отъ причины, т. е. между Сыномъ и Св. Духомъ, онъ снова указываетъ ту разницу, что Сынъ раждается отъ Отца безъ всякаго посредника или производителя, а Духъ Святый также отъ Отца, но чрезъ Сына,—безъ сомнѣнія съ тою цѣлью, чтобы, если-бы и Сынъ, и Духъ Святый одинаково были отъ Отца, то чтобы не вѣровали, будто и Тотъ, и Другой рожденъ отъ Отца. Вотъ почему, сказавши, что Духъ Святый отъ Отца чрезъ Сына, онъ въ поясненіе этого дальше прибавляетъ: «потому что посредничество Сына не удаляетъ и Духа отъ естественнаго отношенія къ Отцу». Такимъ образомъ онъ учитъ, что Духъ Святый не иначе исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, какъ только потому, что Духъ произошелъ отъ Отца, когда Сынъ уже родился отъ Отца. А такъ какъ этими словами Григорій Нисскій ясно желаетъ показать, какимъ образомъ различаются между собою ипостаси—служащая причиною и происходящія отъ причины, то, безъ сомнѣнія, отсюда явствуетъ его вѣрованіе, что Одинъ только Отецъ есть производитель Св. Духа. Именно Григорій Нисскій учитъ, что и Сынъ, и Духъ Святый одинаково происходятъ только отъ Отца,—разница между Ними въ томъ, что Сынъ—отъ Отца безъ всякаго посредника, а Духъ Святый при посредствѣ или послѣ появленія Сына, а потому Онъ получаетъ бытіе отъ Отца чрезъ Сына. Слѣдовательно, если разность между происхожденіемъ Сына и Св. Духа заключается только въ этомъ, то, конечно, не Сынъ, а Одинъ только Отецъ есть производитель Св. Духа. Если-бы Григорій Нисскій держался мнѣ-

нія латинянъ, то онъ, конечно, училъ-бы, что Духъ Святый имѣетъ бытіе и отъ Сына, такъ какъ у него здѣсь видно явное намѣреніе сказать о происхожденіи Лицъ и объ отличительныхъ свойствахъ, которыми ипостаси взаимно между собою различаются. Въ этомъ смыслѣ онъ и далѣе только въ одномъ порядкѣ полагаетъ разность между ипостасями.

Въ книгѣ I противъ Евномія (въ прибавленіи къ твореніямъ по вышеупомянутому Парижскому изданію, стр. 164) Григорій Нисскій говоритъ: «то-же слѣдуетъ намъ сказать и о Святомъ Духѣ,—именно, что Онъ имѣетъ различіе въ одномъ только порядкѣ. Ибо какъ Сынъ соединяется съ Отцомъ, и, отъ Него имѣя бытіе, не позднѣе Его по началу бытія, такъ опять и Духъ Святый соединяется съ Единороднымъ, Который только мысленно, по отношенію къ причинѣ, представляется прежде ипостаси Духа. Временнымъ-же промежуткамъ нѣтъ мѣста въ предвѣчной жизни, такъ что, за исключеніемъ понятія причины, ни въ чемъ Святая Троица не разнится въ Самой Себѣ».

Говорятъ [1]): «но Григорій Нисскій сказалъ, что между лицами нѣтъ никакой иной разности, кромѣ той, что одно есть причина, а другое—отъ причины. Слѣдовательно, причина Духа Святаго есть Сынъ: ибо Духъ Святый не произвелъ Сына». Но слова Григорія Нисскаго читаются такъ: «не отрицаемъ разности быть причиною и происходить отъ причины, понимая, что этимъ только и различается одно отъ другого, именно тѣмъ, что, какъ вѣруемъ, одно есть причина, а другое отъ причины. И въ томъ, что отъ причины, опять представляемъ себѣ другую разность; ибо одно (происходитъ) прямо отъ перваго, другое отъ перваго-же при посредствѣ того, что отъ Него прямо (происходитъ)». Итакъ Григорій Нисскій не только прямо учитъ, что въ Божествѣ одно отличается отъ другого только тѣмъ, что одно есть причина, а другое отъ причины; но вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что въ отношеніи того, что отъ причины, опять должно представлять себѣ разность,—именно: одно изъ того, что отъ причины, прямо

---

[1]) Петавій въ кн. VII о Тройцѣ, гл. III, и Циховій въ разныхъ мѣстахъ.

отъ перваго, а другое отъ перваго при посредствѣ того, что прямо отъ перваго. Слѣдовательно, когда Григорій Нисскій говоритъ, что одно различается отъ другого только тѣмъ, что одно есть причина, а другое отъ причины, то смыслъ словъ его таковъ: одно есть причина, другое (происходитъ) прямо отъ перваго, а третье отъ перваго при посредствѣ того, что прямо (произошло) отъ перваго.

Далѣе говорятъ [1]): итакъ, какимъ образомъ восточные утверждаютъ, что Духъ Святый непосредственно происходитъ отъ Одного только Отца, если Григорій Нисскій ясно признаетъ здѣсь посредничество? Какимъ также образомъ Сынъ и Духъ Святый отличаются въ различныхъ отношеніяхъ, если Григорій Нисскій учитъ здѣсь, что лица имѣютъ только ту разность, что одно лицо есть причина, а другія—отъ причины? Наконецъ, какимъ образомъ предлогъ «чрезъ» (διά) можетъ означать «съ» (cum), если Григорій Нисскій свидѣтельствуетъ здѣсь, что словомъ «чрезъ» обозначается «посредничество» (μεσιτεία), чего, конечно, не означаетъ предлогъ «съ»? Но что касается перваго возраженія, что восточные учатъ о непосредственномъ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, то это они разумѣютъ по отношенію къ причинѣ, т. е., что подобно тому какъ Сынъ раждается отъ Одного только Отца, такъ и Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не въ отношеніи порядка, въ которомъ Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Да и Григорій Нисскій признаетъ посредничество только въ отношеніи порядка, какъ это мы видѣли выше изъ его собственныхъ словъ, именно,—что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, когда родился Сынъ. Затѣмъ, когда Григорій Нисскій учитъ, что ипостаси имѣютъ между собою только ту разность, какая существуетъ между причиною и тѣмъ, что отъ причины, то этимъ онъ также намекнулъ, что Сынъ и Духъ Святый разнятся въ различныхъ отношеніяхъ, т. е. рожденіемъ и исхожденіемъ. Смыслъ этихъ словъ, какъ показано выше, не тотъ, что одно всегда бываетъ причиною, а другое происходящимъ отъ причины: прибавляя, что другая разность представляется въ томъ,

---

[1]) Циховій въ вопросѣ VI, стр. 54.

что отъ причины,—ибо одно непосредственно отъ перваго, а другое отъ перваго-же при посредствѣ того, что отъ него непосредственно (эти слова его мы видѣли выше), онъ этимъ вмѣстѣ научаетъ, что Сынъ и Духъ Святый отличаются Одинъ отъ Другого только по способу происхожденія отъ причины. А такъ какъ Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Отца, то Сынъ отъ Отца происходитъ непосредственно, а Духъ произведенъ отъ Отца чрезъ Сына. Наконецъ, когда восточные говорятъ, что Духъ Святый произведенъ отъ Отца съ Сыномъ, то смыслъ словъ ихъ тотъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, когда произведенъ Сынъ. Этотъ порядокъ восточная Церковь соблюдаетъ всегда, и ничего болѣе не обозначаетъ посредничество, признаваемое Григоріемъ Нисскимъ, какъ это мы раньше видѣли,

Возражаютъ затѣмъ [1]): кто исходитъ отъ перваго не непосредственно, но при посредствѣ или чрезъ того, который отъ перваго, тотъ исходитъ не отъ Одного только Отца: но Духъ Святый и пр. Слѣдовательно, и пр... Несостоятельность этого умозаключенія вытекаетъ сама собою изъ вышесказаннаго. Если большую посылку понимать въ смыслѣ причины, то меньшая, конечно, ложна: ибо Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ посредство не въ смыслѣ причины. Если-же большую посылку разумѣть въ смыслѣ порядка, въ какомъ происходитъ кто-либо отъ причины, то съ допущеніемъ меньшей, сама большая становится совсѣмъ ложной, такъ что для всякаго ясно, что, раздѣливъ большую посылку, нельзя сдѣлать никакого вывода.

Говорятъ еще [2]): Дамаскинъ, выражаясь въ книгѣ I «о вѣрѣ», въ главѣ II: «мы знаемъ Одного Бога, только въ свойствахъ отцовства, сыновства и исхожденія и признаемъ различіе въ отношеніи причины и происходящаго отъ причины»,—показываетъ, что свойства отцовства, сыновства и исхожденія суть отличительныя свойства Божественныхъ лицъ, взятыя не сами по себѣ, но въ отношеніи причины и происхожденія отъ причины; такъ что тамъ, гдѣ не принимается въ соображеніе причина и происхожденіе отъ причины, тамъ дѣйстви-

---

[1]) Циховій въ вопросѣ VIII, стр. 84.

[2]) Циховій въ томъ-же вопросѣ.

тельнаго различія не оказывается. Но въ какомъ именно смыслѣ, по ученію Отцовъ, различаются ипостаси въ отношеніи причины и происхожденія отъ причины, это только что показано на примѣрѣ Григорія Нисскаго. Смыслъ-же приведенныхъ словъ Дамаскина тотъ, что ипостаси различаются въ отношеніи причины и происхожденія отъ причины, потому что иной есть Отецъ или раждающій, иной Сынъ или раждаемый и иной Духъ Святый, Который исходитъ; эти свойства онъ перечислилъ немного раньше. А что смыслъ словъ Дамаскина именно такой, это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ его изъ V главы, III книги сочиненія «о православной вѣрѣ»: «различіе ипостасей признаемъ въ трехъ единственно свойствахъ: не имѣть причины своего бытія и быть Отцомъ; имѣть причину своего бытія и быть Сыномъ; имѣть причину своего бытія и исходить». Притомъ самыя слова Дамаскина, приводимыя въ качествѣ возраженія, цитировались выше въ урѣзанномъ видѣ;—цѣликомъ они читаются такъ: «и представляемъ различіе въ отношеніи причины и происходящаго отъ причины и по совершенству ипостаси, т. е., образу бытія». Слѣдовательно, Дамаскинъ учитъ, что ипостаси различаются между собою отцовствомъ, сыновствомъ и исхожденіемъ постольку, поскольку эти свойства суть различные образы бытія; а сыновство есть образъ бытія Сына, исхожденіе-же есть образъ бытія Духа Святаго, какъ всегда учила вся восточная Церковь, а также учитъ и самъ Дамаскинъ въ главѣ X-й книги I-й «изложенія православной вѣры». Слѣдовательно, по Дамаскину, Святый Духъ и Сынъ просто различаются сыновствомъ и исхожденіемъ. Въ этомъ-же смыслѣ, какъ самъ онъ сказалъ въ приведенныхъ словахъ, Сынъ и Духъ Святый различаются въ отношеніи причины. Ибо если ипостаси, различаясь по образу бытія, кромѣ того различаются и въ отношеніи причины и происхожденія отъ причины, какъ читается въ приведенномъ мѣстѣ Дамаскина; образы же существованія Духа Святаго и Сына суть исхожденіе и сыновство: то Сынъ и Духъ Святый по необходимости различаются въ отношеніи происхожденія отъ причины постольку, поскольку Они различаются сыновствомъ и исхожденіемъ. Отсюда ясно видно, что, когда Отцы учатъ о различіи ипостасей въ отношеніи причины и

происхожденія отъ причины, то они выражаютъ отнюдь не ту мысль, будто одна ипостась всегда должна быть причиною, а другая происходящею отъ причины; но что Отецъ есть причина, Сынъ приисходитъ отъ причины чрезъ рожденіе, а Духъ Святый происходитъ отъ причины чрезъ исхожденіе.

Наконецъ возражаютъ [1]), что Григорій Нисскій въ упомянутыхъ нами изъ книги I-й противъ Евномія словахъ говоритъ: «какъ Сынъ соединяется съ Отцомъ, такъ что, хотя отъ Него имѣетъ бытіе, однако не позднѣе Его по началу бытія: такъ и Духъ Святый соединяется съ Единороднымъ». Отсюда вытекаетъ что какъ Сынъ соединенъ съ Отцомъ не въ ипомъ отношеніи, а въ смыслѣ полученія отъ Него бытія: такъ и Духъ Святый соединяется съ Сыномъ въ томъ-же отношеніи. Но смыслъ словъ Григорія Нисскаго не такой: у него было намѣреніе показать, что Духъ Святый вѣчно сосуществовалъ Сыну и что по времени Сынъ не первѣе Св. Духа, почему онъ и прибавляетъ: «временнымъ же промежуткамъ нѣтъ мѣста въ предвѣчной жизни». А такъ какъ Духъ Святый исходитъ отъ Отца послѣ рожденія Сына, что онъ выражаетъ словами: «Который (Сынъ) только мысленно, относительно къ причинѣ, умопредставляется прежде ипостаси Святаго Духа»: то, желая показать, что это не противорѣчитъ вѣчному сосуществованію Св. Духа съ Сыномъ, Григорій приводитъ примѣръ Сына, Который существуетъ въ вѣчномъ соединеніи съ Отцомъ, хотя причину своего бытія получаетъ отъ Отца. Таковъ смыслъ словъ Григорія Нисскаго. Но вовсе не съ тою цѣлью онъ приводитъ эти слова, чтобы показать, въ какомъ отношеніи Сынъ соединенъ съ Отцомъ, и отсюда вывести заключеніе, что по той-же причинѣ и Духъ Святый соединенъ съ Сыномъ: какъ сказано, онъ прибавляетъ ихъ только для того, чтобы показать, что какъ рожденіе Сына отъ Отца не противорѣчитъ вѣчному соединенію Его съ Отцомъ, такъ равно и произведеніе Св. Духа, когда Сынъ рожденъ, не препятствуетъ разумѣть Духа Святаго вѣчно сосуществующимъ Сыну. Итакъ, отсюда ясно видно, что вышеупомянутые слова: «такъ опять и Духъ Святый соеди-

[1]) Иставій. Кн. VII «о Троицѣ». Цяховій вопросъ VI, стр. 54.

няется съ Единороднымъ» должно относить не къ причинѣ и способу соединенія Сына съ Отцомъ, а только къ тому, что онъ непосредственно передъ тѣмъ сказалъ, именно,—что Сынъ соединенъ съ Отцомъ. Наконецъ, что касается вывода: «посему какъ Сынъ соединяется съ Отцомъ не въ иномъ отношеніи, а въ томъ смыслѣ, что получаетъ бытіе отъ Отца, такъ по той же причинѣ Духъ Святый соединяется съ Сыномъ», то въ собственномъ смыслѣ съ этимъ можно, конечно, вполнѣ согласиться, т. е., что Духъ Святый соединяется съ Сыномъ по той-же причинѣ, по какой Сынъ—соединяется съ Отцомъ: ибо какъ Сынъ—отъ Отца, такъ равно и Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Рѣшеніе дальнѣйшихъ возраженій, которыя дѣлаютъ на основаніи вышеприведенныхъ словъ Григорія Нисскаго, само собою вытекаетъ изъ настоящаго смысла этихъ словъ, переданнаго выше.

Въ III бесѣдѣ Григорія Нисскаго на молитву Господню читаемъ: «свойство Отца—не быть отъ причины. Этого нельзя видѣть въ Сынѣ и въ Духѣ, потому что Сынъ отъ Отца исшелъ [1]), какъ говоритъ писаніе, и Духъ отъ Бога и Отца исходитъ [2]). Но какъ быть безъ причины, будучи свойствомъ Одного Отца, не можетъ быть приписываемо Сыну и Св. Духу; такъ наоборотъ—имѣть бытіе отъ причины, что свойственно Сыну и Духу, не можетъ быть мыслимо объ Отцѣ. А какъ общее свойство Сына и Духа—не быть нерожденнымъ, то, не допуская въ этомъ какого-либо сліянія, можно опять найти несмѣшиваемое различіе въ ихъ личныхъ свойствахъ, такъ что и общее сохраняется, и особенныя свойства не сливаются. Ибо Сынъ въ святомъ Писаніи именуется Единороднымъ отъ Отца, и этимъ Писаніе ограничиваетъ личное свойство Сына; о Святомъ-же Духѣ говорится, что Онъ отъ Отца, и свидѣтельствуется, что Онъ есть Сыновній. Ибо сказано: если кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его [3]). Посему, хотя Духъ отъ Бога и есть Духъ Христовъ, однако-же Сынъ, хотя отъ Бога, но Онъ не есть и не называется Сыномъ Духа, и эта

---

[1]) Іоан. XVI, 28.

[2]) Кор. II, 12; Іоан. XV, 26.

[3]) Римл. VIII, 9.

относительная послѣдовательность не имѣетъ мѣста въ обратномъ порядкѣ, такъ чтобы можно было равнымъ образомъ, разложивъ рѣчь, превращать ее и, какъ Духа называемъ Христовымъ, такъ и Христа именовать Духовымъ». Здѣсь Григорій Нисскій сперва говоритъ, что Отцу свойственно бытіе не отъ причины, а затѣмъ что Сыну и Святому Духу такое безпричинное бытіе никоимъ образомъ не принадлежитъ. Основаніе для этого онъ приводитъ то, что Сынъ и Духъ Святый—отъ Отца. Итакъ изъ того, что, желая показать, кто причина Св. Духа, онъ упоминаетъ объ Одномъ только Отцѣ, точно также, какъ считаетъ Его причиною и въ отношеніи къ Сыну,—явствуетъ, конечно, что Григорій Нисскій вѣровалъ, что Одинъ только Отецъ есть производитель какъ Сына, такъ и Св. Духа. Желая далѣе показать, какимъ-же образомъ Сынъ и Св. Духъ различаются между собою во взаимныхъ отношеніяхъ, если Они сходятся въ томъ, что и Тотъ, и Другой отъ Отца, какъ причины, и что ни Одинъ изъ Нихъ не есть нерожденный, Григорій Нисскій учитъ, что Они различаются только тѣмъ, что хотя Тотъ и Другой—отъ Отца, однако Духъ Святый есть Духъ Сыновній, Сынъ-же ни въ коемъ случаѣ не есть Сынъ Духовъ, потому что наименованіе Сына не можетъ употребляться въ обратномъ порядкѣ, подобно тому какъ употребляется наименованіе Духа («Христовъ»). Очевидно, если-бы Григорій Нисскій вѣровалъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе и отъ Сына, то въ данномъ случаѣ по необходимости, конечно, прибавилъ-бы, что между Св. Духомъ и Сыномъ существуетъ та разность, что Сынъ—отъ Одного только Отца, а Духъ Святый—вмѣстѣ отъ Отца и Сына.

Беккъ, изъ котораго мы привели данное мѣсто, (въ «собраніи мнѣній объ исхожденіи Св. Духа», изданныхъ среди, т. н., «золотыхъ» богословскихъ трудовъ (opera aurea) въ Римѣ Петромъ Аркудіемъ въ 1630 году, стр. 102)[1]), вмѣсто приведенныхъ словъ: «о Святомъ-же Духѣ говорится, что Онъ отъ Отца, и свидѣтельствуется, что Онъ есть Сыновній» (Filii esse), читаетъ такъ: «о Святомъ-же Духѣ говорится, что Онъ отъ Отца, и свидѣтельствуется, что Онъ отъ Сына» (ex Filio esse). Но въ главѣ о по-

[1]) Циховій. вопр. VI, стр. 55.

вреждениях мы покажемъ, что это мѣсто Григорія Нисскаго испорчено, что слова его вовсе не имѣютъ того смысла, который имъ навязываютъ разномыслящіе съ нами въ вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа, именно, будто Григорій Нисскій ясно здѣсь говоритъ, что Сынъ и Духъ Святый различаются тѣмъ, что Сынъ отъ Отца—μέχρι τούτου, т. е. только отъ Него, а Духъ Святый отъ Отца и Сына; будто вслѣдствіе этого самая бесѣда Григорія была восточными уничтожена. Такое чтеніе этого мѣста—невѣрно; Григорій Нисскій вовсе не выражается такъ, какъ приводятъ его слова Беккъ и другіе, именно: будто Сынъ только отъ Самого Отца, такъ что отсюда само собою будто-бы вытекаетъ, что Духъ Святый не отъ Одного только Отца. Подлинныя слова Григорія Нисскаго таковы: «ибо Сынъ въ Святомъ Писаніи именуется Единороднымъ отъ Отца и этимъ (μέχρι τούτου) Писаніе ограничиваетъ Его личное свойство». Слѣдовательно: выраженіе «этимъ» (μέχρι τούτου) соединяется съ послѣдующими словами: «Писаніе чрезъ это (μέχρι τούτου) ограничиваетъ Его личное свойство», а не съ предшествующими словами: «Сынъ Единороденъ отъ Отца». Смыслъ Словъ Григорія Нисскаго такой: въ Священномъ Писаніи говорится, что Сынъ отъ Отца, но этимъ Писаніе ограничиваетъ свойства Бога Слова и не называетъ также Сыномъ Св. Духа, подобно тому какъ въ Свящ. Писаніи говорится, что и Духъ Святый отъ Отца, и свидѣтельствуется, что Онъ есть Духъ Сыновній. Наконецъ на томъ основаніи, что эта бесѣда Григорія Нисскаго у латинянъ еще не напечатана [1]), нельзя сказать, будто она восточными уничтожена. Вѣдь сколько есть на востокѣ рукописей, которыхъ латинскій міръ не знаетъ! Да и какимъ образомъ можно было утверждать, что эта бесѣда нигдѣ не находится даже въ рукописяхъ библіотекъ латинскихъ, если въ нихъ много, даже

---

[1]) Цитируемое мѣсто изъ III бесѣды Григорія Нисскаго «о молитвѣ Господней», равно мѣста, предшествующія ему и послѣдующія, находятся не во всѣхъ греческихъ рукописяхъ и не во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ твореній св. Григорія Нисскаго. Въ русскомъ изданіи твореній св. Григорія Нисскаго (т. I, Москва, 1861 г.) оно переведено по рукописи и согласно съ печатнымъ Лейпцигскимъ изданіемъ Франца Элера. *Прим. перевод.*

весьма много имѣется рукописей такихъ, которыя еще не изданы въ свѣтъ? Допустимъ, наконецъ, что этой бесѣды нигдѣ болѣе нѣтъ. Ужели-же изъ этого необходимо заключить, что она уничтожена съ умысломъ? Развѣ не погибли многія другія писанія Отцовъ? Мало того, съ большимъ правомъ это обвиненіе мы можемъ предъявить къ латинянамъ, которые, не смотря на то, что существовало очень много сочиненій ихъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, всѣ эти сочиненія скрыли, да и доселѣ утаиваютъ;—которые неоднократно повреждали сочиненія Святыхъ Отцовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно выраженное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца кололо имъ глаза. Но объ этомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ сочиненіи Григорія Нисскаго «о томъ, что относится къ образу Божію и подобію» (находящемся среди различныхъ небольшихъ твореній Григорія Нисскаго, изданныхъ Фронтономъ Дукеемъ въ Ингольштадтѣ въ 1590 году, стр. 35), читаемъ: «не говори много и не мудрствуй такимъ образомъ: если Богъ есть Тройца, то какимъ образомъ Онъ есть единица? Если-же, какъ говорятъ, Онъ—Единъ, то какимъ образомъ Онъ есть Тройца? И если Слово есть Сынъ, то какимъ образомъ рожденный, точно такъ-же, какъ и Родитель, не имѣетъ начала? И если Духъ Святый—отъ Отца, то какимъ образомъ Онъ не рожденъ, но исходитъ? Или: кого сперва произвелъ Отецъ: Сына, или Св. Духа? Если-же Обоихъ вмѣстѣ, то нѣтъ-ли въ Тройцѣ братства, или рожденія близнецовъ? На какомъ-же основаніи въ безтѣлесныхъ, непреложныхъ и непзмѣняемыхъ мы станемъ различать разность рожденія и исхожденія?» Даже отсюда видно, что въ то время вселенская Церковь вѣровала, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца только, а не вмѣстѣ и отъ Сына. Ибо, когда Григорій Нисскій учитъ, что относительно исхожденія Св. Духа не должно слѣтать хитрыхъ доводовъ или все изслѣдовать, и затѣмъ по этому поводу предлагаетъ различные вопросы; то въ дѣлѣ происхожденія Св. Духа онъ нигдѣ не упоминаетъ о Сынѣ, а упоминаетъ объ Одномъ только Отцѣ. Отсюда становится очевиднымъ что въ то время христіане въ дѣлѣ исхожденія Св. Духа не соединяли съ Отцомъ Сына. Равнымъ образомъ, если-бы Григорій

Нисскій вѣровалъ, что Духъ Святый получаетъ бытіе и отъ Сына, то какъ онъ могъ бы предложить вопросъ: кого сперва произвелъ Отецъ: Духа-ли Святаго, или Сына?

Въ словѣ о святомъ Стефанѣ, въ концѣ, (т. I твореній, стр. 796) Григорій говоритъ: «нерожденный свѣтъ созерцается въ свѣтѣ Отца, то есть, во Святомъ Духѣ, отъ Него исходящемъ».

Наконецъ «въ книгѣ о Тройцѣ противъ Іудеевъ», объясняя слова Давида: «словомъ Господнимъ утверждены небеса и Духомъ усть Его вся сила ихъ» (т. I, стр. 993), Григорій говоритъ: «Духъ-же усть есть Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ».

Кесарій [1]), родной братъ Григорія Богослова, въ «Разговорѣ» I (т. I твореній греческихъ Отцовъ, стр. 549) говоритъ: «Сынъ и Духъ Святый произошли отъ Отца не такъ, какъ люди,—не чрезъ истеченіе, или отдѣленіе, или отдаленіе, но подобно тому какъ происходятъ изъ источника рѣки, которыя изъ него и въ немъ и съ нимъ; и какъ изъ солнца лучи, которые въ немъ, съ нимъ и изъ него; и какъ пламя и свѣтъ изъ огня, съ нимъ и въ немъ». И немного дальше: «Божественный и всесвятый Духъ, не рожденный, но исходящій и произведенный Отцомъ, какъ причиною». И еще дальше (стр. 550): «Отецъ родилъ Сына и произвелъ Духа неизреченнымъ по природѣ образомъ, независимо отъ всякаго времени и прежде всѣхъ вѣковъ». Такимъ образомъ Кесарій, неоднократно старавшійся выяснить, кѣмъ, и какимъ образомъ произведенъ Духъ Святый,—въ отношеніи исхожденія Св. Духа, равно какъ и въ отношеніи рожденія Сына упоминаетъ только объ Одномъ Отцѣ. Слѣдовательно, онъ не признавалъ и не вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына.

Амфилохій [2]), епископъ Иконійскій (среди изреченій и выписокъ изъ него, стр. 139 твореній Парижскаго греко-латинскаго изданія 1644 года) говоритъ: «я называю Сына рожден-

---

[1]) Кесарій родился ок. 330 г., умеръ ок. 369 г. *Прим. перев.*

[2]) Амфилохій сталъ епископомъ въ 375 г., скончался въ 395 г. *Прим. перев.*

нымъ безвременно и безначально, вѣчно сосуществующимъ съ Отцомъ по Божеству; относительно же Духа Святаго вѣрую, что Онъ вѣчно исходитъ отъ Бога и Отца, и исхожденіе Духа не называю рожденіемъ». И дальше (стр. 142): «благодареніе Утѣшителю и жизни Подателю! Онъ—Духъ истины, Котораго ты признаешь безвременно исходящимъ отъ Отца. Его, самаго истиннаго Духа Твоего Божественнаго, эту непорочную благодать, молю; благословенное исхожденіе Отца, несозданное, вожделѣнное и вмѣстѣ опять безначальное съ вѣчными Сыномъ и Богомъ Отцомъ». Если-бы сохранилось сочиненіе Амфилохія объ исхожденіи Св. Духа, которое онъ написалъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ бл. Іеронимъ въ книгѣ о Церковныхъ писателяхъ, то вѣра Амфилохія въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца была-бы извѣстна болѣе обстоятельно.

Святый Іоаннъ Златоустъ [1]), архіепископъ Константинопольскій, въ бесѣдѣ о Святомъ Духѣ (т. VI твореній греко-латинскаго Парижско-Гейдельбергскаго изданія, стр. 205) говоритъ: «подобно тому, какъ въ Свящ. Писаніи сказано: Духъ Божій, и прибавлено:—Который отъ Бога, такъ опять Онъ называется Духомъ Отца; и чтобы ты не думалъ, что это говорится, какъ о свойствѣ, Спаситель подтверждаетъ: когда придетъ Утѣшитель, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ. Тамъ отъ Бога, а здѣсь—отъ Отца. Что Онъ приписалъ Самому Себѣ: Я отъ Отца исшелъ, то приписываетъ и Духу Святому: Который отъ Отца исходитъ. Слѣдовательно: Духъ и отъ Бога, и Духъ Отца и отъ Отца исходитъ. Что значитъ исходитъ? Не сказалъ: раждается, ибо что не написано, того не слѣдуетъ думать. Сынъ отъ Отца рожденъ, а Духъ отъ Отца исходитъ. Каково-же значеніе слова исходитъ? Желая избѣжать выраженія: раждается, для того, чтобы ты не признавалъ Духа Святаго Сыномъ, Свящ. Писаніе говоритъ о Духѣ Святомъ: Который отъ Отца исходитъ. Оно представляетъ Его исходящимъ, подобно водѣ, истекающей

[1]) Іоаннъ Златоустъ род. въ 347 г.; сталъ извѣстенъ въ 370 г.; занялъ Константинопольскую каѳедру въ 398 г, изгнанный въ ссылку, воротился въ Константинополь въ 404 г, умеръ въ 407 г. *Прим. пер.*

изъ источника, соотвѣтственно тому, что сказано о раѣ: рѣка-же исходитъ изъ Едема [1]), исходитъ и истекаетъ. Отецъ называется источникомъ воды живой, по слову пророка Іереміи: ужаснулось небо объ этомъ и затрепетала сильно земля: ибо два зла совершилъ мой народъ: оставилъ меня источника воды живой [2]). Обозначая источникомъ живой воды Отца, Св. Писаніе выводитъ исходящую изъ источника живую воду: Который отъ Отца исходитъ. Что исходитъ? Духъ Святый. Какимъ образомъ? Какъ вода отъ источника. Слѣдовательно, если Евангелистъ Іоаннъ, провозглашая Духа Святаго, называлъ Его живой водой, а Богъ Отецъ говоритъ: Меня оставили, источникъ воды живой, то источникъ Духа Святаго есть Отецъ и потому Онъ и отъ Отца исходитъ. Вотъ почему говорится (да позволено мнѣ будетъ повторить): Духъ Божій и—Духъ отъ Бога, Духъ Отца и—Духъ, Который отъ Отца, Духъ Господень, (Духъ Божій, Духъ отъ Бога, Духъ Отца, Духъ, Который отъ Отца исходитъ, Духъ Господень), Духъ Сыновній». Итакъ, кромѣ того, что, говоря объ исхожденіи Св. Духа столь пространно, Іоаннъ Златоустъ въ дѣлѣ исхожденія Св. Духа тѣмъ не менѣе упоминаетъ только объ Отцѣ, что́ одно уже показываетъ, что онъ не признавалъ исхожденія Св. Духа отъ Сына,—кромѣ этого, онъ спрашиваетъ: Кто—источникъ, Кто—причина Св. Духа? И отвѣчаетъ: Св. Писаніе открываетъ, что это—Отецъ, отъ Котораго Онъ исходитъ. Итакъ, отсюда ясно видно, что Св. Іоаннъ Златоустъ вѣровалъ, что Одинъ только есть производитель Св. Духа—Отецъ.

Такое-же ученіе заключаетъ въ себѣ «бесѣда на таинство Крещенія», помѣщенная въ V томѣ твореній Златоустаго, изданныхъ на греческомъ только языкѣ Генрихомъ Савиліемъ въ Этонѣ, въ Англіи, въ 1612 году (стр. 684): «но такъ какъ Спаситель назвалъ живой водой Св. Духа, то для чего назвалъ Его живой водой? Чтобы ты зналъ, что Онъ—отъ источника Божія. Живая вода—Духъ Святый; источникъ воды живой—Богъ. Итакъ для того, чтобы познать источникъ, знай, откуда живая вода. Рѣки изъ чрева текутъ воды живой. Но объ этой водѣ Онъ сказалъ

[1]) Быт. II, 10.
[2]) Іерем. II, 12.

по отношенію къ Духу Святому, Котораго имѣли принять вѣрные. Если—живая вода—Духъ, то будемъ искать источникъ ея. Кто источникъ? Объ этомъ говоритъ Іеремія: ужаснулось небо и затрепетала земля: ибо два зла совершилъ мой народъ. Меня оставилъ, источникъ воды живой. Ты видишь, что источникъ воды Богъ, а живая вода—Духъ Святый. Источникъ живой воды —Отецъ; рѣка, изъ источника истекающая,—Сынъ; вода (этой) рѣки—Духъ Святый: Меня оставили, источникъ воды живой. Тоже говоритъ о Сынѣ и пророкъ Исаія: и явится Господь, какъ славная рѣка на безводномъ пути (in via sitienti) [1]). Ты видишь источникъ, рѣку и живую воду. Равнымъ образомъ и здѣсь Іоаннъ Златоустъ предлагаетъ вопросъ: кто источникъ или причина Св. Духа? И отвѣчаетъ: Отецъ, но не прибавляетъ: и Сынъ. Слѣдовательно, онъ вѣровалъ, что Одинъ только есть источникъ или производитель Св. Духа—Отецъ. Но, конечно, если ты станешь спрашивать: отъ кого исходитъ Духъ Святый—у латинянина, или у кого либо другого, вѣрующаго, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то онъ, безъ сомнѣнія, никогда не назоветъ Одного только Отца, но всегда отвѣтитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына.

Въ словѣ «о Троицѣ» (т. VI твореній вышеупомянутаго греко-латинскаго изданія, стр. 200) Златоустъ говоритъ: «вѣруй, что Сынъ единосущенъ съ Отцомъ, и что единосущенъ также и Духъ, такъ какъ, если Онъ исходитъ отъ Отца и отъ Сына получаетъ (береть), то Духъ не отличенъ отъ существа Божія».

Въ бесѣдѣ I «о непостижимой природѣ Божіей» (т. I изданія греко-латинскаго, стр. 332): «знаю, что Богъ родилъ Сына, а какъ родилъ—не знаю. Знаю, что Духъ отъ Него, а какъ отъ Него—не знаю».

Въ бесѣдѣ II на посланіе къ Ефесеямъ (на гл. I,—въ толкованіи св. Іоанна Златоустаго на посланія Ап. Павла, изданномъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ Гейдельбергѣ въ

---

[1]) Исаія XXXII, 2. Въ славянскомъ текстѣ, согласно съ греческимъ, читается такъ: «и явится въ Сіонѣ яко рѣка текущая, славная въ земли жаждущей». *Прим. пер.*

1603 году, стр. 1041): «Богъ даровалъ Своего Сына,—залогъ мира и примиренія, и Святаго Духа, Который отъ Него».

Въ «словѣ противъ еретиковъ» (т. V твореній св. Іоанна Златоустаго латинскаго Парижскаго изданія 1588 года, столбецъ 1029): «Македоній не хотѣлъ покланяться Духу, Который неизреченно исходитъ отъ Отца».

Наконецъ въ бесѣдѣ на псаломъ CXV (т. I, вышеупомянутаго латинскаго изданія, столбецъ 977): «Македоніане не вѣровали, что Духъ Святый, неизреченно исходящій отъ Отца, есть Богъ».

Синезій [1]), епископъ Птолемаидскій, въ гимнѣ II (стр. 316 его твореній—Парижскаго греко-латинскаго изданія 1630 года) говоритъ:

«Одинъ источникъ, одинъ корень,
И троякій возсіялъ образъ.
Ибо гдѣ глубина Отца,
Тамъ и славный Сынъ,
Вѣчное рожденье сердца,
Мудрость, вселенной Творецъ;
И единообразный свѣтъ
Святого Дыханія возсіялъ.
Одинъ источникъ, одинъ корень
Даровалъ избытокъ благъ
И сверхъестественную отрасль,
Полную жизненныхъ движеній,
И блаженныхъ дѣлателей
Славу давно блистающую».

Одинъ Отецъ, говоритъ Синезій, есть источникъ и корень, т. е. Сына и Св. Духа, какъ онъ затѣмъ поясняетъ. Слѣдовательно, одинъ только есть производитель Св. Духа, точно такъ-же, какъ и Сына.

Въ гимнѣ I (стр. 314) тотъ же писатель выражается:

«Онъ въ себѣ начало,
Творецъ и Отецъ существъ,
Несозданный, крѣпкій Богъ

[1]) Синезій сталъ извѣстенъ въ началѣ V вѣка; взошелъ на епископство ок. 410 г., умеръ ок. 412 г. *Прим. перев.*

Возсѣлъ превыше небесъ,
Свѣтлостью вѣкамъ сіяя,
Единица святая единицъ
И монадъ монада первая,
Соединившая простоту крайностей
И родившая рожденіемъ сверхъестественнымъ,
Откуда сама единица,
Выступающая въ первородномъ видѣ,
Излившись неизреченнымъ образомъ,
Получила тройственную силу.
Источникъ-же сверхъестественный
Вѣнчается красотою чадъ,
Которыя произошли изъ центра
И вокругъ центра вращаются».

V вѣкъ.

Святый Кириллъ [1]), архіепископъ Александрійскій, въ своемъ «исповѣданіи о Троицѣ» (изданномъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ, изъ Августиніанскаго собранія книгъ, Іоанномъ Вегелиномъ въ Аугсбургѣ въ 1608 году, вмѣстѣ съ сочиненіемъ о Св. Тройцѣ, приписываемымъ тому-же Кириллу, стр. 119) говоритъ: «изъ этихъ трехъ ипостасей одна всецѣло именуется безначальною: это—Отецъ. А изъ остальныхъ двухъ одна—Сынъ, а другая—Духъ Святый, обѣ происходящія отъ Отца, но не одинаковымъ образомъ. Ибо Сынъ рожденъ, а Духъ Святый исходитъ, или скорѣе вмѣстѣ раждается и исходитъ. Ибо Духъ Святый не исходитъ отъ Сына, подобно тому, какъ Сынъ исшелъ отъ Отца, чрезъ рожденіе, такъ чтобы мы представляли себѣ перваго, втораго и третьяго. Прочь такое богохульство и греческое многобожіе! У нихъ вѣдь Уранъ, Кронось и Зевесъ—отцы, сыновья и внуки. (А у насъ) у двухъ лицъ одна причина и связь—Отецъ, къ Которому относятся происшедшіе отъ Него». Подобнымъ образомъ, за нѣсколько вѣковъ до нашего времени, возражалъ лати-

[1]) Св. Кириллъ занялъ Александрійскую каѳедру послѣ Ѳеофила въ 412 г., умеръ ок. 444 года. *Прим. перев.*

нянамъ Григорій Θессалоникійскій [1]) въ первомъ доказательномъ словѣ (стр. 20 греческаго Лондонскаго изданія). Итакъ, Кириллъ утверждаетъ, что Духъ Святый не исходитъ отъ Сына. Онъ осуждаетъ это богохульное ученіе, такъ какъ, когда причиною Святаго Духа признается Сынъ, Родитель-же Сына—Отецъ, то этимъ вводятся два начала, двѣ причины, и потому будетъ не Одинъ, но много боговъ. Конечно, въ приведенныхъ словахъ онъ осуждаетъ не тѣхъ, которые говорили, что Духъ Святый исходитъ вмѣстѣ отъ Отца и Сына, а только тѣхъ, которые утверждали, что Отецъ есть производитель Сына, а Сынъ—Св. Духа; какъ ясно для каждаго, смыслъ его тотъ, что Духъ Святый никоимъ образомъ не исходитъ и отъ Сына. Если-же Онъ исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына, то, конечно, Одинъ только Отецъ есть производитель Св. Духа, а не вмѣстѣ и Сынъ. По крайней мѣрѣ слова св. Кирилла таковы: «Сынъ и Духъ Святый проистекли отъ Отца», отсюда ясно, что Духъ Святый не исходитъ отъ Сына. А почему Духъ Святый не исходитъ отъ Сына, онъ представляетъ такое основаніе: потому что у двухъ этихъ лицъ одна причина—Отецъ. Итакъ, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына».

Въ отвѣтъ на Θеодоритово опроверженіе его девятой анаѳематизмы (т. VI твореній, изданныхъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ Парижѣ въ 1638 г., стр. 229) Кириллъ пишетъ: «былъ и есть Духъ Его, какъ, безъ сомнѣнія, и Отца, и это намъ довольно хорошо изъясняетъ божественный Павелъ. Ибо Духъ Святый исходитъ отъ Бога и Отца, по слову Спасителя, но не чуждъ и Сыну: ибо Онъ имѣетъ все съ Отцомъ, и этому Онъ Самъ учитъ, говоря о Духѣ Святомъ: все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое; потому Я сказалъ вамъ, что Онъ возьметъ отъ Моего и возвѣститъ вамъ» [2]).

Когда Несторій, вводя два лица Спасителя, сталъ разсѣевать сѣмена своей ереси, то Кириллъ противъ него написалъ двѣнад-

---

[1]) Св. Григорій Палама, митрополитъ Θессалоникійскій, жившій въ XIV вѣкѣ. *Примѣч. перев.*

[2]) Вся, яже имать Отецъ, Моя суть, сего ради рѣхъ вамъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ (Іоан. XVI, 15).

цать анаѳематизмъ. Изъ нихъ въ девятой онъ осуждаетъ Несторія, признававшаго Духа не собственнымъ Сына, но чуждымъ Сыну. Бл. Ѳеодоритъ, опровергая упомянутыя двѣнадцать анаѳематизмъ, въ разсужденіи о приведенныхъ словахъ Кирилла, выражается такъ: «если Кириллъ, говоря, что Духъ Святый не чуждъ Сыну, но есть Его собственный, выражаетъ ту мысль, что Духъ Святый соестественъ Сыну и исходитъ отъ Отца: то онъ хорошо учитъ. Если-же смыслъ выраженія его тотъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, то онъ учитъ нечестиво и богохульно. Ибо Самъ Сынъ Божій передалъ чрезъ Апостола, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца». Самыя слова Ѳеодорита мы увидимъ ниже. Итакъ, Кириллъ, защищаясь противъ обличеній, выраженныхъ въ написанныхъ Ѳеодоритомъ на его двѣнадцать анаѳематизмъ опроверженіяхъ, дойдя до этого возраженія Ѳеодорита, приведенныя слова въ свою очередь объясняетъ такъ: несомнѣнно, что Духъ Святый исходитъ вообще отъ Отца, но тѣмъ не мэнѣе Онъ есть собственный Сына, по Писанію, и не чуждъ Ему. Итакъ, Ѳеодоритъ придавалъ двойной смыслъ выраженію Кирилла («Духъ Святый есть собственный Сына»): Духъ Святый называется собственнымъ Сына или потому, что Онъ исходитъ отъ Отца и только соестественъ (consubstantialis, ὁμοούσιος) Сыну, или потому, что Онъ исходитъ отъ Сына. На это Кириллъ заявляетъ, что Онъ слѣдуетъ въ приведенныхъ словахъ только первому смыслу. Онъ отвѣчаетъ такъ: вообще Духъ Святый, по слову Спасителя,—отъ Отца; однако Онъ не чуждъ и Сыну. Слѣдовательно онъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына. Далѣе, если-бы Кириллъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то какимъ образомъ, когда Ѳеодоритъ осуждалъ это ученіе, какъ богохульное и нечестивое,—какимъ образомъ онъ бы не доказалъ, какъ тяжело этимъ самымъ погрѣшалъ Ѳеодоритъ, осмѣлившись осуждать за богохульство и нечестіе истину, осмѣлившись осуждать вселенскій догматъ вселенской Церкви?

Затѣмъ, когда Ѳеодоритъ сказалъ: «если Кириллъ называетъ Св. Духа собственнымъ Сына на томъ основаніи, что Онъ исходитъ отъ Отца, то онъ хорошо учитъ,—если-же потому, что Онъ

исходитъ отъ Сына, то онъ дурно учитъ: ибо Сынъ Божій сказалъ, что Духъ исходитъ отъ Отца»,—то Кириллъ на это отвѣтилъ: хотя Духъ Святый исходитъ отъ Отца, по слову Спасителя, однако Онъ не чуждъ Сыну, но есть Его собственный. Этимъ отвѣтомъ онъ, конечно, показалъ, что Ѳеодоритъ правильно разсуждалъ объ исхожденіи Св. Духа. Ибо когда Ѳеодоритъ, на основаніи словъ Спасителя, доказалъ, что Духъ Святый исходитъ не отъ Сына, но отъ Отца, Кириллъ отвѣчаетъ: безъ сомнѣнія, Духъ Святый исходитъ отъ Отца, по слову Спасителя,—однако Онъ не чуждъ Сыну. Такимъ образомъ, онъ подтвердилъ весь доводъ Ѳеодорита и то заключеніе, которое онъ отсюда выводилъ. Наконецъ, положеніе, что, хотя Духъ Святый исходитъ отъ Отца, однако Онъ не чуждъ Сыну, означаетъ не иное что, какъ только то, что, хотя Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына, однако Духъ не чуждъ Сыну.

Прежде всего скажутъ, что Кириллъ не призналъ отвѣта Ѳеодорита неосновательнымъ потому, что тогда не было рѣчи объ исхожденіи Св. Духа. Слѣдовательно, Кириллу въ спорѣ противъ Несторія, чѣмъ онъ въ то время занимался, достаточно было показать, что Духъ Святый не чуждъ Сыну, но есть Его собственный. Но ужели же я стану отвѣчать не на все ученіе человѣка, несогласнаго со мною, и если онъ гдѣ-нибудь начнетъ проповѣдывать злѣйшую ересь, или станетъ осуждать вселенскій догматъ, какъ нечестивый и богохульный, ужели я не отмѣчу этой другой, одинаковой и одинаково позорной ереси? Итакъ, коль скоро цѣль Кирилла заключалась въ опроверженіи Ѳеодорита, то какимъ образомъ, спрашивается, онъ не позаботился-бы защитить догматъ вселенской Церкви, осуждаемый за нечестіе и богохульство, или по крайней мѣрѣ защищалъ такъ небрежно? Мало того, когда Ѳеодоритъ осудилъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ богохульное и нечестивое,—то какимъ образомъ Кириллъ въ своемъ отвѣтѣ пожелалъ-бы казаться скорѣе согласнымъ съ Ѳеодоритомъ, чѣмъ противникомъ его, такъ какъ онъ повторяетъ первый смыслъ положенія Ѳеодорита: Духъ Святый есть собственный Сына, каковымъ выраженіемъ и самъ Ѳеодоритъ неоднократно пользовался, и не повторяетъ второго смысла? Затѣмъ, намѣреніе

Кирилла было, конечно, защитить ту мысль, что Духъ Святый не чуждъ Сыну, а есть Его собственный; но ложно утвержденіе, будто этотъ вопросъ не касается исхожденія Св. Духа отъ Сына (если-бы оно было истинно). Во всякомъ случаѣ смыслъ какого-нибудь положенія клонится къ изслѣдованію самого положенія; но о смыслѣ даннаго положенія Ѳеодоритъ сдѣлалъ возраженіе Кириллу, и Кириллъ въ отвѣтѣ своемъ присоединяетъ свое мнѣніе о смыслѣ этого положенія: слѣдовательно, какимъ образомъ въ этомъ спорѣ Кирилла и Ѳеодорита не было мѣста вопросу объ исхожденіи Св. Духа?

Другіе-же, иначе разсуждающіе, утверждаютъ все-таки, будто Кириллъ въ этомъ отвѣтѣ своемъ призналъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, такъ какъ онъ прямо прибавляетъ: Сынъ имѣетъ все, что есть Отца. Но если мы разсмотримъ самыя слова Кирилла, то увидимъ, что положеніе: «Сынъ имѣетъ все, что есть Отца», онъ приводитъ не съ цѣлью показать, что Духъ Святый исходитъ одинаково отъ Сына, какъ и отъ Отца, но только чтобы показать, что Духъ Святый не чуждъ Сыну. Онъ выражается такъ: хотя Духъ Святый исходитъ отъ Отца, однако Онъ не чуждъ Сыну, такъ какъ Сынъ имѣетъ все, что есть Отца. Вѣдь должно обращать вниманіе не на то, что латиняне съ натяжкою выводятъ изъ словъ Спасителя [1]), а слѣдуетъ имѣть въ виду, для какой цѣли, ради какого заключенія выражено Кирилломъ это положеніе. Затѣмъ,—ложь, будто изъ того, что Сынъ имѣетъ все, что есть Отца, какимъ-либо образомъ вытекаетъ, что Духъ Святый происходитъ и отъ Сына. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Далѣе скажутъ: всегда былъ незыблемъ и остается такимъ догматъ восточной Церкви, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына. Но Ѳеодоритъ въ приведенныхъ словахъ отрицаетъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе не только отъ Сына, но даже чрезъ Сына. Слѣдовательно, если изъ того, что Кириллъ не порицалъ Ѳеодорита за его ученіе объ исхожденіи Св. Духа, или

---

[1]) Имѣется въ виду вышеприведенное мѣсто (Іоан. XVI, 15): вся, яже имать Отецъ, Моя суть... *Прим. перев.*

точнѣе, что онъ согласился съ нимъ, будетъ вытекать, что онъ вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца, а не и отъ Сына, то точно такъ-же отсюда будетъ вытекать и то, будто Кириллъ утверждалъ, мало того, считалъ вселенскимъ догматомъ, что Духъ Святый исходитъ не чрезъ Сына, а это—нелѣпость. Въ данномъ случаѣ Кириллъ вмѣстѣ съ Ѳеодоритомъ вообще отрицаетъ, что Духъ Святый исходитъ чрезъ Сына. Но этимъ самымъ онъ вовсе не становится противникомъ догмата вселенской Церкви, по которому вѣруютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына. Ибо когда Ѳеодоритъ отрицаетъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Сына или чрезъ Сына, то смыслъ словъ его тотъ, что Духъ исходитъ не отъ Сына, какъ отъ причины или начала, и не чрезъ Сына, какъ причину или начало. Ѳеодоритъ никогда не подозрѣвалъ Кирилла въ мнѣніи, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына вмѣстѣ, а подозрѣвалъ въ ученіи, что Онъ имѣетъ бытіе только отъ Сына, какъ это самъ Ѳеодоритъ высказалъ въ посланіи къ монастырямъ, говоря, что Кириллъ отрицаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, но учитъ, что Онъ—отъ Сына (подлинныя слова его мы увидимъ потомъ). Слѣдовательно, Ѳеодоритъ осуждаетъ догматъ, который учитъ, что Духъ Святый исходитъ не отъ Отца, но отъ Сына или чрезъ Сына, и потому, что̀ отсюда само собой вытекаетъ, осуждаетъ того, кто сказалъ бы, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Сына или чрезъ Одного только Сына. А такъ какъ, по ученію Ѳеодорита, если Духъ Святый получаетъ бытіе не отъ Отца, а отъ Одного только Сына или чрезъ Одного только Сына, то Онъ получаетъ бытіе отъ Сына, какъ отъ причины, или чрезъ Сына, какъ причину: то ясно, что этому догмату Ѳеодорита отнюдь не противорѣчитъ догматъ вселенской Церкви, по которому вѣруютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына. Ибо смыслъ этого догмата не тотъ, будто Духъ Святый исходитъ чрезъ Сына, какъ причину, а только тотъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, когда родился Сынъ. Но объ этомъ—въ другомъ мѣстѣ; да и другія возраженія, выставляемыя латинянами по поводу даннаго мѣста Кирилла, мы также опровергнемъ въ своемъ мѣстѣ.

Отмѣтимъ только нелѣпое утвержденіе нѣкоего латинскаго писателя [1]), будто догматъ, которымъ отрицается, что Духъ Святый имѣетъ бытіе чрезъ Сына, былъ осужденъ въ лицѣ Несторіанъ и будто это видно изъ словъ Кирилла, излагающаго и опровергающаго анаѳематизмы Ѳеодорита. Выше мы видѣли самыя слова Кирилла, который онъ выставляетъ противъ Ѳеодорита. Развѣ онъ хоть однимъ словомъ упрекнулъ Ѳеодорита за то, что тотъ отвергъ мысль, будто Духъ Святый имѣетъ бытіе или отъ Сына, или чрезъ Сына? Кто-же послѣ того не станетъ удивляться смѣлости человѣка, допускающаго столь легкомысленно ложь? Равнымъ образомъ невѣрно, прибавляетъ онъ, будто Кириллъ опровергъ анаѳематизмы Ѳеодорита. На самомъ дѣлѣ Ѳеодоритъ никакихъ анаѳематизмъ не писалъ; а только опровергъ анаѳематизмы Кирилла, и послѣдній снова затѣмъ защитилъ свои анаѳематизмы противъ обвиненій Ѳеодорита, и при этой защитѣ отвѣчаетъ Ѳеодориту по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Но продолжаемъ.

Одинаковыя съ приведеннымъ нами изъ защиты девятой анаѳематизмы мѣста встрѣчаются у Кирилла повсюду. Такъ въ письмѣ его къ Іоанну, епископу Антіохійскому (т. V творенiй, ч. II, стр. 108) читаемъ: «не они (отцы) говорили, а Самъ Духъ Бога и Отца, Который отъ Него исходитъ, но не чуждъ и Сыну въ отношеніи сущности». Кириллъ желаетъ тутъ показать, что исхожденіе Духа Святаго отъ Отца не противорѣчитъ тому, что Онъ не чуждъ и Сыну. А какимъ образомъ онъ доказалъ бы, что въ этомъ случаѣ одно другому не противорѣчитъ, если-бы вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не предположилъ, что Духъ Святый не исходитъ отъ Сына? Кромѣ того, онъ употребляетъ раздѣлительныя частицы: исходитъ, говоритъ онъ, отъ Отца, но не чуждъ Сыну; или, что одно и то-же: хотя Духъ исходитъ отъ Отца, однако Онъ не чуждъ Сыну. Безъ сомнѣнія, это означаетъ то-же, какъ если-бы было сказано: не отъ Сына, но отъ Отца исходитъ Духъ Святый; или такъ: хотя отъ Отца, а не отъ Сына исходитъ Духъ Святый, однако Онъ не чуждъ Сыну. Далѣе онъ при-

---

[1]) Цихові «Трибуналъ», стр. 316.

бавляетъ: но не чуждъ Сыну въ отношеніи сущности, хотя исходитъ отъ Отца. Слѣдовательно, Духъ Святый соединяется съ Сыномъ только по единосущію, а не также и въ отношеніи причины, т. е. въ томъ смыслѣ, будто-бы Онъ равно исходитъ какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына. Кириллъ хочетъ показать, какимъ образомъ Духъ Святый, исходя отъ Отца, въ то-же время не чуждъ Сыну? И отвѣчаетъ: въ отношеніи сущности. Въ данномъ случаѣ Кириллъ не преминулъ-бы одинаково сказать, что Духъ Святый и по происхожденію Своему не чуждъ Сыну, подобно тому какъ онъ сказалъ, что Духъ не чуждъ въ этомъ отношеніи Отцу,—если-бы онъ вѣровалъ во что-либо подобное.

Затѣмъ, сами восточные епископы, получивши посланіе св. Кирилла, поняли его слова въ этомъ именно смыслѣ. Такъ въ письмѣ къ Іоанну Антіохійскому они говорятъ: «настоящее Кириллово посланіе украшается евангельскимъ превосходствомъ: ибо въ немъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ признается совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, а Духъ Святый не отъ Сына или чрезъ Сына имѣющимъ бытіе, но исходящимъ отъ Отца, собственнымъ-же Сына». Очевидно, для того, чтобы снова возстановить единеніе между Кирилломъ и несогласными съ нимъ восточными епископами, Іоаннъ Антіохійскій отъ имени всѣхъ ихъ посланъ Кириллу отвѣтное посланіе, въ которомъ изложилъ свою вѣру объ одномъ лицѣ и двухъ природахъ въ Христѣ. Кириллъ, получивши это посланіе и видя, что оно во всемъ согласно съ каѳолической вѣрой, и самъ отвѣтилъ Іоанну Антіохійскому посланіемъ (изъ котораго именно мы и привели выше слова), называя этихъ восточныхъ отцовъ братьями и прекращая всякій споръ. Но Кириллъ отлично зналъ, что эти восточные епископы осуждаютъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, какъ богохульство, и что самъ онъ ими подозрѣвается, или по крайней мѣрѣ подозрѣвался въ принятіи этого догмата. Слѣдовательно, если-бы Кириллъ на самомъ дѣлѣ защищалъ когда-либо это ученіе, то, конечно, когда между нимъ и восточными дѣло клонилось къ миру, онъ въ посланіи къ нимъ не употребилъ-бы такихъ словъ, которыя можно было объяснить въ смыслѣ исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, но скорѣе проповѣды-

валъ бы исхожденіе Св. Духа отъ Сына, чтобы не думали, что онъ въ этомъ отношеніи единомысленъ съ ними,—съ ними, говорю, которые осуждали догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ нечестивый и богохульный. А такъ какъ теперь Кириллъ не возбуждаетъ относительно этого догмата никакого спора съ восточными и признаетъ только одно (каѳолическое) исповѣданіе Іоанна Антіохійскаго объ одномъ лицѣ и двухъ природахъ въ Іисусѣ Христѣ, чтобы снова вступить въ единеніе съ восточными, и затѣмъ употребляетъ такія выраженія, которыя могли быть изъяснены въ смыслѣ признанія исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, какъ затѣмъ ихъ и поняли восточные: то ясно, что приведенныя слова Кириллъ написалъ съ цѣлью показать, что онъ несправедливо былъ заподозрѣнъ восточными въ томъ, будто онъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына: ибо это ему никогда не приходило на мысль.

Могутъ сказать (противъ этого): если положеніе: «Духъ Святый исходитъ отъ Отца, но есть собственный Сына» —должно понимать въ томъ смыслѣ, что хотя Духъ Святый исходитъ не отъ Сына, а отъ Отца, однако Онъ, сверхъ того, есть собственный Сына, то слѣдуетъ, что и такое положеніе: «Духъ Святый есть собственный Сына, но исходитъ отъ Отца» —должно будетъ понимать одинаково, именно, что, хотя Духъ Святый собственъ не Отцу, но Сыну, однако Онъ исходитъ отъ Отца, что—нелѣпо. Но точно такъ-же и приведенное положеніе нужно было понимать такимъ образомъ: Духъ есть собственный Сына, но исходитъ не отъ Сына, а отъ Отца. Ибо въ этихъ, хотя и одинаковыхъ положеніяхъ, противоположеніе дѣлается только въ той части, въ которой Духъ Святый признается исходящимъ отъ Отца,—такъ какъ тутъ является стремленіе показать, Кому изъ Богоначальныхъ лицъ должно приписать начало Св. Духа. А что Духъ Святый есть собственный какъ Сына, такъ и Отца,—въ этомъ православные (каѳолики) никогда не сомнѣвались. Слѣдовательно, въ указанныхъ положеніяхъ противоположеніе не могло клониться къ этому. Поэтому въ иныхъ мѣстахъ святые отцы (какъ это видно на примѣрѣ бл. Августина, въ его «Енхиридіонѣ» къ Лаврентію, и Пелагія, папы древняго Рима, въ посла-

ніи IX-мъ) прибавляютъ: Духъ Святый исходитъ отъ Отца, но есть собственный Отца и Сына.

Далѣе, въ комментаріи на Луку, изданномъ въ собраніи комментаріевъ греческихъ отцовъ на Луку на латинскомъ языкѣ іезуитомъ Валтасаромъ Кордеріемъ въ Антверпенѣ въ 1628 году, въ объясненіи 20-го стиха XI-й главы (стр. 324) Кириллъ говоритъ: «какъ палецъ связанъ съ рукой, такъ какъ не чуждъ ей и отъ природы находится на ней: такъ и Духъ Святый въ отношеніи единосущія связанъ и соединенъ съ Сыномъ, хотя исходитъ отъ Бога и Отца». И здѣсь положеніе: Духъ Святый связанъ въ отношеніи единосущія съ Сыномъ, хотя исходитъ отъ Отца,—означаетъ то-же самое, какъ если-бы было сказано: хотя Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына, однако Онъ связанъ съ Сыномъ по единосущію. Это только что было доказано.

Затѣмъ въ «бесѣдѣ о крещеніи Христовомъ» (т. I общественной библіотеки отцовъ, изданной Францискомъ Комбефисомъ въ Парижѣ въ 1602 году, на отданіе праздника Богоявленія, стр. 670) Кириллъ говоритъ: «мы знаемъ, что отъ полноты Его мы всѣ приняли [1]), ибо Онъ исшелъ отъ Бога и Отца и потому есть собственный Сына. Во многихъ мѣстахъ Онъ названъ Духомъ Христа, Духомъ Святымъ, исходящимъ отъ Бога и Отца. Свидѣтельствуетъ объ этомъ Павелъ, говоря: вы не по плоти живете, а по Духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ. Если-же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и—не Его [2]). И опять: такъ какъ вы сыновья, то послалъ Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваши, взывающаго: Авва—Отецъ [3])! Поэтому, какъ я говорилъ, Духъ Святый исходитъ отъ Бога и Отца; сообщаетъ-же Его (Духа) твари и удѣляетъ достойнымъ для того, что-бы просвѣщать Его дарами, природный и истинный Сынъ,

---

[1]) Отъ исполненія Его вси пріяхомъ (Іоан. I, 16).

[2]) вы нѣсте въ плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще-же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Егов (Рим. VIII, 9).

[3]) понеже сынове есте, посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша, вопіюща: Авва—Отче (Рим. VIII, 15).

единородное Слово, Который вѣрно сказалъ: все, что имѣетъ Отецъ,—есть Мое».

Согласное съ этимъ мѣсто встрѣчается и въ разговорѣ VI о Св. Троицѣ (ч. I, т. V твореній, стр. 592): «одной также (съ Отцомъ) природы есть единый Духъ и изливается также какъ-бы отъ источника—Отца, но не чуждъ и Сыну. Ибо Сынъ рожденъ, имѣя всякое свойство Отца въ Себѣ Самомъ».

Въ книгѣ I толкованій на Іоанна (на главу I. т. IV твореній, стр. 12) Кириллъ пишетъ: «Сынъ имѣетъ въ Себѣ Самомъ Отца Своей природы, какъ-бы безначальное начало, отъ Котораго Онъ только (происходитъ): ибо Онъ отъ Отца. Въ началѣ было Слово. Многія и разнообразныя представляются намъ отовсюду значенія (слова) начала, о которомъ мы разсуждаемъ, —что полезно для изслѣдующихъ и, подобно охотничьимъ собакамъ, отыскивающихъ истинное пониманіе божественныхъ догматовъ и точный смыслъ таинъ. Изслѣдуйте Писанія, говоритъ Спаситель, потому что вы въ нихъ думаете найти жизнь вѣчную, а они свидѣтельствуютъ обо Мнѣ [1]). Повидимому блаженный Евангелистъ именемъ начала называетъ здѣсь пребывающую надъ всѣмъ силу, т. е., Отца. То-же читаемъ на стр. 14, и въ толкованіи на II главу Іоанна, на стр. 15. А что изъ названія Отца началомъ вытекаетъ, что Одинъ только Отецъ есть начало или производитель Св. Духа,—это мы говорили выше по поводу подобныхъ словъ Оригена.

И что такова была вѣра Кирилла, это будетъ ясно видно далѣе, когда мы станемъ говорить о Θеодоритѣ и прочихъ восточныхъ Отцахъ, разошедшихся съ Кирилломъ на I Ефесскомъ соборѣ. Мы услышимъ даже изъ свидѣтельства самого Кирилла, что онъ не зналъ, какимъ образомъ были заподозрѣны въ несторіанствѣ тѣ, которые до того времени держались съ нимъ одной и той-же вѣры. Но онъ хорошо зналъ, что Θеодоритъ вмѣстѣ съ остальными восточными епископами сильно осуждалъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, какъ догматъ нечестивый и

---

[1]) Испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный, и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ (Іоан. V, 39).

богохульный. Посему онъ вездѣ начинаетъ учить, что Духъ Святый исходитъ, конечно, отъ Отца, но чрезъ Сына, или что Онъ подается тварямъ отъ Сына. Въ концѣ своего изъясненія Никейскаго символа вѣры (т. II, ч. II, стр. 190) онъ говоритъ: «Духъ Святый единосущенъ Отцу и Сыну и изливается, то есть исходитъ отъ Бога и Отца, какъ отъ источника, но сообщается тварямъ чрезъ Сына. Посему Онъ (Іисусъ Христосъ) вдунулъ Его въ святыхъ Апостоловъ, сказавъ: примите Духа Святаго. Слѣдовательно, Духъ отъ Бога и Самъ есть Богъ и не чуждъ сущности, которая превыше всего, но изъ нея, и въ ней, и есть собственный ея».

Въ книгѣ IX толкованій на Іоанна (т. IV стр. 784), на слова: «не вѣруете, что Я въ Отцѣ» и проч. Кириллъ говоритъ: «вѣруемъ, что Сынъ отъ Отца, т. е. изъ Его сущности; и что Онъ изъ Него исшелъ неизреченно и въ Немъ пребываетъ. Такимъ-же образомъ (вѣруемъ) и о Духѣ Святомъ. Ибо Онъ истинно отъ Бога по природѣ, но никоимъ образомъ не отдѣлимъ отъ сущности Его; исходитъ-же отъ Него больше и въ Немъ вѣчно пребываетъ: а подается Святымъ чрезъ Христа. Ибо все во Святомъ Духѣ чрезъ Сына. Эту правильность и истинность догматовъ Святые Отцы передали намъ, такъ мы научились и говорить, и мыслить чрезъ самыя священныя письмена».

Въ книгѣ XI того-же толкованія на Іоанна, на X главу (стр. 987) читаемъ: «такъ какъ Сынъ по природѣ изъ Отца и въ Отцѣ, какъ истинный плодъ Его сущности: то Онъ обладаетъ собственнымъ Отцу по природѣ Духомъ, Который, хотя проистекаетъ изъ Отца, но подается твари чрезъ Сына, только не покакому-либо служебному способу служителя, а такъ, какъ я сказалъ: проистекая изъ самой сущности Бога и Отца, Онъ изливается на достойныхъ принять Его чрезъ единосущное Слово».

Въ XXXIV положеніи своего «сокровища» (т. V, ч. I, стр. 153) Кириллъ говоритъ: «Духъ Святый, такъ сказать, исходитъ изъ превышней сущности всего; однако мыслится въ собственномъ бытіи—и изъ Отца; чрезъ Сына-же подается твари».

Въ VII діалогѣ о Тройцѣ (т. V, ч. I, стр. 634) читаемъ: «существуетъ (Духъ Святый) самостоятельно, хотя и изливаетъ

Его Отецъ изъ своей природы, а достойнымъ подастъ Его Самъ Сынъ».

Въ книгѣ I противъ Юліана (т. VI, стр. 21) Кириллъ пишетъ: «Моисей проповѣдуетъ единаго Бога какъ по природѣ, такъ и по истинности, зная Того, чрезъ Кого все приведено къ бытію,—разумѣю, живущее и ипостасное Его Слово, и животворящаго Духа, Который въ Богѣ и изъ Него, Который чрезъ Сына посылается твари». И приведя затѣмъ (на стр. 35) слова Ерма изъ III слова къ Аскленію о Св. Духѣ: «въ этомъ Духѣ, о Которомъ мы часто прежде говорили, все имѣетъ нужду. Ибо Онъ все носитъ соотвѣственно достоинству, все животворитъ и питаетъ, и отъ святаго источника проистекаетъ, помогая всему жизнью и духомъ, всегда существующій, плодоносящій»,—прибавляетъ: «итакъ, онъ (Моисей) знаетъ, что Онъ (Духъ Святый) существуетъ и Самъ въ Себѣ, и все животворитъ и питаетъ, какъ-бы истекая изъ Святаго источника Бога Отца,—такъ какъ Онъ исходитъ изъ Него по природѣ и чрезъ Сына удѣляется твари».

Въ книгѣ IV противъ Юліана (стр. 147) Кириллъ говоритъ: «слагая здравое и зрѣлое слово истины о высочайшемъ Божествѣ, мы исповѣдуемъ, что Сынъ рожденъ отъ Бога и Отца, одинаковой (съ Нимъ) природы, и ни въ чемъ отъ Него по существу не отличенъ, и что и Духъ происходитъ отъ Того, въ Комъ все получаетъ жизнь. И притомъ неизреченно происходитъ животворящій Св. Духъ, какъ мы сказали, изъ Отца; распредѣляется же Онъ твари чрезъ Сына».

Наконецъ въ книгѣ Кирилла «о правой вѣрѣ къ царицамъ» (т. V, ч. I, стр. 44) читаемъ: «вѣруемъ во единаго Бога Отца вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго. И во единаго Господа Іисуса Христа Сына Его, рожденнаго по природѣ изъ Него и прежде всѣхъ вѣковъ и временъ; ибо Онъ безначаленъ по времени и совѣченъ собственному Родителю, одной съ Нимъ силы и славы, наконецъ по всему и во всемъ равенъ Ему. Подобно-же вѣруемъ и въ Духа Святаго, не почитая Его чуждымъ Божеской природы: такъ какъ и Онъ изливается естественно отъ Отца чрезъ Сына на тварей. Такъ именно понимается еди-

ная, единосущная и въ тождествѣ ученія Святая и покланяемая Тройца». Итакъ, Кириллъ неоднократно учитъ, что хотя Духъ Святый исходитъ отъ Отца, но посылается тварямъ чрезъ Сына. Смыслъ этого тотъ, что, хотя Онъ исходитъ отъ Одного только Отца, однако подается вѣрующимъ чрезъ Сына,—какъ мы только что показали по поводу сходнаго выраженія: «хотя Духъ Святый исходитъ отъ Отца, однако не чуждъ Сыну». Ибо одинаковъ смыслъ и этого выраженія.

Въ VII діалогѣ о Тройцѣ (т. V, ч. I, стр. 640) читаемъ: «должно тщательно изслѣдовать, какова природа Духа, оставивши въ настоящее время свойство именъ, которыя не показываютъ Божества, но означаютъ то, какимъ мы представляемъ себѣ образъ бытія каждаго въ отдѣльности лица. Такъ, имя Отца означаетъ, что Онъ родилъ. Имя Сынъ показываетъ, что Онъ рожденъ. А что Духъ отъ Бога Отца, но есть собственный Самого Сына, подобно нашему человѣческому духу, хотя Онъ мыслится существующимъ иностасно и истинно,—на это сверхъ того указываетъ названіе Его (т. е. Духъ)». Если-бы св. Кириллъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то въ данномъ случаѣ онъ точно такъ же училъ бы, что названіе «Духъ» означаетъ, что Онъ отъ Сына, а не отъ Отца. Ибо если въ отношеніи къ Отцу «Духъ» означаетъ, что Онъ отъ Него, такъ какъ отъ Него исходитъ, то точно такъ же въ отношеніи къ Сыну имя «Духъ» означало-бы, что Онъ изъ Него произведенъ, если-бы именно Духъ Святый исходилъ и отъ Сына. Коль скоро-же имя «Духъ» означаетъ это только въ отношеніи къ Отцу, то ясно, что Духъ Святый отъ Сына не исходитъ. Затѣмъ и здѣсь Кириллъ учитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, Сыну-же только принадлежитъ (есть собственный): но для чего онъ отдѣлялъ-бы Сына отъ исхожденія Св. Духа, если-бы вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына?

Въ XII книгѣ толкованій на Іоанна, на слова Спасителя: «примите Духа Святаго» (т. IV, стр. 1098) Кириллъ пишетъ: «надлежитъ имѣть въ мысли и то, что Онъ (Спаситель) щедродатель и податель Св. Духа. Посему-то Онъ говорилъ: все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое. Имѣетъ же Отецъ изъ Себя Самого и

въ Себѣ Самомъ собственнаго Духа; имѣетъ Его въ Себѣ Самомъ и Сынъ, такъ какъ Онъ единосущенъ Отцу и изъ Него по природѣ рожденъ, имѣя въ Себѣ Самомъ естественно все, свойственное Отцу». Но Кириллъ равнымъ образомъ прибавилъ бы здѣсь, что такъ какъ Сынъ имѣетъ все, принадлежащее Отцу, а Отецъ имѣетъ изъ Себя Самого и въ Себѣ Самомъ Св. Духа: то и Сынъ имѣетъ изъ Себя Самого и въ Себѣ Самомъ Св. Духа,— если-бы Кириллъ во что-либо подобное вѣровалъ. А такъ какъ онъ только заключаетъ отсюда, что Сынъ имѣетъ Духа Святаго въ Себѣ Самомъ, то ясно, что Кириллъ не вѣровалъ, будто Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Мало того, прибавляя причину, по которой Сынъ имѣетъ Духа Святаго въ Себѣ Самомъ, онъ не прибавляетъ такого основанія: такъ какъ Духъ исходитъ отъ Сына, но только: такъ какъ Сынъ единосущенъ Отцу.

Въ VI разговорѣ о Тройцѣ (т. V. ч. I, стр. 592): «когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Тотъ, говоритъ Спаситель, засвидѣтельствуетъ о Мнѣ. Итакъ разумѣешь, какимъ образомъ обѣщаетъ послать намъ собственнаго Духа, Который отъ Отца; и называетъ Его Духомъ истины, а также объясняетъ, что Онъ истекаетъ отъ Самого Отца». Итакъ, если Спаситель на вопросъ о началѣ Св. Духа: Отецъ-ли Его начало? или Отецъ и Сынъ? объясняетъ, что Онъ исходитъ отъ Отца: то кто еще, вопреки смыслу Св. Писанія, рѣшится вѣровать, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына? Кто также осмѣлится переступать границы и предѣлы, положенные Спасителемъ? Конечно, только тотъ, кто рѣшится уклониться на ложный путь. Наконецъ, все это объясненіе—совершенное, чистое, неповрежденное. Слѣдовательно, если Сынъ объясняетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, то, разумѣется, Духъ Святый не исходитъ и отъ Сына.

Затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ исхожденіи Св. Духа, Кириллъ упоминаетъ только объ Отцѣ,—какъ напр., въ XXXIV-мъ утвержденіи «Сокровища» (т. V, ч. I, стр. 342): «итакъ Духъ, естественно пребывающій отъ Бога въ Сынѣ и имѣющій все Его дѣйствованіе, есть Богъ».

Въ книгѣ II толкованій на Іоанна, въ главѣ I (т. IV, стр. 146): «такъ какъ Онъ (Спаситель) утверждаетъ, что то обновленіе, которое совершается чрезъ Духа, бываетъ свыше, то этимъ ясно показываетъ, что Духъ Святый происходитъ изъ сущности Бога Отца, подобно тому какъ, безъ сомнѣнія, и о Себѣ Самомъ Онъ говоритъ: Я—свыше (явился) [1]); и премудрый Евангелистъ говоритъ о Немъ: приходящій свыше—выше всѣхъ» [2]).

Въ IX книгѣ толкованій на Іоанна, въ гл. I (т. IV, стр. 805): «правильно мысля, мы скажемъ: какъ Сынъ по природѣ и изъ Отца, и въ Отцѣ; такъ изъ Отца, а также и въ Отцѣ собственный Его и Сына Духъ, т. е. Духъ Святый». И на слова: «не оставлю васъ сиротами» [3]) (стр. 812), говоря, что пошлетъ Утѣшителя, Онъ Самъ обѣщаетъ придти, показывая этимъ, что Духъ не чуждъ Ему, такъ какъ Онъ—собственный Духъ изъ Отца и разумѣется, какъ Духъ Его, почему наименованъ разумомъ Его. Отсюда Ап. Павелъ, обозначая то-же самое, говоритъ: мы-же разумъ Христовъ имѣемъ [4]).

Въ XI книгѣ того-же толкованія на Іоанна на главу II-ю (стр. 931): «Богъ Отецъ имѣетъ изъ Себя и въ Себѣ собственнаго Духа, т. е. Святаго, чрезъ Котораго Онъ живетъ въ святыхъ и открываетъ чудеса, имѣя Его для этой цѣли не какъ служителя (ничего подобнаго не слѣдуетъ себѣ представлять), но какъ существующаго въ Отцѣ по существу и исходящаго изъ Него нераздѣльно и непрерывно».

Въ XXXIII утвержденіи «Сокровища» (т. V, ч. I, стр. 334): «мы говоримъ, что Духъ Святый отъ Бога, и такъ вѣруемъ. Но скорые только на хулу говорятъ, что и все остальное отъ Бога, согласно словамъ Павла: Единъ Богъ Отецъ, изъ Котораго все; и такимъ образомъ думаютъ, что они могутъ доказать, что Духъ не изъ сущности Отца: такъ какъ къ тварямъ относится выраженіе «изъ Котораго», употребляемое по отношенію къ Духу, показывающее, что Онъ естественно изъ Его сущности,—но вы-

---

[1]) Азъ отъ вышнихъ есмь (Іоан. VIII, 23).

[2]) Грядый свыше надъ всѣми есть (Іоан. III, 31).

[3]) Не оставлю васъ сирыхъ (Іоан. XIV, 18).

[4]) Мы же умъ Христовъ имамы (1 Кор. II. 16).

раженіе: «изъ Котораго» употребляется собственно по отношенію къ Духу, такъ какъ Онъ—изъ сущности Отца».

Въ XXXIV утвержденіи «Сокровища», изъясняя, какимъ образомъ Сына можно назвать рукой, а Духа Святаго перстомъ (т. V, ч. I, стр. 339), Кириллъ говоритъ: «какъ рука естественно бываетъ въ согласіи съ здоровымъ тѣломъ и дѣлаетъ все, что приказываетъ разсудокъ и обыкновенно намазываетъ при помощи пальца: такъ мы будемъ представлять и Слово Божіе, изъ Него и въ Немъ естественно, такъ сказать, соединенное и истекающее, и естественно пребывающаго въ Сынѣ и существенно исходящаго отъ Отца Духа, чрезъ Котораго Онъ, помазуя все, освящаетъ». Затѣмъ на стр. 340: «какимъ образомъ не будетъ Богомъ и единосущнымъ Отцу Тотъ, Который изъ Него и въ Немъ (Духъ), неотдѣлимый отъ Него подобно рукѣ, неотдѣлимой отъ тѣла человѣческаго, но скорѣе по природѣ связанной съ нимъ»? Опять на стр. 347: «итакъ, какимъ образомъ Онъ, Который отъ Отца исходитъ и есть Духъ истины и имѣетъ отношеніе къ Сыну по тождеству сущности, такъ какъ и Сынъ называется истиной: какимъ образомъ Онъ будетъ созданъ или сотворенъ? Это невозможно. Итакъ Духъ—Богъ, такъ какъ дѣйствительно Онъ есть истина и отъ Отца исходитъ». И въ «книгѣ доказательствъ» Кириллъ также повторяетъ, что Духъ Святый есть Богъ (т. V, ч. I, стр. 672).

Далѣе, въ томъ-же XXXIV утвержденіи «Сокровища» (на стр. 364): «когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ засвидѣтельствуетъ о Мнѣ. Если Духъ Святый исходитъ отъ Бога и Отца и есть какъ-бы нѣкій плодъ или запахъ Его сущности; Отецъ же не сотворенъ: то какимъ образомъ будетъ сотвореннымъ Духъ, Который изливается отъ Отца»? То-же онъ повторяетъ и въ «книгѣ доказательствъ» (т. V, ч. I, стр. 677).

Самое XXXIV утвержденіе «Сокровища» озаглавливается такъ (стр. 349): «о томъ, что Духъ Святый не по причастію Бога и Отца, но по природѣ и по существу изъ Него». Подобное читаемъ и на стр. 359: «одинъ поистинѣ есть Богъ, и простой, и несложный, и потому ни съ какою природою другого вида несмѣшанный. Поэтому Духъ изъ Него и въ Немъ по природѣ,

какъ плодъ Его, а не извнѣ приведенный къ бытію и не имѣющій, какъ думаютъ еретики, нѣкоторымъ образомъ заимствованнымъ то, что Онъ есть».

Во II книгѣ діалоговъ о Св. Троицѣ (т. V, ч. I, стр. 423): «итакъ мы признаемъ, что Духъ Святый изливается отъ Бога чрезъ Сына по природѣ и обнаруживаетъ намъ Свое бытіе какъ-бы въ видѣ дыханія изъ устъ».

Въ V діалогѣ о Троицѣ (т. V, ч. I, стр. 565): «когда Сынъ называется причастникомъ жизни, т. е. того, что оживотворяется Отцомъ, тотчасъ разсмотри Божественную природу, которая всецѣло какъ бы мыслится въ Отцѣ, въ Которомъ и изъ Котораго и Сынъ, и животворящій Духъ, тому, кто имѣетъ жизнь, приходящую совнѣ, подающій оживленіе, не какъ орудіе неизреченной природы, но дающій чрезъ Себя Самого какъ-бы всецѣлое свойство Его».

Въ разговорѣ же VI-мъ (т. V, ч. I, стр. 592) читаемъ: «чей, скажемъ, Духъ Святый есть собственный? Одного-ли Бога и Отца, или также и Сына, или отдѣльно каждаго, или Обоихъ, какъ единый изъ Отца чрезъ Сына по тождеству сущности? Такъ, (т. е. послѣднее) я утверждаю».

Въ VII разговорѣ о Троицѣ (стр. 643): «кто, скажи, прошу тебя, станетъ отдѣлять отъ сущности Отца и Бога Святаго Духа, Который въ ней и изъ нея? развѣ не дошелъ-бы онъ до крайняго безразсудства, если-бы только захотѣлъ помыслить объ этомъ»? И при концѣ діалога (стр. 656): «что Духъ Святый исходитъ изъ самой сущности Бога и Отца,—это понятно, но люди здравомыслящіе смогутъ хорошо и истинно заключать это и изъ того, что ясно сказано: кто воздвигъ Христа Іисуса изъ мертвыхъ, оживитъ и мертвыхъ и пр. [1]). Ужели мы доступимъ, чтобы Тотъ, Кто есть собственный Бога и изъ Него (происходитъ) по природѣ, не имѣлъ жизни»?

Въ «книгѣ доказательствъ, что Духъ Святый есть Богъ» (т. V, ч. I, стр. 673) Кириллъ пишетъ: «тѣ, которые осмѣли-

---

[1]) Воздвигый Христа Іисуса отъ мертвыхъ воскреситъ мертвенная тѣла ваша (Рим. VIII, 11).

ваются говорить намъ, что Духъ Святый (существуетъ) при участіи Бога и Отца, а не по природѣ, пусть скажутъ: почему-же иногда Онъ имѣетъ это чрезъ Самого Себя и исключительно чрезъ Себя? Но ничего иного мы не слышали въ Божественныхъ Писаніяхъ. Итакъ, не по причастію и не по соединенію Онъ святъ, но Онъ есть и освящающая природа и, такъ сказать, тукъ Божества Бога и Отца, какъ сладость меда или пахучесть цвѣтовъ».

Въ книгѣ I противъ Юліана (т. VI, стр. 621): «Сынъ отъ Отца родился и въ Немъ и изъ Него по природѣ. Исходитъ (изъ Отца) и Духъ, Который есть собственный Бога и Отца и равнымъ образомъ и Сына».

Въ VIII книгѣ противъ Юліана (стр. 264): «хотя бы кто называлъ Бога единымъ, однако никогда не будетъ разумѣть Отца безъ (Его) собственнаго Сына и безъ истекающаго изъ Него (Отца) по природѣ Духа, Который также есть Его собственный». Наконецъ тамъ-же, значительно дальше (стр. 275): «ибо Онъ есть Духъ несозданнаго Бога, собственный Его и изъ Него исходящій, ипостасный, живый и всегда существующій».

Θеодоритъ [1]), епископъ Кирскій, въ опроверженіи IX анаѳематизмы Кирилла Александрійскаго (т. IV твореній греко-латинскаго Парижскаго изданія 1642 года, стр. 718) говоритъ: «если (Кириллъ) называетъ Духа собственнымъ Сына въ томъ смыслѣ, что Онъ одной природы съ Сыномъ и исходитъ отъ Отца: то и мы съ нимъ согласны и признаемъ мнѣніе его благочестивымъ; если-же (называетъ) въ томъ смыслѣ, будто Духъ отъ Сына или чрезъ Сына имѣетъ бытіе: то отвергаемъ это мнѣніе, какъ богохульное и нечестивое. Ибо вѣруемъ Господу, Который сказалъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ,— и божественному Павлу, который подобнымъ-же образомъ сказалъ: мы-же не Духа міра приняли, но Духа, Который отъ Бога» [2]). Θеодоритъ прямо заявляетъ, что Духъ Святый исходитъ

---

[1]) Θеодоритъ род. въ 386 г.; сталъ епископомъ въ 420 г., умеръ около 457 г. *Примѣчаніе переводчика.*

[2]) Тексты указаны выше.

не отъ Сына, но отъ Отца, или отъ Одного только Отца. Притомъ отсюда видно, что это было не частное только вѣрованіе Ѳеодорита, но общая вѣра всѣхъ учителей каѳолической Церкви. Ибо если бы кто-нибудь изъ нихъ держался когда-либо особаго мнѣнія, напр., Кириллъ, который въ свою очередь отвѣтилъ на эти опроверженія его анаѳематизмъ, или другой кто-либо (такъ какъ упомянутыя опроверженія Ѳеодоритовы анаѳематизмъ Кирилла были хорошо извѣстны по всей восточной Церкви), то онъ упрекнулъ бы Ѳеодорита за это мнѣніе. А такъ какъ это никогда не было сдѣлано, то ясно, что такъ-же вѣровали и остальные учители, равно и Отцы послѣдующихъ вѣковъ. Такъ какъ ктому-же до того времени между восточными епископами и Кирилломъ существовалъ расколъ, то миръ между ними снова былъ возстановленъ, какъ только изъ посланія Іоанна Антіохійскаго стало извѣстно, что восточные епископы нисколько несогласны съ Несторіемъ относительно двухъ лицъ въ Іисусѣ Христѣ; ничего большаго Кириллъ не желалъ для того, чтобы снова войти съ ними въ общеніе. Однако ему было извѣстно, что Ѳеодоритъ (а съ нимъ одинаково мыслили, какъ увидимъ потомъ, и остальные изъ восточныхъ) не только отрицалъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, но и осуждалъ этотъ догматъ, какъ нечестіе и богохульство. Итакъ, коль скоро Кириллъ изъ-за этого не создаетъ восточнымъ или Ѳеодориту никакихъ препятствій къ тому, чтобы считать ихъ православными, и снова вступаетъ въ общеніе съ ними: то ясно отсюда, что ни Кириллъ, ни затѣмъ остальные православные Отцы вовсе не вѣровали, будто Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Затѣмъ, когда Ѳеодоритъ прибылъ на Халкидонскій соборъ, и Египетскіе епископы и ихъ сообщники, послѣдователи Діоскора и Евтихія, стали кричать, что его нужно изгнать: то восточные и остальные православные враги Евтихія вполнѣ его защищали, какъ это видно изъ I дѣянія [1]) этого собора. Когда-же въ VIII засѣданіи разсматри-

[1]) Все, что происходило на засѣданіяхъ собора, подробно записывалось секретарями (нотаріями); эти протоколы назывались—дѣянія (πράξεις). *Примѣч. перев.*

валось его дѣло и обсуждали, возстановить-ли его на каѳедрѣ, то отъ него ничего не потребовали, кромѣ того, чтобы онъ анаѳематствовалъ Несторія, послѣ чего онъ былъ возвращенъ на свою каѳедру. Итакъ, Ѳеодоритъ этимъ самымъ осудилъ то, что III соборъ осудилъ въ лицѣ Несторія. Между тѣмъ этотъ соборъ въ лицѣ Несторія или его сообщниковъ вовсе не осудилъ ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. Поэтому Ѳеодоритъ вселенскимъ соборомъ былъ признанъ православнымъ, какъ только осудилъ заблужденія Несторія, осужденныя раньше на III соборѣ, хотя онъ, сверхъ того, осуждалъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ богохульное и нечестивое. Отсюда слѣдуетъ, что вѣра православной Церкви въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца была въ то время общею.

Поэтому нельзя не упрекнуть въ лживости и легкомыслiи одного латинскаго писателя, который не усумнился утверждать, что Ѳеодоритъ былъ разрѣшенъ отъ анаѳемы святымъ Львомъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ снова призналъ отвергнутое имъ раньше исхожденіе Св. Духа отъ Сына, которое будто-бы рѣшительно утверждалъ Левъ Великій [1]). Ибо злѣйшая клевета, будто Ѳеодоритъ когда-либо былъ подвергнутъ анаѳемѣ, какъ это увидимъ потомъ. Извѣстно затѣмъ, что Ѳеодоритъ отдѣлился отъ общенія съ прочими православными (каѳоликами) вмѣстѣ съ остальными восточными. Но опять таки невѣрно, будто только Львомъ Великимъ онъ былъ снова принятъ въ общеніе: ибо какъ только между раздѣлившимися возстановилось согласіе, то само собою снова утвердилось единеніе; такъ какъ и Кириллъ, и Іоаннъ Антіохійскій, предводители, такъ сказать, той и другой партіи, увидѣли наконецъ, что по вѣрѣ оба они вовсе не разошлись другъ съ другомъ. Итакъ, Ѳеодоритъ Кирилломъ принимается въ общеніе и IV вселенскимъ соборомъ возстановляется на своей епископской каѳедрѣ. Но развѣ при этомъ члены собора требовали когда-либо, чтобы Ѳеодоритъ предварительно снова призналъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, которое онъ раньше отвергъ? Напротивъ, они только потребовали,

---

[1]) Циховій во II вопросѣ своего «Трибунала», стр. 22.

чтобы онъ осудилъ Несторія, а съ нимъ и его заблужденія, осужденныя на III соборѣ. А что слова Льва Великаго объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, на которое ссылается упомянутый писатель, повреждены, мы покажемъ въ другомъ мѣстѣ. Итакъ, отсюда ясно видно, что этотъ іезуитъ совсѣмъ неправъ.

Кромѣ того, въ приведенномъ выше мѣстѣ Ѳеодоритъ не говоритъ противъ исхожденія Св. Духа вмѣстѣ отъ Отца и Сына и не приписываетъ какое-либо подобное мнѣніе Кириллу, но только осуждаетъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Сына. Противъ этого, именно, ученія возражаетъ здѣсь Ѳеодоритъ: если, говоритъ онъ, Кириллъ учитъ, что Духъ Святый отъ Отца, то и мы то-же исповѣдуемъ. Если-же утверждаетъ, что Онъ исходитъ отъ Сына, то онъ богохульникъ. Если, слѣдовательно, Духъ Святый исходитъ не отъ Отца, но отъ Сына (противъ чего въ приведенныхъ словахъ борется Ѳеодоритъ), то, значитъ, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Сына, а не и отъ Отца. Вотъ почему онъ такъ и выражается въ посланіи къ монастырямъ: «Кириллъ учитъ, что Духъ Святый исходитъ не отъ Отца, но отъ Сына». Итакъ, если-бы въ приведенныхъ словахъ Ѳеодоритъ возражалъ противъ установившагося догмата Церкви, то по необходимости слѣдовало-бы заключить, что какъ Кириллъ, такъ и остальные православные учили, будто Духъ Святый исходитъ не отъ Отца, но отъ Одного только Сына,—что нелѣпо. Отсюда ясно видно, что въ приведенныхъ словахъ Ѳеодоритъ не возражалъ противъ признаваемаго Церковью догмата, а только защищалъ православную вѣру. А если-бы Кириллъ или другіе епископы совмѣстно признавали, что Духъ Святый исходитъ вмѣстѣ отъ Отца и Сына,—то точно такъ-же, безъ сомнѣнія, за подобное мнѣніе Ѳеодоритъ сталъ-бы обличать Кирилла, такъ какъ онъ вѣровалъ, согласно Писанію, что Духъ исходитъ только отъ Отца. Слѣдовательно, отсюда опять становится очевиднымъ, что ученіе объ исхожденіи Св. Духа вмѣстѣ отъ Отца и Сына отнюдь не было православнымъ догматомъ. Наконецъ, отсюда становится яснымъ, что несправедливо латиняне нападаютъ на Ѳеодорита, какъ будто-бы онъ первый отвергъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына. На самомъ дѣлѣ онъ прямо не опровергаетъ этого мнѣ-

нія, а только осуждаетъ тѣхъ, которыя учатъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Сына, или—не отъ Отца, но отъ Сына,—а что это—ложно, въ этомъ должны сознаться и сами латиняне. Впрочемъ, изъ дальнѣйшихъ его словъ ясно вытекаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не и отъ Сына.

Но латиняне, проникнутые духомъ распри, возражаютъ на это, что вышеупомянутыя Ѳеодоритовы опроверженія анаѳематизмъ Кирилла были осуждены пятымъ вселенскимъ Соборомъ въ VIII-мъ засѣданіи XIII-й анаѳемой. Но ужели посему осуждены анаѳемой всѣ догматы, которые заключаются въ этомъ опроверженіи? Много, конечно, встрѣчается тамъ и другихъ догматовъ, которыхъ пятый вселенскій соборъ никогда не осуждалъ вмѣстѣ съ остальнымъ, что писалъ Ѳеодоритъ, а осудилъ только то, что Ѳеодоритъ училъ отлично и противно Кириллу. Но развѣ Кириллъ въ своемъ отвѣтѣ осуждалъ Ѳеодорита за ученіе, что Духъ Святый исходитъ не отъ Сына, а отъ Отца, или по крайней мѣрѣ опровергалъ его? Напротивъ, въ этомъ своемъ отвѣтѣ, какъ мы видѣли, онъ соглашался съ мнѣніемъ Ѳеодорита. Въ дѣйствительности—упомянутое сочиненіе было осуждено V-мъ вселенскимъ соборомъ за одни только несторіанскія заблужденія, которыя въ немъ встрѣчались. Такъ XIII анаѳема этого собора, произнесенная въ VIII собраніи, гласитъ слѣдующее: «кто защищаетъ нечестивыя писанія Ѳеодорита, которыя онъ написалъ противъ правой вѣры, противъ I Ефесскаго собора, противъ св. Кирилла и его XII главъ, и все, что онъ написалъ въ защиту нечестивыхъ Ѳеодора и Несторія и въ защиту другихъ, которые мыслили одинаково съ упомянутыми Ѳеодоромъ и Несторіемъ, поддерживая ихъ и ихъ нечестіе и посему называя нечестивыми учителей Церкви, исповѣдующихъ единство по ипостаси Бога Слова въ плоти;—кто не анаѳематствуетъ упомянутыя нечестивыя сочиненія и тѣхъ, которые одинаково съ ними мыслили и мыслятъ, и всѣхъ, которые писали противъ правой вѣры, противъ св. Кирилла и его XII главъ и пребыли до смерти въ такомъ нечестіи: да будетъ анаѳема». Итакъ, упомянутое сочиненіе Ѳеодорита было осуждено за отрицаніе ипостаснаго единства Бога Слова по плоти и за заблужде-

нія, которыя отсюда вытекаютъ, а не за утвержденіе исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца. Да и не составляло отличительнаго догмата Несторія и ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ мы покажемъ впослѣдствіи.

У того-же латинскаго писателя [1]) находимъ злѣйшую клевету, будто уже III соборъ осудилъ всѣ сочиненія Ѳеодорита и самого его предалъ отлученію и будто то-же самое сдѣлалъ и V соборъ. Отцы Ефесскаго собора, по словамъ этого писателя, не осудили именно исхожденія Св. Духа отъ Сына, потому что упомянутый соборъ и не былъ собираемъ противъ этого догмата; что касается остального, что встрѣчается въ сочиненіяхъ Ѳеодорита, Несторія, Ѳеодора Мопсуэтскаго и др., то все это они отсѣкли какъ-бы однимъ ударомъ топора анаѳемы. Но, во-первыхъ, изъ того, что III или V вселенскій соборъ не осудилъ открыто въ сочиненіяхъ Ѳеодорита, изданныхъ противъ Кирилла, исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца, изъ этого мы еще не дѣлаемъ заключенія, что этотъ догматъ былъ одобренъ III или V соборомъ. Мы стоимъ только за то, что хотя V вселенскій соборъ осудилъ упомянутую книжку Ѳедорита; однако онъ не осудилъ заразъ и всѣ православные догматы, какіе въ ней встрѣчаются, а только то, что отвергъ самъ Кириллъ въ своемъ отвѣтѣ,—и въ числѣ отвергнутыхъ положеній вовсе не было ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. Поэтому является чистѣйшею клеветою, будто V вселенскимъ соборомъ Ѳеодоритъ былъ осужденъ вмѣстѣ со всѣми своими писаніями: ни Ѳеодорита, ни всѣхъ его писаній V вселенскій соборъ не осуждалъ; а изъ сочиненій его осудилъ только тѣ, которыя онъ написалъ противъ Кирилла въ защиту Несторія, какъ это мы только что видѣли изъ ясныхъ словъ приведенной противъ нихъ анаѳемы. Именно—эта анаѳема заключаетъ въ себѣ такую мысль: кто не осуждаетъ сочиненій Ѳеодорита противъ Кирилла; кто не осуждаетъ тѣхъ, которые, будучи согласны съ Несторіемъ или писа въ защиту Несторія, пребыли въ этомъ нечестіи до смерти: да будетъ анаѳема. Такимъ образомъ V вселенскій соборъ вполнѣ ясно исключаетъ изъ ана-

---

[1]) Циховій, польскій іезуитъ.— «Трибуналъ», вопросъ II, стр. 22.

ѳемы тѣхъ, которые хотя до того времени мыслили или писали противно Кириллу, однако не остались до смерти въ этомъ нечестіи; въ числѣ ихъ былъ, конечно, и самъ Ѳеодоритъ, который, какъ мы уже выше видѣли, произнесъ анаѳему на Несторія и затѣмъ IV вселенскимъ соборомъ былъ возстановленъ на своей каѳедрѣ. Какъ въ самомъ дѣлѣ, можно имѣть смѣлость утверждать, что V вселенскій соборъ предалъ анаѳемѣ Ѳеодорита и всѣ его сочиненія, если Кириллъ, по возстановленіи единенія, въ письмѣ къ епископу Митиленскому, какъ увидимъ потомъ, называетъ его святѣйшимъ епископомъ? И Пелагій, папа Римскій, въ посланіи I въ защиту V вселенскаго собора, въ выраженіяхъ, которыя будутъ приведены ниже, ясно сознается, что онъ принимаетъ Ѳеодорита, почитаетъ его, одобряетъ его сочиненія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя онъ написалъ противъ Кирилла. Удивительно поэтому, какъ упомянутый выше іезуитскій писатель могъ утверждать, будто Ѳеодоритъ былъ осужденъ V вселенскимъ соборомъ со всѣми своими сочиненіями?

Далѣе возразятъ [1]), что въ написанномъ Ѳеодоритомъ «опроверженіи» анаѳематизмъ Кирилла не встрѣчается ничего такого, что благопріятствовало-бы Несторіанамъ. Слѣдовательно, онъ осужденъ былъ не за что-нибудь другое, а за ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. Но ложно утвержденіе, будто это сочиненіе Ѳеодорита было осуждено V вселенскимъ соборомъ не за несторіанскія заблужденія. Въ анаѳемѣ этого собора, направленной противъ упомянутаго сочиненія, Ѳеодоритъ обвиняется въ томъ, что свое «опроверженіе» написалъ въ защиту Несторія и потому защищалъ въ немъ положенія Несторія. Мало того, въ ней нарочито прибавляется, за что въ особенности упомянутыя сочиненія Ѳеодорита заслужили осужденія на анаѳему: именно, что онъ въ нихъ отрицалъ ипостасное единство Бога Слова во плоти. «Кто защищаетъ», говоритъ опредѣленіе этого собора, «нечестивыя писанія Ѳеодорита, которыя онъ составилъ противъ правой вѣры и противъ I святого Ефесскаго собора, св. Ки-

[1]) Алляцій: «Согласіе Церквей восточной и западной», книга II, глава II.

рилла и его XII главъ, и все, что онъ написалъ въ защиту нечестивыхъ Θеодора и Несторія и въ защиту другихъ, которые мыслили одинаково съ упомянутыми Θеодоромъ и Несторіемъ, поддерживая ихъ и нечестіе ихъ и посему называя нечестивыми учителей Церкви, которые исповѣдуютъ иностасное единство Бога Слова во плоти» и пр. Въ особенности-же въ V дѣяніи того-же собора перечисляются изъ этого сочиненія Θеодорита различныя нечестивыя выраженія, за которыя затѣмъ согласно VIII дѣянію того-же собора сочиненіе это заслужило осужденіе, какъ тамъ-же прибавляетъ послѣ сего самъ V вселенскій соборъ: «изъ того, что Θеодоритъ написалъ нечестиво, заслуживаетъ удивленія тщательность святого Халкидонскаго собора: ибо зная его богохульства (хулы), онъ сперва употребилъ противъ него многія восклицанія, а затѣмъ принялъ его только тогда, когда онъ предварительно анаѳематствовалъ Несторія и его хулы, въ защиту которыхъ онъ раньше писалъ». Точно такъ же и Пелагій, папа Римскій, выбралъ изъ упомянутаго сочиненія Θеодорита различныя нечестивыя положенія, за которыя это сочиненіе было по справедливости осуждено V вселенскимъ соборомъ (въ посланіи въ защиту этого V вселенскаго собора. Т. V Соборовъ (conciliorum), изданныхъ въ Парижѣ въ 1671 году, столбецъ 632). Итакъ, если это сочиненіе было осуждено V вселенскимъ соборомъ за различныя нечестивыя положенія, то нужна большая смѣлость, чтобы утверждать, будто оно осуждено было только за ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца, тѣмъ болѣе, что нигдѣ нѣтъ упоминанія о защитѣ въ немъ исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, между тѣмъ какъ Отцы собора, конечно, по необходимости одинаково упомянули-бы и объ этомъ, если-бы разсматриваемое сочиненіе было осуждено за одно только это ученіе.

Скажутъ: однако на самомъ дѣлѣ въ указанномъ сочиненіи Θеодорита не встрѣчается никакого неправомыслія, за исключеніемъ этого: все остальное можетъ быть изъяснено правильно и православно (каѳолически). Но какъ бы тамъ ни было, мы объ этомъ станемъ говорить впослѣдствіи, а теперь рѣчь у насъ только о смыслѣ V вселенскаго собора, т. е. осудилъ-ли онъ это сочиненіе не за иное что, а только за догматъ объ исхожденіи

Св. Духа отъ Одного Отца, а не о томъ: допускаетъ-ли правильное объясненіе то, что высказано Θеодоритомъ? Въ данномъ случаѣ до очевидности ясно, что не за ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, а за другія не православныя мнѣнія это сочиненіе было осуждено V вселенскимъ соборомъ, что и было показано.

Въ посланіи къ монастырямъ [1]) (т. V соборовъ цитированнаго изданія, столбецъ 505) Θеодоритъ снова говоритъ: «хулитъ и на Духа Святаго, говоря, что Онъ исходитъ не отъ Отца, по слову Господа, но имѣетъ бытіе отъ Сына». Такимъ образомъ Θеодоритъ снова осуждаетъ за богохульство того, кто сталъ-бы учить, что Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Сына, а не исходитъ отъ Одного только Отца. Не станемъ здѣсь повторять тѣхъ замѣчаній, какія мы сдѣлали выше по поводу словъ Θеодорита изъ его опроверженія IX анаѳематизмы Кирилла, хотя нѣкоторыя изъ нихъ одинаково могутъ быть примѣнены и къ этимъ словамъ.

Наконецъ прочіе восточные епископы вмѣстѣ съ Θедоритомъ въ возраженіяхъ противъ XII анаѳематизмъ Кирилла по поводу IX анаѳематизмы одинаково говорятъ только объ Одномъ (Отцѣ), отъ Котораго раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Такъ въ томѣ III Соборовъ упомянутаго изданія, въ столбцѣ 861, читаемъ: «какъ и отъ единой божественной сущности мыслится происшедшимъ все,—такъ какъ по существу и ипостаси отъ Него безстрастно родилось Единородное Слово; точно такъ же и Духъ Святый, исходящій отъ Него, пребываетъ въ собственной ипостаси; такъ что въ трехъ ипостасяхъ представляется единая сущность и ни одна изъ нихъ въ отношеніи сущности не созерцается чуждою: мыслятся же онѣ по однимъ только собственнымъ свойствамъ, характеризующимъ ихъ, или отличающимъ одну ипостась отъ другой». И это мѣсто находится среди писаній, которыя V вселенскій соборъ предалъ анаѳемѣ, и его нельзя было-бы такъ прямо выставить противъ латинянъ, если-бы, какъ было выше видно, мы не могли настаивать на немъ на другихъ основаніяхъ.

[1]) Посланіе это озаглавливается такъ: «Θεοδωρήτου πρὸς τοὺς ἐν τῇ Εὐφρατησίᾳ, καὶ Ὀσροηνῇ, καὶ συρίᾳ, καὶ Φοινίκῃ, καὶ Κιλικίᾳ Μονάζοντας».

Но точно такъ же и въ тѣхъ своихъ сочиненіяхъ, которыя приняты и признаны всѣми, Ѳеодоритъ училъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Такъ въ вопросѣ XXII толкованія на книгу Бытія (т. I твореній упомянутаго Парижскаго изданія, стр. 18) читаемъ: «умъ (человѣческій) раждаетъ слово, съ словомъ-же исходитъ духъ, не раждаемый, подобно слову, но всегда слѣдующій за словомъ, исходящій вмѣстѣ съ раждаемымъ словомъ. Впрочемъ въ человѣкѣ бываетъ это только какъ въ образѣ, а потому и слово, и духъ не самостоятельны. Въ Святой-же Троицѣ мы разумѣемъ три ипостаси, и неслитно соединенныя, и самостоятельныя. Ибо прежде вѣковъ рожденъ отъ Отца Богъ Слово, и Онъ не отдѣлимъ отъ Родителя. Отъ Бога и Отца исходитъ и Св. Духъ, и Онъ мыслится въ собственной Его ипостаси». Задавшись цѣлью выяснить происхожденіе ипостасей, Ѳеодоритъ говоритъ, что Сынъ рожденъ, а Духъ Святый исходитъ только отъ Одного Отца. Слѣдовательно, онъ вѣровалъ, что Одинъ только Отецъ есть начало и производитель Сына и Св. Духа.

Во II книгѣ «врачеванія эллинскихъ пристрастій» (т. IV, стр. 504) Ѳеодоритъ пишетъ: «гораздо правдоподобнѣе сказать, что отъ Нерожденнаго произошли Слово и Святый Духъ: Слово, какъ рожденное отъ Ума, а Духъ, какъ исходящій. Ибо Духъ происходитъ вмѣстѣ съ Самимъ Словомъ, однако не какъ сорожденный Слову, но какъ сосуществующій Слову, и сопровождающій Слово, и исходящій». Такимъ образомъ снова, желая показать происхожденіе ипостасей, Ѳеодоритъ какъ Сына, такъ и Духа Святаго производитъ отъ Нерожденнаго, или отъ Бога Отца. Между тѣмъ прибавляя: «ибо Духъ происходитъ вмѣстѣ съ Самимъ Словомъ, однако не какъ сорожденный Слову», онъ, конечно, упомянулъ бы, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, если-бы онъ вѣровалъ во что-либо подобное.

Въ «сокращенномъ изложеніи Божественныхъ опредѣленій», гл. III (т. IV, стр. 257) Ѳеодоритъ пишетъ: «дознали мы, что Духъ Святый отъ Бога и Отца имѣетъ бытіе; ибо Священное Писаніе научаетъ насъ, что Духъ Святый отъ Бога и Божественъ. Вотъ что говоритъ о Немъ Владыка Христосъ: лучше для васъ, чтобы Я пошелъ. Ибо если Я не пойду, Утѣшитель не придетъ

къ вамъ [1]); и еще: когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ [2]), то наставитъ васъ на всякую истину [3]). Сказавъ: отъ Отца исходитъ, показалъ, что Отецъ—источникъ Духа».

Въ III діалогѣ, который носитъ названіе: «Безстрастный» (т. IV. стр. 143): «отъ Отца и Бога и Духъ Святый имѣетъ свое бытіе. Слѣдовательно, мы исповѣдуемъ, что отъ Бога и Отца имѣютъ бытіе и Сынъ, и Духъ».

Въ толкованіи на первое посланіе къ Коринѳянамъ, на слова II главы: «но мы приняли не духа міра сего, а Духа отъ Бога» [4]) (т. III, стр. 130): «показываетъ (Апостолъ), что Св. Духъ не есть часть творенія, но имѣетъ Свое бытіе отъ Бога. Ибо онъ такъ говоритъ: мы не духа міра приняли, что значитъ: мы приняли не духа сотвореннаго и приняли откровеніе всего божественнаго не чрезъ ангела; но Самъ Духъ, отъ Отца исходящій, научилъ насъ тому, что составляло сокровенную тайну».

Въ II книгѣ «врачеванія эллинскихъ пристрастій» (т. IV, стр. 503): «крайне нелѣпо держаться взглядовъ Платона, который признаетъ творцомъ природы Бога, а называетъ матерію совѣчною Богу, и утверждаетъ, что идеи существуютъ отъ Бога и съ Богомъ, и въ то-же время не вѣровать, что Слово Божіе и Духъ Святый исходятъ отъ Бога и существуютъ съ Богомъ».

Наконецъ явно принятый Кирилломъ, уже послѣ прекращенія разногласій, въ общеніе, Ѳеодоритъ вмѣстѣ съ другими восточными епископами, въ письмѣ къ Іоанну Антіохійскому, написанномъ ни противъ Кирилла, ни въ защиту Несторія, утверждаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не и отъ Сына,—какъ объ этомъ будетъ сказано. Ибо что мы будемъ говорить тамъ, то-же въ отношеніи Ѳеодорита можно рѣшительно

---

[1]) Уне есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ (Іоан. XVI, 7).

[2]) Егда же пріидетъ Утѣшитель, Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ (Іоан. XV, 26).

[3]) Наставитъ вы на всяку истину (тамъ-же XVI, 13).

[4]) Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога (Кор. II, 12).

сказать и здѣсь. Такъ и изъ другихъ сочиненій Ѳеодорита, написанныхъ имъ ни противъ Кирилла, ни въ защиту Несторія, извѣстно, что онъ неизмѣнно учитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. И кто когда-либо станетъ отрицать, что эти сочиненія слѣдуетъ признать, если самъ Пелагій, папа Римскій, въ цитированномъ выше мѣстѣ посланія въ защиту V вселенскаго собора говоритъ: «одни только еретическія его сочиненія мы отвергаемъ; остальныя-же его сочиненія не только принимаемъ, но даже пользуемся ими противъ противниковъ». Такимъ образомъ и мы вполнѣ основательно слѣдуемъ приведеннымъ свидѣтельствамъ Ѳеодорита и выставляемъ ихъ противъ разномыслящихъ съ нами латинянъ.

Когда между Кирилломъ Александрійскимъ и нѣкоторыми восточными епископами, главою которыхъ былъ Іоаннъ Антіохійскій, произошли серіознѣйшія распри, Іоаннъ Антіохійскій для того, чтобы между обѣими сторонами снова утвердить миръ, послалъ Кириллу письмо, въ которомъ излагаетъ свою вѣру о лицѣ и двухъ природахъ въ Іисусѣ Христѣ. Прочитавши это изложеніе вѣры и найдя его во всемъ согласнымъ съ каѳолическимъ ученіемъ, Кириллъ объявилъ, что восточные епископы вполнѣ православные и исповѣдуютъ одну съ нимъ вѣру. Самъ Кириллъ въ посланіи къ Іоанну Антіохійскому (т. V твореній Кирилла, ч. II, стр. 106 и дѣяніе I-е вселенскаго Халкидонскаго собора, т. IV Соборовъ, столбецъ 168) говоритъ такъ: «какъ только мы прочли эти ваши письмена и нашли, что вы мыслите то-же, именно, что Господь одинъ, одна вѣра, одно крещеніе: то прославили Бога Спасителя всѣхъ, сорадуясь другъ другу, что наши и ваши Церкви имѣютъ вѣру, согласную съ Богодухновенными Писаніями и преданіемъ Святыхъ Отцовъ». Въ томъ-же посланіи Кириллъ объ исхожденіи Св. Духа говоритъ такъ: «Духъ Святый исходитъ отъ Отца, но не чуждъ и Сыну», какъ мы видѣли выше. Восточные епископы, получивши это посланіе Кирилла, похвалили его, какъ согласное во всемъ съ каѳолической истиной, и согласились съ нимъ; такимъ образомъ всѣ распри были прекращены. А такъ какъ до того времени подозрѣвали, будто Кириллъ училъ, что Духъ Святый исходитъ не отъ Отца, но отъ Сына, то по

поводу (выше) приведенныхъ словъ Кирилла объ исхожденіи Св. Духа они такъ отписываютъ Іоанну Антіохійскому (слова эти привелъ Маркъ, архіепископъ Ефесскій, въ XXIII засѣданіи Флорентійскаго собора. Т. XIII Соборовъ вышеупомянутаго изданія, столбецъ 365): «настоящее Кирилловo посланіе украшается евангельскимъ превосходствомъ: ибо въ немъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ признается совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, а Духъ Святый не отъ Сына или чрезъ Сына имѣющимъ бытіе, но исходящимъ отъ Отца, собственнымъ-же Сына. Усмотрѣвши эту правильность въ посланіи, мы прославили излѣчивающаго косные языки и превращающаго нестройные звуки въ пріятную гармонію». Такимъ образомъ епископы, признанные Кирилломъ послѣ отправленія чрезъ посредство Іоанна Антіохійскаго исповѣданія православными и снова принятые въ общеніе, ясно и притомъ неизмѣнно учатъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына, или иначе—отъ Одного только Отца. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда-же явствуетъ, что Кириллъ не возбудилъ никакого возраженія восточнымъ епископамъ относительно исповѣдуемаго ими исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца и осуждаемаго исхожденія Его отъ Сына, для того чтобы снова принять ихъ въ общеніе и признать истинно-православными. Слѣдовательно, необходимо признать, что восточные до того времени держались православнаго взгляда; въ противномъ случаѣ, не обращая вниманія на столь важный догматъ, никогда не призналъ бы ихъ православными и не принялъ бы ихъ снова въ свое общеніе Кириллъ; притомъ-же они осуждали исхожденіе, Св. Духа отъ Сына, какъ богохульное и нечестивое что видно изъ вышеприведенныхъ словъ Ѳеодорита.

Но затѣмъ въ посланіи къ Акакію Митиленскому, когда уже единеніе между восточными епископами и Кирилломъ утвердилось, Кириллъ сознается, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ восточные казались отступившими отъ правой вѣры: ибо изъ изданнаго ими исповѣданія или апологіи ясно видно, что они слѣдовали правой вѣрѣ. Вотъ какъ онъ говоритъ тамъ-же (т. V твореній, ч. II, стр. 112): «такъ какъ святѣйшіе восточные епископы, когда были въ Ефесѣ, не соглашались съ нами, и по этой при-

чинѣ были заподозрѣны, будто они запутались въ сѣтяхъ богохульствъ Несторія: то чтобы освободить себя отъ этого обвиненія и удовлетворить во всемъ чтителей безпорочной вѣры, а также показать себя непричастными Несторіанскому нечестію, они составили апологію». И далѣе: «итакъ, кчему безразсудно преслѣдовать святѣйшихъ епископовъ Финикійскихъ укоризнами, называя новымъ символомъ ихъ согласіе, которое они издали съ пользою и по необходимости, чтобы очистить себя и успокоить тѣхъ, которые держались убѣжденія, будто они одобряли Несторіанское ученіе»?

Наконецъ тамъ-же: «однажды какимъ-то образомъ будучи заподозрѣны въ отступленіи отъ вѣры Никейскихъ Отцовъ и въ томъ, что они неправо мыслили и не придерживались догматовъ апостольскихъ и евангельскихъ, могли-ли они молчаніемъ освободиться отъ этого позорнаго пятна, или скорѣе полнымъ удовлетвореніемъ и объявленіемъ своего мнѣнія»? Слѣдовательно, если эти восточные епископы несправедливо показались отступившими отъ православной вѣры во время Ефесскаго вселенскаго собора, то насколько болѣе отсюда становится очевиднымъ, что они дѣйствительно были православными и держались православной вѣры, послѣ того какъ исповѣданіемъ своимъ вполнѣ удовлетворили Кирилла и затѣмъ были признаны имъ православными и снова приняты въ общеніе? Вотъ почему, безъ сомнѣнія, онъ и называлъ ихъ святѣйшими епископами и свидѣтельствовалъ, что они во всемъ удовлетворили православныхъ и совершенно непричастны Несторіанской ереси. Если-же, не говоря объ остальномъ, восточные епископы во всемъ удовлетворили православныхъ, то отсюда ясно видно, что они во всемъ или по всему держались истинной, православной вѣры. Но принятые уже Кирилломъ въ общеніе и признанные имъ православными, эти восточные епископы написали къ Іоанну Антіохійскому упомянутое посланіе, въ которомъ рѣшительно отрицали, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Слѣдовательно, въ то время каѳолическимъ догматомъ каѳолической Церкви былъ догматъ что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Кромѣ того,—что Іоаннъ Антіохійскій (а потому и остальные восточные епископы, слѣдовавшіе за

нимъ) никогда не соглашался съ заблужденіями Несторія, объ этомъ свидѣтельствуетъ и папа Римскій Спкстъ въ посланіи къ Кириллу, когда уже миръ между нимъ и восточными былъ возстановленъ (т. III соборовъ, столбецъ 1177): «святый братъ нашъ Іоаннъ не присоединился къ осужденному вами на изгнаніе (Несторію), не былъ уловленъ его богохульною проповѣдью: ибо, какъ показалъ исходъ дѣла, онъ остался при своемъ мнѣніи, не отказался отъ него. Да и что иное онъ могъ-бы думать относительно этого изобрѣтателя зла, какъ не то, что онъ объявляетъ черезъ своихъ священниковъ по поводу поднятаго вопроса»?

Слѣдовательно, можно сказать съ увѣренностью, что эти восточные епископы слѣдовали каѳолической вѣрѣ и были свободны отъ всякой Несторіанской ереси, помирившись съ Кирилломъ. Тогда именно ими было написано посланіе, въ которомъ они учили, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, изъ чего слѣдуетъ заключить, что это ученіе было тогда каѳолическимъ догматомъ.

Какъ однако, скажутъ, примирить это съ тѣмъ, что̀ V вселенскій соборъ перечисляетъ въ сочиненіяхъ Ѳеодорита противъ Кирилла, какъ сказанное нечестиво, о чемъ мы упомянули уже выше? Несомнѣнно въ сочиненіяхъ Ѳеодорита противъ Кирилла заслужили обвиненіе V вселенскаго собора главнымъ образомъ два пункта. Во первыхъ, что онъ отрицалъ единство по ипостаси Бога Слова въ плоти. Это ясно отмѣчается въ анаѳемѣ, которою были осуждены сочиненія Ѳеодорита противъ Кирилла. И въ V засѣданіи этого-же собора упоминается, что этотъ догматъ былъ отвергнутъ Ѳеодоритомъ въ его опроверженіи второй анаѳематизмы Кирилла, какъ высказанный ложно и нечестиво. Но что касается этого, то хотя Ѳеодоритъ не употреблялъ такихъ-же выраженій и и словъ, какъ другіе, однако смыслъ этого догмата сохранялъ правильно, вѣруя по православному, что Христосъ—Единъ и что Онъ есть Богъ и человѣкъ. Такъ самъ Ѳеодоритъ по поводу II-й анаѳематизмы Кирилла выражается слѣдующимъ образомъ: «исповѣдуемъ Единаго Христа, слѣдуя божественнымъ ученіямъ Апостоловъ, и именуемъ Его въ единствѣ (вмѣстѣ) Богомъ и человѣкомъ». Съ другой стороны, онъ вѣровалъ, что въ Христѣ—

одно лицо, но двѣ совершенныя природы: человѣческая и Божеская, соединенныя въ одномъ лицѣ Христа. Въ приведенномъ выше посланіи папы Римскаго Пелагія въ защиту V вселенскаго собора Ѳеодоритъ говоритъ такъ: «мы различаемъ природы: природу Бога Слова называемъ непорочною и лицо безъ сомнѣнія совершеннымъ: ибо безъ лица нельзя утверждать и сущности; точно такъ-же и совершенную человѣческую природу мы исповѣдуемъ вмѣстѣ съ ея лицомъ. Когда-же обращаемъ вниманіе на соединеніе [1]), тогда по-справедливости именуемъ одно лицо». Что же касается того, что Ѳеодоритъ отрицалъ единство по ипостаси Бога Слова во плоти, то это онъ дѣлалъ не по иной причинѣ, а потому, что это для него казалось новымъ: такого рода выраженій Св. Писаніе не употребляетъ; не встрѣчаются они и въ писаніяхъ Отцовъ, а впервые придуманы Кирилломъ. Поэтому самъ Ѳеодоритъ по поводу II анаѳематизмы Кирилла говоритъ: «единства же по ипостаси (т. е. Бога Слова во плоти) мы совершенно не знаемъ, какъ новаго и чуждаго божественнымъ Писаніямъ и толковавшимъ ихъ Отцамъ». Но хотя слова эти и термины и были новыми, однако, когда Несторій нападалъ на простоту вѣры, —напримѣръ, не хотѣлъ признавать Пресвятую Дѣву Богородицей, то Кириллъ, объясняя пространнѣе и тщательнѣе каѳолическую вѣру противъ заблужденій этой ереси, прямо между прочимъ училъ, что существуетъ единство въ ипостаси Бога Слова въ плоти, чѣмъ ясно опровергались заблужденія еретиковъ. Слѣдовательно, Ѳеодоритъ не могъ по праву отвергнуть это выраженіе, въ особенности потому, что его одобрилъ III вселенскій соборъ. И потому, когда Ѳеодоритъ отвергъ это единство, то V-й вселенскій соборъ въ правѣ былъ осудить его рѣчи, какъ нѣчто нечестивое. Второй пунктъ, который тотъ-же соборъ осудилъ въ упомянутыхъ сочиненіяхъ Ѳеодорита, состоитъ въ томъ, что Ѳеодоритъ отрицалъ, что отъ Пресвятой Дѣвы родился Богъ Слово, т. е. Богъ по природѣ, что пострадалъ и умеръ также Богъ по природѣ,—что все, что въ Свящ. Писаніи говорится о Христѣ унизительнаго, истинно говорится о Богѣ Словѣ, т. е. о Богѣ по

[1]) Т. е.—соединеніе природы божественной и человѣческой.

природѣ. Слова Ѳеодорита, относящіяся сюда, приводятся въ V засѣданіи того-же собора изъ его опроверженія I, IV и X-й анаѳематизмъ Кирилла. Но относительно этого нужно замѣтить, что Ѳеодоритъ не отказывался называть Пресвятую Дѣву Богородицей, какъ это видно изъ его словъ на I-ю анаѳематизму Кирилла; но онъ не допускалъ, что она родила Бога по природѣ. Отрицалъ-же это Ѳеодоритъ о Богѣ по природѣ или о Богѣ Словѣ, какъ и все остальное, что говорится унизительнаго о Богѣ Христѣ, потому, что подъ выраженіемъ «Богъ по природѣ» или «Богъ Слово» онъ разумѣлъ самого Бога, какъ Бога. Богъ-же, какъ Богъ, не можетъ раждаться человѣкомъ на свѣтъ, не можетъ страдать и умирать. Да и всякій согласится, что это не соотвѣтствуетъ Божеству. Поэтому въ такомъ же смыслѣ говоритъ и Нилъ Аскетъ (т. I посланій, посланіе CCXIX, Римское изданіе 1668 года, стр. 81): «Сынъ называется посланнымъ, не какъ Богъ Слово, содержащій все въ лонѣ Отца, но потому, что Богъ Слово Самъ принимаетъ на Себя страданія воспринятаго тѣла». И Іоаннъ Дамаскинъ во II книгѣ своего «Изложенія православной вѣры», въ главѣ IV, говоритъ: «когда Онъ по одной изъ природъ именуется Сыномъ Божіимъ и Богомъ, то принимаетъ свойства воспринятой природы, т. е. плоти, и называется Богомъ страждущимъ и Господомъ славы, распятымъ не какъ Богъ, но какъ человѣкъ. И когда называется человѣкомъ и Сыномъ человѣческимъ, то принимаетъ свойство и славу Божественной природы и именуется предвѣчнымъ отрокомъ и безначальнымъ человѣкомъ не поскольку Онъ младенецъ и человѣкъ, но поскольку, будучи предвѣчнымъ Богомъ, сталъ въ послѣднія времена малымъ отрокомъ». Въ такомъ-же точно смыслѣ и Ѳеодоритъ по поводу I-й анаѳематизмы Кирилла отрицаетъ, что Богъ Слово сталъ плотью: «такъ какъ, замѣчаетъ онъ, образъ Божій (или природа, что—одно и то-же) не перемѣняется въ образъ раба». Иначе говоря, согласно своему пониманію, онъ не отрицалъ, что Λόγος или Слово стало плотью, т. е. что Слово, какъ онъ прибавляетъ, восприняло плоть. Слѣдовательно, хотя упомянутыя слова Ѳеодорита можно изъяснить такимъ образомъ, однако самыя слова: Богъ Слово не сталъ плотью, или: не родился отъ

Пресвятой Дѣвы, не страдалъ и умеръ—дѣйствительно имъ отвергаются. Поэтому подобнаго рода выраженіе Ѳеодорита справедливо осудилъ V вселенскій соборъ. Этого достаточно, чтобы примирить Кирилла и Сикста съ V-мъ вселенскимъ соборомъ въ томъ случаѣ, что первые оправдываютъ восточныхъ епископовъ, а послѣдній обвиняетъ ихъ въ Несторіанской ереси.

Но латиняне возражаютъ еще, что восточные имѣли общеніе съ Несторіанами въ томъ именно, что вѣровали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца; что прежде всѣхъ этотъ догматъ утвердилъ Несторій, а затѣмъ онъ перешелъ къ упомянутымъ восточнымъ. Мы охотно соглашаемся, что дѣйствительно Несторій и его сообщники сошлись съ восточными въ этомъ отношеніи, хотя нѣтъ больше вѣрныхъ доказательствъ этого, кромѣ слѣдующихъ словъ Ѳеодора Мопсуетскаго въ комментаріи на XV главу Іоанна (въ Катенѣ (цѣпи) греческихъ Отцовъ на Іоанна, стр. 388 по Антверпенскому изданію 1630 года): «а что это сказано не относительно благодати, объ этомъ свидѣтельствуетъ Самъ Духъ, Который «исходитъ» изъ сущности Отца. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы подъ словомъ «исходитъ» онъ разумѣлъ не естественное исхожденіе, но нѣкое внѣшнее посольство, то было-бы неизвѣстно, о комъ говорится вообще изъ многихъ духовъ, на служеніе посылаемыхъ, о которыхъ Апостолъ Павелъ говоритъ: не всѣ-ли суть служебные духи, на служеніе посылаемые [1])? Здѣсь-же онъ отмѣчаетъ отличительное свойство, чтобы отсюда достаточно можно было познать, что словомъ Духъ въ священномъ Писаніи обозначается собственно Духъ, Который Одинъ только исходитъ отъ Отца». То, что въ Несторіанскомъ символѣ, представленномъ святому III вселенскому собору, отрицается, что Духъ Святый имѣетъ бытіе чрезъ Сына, сюда не относится, какъ имѣющее сомнительную достовѣрность,—такъ какъ слова эти можно изъяснить сколько въ смыслѣ изведенія Св. Духа чрезъ Сына изъ Его несотворенной сущности, столько же въ смыслѣ творенія Его (Духа). Но объ этомъ будетъ ска-

[1]) Не вси ли суть служебніи дуси, на служеніе посылаеміи? (Евр. I, 14).

зано въ другомъ мѣстѣ. По поводу даннаго возраженія можно спросить, ужели Несторій нападалъ на всѣ догматы вѣры? Конечно, многіе догматы онъ признавалъ несомнѣнными, напримѣръ: единство и тройчность Божества. Поэтому вовсе нельзя назвать собственнымъ догматомъ Несторія тотъ догматъ, который онъ такъ-же, какъ и другіе, признавалъ вѣрнымъ, а только тѣ догматы Несторія, которые осудилъ III вселенскій соборъ, слѣдуетъ считать собственно Несторіевыми. Но исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца упомянутый соборъ у Несторіанъ вовсе не осуждалъ. Затѣмъ Кириллъ въ посланіи къ Акакію Митиленскому свидѣтельствуетъ, что восточные епископы, которые не были до сихъ поръ согласны съ нимъ, были во всемъ свободны отъ Несторіанскихъ заблужденій. Вотъ слова Кирилла: «такъ какъ святѣйшіе восточные епископы, когда были въ Ефесѣ, не соглашались съ нами, и по этой причинѣ были заподозрѣны, будто они запутались въ сѣтяхъ богохульствъ Несторія: то чтобы освободиться отъ этого обвиненія и удовлетворить во всемъ чтителей безпорочной вѣры, а также показать себя непричастными Несторіанскому нечестію, они составили апологію». Но восточные, даже по возстановленіи мира, постоянно учили, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Слѣдовательно отрицаніе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, не составляетъ Несторіанскаго заблужденія; и, какъ мы видѣли выше, Кириллъ, для того чтобы тѣхъ-же восточныхъ епископовъ объявить свободными отъ Несторіанскихъ заблужденій и снова принять въ общеніе съ собою, никогда не требовалъ, чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ отказались и отъ мнѣнія, по которому они осуждали исхожденіе Св. Духа отъ Сына, какъ богохульное и нечестивое. Далѣе ни одинъ изъ учителей Церкви, опровергавшихъ ереси Несторія, никогда въ числѣ заблужденій его не перечислялъ и отрицаніе исхожденія Св. Духа отъ Сына. Наконецъ съ тѣхъ поръ на востокѣ Несторій имѣлъ весьма много послѣдователей вплоть до нашихъ дней. Но ни одинъ изъ писателей восточной Церкви не отмѣтилъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца, какъ мнѣніе, отличающее собственно ихъ. Слѣдовательно, отсюда видно, что догматъ этотъ не былъ собственнымъ догма-

томъ Несторіанъ. Напротивъ, отсюда скорѣе вытекаетъ, что этотъ догматъ былъ всеобщимъ догматомъ каѳолической Церкви. Ибо если-бы Несторій или Несторіане, уча, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, учили чему-либо отличному отъ ученія каѳолической Церкви, то, безъ сомнѣнія, или нѣкоторые, или хоть одинъ изъ учителей Церкви отмѣтилъ-бы когда-либо это въ нихъ. Если-же относительно этого вездѣ полное молчаніе, то ясно, что Несторій и Несторіане въ этомъ отношеніи были согласны съ восточными, точно такъ же, какъ и въ догматѣ о Тройцѣ и объ единствѣ въ Божествѣ и въ другихъ догматахъ.

Евлогій, архіепископъ Александрійскій [1]), въ словѣ V (у Фотія, въ его Библіотекѣ, стр. 230 греко-латинскаго изданія въ Орлеанѣ, 1611 года, столб. 866) говоритъ: «Богъ познается не инымъ какимъ, какъ Сыномъ во Отцѣ и Отцомъ въ Сынѣ, а Духъ Святый отъ Отца исходящимъ и имѣющимъ началомъ Отца, но чрезъ Сына исходящимъ на тварь по благоволенію къ избраннымъ». Евлогій здѣсь приписываетъ Отцу начало Св. Духа, Сыну же только изліяніе Духа на вѣрныхъ. Слѣдовательно, онъ вѣровалъ, что Одинъ только есть производитель Св. Духа— Отецъ. Точно такой-же смыслъ, какъ показано выше, имѣютъ подобныя слова и Св. Кирилла Александрійскаго. Тамъ-же нѣсколько дальше (столб. 872) у Евлогія читаемъ: «ты сможешь сказать, объясняя свойство ипостаси Сына, что Богъ рожденъ отъ Бога отъ вѣчности и безстрастно, равно и о Духѣ Святомъ, что Богъ отъ Бога отъ вѣчности исходитъ и проистекаетъ. Подобнымъ-же образомъ, чтобы объяснить рѣчью ипостась Отца, скажешь: отъ Котораго родился Богъ Слово такимъ способомъ рожденія, въ которомъ даже въ помышленіи нельзя найти никакого раздѣленія, или страданія. Если-же хочешь употребить какимъ-либо образомъ Духа Святаго для объясненія Отца, то скажешь: отъ Котораго Онъ непзреченно, непостижимо, безстрастно и вѣчно исходитъ». Евлогій учитъ, что Отца можно представ-

[1]) Евлогій жилъ во второй половинѣ VI-го вѣка (умеръ въ 608 г.). Зернпкавъ ошибочно помѣстилъ его въ ряду писателей V-го вѣка.
Прим. переводчика.

лять въ отношеніи къ Сыну такъ-же, какъ и въ отношеніи къ Духу Святому: ибо и Сынъ, и Духъ Святый имѣютъ причину бытія отъ Отца; ипостась-же Сына онъ объясняетъ только въ отношеніи къ вѣчному рожденію Его отъ Отца. Безъ сомнѣнія, здѣсь онъ равнымъ образомъ прибавилъ-бы, что Сынъ познается и въ отношеніи къ Духу Святому, такъ какъ Духъ исходитъ отъ Сына, если-бы онъ вѣровалъ во что-либо подобное. И раньше этого, въ столбцѣ 866 онъ выразился: «какимъ образомъ Духъ Святый, если таково Его свойство, можетъ исходить отъ Отца и по благоволенію быть посылаемымъ Отцомъ на дѣло вѣрующихъ»?

Григентій, архіепископъ Тафарскій [1]), въ разговорѣ съ іудеемъ Гербаномъ (т. I библіотеки греческихъ Отцовъ, изданной на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ Парижѣ въ 1624 году, стр. 196) выражается: «умъ Вседержителя, какъ причину всего, мы именуемъ Отцомъ; Слово-же, какъ рожденное отъ ума, достойно называемъ Сыномъ, а Духа Святаго, какъ исходящаго отъ ума, почивающаго въ Словѣ и подающаго всему жизнь, называемъ Духомъ». Григентій различаетъ Сына отъ Отца въ дѣлѣ исхожденія Св. Духа, уча, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а въ Сынѣ только почиваетъ. Слѣдовательно онъ вѣровалъ, что одинъ только Отецъ есть производитель Св. Духа, какъ и издатели упомянутой библіотеки греческихъ Отцовъ; даже и издатели библіотеки Отцовъ, изданной въ Кельнѣ (т. V, ч. I), помѣстивши это сочиненіе Григентія, подлѣ этихъ словъ Григентія на полѣ сдѣлали замѣчаніе: «остерегайся заблужденія грековъ относительно исхожденія Св. Духа».

Іоннъ [2]) Панополитанскій въ толкованіи на Іоанна, на слова: «когда придетъ Утѣшитель» [3]) (стр. 365, въ прибавленіи

---

[1]) Г. Тафаръ былъ столицей Омиритовъ, населявшихъ счастливую Аравію. Григентій умеръ около 552 г. И его слѣдуетъ относить къ Отцамъ VI-го вѣка. *Примѣч. перев.*

[2]) Іоннъ пользовался извѣстностью ок. 410 г. Не извѣстно, почему Зерникавъ отнесъ его къ концу V-го вѣка. *Прим. перев.*

[3]) Егда пріидетъ Утѣшитель (Іоан. XV, 26).

къ библіотекѣ Отцовъ, изданной Бинемъ, Парижскаго изданія 1624 года): «когда-же придетъ Духъ, исходящій отъ умопостигаемаго Бога Отца, Духъ, Котораго Я Самъ пошлю къ вамъ отъ Отца: этотъ Духъ истины и наилучшій Утѣшитель много возвѣститъ обо Мнѣ людямъ». И на слова относительно Св. Духа: «отъ Моего возьметъ [1]) (стр. 366): Духъ Святый, исходящій отъ Отца, превознесетъ Меня славою, такъ какъ, принявши отъ Моего Отца, откроетъ вамъ, собравшимся вмѣстѣ и соединившимся, пророчества, возвѣщающія времена, и все, что случится съ вами». Вотъ почему Гейнзій, ученнѣйшій изъ Кальвинистовъ, который первый издалъ сочиненія Нонна на греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ своемъ «священномъ Аристархѣ» повсюду нападаетъ на него за то, что онъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына.

Эней [2]) Газскій въ своемъ «Θеофрастѣ» (т. II только что упомянутой библіотеки греческихъ Отцовъ, стр. 401) говоритъ: «и вмѣстѣ съ рожденіемъ (Сына) извелъ (т. е. Отецъ) Св. Духа одинаковой сущности, не насильно, не по принужденію, но могуществомъ силы; поэтому и родилъ желающій, и произвелъ могущій».

Евдокія [3]), супруга императора Θеодосія, въ своихъ «Гомерокентрахъ», именно въ Гомерокентрѣ XX-мъ о Св. Троицѣ (стр. 108. Т. VIII библіотеки Отцовъ, изданной въ Парижѣ въ 1624 году, служащій прибавленіемъ къ остальнымъ семи томамъ) пишетъ:

«Мы—безопасные вожди всѣхъ,
Три увѣнчанные, изъ одной выи произросшіе,
Сопредвѣчные, равносильные,
Коихъ крѣпость неодолима».

Евдокія воспѣваетъ Божество, произросшее изъ одной выи, т. е. отъ Одного Отца происшедшихъ и Сына, и Духа Святаго. Слѣдовательно отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый.

---

[1]) Отъ Моего пріиметъ (Іоан. XVI, 14)

[2]) Эней сталъ извѣстенъ ок. 481 г. *Прим. перев.*

[3]) Евдокія умерла въ 459 г. *Прим. пер.*

VI вѣкъ.

Захарія [1]), епископъ Митиленскій, въ сочиненіи «о твореніи міра противъ философовъ» (стр. 357. Т. I библіотеки греческихъ Отцовъ цитированнаго выше изданія) говоритъ: «мы говоримъ, друзья, что существуетъ Троица въ единицѣ и единица въ Троицѣ,—потому что ипостасей три, а сущность одна. Ибо начало всего сущаго есть плодотворнѣйшая природа, щедрая благость, источникъ жизни, разумный свѣтъ, высшее и единое благо, первая причина, Сущій и дѣйствительно сущее, всегда себѣ равный, какъ умъ, и Отецъ, раждающій Слово не выразимое и съ другой стороны не внутреннее, но существенное и самосущее и одной съ Нимъ сущности, также отъ вѣка совѣчное: такъ какъ Оно одного съ Нимъ Божества, если не по ипостаси, то по сущности. Онъ (Отецъ) изводитъ отъ вѣчности и другую ипостась, совѣчную и Ему, и Слову, которую Божественное Писаніе называетъ Духомъ Святымъ; изводитъ вмѣстѣ съ рожденіемъ Слова, Сына и мудрости, безъ всякаго истеченія, отсѣченія и ослабленія; ибо эти состоянія выше вѣка, времени и всякаго разстоянія, какое вообще можетъ быть мыслимо. Онъ Единъ со Словомъ, творцомъ и мудростію, и Богомъ Духомъ Святымъ, относящимися къ Нему, какъ къ причинѣ, —Первый посредствомъ рожденія, а Второй—посредствомъ явленія или исхожденія. Итакъ мы говоримъ, что Отецъ есть первая причина Слова и мудрости и производитель Св. Духа и начало Божества, которое созерцается въ Сынѣ и Св. Духѣ, какъ говоритъ намъ Григорій Богословъ» [2]). Въ этихъ словахъ Захарія обстоятельно изъясняетъ произведеніе Божественныхъ ипостасей; но онъ знаетъ одну только причину одинаково какъ Сына, такъ и Духа Святаго—Отца: Онъ родилъ Сына, Онъ произвелъ Духа Святаго, Онъ Одинъ отъ вѣчности былъ съ Сыномъ и Духомъ Святымъ, относящимися къ Нему, какъ къ причинѣ; Онъ есть родитель Сына и производитель Св. Духа, начало Божества, созерцаемаго въ Сынѣ и Св. Духѣ.

---

[1]) Пользовался извѣстностью ок. 536 г. *Примѣч. перев.*

[2]) «Разговоръ противъ вѣчности міра». *Примѣч. перов.*

Слѣдовательно, Захарія знаетъ Одного только Отца, отъ Котораго раждается Сынъ и отъ Котораго исходитъ Св. Духъ. И подъ конецъ (стр. 366) такъ молится: «Отецъ безначальный и нерожденный, Сынъ безначально рожденный, Духъ Божественный, безначально исходящій отъ Отца»!

Леонтій [1]) Монахъ въ сочиненіи о сектахъ (дѣяніе I, стр. 493. Т. I упомянутой библіотеки греческихъ Отцовъ) пишетъ: «одна ипостась Отца, одна Сына и одна—Духа Святаго. И эти три ничѣмъ между собою не различаются, какъ только по личнымъ свойствамъ: одинъ есть Отецъ, другой—Сынъ, а третій—Духъ Святый; ибо у трехъ Ихъ одна сущность, сила и одна воля. Тѣмъ только различаются Они, что Сынъ раждается отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Него. А какимъ образомъ раждается отъ Него Сынъ, или исходитъ Духъ Святый, не должно изслѣдовать съ излишней пытливостью». Леонтій показываетъ, что ипостаси различаются между собою только тѣмъ, что Сынъ раждается отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Него. Слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно учитъ, что Духъ Святый отъ Сына не исходитъ: въ противномъ случаѣ Сынъ и Духъ Святый различались бы еще другъ отъ друга и этимъ. Если-же между Сыномъ и Духомъ Святымъ въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія, а различаются Они однимъ только тѣмъ, что Сынъ раждается, а Духъ Святый исходитъ отъ Отца, то ясно, что Духъ Святый отъ Сына не исходитъ.

Симеонъ Столпникъ [2]) въ посланіи V къ Императору Юстиніану Младшему, по прочтеніи пятаго дѣянія седмого вселенскаго собора (т. VII Соборовъ упомянутаго выше изданія, столб. 351) пишетъ: «отлучитъ ихъ въ преисподнихъ ада Самъ Святый и всемогущій Духъ Іисуса Христа Господа нашего, отъ Отца исходящій, чтобы предать ихъ на вѣчную погибель».

---

[1]) Леонтій жилъ въ концѣ VI в., около 590 г. *Прим. пер.*

[2]) Симеонъ проводилъ жизнь на столбѣ съ 527 по 595 г. *Примѣч. переводчика.*

Анастасій Мученикъ [1]), патріархъ Θеопольскій (Антіохійскій), въ краткомъ изложеніи православной вѣры, приписываемомъ вмѣстѣ и Кириллу Александрійскому (т. VI, ч. II библіотеки Отцовъ, изданной въ Кельнѣ въ 1618 году, стр. 712) говоритъ: «вѣрую во Единаго Бога Отца, и во Единаго Сына и Бога, отъ Бога и Отца рожденнаго, и во Единаго Духа Святаго, отъ Отца исходящаго».

Анастасій Синаитъ [2]) въ книгѣ I «о догматахъ вѣры» (т. VI библіотеки Отцовъ только что упомянутаго Кельнскаго изданія, стр. 694) пишетъ: «подобнаго рода названія прилично усвояются каждому отдѣльному лицу, съ сохраненіемъ для Одного только Отца того, чтобы Онъ былъ Отцомъ, потому что Онъ Одинъ только есть начало; и для Сына,—чтобы Онъ былъ Сыномъ, потому что Онъ Одинъ только рожденъ; и для Утѣшителя, чтобы Онъ былъ Духомъ Святымъ, ибо Онъ имѣетъ собственное исхожденіе отъ Отца». Если-же Одинъ только Отецъ есть начало въ Божествѣ, то Одинъ только Онъ будетъ и производителемъ Св. Духа. Затѣмъ, желая указать основаніе, почему для Одного только Утѣшителя должно сохранить имя Духа Святаго, Анастасій Синаитъ представляетъ такое основаніе: потому что Онъ имѣетъ собственное исхожденіе отъ Отца; но если-бы Духъ Святый точно также исходилъ и отъ Сына, то Онъ имѣлъ-бы собственное имя Св. Духа не только потому, что Онъ исходитъ отъ Отца, но также и потому, что Онъ исходитъ и отъ Сына. Итакъ Духъ Святый не исходитъ одинаково и отъ Сына, потому что въ противномъ случаѣ Анастасій не преминулъ-бы представить и эту причину наименованія Его собственнымъ именемъ Св. Духа. И немного раньше онъ замѣчаетъ: «оба наименованія (т. е. Духъ и Святый) соотвѣтствуютъ Тому, Который собственно называется Духомъ Святымъ; какъ имя Отецъ приличествуетъ

---

[1]) Анастасій послѣ пустынножительства на Синаѣ вступилъ на Антіохійскій престолъ ок. 551 г. и, перенеся много страданій за благочестіе, умеръ въ 599 г. *Примѣч. переводчика.*

[2]) Этотъ Анастасій былъ преемникомъ предъидущаго на Антіохійскомъ—престолѣ и имѣлъ одинаковую съ нимъ судьбу. *Прим. пер.*

собственно причинѣ, а имя Сынъ Тому, Который непосредственно (происходитъ) отъ причины». Слѣдовательно, если имя Отецъ приличествуетъ собственно причинѣ, то Сынъ, конечно, не будетъ причиною, ибо къ Нему имя Отецъ не подходитъ. Равнымъ, образомъ, если имя Отецъ приличествуетъ собственно причинѣ, то слѣдуетъ, что одно только лицо въ Божествѣ бываетъ причиною, ибо одно только лицо—Отецъ. Итакъ, Одинъ только Отецъ есть производитель Св. Духа, а не вмѣстѣ—и другое лицо. Отсюда и слова Іоанна: «въ началѣ было Слово» и пр. Анастасій изъясняетъ по отношенію къ Отцу. Такъ, въ приведенномъ мѣстѣ (стр. 696) онъ говоритъ: «Слово было въ началѣ, т. е. въ Отцѣ». А что въ этихъ словахъ заключается ученіе, что Одинъ только Отецъ въ Божествѣ есть начало, это показано уже выше, по поводу подобныхъ словъ Оригена.

Далѣе въ «Путеводителѣ» (гл. XVII греко-латинскаго Ингольштадтскаго изданія 1606 года, стр. 304) Анастасій говоритъ: «не всецѣло бытіе Троицы заключается въ собственной ипостаси Слова, какъ полагаетъ Савеллій, сливая все: ибо Слово не имѣетъ нерождаемости Отца и производительной силы, бытія безъ причины, не имѣетъ того, что бы кто-нибудь сидѣлъ одесную Его; ношенія кого-либо въ нѣдрахъ, не имѣетъ исхожденія Духа и другихъ ипостасныхъ свойствъ Отца и Св. Духа. Не какъ не рожденъ Отецъ, такъ и Сынъ, и не какъ родитель Отецъ, такъ и Сынъ; и опять Сынъ не безъ причины, не исходитъ и не посылаетъ Духа такъ, какъ Онъ посланъ Отцомъ». Здѣсь Анастасій учитъ, что Сынъ не имѣетъ ни одного изъ ипостасныхъ свойствъ Отца, а перечисляя ихъ, между прочимъ говоритъ: «Сынъ не посылаетъ Духа, какъ Онъ посланъ Отцомъ», обозначая словомъ ἀποστέλλειν или посылать—вѣчное произведеніе Св. Духа. Ибо Святые Отцы слова: πεμπειν, αποστέλλειν, εκπέμπειν (посылать) повсюду употребляютъ для обозначенія произведенія Святаго Духа.

Такъ слова Григорія Чудотворца изъ изложенія вѣры противъ Елпиандa, Аѳанасія изъ разговора I-го о Троицѣ, Василія изъ книги V противъ Евномія, Епифанія изъ ереси LXXVI противъ главъ XIV, XXII и XXXV Аэтія-мы видѣли выше; равнымъ

образомъ приведены мѣста, въ которыхъ Кириллъ Александрійскій словомъ «посланіе» ясно обозначаетъ вѣчное изведеніе, когда мы говорили о вѣрѣ Чудотворца, воспринятой имъ изъ откровенія св. Іоанна. Слѣдовательно, если вѣчное изведеніе Св. Духа есть отличительное свойство Отца, а Сынъ не имѣетъ никакого свойства Отца, какъ говоритъ Анастасій, то ясно, что Сыну не принадлежитъ изведеніе Св. Духа. Переводчикъ и издатель «Путеводителя» Іаковъ Гретсеръ (которому слѣдовали Кельнскіе издатели) въ т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ (стр. 621) соглашается, что не погрѣшитъ тотъ, кто приметъ эти слова по отношенію къ вѣчному изведенію Св. Духа; однако говоритъ, что это не противорѣчитъ мнѣнію его единомышленниковъ, такъ какъ и они признаютъ, что неодинаковымъ образомъ Духъ Святый изведенъ Отцомъ и Сыномъ: ибо Сынъ отъ Отца имѣетъ то, что Онъ есть начало Св. Духа, а Отецъ—ни отъ кого. Слова же Анастасія таковы: «Сынъ не посылаетъ Духа, какъ Онъ посланъ Отцомъ». Но намѣреніе Анастасія чрезъ наведеніе показать, что никакое ипостасное свойство Отца не принадлежитъ Сыну. Вотъ почему онъ ссылается на нерождаемость, на силу раждать и затѣмъ къ этимъ свойствамъ прибавляетъ также изведеніе Св. Духа. Это послѣднее онъ перечисляетъ среди ипостасныхъ свойствъ Отца и потому совершенно отрицаетъ принадлежность его Сыну. Затѣмъ, сказавши: «Сынъ не нерожденъ, какъ Отецъ, и не родитель, какъ Отецъ»,—этимъ прямо, конечно, отрицаетъ въ Сынѣ нерождаемость и производительную силу Отца, а не показываетъ только, что Сынъ нерождаемъ и раждаетъ не такъ, какъ это свойственно Отцу. Но въ одинаковомъ смыслѣ онъ прибавляетъ: «Духа Святаго не послалъ Сынъ, какъ Онъ посланъ Отцомъ». Слѣдовательно здѣсь точно такъ-же прямо разумѣетъ, что Духъ Святый Сыномъ не производится. Правда, въ упомянутомъ изданіи Гретсера въ греческомъ текстѣ не говорится: «не посылаетъ Духа Святаго», но: «не посылаетъ Отца, какъ посланъ Отцомъ». Но такъ какъ самъ переводчикъ и издатель этого сочиненія іезуитъ Гретсеръ слѣдуетъ первому чтенію и даже старается оправдать его, то ясно, что это первое чтеніе настоящее. Ибо никогда бы іезуитъ по собственному побужденію не вставилъ того, что̀ ему могло только

казаться противнымъ, и затѣмъ не старался-бы его оправдать. Впрочемъ такое чтеніе вытекаетъ и изъ самаго текста. Задача Анастасія показать, что никакое изъ ипостасныхъ свойствъ Отца не принадлежитъ Сыну. Поэтому, перечисливши нѣкоторыя изъ нихъ, онъ въ томъ-же смыслѣ прибавляетъ и упомянутыя слова. Но между отличительными свойствами Отца нѣтъ свойства посылать Отца. Слѣдовательно Анастасій никоимъ образомъ не могъ перечислять этого въ числѣ отличительныхъ свойствъ Отца; такъ что, такимъ образомъ, отсюда опять видно, что тамъ, гдѣ читается: «не посылаетъ Отца» (οὐχὶ πέμπει τὸν Πατέρα) была случайная погрѣшность переписчика, такъ какъ должно было читать: «не посылаетъ Духа» (οὐχὶ πέμπει το Πνεῦμα) [1]).

Затѣмъ въ I книгѣ «о догматахъ вѣры» (въ указанномъ мѣстѣ стр. 693) Анастасій говоритъ: «какъ Сынъ отъ Отца, такъ и Духъ Святый отъ Бога· Тотъ рожденъ и потому Сынъ, а Этотъ —исходитъ и потому—Духъ. Или лучше сказать: Тотъ раждается, а Этотъ вѣчно исходитъ. Ибо такъ говоритъ о Себѣ Самомъ Господь: прежде всѣхъ холмовъ родилъ Меня [2]); о Духѣ-же Святомъ: Который отъ Отца исходитъ [3])». Такимъ образомъ Анастасій учитъ, что Духъ Святый не менѣе, какъ и Сынъ, имѣетъ начало бытія только отъ Отца. Разница только въ томъ, что одинъ раждается, а другой исходитъ. Биній (De la Bigne), помѣстившій это сочиненіе Анастасія въ VIII томѣ своей библіотеки Отцовъ (изданіе 1575 года, столб. 674), подлѣ этихъ словъ на полѣ дѣлаетъ замѣчаніе: «общее у грековъ заблужденіе относительно исхожденія Св. Духа».

Затѣмъ Анастасій продолжаетъ: «но разница рожденія и исхожденія не указываетъ на различіе существа, ибо она означаетъ не различіе въ бытіи, но объясняетъ образъ бытія, такъ какъ сущность остается одна и та-же и у Того, отъ Котораго (происходятъ), и у Тѣхъ, Которые отъ Него (происходятъ), при

---

[1]) Вслѣдствіе сокращеній въ письмѣ очень легко было переписчику написать вмѣсто ΠΝΑ (Πνεῦμα)—ΠΡΑ (Πατέρα). Подобныя описки въ рукописяхъ встрѣчаются часто. *Прим. пер.*

[2]) Прежде всѣхъ холмовъ роди Мя (Притч. VIII, 25).

[3]) Иже отъ Отца исходитъ (Іоан. XV, 26).

различіи способа, т. е. пониманія (нами). Итакъ способъ бытія, какъ сказано, различенъ,—основа-же сущности одна и та-же; ибо Они—отъ Одного и Того-же, хотя и не одинаково. Итакъ не будемъ удивляться, когда Онъ признаетъ происхожденіе Обоихъ отъ Отца: Я, говоритъ, отъ Отца пошелъ и пришелъ [1]). И опять: Духъ, Который отъ Отца исходитъ [2])». Чтобы показать, что Сынъ и Духъ Святый, сходясь въ сущности, различаются между собою способами бытія, Анастасій прибавляетъ: «Они отъ Одного и Того-же, хотя и не одинаково». Итакъ отъ Одного и Того-же Отца Сынъ рожденъ, а Духъ Святый исходитъ. Затѣмъ Анастасій учитъ, что способъ бытія Сына есть рожденіе Его отъ Отца. Итакъ, если исхожденіе Св. Духа отъ Отца довершаетъ способъ Его бытія или устанавливаетъ Его лицо, то отсюда, конечно, по необходимости вытекаетъ, что Духъ Святый отнюдь не исходитъ отъ Сына; ибо въ противномъ случаѣ исхожденіе Его отъ Сына точно такъ-же входило-бы въ установленіе Его лица, какъ и исхожденіе отъ Отца. Наконецъ, говоря: «такъ какъ сущность остается одна и та-же и у Того, отъ Котораго (происходятъ), и у Тѣхъ, Которые отъ Него (происходятъ), Анастасій этимъ признаетъ Одного только, отъ Котораго раждается Сынъ и отъ Котораго исходитъ Духъ Святый. Ибо слова: «у Того, отъ Котораго» нельзя объяснять и въ отношеніи къ Сыну, а что Анастасій разумѣетъ въ этихъ словахъ Отца,—это внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ и Биній по поводу послѣднихъ изъ приведенныхъ словъ Анастасія на полѣ прямо замѣчаетъ: «исхожденіе Св. Духа отъ Отца и, слѣдовательно, не отъ Сына—есть заблужденіе грековъ».

Опять тамъ-же въ указанномъ мѣстѣ (стр. 694) Анастасій говоритъ: «въ Божествѣ называется по существу Тѣмъ, отъ Котораго, Богъ Отецъ;—Тѣми, Которые отъ Него, называются Сынъ и Духъ Святый». Слѣдовательно Одного только Отца въ Троицѣ онъ признаетъ Тѣмъ, отъ Котораго, т. е. отъ Котораго раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый.

---

[1]) Азъ отъ Отца изыдохъ и придохъ (Іоан. XVI, 28).

[2]) Духъ иже отъ Отца исходитъ (Іоан. XV, 26).

Далѣе, когда православные (каѳолики) признавали Одного только Отца производителемъ и Сына, и Св. Духа, то Аріане такъ возражали противъ этого догмата, по словамъ Анастасія въ его «Путеводителѣ» (гл. XXII, стр. 336 указаннаго изданія): «если Сынъ и Духъ Святый отъ Отца, то ясно, что Одинъ и Тотъ-же Отецъ Того и Другого и что поэтому Самъ Духъ Святый рожденъ. Если-же вы этого не допускаете, то скажите намъ: кто прежде и кто послѣ исшелъ отъ Отца: Сынъ или Духъ Святый? Если-же Они вмѣстѣ изошли, то отсюда само собою вытекаетъ, что Отецъ родилъ близнецовъ и что Сынъ и Духъ Святый суть въ Божествѣ какъ-бы близнецы». Итакъ ясно видно, что православные вѣровали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Ибо еретикъ не присоединяетъ здѣсь никакихъ доказательствъ и изъ того, что Духъ исходитъ отъ Сына, изъ чего именно могъ-бы вывести много другихъ несообразностей, если-бы православные во что-либо подобное вѣровали; затѣмъ если-бы православные вѣровали, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то еретикъ не предложилъ-бы вопроса: кто прежде произошелъ отъ Отца: Сынъ или Духъ Святый? Ибо въ такомъ случаѣ было-бы немыслимо допустить, чтобы Духъ Святый былъ произведенъ Отцомъ прежде Сына.

Въ книгѣ VIII (толкованій) на Шестодневъ [1]) (т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 667) Анастасій пишетъ: «Моисей описываетъ сперва божественное исхожденіе съ неба этой божественной рѣки (Сына Божія), говоря: Рѣка-же исходитъ изъ Едема, т. е. изъ мѣста полнѣйшей радости, напаяя рай посредствомъ воды, выходящей чрезъ Св. Духа, Который исходитъ отъ Отца». Опять тамъ-же: «благодать Св. Духа, какъ исходящую отъ источника—Отца, онъ наименовалъ рѣкой, отдѣленной отъ невѣрныхъ».

Въ «книгѣ вопросовъ» [2]) того-же писателя, въ вопросѣ XXIV (стр. 270 греко-латинскаго Ингольштадскаго изданія Іакова Гретъ

[1]) Полное заглавіе сочиненія: «Аналогическія созерцанія Шестоднева» — въ 12 книгахъ. *Прим. перев.*

[2]) «Отвѣты на вопросы», извѣстные уже въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года подъ именемъ «Избора отъ Св. Отецъ». *Пр. пер.*

сера 1617 года) говорится: «въ Святой Троицѣ мы мыслимъ три ипостаси, соединенныя неслитно и существующія сами по себѣ. Богъ Слово рожденъ прежде вѣковъ отъ Отца и неотдѣлимъ отъ Родившаго, и Духъ Святый исходитъ отъ Отца, но мыслится въ собственной ипостаси. Ибо все, говоритъ (Апостолъ), производитъ Одинъ и тотъ-же Духъ, удѣляя каждому свое какъ хочетъ» [1]).

Въ I книгѣ «о догматахъ вѣры» (т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 693) онъ-же пишетъ: «хотя и Сынъ и Духъ Святый называются происходящими отъ Отца, однако собственно исхожденіе есть свойство Св. Духа такъ точно, какъ рожденіе—свойство Сына». И на стр. 634: «Духъ Святый называется Духомъ истины; Онъ хотя исходитъ отъ Отца, однако принимаетъ все, принадлежащее Сыну, имѣющему все, что принадлежитъ Отцу,—для показанія и обнаруженія единства сущности принимающаго и Того, отъ Котораго принимаетъ, и Того, отъ Котораго по природѣ исходитъ. Ибо не исшелъ отъ кого-либо, имѣющаго отличную сущность, и не принимаетъ что-либо отъ не единосущнаго; если-же Онъ одной и той-же сущности съ Тѣмъ, отъ Котораго исходитъ и отъ Котораго принимаетъ: то и Они между собою по необходимости будутъ одной и той-же сущности». И опять: «Богъ говоритъ о Духѣ Святомъ: Духъ отъ Меня изойдетъ. Спаситель же нашъ Іисусъ о единосущномъ Ему Утѣшителѣ говоритъ, что Онъ отъ Отца исходитъ, но беретъ (получаетъ) отъ Сына, творящаго и имѣющаго Своимъ собственнымъ все, что принадлежитъ Отцу. Ибо одна сущность и у одной сущности все общее; общая также и сущность: это естественное состояніе». Наконецъ тамъ-же, стр. 697: «какимъ образомъ раждается Слово, или исходитъ Духъ, не будемъ любопытствовать, ибо это не твое дѣло и не безопасно: это извѣстно только Началу и Тѣмъ, Которые отъ Него различно исходятъ. Достаточно знать, что Богъ Одинъ и одна природа Божества, хотя созерцается въ трехъ: въ Началѣ, въ Творцѣ и въ Совершителѣ». Итакъ, если изъ сочиненій св. Анастасія, какъ мы видѣли выше, можно привести столько сви-

---

[1]) Вся творитъ Единъ и Той-же Духъ, раздѣляя властію комуждо, яко-же хощетъ (1 Кор. XII, 11).

дѣтельствъ въ которыхъ онъ рѣшительно учитъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца, а не и отъ Сына, то кто будетъ долѣе сомнѣваться, что исхожденіе Св. Духа отъ Отца только, а не и отъ Сына, есть догматъ каѳолической Церкви? Ибо VI вселенскій Соборъ рѣшительно одобрилъ вѣру Анастасія и осудилъ всѣхъ, кто съ нимъ не согласился бы. Именно акты этого собора (дѣяніе X, т. VI Соборовъ, столб. 829) гласятъ такъ: «Святый Соборъ сказалъ: принимаемъ блаженно почившаго Анастасія, доказавшаго правильность отлученія, наложеннаго святымъ и достославнымъ папою Львомъ. Ѳеодоръ, Боголюбезнѣйшій епископъ Мелитинскій, сказалъ: весь востокъ называетъ святымъ этого блаженной памати Анастасія, бывшаго архіепископомъ Антіохійскимъ; и кто его не принимаетъ (съ нимъ не соглашается), того отвергнетъ Богъ. И всѣ въ одинъ голосъ сказали: Аминь». Слѣдовательно, Виній оказался въ высшей степени неблагоразумнымъ дерзнувши обвинить въ заблужденіи св. Анастасія и вмѣстѣ съ нимъ VI вселенскій соборъ, одобрившій его ученіе.

VII вѣкъ.

Исихій, епископъ Іерусалимскій [1]), во II книгѣ объясненія на книгу Левитъ (т. VII Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 22)

---

[1]) Къ седмому вѣку (началу) относятъ Исихія Іерусалимскаго и переводчикъ Адама Зерникава на греческій языкъ. См. Ἀδάμ Ζοιρνικαβίου Βορούσσου περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐκ μόνου τοῦ Πατρός, etc., изданное въ 1797 г. въ С.-Петербургѣ, въ тип. Импер. Академіи Наукъ, т. I, стр. 118 примѣч., гдѣ смерть Исихія относится къ 609 г. Въ настоящее время выяснено, что Исихій, пресвитеръ Іерусалимскій (а не епископъ, какъ ошибочно называетъ его Адамъ Зерникавъ) былъ слушателемъ и ученикомъ св. Григорія Богослова, равно какъ и достойнымъ ученикомъ его по своимъ ученымъ трудамъ, и жилъ въ V вѣкѣ (умеръ въ 432г.). См. о немъ въ «Истор. ученіи объ Отцахъ правосл. Церкви» Филарета, архіеп. Черниговскаго. СПБ. 1859 г. т. III, стр. 55. По всей вѣроятности, Зерникавъ смѣшалъ Исихія Іерусалимскаго съ другимъ Исихіемъ - Богословомъ. Самый обширный изъ толковательныхъ трудовъ Исихія Іерусалимскаго — «Объясненія на книгу Левитъ» — извѣстенъ только въ древнемъ латинскомъ переводѣ. *Прим. перев.*

выражается такъ: «о Св. Духѣ должно знать, что Онъ есть и Духъ Сына, и исходитъ отъ Отца».

Петръ [1]), епископъ Никомидіи, главнаго города Виѳиніи, въ исповѣданіи вѣры, прочитанномъ на VI Соборѣ (дѣяніе X, т. VI Соборовъ, столб. 841) неповрежденно такъ передаетъ слова символа о Св. Духѣ: «вѣрую и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, отъ Отца исходящаго, Который вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ покланяемъ и славимъ».

Софроній [2]), патріархъ Іерусалимскій, въ посланіи къ Сергію, прочитанномъ на VI соборѣ (дѣяніе XI, т. VI Соборовъ, столб. 856) пишетъ: «вѣрую и во Единаго Духа Святаго, отъ Бога Отца исходящаго, признаваемаго за Свѣтъ и за Самаго Бога, истинно Отцу и Сыну совѣчнаго, единосущнаго и сроднаго, одной и той-же сущности и природы, какъ и Божества.

Макарій [3]), епископъ Антіохійскій, хотя и моноѳелитъ, въ исповѣданіи своей вѣры, прочитанномъ на VI вселенскомъ собо- (дѣяніе VIII, т. VI Соборовъ, столб. 744) говоритъ: «вѣрую въ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго и чрезъ Сына открывшагося, т. е. людямъ, жизнь, причину живущаго, безсмертную святость, всей святости Щедродателя».

Северъ [4]), патріархъ Александрійскій, въ Сирскомъ молитвословѣ, въ одной молитвѣ, предъ совершеніемъ мирономазанія послѣ крещенія (т. VII Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 531): «помилуй насъ, Боже, Отецъ Вседержитель, и на эти освящаемыя воды изъ готоваго жилища Твоего и незримыхъ Твоихъ нѣдръ ниспошли Утѣшителя Святаго Твоего Духа, ободряющаго, Господа, единосущнаго, отъ Тебя исходящаго, сопрестольнаго въ

---

[1]) Петръ жилъ ок. 680 г. Заподозрѣнный въ наклонности къ моноѳелитству, явился на VI соборъ и тутъ прочиталъ исповѣданіе вѣры въ свое оправданіе. *Прим. перев.*

[2]) Софроній вступилъ на Іерусалимскій престолъ въ 629 году, умеръ въ 635 г. *Прим. перев.*

[3]) Макарій жилъ въ началѣ VII в. Явился на VI вселенскій соборъ защитить ересь моноѳелитовъ, за которую былъ осужденъ и изгнанъ. *Прим. перев.*

[4]) Северъ жилъ ок. 646 г. *Прим. перев.*

царствѣ Тебѣ и Единородному Сыну Твоему, Господу и Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу».

Св. Максимъ Исповѣдникъ [1]) въ посланіи къ пресвитеру Марину, какъ свидѣтельствовалъ объ этомъ Маркъ, архіепископъ Ефесскій, въ XXIII засѣданіи Флорентійскаго собора (т. XIII Соборовъ, столб. 376), говоритъ такъ: «обитатели Царь-Града порицали не столько главъ соборныхъ постановленій нынѣшняго блаженнѣйшаго папы, сколько вы написали, а только двѣ главы, изъ коихъ одна имѣетъ своимъ предметомъ ученіе о Богѣ, именно: утверждаетъ, говорятъ они, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына; а другая трактуетъ о воплощеніи, именно: утверждаетъ, что Господь по человѣчеству чуждъ первороднаго грѣха. И на первое привели согласныя мысли Римскихъ Отцовъ, равно Кирилла Александрійскаго изъ его священнаго толкованія на св. евангелиста Іоанна, которыми доказали, что они отнюдь не считаютъ Сына причиною Духа: ибо знаютъ, что одна есть причина Сына и Духа—Отецъ,—Одного чрезъ рожденіе, Другого—чрезъ исхожденіе; они говорятъ, что и чрезъ Него проявляется (Духъ Св.), но тѣмъ объясняютъ неизмѣнное сродство сущности». Что эти слова (чрезъ Него проявляется или посылается—δι αὐτοῦ προϊέναι) такъ именно понимали, подтверждаетъ это въ IX уже вѣкѣ и Анастасій Библіотекарь въ посланіи къ діакону Іоанну (т. V Соборовъ, столб. 1771) [2]). Очевидно, такимъ образомъ, не только авторъ упомянутаго посланія (св. Максимъ), но и весь Константинопольскій клиръ рѣшительно отвергъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Посему то онъ и обвинилъ въ заблужденіи папскія соборныя посланія.

Тотъ-же св. Максимъ мученикъ (исповѣдникъ) въ «книгѣ о добродѣтели и порокѣ» [3]) (I сотня. Т. VII Кельнской библіотеки

---

[1]) Св. Максимъ род. въ 580 г., ум. въ 662 г. въ изгнаніи, испытавъ много преслѣдованій. *Прим. перев.*

[2]) Анастасій Библіотекарь объясняетъ эти слова въ смыслѣ временнаго посольства Іисусомъ Христомъ Св. Духа въ міръ *Пр. пер.*

[3] Все сочиненіе раздѣляется на 500 главъ, почему иначе называется: «500 главъ Богословскихъ и домостроительныхъ». *Прим. перев.*

Отцовъ, стр. 366. Объ этомъ упоминаетъ и Іоаннъ Кипариссіотъ въ вещественномъ изложеніи того, что богословами говорится о Богѣ, въ декадѣ IX, гл. X. Т. XI Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 547, а также Евѳимій Зигабенъ въ своей Панопліи, въ гл. II) говоритъ: «Одинъ Богъ, Одного Сына родитель, Отецъ, и Одного Духа Святаго источникъ: единица несліянная и Тройца нераздѣльная, умъ безначальный, одного только безначальнаго Слова одинъ только по существу родитель, и источникъ единой вѣчной жизни, т. е. Духа Святаго». Одинъ, говоритъ, Богъ (подъ Которымъ разумѣетъ Отца) есть родитель Сына и источникъ Св. Духа. Слѣдовательно, Одинъ и только Одинъ Отецъ есть и родитель Сына и производитель Св. Духа, какъ онъ и прибавляетъ: «Одинъ только (т. е. Отецъ) родитель Сына и источникъ (т. е. производитель) Св. Духа».

Далѣе—въ схоліяхъ (толкованіяхъ) Максима на главу II книги «о божественныхъ именахъ» Діонисія Ареопагита (стр. 116 твореній Діонисія греко-латинскаго Парижскаго изданія 1615 г.) есть слѣдующее мѣсто: «теперь онъ (Діонисій) говоритъ объ исхожденіи неизреченной Тройцы въ три лица, именно—что Богъ Отецъ внѣ времени и силою любви перешелъ въ различеніе лицъ, пребывая безъ раздѣленія и безъ уменьшенія въ собственной цѣлости, безмѣрно единый и безмѣрно простой въ то время, какъ Его блескъ проявляется въ существованіи, чтобы быть живымъ Его образомъ, и Св. Духъ благоговѣйно и вѣчно исходитъ отъ Отца, какъ учитъ Господь. По благости Онъ умножился въ начало Божества, состоя въ трехъ лицахъ и будучи причиною и источникомъ всего. То-же говоритъ и Григорій Богословъ въ своихъ книгахъ противъ Евномія». Здѣсь святой исповѣдникъ нарочито хочетъ объяснить, на какомъ основаніи въ Божествѣ три лица и почему произведены Сынъ и Духъ Святый, и только Отца признаетъ давшимъ существованіе и Сыну и Св. Духу. Слѣдовательно Одинъ и только Одинъ Отецъ есть родитель Сына и производитель Св. Духа.—И на стр. 113 говорится: «различеніями онъ (Діонисій) называетъ означенныя, сами по себѣ существующія богочтимыя сущности, т. е. неизъяснимый блескъ Сына изъ Отца и Духа Святаго непостижимое отъ Отца

исхожденіе». Здѣсь латинскій издатель на сторонѣ замѣтилъ: «заблужденіе нѣкоторыхъ грековъ относительно исхожденія Св. Духа».

Наконецъ на стр. 118 читаемъ: «отмѣть священныя и страшныя имена пречистой Троицы: Отецъ—есть источное Божество, Сынъ-же и Духъ Святый—отрасли рождающаго Божества, т. е. Отца».

Также въ толкованіи на IV гл. Захаріи (приводимомъ у Бекка въ его «собраніи мнѣній св. Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа» и у Виссаріона въ его «догматической рѣчи» т. XIII Соборовъ, столб. 418) у Максима сказано: «какъ Духъ Святый по существу есть (Духъ) Бога и Отца, такъ по существу Онъ—и Сына, такъ какъ существенно исходитъ отъ Отца чрезъ непзреченно рожденнаго Сына».

Косма [1]) *Іерусалимскій* въ IX пѣснѣ I канона на пятидесятницу (помѣщеннаго на 721 стр. приложенія къ библіотекѣ Отцовъ, издан. въ Парижѣ 1624 г.) говоритъ: «нынѣ приходитъ сила, самъ Духъ благой, Духъ мудрости Божіей, Духъ, исходящій отъ Отца и черезъ Сына намъ явленный, переданный и обитаетъ въ насъ природною святостью, въ которой усматривается»; и затѣмъ обращается къ Христу съ молитвою: «отъ Духа Твоего, какъ сказалъ, изліялъ ты изобильно на всякую плоть, и все исполнено Твоего разумѣнія,—ибо Ты родился отъ Отца, Сынъ безъ сѣмени, и Духъ исходитъ нераздѣльно».

Авторъ книги «о Троицѣ», которая принимается за произведеніе Кирилла Іерусалимскаго, въ концѣ X гл. (т. VI твореній Кирилла, Парижское изданіе 1638 г.; издана и отдѣльно) говоритъ: «должно знать, что Отца мы не называемъ происшедшимъ отъ кого-нибудь; называемъ-же Его Отцомъ Сына. Сына не называемъ происшедшимъ безъ причины, ни—Отцомъ, а говоримъ, что Онъ отъ Отца, и называемъ Сыномъ отъ Отца. О Духѣ Святомъ говоримъ, что Онъ отъ Отца, и Духомъ Отца называемъ; но не говоримъ, что Духъ отъ Сына, а называемъ

[1]) Косма Іерусалимскій, по мнѣнію Кавея, жилъ ок. 730 г. и долженъ быть отнесенъ не къ VII, а къ VIII вѣку. *Прим. перев.*

Духомъ Сына (если кто Духа Христа не имѣетъ, говоритъ Апостолъ [1]) и проч.) и исповѣдуемъ, что Онъ явленъ намъ и данъ чрезъ Сына: ибо, сказано, дунулъ и сказалъ ученикамъ Своимъ: примите Духа Святаго. Это подобно тому, какъ изъ солнца исходитъ лучъ и блескъ: само оно—источникъ луча и блеска, но чрезъ лучъ дается намъ блескъ (свѣтъ);—онъ насъ освѣщаетъ и мы пользуемся имъ. О Сынѣ-же мы не говоримъ, что Онъ—Духа, ни отъ Духа». Въ этихъ словахъ ясно отрицается мысль, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына.

Слѣдуетъ замѣтить, что на эти, равно какъ и на подобныя слова Іоанна Дамаскина возражаютъ: отнюдь здѣсь не говорится, что Духъ Святый не происходитъ отъ Сына, а только, что Духъ Святый не называется происходящимъ отъ Сына. Слѣдовательно—Духъ Святый совсѣмъ происходитъ отъ Сына,—а въ этихъ словахъ указывается только, что Его не называютъ происходящимъ отъ Сына. Но кто позволяетъ себѣ дѣлать такое возраженіе, очевидно, нарочно хочетъ ничего не видѣть среди бѣлаго дня и упорно бродитъ во мракѣ при полномъ свѣтѣ истины. Въ означенномъ мѣстѣ авторъ, желая показать, что ложно, или истинно, дѣйствительно употребляетъ одно только слово: называемъ или не называемъ. Такъ онъ выразился: «Отца не называемъ (происходящимъ) отъ кого-нибудь», обозначая этимъ, что не только Отецъ не называется здѣсь происходящимъ отъ кого-нибудь, но что прямо ложно, что Онъ отъ кого-нибудь происходитъ. Такъ и дальше говоритъ въ томъ-же смыслѣ: «называемъ Отцомъ Сына», не только обозначая этимъ, что Отецъ называется Отцомъ Сына, но что Онъ дѣйствительно есть Отецъ Сына. И затѣмъ авторъ выражается: «Сына называемъ происходящимъ отъ Отца... Сына не называемъ Отцомъ... Духа Святаго называемъ происходящимъ отъ Отца... Сына не называемъ Сыномъ Духа, ни отъ Духа»... Разумѣется само собою, что смыслъ этихъ выраженій таковъ: Сынъ—отъ Отца, но Самъ Онъ—не Отецъ; Духъ Святый—отъ Отца; а Сынъ—не Духовъ, ни отъ Духа. На такомъ-же основаніи прибавляетъ: «Духа отъ Сына (происхо-

[1]) Аще кто Духа Христа не имать, той нѣсть Егов (Римл. VIII, 9).

дящимъ) не называемъ». Одинаково, конечно, этими словами писатель просто отрицаетъ, что Духъ Святый происходитъ отъ Сына. То-же вытекаетъ затѣмъ и изъ уподобленія, которое онъ приводитъ: «подобно тому, говоритъ онъ, какъ изъ солнца лучъ и блескъ; ибо оно есть источникъ луча и блеска; а черезъ лучъ дается намъ блескъ (свѣтъ)». Такъ какъ этимъ уподобленіемъ онъ доказываетъ, какъ онъ раньше понималъ происхожденіе лицъ,—говоритъ здѣсь, что блескъ и лучъ только изъ солнца исходятъ, какъ изъ источника,—блескъ же намъ сообщается черезъ лучъ,—то совершенно ясно, что смыслъ вышеприведенныхъ словъ былъ таковъ: Отецъ есть источникъ Сына и Духа Святаго; черезъ Сына-же Духъ Святый только сообщается намъ.

Можно при этомъ сказать [1]): извѣстно, что очень часто Отцы не употребляли нѣкоторыхъ словъ, даже старались ихъ избѣгать, какъ напр. слова— «нерожденный», однако мы всѣ эти слова одобряемъ. Но это совсѣмъ другое дѣло. Здѣсь самый смыслъ словъ, которыми отрицается, что Духъ Святый называется происходящимъ отъ Сына, не подлежитъ сомнѣнію,—именно на томъ основаніи это отрицается, на какомъ и Отецъ не называется происходящимъ отъ другого, ни Сынъ не называется происходящимъ безъ причины,—не называется ни Сыномъ Духа, ни происходящимъ отъ Духа. Изъ этого, конечно, вытекаетъ, какъ и было сказано, что тѣмъ самымъ просто отрицается происхожденіе Св. Духа отъ Сына. Иначе если-бы столь ясныя слова можно было извращать, то уничтожилась-бы всякая увѣренность въ догматахъ. Ибо противъ всякаго каѳолическаго догмата, которымъ отвергается какое-нибудь ложное ученіе, напр. противъ догмата, что Духъ Святый не сотворенъ, можно возразить: Отцы его отрицали, но только какъ таковой (отрицаемый) онъ не названъ; поэтому на самомъ дѣлѣ Отцы думали, что Св. Духъ сотворенъ, и т. д. Или, чтобы дѣло было яснѣе, возьмемъ данный случай: авторъ отвергаетъ, что Сынъ не назывался безъ причины происшедшимъ, а также происшедшимъ отъ Духа,—отсюда можно было-бы вывести противное: Сынъ только не называется безъ

---

[1]) Такъ возражаетъ Циховій, вопр. X, стр. 1013.

причины происшедшимъ, или отъ Духа,—однако на самомъ дѣлѣ это такъ.

Тотъ-же авторъ далѣе въ гл. X приводимъ слѣдующія слова Григорія Богослова: «мы называемъ Св. Троицу Единымъ Богомъ, такъ какъ Сынъ и Духъ Святый относятся къ одной причинѣ». Такимъ образомъ Одинъ Отецъ служитъ причиною или производителемъ какъ Сына, такъ и Духа Святаго, каковой смыслъ этихъ словъ и указанъ раньше, когда рѣчь шла о Григоріи Богословѣ.

И дальше опять приводятся мѣста изъ того-же Григорія Богослова: «когда мы взираемъ на божество и первую причину, на единственное начало, на одну и ту-же, такъ сказать, двигательную силу и волю и на тожественность сущности, силы, дѣйствія и властвованія,—то при этомъ мы представляемъ нѣчто единое. Когда-же мы обращаемся мыслію къ тому, въ чемъ заключается божественность, и къ тому, что́ понимается внѣ времени изъ первой причины (происшедшимъ) равнаго по славѣ и безъ раздѣленія, т. е. обращаемся къ лицамъ Сына и Духа Святаго,—то тутъ мы почитаемъ троихъ». Смыслъ этихъ словъ тотъ, что Одинъ только Отецъ есть причина, или производитель Сына и Св. Духа, что́ было указано выше относительно одинаковыхъ выраженій Григорія Богослова.

Тамъ-же въ главѣ VII говорится: «вѣруемъ во Единаго Отца, начало и причину всего, не рожденнаго отъ кого-нибудь, но Одного только не имѣющаго причины и рожденія, а всего создателя; вѣруемъ, что Онъ природный Отецъ единаго единороднаго Сына Своего, Господа и Бога и Спасителя нашего, и производитель Св. Духа».

Въ гл. X: «Одинъ Духъ Святый, Духъ исходящій,—именно отъ Отца, не способомъ сыновства, но исхожденіемъ».

Въ гл. VI: «такимъ образомъ, познавши Духа Божія, сопутствующаго Слову и являющаго Его дѣятельность, признаемъ въ Немъ не дуновеніе, лишенное личности, но существенную силу, разсматриваемую саму по себѣ въ особенной ипостаси,

отъ Отца исходящую, покоящуюся въ Словѣ, Его объявляющую и выражающую».

Въ гл. VIII: «нѣтъ другого рожденія, которое можно было бы сравнить съ рожденіемъ Сына Божія, такъ какъ нѣтъ другого Сына Божія. Ибо хотя и Духъ Святый отъ Отца происходитъ; однако не способомъ рожденія, а способомъ исхожденія; это иной способъ явленія, не менѣе превосходящій пониманіе и разумѣніе, какъ и рожденіе Сына. Поэтому все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Ему, за исключеніемъ нерождаемости, которая обозначаетъ не различіе сущности и не достоинство, но способъ явленія. Примѣръ подобный мы видимъ въ Адамѣ, который не рожденъ, будучи вылѣпленъ Богомъ изъ земли,—а Сиѳъ—рожденъ,—*ибо онъ сынъ Адама*; и въ Евѣ, происшедшей изъ ребра Адама: и она не рождена, и между собою всѣ они различаются не природою, такъ какъ они—люди, но способомъ происхожденія». Въ другомъ мѣстѣ той-же главы: «Одинъ только Сынъ рожденъ, ибо родился безъ начала и времени изъ сущности Отца; Одинъ только Духъ Святый изъ сущности Отца не рожденъ, но исходитъ. Такъ именно учитъ Св. Писаніе. Между тѣмъ способъ рожденія и исхожденія есть и остается непостижимымъ».

Въ гл. IX: «вѣруемъ и въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, отъ Отца исходящаго и въ Сынѣ почивающаго, вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ почитаемаго и славимаго, какъ единосущнаго и совѣчнаго,—отъ Отца исходящаго и черезъ Сына удѣляемаго и воспринимаемаго всей тварью». Наконецъ въ той-же главѣ: «Отецъ... есть естественное начало и причина всего, что есть и какъ оно есть. Сынъ (происходитъ) отъ Отца рожденіемъ, Духъ Святый также—отъ Отца, но не рожденіемъ, а исхожденіемъ. Притомъ различіе между рожденіемъ и исхожденіемъ мы понимаемъ; а каковъ способъ этого различія, никоимъ образомъ не знаемъ; равнымъ образомъ (понимаемъ) рожденіе Сына отъ Отца и исхожденіе Св. Духа. Все, что имѣютъ Сынъ и Духъ Святый,—имѣютъ Они отъ Отца, даже и самое бытіе; и если нѣтъ Отца, то нѣтъ и Сына, и Духа Святаго; и если чего нѣтъ у Отца, нѣтъ того и у Сына, и у Духа Святаго. Но черезъ

Отца, т. е. потому что есть Отецъ, есть Сынъ и Духъ Святый; и черезъ Отца, т. е. потому что Отецъ имѣетъ, имѣютъ и Сынъ и Св. Духъ все то, что Онъ имѣетъ, исключая нераждаемость, рожденіе и исхожденіе».

VIII вѣкъ.

Іоаннъ Дамаскинъ [1]) въ своемъ посланіи «о Трисвятомъ» (стр. 521 Базельскаго изд. его твореній 1577 г.) пишетъ: «перечисляются не три Бога, но Одинъ Богъ вслѣдствіе того, что Слово и Духъ суть силы Отца: Отецъ, какъ Отецъ, а не какъ Сынъ, ибо Онъ не (происходитъ) отъ кого-нибудь; Сынъ, какъ Сынъ, ибо Онъ—отъ Отца, и не какъ Отецъ,—чтобы оставался Одинъ Отецъ; Духъ Святый, какъ Духъ Святый, исходящій отъ Отца черезъ Сына и Слово, а не посредствомъ сыновства. Ибо если Сынъ Отца—Сынъ и Сынъ—Духъ, то Онъ будетъ имѣть другихъ Сыновей и такъ до безконечности. Если же Духъ—Сынъ Сына, то Онъ также будетъ имѣть Сына, а тотъ въ свою очередь другого—и будутъ многіе боги и владыки многіе, цѣлый народъ Боговъ, а не Одинъ Богъ. А у насъ Одинъ Богъ Отецъ, и Слово Его, и Духъ Его: Слово—само по себѣ существующее рожденіе,—поэтому—Сынъ; Духъ—само по себѣ исхожденіе и произведеніе, отъ Отца Сына, но не отъ Сына, явленный, какъ Духъ устъ Божіихъ (т. е.) Слова». Въ концѣ этого мѣста Іоаннъ Дамаскинъ ясно учитъ, во-первыхъ, что Духъ исходитъ отъ Отца;—хотя Онъ и Духъ Сына, однако отъ Него не исходитъ; во-вторыхъ,—что Отецъ, Сынъ и Духъ Святый не три Бога, а Одинъ, потому что Сынъ и Духъ Святый суть силы Отца, или, какъ говорится въ недавно приведенныхъ выше мѣстахъ, потому что Сынъ и Духъ Святый относятся къ Одному, т. е. къ Отцу, какъ къ причинѣ. Отсюда вытекаетъ,

---

[1]) Іоаннъ Дамаскинъ считается ученикомъ писателя гимновъ Космы, съ которымъ прошелъ курсъ наукъ; боролся 730 г. съ иконоборцами; ок. 749 г. написалъ «гимнъ о Трисвятомъ противъ Анастасія», настоятеля обители Евѳимія, и Петра Кнафейскаго; ум. ок. 750 г.
Примѣч. перевод.

что три ипостаси (лица) суть Единый Богъ, ибо Сынъ и Духъ Св. относятся къ Единому Отцу, какъ причинѣ и производителю, что́ Іоаннъ сейчасъ и прибавляетъ:—такъ отъ Отца рожденъ Сынъ, какъ отъ Него-же черезъ Сына исходитъ Духъ Святый. Одинъ, слѣдовательно, Отецъ—какъ родитель Сына, такъ и производитель Св. Духа. Далѣе Дамаскинъ приводитъ основаніе, почему Духъ Святый не есть и не можетъ быть Сыномъ Сына: потому именно, что въ такомъ случаѣ Св. Духъ въ свою очередь родилъ-бы Сына, а тотъ другого и т. д. Изъ этого опять таки явствуетъ, что Дамаскинъ не вѣровалъ, будто Духъ Святый имѣетъ вообще начало бытія и отъ Сына. Ибо, если Духъ Святый, какъ Сынъ Сына, могъ родить въ свою очередь иного, то съ равною необходимостью слѣдуетъ придти къ заключенію, что произведенный Сыномъ Духъ Святый въ свою очередь произвелъ-бы иного Духа, и такъ до безконечности,—что мы раньше обстоятельно доказали по поводу сходнаго мѣста у Василія Великаго.

Въ словѣ въ великую Субботу Дамаскинъ опять говоритъ: «почитаемъ Духа Святаго, какъ Духа Бога и Отца, и именно отъ Него исходящаго, Который однако называется также и (Духомъ) Сына, потому что черезъ Него явленъ и получилъ участіе въ твореніи,—однако не имѣетъ отъ Него существованія или происхожденія».

Слѣдуетъ отмѣтить, что Гуго Этеріанскій [1]) уже въ свое время возражалъ, будто это мѣсто испорчено. Такъ въ III кн., главѣ послѣдней онъ замѣчаетъ: «въ указанномъ словѣ (Дамаскина) несправедливо и вопреки преданію предковъ нѣкоторыми, ищущими удовольствія болѣе во лжи, чѣмъ слѣдующими по стезямъ истины прибавлено, что Духъ Святый не имѣетъ происхожденія отъ Сына. Что это такъ, доказываетъ сама послѣдовательность словъ, измѣненіе слога и то, что лживая вставка нисколько не идетъ къ дѣлу». На чемъ основано мнѣніе Этеріана, трудно объяснить. Какъ будто въ одномъ только этомъ,

[1]) Жилъ ок. 1177 года при Императорѣ Мануилѣ и писалъ смѣло, но неосновательно. *Прим. перевод.*

а не во многихъ другихъ мѣстахъ, что́ мы вскорѣ покажемъ, Дамаскинъ такъ учитъ, чтобы можно было назвать его чуждымъ такого ученія. Гдѣ затѣмъ здѣсь разность слога и не идущая къ дѣлу вставка? Развѣ вслѣдъ за приведенными словами рѣчь Дамаскина теряетъ свою связность и послѣдовательность? Онъ утверждалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; затѣмъ прибавляетъ, что Онъ принадлежитъ также Сыну, хотя въ то-же время отъ Сына не исходитъ; въ такихъ-же выраженіяхъ онъ излагаетъ это ученіе и во многихъ другихъ мѣстахъ. Гдѣ-же тутъ отсутствіе связи? Въ самомъ дѣлѣ, если-бы это служило доказательствомъ, что указанное мѣсто испорчено, то такое возраженіе можно было-бы выставить и относительно другихъ мѣстъ, въ которыхъ Дамаскинъ выражаетъ ту-же мысль. Однако эти мѣста никто, кромѣ лишенныхъ здраваго смысла, не станетъ считать подложными.

Далѣе—въ I кн. «православной вѣры», гл. XI (42 стр. твореній указаннаго изданія) Дамаскинъ повторяетъ дословно то, что встрѣчается въ X гл. книги «о Троицѣ», приписываемой Кириллу Александрійскому, а именно: «когда мы разсматриваемъ Божество, первую причину, единое начало, одну и туже, такъ сказать, движущую силу и волю божества, тожество сущности, могущества, дѣятельности и владычества,—то представляетъ себѣ единое. Когда-же мы обращаемся мыслью къ тому, въ чемъ заключается божество, или сказать точнѣе, что́ есть божество, и что́ разумѣется (происшедшимъ) изъ первой причины внѣ времени, одной славы и безъ раздѣленія, т. е. (обращаемся) къ лицамъ Сына и Духа,—то мы почитаемъ троихъ. Одинъ Отецъ—есть Отецъ и безъ начала, т. е. безъ причины, ибо Онъ—не (происходитъ) отъ кого-нибудь. Одинъ Сынъ есть Сынъ —и не безъ начала, т. е. не безъ причины, ибо Онъ—отъ Отца. Одинъ Духъ Святый,—Духъ, исходящій отъ Отца; однако не способомъ сыновства, но—исхожденія. Слѣдуетъ знать, что Отца не называемъ мы (происшедшимъ) отъ кого-нибудь; называемъ-же Его Отцомъ Сына. А Сына не называемъ (происшедшимъ) безъ причины, ни—Отцомъ; называемъ Его—отъ Отца и Сыномъ отъ Отца. Духа Святаго считаемъ (происшедшимъ) отъ

Отца и называемъ Духомъ Отца; отъ Сына (происшедшимъ) Духа не считаемъ, но Духомъ Сына называемъ (если кто Духа Христа не имѣетъ, говоритъ Апостолъ) и признаемъ явленнымъ и даннымъ намъ чрезъ Сына, ибо сказано: дунулъ и сказалъ ученикамъ: примите Духа Святаго. Это подобно тому, какъ отъ солнца и лучъ, и блескъ, ибо оно—источникъ и луча, и свѣта; черезъ лучъ дается намъ блескъ, который насъ освѣщаетъ и которымъ мы пользуемся. Сына же не называемъ ни Духомъ, ни отъ Духа». Этими словами ясно утверждается, что Сынъ не есть производитель Духа Святаго, что́ мы замѣтили, когда выше рѣчь шла о такомъ-же мѣстѣ автора книги о Троицѣ. Тамъ-же мы опровергли возраженіе латинянъ, будто изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что Духъ Святый только называется не происходящимъ отъ Сына, а не то что Онъ на самомъ дѣлѣ не происходитъ.

Въ кн. I «Православной вѣры», въ гл. XIII (которая въ указанномъ изданіи помѣщается подлѣ XV, стр. 55) Дамаскинъ пишетъ: «все, что соотвѣтствуетъ причинѣ, Отцу, источнику, родителю,— должно быть относимо къ Одному только Отцу,—а что —происшедшему отъ причины, рожденному, Сыну, Слову, первоначальной силѣ, волѣ, мудрости—это должно быть относимо къ Сыну; что наконецъ (соотвѣтствуетъ) происшедшему отъ причины, исходящему, являющему, совершительной силѣ—это причествуетъ Св. Духу. Отецъ—источникъ и причина Сына и Св. Духа:—Отецъ только Одного Сына, а Св. Духа—производитель. Св. Духъ—не Сынъ Отца, а Духъ Отца, какъ отъ Отца исходящій: ибо нѣтъ никакого движенія безъ духа; Духъ также и Сына, но не какъ отъ Него, а какъ черезъ Него отъ Отца исходящій: ибо единственная причина—Отецъ». Здѣсь Дамаскинъ прежде всего говоритъ: все, что приписывается причинѣ или источнику,—все это присуще Отцу: Отецъ есть источникъ и причина Сына и Св. Духа. Поэтому Одинъ только Отецъ источникъ и причина Сына и Духа Святаго; именно отъ Одного только Отца рожденъ Сынъ, отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый. Словами: «Отецъ—источникъ Сына и Духа Святаго» Дамаскинъ объясняетъ, почему онъ раньше сказалъ: «что соотвѣтствуетъ причинѣ, источнику, должно быть относимо къ

Отцу». Затѣмъ онъ рѣшительно отвергнулъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, разъ Онъ исходитъ отъ Отца только чрезъ Сына;—яснѣе этого свидѣтельства нельзя привести. Далѣе—еще потому онъ отрицаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, что Отецъ есть единственная Его причина. Этимъ онъ снова ясно утверждаетъ, что Одинъ только Отецъ—причина или производитель Св. Духа. Наконецъ Дамаскинъ, какъ было указано, сказалъ, что Одинъ только Отецъ есть причина и Св. Духа; желая-же показать, какимъ образомъ Отецъ служитъ причиною Того, или Другого, онъ прибавляетъ: «Отецъ Одного только Сына, а Св. Духа—производитель». Слѣдовательно, если Отецъ, будучи производителемъ (προβολ.ύς) Св. Духа, есть причина Его, если притомъ Отецъ Одинъ есть причина Св. Духа, какъ тутъ-же Дамаскинъ утверждалъ, то отсюда слѣдуетъ, что Одинъ только Отецъ—производитель Св. Духа. А какимъ образомъ, по ученію Дамаскина, Духъ Святый исходитъ отъ Отца черезъ Сына, увидимъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь достаточно отмѣтить, что Онъ отнюдь не признаетъ Сына производителемъ Св. Духа. Такъ, чтобы показать, что не отъ Сына, а чрезъ Сына только Духъ Святый исходитъ, онъ прибавляетъ: Отецъ есть единственная причина или производитель Св. Духа. А мы только что доказали, что подъ причиною Дамаскинъ въ отношеніи Св. Духа понимаетъ производителя.

Въ діалогѣ «о Манихейской ереси» (стр. 524) Дамскинъ говоритъ: «хотя я называю три лица, однако признаю одно начало. Ибо Отецъ есть начало Сына и Св. Духа,—не во времени, но какъ причина: Сынъ и Духъ отъ Отца, но не послѣ Отца. Подобно тому какъ изъ огня происходитъ свѣтъ, не предшествуя огню во времени (ибо невозможно, чтобы огонь явился безъ свѣта, а начало и причина свѣта огонь, изъ котораго онъ происходитъ), такъ и Отецъ—начало и причина Слова и Духа. Сынъ и Духъ отъ Отца,—но Отецъ не предшествуетъ по времени. Невозможно, чтобы Отецъ былъ (происходилъ) отъ Сына, или Сынъ —отъ Духа. Такимъ образомъ я признаю Отца единымъ началомъ, естественною причиною Сына и Духа». Одно только начало Сына и Св. Духа допускаетъ Дамаскинъ и, выясняя, кто слу-

жить этимъ началомъ, прибавляетъ: «начало Сына и Св. Духа —Отецъ». Итакъ—Одинъ Отецъ служитъ началомъ или, что то-же, производителемъ Сына и Св. Духа,—почему въ концѣ приведеннаго мѣста Дамаскинъ нарочито прибавляетъ: «признаю Одного Отца началомъ Сына и Духа Святаго».

Желая далѣе показать, какимъ образомъ Отецъ служитъ началомъ Того и Другого, онъ прибавляетъ: «отъ Отца—Слово и и Духъ». Если-же Отецъ—начало Того и Другого, такъ какъ отъ Него—Сынъ и Св. Духъ, то отсюда прямо слѣдуетъ, что отъ Одного Отца—Сынъ и Духъ, ибо Отецъ былъ началомъ Обоихъ. Этимъ, наконецъ, утверждается невозможность, чтобы Сынъ происходилъ отъ Духа, потому что, какъ раньше замѣтилъ Дамаскинъ, —«отъ Отца Слово и Духъ», а затѣмъ присовокупляетъ: «ибо Отецъ—одно начало, какъ естественная причина, Сына и Св Духа». Но равнымъ образомъ отсюда слѣдуетъ, что Сынъ не производитъ Св. Духа, или что Духъ Святый—не отъ Сына. Такой именно видъ имѣетъ аргументація Дамаскина, если ее облечь въ форму силлогизма: что не есть Отецъ,—не есть начало Сына (ибо одинъ только Отецъ—начало Сына и Духа), Духъ—не есть Отецъ; слѣдовательно—Духъ Святый не есть начало Сына, или что то-же, какъ говоритъ и Дамаскинъ, Сынъ не отъ Духа Святаго. Та-же аргументація сохраняетъ силу и по отношенію къ Св. Духу: что не есть Отецъ,—не есть начало Духа Святаго; Сынъ—не есть Отецъ; слѣдовательно Сынъ не есть начало Духа или иначе—Св. Духъ не—отъ Сына. Общій выводъ отсюда тотъ, что, такъ какъ одно начало Сына и Духа—Отецъ, то Духъ Святый никоимъ образомъ не исходитъ отъ Сына, такъ-же, какъ и Сынъ никоимъ образомъ не раждается отъ Духа Святаго.

Въ книгѣ «противъ Акефаловъ (безголовыхъ)», въ гл. LXVII (книгу эту Генрихъ Канизій помѣстилъ въ IV т. своихъ «чтеній о древностяхъ»; но она отличается отъ той, которая подъ такимъ-же заглавіемъ помѣщена среди твореній Дамаскина. Здѣсь цитируется по указанному IV тому, стр. 196, Ингольштадтскаго изд. 1603 г.) Дамаскинъ пишетъ: «мы знаемъ Бога и Бога, но единую Троицу Бога, другъ въ другѣ мыслимую и познаваемую, —не заключенную въ одно лицо, или въ одну ипостась. Отнюдь

нѣтъ! Но такъ, что Сынъ и Духъ Святый относятся къ одному началу—Отцу». Тутъ опять Дамаскинъ учитъ, что единственно Отецъ служитъ началомъ или производителемъ Сына и Духа Святаго.

Подобное этому мѣсто заключается въ I книгѣ «Православной вѣры», гл. XI (стр. 42 твореній Дамаскина): «поэтому мы называемъ Отца Сына и Духа Святаго не тремя Богами, но Однимъ Богомъ, Святою Троицею, относя Сына и Духа Святаго къ одной причинѣ, не сложенныхъ и не соединенныхъ въ одно, какъ сливаетъ Ихъ Савеллій».

И въ серединѣ посланія «о Трисвятомъ», говоря о вышеприведенномъ свидѣтельствѣ Кирилла, Дамаскинъ пишетъ: «Святый, Святый, Святый и Трисвятый, потому что—триипостасный Богъ и (въ тоже время) тріединый Богъ, такъ какъ—одно Божество, и то, что отъ Него (Бога), имѣетъ отношеніе къ одному, причемъ ипостаси не расходятся, но и не соединяются, и не сливаются». Въ приведенныхъ мѣстахъ Дамаскинъ, конечно, даетъ понять, что потому три ипостаси составляютъ Единаго Бога, что Сынъ и Духъ Святый произошли отъ одной причины, т. е. отъ Отца. Такимъ образомъ отъ Одного только Отца исходитъ Св. Духъ, подобно тому какъ отъ Него Одного раждается Сынъ.

Въ виду столькихъ свидѣтельствъ, въ которыхъ Дамаскинъ ясно выразилъ свое ученіе о томъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, кто-бы еще могъ, сомнѣваться, что онъ такъ именно вѣрилъ? Однако латиняне на столь ясныя выраженія, отрицающія происхожденіе (бытіе), или исхожденіе Св. Духа отъ Сына, обыкновенно возражаютъ, что предлогъ «отъ» обозначаетъ причину непроизводную (невиновную), что въ этомъ именно смыслѣ Дамаскинъ справедливо называетъ Св. Духа не исходящимъ отъ Сына: они же утверждаютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, какъ причины производной (виновной). Потому, говорятъ они, Дамаскинъ утверждаетъ, что Св. Духъ не исходитъ отъ Сына, что, по его мнѣнію, Отецъ есть единственная причина (causa, αἰτία), т. е. онъ понималъ причину непроизводную.

О значеніи слова—причина—мы поговоримъ въ концѣ настоящей главы, гдѣ съ очевидностью докажемъ, что оно отнюдь

не обозначаетъ того, что полагаютъ латиняне, а обозначаетъ только производителя. Поэтому Дамаскинъ, доказывая, что Св. Духъ не исходитъ отъ Сына, такъ какъ Сынъ не есть Его причина, предлогомъ «отъ» обозначаетъ только просто производителя, а не производителя или начало непроизводное. Такъ и въ мѣстѣ, взятомъ изъ книги «о Троицѣ» гл. X, Дамаскинъ выражается: «Отца не называемъ—отъ кого-нибудь, не называемъ и Сына—отъ Духа Святаго». Въ такомъ-же смыслѣ онъ затѣмъ прибавлялъ: «а Духа называемъ—отъ Отца, но не отъ Сына». Такимъ образомъ, соединяя между собою эти выраженія и притомъ въ одномъ контекстѣ, Дамаскинъ учитъ,—то что Отецъ ни отъ кого не происходитъ, то что Сынъ не происходитъ отъ Св. Духа, то что Духъ Святый не происходитъ отъ Сына. Необходимо, конечно, чтобы во всѣхъ этихъ предложеніяхъ предлогъ «отъ» имѣлъ одно и то-же значеніе: въ какомъ именно смыслѣ называется Отецъ не происходящимъ ни отъ кого и Сынъ не происходящимъ отъ Духа, въ такомъ также и Духъ Святый называется не происходящимъ отъ Сына. Но для всѣхъ не подлежитъ сомнѣнію, что когда мы говоримъ: Отецъ ни отъ кого не происходитъ, или: Сынъ не происходитъ отъ Духа Святаго, то предлогъ «отъ» обозначаетъ не непроизводную только причину, а просто причину, будетъ ли она производной, или непроизводной. Ибо Отецъ не можетъ имѣть причины производной, или непроизводной, и Сынъ не можетъ происходить отъ Духа Святаго, какъ причины производной, или непроизводной. Слѣдовательно, въ такомъ-же смыслѣ Дамаскинъ употребляетъ и выраженіе: Духъ Святый—не отъ Сына,—и въ этомъ предложеніи предлогомъ «отъ» обозначаетъ не причину—только непроизводную, но вообще причину, не имѣя въ виду ни производной, ни непроизводной.

Равнымъ образомъ въ діалогѣ противъ Манихеевъ Дамаскинъ выразился: «Отецъ—не отъ Сына и Сынъ—не отъ Духа». Въ этихъ словахъ, опять-таки для всякаго ясно, предлогъ «отъ» обозначаетъ просто только дѣйствіе произведенія, а не въ частности непроизводную причину. Ибо Сынъ не есть производная (виновная) причина Отца, какъ и Духъ Святый не есть такая-же причина Сына. Слѣдовательно Дамаскинъ отнюдь не имѣетъ

въ виду непроизводной причины тамъ, гдѣ онъ въ одномъ и томъ-же контекстѣ учитъ, что и Сынъ, и Духъ Святый—отъ Отца, или въ другомъ мѣстѣ отрицаетъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе, или происходитъ отъ Сына. То-же вытекаетъ изъ выше приведенныхъ словъ Григорія Нисскаго въ его сочиненіи «объ общихъ понятіяхъ»: «всѣ лица человѣческія имѣютъ бытіе въ безпрерывности не отъ одного и того-же лица; но одни—отъ одного лица, другія отъ другого; поэтому для происшедшихъ является большое различіе бытія сообразно различнымъ причинамъ. Но не такъ дѣло происходитъ въ Св. Тройцѣ; ибо изъ одного и того-же лица—Отца, изъ Котораго раждается Сынъ, исходитъ и Духъ Святый». Здѣсь, всякому также ясно, предлогомъ «отъ» не обозначается причина непроизводная, хотя и утверждается, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Ибо если-бы здѣсь этотъ предлогъ обозначалъ причину только непроизводную то какимъ образомъ, спрашивается, Григорій могъ-бы сказать, что лицо человѣческое раждается отъ другого лица? Человѣкъ вѣдь не есть непроизводная причина своего сына. Но здѣсь Григорій Нисскій противополагаетъ людямъ Св. Тройцу и учитъ, что хотя между людьми лица раждаются не отъ одного лица, а отъ многихъ, однако въ Тройцѣ лица Сына и Духа Святаго не отъ многихъ, а отъ одного лица происходятъ. Слѣдовательно—въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ здѣсь предлогъ «отъ» по отношенію къ людямъ, въ такомъ-же и относительно единаго лица Отца, отъ Котораго, говоритъ, происходятъ Сынъ и Св. Духъ; значитъ, и здѣсь указаннымъ предлогомъ обозначаетъ просто актъ произведенія, а не опредѣленно—непроизводную причину.

То-же далѣе вытекаетъ и изъ словъ Кирилла Александрійскаго въ его «исповѣданіи Тройцы», которыя также мы привели выше: «не такимъ образомъ, какимъ посредствомъ рожденія явился отъ Отца Сынъ,—и Духъ Святый отъ Сына исходитъ,—ибо одинъ виновникъ и связь этихъ двухъ лицъ—Отецъ». Здѣсь, хотя отвергается, что Духъ Святый—отъ Сына, но всякій согласится, что предлогомъ «отъ» выражается просто актъ произведенія, а не только непроизводная причина. Если затѣмъ «отъ» обозначаетъ причину непроизводную,—между тѣмъ получить отъ Сына и

исходить отъ Него, по мнѣнію латинянъ,—одно и то-же, то какимъ-же образомъ восточные Отцы въ безчисленныхъ мѣстахъ учатъ, что Духъ Святый получаетъ отъ Сына? Какимъ образомъ далѣе они считаютъ предлоги «отъ» и «черезъ» равнозначущими? Вѣдь предлогъ «черезъ» никогда не выражаетъ причины непроизводной, какую, по ихъ мнѣнію, обозначаетъ «отъ». Если-же такимъ образомъ позволительно столь легкомысленно извращать ясныя слова Отцовъ, то откуда, наконецъ, явится несомнѣннымъ, или можетъ быть доказываемо, что Сынъ родился отъ Одного только Отца, а не также и отъ Духа Святаго? Вѣдь точно такъ-же на слова Отцовъ, выражающія это ученіе (о рожденіи Сына), еретикъ можетъ возразить, что предлогъ «отъ» тутъ обозначаетъ причину непроизводную, а онъ признаетъ, что Духъ Святый получилъ отъ Отца способность быть причиною Сына. Наконецъ какія же слова должны были бы употреблять св. Отцы, желая выразить ученіе о томъ, что Духъ Святый отъ Сына не исходитъ, если недостаточно тѣхъ, которыми они учатъ, что отъ Одного только Отца, а не отъ Сына Духъ Святый исходитъ? Вѣдь если такъ толковать столь ясныя слова Отцовъ, то не меньше основанія толковать такимъ-же образомъ и приведенныя нами выше слова Ѳеодорита. Ибо, если «отъ» и «черезъ», по мнѣнію латинянъ, одно и то-же, то и Ѳеодоритъ такого-же мнѣнія, по отношенію къ непроизводной причинѣ, когда отрицаетъ, что Духъ Святый имѣетъ существованіе отъ Сына, или черезъ Сына. Однако всѣ латиняне признаютъ, что это мнѣніе Ѳеодорита противно ихъ мнѣнію. Достаточно, такимъ образомъ, изъ того, что сказано, явствуетъ, что Дамаскинъ никоимъ образомъ не употреблялъ предлога «отъ» для обозначенія непроизводной причины тамъ, гдѣ онъ отрицаетъ бытіе или исхожденіе Св. Духа отъ Сына.

Иные [1]) возражаютъ, будто Дамаскинъ на самомъ дѣлѣ не отрицалъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, такъ какъ онъ говорилъ, что Духъ Святый есть образъ Сына и есть (является) черезъ Сына, причемъ онъ будто-бы думалъ, что удобнѣе сказать черезъ Сына, чѣмъ отъ Сына. Но какимъ-же это образомъ не на

[1]) Беллярминъ во II кн., гл. XXV «о Христѣ», и другіе.

самомъ дѣлѣ отвергнулъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына тотъ, кто прямо въ приведенномъ мѣстѣ утверждалъ, что Духъ Святый не получаетъ бытіе (не есть) и не исходитъ отъ Сына? Какія-же еще болѣе ясныя слова можно подобрать, чтобы въ самомъ дѣлѣ отрицать, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына? Но Дамаскинъ сказалъ, дѣйствительно, что Духъ Святый есть образъ Сына и что Онъ есть (является) черезъ Сына. Отсюда, допустимъ, дѣлаютъ выводъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что отрицающій исхожденіе Св. Духа отъ Сына, утверждая, что Духъ Святый есть образъ Сына и черезъ Сына имѣетъ бытіе (является), тѣмъ самымъ утверждаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына? И мы тоже признаемъ (т. е., что Духъ Святый есть образъ Сына). Что-же мы развѣ на самомъ дѣлѣ вѣримъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына? Возьмемъ другой примѣръ: всѣ мы признаемъ, что, если Слово есть Богъ, то отсюда съ необходимостью слѣдуетъ, что Сынъ Божій не произведенъ Отцомъ изъ ничего; но развѣ, если кто-нибудь утверждаетъ, что Сынъ Божій произведенъ изъ ничего и въ то-же время признаетъ, что Сынъ Божій есть Богъ, развѣ этимъ самымъ онъ на дѣлѣ не утверждаетъ, что Сынъ Божій не произведенъ изъ ничего? Отсюда, конечно, вытекаетъ съ несомнѣнностью, что если какое-нибудь положеніе такъ построено, что изъ него съ необходимостью слѣдуетъ какое-нибудь другое утвержденіе, и если при этомъ кто-нибудь рѣшительно отрицаетъ это послѣднее, а первое оставляетъ, хотя подъ сомнѣніемъ,—то относительно его никакъ нельзя сказать, что на самомъ дѣлѣ онъ утверждаетъ также и послѣднее. Въ другомъ мѣстѣ мы доказываемъ ложность утвержденія, что изъ того, что Духъ Святый есть образъ Сына и черезъ Него (является), слѣдуетъ, будто Сынъ есть производитель Духа Святаго. Но, говорятъ, Дамаскинъ считалъ болѣе удобнымъ сказать—черезъ Сына, чѣмъ отъ Сына. Однако—развѣ Дамаскинъ не прямо отвергнулъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе или исходитъ отъ Сына? Въ кн. X, гл. X «Православной вѣры» онъ выразился: «(происшедшимъ) отъ Сына Духъ Святый не называется». Смыслъ этого выраженія, какъ мы это видѣли по отношенію къ такимъ-же словамъ автора книги «о Тройцѣ», тотъ,

что Сынъ ни въ какомъ случаѣ не есть производитель Св. Духа. Повторять это здѣсь нѣтъ надобности.

Иные возражаютъ: однако Ѳеодоритъ и св. Дамаскинъ расходятся между собою: первый отвергнулъ исхожденіе Св. Духа черезъ Сына, а второй—ясно это признаетъ. Но мы уже выше по поводу второго свидѣтельства Кирилла доказали, что какъ остальные православные учители, признающіе исхожденіе Св. Духа отъ Отца черезъ Сына, такъ и Ѳеодоритъ, отрицающій бытіе Св. Духа отъ Отца черезъ Сына, говорятъ на самомъ дѣлѣ одно и то-же и другъ другу не противорѣчатъ.

Иные [1]), наконецъ, изъ-за этого хотятъ считать Дамаскина несторіанином. Но ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного Отца не есть несторіанскій догматъ, какъ выше было доказано. Далѣе—какъ могъ быть несторіанином тотъ, кто жилъ въ постоянномъ общеніи съ Церковью, кого восточная каѳолическая Церковь такъ-же, какъ и западная, всегда признавали православнымъ,—чьи свидѣтельства, какъ каѳолическаго учителя, всѣ приводятъ, кого, наконецъ, никто никогда не обвинялъ въ несторіанствѣ? Очевидно, не имѣя ничего возразить на ясныя слова Дамаскина, латиняне дошли до такой нелѣпости, что стали его обвинять въ несторіанской ереси подобно тому, какъ обвинили они въ неправомысліи и ереси св. Анастасія, Максима Исповѣдника и Григентія,—что́ мы раньше видѣли. Впрочемъ въ настоящее время это возраженіе оставлено самими латинянами, какъ нелѣпое.

Обратимся теперь къ другимъ мѣстамъ Дамаскина, въ которыхъ онъ излагаетъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Въ I кн., гл. VIII «Православной вѣры» онъ говоритъ: «вѣруемъ въ Единаго Отца, начало и причину всего, нерожденнаго отъ кого-нибудь, безпричиннаго, Одного только нерожденнаго, Творца всего, Отца по природѣ Единаго и единственнаго Единороднаго Его Сына, Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, и производителя Св. Духа». Заимствованы эти слова изъ VII гл. книги «о Троицѣ», приписываемой Кириллу Александрійскому.

---

[1]) Ѳома Аквинатъ и другіе.

И въ X гл. (стр. 63 указаннаго изданія твореній Дамаскина) говорится: «вѣруемъ и въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, отъ Отца исходящаго и въ Сынѣ покоящагося, во всемъ подобнаго Отцу и Сыну,—отъ Отца исходящаго и черезъ Сына раздаваемаго и воспринимаемаго всею тварью. Сынъ отъ Отца (происходитъ) черезъ рожденіе,—Духъ Святый также отъ Отца, но не черезъ рожденіе, а черезъ исхожденіе. Что есть разница между рожденіемъ и исхожденіемъ, мы знаемъ, но въ чемъ эта разница,—отнюдь не знаемъ. Вѣруемъ, что совмѣстно и Сынъ раждается, и Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Поэтому все, что имѣетъ Сынъ и Духъ, отъ Отца имѣетъ, и самое бытіе. И если нѣтъ Отца, то нѣтъ и Сына, и Духа. И если чего нѣтъ у Отца; нѣтъ того и у Сына, и у Духа Святаго. И черезъ Отца, т. е. потому что есть Отецъ, есть Сынъ и Духъ Святый; и черезъ Отца имѣетъ Сынъ и Духъ Святый все, что имѣетъ, т. е. потому что то-же имѣетъ Отецъ, за исключеніемъ нераждаемости, рожденія и исхожденія». Все это опять таки взято изъ IX гл. указанной книги «о Тройцѣ».

Опять въ кн. I, гл. XVIII (стр. 61) сказано: «Богъ Отецъ всегда существуетъ нерожденнымъ,—не какъ рожденный отъ кого-нибудь, но какъ раждающій совѣчнаго Сына. Богъ есть и Сынъ, всегда со Отцомъ существующій внѣ времени, вѣчно, неистекаемо, безстрастно и неотдѣлимо отъ Него рожденный. Богъ есть и Духъ Святый, сила освящающая, существующая въ собственной ипостаси, неотдѣлимо отъ Отца исходящая и въ Сынѣ покоящаяся, единосущная Отцу и Сыну».

И въ гл. VII (стр. 20) говорится: «такимъ образомъ величіе божественной природы повержено было бы въ униженіе, если бы Духъ, Который въ Немъ (въ Отцѣ), понимался подобнымъ нашему духу; но его нужно понимать, какъ силу самосущую, разсматриваемую сама по себѣ въ своей ипостаси, исходящую отъ Отца и въ Сынѣ покоящуюся, саму себя обнаруживающую; и нельзя Его ни отдѣлять отъ Отца, въ Которомъ Онъ есть, ни отъ Сына, Которому Онъ сопутствуетъ, ни сливать съ чѣмъ бы то ни было не существующимъ». Это мѣсто взято изъ VI гл. книги «о Тройцѣ».

Въ гл. XIII, которая въ упомянутомъ изданіи твореній св. Дамаскина слѣдуетъ за XV (стр. 55), сказано: «Духъ Святый— обнаружительная скрытой божественности Отца сила, отъ Отца черезъ Сына исходящая, какъ Самъ Онъ знаетъ, не черезъ рожденіе». Тамъ-же опять: «знаю, что Отецъ есть рождающій и производящій источникъ скрытаго въ немъ блага. Поэтому Онъ есть умъ Слова, безпредѣльная глубина Слова, родитель Слова и черезъ Слово производитель Св. Духа».

Въ діалогѣ «о Манихейской ереси» (стр. 525) Манихей спрашиваетъ: «какъ-же, значитъ, Богъ не почувствовалъ никакого измѣненія, рождая Сына и производя Духа»? Отвѣтъ: «нисколько. Я вѣдь не говорю, что сталъ Отцомъ Тотъ, Кто раньше не былъ Отцомъ; но Онъ всегда пребывалъ, имѣя изъ Себя Самого Свое Слово и черезъ Слово Свое изъ Него исходящаго Его Духа».

Въ пѣснѣ на пятидесятницу (стр. 597) Дамаскинъ говоритъ: «исшелъ изъ нерожденнаго свѣта всемогущій, всеосвящающій и несокрушимый блескъ, котораго факелъ черезъ Отеческую сущность Сына теперь зажигаетъ огненный голосъ для народовъ на Сіонѣ».

Въ срединѣ посланія «о Трисвятомъ» (стр. 509) Дамаскинъ пишетъ: «Слово и Духъ суть силы Отца, но силы ипостасныя, неотдѣлимыя отъ Отца, отъ Котораго и въ Которомъ они суть и къ Которому, какъ къ причинѣ, относятся». И тутъ-же въ началѣ посланія (стр. 505): «Святый Богъ и Отецъ, отъ Котораго Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый». И въ концѣ (стр. 520): «Отецъ есть родитель Сына и производитель Духа».

Въ I кн., гл. IX «Православной вѣры» (стр. 31) Дамаскинъ говоритъ: «хотя Духъ Святый отъ Отца происходитъ, однако не черезъ рожденіе, а черезъ исхожденіе. Подобно тому и Адамъ не рожденъ, ибо онъ слѣпокъ Божій,—а Сиѳъ рожденъ, ибо онъ сынъ Адама; Ева-же произошла изъ ребра Адама, а не была рождена». Затѣмъ черезъ нѣсколько строкъ: «Сынъ изъ существа Отца безъ начала и безъ времени рожденъ. Одинъ только Духъ Святый изъ существа Отца исходитъ,—не рожденный, но исходящій, потому что, какъ учитъ Божественное Писаніе, существу-

етъ непостижимый способъ исхожденія». Эти слова взяты изъ VIII гл. книги «о Тройцѣ».

Въ діалогѣ «о Манихейской ереси» (стр. 526) Дамаскинъ выражается: «Сынъ и Духъ Святый—отъ Отца суть и въ Немъ».

И въ пѣснѣ на пятидесятницу (стр. 598): «пророческія духоносныя уста воспѣли Духа, исшедшаго изъ нѣдръ Отца».

Наконецъ въ исторіи Варлаама и Іосафата (гл. XIX, стр. 584 Парижскаго латинскаго изданія твореній Дамаскина 1577 г.) Варлаамъ говоритъ: «знай Единаго Духа Святаго, отъ Отца исходящаго, Бога совершеннаго, животворящаго, раздавателя освященія, ипостаснаго въ своей волѣ и въ своей власти». Такое настоящее чтеніе этихъ словъ заключали списки Дамаскина; признаетъ это и Беллярминъ въ книгѣ «о церковныхъ писателяхъ». Что такъ читалось это мѣсто въ рукописяхъ, свидѣтельствуетъ и Левъ Аллаціи во II кн. своего «непрерывнаго согласія Церкви восточной и западной». Но объ этомъ будетъ рѣчь въ первой главѣ о поврежденіяхъ писаній Отцовъ Церкви. Сказавши, что Сынъ рожденъ отъ Отца, Дамаскинъ затѣмъ прибавляетъ: «обще —и Сыну и Духу Святому отъ Отца бытіе; свойство-же Отца—быть нерожденнымъ, —Сына (свойство) рождаемость, а Духа Святаго—исхожденіе». И тутъ, значитъ, Дамаскинъ учитъ, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый—(происходятъ) отъ Отца; разница только та, что Сынъ раждается отъ Отца, а Духъ Святый отъ Него исходитъ. Такимъ образомъ вездѣ Дамаскинъ проводитъ мысль, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца.

Θеодоръ [1]), патріархъ Іерусалимскій, въ своемъ «синодикѣ» (соборномъ посланіи), читанномъ на VII вселенскомъ соборѣ (дѣяніе III, VII т. Соборовъ, столб. 176), пишетъ: «вѣрую во Единаго Духа Святаго, Который вѣчно отъ Отца исходитъ, Котораго должно признавать свѣтомъ и Самимъ Богомъ, истинно Отцу и Сыну совѣчнаго, единосущнаго и сроднаго, той-же сущности и природы, какъ и Божества». Подобнымъ образомъ выражался выше (среди писателей VII в.) Іерусалимскій патріархъ Софроній

[1]) Кажется, это LXIV по счету Іерусалимскій патріархъ, избранный на патріаршій престолъ въ 792 г. *Прим. пер.*

въ посланіи къ Сергію. Конечно, тутъ онъ соединилъ-бы Сына вмѣстѣ съ Отцомъ не только въ отношеніи вѣчности и единосущности, но и въ отношеніи исхожденія Св. Духа, если-бы вѣрилъ, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына.

Св. Германъ [1]), патр. Константинопольскій, въ своемъ «обозрѣніи церковныхъ дѣлъ» (т. II греческихъ Отцовъ, изд. въ Парижѣ 1624 г., стр. 155) пишетъ: «святъ также и Св. Духъ, Который отъ Отца исходитъ и въ Сынѣ покоится и все освящаетъ; Онъ совершаетъ дѣла, но (Самъ) не совершается, освящаетъ, но не освящается. Ибо подобно тому, какъ солнце есть причина луча и освѣщенія и черезъ лучъ намъ сообщается освѣщеніе, и оно насъ освѣщаетъ и воспринимается нами; такъ точно и Богъ Отецъ есть источникъ и причина Духа Святаго; Духъ, исходящій отъ Отца, черезъ Сына передается и обнаруживается». Эти слова напоминаютъ подобныя выраженія Дамаскина (I кн. гл. XI «Православной вѣры») и автора книги «о Тройцѣ» (гл. X). Не подлежитъ сомнѣнію вѣра Германа въ то, что Одинъ только Отецъ есть причина и источникъ Сына и Св. Духа и что Духъ Святый только передается намъ чрезъ Сына.

Симеонъ Богословъ [2]), пресвитеръ и предстоятель монастыря мученика Маманта, помѣщавшагося при Ксилокеркѣ (деревянномъ циркѣ), въ своемъ «III словѣ о вѣрѣ и правахъ какъ христіанскихъ (вообще), такъ и монашескихъ» (т. XII, ч. I Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 748) говоритъ: «называется Отецъ Сына Слова и производителемъ Духа Святаго, какъ и родителемъ Слова. И когда Отецъ называется Богомъ, то понимается вмѣстѣ съ Сыномъ и Св. Духомъ. Когда-же Сынъ называется Богомъ, то понимается, что Онъ есть Сынъ Божій. Когда же наконецъ Духъ

---

[1]) Съ точностью не установлено, какому Герману принадлежитъ «Обозрѣніе церковныхъ дѣлъ» — этому-ли Герману, взошедшему на патріаршій престолъ ок. 715 г. и ок. 730 низложенному Львомъ Иконоборцемъ, или Герману Младшему, жившему въ XIII вѣкѣ.

Прим. переводчика.

[2]) Если это былъ Симеонъ, прозванный Новымъ Богословомъ, то его не слѣдуетъ причислять къ писателямъ VIII в. Думаютъ, что Симеонъ Новый Богословъ жилъ ок. 1050 г. *Прим. перев.*

называется Богомъ, то понимается, какъ исходящій отъ Отца и Духъ собственный Сына по неизъяснимому соединенію и раздѣнію». И тутъ также Симеонъ выразился-бы: потому Духъ Святый называется Богомъ, что исходитъ также и отъ Сына, а не только—потому что Онъ Духъ собственный Сына, если-бы онъ въ нѣчто подобное вѣрилъ. Ибо если Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то слѣдовало понимать, что Онъ называется Богомъ вслѣдствіе этого исхожденія нисколько не меньше, чѣмъ оттого, что получаетъ причину своего существованія отъ Отца.

И въ словѣ XV (стр. 767) Симеонъ говоритъ: «Спаситель взятъ былъ на небо, какъ человѣкъ, чтобы ниспослать Духа Святаго, отъ Бога Отца исходящаго на тѣхъ, которые въ Него вѣровали».

Наконецъ въ книгѣ «священныхъ воспоминаній», гл. XXXI (стр. 832) онъ-же говоритъ: «Отецъ родилъ изъ Себя неизлаголанно Слово. Подобно-же тому, какъ умъ изъ моей души, или лучше въ моей душѣ,—такъ Духъ изъ Отца, или лучше—въ Отцѣ пребываетъ и исходитъ неизъяснимымъ образомъ».

Тарасій [1]) патріархъ Константинопольскій, въ посланіи къ архіереямъ и священникамъ Антіохіи, Александріи и Іерусалима (III дѣяніе VII вселенскаго собора, т. VIII Соборовъ, столб. 164) говоритъ: «вѣрую въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, отъ Отца черезъ Сына исходящаго, вѣрую, что Онъ также есть Богъ и долженъ Имъ быть признаваемъ».

Авторъ изслѣдованія: «какъ нужно понимать, что имя Божіе несообщаемо, и какъ понимать всякое пророческое выраженіе, примѣняемое къ идоламъ» (помѣщено въ концѣ дѣяній VII вселенскаго собора, т. VII Соборовъ, столб. 648) говоритъ: «Духъ Господь, животворящій, всемогущій, отъ Отца черезъ Сына исходящій».

---

[1]) Тарасій принялъ патріаршій жезлъ въ 785 г.; въ 787 г. былъ въ числѣ участниковъ VII вселенскаго собора: ум. въ 806 году.

Примѣч. перевод.

IX вѣкъ.

Св. Никифоръ [1]), патріархъ Константинопольскій, въ посланіи къ Льву III, папѣ Римскому (VII т. Соборовъ, столб. 1217) пишетъ: «изъ разсмотрѣнія Троицы мы убѣждаемся, что Отецъ существуетъ безъ начала и безъ причины, а не отъ кого-нибудь; Онъ Самъ въ Себѣ имѣетъ бытіе. Сынъ-же (существуетъ) не безъ начала, ибо Онъ—отъ Отца: начало Сына—Отецъ, какъ (Его) причина. Если-же понимать начало во времени, то и Онъ —безъ начала: ибо Творецъ временъ не подлежитъ времени. Рожденіемъ, но вѣчно и нераздѣльно Онъ засіялъ отъ Отца, какъ блескъ (Его) славы, и носитъ характеръ ипостаси Отца. Духъ имѣетъ существованіе отъ Отца, но не способомъ рожденія, а исхожденія; Онъ долженъ познаваемъ быть (разсматриваемъ) вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ; Онъ—не безъ начала вслѣдствіе исхожденія отъ Отца. Начало Его Отецъ въ отношеніи причины, но во времени и Онъ—безъ начала».—Итакъ говоря о томъ, кто служитъ началомъ или производителемъ Духа Святаго и Сына, Никифоръ называетъ только Отца: отъ Него родился Сынъ и исходитъ Св. Духъ;—Его только онъ знаетъ, какъ родителя Сына и производителя (προβολέα) Св. Духа. Поэтому Іодокъ Коккій въ своемъ «сокровищѣ каѳолической истины» помѣщаетъ Никифора среди вѣрующихъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца, а не также и отъ Сына. Дѣйствительно, Никифоръ не преминулъ-бы вмѣстѣ съ Отцомъ помянуть и Сына въ дѣлѣ исхожденія Св. Духа не менѣе, чѣмъ въ дѣлѣ совѣчности, если-бы вѣрилъ въ это исхожденіе; и не менѣе считалъ бы Св. Духа небезначальнымъ, признавая, что Онъ имѣетъ начало въ Сынѣ такъ-же, какъ въ Отцѣ, если бы вѣрилъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына.

---

[1]) Св. Никифоръ былъ посланъ въ 787 г. императрицею Ириною на II Никейскій соборъ и боролся съ иконоборцами. Въ 806 г. послѣ смерти Тарасія заняль Константинопольскую каѳедру. Въ 811 г. написалъ приводимое посланіе къ папѣ Льву III; въ 815 г. былъ сосланъ имп. Львомъ Армяниномъ, ум. въ 828 году. *Прим. перев.*

Михаилъ Синкелль [1]) въ жизнеописаніи Діонисія Ареопагита, помѣщенномъ между твореніями послѣдняго (стр. 357), говоритъ: «онъ (Діонисій) полагаетъ, что ему слѣдуетъ служить Единому Господу, почитаемому и покланяемому въ трехъ ипостасяхъ, такъ какъ Сынъ и Духъ Святый относятся къ одному началу и причинѣ; при этомъ Сынъ прежде всѣхъ вѣковъ отъ Одного только Отца, т. е. изъ сущности Его,—родился,—Онъ Одинъ только (родился) безтѣлесно, безстрастно и безвременно; Духъ-же Святый отъ Одного только Отца исходитъ и черезъ Сына является и обнаруживается людямъ. Онъ (Діонисій) признаетъ (въ Тройцѣ) единую власть, но не такую, которую одно лицо ограничиваетъ (ибо установлять что-нибудь одно съ собою расходящееся—значитъ устанавливать многое), но такую, которую учреждаетъ равночестность природы, полное согласіе воли (совѣта), одно и то-же движеніе и само изъ себя (исходящее) соглашеніе на одно». Въ этомъ мѣстѣ латинскій переводчикъ употребилъ по отношенію къ Св. Духу слово—нисходящій (descendens) отъ Одного только Отца, желая этимъ показать, что рѣчь идетъ о временномъ посланіи, но по-гречески стоитъ ἐκπορευομένου, т. е. исходящій (вѣчно) отъ Отца.

Θеодоръ Абукара [2]), епископъ Нарійскій, въ своемъ «ученіи о божественныхъ именахъ» (стр. 542 греко-латинскаго изданія 1604 г. въ Ингольштадтѣ; изданъ вмѣстѣ съ «Путеводителемъ» Анастасія Синанта) говоритъ: «изъ общихъ именъ, которыя приписываются существу, имя Богъ придается Отцу и стало для Него какъ бы преимущественнымъ: ибо Онъ причина Сына и Духа Святаго, и Они къ Нему относятся». А если преимущественно Отцу принадлежитъ имя Бога, какъ началу Сына и Духа Святаго, то, значитъ, Его исключительное свойство быть

---

[1]) Михаилъ Синкелль жилъ около 830 года и много пострадалъ во время гоненій на иконы и ихъ почитателей. *Прим. перев.*

[2]) Одни считаютъ Θеодора Абукару современникомъ Фотія, другіе называютъ его ученикомъ Іоанна Дамаскина и говорятъ, что онъ жилъ ок. 770 г. *Прим. перев.*

Ихъ началомъ, а слѣдовательно отъ Одного только Отца раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый.

Императоры *Михаилъ III и Василій* (I Македонянинъ) вмѣстѣ со всѣми своими подданными и епископами несомнѣнно вѣровали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не также и отъ Сына. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Незадолго до 864 г. по Р. Хр. одинъ выходецъ съ востока сталъ обращать Болгаръ въ христіанскую вѣру; но этотъ неблагодарный народъ плохо ему за это заплатилъ. Узнавши, что онъ лже-пресвитеръ, Болгары прогнали несчастнаго, отрѣзавши ему носъ за то, что, не будучи посвященъ, онъ, по ихъ мнѣнію, былъ недостоинъ проповѣдывать христіанство. Этотъ варварскій поступокъ не одобрилъ впослѣдствіи и папа Николай. Тогда царь Болгарскій, прослышавъ, что въ особомъ почтеніи у христіанъ Римскій папа, послалъ къ нему пословъ просить, чтобы тотъ отрядилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ клириковъ для продолженія обращенія въ христіанство его подданныхъ. Папа Николай не сталъ медлить, а тотчасъ послалъ въ Болгарію своихъ епископовъ, которымъ также было приказано направляться потомъ въ Константинополь и тамъ отдать порученныя имъ увѣщательныя грамоты противъ избранія на патріаршество Фотія. Прибывъ въ Болгарію, папскіе легаты принесли сюда святой символъ съ прибавкою исхожденія Св. Духа и отъ Сына. Эта прибавка за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ сперва нѣкоторыми только была введена въ латинской церкви; теперь она нашла одобреніе у очень многихъ западныхъ людей, обняла большую часть этой церкви. Императоры съ неудовольствіемъ узнали обо всемъ этомъ, разгнѣвались на Болгарскаго князя за то, что пустилъ легатовъ въ свою страну, и запретили допускать ихъ къ себѣ. Немедленно они посылаютъ этому князю письмо, въ которомъ просятъ не принимать легатовъ Римскаго папы, осмѣлившихся самый символъ святой распространить новымъ, неслыханнымъ и богохульнымъ догматомъ и тѣмъ осквернить его. Болгарскій владыка присланное къ нему письмо отослалъ къ папѣ. Между тѣмъ папскіе легаты находились уже въ это время на пути въ Константинополь. Но ни императоры, ни Константино-

польское духовенство не хотѣли ихъ допустить, прежде чѣмъ они публично не откажутся отъ догмата исхожденія Св. Духа и отъ Сына и не вручатъ письменнаго отреченія патріарху Фотію.

Все это извѣстно изъ письма папы Николая къ Гинкмару Реймскому (это именно LXX письмо Николая, т. VIII Соборовъ, столб. 469). Вотъ что между прочимъ писалъ папа: «но что́ меня повергаетъ въ чрезвычайныя заботы, что́ въ особенности смущаетъ,—это обиды, причиняемыя не только мнѣ, но всей западной партіи императорами греческими Михаиломъ и Василіемъ и тѣми, кто имъ повинуется. Они, воспламененные противъ насъ ненавистью и завистью, что́ мы ниже укажемъ, стремятся взвести на насъ обвиненія какъ бы въ ереси. Ихъ взяла зависть, потому что они прослышали, что болгарскій царь Михаилъ, принявши вмѣстѣ съ своимъ народомъ Христову вѣру, сталъ просить отъ престола блаженнаго Петра наставниковъ и наученія. Распорядившись, по нашему мнѣнію, какъ слѣдовало, мы начали искать благопріятнаго случая, чтобы отправить пословъ Апостольскаго престола также и въ Константинополь съ увѣщательными посланіями. Морской путь намъ казался труднымъ и очень опаснымъ вслѣдствіе извѣданныхъ козней тѣхъ-же грековъ. Въ то время какъ насъ терзали эти тревоги и угнетали огромныя затрудненія со всѣхъ сторонъ, вдругъ намъ даютъ знать о прибытіи пословъ уже поименованнаго Болгарскаго царя. Никто не можетъ описать нашу радость и нашъ восторгъ по этому случаю. Радовались мы и тому, что узнали объ ихъ (Болгаръ), по милости Божіей, спасительномъ обращеніи, и тому, что они стали искать учительства блаженнаго апостола Петра, или его каѳедры и, хотя раздѣленные тѣлесно, сдѣлались намъ близки по вѣрѣ; притомъ-же мы видѣли, что черезъ ихъ землю открывается удобная и сухопутная дорога для нашихъ пословъ въ Греческую землю. Распорядившись тѣмъ, что считали соотвѣтствующимъ духовнымъ нуждамъ Болгарскаго народа на первыхъ порахъ, и заготовивши то, что располагали послать въ Константинополь, мы направили вмѣстѣ съ послами Болгарскаго царя нашихъ легатовъ, чтобы они могли пройти черезъ Болгарскую землю. Но Греческіе императоры не только никоимъ образомъ не согласились ихъ принять, но даже воспылали

гнѣвомъ противъ Болгаръ за то, что тѣ позволили имъ пройти черезъ ихъ землю, давая тѣмъ понять, что если послы наши войдутъ въ подвластныя имъ земли, они предадутъ ихъ всѣмъ тѣмъ опасностямъ и непріятностямъ, какимъ, говорятъ, еретическіе государи вышеназваннаго города часто подвергали легатовъ Апостольскаго престола, отправляемыхъ туда по дѣламъ вѣры, или церковнаго устроенія. Кромѣ того, въ то время какъ наши легаты оставались у Болгарскаго царя, стремясь пробраться въ Константинополь, императоры переслали самому Болгарскому царю свое посланіе, которое тотъ рѣшилъ почтительно передать черезъ нашихъ легатовъ. Получивши это посланіе и разсмотрѣвши его вмѣстѣ съ другими писаніями, мы ясно увидѣли, что много разъ помянутые государи писали его не иначе, какъ омочивши перо въ лужу богохульства и употребивъ вмѣсто чернилъ тину заблужденія. Ибо они стараются не нашу только въ частности, но вообще всю Церковь, употребляющую латинскій языкъ, порицать за то, что мы постимся въ субботу, что мы признаемъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, тогда какъ они признаютъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца. Мало того, они совершили поступокъ еще болѣе тяжкій и безумный. Они потребовали отъ нашихъ пословъ, вопреки всякому правилу и обычаю, письменнаго изложенія вѣры, въ которомъ, чтобы быть ими принятыми, они должны предать анаѳемѣ какъ вышеозначенные пункты, такъ и держащихся ихъ; требовали также беззаконно, чтобы они дали каноническія посланія тому, кого они называютъ своимъ вселенскимъ патріархомъ». Затѣмъ папа продолжаетъ: «а какою злобою и безуміемъ означенные государи и ихъ окружающіе вооружились противъ насъ за то, что мы не хотимъ повиноваться ихъ беззаконнымъ желаніямъ, это обнаруживается ясно въ томъ, что то, въ чемъ они стараются насъ обвинить, либо—ложь, либо сохраняется отъ древнихъ временъ до сихъ поръ безъ всякаго возраженія въ римской Церкви, мало того—на всемъ западѣ: и когда среди нихъ процвѣтали великіе учители Церкви, никто изъ нихъ не возражалъ противъ этого, развѣ только тѣ, которые, движимые не горячею ревностью къ истинѣ, а ревностью зависти, пытаются разорвать преданія Церкви. Кромѣ

того, кто не знаетъ, что объ исхожденіи Св. Духа славные мужи, и въ особенности латинскіе, кое-что писали? Опираясь на ихъ авторитетъ, мы могли-бы, конечно, отлично отвѣтить на это безуміе, если-бы представился какой нибудь случай или у нихъ—насъ обвинять, или у насъ—защищаться противъ этихъ болтуновъ, распустившихъ свои сварливыя глотки».

Но что вмѣстѣ съ императорами и епископы восточные тогда осуждали догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, объ этомъ свидѣтельствуетъ и Флодоардъ, Реймскій аббатъ въ III кн. XVII гл. своей «Реймской хроники» (т. I Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 527). Тамъ онъ говоритъ слѣдующее: «клирики названнаго Гинкмара, придя въ августѣ мѣсяцѣ въ Римъ, нашли папу Николая уже очень ослабѣвшимъ и чрезвычайно озабоченнымъ споромъ, который онъ затѣялъ противъ греческихъ императоровъ Михаила и Василія, а также противъ восточныхъ епископовъ». И дальше: «и другое посланіе къ нему (Гинкмару) и прочимъ архіепископамъ и епископамъ, поставленнымъ въ царствѣ Карла, переслалъ (папа), заявляя (въ немъ), что названные императоры, а также и восточные епископы порочатъ св. римскую Церковь, да и всю Церковь, употребляющую латинскій языкъ, за то, что мы постимся по субботамъ и говоримъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына». Затѣмъ Гинкмаръ Реймскій называетъ даже общимъ именемъ—грековъ всѣхъ тѣхъ, которые въ то время выставляли латинянамъ на видъ эту ересь. Такъ въ письмѣ къ Одону, епископу Белловакскому, которое помѣщено подъ номеромъ LI между его мелкими сочиненіями и письмами (т. II его трудовъ, стр. 809, Парижское изданіе 1645 г.) онъ говоритъ: «апостольскій владыка (папа) прислалъ намъ и вмѣстѣ другимъ епископамъ царства государя нашего Карла посланіе, изъ котораго видно, что греки пытаются упрекнуть какъ въ частности церковь римскую, такъ вообще всю Церковь, употребляющую латинскій языкъ, за то, что мы постимся по субботамъ и что мы признаемъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, тогда какъ они исповѣдуютъ, что Онъ исходитъ только отъ Отца».

Но обратимся опять къ посланію папы Николая къ Гинкмару, въ которомъ онъ послѣ вышеприведенныхъ словъ продолжаетъ:

«въ этихъ обстоятельствахъ вамъ, братья, оставивши совершенно всякія другія заботы, слѣдуетъ приложить чрезвычайныя усилія, и, такъ какъ на всѣхъ падаютъ укоризны, которыми поносятъ вселенскую Церковь, по крайней мѣрѣ на ея часть, употребляющую латинскій языкъ, какъ мы выше сказали, то вы всѣ, украшенные божественнымъ священствомъ, должны сообща бороться чтобы не допустить отеческихъ преданій до такого поруганія». Изъ этого посланія папы Николая явствуетъ, что императоры могли однихъ только латинянъ упрекать въ томъ, что они признаютъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, изъ чего слѣдуетъ, что ни одна изъ восточныхъ церквей въ этомъ пунктѣ съ латинянами не сходилась. Наконецъ извѣстно, что въ то время на соборѣ многихъ восточныхъ Отцовъ въ Константинополѣ, съ согласія и одобренія императоровъ (ибо какъ-же иначе могло это состояться публично?) былъ осужденъ догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Такъ Фотій, говоря о легатахъ Николая, принесшихъ въ Болгарію этотъ догматъ и прибавку къ символу, въ окружномъ посланіи къ архіепископскимъ восточнымъ каѳедрамъ, т. е. къ Александрійской и прочимъ (помѣщено подъ № II между его посланіями,—греко-латинское изд. Ричарда Монтакутія, англійскаго Норвичскаго епископа, стр. 55) пишетъ: «этихъ новыхъ предтечъ отступничества, слугъ антихриста, достойныхъ многихъ смертей, распространителей всеобщей заразы, которые ввергли въ такой раздоръ и разъединеніе молодой и еще неокрѣпшій въ благочестіи народъ, этихъ, говорю, предательскихъ и богопротивныхъ обманщиковъ, мы осудили соборнымъ и божественнымъ судомъ, опредѣляя ихъ отлученіе не теперь, но на основаніи прежде бывшихъ соборовъ, на основаніи положеній и законовъ апостольскихъ обнародовавъ наложенное на нихъ осужденіе, чтобы всѣмъ оно было извѣстно. Ибо такъ отъ природы устроены люди, что не столько улучшаются прошедшими наказаніями, сколько настоящими и передъ глазами находящимися удерживаются въ порядкѣ; а если настоящія соединяются съ прошедшими, то они черезъ это пріобрѣтаютъ большую силу и твердость. Поэтому мы этихъ людей, упорствующихъ въ своихъ многочисленныхъ заблужденіяхъ

объявили всенародно изгнанными изъ общаго стада христіанъ». И когда затѣмъ окружное посланіе разослано было по всему востоку съ приглашеніемъ составить противъ легатовъ Николая вселенскій восточный соборъ, то для этого немедленно собралось много епископовъ въ Константинополь. Такъ объ этомъ Фотій писалъ въ концѣ цитируемаго посланія: «не только ваше блаженство сюда призываемъ, но предстоятелей остальныхъ архіепископскихъ и апостольскихъ каѳедръ, которые либо уже прибыли, либо ожидаются въ скоромъ времени. Поэтому да недопуститъ ваше братство о Господѣ черезъ какое нибудь откладываніе, или промедленіе, чтобы братья ваши ожидали здѣсь дольше, чѣмъ слѣдуетъ; знайте, что если черезъ вашу оплошность дѣла не пойдутъ своимъ установленнымъ порядкомъ, не на кого иного, но на погрѣшившаго падетъ вина».

Такимъ образомъ—какъ только прослышали на востокѣ о прибавкѣ къ символу исхожденія и отъ Сына, то и императоры, и епископы немедленно осудили и этотъ догматъ, и введеніе его въ символъ. Но они были до этого времени въ глазахъ латинянъ православными (каѳоликами) и къ нимъ, какъ къ православнымъ, папа Николай отряжалъ легатовъ съ порученіемъ дѣйствовать только противъ Фотія. И папа Николай въ приведенномъ письмѣ не обвиняетъ ихъ въ ереси за осужденіе исхожденія Св. Духа отъ Сына, но обрушивается только за то на нихъ, что они осмѣлились укорять всю латинскую Церковь. Если при этомъ въ своемъ посланіи онъ упоминаетъ объ еретикахъ императорахъ, то такъ онъ называетъ нѣкоторыхъ прежнихъ императоровъ [1]), а не тѣхъ, которые тогда правили: «намекая, говоритъ онъ, не на что иное, какъ на то, что, если тѣ станутъ проходить черезъ подчиненныя имъ области, они подвергнутъ ихъ тѣмъ опасностямъ, которымъ еретическіе названнаго города государи часто, говорятъ, подвергали пословъ апостольскаго престола, приходившихъ по дѣламъ вѣры, или церковнаго исправленія». Когда наконецъ для низверженія Фотія къ императору Василію и восточнымъ епископамъ присталъ папа Адріанъ, онъ не выставлялъ имъ на видъ осужденія исхожденія

[1]) Очевидно императоровъ-иконоборцевъ. *Прим. перев.*

Св. Духа отъ Сына и прибавки его къ символу и не отказывался называть ихъ православными (каѳоликами), пока они не снимутъ осужденія. Отсюда явствуетъ, что, по его мнѣнію, восточные каѳолики правильно поступали по отношенію къ латинянамъ. А что затѣмъ созванные Фотіемъ восточные іерархи не всѣ и не со всего востока прибыли, и вселенскій соборъ, который старался устроить Фотій, не состоялся, то причиною этого были возникшія вслѣдствіе низложенія Игнатія и возведенія вмѣсто него на патріаршій престолъ Фотія большія смуты и партіи между восточными епископами. Такъ раздражены были тогда противъ Фотія остальные патріархи, что не захотѣли даже принять отъ него посланія. Объ этомъ заявлялъ на IV Константинопольскомъ соборѣ, на которомъ низложили Фотія, Илія, замѣститель Іерусалимскаго патріарха (дѣяніе V, т. VIII Соборовъ, столб. 1036): «мы отнюдь не признали Фотія епископомъ, даже не приняли отъ него письма, и къ нему таковаго не послали». То-же говорилъ и Ѳома, митрополитъ Тирскій, замѣститель патріарха Антіохійскаго, (тамъ-же столб. 1035): «мы не признали нѣкогда Фотія въ Антіохійской церкви, не послали ему письма и отъ него не приняли». И опять тотъ-же Илія (дѣяніе VI, столб. 1048) говоритъ: «настоящему святому собору во всеуслышаніе заявляю: мы никогда не допускали низложенія святѣйшаго патріарха Игнатія, не приняли письма и отъ Фотія и ему отъ себя не посылали».

Къ писателямъ IX вѣка, противъ измышленія латинянъ свидѣтельствующихъ, мы по справедливости присоединяемъ самого *Фотія*. О немъ намъ не то слѣдуетъ сказать, что онъ боролся противъ догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына и внесенія его въ символъ, а то, что онъ не только въ письмахъ своихъ возражалъ противъ латинянъ, но еще написалъ особенный трактатъ противъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Но его свидѣтельство, какъ будто схизматика и еретика, обыкновенно отвергается латинянами.

Между тѣмъ никакихъ раздоровъ не происходило между Константинопольскимъ и Римскимъ престолами до тѣхъ поръ, пока послѣ низложенія съ патріаршаго престола Игнатія, который не нравился развратному Вардѣ, на его мѣсто не былъ по-

ставленъ Фотій. Тогда папа Николай внесъ съ запада еще большую смуту въ начавшіяся нестроенія на востокѣ. Онъ никакъ не хотѣлъ признать патріархомъ Фотія и не задумался его отлучить, хотя императоры и не мало епископовъ его признали; не потому, конечно, возсталъ Николай противъ Фотія, что считалъ его неправославнымъ (не каѳоликомъ), а потому, что тотъ, посвященный въ епископы прямо изъ свѣтскихъ людей [1]), занялъ престолъ изгнаннаго Игнатія [2]). Однако это была неразумная горячность: при подобныхъ обстоятельствахъ предшественники Николая не торопились метать громы и благоразумно думали, что слѣдуетъ терпимо относиться къ такимъ вещамъ, чтобы не вызвать раскола. На этомъ основаніи Либерій не отлучилъ Феликса, Сильверій—Вигилія, Гормизда—Тимоѳея. Отлученіе Фотія Николаемъ случилось въ 863 г.; вслѣдъ затѣмъ разгнѣванный Фотій въ свою очередь налагаетъ анаѳему на Николая. Фактъ немедленнаго отлученія Николая Фотіемъ передаютъ современные авторы: Никита—въ «жизнеописаніи Игнатія» (т. VIII Соборовъ, столб. 1225),—митрополитъ Митрофанъ въ посланіи къ Манулу (тамъ-же, столб. 1396). Адріанъ II въ изложеніи исповѣданія (дѣяніе I-е IV-го Константинопольскаго собора, указанный томъ, столб. 989) и наконецъ восточные епископы въ своемъ изложеніи вѣры (дѣяніе II того-же собора,—тамъ-же столб. 1000). Какъ бы тамъ ни было, это отлученіе Фотія Николаемъ въ данномъ вопросѣ не имѣетъ значенія: онъ былъ подвергнутъ анаѳемѣ не за лжеученіе, а за то, что, хотя онъ былъ православнымъ, проникъ изъ мірянъ на патріаршій престолъ. Впрочемъ до этого времени и Фотій еще не защищалъ публично исхожденія Св. Духа только отъ Отца и не осуждалъ противное этому ученіе,—это случилось позже. Поводомъ къ тому послужило,

---

[1]) Исторія церкви первыхъ вѣковъ представляетъ много примѣровъ возведенія прямо въ епископы мірянъ; такъ были возведены въ епископы, напр., Кипріанъ Карѳагенскій, Амвросій Медіоланскій и друг. *Прим. перевод.*

[2]) Подобныхъ случаевъ низложенія патріарховъ было много до Фотія и послѣ Фотія, что не мѣшало признавать ихъ преемниковъ. *Примѣч. перев.*

какъ мы уже сказали выше, прибытіе въ недавно обращенную Болгарію папскихъ легатовъ, принесшихъ сюда догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына вмѣстѣ съ прибавкою къ символу. Это такъ возмутило Фотія, что онъ, собравши поскорѣе соборъ въ Константинополѣ, съ согласія всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, осудилъ пришедшихъ въ Болгарію епископовъ за богохульство, именно за то, что они упорно поддерживали внесеніе въ символъ неслыханнаго и богохульнаго догмата. Такъ самъ Фотій объ этомъ пишетъ въ выше приведенномъ окружномъ посланіи (II посланіе, стр. 49 Лондонскаго изданія писемъ Фотія): «о нечестивый, ненавистный и богопротивный замыселъ и предпріятіе! Ибо такое изложеніе евангелія, такое фальшивое толкованіе доброй вѣсти—является позоромъ, ликованіе и радость превращаетъ въ печаль и слезы. Не прошло еще и двухъ лѣтъ, что этотъ народъ (Болгары) принялъ истинную вѣру Христову, какъ нѣкоторые нечестивые и гнусные люди, чудовища (такъ именно долженъ назвать ихъ христіанинъ), люди, выползшіе изъ мрака (ибо они появились съ запада)—увы! какъ смогу я дальше продолжать!—эти люди, говорю, напали на народъ, неокрѣпшій еще въ благочестіи, какъ молнія, землетрясеніе, или густой градъ, или, сказать правильнѣе, какъ дикій вепрь, ворвавшись въ возлюбленный виноградникъ Господа, стали его топтать и рвать, т. е. стали его дерзко грабить и опустошать путемъ гнусной политики и извращенія догматовъ; въ то-же время они старались этотъ народъ развращать и коварно и лживо отвлекать отъ здравыхъ и чистыхъ догматовъ и отъ правой вѣры христіанской». И далѣе (на стр. 51): «ибо они (Болгары) не только введены были въ грѣхъ, но очутились на самой вершинѣ нечестія, если таковая есть. Кромѣ нелѣпостей, которыя мы выше указали, легаты римскіе съ чрезвычайной дерзостью не задумались поддѣлать святой и священный символъ посредствомъ лживыхъ разсужденій и неправильныхъ основаній,—символъ, имѣющій по постановленіямъ помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ нерушимую силу и значеніе. О хитрости злого демона! Они вводятъ новое ученіе, что Духъ Святый исходитъ не только отъ Отца, но и отъ Сына! Кто когда слышалъ подобную вещь

отъ какихъ-бы то ни было нечестивыхъ лжеучителей? Какой коварный змѣй внѣдрилъ это въ ихъ сердца? Кто изъ носящихъ имя христіанина можетъ допустить введеніе двухъ началъ и причинъ Св. Тройцы утвержденіемъ, что Отецъ есть причина Сына и Духа Святаго и что Сынъ также (снова) причина Св. Духа? Вѣдь это значитъ единоначальное божество сдѣлать двуначальнымъ, разорвать христіанское богословіе подобно языческой мистагогіи и такимъ образомъ дерзновенно уменьшить достоинство сверхъестественной и единоначальной Тройцы». Вслѣдъ затѣмъ Фотій пространно оспариваетъ новый догматъ и потомъ продолжаетъ (стр. 52): «видишь теперь, какъ несправедливо, но, очевидно, съ цѣлью легче поймать другихъ, присвоили себѣ эти люди имя христіанъ. Духъ исходитъ отъ Сына: откуда ты это взялъ? Въ какомъ евангеліи нашелъ это слово? Какого собора это богохульное опредѣленіе? Господь и Богъ нашъ сказалъ: Духъ, Который отъ Отца исходитъ. А это отцы новаго нечестія говорятъ: Духъ, Который отъ Сына исходитъ. Кто не закроетъ ушей для этого чрезмѣрнаго богохульства? Оно возстаетъ противъ евангелія, противоборствуетъ святымъ соборамъ, поддѣлываетъ блаженныхъ и святыхъ Отцовъ, именно—великаго Аѳанасія, прославленнаго именемъ богослова Григорія, Василія, по истинѣ царскій уборъ Церкви, Златоустаго, это море мудрости. Но что называть того, или другого? Противъ рѣшительно всѣхъ святыхъ пророковъ, апостоловъ, іерарховъ, мучениковъ, противъ словъ Самого Господа это богохульство и богопротивное выраженіе вооружается». И снова сдѣлавши возраженія противъ исхожденія отъ Сына, Фотій прибавляетъ (стр. 54): «это темное нечестіе упомянутые епископы (ибо они объявляютъ себя епископами) вмѣстѣ съ другими не имѣющими разрѣшенія и незаконными учителями разсѣевали среди Болгарскаго народа. Слухъ объ этомъ дошелъ до нашихъ ушей: мы были смертельно поражены въ самое сердце и испытывали то, что чувствуетъ человѣкъ, который видитъ собственными глазами, какъ змѣи и лютые звѣри рвутъ на части и таскаютъ туда и сюда его дѣтей. Ибо мы, приложившіе столько старанія, труда и пота на ихъ возрожденіе и крещеніе, чувствовали не безъ основанія нестерпимое горе и

печаль, видя гибель нашихъ дѣтей. И столько насъ мучило это несчастье, сколько раньше мы восторгались, когда видѣли ихъ освобожденными отъ прежняго языческаго заблужденія. Но мы ихъ оплакивали и еще оплакиваемъ, и чтобы воскресить ихъ отъ паденія, не дадимъ покоя глазамъ нашимъ и не смежимъ нашихъ вѣкъ, пока нашими усиліями не возвратимъ ихъ снова подъ сѣнь Господа; а этихъ новыхъ предтечъ отступничества, слугъ антихриста, достойныхъ многихъ смертей, всеобщую язву, которые ввергли въ такой раздоръ и разъединеніе молодой и неокрѣпшій еще въ благочестіи народъ, этихъ, говорю, коварныхъ и богопротивныхъ обманщиковъ мы осудили божественныхъ соборнымъ судомъ, опредѣляя ихъ отлученіе не въ силу настоящихъ соображеній, а на основаніи (постановленій) прежде бывшихъ соборовъ, положеній и законовъ апостольскихъ, обнародовавъ наложенное на нихъ осужденіе, чтобы всѣмъ это было извѣстно. Ибо такъ отъ природы устроены люди, что не столько исправляются прошедшими наказаніями, сколько удерживаются въ порядкѣ настоящими, передъ глазами находящимися,—а если настоящія соединяются съ прошедшими, то они отъ этого пріобрѣтаютъ большую силу и твердость. Поэтому-то мы этихъ людей, упорствующихъ въ своихъ многочисленныхъ заблужденіяхъ, всенародно объявили изгнанными изъ всего христіанскаго стада».

Однако Фотій не удовольствовался частнымъ соборомъ, но въ 866 году отправилъ окружныя посланія остальнымъ святѣйшимъ патріархамъ; указавши на дерзкое предпріятіе означенныхъ выше людей, онъ убѣждалъ патріарховъ прислать на назначенный по этому поводу соборъ своихъ замѣстителей, что бы съ общаго согласія предать этихъ осужденныхъ богохульниковъ заслуженной ими карѣ. Отправилъ онъ также письма и къ остальнымъ архіепископамъ и епископамъ, приглашая ихъ явиться съ той-же цѣлью на соборъ въ Константинополь. Такъ онъ снова пишетъ въ помянутомъ посланіи (стр. 57): «но и этой хулы на Духа Святаго, или вѣрнѣе на всю Св. Троицу, не имѣющей себѣ подобной, было бы достаточно, если бы не было ничего другого, чтобы поразить виновниковъ тысячею анаѳемъ. Мы нашли нуж-

нымъ, согласно съ древнимъ церковнымъ обычаемъ, донести до вашего во Господѣ братства свѣдѣніе объ этихъ дѣлахъ и просимъ васъ и желаемъ, чтобы вы были готовы подать помощь въ осужденіи этихъ нечестивыхъ и богопротивныхъ замысловъ, чтобы не оставить отеческаго поста, который передали вамъ ваши предшественники устроеннымъ ихъ трудами. Поэтому, заботливо и тщательно выбравши, постарайтесь прислать сюда вашихъ замѣстителей, людей въ благочестіи совершенныхъ, посвященныхъ въ санъ, украшенныхъ краснорѣчіемъ и честною жизнью для того, чтобы мы могли удалить изъ среды Церкви широко ползущую гангрену, а тѣхъ, которые оказались столь безумными, что всѣяли сѣмена своего нечестія въ этотъ новый, недавно сплоченный и устроенный народъ, вырвавши съ корнями, предать огню съ общаго всѣхъ согласія. Такъ поступить съ осужденными уполномочили насъ данныя намъ свыше божественныя велѣнія. Тогда, мы надѣемся, съ изгнаніемъ нечестія и съ установленіемъ благочестія, Болгарскій народъ, вновь оглашенный о Христѣ и просвѣщенный свѣтомъ крещенія, возвратится къ вѣрѣ, ему раньше возвѣщенной. Поэтому, когда по благодати всемилостиваго Бога, Который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и пришли къ познанію истины, они отступятъ отъ прежнихъ мнѣній и измѣнятъ ихъ согласно съ истинною вѣрою Христовою, то, если ваше братство удостоите подняться и намъ содѣйствовать въ уничтоженія и преданіи огню негодныхъ отпрысковъ, мы убѣждены о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Богѣ истинномъ, что Его стадо еще увеличится и исполнятся слова: познаютъ Меня всѣ отъ малаго до великаго, и другія: по всей землѣ распространится вѣсть (ученія апостольскаго) и слова ихъ дойдутъ до предѣловъ вселенной [1]). Итакъ нужно, чтобы присланные вами представители вашей святѣйшей особы были облечены вашею полною властью, тою именно, которою вы надѣлены Духомъ Святымъ, чтобы они могли и свое мнѣніе высказать, и подать рѣшающій голосъ какъ по указаннымъ вопросамъ, такъ и по

---

[1]) — во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Псал. XVIII, 5).

другимъ подобнымъ, если окажутся, съ тою свободою, какая прилична апостольскому престолу. И не только ваше блаженство мы сюда приглашаемъ, но также предстоятелей остальныхъ архіепископскихъ и апостольскихъ престоловъ, которые отчасти уже пришли, отчасти ожидаются въ скоромъ времени. Поэтому да не допуститъ ваше братство о Господѣ черезъ какое-нибудь откладываніе или промедленіе, чтобы братья ваши ждали здѣсь больше, чѣмъ слѣдуетъ; знайте, что если черезъ ваше опозданіе дѣла не пойдутъ надлежащимъ порядкомъ, то вина падетъ не на кого другого, а на васъ, какъ на виновника». Около этого времени умираетъ папа Николай, преемникомъ ему становится Адріанъ; въ то-же время Фотій, укорявшій императора (Василія) въ убійствѣ, на созванномъ по приказанію послѣдняго соборѣ низлагается папою Адріаномъ и остальными восточными патріархами съ патріаршаго престола.

И изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что Фотій до сихъ поръ защищалъ общій догматъ восточной Церкви. Ибо восточнымъ патріархамъ, архіепископамъ и епископамъ извѣстенъ былъ фактъ осужденія Фотіемъ на собранномъ имъ соборѣ догмата, измышленнаго латинянами, и прибавки къ символу: оно сдѣлано было публично, объявлено всенародно, какъ мы видѣли изъ словъ самого Фотія, да и окружное посланіе противъ этого догмата разослано было имъ по всему востоку и, если не приняли его патріархи, то, по всей вѣроятности, приняли и читали хоть нѣкоторые архіепископы и епископы. Не было это тайною и для Адріана, который если не изъ другихъ источниковъ, то, навѣрно, изъ письма императоровъ Михаила и Василія узналъ, что восточные епископы съ Фотіемъ во главѣ осудили и извѣстный догматъ, и прибавку къ символу, да притомъ еще и требовали, чтобы легаты папы Николая представили Фотію каноническую грамоту съ осужденіемъ проповѣдуемаго ими догмата и прибавки, какъ о томъ разсказываетъ самъ Николай въ посланіи къ Гинкмару. Почему же никто изъ нихъ не поставилъ этого Фотію въ вину? Конечно, можно объяснить глубокое молчаніе собора о вѣрѣ Фотія тѣмъ, что истинную причину для низложенія онъ находилъ въ занятіи мѣста несправедливо низвергнутаго Игна-

тія. Но какимъ-же образомъ могли восточные іерархи не поставить ему въ вину ересь, если бы они не одобрили дѣйствій его по осужденію догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына? Вѣдь одной ереси достаточно было, чтобы прогнать Фотія съ престола, и на ней настаивалъ-бы императоръ Василій тѣмъ болѣе, что ему не выгодно было показать, что онъ требуетъ низложенія Фотія, котораго онъ раньше самъ вывелъ въ патріархи, за то только, что послѣдній упрекнулъ его въ убійствѣ. А папа Адріанъ, хотя можетъ быть и держался этого догмата, не могъ обвинять изъ-за этого Фотія, зная, что въ этомъ дѣлѣ императоръ и восточные іерархи нисколько не расходятся съ Фотіемъ. Являлась для него, такимъ образомъ, опасность возстановить противъ себя императора и восточныхъ епископовъ и не достигнуть низложенія Фотія, чего онъ сильно желалъ.

Поэтому совершенно неосновательно одинъ писатель [1]) утверждаетъ, что Адріанъ также чрезвычайно сильно защищалъ противъ Фотія исхожденія Св. Духа отъ Сына. Нѣтъ для этого рѣшительно никакого доказательства, и Адріанъ черезъ своихъ легатовъ на соборѣ ни единымъ словомъ не возбуждалъ спора противъ Фотія изъ-за осужденнаго послѣднимъ догмата. Отсюда слѣдуетъ, что Фотій, осудивъ извѣстный догматъ и прибавку къ символу, православно защищалъ каѳолическій догматъ.

Умираетъ послѣ этого Адріанъ, умираетъ и Игнатій. Преемникомъ Адріана становится Іоаннъ VIII, на мѣсто Игнатія снова ставится императоромъ Фотій; вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ посылаетъ письмо къ Іоанну VIII, въ которомъ проситъ признать Фотія патріархомъ, чѣмъ, по его мнѣнію, прекратится наконецъ, за смертью Игнатія, восточный расколъ, а иначе ему конца не предвидится. Подъ давленіемъ обстоятельствъ Іоаннъ призналъ Фотія патріархомъ; даже, чтобы уничтожить на будущее время всякое разногласіе, отлучилъ тѣхъ, которые впослѣдствіи не присоединятся къ Фотію, какъ это видно изъ CXLIX письма его (томъ IX Соборовъ, столб. 130). Однако онъ прибавилъ условіе, чтобы Фотій испросилъ прощеніе у собора,—что

---

[1]) Циховій въ послѣднемъ «вопросѣ», стр. 132.

заключается въ томъ-же посланіи (столб. 131). Того-же испрашивали у Іоанна и Константинопольскіе клирики, чтобы тѣмъ склонить его къ потвержденію патріаршества Фотія, какъ видно изъ посланія Іоанна къ Константинопольскому клиру (CC посланіе столб. 140). Въ отвѣтъ на посланіе клира Іоаннъ утверждаетъ патріархатъ Фотія, но присоединяетъ условіе объ испрошеніи прощенія у собора (столб. 141), каковое условіе выставляетъ и въ посланіи къ самому Фотію (CCI посланіе, столб. 143).

Затѣмъ составляется въ Константинополѣ соборъ изъ всего востока съ участіемъ также и легатовъ папы Іоанна; на этомъ соборѣ Фотія снова утверждаютъ на патріаршествѣ; сообщенное ему постановленіе собора подтверждаетъ и папа Іоаннъ VIII. И хотя, какъ того хотѣлъ Іоаннъ, Фотій не испросилъ у собора прощенія, говоря, что только преступники должны просить прощенія;—хотя также Іоаннъ услыхалъ, что при чтеніи на соборѣ въ его посланіи многое было измѣнено; однако не взирая на это, онъ утвердилъ, какъ сказано, патріархатъ Фотія согласно съ актомъ собора,—что̀ видно изъ CCL посланія Іоанна (столб. 180), и призналъ Фотія истиннымъ патріархомъ въ посланіи къ императорамъ (CCLI посланіе, столб. 181).—Было и другое условіе признанія Фотія патріархомъ со стороны Іоанна VIII,—именно уступка Болгаріи Римскому престолу. Это условіе папа ставилъ во всѣхъ приведенныхъ его посланіяхъ,—на эту уступку, по его словамъ (CCLI посл.), согласились и императоры.—Наконецъ и въ инструкціи Іоанна легатамъ, отправленнымъ на соборъ, Фотій утверждается патріархомъ (т. IX Соборовъ, столб. 322); а инструкція эта отправлена была отъ имени особеннаго римскаго собора за подписями латинскихъ епископовъ (столб. 323).

Такимъ образомъ патріархатъ Фотія, какъ православнаго, былъ снова утвержденъ папою, латинскимъ соборомъ и остальными восточными іерархами,—и ни тѣ, ни другіе не поставили Фотію въ вину, что онъ осудилъ публично исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Отсюда опять таки не подлежитъ сомнѣнію, что Фотій защищалъ православный, всѣми признанный догматъ.

Отсюда-же далѣе вытекаетъ, что нельзя противъ насъ опираться на отлученіе, наложенное папою Николаемъ на Фотія, ни

также на постановленія IV Константинопольскаго собора противъ Фотія. Все это было отмѣнено помянутымъ большимъ соборомъ съ согласія самого Іоанна VIII и латинскихъ епископовъ, собравшихся въ Римѣ; они подтверждаютъ вторичное избраніе Фотія въ патріархи,—мало того, Іоаннъ VIII налагаетъ анаѳему на всѣхъ, кто съ тѣхъ поръ не сталъ бы признавать Фотія настоящимъ Константинопольскимъ патріархомъ. Но затѣмъ этотъ утвержденный съ такою торжественностью патріархъ, всѣми признанный православнымъ, живущій съ папою Іоанномъ VIII въ общеніи, а не въ схизмѣ—не смотря на все это, при всякомъ представлявшемся случаѣ публично защищалъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца и осуждалъ противное ученіе; поэтому даже незадолго до утвержденія своего патріархата Іоанномъ VIII, когда легаты послѣдняго пріѣзжали довольно часто въ Константинополь, онъ каждый разъ освѣдомлялся у нихъ, каково ихъ собственное мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа, и получалъ отвѣтъ, что они вѣрятъ одинаково съ нимъ въ исхожденіе только отъ Отца. Такъ самъ Фотій въ посланіи къ митрополиту Аквилейскому (помѣщенномъ въ новѣйшемъ приложеніи къ библіотекѣ греческихъ Отцовъ, изд. Францискомъ Комбефисіемъ по гречески и по латыни въ 1672 г. стр. 536) пишетъ: «мнѣ кажется, слѣдуетъ, хотя вслѣдствіе недавности это для всѣхъ очевидно, вспомнить пословъ, не разъ и не два, а три раза приходившихъ въ наше время изъ древняго Рима: когда мы съ ними, какъ и слѣдуетъ, вели рѣчь о благочестіи, то не нашли въ ихъ словахъ ничего несогласнаго съ вѣрою, во всемъ мірѣ распространенною, и никакого разногласія съ нами, но, напротивъ, они въ ясныхъ выраженіяхъ исповѣдывали исхожденіе Св. Духа отъ Отца». Точно также на соборѣ, подтвердившемъ патріархатъ Фотія, съ его, конечно, согласія, была осуждена всякая, даже и вѣрная, прибавка къ символу. Что такимъ образомъ Фотій, какъ сказано, въ качествѣ каѳолика (православнаго), утвержденнаго на патріаршествѣ, всѣми таковымъ признаннаго, находящагося не въ схизмѣ, а въ общеніи съ папою Іоанномъ, осудилъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына и прибавку къ символу, видно прежде всего и изъ того, что онъ подозрѣвалъ самого Іоанна въ наклонности признать новый дог-

мать и прибавку. Ибо Іоаннъ VIII, намекая на это, въ письмѣ къ Фотію (изд. по-гречески и по-латыни, въ т. II, ч. II «собранія каноновъ, заимствованныхъ отъ греческой Церкви» —въ Оксфордѣ въ 1672 г. стр. 306) пишетъ: «дошло до нашего свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ вашихъ, мало заботясь о мирѣ и пренебрегая истиною, говорятъ дурно о нашей Церкви. Дѣло дошло до того, что твое братство едва-ли не начинаетъ питать непріязненныя чувства къ намъ и нашимъ подчиненнымъ. Поэтому я рѣшилъ, раньше чѣмъ твое братство мнѣ что-нибудь заявитъ, тебѣ сдѣлать это извѣстнымъ, для того чтобы ты, зная достаточно положеніе нашихъ дѣлъ, менѣе слушалъ тѣхъ, кто желаетъ спорить и бранить,—а напротивъ прогналъ ихъ отъ себя и другимъ воспретилъ придавать вѣру ихъ словамъ. Ибо твое братство знаетъ, что, когда недавно къ намъ явился твой посланецъ и спрашивалъ нашего мнѣнія о символѣ, онъ нашелъ насъ нерушимо хранящими переданное намъ изначала, ничего ни прибавляя и не убавляя. Поэтому мы еще разъ заявляемъ твоему достоинству, чтобы относительно того пункта, который породилъ соблазны между церквами Божіими, ты намъ повѣрилъ, что мы не только этого не говоримъ, но даже тѣхъ, кто по безумію осмѣлился это сначала говорить, осуждаемъ, какъ извратителей слова Божія, какъ разрушителей богословія Господа Христа и апостоловъ». Чтобы удовлетворить Фотія, подозрѣвавшаго его въ одобреніи прибавки къ символу относительно исхожденія Св. Духа, Іоаннъ VIII сразу объявляетъ, что онъ осудилъ и догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, и прибавку его къ символу. Что такой смыслъ имѣютъ слова Іоанна, вытекаетъ изъ его выраженія: «осуждаемъ ихъ, какъ извратителей Божьяго Слова и разрушителей богословія Христа». Если, такимъ образомъ, исхожденіе отъ Сына, прибавленное къ символу, извращаетъ Слово Божіе и разрушаетъ Христово богословіе, то, значитъ, и самый догматъ этотъ противенъ тому и другому. Какъ догматъ, такъ и прибавку, очевидно, отвергалъ Фотій, если Іоаннъ, чтобы удовлетворить его и заставить вѣрить себѣ, осуждаетъ то и другое.

То-же вытекаетъ изъ посланія Фотія къ митрополиту Аквилейскому (въ послѣднемъ прибавленіи библіотеки греческихъ От-

цовъ, изд. Францискомъ Комбефисіемъ, стр. 528), гдѣ онъ говоритъ: «но въ то время, какъ мы такъ думали о вашемъ достоинствѣ и гордились и радовались вашимъ славнымъ дѣяніямъ и подвигамъ, вдругъ до нашего свѣдѣнія дошло извѣстіе (—о если-бы этого никогда не было! Мы жестоко страждемъ не тѣломъ, но душой: ибо, потерявши черезъ васъ великую надежду, мы сочли нужнымъ открыть и наше страданіе), не знаю, какъ и выразить его безъ горечи. Точно недостаточно было божественныхъ словъ, точно они не имѣли никакого понятія объ опредѣленіяхъ и постановленіяхъ Отцовъ и соборовъ и презрѣли ихъ въ этомъ отношеніи точность, или они въ такомъ дѣлѣ оказались грубыми и невѣжественными,—не знаю даже, можетъ ли кто это выразить... ахъ, если-бы этого не было... дошла, говорю, до нашихъ ушей вѣсть, что нѣкоторые изъ западныхъ людей вводятъ новый догматъ, утверждая, что Божественный и всесвятой Духъ исходитъ не только отъ Бога Отца, но также и отъ Сына, и этимъ ученіемъ творятъ больной вредъ тѣмъ, кто имъ вѣритъ и повинуется». Затѣмъ Фотій пространно разбираетъ догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и призываетъ наконецъ Аквилейскаго митрополита возстать противъ этого ученія латинянъ и удержать отъ заблужденія другихъ, готовыхъ въ него впасть. «И какъ, говоритъ Фотій, не вздыхать и не оплакивать этого? Нужны большія усилія, чтобы не допустить дальше этого зла, чтобы не дать заразиться еще большему числу находящихся въ стадѣ Божіемъ. По этой причинѣ наша мѣрность призываетъ ваше совершенство, какъ великаго борца Церкви и стража, приставленнаго къ дому Израилеву, обнаружить ревность по Богѣ, которая таится въ вашемъ сердцѣ, свѣтящемся пламенемъ и, какъ-бы зажегши факелъ верховнаго священства, преподнести всѣмъ заблуждающимся спасительный свѣтъ и, вызвавши ихъ изъ заблужденія, направить къ благочестію, всему міру явленному». Въ заключеніе посланія Фотій желаетъ митрополиту Аквилейскому успѣха въ борьбѣ съ латинянами, чтобы не только возвратить впавшихъ въ заблужденіе на путь истины, но и заслужить себѣ вѣчную награду, достойную такого подвига. «О, если-бы», пишетъ онъ, «никто не явился подражателемъ этого злого дѣла и не сталъ повиннымъ

проклятію! Мало того, да умилосердится Христосъ Богъ нашъ надъ тѣми, которыхъ коварно увлекла злоба человѣкоубійцъ и заставила ихъ возстать противъ Его закона и слова! Да возвратитъ Онъ ихъ своею милостію и человѣколюбіемъ изъ заблужденія, да проститъ Онъ возставшихъ противъ Него, да поможетъ Онъ имъ исправиться, да сопричислитъ Онъ ихъ къ жребію покрывшихъ отцовскую срамоту и никого не допуститъ стать добычею и быть пожраннымъ лютымъ звѣремъ, зачинщикомъ и предводителемъ всякаго зла, въ то время какъ твоя почтенная глава ведетъ борьбу за ихъ спасеніе, воздвигаетъ трофеи побѣды противъ общаго врага рода человѣческаго, приноситъ Богу плодъ спасенія впавшихъ въ заблужденіе, къ которымъ и у насъ сохраняется неугасимая и несокрушимая любовь божественной благодати во Христѣ и Господѣ нашемъ».

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что Фотій какъ раньше вторичнаго утвержденія своего въ патріаршествѣ, такъ и послѣ того защищалъ открыто исхожденіе Св. Духа только отъ Отца, какъ православный и православно-мыслящій. Между тѣмъ противники Фотія вездѣ утверждаютъ, что онъ былъ осужденъ Іоанномъ VIII изъ-за Болгарскихъ дѣлъ. Такъ авторъ, собравшій разные документы, относящіеся къ Константинопольскому собору, низложившему Фотія, и приложенные къ третьей части актовъ этого собора, приведя письмо Адріана (т. VII Соборовъ, столб. 1421), говоритъ: «заявившій это Іоаннъ, занявшій престолъ послѣ Адріана, отлучилъ Фотія, когда послѣдній обманомъ обошелъ и подкупилъ Евгенія и другихъ посланныхъ въ Болгарію. Взявши евангеліе, Іоаннъ взошелъ на амвонъ и вслухъ всѣхъ произнесъ: кто не считаетъ Фотія осужденнымъ праведнымъ судомъ Божіимъ, какъ оставили его мои предшественники—святѣйшіе папы Николай и Адріанъ, да будетъ анаѳема». И въ другомъ мѣстѣ, именно въ сокращеніи актовъ собора, переписанныхъ для внесенія въ великую Церковь, тотъ-же авторъ считаетъ Фотія осужденнымъ Іоанномъ по тому-же поводу (столб. 1424): «изъ Болгаріи, замѣчаетъ онъ, Іоаннъ Евгенія и посланныхъ по дѣлу Болгаръ отправилъ въ Константинополь еще при жизни Игнатія; Фотій-же, захвативши ихъ, уже по смерти Игнатія, насиловалъ разными способами,

пока они, войдя въ общеніе съ Фотіемъ, не обманули всѣхъ. По возвращеніи въ Римъ, они были осуждены всенародно съ амвона и лишены своихъ мѣстъ папою Іоанномъ». Допустимъ, Іоаннъ отлучилъ Фотія изъ-за Болгарскихъ дѣлъ, но не то-же ли случилось изъ-за тѣхъ-же Болгарскихъ дѣлъ съ Игнатіемъ, который затѣмъ такъ и умеръ въ отлученіи? И развѣ изъ-за этого Игнатій не признается латинянами православнымъ (каѳоликомъ)? Нельзя поэтому причислять Іоанна къ Николаю и Адріану, отлучавшимъ Фотія за занятіе Константинопольскаго патріаршаго престола, и невѣрно, будто Фотій, какъ указывалъ вышеприведенный авторъ, былъ отлученъ папою Іоанномъ VIII. Не говоря уже о томъ, что этотъ авторъ, жившій послѣ временъ папы Стефана V-го, былъ изъ числа противниковъ Фотія и потому заслуживаетъ мало вѣроятія,—невѣрность его сообщенія ясно видна изъ его-же собственныхъ словъ. Онъ говоритъ: изъ-за Болгарскихъ дѣлъ былъ осужденъ Іоанномъ Фотій,—именно за то, что обошелъ Евгенія и другихъ легатовъ Іоанна, которыхъ по смерти Игнатія заставилъ съ собою соединиться и всѣхъ обмануть; легаты эти также были осуждены. Но если это случилось по смерти Игнатія, то, конечно, произошло раньше большого собора, на которомъ Фотій утвержденъ былъ патріархомъ, слѣдовательно прежде чѣмъ Іоаннъ черезъ помянутаго Евгенія и другихъ легатовъ подтвердилъ патріархатъ Фотія. Между тѣмъ яснѣе Божьяго дня, что отъ кончины Игнатія до времени этого собора между Фотіемъ и Іоанномъ не возникало никакихъ недоразумѣній. Ибо когда на мѣсто умершаго Игнатія ставится на патріаршій престолъ Фотій, тотчасъ-же отправляется восточными императорами къ Іоанну письмо съ просьбою утвердить патріархатъ Фотія. Тогда Іоаннъ и отправляетъ на востокъ своихъ легатовъ, въ томъ числѣ помянутаго Евгенія, съ тѣмъ чтобы они изслѣдовали дѣло Фотія и затѣмъ воротились; но они не воротились, согласно приказанію, а остались въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, хотя оказались они ослушниками, Іоаннъ присылаетъ имъ приказъ исполнить другое порученіе, именно присутствовать на составившемся соборѣ въ качествѣ его легатовъ и подать отъ его имени голосъ за утвержденіе Фотія патріархомъ. Послѣ этого Іоаннъ нисколько

ихъ не предавалъ осужденію, какъ невѣрно разсказываетъ означенный выше авторъ.

Это-же ясно подтверждаетъ и посланіе самаго Іоанна, писанное по тому-же поводу къ его легатамъ—Евгенію, Остійскому епископу, и Павлу, епископу Анконскому (посланіе CCIII, т. IX Соборовъ, столб. 148). Тутъ онъ пишетъ: «хотя вы дѣйствовали противно нашей волѣ, именно—придя въ Константинополь и изслѣдовавъ дѣло церковнаго мира и единенія, вы должны были воротиться въ Римъ и намъ обо всемъ точно доложить, и хотя первое посольство, вамъ порученное, вы не выполнили, какъ должно, и поэтому поручать второе посольство вамъ не слѣдовало-бы, однако, движимые благостію апостольскаго снисхожденія, мы и въ этомъ второмъ посольствѣ, которое должно быть въ точности выполнено, присоединяемъ васъ къ іеромонаху и пресвитеру кардиналу, намъ близкому человѣку Петру. Поэтому совмѣстно и по тщательномъ изученіи совершайте все, что должно быть исполнено для мира и единства Божіей Церкви, сообразно съ достоинствомъ нашей апостольской власти и согласно съ содержаніемъ нашей инструкціи, изложенной въ главныхъ чертахъ,—и такъ направляйте ваши дѣйствія, чтобы болѣе точнымъ исполненіемъ нашей воли заслужить нашу благосклонность, которую вы раньше утратили своимъ неповиновеніемъ».

Остальное достойное примѣчанія изъ другихъ писемъ Іоанна VIII мы привели выше. Итакъ если Фотій былъ отлученъ Іоанномъ послѣ смерти Игнатія, то какимъ образомъ около того же времени тѣмъ-же Іоанномъ могъ быть утвержденъ патріархатъ Фотія? Для всякаго очевидно, что это не вяжется одно съ другимъ. Наконецъ тоже доказывается ясно и «соборнымъ изслѣдованіемъ» Бекка (въ предисловіи), слова котораго мы ниже приведемъ. Вѣрнѣе то, что Фотій былъ отлученъ снова уже преемниками Іоанна: они желали подтвердить анаѳему, которую наложили на Фотія Николай съ Адріаномъ и IV Константинопольскій соборъ. Такъ Стефанъ V не захотѣлъ признать Фотія патріархомъ потому именно, что онъ былъ міряниномъ и былъ осужденъ Николаемъ и IV Константинопольскимъ соборомъ, какъ это явствуетъ изъ его посланія (т. IX Соборовъ, столб. 367—368); ему слѣдовалъ и

его преемникъ Формозъ (I посланіе къ Стиліану, столб. 428—429) и наконецъ Іоаннъ IX (тамъ-же столб. 994). Такимъ образомъ римскіе папы дѣлали самыя противорѣчивыя постановленія, опровергая другъ друга. Страсти и волненія были укрощены Іоанномъ VIII, отлученія, наложенныя Николаемъ и Отцами IV Константинопольскаго собора на Фотія, сняты, и осуждены всѣ, кто не сталъ бы впредь признавать его патріархомъ —все это мы выше видѣли. Какъ-же не устыдились преемники Іоанна VIII снова утвердить надъ Фотіемъ анаѳему, произнесенную Николаемъ и IV Константинопольскимъ соборомъ? Конечно, въ этомъ случаѣ они не только противорѣчили Іоанну, но оказались по справедливости повинны сами анаѳемѣ, наложенной имъ на не признававшихъ Фотія.

Что касается наконецъ дѣлъ Фотія, то онъ снова низлагается императоромъ Львомъ, преемникомъ Василія, но не потому, какъ утверждаютъ латиняне, что тотъ внялъ письму папы Стефана противъ патріархата Фотія, а потому что Фотій раньше стоялъ за другого претендента на императорскій престолъ и старался, чтобы его выбрали императоромъ. Это говоритъ самъ Стиліанъ, заклятый врагъ Фотія, въ письмѣ къ папѣ Стефану (т. IX Соборовъ, столб. 372). Этимъ мы закончимъ о Фотіи.

Итакъ, когда изъ дѣла легатовъ Николая, отправленныхъ въ Болгарію, стало всѣмъ извѣстно, что нѣкоторые изъ латинянъ употребляютъ символъ съ прибавкой, то тотъ-же соборъ, на которомъ утвержденъ былъ по смерти Игнатія патріархатъ Фотія, отвергши это новшество, призналъ неприкосновенность символа и постановилъ ничего къ нему не прибавлять, даже и вѣрнаго. Поэтому и легаты самого Іоанна VIII подписались подъ св. символомъ, прочитаннымъ неприкосновенно, безъ всякой прибавки на этомъ соборѣ. Это сообщаетъ цитированное посланіе Фотія къ митрополиту Аквилейскому, выдержку изъ котораго мы еще приведемъ въ другомъ мѣстѣ. Акты же этого собора среди латинянъ сохраняются въ цѣлости въ библіотекахъ—Ватиканской и Колумнійской, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Бароній подъ 879 годомъ. Изъ нихъ Беккъ составилъ книгу, озаглавленную— «объ единеніи и мирѣ церквей древняго и новаго Рима» и другую о томъ-же

предметѣ, озаглавленную— «о церковномъ мирѣ». Изъ этой одной только исторіи обнаруживается нелѣпость скандала. Эта книга въ рукописи Ватиканской библіотеки начинается такъ: «ἦν ἂν μακάριον ἀληθῶς, εἴγε τοῦ εὐαγγελικοῦ κηρύγματος» [1]) и пр. Въ ней выясняется полнѣйшее согласіе между Іоанномъ VIII, папою Римскимъ, и Фотіемъ Константинопольскимъ, въ особенности въ отправленіи собора, возстановившаго Фотія на патріаршемъ престолѣ. Изъ этого то сочиненія Бекка кто-то уже давно извлекъ все, что относится къ сказанному собору, и надписалъ такъ: «о святомъ и вселенскомъ соборѣ, который возстановилъ святѣйшаго патріарха Фотія на Константинопольскомъ престолѣ и разрѣшилъ соблазны двухъ церквей, т. е. древняго и новаго Рима».

Это извлеченіе изъ сочиненія Бекка, начинающагося словами: «ἦν ἂν μακάριον» находилось среди рукописей публичной Бодлеанской библіотеки въ Оксфордѣ; здѣсь оно было напечатано во II т., II ч. изданнаго тамъ же въ 1672 г. «собранія (пандекты) каноновъ св. апостоловъ и соборовъ, принятыхъ греческою церковью». Само-же сочиненіе Бекка, изъ котораго извлечены акты вышеозначеннаго собора, находится, какъ сказано, въ Ватиканской библіотекѣ. Изъ первыхъ строкъ его (стр. 273) видно, что на этомъ соборѣ легаты Іоанна VIII находились въ согласіи съ Фотіемъ. Вотъ что здѣсь говорится: «было-бы безъ сомнѣнія счастіемъ, если бы простая и ясная проповѣдь евангелія процвѣтала всегда. Послѣ того какъ по смерти Николая, а затѣмъ Адріана наслѣдовалъ апостольскій престолъ папа Іоаннъ, онъ рѣшительно отказался отъ вражды противъ Фотія, но послѣ его возстановленія на патріаршемъ престолѣ немедленно его призналъ. Тогда Фотій собираетъ въ Константинополѣ соборъ изъ болѣе чѣмъ трехъ сотъ съѣхавшихся архіереевъ, издаетъ каноны и все, что ни было сказано, или сдѣлано противъ римской Церкви въ періодъ разногласія, предаетъ анаѳемѣ и въ числѣ актовъ единенія, изданныхъ этимъ соборомъ, провозглашаетъ въ своихъ рѣчахъ и актъ единенія съ самимъ Іоанномъ, главою раньше поносимой имъ Церкви». Это мѣсто, съ опущеніемъ нѣкоторыхъ

[1]) Было-бы поистинѣ счастьемъ, если-бы проповѣдь евангелія...

словъ въ началѣ, и много другихъ изъ того-же Бекковскаго «соборнаго изслѣдованія» приводитъ и Левъ Аллятій въ своемъ «согласіи христіанскихъ народовъ Азіи, Африки и Европы въ догматахъ католической вѣры,» Майнцъ 1655—въ посланіи о непрерывномъ единомысліи латинской и греческой Церкви, стр. 114 и слѣд.—

Между прочимъ другимъ, что сюда не относится, вотъ что еще говоритъ анонимный авторъ извлеченія изъ Бекка (стр. 285 указаннаго изданія): «въ этомъ шестомъ дѣяніи провозглашено было общее опредѣленіе или святой символъ вѣры, который читается такъ, какъ теперь, причемъ присутствовавшіе тамъ (на соборѣ) представители Рима и остальныхъ великихъ престоловъ не внесли никакого возраженія противъ того, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца». И далѣе (стр. 288): «святѣйшіе пресвитеры и легаты стараго Рима воскликнули: прилично, чтобы никакое другое опредѣленіе (вѣры) не устанавливалось вновь, но чтобы было читано и подтверждено это древнее, по всему міру господствующее и славимое. Затѣмъ и Фотій, святѣйшій патріархъ, сказалъ: да будетъ читано согласно рѣшенію братьевъ и соіереевъ нашихъ. И по его приказанію Петръ, Діаконъ и Протонотарій, прочиталъ: Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа святое и божественное ученіе—въ лонѣ ума, истиннымъ разумѣніемъ и твердою чистотою вѣры—и святыхъ Его учениковъ и апостоловъ установленія и каноническія правила постоянѣйшимъ рѣшеніемъ уравнивая и наблюдая, а также и святыхъ семи вселенскихъ соборовъ внушеніемъ Одного и Того-же и Единственнаго Святаго Духа направляемыхъ и воздѣйствуемыхъ уставъ и каноническія опредѣленія въ неприкосновенности—искреннимъ, чистымъ и несокрушимымъ разумѣніемъ почитая и сохраняя,—извергаемъ тѣхъ, кого извергли, принимаемъ-же и достойными пріятія считаемъ тѣхъ, которыхъ, какъ единомышленниковъ и учителей благочестія, считали достойно заслужившими честь и святое почитаніе. Такъ объ этомъ думая и проповѣдуя, опредѣленіе чистой христіанской вѣры, идущее изъ древности отъ Отцовъ и до нашего времени, и умомъ, и устами одобряемъ и всѣмъ твердо и громко объявляемъ,—ничего не убавляя, ничего

не прибавляя, ничего не измѣняя, ничего не повреждая: ибо убавленіе, или прибавленіе, даже не возбуждая ереси въ орудіяхъ зла, наноситъ непремѣнно неизвинительную обиду тѣмъ, кто безукоризненъ, и Отцамъ; а измѣнить опредѣленія Отцовъ посредствомъ поврежденія словъ—еще гибельнѣе. Посему настоящій святой и вселенскій соборъ, обнимая божественною любовью и правымъ разумѣніемъ опредѣленіе вѣры, бывшее изначала, почитая его съ божественною ревностью и полагая въ немъ и строя на немъ твердыню спасенія, мыслитъ и призываетъ проповѣдывать всѣмъ такъ: вѣрую во Единаго Бога—и далѣе, какъ слѣдуетъ въ святомъ символѣ до самаго конца. Такъ мы мыслимъ; въ этомъ исповѣданіи вѣры мы были крещены; черезъ него слово истины показало всякую ересь сломленною и разрушенною; тѣхъ, кто такъ-же мыслитъ, называемъ братьями, отцами и считаемъ сопаслѣдниками вышняго царствія. Если-же кто осмѣлится издать иное изложеніе, кромѣ этого святого символа, блаженными и святыми Отцами намъ переданнаго, и назвать опредѣленіемъ вѣры, чтобы отнять достоинство исповѣданія этихъ божественныхъ мужей и придать его многорѣчивымъ своимъ хитросплетеніемъ, и это ученіе предложитъ вѣрующимъ, или тѣмъ, которые возвратились отъ какой-нибудь ереси, и подложными словами, или прибавками, или убавленіями задумаетъ извратить древность сего святого и досточтимаго опредѣленія: того, согласно съ рѣшеніемъ святыхъ и вселенскихъ соборовъ, давно до насъ изданнымъ, если онъ будетъ въ священномъ санѣ, подвергаемъ низложенію,—а если онъ—мірянинъ, обрекаемъ анаѳемѣ.—Когда это было прочитано, священное собраніе воскликнуло: мы всѣ такъ мыслимъ, такъ вѣруемъ, въ этомъ исповѣданіи и крещены были, и оказались достойными священническаго сана; а тѣхъ, кто иначе мыслитъ, считаемъ врагами Бога и истины. Если кто дерзнетъ, помимо сего святого символа, издать другой, либо осмѣлится прибавить, или убавить и назвать это опредѣленіемъ, да будетъ осужденъ и изверженъ изъ всякаго христіанскаго исповѣданія. Ибо прибавить, или убавить—это значитъ показать, что наше исповѣданіе святой и единосущной Троицы, издревле до днесь идущее, несовершенно. Итакъ, если кто, впавши въ такое

безуміе, осмѣлится (какъ сказано было) иной символъ издавать и называть его опредѣленіемъ, или дѣлать прибавленіе, или убавленіе отъ того символа, который намъ переданъ святымъ и вселенскимъ великимъ соборомъ, да будетъ анаѳема. Илія, преподобнѣйшій пресвитеръ и посолъ Іерусалимскій, и Косма, пресвитеръ Александрійскій, сказали: да будетъ анаѳема, кто не исповѣдуетъ этотъ общій символъ».

Совершенно такія-же выраженія Фотія приводитъ въ дѣяніи III и IV авторъ «записки о VIII соборѣ», который присоединяетъ ихъ во II т., II ч. «собранія каноновъ и соборовъ, принятыхъ греческою церковью» къ означенному «извлеченію» изъ Бекка стр. 301 и сл. и 305. Подобное-же изъ Ватиканской рукописи сообщаетъ Баронiй подъ 879 годомъ.

Ни одинъ латинянинъ не станетъ отрицать, что все это постановлено было соборомъ противъ латинянъ, внесшихъ въ святой символъ прибавку объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. И никакая другая прибавка не могла быть тутъ поводомъ такого пространнаго разсужденія о прибавленіяхъ, такъ какъ во времена Фотія и ближайшія, кромѣ разногласія въ ученіи о Св. Духѣ, не было другихъ споровъ. Такимъ образомъ упомянутый соборъ противъ прибавки къ символу исхожденія Св. Духа отъ Сына постановилъ, что ничто не можетъ быть прибавлено къ св. символу, даже и вѣрное: «ибо», сказано въ опредѣленіи, «убавленіе или прибавленіе (т. е. къ символу), даже не возбуждая ереси со стороны злонамѣренныхъ людей, наноситъ памѣренно неизвинительное оскорбленіе тѣмъ, кто не заслуживаетъ укоризны, и Отцамъ; а опредѣленія Отцовъ измѣнять, извративши ихъ слова, еще гибельнѣе». Если-же по указанной причинѣ соборъ изгналъ обнаруженную прибавку къ символу латинянъ; если онъ осудилъ въ составѣ 383-хъ собравшихся Отцовъ вмѣстѣ съ замѣстителями и послами остальныхъ патріаршескихъ престоловъ, причемъ подтвердили это своимъ согласіемъ и представители Римскаго престола, всякаго, кто прибавитъ къ святому символу что-нибудь даже и истинное, то ясно, что анаѳемѣ этой подлежатъ всѣ, кто употребляетъ эту прибавку, кто за эту прибавку, вопреки опредѣленію вселенскаго собора, воюетъ, какъ за алтари и жертвен-

ники. Конечно, собравшіеся въ такомъ количествѣ на соборъ Отцы были—каѳолики и таковыми признаны они папою Іоанномъ VIII. Какъ къ каѳоликамъ, отправлялъ онъ къ нимъ своихъ легатовъ, и послѣдніе засѣдаютъ съ ними, какъ съ каѳоликами, на соборѣ. Внѣ сомнѣнія, что на этотъ соборъ явились многіе изъ восточныхъ іерарховъ, низложившихъ Фотія съ патріаршаго престола на IV Константинопольскомъ соборѣ. Было-бы нелѣпостью думать, что въ такой короткій промежутокъ времени [1]), которое протекло между этими двумя соборами, всѣ Отцы, засѣдавшіе на первомъ изъ нихъ, перемерли. Напротивъ, мы видимъ здѣсь Илію, замѣстителя Іерусалимскаго патріарха, который представлялъ собою ту-же особу на IV Константинопольскомъ соборѣ, что выше мы замѣтили изъ приведенныхъ его словъ. Притомъ послѣдній соборъ состоялся еще при жизни Василія, и, конечно, даже по убѣжденію латинянъ, низложившіе на этомъ соборѣ Фотія были каѳоликами. Наконецъ, когда акты второго собора впослѣдствіи доложены были Іоанну VIII, онъ въ нихъ не одобрилъ только того, что его посланіе не было на соборѣ прочитано цѣликомъ и что Фотій не испросилъ прощенія. Это видно изъ его выше приведеннаго CCL-го посланія. А если съ остальнымъ, что на этомъ соборѣ сдѣлано, Іоаннъ согласился,—ясно, онъ подтвердилъ между прочимъ осужденіе прибавленія къ символу даже и чего-нибудь истиннаго.

Итакъ этотъ соборъ, который единодушно осудилъ всякую прибавку къ символу, несомнѣнно былъ каѳолическимъ; притомъ, что соборъ этотъ удерживаетъ свое значеніе въ латинской Церкви, видно также изъ того, что Граціанъ [2]) одно его правило (каноиъ) внесъ въ свой декретъ (положеніе VII, вопросъ I, гл. I: «отнюдь не» и пр.). Нельзя не признать, что Граціанъ внесъ многое и

---

[1]) Протекло не болѣе 10 лѣтъ: соборъ противъ Фотія былъ собранъ въ 869 г., а за Фотія въ 879 г *Прим. пер.*

[2]) Граціанъ, итальянскій монахъ XII в., авторъ компиляціи, извѣстной подъ именемъ «декрета», который служитъ основою каноническаго права у католиковъ. *Прим. пер.*

изъ скрытыхъ источниковъ [1]) въ свою «рапсодію»; но нужно замѣтить, что Григорій XIII просматривалъ и исправлялъ декретъ Граціана и ничего не замѣтилъ противъ этого собора. И исправители, назначенные Григоріемъ, прибавляютъ, что въ Ватиканской библіотекѣ существуетъ этотъ греческій соборъ (т. е. акты его), изъ котораго они очень полно какъ по гречески, такъ и по латыни приводятъ означенное правило вмѣстѣ съ изложеніемъ того, что дѣлалось, и слѣдовательно принимаютъ этотъ соборъ за законный и имѣющій полную силу. Точно такъ же и полякъ Мартинъ въ жизнеописаніи Іоанна VIII говоритъ: «около этого времени состоялся V соборъ въ Константинополѣ, на которомъ присутствовали 383 Отца; предсѣдательствовалъ на немъ Петръ, Кардиналъ пресвитеръ, Павелъ, епископъ Анконскій, и Евгеній, епископъ Остійскій, апокрисіаріи папы». И этотъ писатель упоминаетъ о данномъ соборѣ, какъ о законномъ.—

Но такъ какъ этотъ соборъ мѣшаетъ латинянамъ и какъ-бы однимъ ударомъ, подобно молніи, разбиваетъ ихъ прибавку къ символу, то теперь обыкновенно, руководясь Бароніемъ, они утверждаютъ, что соборъ этотъ измышленъ Фотіемъ. Вотъ что говоритъ Бароній подъ 879 годомъ: «на конецъ—о Фотіевскомъ соборѣ, въ этомъ году начатомъ и въ слѣдующемъ закопченномъ. Относительно него то удивительно, что нѣтъ ни одного изъ греческихъ историковъ, описывающихъ событія царствованія императора Василія, который упоминалъ-бы объ этомъ Фотіевскомъ соборѣ; тогда какъ, наоборотъ, почти всѣ дѣлаютъ упоминаніе о VIII законномъ вселенскомъ соборѣ, на которомъ Фотій низверженъ съ престола. Именно—ни Куроналатъ, ни Кедринъ, ни Зонара, ни Гликасъ, ни Константинъ Манасъ ни слова не говорятъ объ этомъ соборѣ, между тѣмъ, если бы онъ былъ, и при томъ столь многочисленный, да еще издалъ осужденіе вселенскаго собора, то его, кажется, нельзя было пройти молчаніемъ. Отсюда возникаетъ подозрѣніе, что весь этотъ соборъ былъ сочиненъ перомъ Фотія и разукрашенъ его лживою кистью, какъ мы доказали это относительно другихъ его дѣйствій».

---

[1]) Латиняне скрывали акты собора, о которомъ идетъ рѣчь, какъ имъ неблагопріятные. *Прим. пер.*

Но, во-первыхъ, что не измышленъ этотъ соборъ Фотіемъ, явствуетъ изъ словъ самого Іоанна VIII, въ которыхъ онъ упоминаетъ объ этомъ соборѣ. Такъ онъ въ посланіи CCL (т. IX Соборовъ, столб. 180,—то-же и въ посланіи CCLI къ императорамъ —181) говоритъ, обращаясь къ Фотію: «мы принимаемъ то, что учинено милостивымъ соборнымъ опредѣленіемъ въ Константинополѣ относительно твоего возстановленія; и если, можетъ быть, наши легаты на этомъ соборѣ дѣйствовали противъ нашего апостольскаго предписанія, то мы не принимаемъ и не придаемъ этому никакого значенія». Далѣе Іоаннъ номинаетъ своихъ легатовъ, назначенныхъ на этотъ соборъ, именно: Петра, Кардинала—пресвитера, Павла, епископа Анконскаго, и Евгенія Остійскаго; выдержку изъ письма CCIII относительно Фотія къ Павлу и Евгенію мы выше привели. Далѣе Іосифъ Бріеннскій свидѣтельствуетъ, что еще въ его время сохранялись въ Константинопольскихъ архивахъ рукописей подписи латинскихъ легатовъ на этомъ соборѣ. Такъ онъ говоритъ (VIII слово о Св. Троицѣ—у Льва Аллатія, во II кн. его «согласія восточной и западной Церкви,» гл. V, номеръ III): «по прошествіи 75 лѣтъ отъ названнаго VII собора, въ царствованіе Василія Македонянина, въ Царь-градѣ другой соборъ былъ созванъ, и причина этого съѣзда, на которомъ все рѣшено было согласно съ волею папы и съ желаніемъ императора, была слѣдующая: возстановить святѣйшаго Фотія на Византійскомъ (патріаршемъ) престолѣ и изгнать изъ Церкви и сокрушить тѣхъ, которые къ общему ужасу коварно дерзали говорить, что Духъ исходитъ отъ Сына. Это соборъ превосходно выполнилъ. Съ этимъ соборомъ согласился и святѣйшій папа Іоаннъ, тогда предстоявшій римской Церкви, черезъ своихъ замѣстителей—Кардинала—Пресвитера Петра и епископовъ Павла и Евгенія,—и подвергъ анаѳемѣ того, кто впослѣдствіи дерзнулъ бы прибавить, или отнять. За него росписались замѣстители собственноручно и римскимъ письмомъ, или вѣрнѣе, онъ самъ подписалъ (рѣшеніе собора) черезъ нихъ. Ихъ подписи сохраняются до сего дня въ великой Церкви. А если вы очень желаете знать, подъ какими догматами подписались приведенныя выше лица и чрезъ нихъ святѣйшій папа, то узнаете, если пере-

читаете шестое дѣяніе этого собора.» Затѣмъ Зонара, Вальсамонъ и Матѳей Властарій въ своихъ комментаріяхъ на каноны соборовъ также приводятъ нѣкоторые каноны этого собора. Даже и Беккъ, защитникъ латинства, собралъ акты этого собора въ нѣкоторомъ изслѣдованіи, какъ мы это выше видѣли. Изъ этого-же собора одинъ канонъ вставилъ въ свое «наставленіе» (декретъ) Граціанъ (положеніе VII, вопросъ I, въ главѣ: «отнюдь не слѣдуетъ» и пр.). Онъ говоритъ: «посему въ V дѣяніи Константинопольскаго собора 383 Отца при папѣ Іоаннѣ VIII, подъ предсѣдательствомъ Кардинала—пресвитера Петра и епископовъ Павла Анконскаго и Евгенія Остійскаго, сказали: отнюдь не слѣдуетъ и пр.». То-же совершенно подтверждаетъ Ивонъ въ своемъ «наставленіи» (ч. VII, гл. CXLIX); слова Мартина Поляка мы выше привели. Мануилъ Калека, разсуждая въ пользу латинянъ (кн. IV, стр. 319, т. XIV Кельнской библіотеки Отцовъ), говоритъ: «большая часть восточныхъ епископовъ съ нимъ (Фотіемъ) не примирилась, но, отдѣлившись отъ него, не хотѣли называть патріархомъ. Поэтому онъ просилъ римскаго первосвященника, такъ какъ на немъ главнымъ образомъ лежитъ забота о Церкви, послать по обычаю Римскаго престола легатовъ въ Царьградъ, чтобы они его (Фотія) посѣтили, обо всемъ вмѣстѣ порѣшили и несогласныхъ епископовъ примирили между собою и съ патріархомъ. Посылаются двое; тогда составился соборъ въ оградѣ храма, прославленнаго именемъ Божіей премудрости, для соглашенія и примиренія между собою восточныхъ іерарховъ. Этотъ соборъ нѣкоторые называютъ восьмымъ». Однако этотъ писатель не признаетъ, чтобы на этомъ соборѣ что нибудь было сдѣлано относительно прибавки къ символу. О Григоріанскихъ справщикахъ «наставленія» (декрета) Граціана мы только что говорили.

Итакъ, какимъ образомъ можно сказать, что Фотій выдумалъ этотъ соборъ, когда о немъ свидѣтельствуетъ самъ Іоаннъ VIII и столько другихъ писателей? Однако, говорятъ, о немъ не упоминаютъ греческіе историки, писавшіе о царствованіи императора Василія, между тѣмъ какъ почти всѣ упоминаютъ о соборѣ, низложившемъ Фотія. Но странно было бы искать у писателей политическихъ и свѣтскихъ вѣрнаго сообщенія о соборахъ,

и если они, имѣя въ виду описывать только свѣтскія обстоятельства, умалчиваютъ о какомъ нибудь церковномъ событіи, то это не значитъ, что этого событія и не существовало. Невѣрно также утвержденіе, что всѣ историки отмѣтили соборъ, низложившій Фотія. Такъ Кедринъ (въ «сокращеніи исторіи» ч. II, стр. 569 Парижскаго изд. 1647 г.), Зонара (т. III лѣтописей, стр. 134, Базельское изданіе 1557 г.), Константинъ Багрянородный (номеръ XXV, стр. 65, кн. II συμμίκτων (смѣси) Льва Аллатія, изд. въ Кельнѣ 1653 г.) упоминаютъ объ этомъ соборѣ. Но за то многіе другіе не дѣлаютъ о немъ никакого упоминанія. Такъ Левъ Грамматикъ (въ лѣтописи при описаніи жизни императора Василія, стр. 471, изд. въ Парижѣ 1655 г. вмѣстѣ съ лѣтописью Θеофана) пишетъ: «императора, пришедшаго въ церковь и приготовившагося къ принятію св. таинъ, Фотій назвалъ разбойникомъ и убійцею, недостойнымъ святого причастія. Взбѣшенный императоръ послалъ въ Римъ и по рѣшенію римскихъ епископовъ получилъ писанное опредѣленіе противъ него (Фотія), смѣстилъ его съ престола и во второй разъ назначилъ Игнатія святѣйшимъ патріархомъ». Константинъ Манасъ (въ «сокращенномъ временникѣ», стр. 105 Парижскаго изд. 1655 г.) также замѣчаетъ только: «а преступный Фотій низвергается съ престола». Далѣе—Іоиль (въ «сокращенной лѣтописи», стр. 179, Парижскаго изд. 1651 г. вмѣстѣ съ исторіею великаго логоѳета Георгія Акрополита) говоритъ: «прогнавши Фотія за то, что тотъ укорялъ его въ убійствѣ Михаила, онъ (Василій) назначаетъ вторично патріархомъ святого Игнатія. По смерти Игнатія снова назначается Фотій». Наконецъ Михаилъ Гликасъ (ч. IV лѣтописей, стр. 293, Парижскаго изд. 1660 г.) замѣчаетъ: «тогда Варда приходитъ въ бѣшенство, отставляетъ Игнатія и на его мѣсто возводитъ Фотія». Итакъ, какъ могъ Баронiй, не краснѣя, утверждать, что всѣ почти историки упомянули о IV Константинопольскомъ соборѣ, когда яснѣе Божьяго дня, что многіе изъ нихъ не дѣлаютъ о немъ никакого упоминанія? Что было бы, если бы и остальные не отмѣтили этого собора, или не писали исторіи, либо ихъ лѣтопись до насъ не дошли? Развѣ оттого этотъ IV Константинопольскій сталъ бы вымышленнымъ? При томъ какъ можно

утверждать, что Зонара не зналъ этого пятаго Константинопольскаго собора (хотя онъ упоминаетъ въ своей исторіи не объ этомъ, а четвертомъ Константинопольскомъ), когда онъ каноны этого собора приводитъ въ своихъ комментаріяхъ на каноны соборовъ? Конечно, ясно отсюда вытекаетъ, что доказательство Баронія, основанное на умолчаніи историковъ, не имѣетъ никакой силы. Куропалатъ же ничего не могъ говорить про этотъ соборъ, такъ какъ онъ, продолжая только исторію Кедрина, началъ со времени императора Никифора, съ 1078 г. Наконецъ—не вѣрно и то, будто этимъ V соборомъ былъ осужденъ IV Константинопольскій соборъ: онъ только снялъ анаѳему, наложенную послѣднимъ на Фотія. Да и какъ могло это случиться въ виду того, что множество Отцовъ, присутствовавшихъ на V соборѣ, засѣдали и на IV-мъ; имъ, выходитъ, приходилось предавать осужденію самихъ себя?

Что вообще въ этомъ (IX) вѣкѣ Греческая церковь держалась ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца, видно также изъ нижеслѣдующихъ словъ библіотекаря Анастасія, жившаго во время Іоанна VIII (посланіе къ діакону Іоанну, т. V Соборовъ, столб. 1771): «кромѣ того, истолковали мы изъ посланія того-же св. Максима къ пресвитеру Марину то, что относится къ исхожденію Св. Духа. Въ немъ онъ напрасно намекаетъ, будто греки обвиняютъ насъ за то, что мы не считаемъ Сына причиною или началомъ Св. Духа такъ, какъ они думаютъ; но зная единство сущности Отца и Сына, мы будто бы исповѣдуемъ, что Онъ исходитъ отъ Сына такъ же, какъ отъ Отца, т. е. понимая посланничество за исхожденіе. Благочестиво толкуя, научая для мира знающихъ тотъ и другой языкъ, онъ учитъ и насъ, и грековъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи Духъ Святый исходитъ, а въ нѣкоторомъ не исходитъ отъ Сына». Эти слова Анастасія доказываютъ, что еще въ его время латиняне понимали подъ исхожденіемъ посланничество; равнымъ образомъ изъ нихъ вытекаетъ, что въ этомъ вѣкѣ (IX) греки отрицали, что Сынъ есть начало Св. Духа. При этомъ Анастасій упоминаетъ о грекахъ—не какъ объ отдѣлившихся отъ общенія съ каѳолическою Церковью, но—какъ о признаваемыхъ каѳоликами всею западною Церковью.

Что греки уже въ это время возмущались ученіемъ латинянъ, видно также и изъ того, что нѣкоторые греки распространили на востокѣ и донесли Фотію, будто Іоаннъ VIII одобряетъ догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и прибавку къ символу, при чемъ то и другое они признавали страшнымъ заблужденіемъ. Такъ—самъ Іоаннъ VIII въ посланіи къ Фотію (въ вышеуказанномъ мѣстѣ) говоритъ: «намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ окружающихъ васъ, мало заботясь о мирѣ и пренебрегая истиною, дурно говорятъ о нашей церкви. Дѣло дошло до того, что твое братство готово враждебно относиться къ намъ и нашимъ подчиненнымъ. И они нашли случай, по моему мнѣнію, благопріятный для ихъ намѣренія, какъ покажетъ это предъидущая рѣчь и Богъ свыше за насъ посвидѣтельствуетъ. Однако они, подобно тѣмъ, кто подмѣшиваетъ вино водою, кое-что примѣшиваютъ, выдумывая ложь сами отъ себя. И нѣтъ ничего тутъ удивительнаго: нужно тому, кто былъ изначала строителемъ зла и положилъ вражду къ Богу, а затѣмъ отлучилъ нашего прародителя отъ любви Творца и сдѣлалъ его враждебнымъ своему Создателю, и теперь имѣетъ нѣкоторыхъ слугъ себѣ и возбуждать ихъ, чтобы сѣять соблазнъ между церквами. Я же, обращая взоръ къ виновнику истины Христу, отнявшему вражду отъ своей плоти, сколько могу, стараюсь заградить уста этихъ злорадныхъ людей. Посему раньше, чѣмъ твое братство мнѣ что-нибудь укажетъ, рѣшилъ тебѣ это объявить, чтобы ты, о нашихъ обстоятельствахъ достаточно извѣщенный, менѣе давалъ вѣры тѣмъ, которые стараются ссорить и опорочивать, но чтобы ихъ прогналъ и другихъ заставилъ не придавать вѣры ихъ словамъ». И осудивши затѣмъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына и прибавку его къ символу, Іоаннъ прибавляетъ: «кто насъ обвиняетъ въ томъ, что мы такъ мыслимъ, неправо насъ обвиняетъ». Для всякаго очевидно, что Іоаннъ тутъ осуждаетъ помянутыхъ грековъ не за ихъ непризнаніе догмата исхожденія Св. Духа отъ Сына, а за то только, что они несправедливо донесли Фотію, будто онъ одобряетъ этотъ догматъ и прибавку его къ символу.—

Писалъ въ то время (IX в.) объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца противъ латинянъ и *Митрофанъ,* митропо-

литъ Смирнскій, по свидѣтельству Петра Ламбеція (кн. III замѣтокъ о Виндобонской или Вѣнской библіотекѣ, стр. 104, Вѣнское изданіе 1670 г.; въ кодексѣ LX въ греческой богословской рукописи той-же библіотеки, на листѣ 79, стр. 1 и 2), который говоритъ: «существуетъ отрывокъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца, произведеніе того-же Митрофана». Это сочиненіе онъ затѣмъ называетъ схизматическимъ. Начинается оно такъ: «εἰ ἐξ ἑνὸς αἰτίου τοῦ πατρὸς ὁ υἱὸς καὶ τὸ πνεῦμα προάγεται, καὶ τὸ μὲν ἐκπορευτῶς, τὸ δὲ γεννητῶς» (т. е.— «если изъ одной причины— Отца происходятъ и Сынъ и Духъ (Святый), то Одинъ чрезъ исхожденіе, а другой—черезъ рожденіе» и пр.).

X вѣкъ.

Императоръ *Левъ Мудрый* [1]) въ концѣ «слова на пятидесятницу» (вопр. IV изъ девяти его словъ, стр. 339. Изданы вмѣстѣ съ двойнымъ комментаріемъ Григорія Нисскаго на надписаніе псалмовъ—Яковомъ Гретсеромъ 1610 г.) говоритъ: «почитаютъ же (Духа Святаго) тѣ, которые исповѣдуютъ, что Онъ—Богъ равной съ Отцомъ и Сыномъ славы, могущества, почитанія и поклоненія, раздѣляетъ (съ Ними) все, кромѣ тѣхъ (свойствъ), которыми различаются ипостаси, имѣетъ все, что слѣдуетъ имѣть Богу;—что Онъ—Творецъ,—не сотворенъ, содержитъ твари, освящаетъ, все непостижимымъ образомъ наполняетъ; (почитаютъ Его тѣ), которые не только не вводятъ ничего новаго относительно Его природы, но и не относятъ Его происхожденія къ двумъ причинамъ. Ибо то и другое не согласно съ правильнымъ ученіемъ; одно принадлежитъ тѣмъ, которые Творца низводятъ въ разрядъ тварей,—другое—тѣмъ, которые вводятъ много началъ въ единоначальную Тройцу. Итакъ—нужно почитать Духа Святаго, какъ Бога». Обличая здѣсь тѣхъ, кто полагаетъ два начала или двѣ причины Духа Святаго, Левъ, очевидно, намекаетъ не на кого другого, какъ на тѣхъ изъ латинянъ, которые до того

---

[1]) Левъ, наслѣдовавши въ 886 г. своему отцу Василію Македонянину, немедленно прогналъ Фотія, своего воспитателя, съ патріаршества; умеръ въ 911, или около этого года. *Прим. пер.*

времени утверждали, что двѣ причины Духа Святаго—Отецъ и Сынъ,—ибо никому другому не могъ онъ бросить такой упрекъ. Поэтому издатель Гретсеръ на полѣ противъ этого мѣста (стр. 340) замѣчаетъ: «заблужденіе схизматиковъ грековъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца».

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 331) Левъ говоритъ: «прославилъ Бога и Отца—Онъ, родившійся прежде денницы Богъ; прославляетъ Единороднаго Сына—Онъ, исшедшій вмѣстѣ съ Нимъ отъ Отца Богъ; Онъ, т. е. Духъ Святый».—Если бы Левъ вѣрилъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то, конечно, по необходимости сказалъ бы: «прославляетъ Сына, исшедшій отъ Него (а не съ Нимъ) и отъ Отца Духъ». И черезъ нѣсколько строкъ продолжаетъ: «ни въ комъ ненуждающійся Богъ Отецъ раждаетъ равнаго Себѣ Бога Сына и производитъ равнаго Себѣ всеблагаго Духа,—при чемъ Божество не разъединилось (не разсѣклось) черезъ дѣленіе лицъ, но безъ сліянія ихъ объединилось въ исчисленіи Троицы, такъ что ничто не родилось позднѣе и не изъ несущаго, а потому ничто не новое и не недавнее, но лица совѣчны и собезначальны, равной чести и славы, различающіяся только въ отношеніи начала, рожденія и исхожденія такимъ образомъ, что Отецъ есть начало Сына и Духа Святаго,—Сынъ раждается, а Духъ Святый исходитъ». Божественныя ипостаси, говоритъ этотъ писатель, во всемъ сходятся, различаются только въ отношеніи начала, «рожденія» и «исхожденія»,—именно: такъ какъ Отецъ есть начало Сына и Духа Святаго, то Сынъ раждается, Духъ Святый—исходитъ. Такимъ образомъ—Одному только Отцу онъ приписываетъ начало Сына и Духа Святаго, какъ Одному только Сыну—рожденіе и Одному только Духу Святому—исхожденіе. Если же не иначе между собою различаются божественныя ипостаси, какъ только въ указанномъ отношеніи, то, конечно, ясно, что Сынъ отличается отъ Духа Святаго только въ отношеніи рожденія, а не въ отношеніи начала, а потому Духъ Святый отнюдь не исходитъ отъ Сына.

Приводимый здѣсь императоръ Левъ былъ каѳоликомъ и таковымъ признанъ самимъ папою Римскимъ. Легаты папы Сергія приходили къ нему, какъ къ каѳолику, и одобрили его четвертый

бракъ. До тѣхъ поръ существовало еще неразрывное единство между восточной и западной церковью, и только по случаю помянутаго четвертаго брака императора Льва имена папъ—Сергія, Анастасія, Іоанна X въ Константинополѣ были вычеркнуты изъ диптиха и не поминались. Такъ объ этомъ четвертомъ бракѣ Льва патріархъ Константинопольскій Николай писалъ въ посланіи къ папѣ Анастасію (посланіе писано въ 910 г. т. IX Соборовъ, столб. 1264): «съ того начинаю писать, блаженнѣйшій отецъ, съ чего проистекло для насъ столько бѣдъ. Послѣднее условіе я со слезами предложилъ, чтобы онъ (Левъ) подождалъ вступать въ связь съ извѣстною женщиною хоть до тѣхъ поръ, пока собранные послы изъ Рима и отъ другихъ патріаршихъ престоловъ вмѣстѣ съ нами разрѣшатъ, что нужно дѣлать. Такими безполезными (ибо страсть закрывала его уши) рѣчами я утомлялъ царя; между тѣмъ являются изъ Рима легаты, которыхъ онъ (такъ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе) вызвалъ для утвержденія брака. Не безъизвѣстна мнѣ распускаемая про меня клевета, что я изъ гордости отказался видѣть и говорить съ легатами,—какъ будто мнѣ безопасно было явиться предъ людьми, пылающими ко мнѣ ненавистью, такъ какъ многіе разсѣевали слухъ, что они явились для утвержденія неодобряемаго нами брака,—и какъ будто я самъ не убѣждалъ императора отвести въ своемъ дворцѣ секретное мѣсто, гдѣ бы мы могли сойтись съ легатами и безъ свидѣтелей разрѣшить брачный вопросъ. Но онъ пренебрегъ это сдѣлать. Что намъ могла грозить опасность и не лишняя съ нашей стороны была предосторожность, показывала запосчивость легатовъ: они стали бороться съ нами самымъ недостойнымъ образомъ, точно они присланы были сюда изъ Рима для объявленія намъ войны. Такая ненависть намъ гонимымъ и такое презрѣніе къ нашему сану охватили этихъ людей! Имъ слѣдовало, присвоивая себѣ церковное первенство, изслѣдовать все дѣло серьезно и донести верховному первосвященнику, а не съ нарушеніемъ всякаго права и въ насмѣшку согласиться на осужденіе тѣхъ, которые, ни въ чемъ неповинные, навлекли на себя гнѣвъ государя тѣмъ только, что съ отвращеніемъ отвернулись отъ позора блудодѣянія. Но пусть два или три человѣка,

изгнанные по навѣтамъ ли клеветниковъ, или по просьбѣ власть имущихъ, или вслѣдствіе подкупа, пострадали; кто допуститъ, чтобы западные предсѣдатели, побуждаемые чистою ложью враговъ, скрѣпили своимъ рѣшеніемъ ссылку невинныхъ»?—И затѣмъ (въ столбцѣ 1267) продолжаетъ: «и не съ тѣмъ намѣреніемъ я это говорю, чтобы вызвать ваше проклятіе на императора, осмѣлившагося на такое беззаконіе, и на самаго Сергія, вашего предшественника. Не такова моя цѣль, да и неприлично слугамъ Бога желаніе такой мести. Они оба уже ушли изъ этой жизни. На тѣхъ, блаженнѣйшій отецъ, нужно обратить вниманіе, которые остались въ живыхъ и своими ложными обвиненіями, навлекли на меня столько бѣдствій и тревогъ». И потомъ тотъ-же Николай Константинопольскій, чтобы опять вписать въ диптихи имя Іоанна, ничего болѣе отъ послѣдняго не желалъ, какъ только —чтобы онъ также предалъ осужденію упомянутый четвертый бракъ. Такъ въ письмѣ къ тому-же Іоанну X, написанномъ послѣ 916 года (т. IX Соборовъ, столб. 1267) онъ говоритъ: «по какимъ волнамъ бѣдствій носились мы цѣлые пятнадцать лѣтъ (многое уже болѣе или менѣе прошло, но разразившіеся раньше надъ Константинопольскою церковью соблазны все наполнили смутою), очень тяжело мнѣ, блаженнѣйшій отецъ, и вспомнить, да и тебѣ, знающему это, излишне напоминать. Однако, такъ какъ мы стремимся снискать вашу братскую любовь, услуги которой по отношенію къ намъ были задержаны трудными обстоятельствами, и добиваемся единства церквей, поэтому рѣшили отправить къ вамъ это письмо, чтобы, предавши забвенію всякія обиды, призвать ваше святѣйшество къ искренней дружбѣ и душевному союзу, необходимому для пастырей народовъ. Этотъ союзъ тогда, наконецъ, пуститъ глубокіе корни, когда съ присылкою съ обѣихъ сторонъ легатовъ будетъ согласно установлено, что четвертый бракъ, навлекшій на Церковь разногласія и соблазны, былъ разрѣшенъ не по существу дѣла, но ради лица,—такъ какъ обстоятельства вызывали болѣе снисходительное отношеніе къ государю, изъ опасенія, чтобы онъ, раздраженный отказомъ, не задумалъ чего-нибудь худшаго. Такимъ образомъ и имя твоего святѣйшества вмѣстѣ съ нашимъ, какъ прежде было, будетъ поминаться

въ священномъ помянникѣ (каталогѣ) Константинопольской церкви, и мы, исполненные всеобщей радости, будемъ наслаждаться пріятностію мира».

Что тогда (X в.) на востокѣ вѣровали въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца, становится яснымъ вотъ еще изъ какого обстоятельства. Когда папа Сергій въ 906 г. отправилъ своихъ легатовъ въ Константинополь по поводу четвертаго брака Льва Мудраго и черезъ нихъ узналъ, что восточные признаютъ исхожденіе Св. Духа только отъ Отца, то онъ самъ установилъ существованіе этого ученія на востокѣ, вызвавъ Галльскихъ епископовъ для того, чтобы всѣ, собравшись отовсюду, изыскали доводы и основанія въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына. Такъ на соборѣ Трослеянскомъ 909 года Геривей, архіепископъ Реймскій, говорилъ (глава XIV,—т. IX Соборовъ, столб. 561): «такъ какъ святой апостольскій престолъ объявилъ намъ, что на востокѣ до сихъ поръ господствуютъ заблужденія и богохульства нѣкоего Фотія, богохульно утверждающаго, что не отъ Сына, а только отъ Отца исходитъ Духъ Святый, то мы призываемъ васъ, отцы, вмѣстѣ съ нами, разсмотрѣвши каждый изъ насъ, согласно наставленію владыки Римскаго престола, ученія каѳолическихъ Отцовъ,—извлечь изъ колчановъ Священнаго Писанія острыя стрѣлы сильнаго, чтобы пронзить нарождающагося чудовищнаго звѣря и сокрушить голову гнуснаго змѣя». Итакъ—Сергій первый осуждаетъ, какъ богохульство, исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца. Но что, кромѣ богохульства, могло выдти изъ чудовищныхъ и богохульныхъ устъ? Сами латинскіе писатели передаютъ, что этотъ Сергій былъ самымъ позорнымъ человѣкомъ гнуснымъ, чудовищемъ и похитителемъ Римскаго престола.

Ѳеофанъ Керамевсъ [1]), архіепископъ Тавроменійскій, въ своей LVI бесѣдѣ (греко-латинское Парижское изданіе 1644 г. стр. 378) говоритъ: «Онъ открываетъ въ высшемъ ученіи то, что относится къ Отцу и Его естественному изъ Самого Себя

---

[1]) Иные относятъ этого Ѳеофана не къ X, а къ XII вѣку. *Примѣч. перев.*

рожденію и сродному Духу, Который имѣетъ исхожденіе отъ Отца, чтобы быть посланнымъ Тѣмъ и Другимъ, какъ равный честію». Исходитъ, говоритъ Θеофанъ, Духъ Святый отъ Отца, но посылается Обоими; къ Одному только Отцу, значитъ, относитъ исхожденіе, а къ Отцу и Сыну вмѣстѣ—посольство Св. Духа. И дальше (на стр. 383) замѣчаетъ: «чтобы затѣмъ кто-нибудь не заподозрилъ, что это посольство рабское, Онъ (Спаситель) переводитъ рѣчь на изъясненіе образа существованія и говоритъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ. Хотя, говоритъ, Онъ есть Мой Духъ, ибо Я—истина; но Онъ имѣетъ существованіе отъ Отца. Изъ одного источника—сущности Отца, Духъ и Сынъ, но (происходятъ) различнымъ способомъ. Сынъ возсіялъ, какъ свѣтъ отъ свѣта, черезъ рожденіе; а Духъ Святый—и Онъ также свѣтъ отъ свѣта, но черезъ исхожденіе. Подобно тому, какъ лучи солнца имѣютъ каждый свое неотдѣлимое свойство и переносятъ къ намъ благодать солнца, не отдѣляясь отъ его круга и не раздѣляясь другъ отъ друга; такъ и Сынъ и Духъ Святый, нарный лучъ (лучи—близнецы) Отца, отъ Отца исходитъ и съ Нимъ соединенъ и доноситъ лучъ истины даже до насъ». Слова: «хотя Мой есть Духъ, но имѣетъ существованіе отъ Отца», показываютъ, что Духъ Святый беретъ исхожденіе отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына, хотя Онъ есть и Духъ Сына; а основаніе, почему, хотя Св. Духъ есть Духъ Сына, однако исходитъ отъ Отца, таково:—Сынъ и Духъ Святый выходятъ изъ одного источника—сущности Отца. Итакъ—здѣсь разумѣется исхожденіе Св. Духа отъ Одного Отца. Наконецъ—Θеофанъ совершенно ясно говоритъ: «изъ одного источника—Отца является и Сынъ, и Духъ Святый». Отъ Одного, значитъ, Отца раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый».

Наконецъ, *Илія* [1]), архіепископъ Критскій, въ схоліяхъ на слово Григорія Богослова о Святомъ Духѣ (стр. 197—латинскаго изданія твореній Григорія Назіанзина (Богослова) 1571 г. въ Базелѣ) говоритъ: «впрочемъ во многихъ мѣстахъ написано, что

---

[1]) Повидимому, Зерникавъ ошибается, относя этого Илію къ X в. Есть основаніе полагать, что онъ жилъ въ VIII в. *Прим. пер.*

Духъ Святый удѣляется, дается и посылается Сыномъ, но отнюдь не написано, что Онъ исходитъ отъ Сына, какъ исходитъ отъ Отца. А латиняне, полагая, что слово ἐκπορεύεσθαι (исходить) имѣетъ то-же значеніе, что быть доставленнымъ, даваться, не считаютъ, вовсе ошибкой, когда говорятъ, что Духъ исходитъ отъ Сына. Однако это совсѣмъ не то. Какъ можно такъ думать, когда эти слова всегда и вездѣ въ рѣчи имѣютъ разный смыслъ? Именно—слово ἐκπορεύεσθαι (исходить) обозначаетъ, какимъ образомъ существуетъ Духъ. Какъ Сынъ—отъ Отца, но γεννητῶς, т. е. черезъ рожденіе, и никакимъ инымъ образомъ, такъ и Духъ изъ того-же начала и Онъ, т. е. отъ Отца;—однако не γεννητῶς (ибо нѣтъ двухъ Сыновей), но, такъ сказать, ἐκπορευτῶς, или черезъ исхожденіе. Итакъ, исходить—есть способъ, по которому Духъ имѣетъ свое бытіе отъ Отца, и имъ обозначается также свойство самого бытія. А—посылаться, доставляться, сообщаться не указываютъ, какимъ образомъ существуетъ Духъ, но ими обозначается какъ-бы нѣкоторое истеченіе или изліяніе благости, которое отъ Отца имѣетъ свое происхожденіе, но изливается на достойныхъ Сыномъ».

Затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ этотъ писатель учитъ, что Одинъ только Отецъ есть начало и производитель Св. Духа. Въ толкованіяхъ на III-е слово Григорія Богослова (стр. 87) онъ пишетъ: «таковъ смыслъ этихъ словъ: сохранится нами, по моему мнѣнію и сужденію, Единый Богъ, въ смыслѣ одного и тогоже въ Божественной тріипостасной сущности движенія и воли, когда мы Сына и Духа Святаго отнесемъ къ одной причинѣ. Изобличаетъ-же (Богословъ) этими словами отчасти тѣхъ, которыхъ онъ назвалъ φιλοπάτορας и φιλοχρίστους, отчасти самого Савеллія. Филопаторовъ и филохристовъ изобличаетъ онъ тѣмъ, что устанавливаетъ тожество сущности, движенія и воли—и какъ единородное Слово, такъ и Духа Святаго относитъ къ одной причинѣ. Ибо филохристы не хотѣли относить Духа Святаго и единородное Слово къ причинѣ. т. е. къ Отцу, а расторгали единое Божество на разныя начала. Поэтому мы называемъ Отца, Сына и Духа Святаго—не тремя Богами, но Единымъ Богомъ, всесвятою Тройцею, относя Сына и Духа Святаго къ одной причинѣ.

Говорить, что Сынъ и Духъ Святый произошли отъ Отца—это—разложеніе, но затѣмъ однако Они какъ бы вводятся опять въ Одно лицо Отца». И затѣмъ на стр. 93: «называемъ Бога Единымъ, какова и есть Св. Тройца, такъ какъ Сына и Духа Святаго относимъ къ одной причинѣ». И въ толкованіяхъ на IV слово о Сынѣ (стр. 191) Илія говоритъ: «поэтому не тремя Богами называемъ Отца, Сына и Св. Духа, но скорѣе Единымъ Богомъ, какова—Св. Тройца, такъ какъ Сынъ и Духъ Святый относятся къ одной причинѣ».

Въ толкованіяхъ на VI слово о Духѣ Святомъ (стр. 184) тотъ-же писатель замѣчаетъ: «изъ Одного и того-же лица Отца раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Поэтому Его Одного —причину вмѣстѣ съ αἰτιατοῖς (происшедшими отъ причины, имѣющими причину) мы благоговѣйно называемъ Единымъ Богомъ. На этомъ основаніи да будетъ у насъ Единый Богъ, такъ какъ —божество одно и къ Одному Отцу, какъ къ προβολέα (производителю), какъ къ причинѣ, относится то, что происходитъ изъ Него, т. е. Сынъ и Духъ Святый». Подобныя этимъ выраженія встрѣчаются на стр. 185 и въ толкованіи на VIII слово—первое «о мирѣ» стр. 278.

Наконецъ, въ толкованіи на IV слово (стр. 184) читаемъ: «первою причиною называетъ онъ (Богословъ) Отца,—подъ словомъ причина разумѣетъ владычество Одного, которое принадлежитъ Одному только Отцу; подъ тѣмъ,—что́ происходитъ изъ первой причины, разумѣетъ Сына и Духа Святаго».

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ свидѣтельствъ восточныхъ Отцовъ, прославившихся въ первые десять вѣковъ христіанства. До тѣхъ именно поръ существовало единеніе между церквами восточными и Римскою. Хотя и до этого времени по разнымъ причинамъ возникали не разъ разногласія между этими церквами; однако онѣ снова приходили къ согласію: такъ, напримѣръ, былъ потушенъ расколъ, возникшій въ началѣ XI вѣка во времена папы Римскаго Іоанна XVII [1]) и Константинопольскаго патріарха

[1]) Не Іоанна XVII, а Іоанна XIX хотѣлъ назвать Зерникавъ. Первый былъ папою въ 1003 г и изгнанъ послѣ 7-ми мѣсяцевъ папства; второй сталъ папою около 1024 г. и папствовалъ 10 лѣтъ. *Пр. пер.*

Сергія. Но затѣмъ еще при жизни Сергія снова начался расколъ между церквами, продолжавшійся до временъ папы Римскаго Льва IX или до половины XI вѣка. Въ это время Левъ IX-й наложилъ проклятіе на тѣхъ, кто исповѣдуетъ въ святомъ символѣ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, а не отъ Отца и Сына. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней продолжается этотъ расколъ, раздѣляющій восточную и западную Церковь.

Итакъ—столько Отцовъ, свидѣтельства которыхъ мы привели, утверждали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, и отвергали исхожденіе Его отъ Сына; признавали Одного только Отца источникомъ, причиною и началомъ, προβολεὺς или производителемъ Духа Святаго, или, говоря объ исхожденіи Св. Духа, упоминали Одного Отца, не прибавляя Сына. Тѣмъ не менѣе и тѣ выраженія, гдѣ поминается Одинъ только Отецъ, доказываютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Ибо если восточныя церкви въ продолженіи столькихъ вѣковъ учили, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, и никогда не прибавляли, что Онъ исходитъ вмѣстѣ и отъ Сына, то очевидно, по крайней мѣрѣ, что онѣ не знали объ исхожденіи отъ Сына; не знающій же догмата исхожденія Духа Святаго отъ Сына и придерживающійся только исхожденія отъ Отца, вѣритъ, конечно, что Духъ Святый исходитъ только отъ Одного Отца. Ясно отсюда также, что восточные люди вѣрили въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца. Притомъ—если бы не свидѣтельствовали противъ латинянъ тѣ мѣста Отцовъ, гдѣ въ исхожденіи Св. Духа къ Отцу не прибавляется Сынъ; то зачѣмъ бы имъ, или олатинившимся грекамъ, столько разъ приниматься за поврежденіе этихъ мѣстъ Отцовъ и присоединять къ Отцу и Сына? Несомнѣнно, то, что не противорѣчитъ ученію латинянъ, не нуждалось въ такомъ исправленіи.

Но латиняне говорятъ, будто Отцы Церкви подъ именемъ Отца разумѣли и Сына. Однако чѣмъ они это доказываютъ? Ничѣмъ. Вѣдь не съ бо́льшимъ, конечно, основаніемъ можно сказать, что въ данномъ случаѣ святые Отцы подъ именемъ Отца разумѣли Сына, чѣмъ сказать, что они подразумѣвали подъ именемъ Отца и Духа Святаго въ томъ случаѣ, когда они учатъ, что Сынъ раждается только отъ Отца. Затѣмъ, что отнюдь подъ

именемъ Отца не понимался святыми Отцами и Сынъ, когда они говорятъ объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца,—это ясно вытекало изъ тѣхъ ихъ словъ, въ которыхъ они столько разъ учили, что Духъ исходитъ отъ Отца, но Онъ есть и собственность и Сына,—что Онъ Сыномъ посылается, въ Сынѣ покоится, черезъ Сына обнаруживается и т. д. Для всякаго, конечно, очевидно, что въ этомъ случаѣ подъ именемъ Отца не разумѣется Сынъ, тогда какъ въ нихъ указывается, въ какомъ отношеніи въ отдѣльности находится Духъ Святый къ Отцу и Сыну.

Можно на это, пожалуй, сказать, что въ одномъ мѣстѣ Бернардъ [1]) упоминаетъ Одного только Отца, говоря объ исхожденіи Св. Духа, а между тѣмъ онъ вѣрилъ въ исхожденіе Его и отъ Сына. Но въ этомъ мѣстѣ Бернардъ нисколько не намѣренъ былъ изслѣдовать, отъ кого исходитъ Духъ Святый, а только, заговоривши просто о Св. Духѣ, замѣтилъ: «Который отъ Отца исходитъ». Если-же бы у него было намѣреніе показать отъ кого Духъ Святый исходитъ, онъ непремѣнно вмѣстѣ съ Отцомъ назвалъ бы и Сына. Между тѣмъ Отцы, какъ мы видѣли, столько разъ въ исхожденіи Св. Духа поминаютъ Одного Отца, желая именно показать, отъ кого Онъ исходитъ. Опять таки мы настаиваемъ не только на томъ, что святые Отцы множество разъ упоминаютъ только Отца въ исхожденіи Св. Духа; но также и на томъ, что они нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не присоединяютъ Сына, и отсюда выводимъ заключеніе, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. А Бернардъ въ другихъ мѣстахъ столько разъ учитъ, что Онъ исходитъ и отъ Сына. Это большая разница.

Остается, наконецъ, разобрать слѣдующее возраженіе латинянъ. Когда святые Отцы, говорятъ они, учатъ, что Одинъ только Отецъ есть причина, источникъ или начало Св. Духа, то они разумѣютъ въ этомъ случаѣ причину, источникъ или начало непроизводное (improductum). Такія мѣста будто бы имъ (латинянамъ) не противорѣчатъ: ибо они утверждаютъ, что Сынъ есть

---

[1]) Бернардъ Клервосскій, знаменитый отецъ католической церкви (1091—1153). *Прим. пер.*

причина Духа не непроизводная (первая), а производная (вторая, т. е. имѣющая свою причину).

Конечно, несомнѣнно, что Отецъ есть причина непроизводная; но нисколько отсюда не слѣдуетъ, что слово причина заключаетъ въ себѣ понятіе причины непроизводной, или что Отцы этимъ словомъ знаменуютъ именно причину непроизводную. Вѣдь равнымъ образомъ Отецъ есть непроизводный родитель Сына, непроизводный производитель Св. Духа, наконецъ непроизводный Творецъ всего; однако всякому ясно, что слова родитель, производитель, творецъ не значатъ непремѣнно по смыслу слова родитель, производитель, творецъ—непроизводные. Далѣе—Отецъ есть творецъ всевѣдущій, вездѣсущій, вѣчный, однако когда я просто говорю: Отецъ есть Творецъ, то этими словами я не обозначаю, что Отецъ есть Творецъ всевѣдущій, вездѣсущій, вѣчный. Затѣмъ различными доводами можно доказать, что слово причина обозначаетъ просто причину и не включаетъ въ себя понятія о томъ, откуда эта причина исходитъ—отъ себя-ли самой, или отъ чего-нибудь иного.

Во-первыхъ, когда Бога Отца называютъ причиною Сына и Духа Святаго, то подъ словомъ причина разумѣютъ ничто иное, какъ то, что Онъ есть прозводитель. 1) Сами латиняне отказываются утверждать, что есть два производителя Духа Святаго, чтобы такимъ образомъ не вводить двухъ причинъ Св. Духа; 2) Св. Отцы столько разъ учили, что Отецъ есть причина Сына и Духа Святаго,—но прибавляли: Сына—черезъ рожденіе, а Духа Святаго черезъ исхожденіе. Такъ Григорій Богословъ въ I словѣ говоритъ: «Онъ былъ бы причиною малаго и недостойнаго и кромѣ того, ничтожнымъ и недостойнымъ образомъ, если-бы Онъ не былъ причиною божественности и блага, заключающагося въ Сынѣ и Духѣ Святомъ,—въ первомъ, какъ въ Сынѣ и Словѣ, въ послѣднемъ, какъ въ исходящемъ, но нераздѣльномъ нѣкоемъ дуновеніи.» Кесарій, родной братъ того-же Григорія Богослова, въ I діалогѣ говоритъ: «божественный и всесвятый Духъ—нерожденный, но исходящій и произведенный отъ причины Отца.» О папскихъ легатахъ Максимъ въ посланіи къ Марину говоритъ: «и во-первыхъ,—они принесли согласныя мнѣнія Римскихъ

Отцовъ, а также Кирилла Александрійскаго изъ его толкованій на Іоанна, которыми доказали, что они отнюдь не утверждаютъ, что Сынъ есть причина Духа: ибо они узнали одну причину Сына и Духа—Отца,—Перваго—по рожденію, а Второго—черезъ исхожденіе.» Императоръ Левъ Мудрый въ словѣ на пятидесятницу пишетъ: «лица совѣчны и собезначальны, равной чести и славы, различаются только въ отношеніи начала, рожденія и исхожденія такимъ образомъ, что Отецъ есть начало Сына и Духа Святаго,—Сынъ—родился, а Духъ Святый—исходитъ.» Θеофанъ Керамевсъ въ XVI бесѣдѣ говоритъ: «изъ одного источника сущности Отца происходитъ Духъ и Сынъ, но различнымъ способомъ: Сынъ возсіялъ, какъ свѣтъ отъ свѣта, черезъ рожденіе; а Духъ Святый, также и Онъ—свѣтъ отъ свѣта, но черезъ—исхожденіе.» —Наконецъ—Михаилъ Синкелль въ жизнеописаніи Св. Діонисія Ареопагита говоритъ: «онъ (Діонисій) полагаетъ, что ему слѣдуетъ почитать Единаго Господа, поклоняемаго въ трехъ ипостасяхъ, такъ какъ Сынъ и Духъ Святый относятся къ одному началу и причинѣ; при этомъ Сынъ прежде всѣхъ вѣковъ отъ Одного только Отца, т. е. изъ сущности Его, родился, —Онъ Одинъ только—безтѣлесно, безстрасно, и безвременно; Духъ же Святый отъ Одного только Отца исходитъ» Что-же значитъ сказать: Отецъ есть причина Духа Святаго и Сына, послѣдняго черезъ рожденіе, а перваго черезъ исхожденіе, или: Сынъ раждается, Духъ Святый исходитъ отъ Отца, какъ не то, что Отецъ есть производитель Сына черезъ рожденіе, а Духа Святаго черезъ исхожденіе? Вѣдь слова эти не имѣютъ большаго значенія? Слѣдовательно—быть причиною и быть производителемъ —одно и то-же. 3). Въ такомъ-же смыслѣ очень часто св. Отцы, сказавши: Отецъ есть причина, или источникъ Сына и Духа Святаго, прибавляютъ: именно Сына—родитель, а Духа Святаго производитель (προβολεύς). Такъ Григорій Богословъ въ XIII словѣ говоритъ: «хотя бы ты превознесъ Сына и Духа,—однако ты не поставишь Ихъ выше Отца и не отдѣлишь отъ этой причины, но къ ней отнесешь преславное рожденіе и изумительное исхожденіе. Спрошу тебя, чтителя Нерожденнаго и Безначальнаго, кто больше оскорбляетъ Бога: тотъ ли, кто считаетъ Его началомъ

такихъ вещей, какія ты приводишь, или тотъ, кто нисколько не считаетъ Его началомъ такихъ вещей, а подобныхъ Ему по природѣ и равныхъ по славѣ? А что-же для Бога можетъ быть выше, какъ быть Отцомъ Сына и производителемъ Духа?» — Θалексій Африканецъ, писавшій по-гречески (въ IV «екатонтадѣ» (сотнѣ), гл. XCII, т. II библіотеки Греческихъ Отцовъ, стр. 1199) пишетъ: «Отца мы мыслимъ безначальнымъ и началомъ: безначальнымъ, такъ какъ Онъ нерожденъ, а началомъ, какъ родителя и производителя (προβολέα) Тѣхъ, Которые отъ Него (происходятъ) отъ вѣчности по существу, и въ Немъ (пребываютъ), т. е. Сына и Духа.» —Кириллъ, или другой неизвѣстный авторъ книги «о Тройцѣ», въ VII главѣ говоритъ: «вѣруемъ во Единаго Отца—начало и причину всего, не отъ кого-нибудь родившагося, но Одного только безпричиннаго и безначальнаго создателя всего,—а Одного только Единороднаго Сына Своего, Господа Бога и Спасителя нашего—естественнаго Отца и производителя Св. Духа». Наконецъ—Іоаннъ Дамаскинъ въ I книгѣ, XIII главѣ «православной вѣры» говоритъ: «Отецъ есть источникъ и причина Сына и Духа Святаго: Отецъ—Одного только Сына, а Духа Святаго—производитель (προβολεύς)». Итакъ—не въ иномъ какомъ-нибудь смыслѣ св. Отцы называютъ Отца началомъ и причиною Сына и Духа Святаго, а въ томъ, что Отецъ есть родитель Сына и προβολεὺς (производитель) Духа Святаго. А если такъ, то слѣдуетъ, конечно, понимать, что родитель—обозначаетъ причину, или начало по образу рожденія,—а προβολεύς—причину. или начало по образу исхожденія; равнымъ образомъ—быть родителемъ—значитъ по смыслу слова не иное что, какъ быть производителемъ черезъ рожденіе, и быть προβολεύς—быть производителемъ черезъ исхожденіе. Слѣдовательно—производитель—и причина и начало по значенію—одно и то-же. 4) Наконецъ—Богъ называется причиною, началомъ и источникомъ всего потому, что Онъ есть творецъ всѣхъ вещей. Но творецъ по смыслу слова обозначаетъ столько-же—производитель изъ ничего, или производитель по способу творенія, сколько—причина или начало по способу творенія. Слѣдовательно—быть причиною, началомъ и производителемъ—по смыслу слова—одно и то-же. Производитель

—по смыслу слова—обозначаетъ просто дѣйствіе произведенія, а не обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, откуда кто-нибудь имѣетъ способность произведенія:—отъ себя, или отъ кого-нибудь другого; точно такъ-же—быть произведеннымъ, исходить — обозначаетъ просто актъ происхожденія, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и то, откуда производитель имѣетъ силу производить.—Предложеніе: «Духъ Святый—произведенъ, или исходитъ отъ Отца», значитъ то же, что: «Отецъ есть производитель Духа Святаго». Точно такъ же слово творецъ—значитъ производитель изъ ничего и нисколько не намекаетъ на то, откуда кто имѣетъ силу быть творцемъ; поэтому Отецъ, Сынъ и Духъ Святый суть Единый Богъ и Творецъ,—чего, конечно, нельзя было бы сказать, если бы слово творецъ обозначало вмѣстѣ съ тѣмъ и то, откуда кто имѣетъ способность творенія.—Такимъ образомъ, разъ доказано, что по смыслу словъ—быть производителемъ и быть причиною, началомъ и источникомъ—одно и то-же; слово-же производитель обозначаетъ просто актъ произведенія, то ясно, что выраженіе—быть причиною, источникомъ или началомъ, когда его употребляютъ св. Отцы, по отношенію къ божеству обозначаетъ только актъ начинанія, силу причинности, а не также и то, откуда эта причина происходитъ,—отъ себя-ли, или отъ кого-нибудь другого.

Во вторыхъ:—когда Отецъ называется причиною Сына черезъ рожденіе, ничего другого этимъ не обозначается, какъ только то, что Отецъ есть родитель Сына, или раждаетъ Сына. И опять, когда Отецъ называется причиною Духа Святаго, понимается подъ этимъ только то, что Отецъ есть производитель Св. Духа, или производитъ Св. Духа. Но слова—быть родителемъ и родить, быть производителемъ и производить—отнюдь не обозначаютъ того, откуда кто получилъ способность быть родителемъ или родить, быть производителемъ или производить, а просто обозначаютъ только актъ рожденія и произведенія. Слѣдовательно—тамъ, гдѣ Отецъ называется причиною или началомъ Сына, либо Духа Святаго, не обозначается причина первоначальная, или начало непроизводное.

Въ третьихъ:—Христіанская вѣра устанавливаетъ, какъ догматъ, что Богъ Отецъ не имѣетъ причины, но Самъ есть причина

Сына и Духа Святаго. Такъ Григорій Нисскій въ III-й бесѣдѣ на молитву Господню учитъ: «свойство Отца—не быть изъ причины; этого нельзя видѣть въ Сынѣ и Духѣ, потому что Сынъ явился отъ Отца, какъ говоритъ Писаніе, а Духъ отъ Бога Отца исходитъ. Но какъ—быть безъ причины—есть свойство только Одного Отца, Сыну же и Св. Духу это свойство приписано быть не можетъ,—такъ, наоборотъ,—быть отъ причины, что составляетъ свойство Сына и Духа Святаго, не можетъ быть мыслимо объ Отцѣ».—Кириллъ, или не извѣстный авторъ книги «о Тройцѣ» въ гл. X, а также Іоаннъ Дамаскинъ въ гл. XI, кн. I «православной вѣры» выражаются: «Одинъ Отецъ, какъ Отецъ, безъ начала, т. е. безъ причины, ибо Онъ не (происходитъ) отъ кого-нибудь. Одинъ Сынъ,—и какъ Сынъ, Онъ—не безъ начала, т. е. не безъ причины, ибо Онъ—отъ Отца. Одинъ Духъ Святый—Духъ, происходящій также отъ Отца, однако не способомъ сыновства, но черезъ исхожденіе». Наконецъ, Никифоръ Константинопольскій въ посланіи къ Льву III говоритъ: «Отецъ существуетъ безъ начала и безъ причины: ибо Онъ не отъ кого-нибудь.—Онъ начало Сына, какъ Его причина.—Отецъ-же начало и Духа Святаго въ отношеніи причины». Итакъ—на какомъ основаніи отвергается мысль, что Отецъ имѣетъ причину, на томъ же основаніи святые Отцы Одного только Отца считаютъ причиною Сына и Духа Святаго. Но когда говорятъ, что Отецъ не имѣетъ причины, то вмѣстѣ съ тѣмъ не подразумѣваютъ, что Онъ не имѣетъ причины непроизводной (ибо Онъ не имѣетъ и производной), но просто подъ словомъ причина разумѣется актъ причинности; равнымъ образомъ—когда Отца называютъ причиною Сына и Духа Святаго, то при этомъ подъ словомъ причина разумѣется не причина непроизводная только, а просто обозначается актъ причинности безъ всякаго отношенія къ тому, откуда эта причина получила силу быть причиною.

Въ четвертыхъ: потому Отецъ не имѣетъ причины, что Онъ не есть (не происходитъ) отъ кого-нибудь; такъ выражали эту мысль вышеприведенные Кириллъ, Дамаскинъ и Никифоръ. Но быть отъ кого-нибудь не обозначаетъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и того, откуда получается у кого-нибудь сила давать на-

чало другому [1]). Точно такъ-же, значитъ, слово причина обозначаетъ просто только актъ причинности, а не и то, откуда кто получаетъ способность быть причиною.—

Въ пятыхъ: быть причиннымъ (т. е. происшедшимъ отъ причины) или изначальнымъ (получившимъ начало)—значитъ просто быть произведеннымъ, а не вмѣстѣ и то, откуда причина или начало пріобрѣтаютъ силу быть таковыми. Слѣдовательно—точно такъ же слово причина обозначаетъ просто только актъ причинности безотносительно къ тому, откуда кто получаетъ способность быть причиною.

Въ шестыхъ: что увертка латинянъ, будто, когда Отцы учатъ, что Одинъ только Отецъ есть причина Духа Святаго, они разумѣютъ причину непроизводную, и будто этимъ не отвергается, что и Сынъ также служитъ производителемъ Духа Святаго, не основательна и ложна, явствуетъ изъ того, что св. Отцы, устанавливая, что причина Св. Духа—только Отецъ, тутъ же учатъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Одного только Отца, или же отрицаютъ, что Онъ исходитъ также и отъ Сына. Григорій Нисскій въ «изслѣдованіи объ общихъ понятіяхъ» говоритъ: «всѣ человѣческія личности не имѣютъ непрерывнаго бытія отъ одного и того же лица; но одни отъ одного лица, другія—отъ другого; отсюда многія и различныя причины для происшедшихъ отъ нихъ. Но въ Святой Троицѣ—не такъ,—а отъ Одного и того-же лица—Отца раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Посему—мы утверждаемъ, что собственно есть одна причина происшедшихъ (causatorum, αἰτιατῶν)—Богъ». Такъ какъ, говоритъ Григорій, не отъ многихъ, а отъ одного только лица раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый, поэтому причина происшедшихъ отъ причины, т. е. Сына и Духа Святаго, одна—Богъ Отецъ. Такимъ образомъ—съ признаніемъ Одного только Отца причиною Духа Святаго, Сынъ исключается тѣмъ самымъ отъ всякаго участія въ Его произведеніи. Если поэтому Одинъ только Отецъ—причина Сына и Духа Святаго, такъ какъ Они Оба происходятъ отъ Одной и

[1]) Въ подлинникѣ: откуда имѣетъ тотъ, изъ котораго другой, то, чтобы другой былъ изъ него:—unde habeat is, ex quo alius est, ut alter ex ipso sit.

единственной ипостаси Отца, то не изъ иной раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый.—Кириллъ Александрійскій въ исповѣданіи о Тройцѣ говоритъ: «не такъ, какъ Сынъ явился отъ Отца черезъ рожденіе, и Духъ Святый исходитъ отъ Сына,—чтобы мы (въ такомъ случаѣ) могли различать перваго, второго и третьяго; но у послѣднихъ двухъ лицъ одна причина и виновникъ» (т. е. Отецъ). Кириллъ называетъ здѣсь Одного только Отца причиною Сына и Духа Святаго и тѣмъ самымъ совершенно исключаетъ Сына отъ участія въ произведеніи Духа Святаго.—Іоаннъ Дамаскинъ въ кн. I, гл. XIII «православной вѣры» пишетъ: «Духъ-же Сына,—не какъ изъ Него, но какъ черезъ Него отъ Отца исходящій: ибо единственная причина—Отецъ». Ясно этими словами Дамаскинъ учитъ, что, когда Одного только Отца называютъ причиною Св. Духа, то вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ возможность исхожденія Его и отъ Сына.—Михаилъ Синкеллъ въ жизнеописаніи св. Діонисія Ареопагита говоритъ: «онъ полагаетъ, что ему слѣдуетъ почитать Одного Бога, Одного Господа, въ трехъ лицахъ покланяемаго, относя Сына и Духа Святаго къ одному началу и причинѣ: причемъ Сынъ прежде всѣхъ вѣковъ родился отъ Одного только Отца, т. е. изъ Его существа, Одинъ только безтѣлесно, безстрастно и внѣ времени; а Духъ Святый отъ Одного только Отца исходитъ и черезъ Сына является». Здѣсь опять Отецъ называется одною причиною Духа Святаго, изъ чего слѣдуетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца и тѣмъ самымъ Сынъ исключается совершенно отъ произведенія Духа Святаго—.

Наконецъ—въ седмыхъ: представимъ себѣ еретика, богохульно утверждающаго, что Сынъ родился также и отъ Духа. Развѣ не вправѣ подумать всѣ, что этотъ человѣкъ извращаетъ слова св. Отцовъ, которыми они учатъ, что Одинъ только Отецъ есть причина, источникъ или начало Сына? Между тѣмъ—если бы нами разбираемое возраженіе латинянъ о первоначальной причинѣ по отношенію къ Духу Святому имѣло какую-нибудь силу, то и означенный еретикъ съ равнымъ основаніемъ могъ бы изворачиваться, утверждая, что, когда называютъ Одного только Отца причиною Сына, то разумѣютъ причину непроизводную. Ибо если

по отношенію къ Духу Святому должно разумѣть подъ причиною причину первоначальную или непроизводную, то такую-же одинаково будемъ принимать и по отношенію къ Сыну,—такъ какъ положеніе одно только: Одинъ только Отецъ есть причина, источникъ Сына и Духа Святаго. Но развѣ мы не прогонимъ такого возражателя, какъ вздорнаго глупца? Такой же силы и подобныя возраженія латинянъ относительно Св. Духа. Отсюда довольно ясно, что, когда святые Отцы признаютъ Одного только Отца причиною или источникомъ Св. Духа, то смыслъ ихъ ученія тотъ, что отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый, а не также и отъ Сына.

Одинъ латинскій писатель [1]) настаиваетъ:—что у св. Отцовъ слово «причина» обозначаетъ причину непроизводную, заключить можно прежде всего изъ того, что св. греческими Отцами, даже и въ отношеніи тварей, причиною называется Одинъ только Отецъ: Сынъ же называется Творцомъ, а Духъ Святый—Совершителемъ; это тройное сплетеніе трудно разорвать. Если восточные, говоритъ онъ, уступаютъ Сыну имя «причины», замѣняя этимъ внутреннее производительное начало, то латиняне—правы; если-же они отвергаютъ (это названіе), то въ такомъ случаѣ отвергаютъ и то, что Сынъ есть внѣшнее производительное начало, такъ какъ слово «причина» присваивается св. греческими Отцами Отцу нисколько не меньше въ твореніяхъ извнѣ (ad extra), чѣмъ въ твореніяхъ извнутри (ad intra).—Но несосновательно разсуждаетъ этотъ писатель. Чтобы однимъ взглядомъ доказать нелѣпость его заключенія,—какъ онъ разсуждалъ по отношенію къ Сыну, станемъ мы такимъ же образомъ умозаключать по отношенію къ Духу Святому: уступаетъ ли онъ Духу Святому имя «причины» въ смыслѣ внутренняго производительнаго начала, или нѣтъ? Если уступаетъ, то онъ богохульникъ и нечестивецъ,—а если отвергаетъ, то отвергнетъ также и то, что Духъ Святый есть внѣшнее производительное начало, такъ какъ слово причина присваивается св. греческими Отцами Отцу точно такъ же въ твореніяхъ извнѣ, какъ и въ твореніяхъ извнутри. Кто, спраши-

---

[1]) Циховій, вопр. X, стр. 107.

вается, читая это, не согласится, что названный іезуитъ очень нелѣпо умозаключаетъ о Сынѣ Божіемъ, или что его тройная веревка (сплетенье) разорвана безъ всякаго труда? Конечно, совсѣмъ различно основаніе, когда Одного только Отца называютъ причиною Сына и Духа Святаго и когда придаютъ Отцу, какъ особенно принадлежащее Ему имя «причины» въ отношеніи тварей: имя причины по отношенію къ тварямъ есть существенное въ божествѣ,—поэтому, хотя по нѣкоторымъ основаніямъ оно, какъ собственное, придается только Отцу, однако никогда изъ этой причины не могутъ быть исключены Сынъ и Св. Духъ. Точно также, хотя имя Богъ придается, какъ особенное, Отцу, но ни Сынъ, ни Духъ Святый не исключаются отъ имени Богъ,—потому что «Богъ» —имя Тройцы—существенное. Между тѣмъ—во внутреннихъ дѣйствіяхъ—имя «причина» не есть существенное, но употребляется въ отношеніи лица, и потому—личное, и поэтому какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый исключаются изъ имени причины въ томъ случаѣ, когда Одинъ только Отецъ называется причиною извнутри Сына и Духа Святаго. Неосновательно также названный писатель изъ словъ Отцовъ, въ которыхъ они учатъ, что имя «начало» особенно свойственно Отцу и въ отношеніи тварей, вывелъ заключеніе, что слово причина обозначаетъ причину непроизводную и въ томъ случаѣ, когда Одинъ только Отецъ называется причиною Сына и Духа Святаго. Ибо, если Отцы, называя Одного только Отца причиною Духа Святаго, разумѣютъ причину непроизводную, то какимъ образомъ онъ отсюда сдѣлалъ опять выводъ, что подъ словомъ «причина» подразумѣвается также и Сынъ? Затѣмъ—св. Отцы довольно часто общее имя Богъ, придаютъ, какъ особенное, Отцу. Выше мы привели такія выраженія Григорія Богослова (въ XXIII словѣ), Ѳеодора Абукара, Епифанія («ересь» LXV) и Аѳанасія («противъ единомышленниковъ Савеллія—о вѣчной сущности Сына и Духа Святаго»). Развѣ поэтому слово «Богъ» обозначаетъ Бога, не отъ иного кого получившаго божественныя свойства? Чтобы быть ближе къ дѣлу, укажемъ, что въ св. символѣ имя «творецъ» придается Отцу нѣкоторымъ образомъ, какъ особенное. Развѣ поэтому слово творецъ обозначаетъ творца непроизводнаго? Такимъ

образомъ—отнюдь нельзя такъ умозаключать: Отецъ называется особеннымъ именемъ причины по отношенію къ тварямъ, слѣдовательно—слово «причина» обозначаетъ причину непроизводную.

Во вторыхъ: указанный писатель утверждаетъ, что тѣ-же святые Отцы по отношенію къ божеству называютъ Отца не просто причиною, но причиною перворазрядною, главною, или первою. Однако—слѣдуетъ замѣтить, что подъ именемъ первой или главной причины Отцы отнюдь не разумѣютъ причины непроизводной; но такъ какъ Отецъ есть причина Сына и Духа Святаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тварей,—а Сынъ и Духъ Святый суть начало только тварей, то поэтому Отцы называютъ Отца причиною главною: ибо Онъ есть причина причины всѣхъ вещей, т. е. Сына. Такъ—Григорій Богословъ въ XXIX словѣ говоритъ: «Онъ (Отецъ) былъ бы началомъ низкихъ и недостойныхъ Его вещей, если бы Онъ не былъ причиною того божества, которое явилось въ Сынѣ и Духѣ Святомъ. По моему мнѣнію, сохранится Единый Богъ, если мы отнесемъ Сына и Духа Святаго къ одной причинѣ.—Наконецъ, самое вѣрное представленіе о свойствахъ установится у насъ въ такомъ случаѣ, если мы Отца станемъ разумѣть и называть безначальнымъ и началомъ: началомъ именно, какъ причину и источникъ (т. е. Сына и Духа Святаго, какъ вытекаетъ изъ предыдущихъ словъ) и какъ вѣчный свѣтъ; относительно же Сына станемъ утверждать, что Онъ нисколько небезначаленъ, однако Самъ—начало всѣхъ вещей.» Такимъ образомъ—Григорій Богословъ называетъ Отца причиною Сына и Духа Святаго, причемъ разумѣется само собою, что Онъ есть также причина тварей; Сына же называетъ только началомъ тварей. А такъ какъ Отецъ есть причина причины всѣхъ вещей, т. е. Сына, поэтому онъ называетъ Отца причиною первою, главною. Отсюда затѣмъ и сами Отцы вслѣдствіе того, что Отецъ есть причина главная или первая Духа Святаго, исключаютъ Сына въ дѣлѣ произведенія Духа. Тотъ-же Григорій Богословъ много разъ не иную причину Св. Духа признаетъ, какъ самую эту главную причину. Такъ—въ XXXVII словѣ онъ говоритъ: «какія ни употребляются какъ бы нѣсколько унизительныя слова, когда говорится о Св. Духѣ, а именно: даваться, посылаться, удѣляться,—дуновеніе, обѣщаніе,

посредничество и пр. (трудно и припомнить всѣ),—все это нужно относить къ главной причинѣ для того, чтобы показать, отъ Кого происходитъ Духъ, и чтобы не принимались три раздѣльныя начала, какъ будто Боговъ много». И въ словѣ XLIV онъ же замѣчаетъ: «Духъ Святый самостоятеленъ, всемогущъ, хотя все, что принадлежитъ Духу, какъ и Единородному, относится къ первой причинѣ». Итакъ, что́ ни говорится нѣсколько унизительнаго о Св. Духѣ, замѣчаетъ Григорій Богословъ, слѣдуетъ относить къ главной причинѣ Отцу, чтобы показать, отъ Кого Онъ (Духъ Святый) происходитъ. И опять: все принадлежащее Духу такъ же, какъ и Сыну, нужно отнести къ той-же первой причинѣ. Слѣдовательно—онъ признавалъ одну только причину Духа Святаго и, кромѣ нея, никакой другой. И въ словѣ XIII онъ говоритъ: «если мы отнесемъ Сына и Духа Святаго къ иному началу, а не къ этой (т. е. первой причинѣ), то нужно страшиться, чтобы не причинить безславія Богу. Хотя превознесешь Сына и Духа, однако не помѣстишь Ихъ выше Отца и не отвлечешь отъ этой причины, но къ ней отнесешь преславное рожденіе (Сына) и дивное исхожденіе (Св. Духа)». Ясно изъ этихъ словъ, что Григорій никакого иного начала какъ Сына, такъ и Духа Святаго не признаетъ, кромѣ первой причины; поэтому именно онъ и исключаетъ Сына отъ произведенія Св. Духа. Іоаннъ Дамаскинъ также, слѣдуя словамъ Григорія Богослова и сказавши (I кн. гл. XI «православной вѣры»): «если мы имѣемъ въ виду божество и первую причину, то представляемъ себѣ единое; если-же имѣемъ въ виду то, въ комъ это божество, и то, что́ происходитъ изъ первой причины, т. е. Сына и Духа Святаго,—поклоняемся троимъ», вслѣдъ затѣмъ объясняетъ, какимъ образомъ согласно съ этимъ происходятъ отъ Отца Сынъ и Духъ, и, наконецъ, прямо прибавляетъ: «отъ Сына Духъ не бываетъ (не происходитъ), но только (Онъ есть) Духъ Сына». Одну только, слѣдовательно, разумѣлъ раньше Дамаскинъ главную причину и этимъ самымъ исключаетъ совсѣмъ Сына отъ произведенія Св. Духа.—Какой-же выводъ отсюда могъ сдѣлать означенный выше іезуитъ? Развѣ, во-первыхъ, потому, что Отецъ называется первой причиной, Сынъ не можетъ быть исключенъ отъ произведенія

Св. Духа тамъ, гдѣ Одинъ только Отецъ называется причиною Св. Духа? Но св. Отцы точно такъ-же называютъ Отца главною причиною Духа Святаго, какъ и Сына. Значитъ и Духъ Святый не исключается изъ причины Сына тамъ, гдѣ Одинъ только Отецъ называется главною причиною Сына? Далѣе,—что за способъ доказательства: Отецъ называется первою причиною, т. е. причиною причины всѣхъ вещей—Сына,—слѣдовательно Сынъ не исключается изъ имени «причины» тамъ, гдѣ Одинъ только Отецъ называется причиною Духа Святаго. Или—развѣ потому только, что иногда Отецъ святыми Отцами называется первою причиною, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Отецъ Одинъ только называется причиною Духа Святаго, подъ словомъ «причина» необходимо сейчасъ-же разумѣть первую причину? Вѣдь, конечно, Отецъ есть также причина всемогущая, безмѣрная и неизслѣдованная. Значитъ, самымъ словомъ «причина» выражается причина всемогущая, безмѣрная, неизслѣдованная?—Нелѣпость. Напротивъ, —если св. Отцы для опредѣленія того, что Отецъ есть причина причины всѣхъ вещей, встрѣтили необходимость употребить выраженіе—«первая причина», ясно отсюда, что простымъ словомъ «причина» этого выразить нельзя.

Въ третьихъ: нашъ авторъ продолжаетъ возражать: я замѣтилъ, говоритъ онъ, что у св. Отцовъ имя Отецъ обозначаетъ причину и смѣшивается съ причиною. Это я прочиталъ, въ первыхъ, у св. Василія во II кн. [1]) противъ Евномія (листъ 724): «что-же иное обозначаетъ имя Отецъ, какъ не то, что Онъ есть причина и начало Рожденнаго отъ Него?» И въ другомъ мѣстѣ (л. 24) въ концѣ: «слово—родилъ—обозначаетъ причину, отъ которой Сынъ имѣетъ начало бытія».—То же высказываетъ св. Дамаскинъ въ I кн., гл. XV: «то, что соотвѣтствуетъ причинѣ, Отцу, источнику, родителю,—должно относить къ Одному только Отцу». Здѣсь причина, источникъ являются синонимами—Отца и родителя. то же даетъ понять св. Аѳанасій во II словѣ противъ

---

[1]) Ссылки проставлены іезуитскимъ писателемъ, а за нимъ и Зерникавомъ не совсѣмъ точно: онѣ взяты изъ кн. противъ Евномія, но изъ другихъ мѣстъ. *Прим. пер.*

Аріанъ: «Отецъ и Сынъ не созданы изъ какого-нибудь прежде существующаго начала, такъ чтобы Ихъ можно было считать братьями, но Отецъ есть начало и родитель Сына». И въ V словѣ онъ же говоритъ: «если-бы Савелліане говорили правду, то одно и то-же было бы причина и происшедшее отъ причины, раждающее и рожденное». И здѣсь причина берется вмѣсто раждающаго.— И св. Григорій Богословъ въ XXIX словѣ (листъ 85) [1]) говоритъ: «Сынъ, если только ты примешь Отца, какъ причину, отнюдь не-безначаленъ: ибо начало Сына Отецъ, какъ (Его) причина».

Все это разсужденіе рѣшительно не имѣетъ смысла. Если слово Отецъ обозначаетъ причину и ставится вмѣсто слова причина, то какимъ-же образомъ, согласно съ христіанской вѣрой, Отецъ называется причиною Духа Святаго? Въ такомъ случаѣ, значитъ, Духъ Святый имѣетъ Отца и потому есть Сынъ Отца? Далѣе—если слова: Отецъ и родитель суть синонимы слова причина, то равнымъ образомъ будутъ равнозначущими слова:—рожденный и происшедшій отъ причины,—а въ такомъ случаѣ и Духъ Святый, будучи происшедшимъ отъ причины, станетъ и рожденнымъ, что́—невозможно. Итакъ—слово причина обозначаетъ не—отецъ, а только производитель,—что́ мы выше видѣли. И Василій въ первомъ приведенномъ мѣстѣ училъ, что имя Отецъ означаетъ причину, но прибавлялъ: «и начало отъ Него рожденнаго»; слѣдовательно—имя Отецъ не просто причину обозначаетъ, но причину отъ Него рожденнаго. Во второмъ приведенномъ мѣстѣ онъ говорилъ также, что глаголъ «родилъ» обозначаетъ причину, но прибавилъ: «отъ кого Сынъ имѣетъ начало бытія». Такимъ образомъ—опять-таки Василій подъ словомъ «родилъ» разумѣетъ не просто причину, какъ снова невѣрно толкуетъ это іезуитъ, но причину, «изъ которой Сынъ имѣетъ начало бытія». Да и Дамаскинъ, желая показать, что́ Одному только Отцу присуще, къ другимъ свойствамъ присоединяетъ—источникъ и причину: «то, что соотвѣтствуетъ причинѣ, отцу, источнику,—все это должно примѣнить къ Одному только Отцу». Слѣдовательно—не по иной причинѣ Дамаскинъ это прибавляетъ, какъ потому, что это при-

[1]) По Кельнскому изданію 1690 г., стр. 490.

суще Одному только Отцу, какъ Его свойство; а то, что́ свойственно, смѣшивается, конечно, съ тѣмъ, кому свойственно. Какая-же необходимость заставляетъ дѣлать отсюда выводъ, что слова: причина, отецъ, источникъ, родитель суть синонимы, т. е. равнозначущи? Въ такомъ случаѣ—всѣ свойства были бы равнозначущи (синонимы) съ своими субъектами,—что́ нелѣпо. Развѣ, если то, что смѣшно, должно быть примѣнено къ одному только человѣку, то отсюда смѣшное и человѣкъ суть синонимы? Притомъ—Дамаскинъ вслѣдъ затѣмъ точно также продолжаетъ и о Сынѣ: «что-же соотвѣтствуетъ происшедшему отъ причины, рожденному, сыну,—то свойственно Сыну». Если слѣдовательно изъ того, что Дамаскинъ раньше говорилъ: «что свойственно источнику, отцу, причинѣ, родителю,—то нужно примѣнить къ Одному только Отцу»,—выводить заключеніе, что отецъ и причина суть синонимы,—то равнымъ образомъ синонимами окажутся рожденный и происшедшій отъ причины,—а потому—Духъ Святый, будучи происшедшимъ отъ причины, будетъ и рожденнымъ,—что́ невозможно. Мало того,—Дамаскинъ вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «что же, наконецъ, свойственно происшедшему отъ причины, исходящему, то соотвѣтсвуетъ Духу Святому». Слѣдовательно—на томъ же основаніи быть происшедшимъ отъ причины и исходить—будутъ синонимы и поэтому, значитъ, и Сынъ, будучи происшедшимъ отъ причины, происходитъ отъ Отца черезъ исхожденіе,—что́ невозможно. Такимъ образомъ—выходило бы, что Дамаскинъ и утверждаетъ, что быть происшедшимъ отъ причины и быть рожденнымъ—значитъ одно и то-же (синонимы) и въ то же время отрицаетъ это, утверждая, что быть происшедшимъ отъ причины и исходить—значитъ одно и то-же (синонимы). Насколько это нелѣпо, для всякаго очевидно. Но мало того, Дамаскинъ тутъ же продолжаетъ: «Отецъ—источникъ и причина Сына и Духа Святаго, Отецъ-же одного только Сына, а Духа Святаго производитель; Духъ Святый—не Сынъ Отца». Если бы въ предыдущемъ Дамаскинъ училъ, что Отецъ и причина—синонимы, то какимъ образомъ, спрашивается, желая объяснить, въ какомъ смыслѣ онъ раньше выразился: то, что свойственно причинѣ, отцу, должно быть примѣнено къ Одному только Отцу,—онъ вслѣдъ затѣмъ

прибавилъ бы: Отецъ есть причина Сына и Духа Святаго? Вѣдь если отецъ и причина—синонимы, то Отецъ отнюдь не есть причина Духа Святаго: Духъ Святый отца не имѣетъ, такъ какъ Онъ не—рожденъ. Поэтому то—самъ Іоаннъ Дамаскинъ прибавляетъ: «Духъ же Святый не—Сынъ Отца, такъ какъ отъ Отца исходитъ». Наконецъ—тамъ-же Дамаскинъ продолжаетъ: «и Духъ Сына, не какъ отъ Него, но какъ черезъ Него отъ Отца (исходящій): ибо единственная причина—Отецъ». Если-же для Дамаскина Отецъ и причина—синонимы, то онъ сталъ бы умозаключать здѣсь такъ: Самъ Духъ Святый отъ Сына не исходитъ, потому что Одинъ только Отецъ есть родитель. Насколько опять таки все это нелѣпо, для всякаго очевидно. Что касается Аѳанасія, то въ первомъ изъ приведенныхъ изъ него мѣстъ онъ говоритъ, что Отецъ есть начало и родитель Сына; но развѣ поэтому слово начало обозначаетъ родитель и можетъ быть поставлено вмѣсто него? Отецъ, равнымъ образомъ, есть начало Духа Святаго и προβολεύς. Но развѣ поэтому начало и προβολεύς (производитель) суть синонимы? Согласно съ догматомъ Церкви Отецъ есть προβολεύς (производитель) Одного только Духа Святаго, равно какъ родитель Одного только Сына,—такъ что Сынъ Божій называется происшедшимъ отъ Отца, какъ отъ причины (причиннымъ) [1]), и рожденнымъ, а Духъ Святый—причиннымъ и исходящимъ. Можно-ли утверждать, что быть причиннымъ—значитъ то же, что быть рожденнымъ, или исходящимъ? Конечно, Духъ Святый не—рожденъ, однако—происходитъ отъ причины; а Сынъ хотя происходитъ отъ причины, однако—не исходитъ. Что касается второго мѣста изъ Аѳанасія, то невѣрно опять таки, будто Аѳанасій здѣсь принимаетъ причину вмѣсто раждающаго: «причина Отецъ, говоритъ онъ, и происшедшее отъ причины,— раждающее и рожденное», обозначая, разумѣется, этимъ, что Отецъ есть причина и родитель, а Сынъ—происшедшій отъ причины и рожденный. Развѣ же поэтому Аѳанасій принимаетъ причину вмѣсто раждаю-

---

[1]) Такъ можно перевести латинское слово—causatus и греческое —αἰτιατός. Преосв. Сильвестръ переводитъ эти слова словомъ—виновный. *Пр. пер.*

щаго? Отецъ поистинѣ есть причина, поистинѣ также Онъ есть родитель: и всякій раждающій есть причина. Отсюда Отецъ называется причиною и родителемъ по отношенію къ Сыну, однако не наоборотъ: всякая причина есть также родитель. Далѣе—если-бы Аѳанасій, говоря: «(въ такомъ случаѣ) было бы одно и то же причина и происшедшее отъ причины раждающее и рожденное», разумѣлъ при этомъ, что причина и раждающее—синонимы, то, равнымъ образомъ, онъ призналъ бы, что, по его мнѣнію, и происшедшее отъ причины и рожденное—также синонимы. Вѣдь онъ одинаково замѣтилъ: «одно и то же было бы причина и происшедшее отъ причины, раждающее и рожденное». Такимъ образомъ, вышло бы, что Духъ Святый или рожденъ, или не произошелъ отъ причины; но то и другое—невозможно.—Наконецъ, что касается словъ Григорія Богослова, то онъ доказываетъ, что Сынъ не имѣетъ начала въ отношеніи времени, однако не безначаленъ (не лишенъ начала), если имѣть въ виду Его происхожденіе или произведеніе:—именно Онъ имѣетъ началомъ Отца, какъ причину. Каковъ же, спрашивается, силлогизмъ: Сынъ во времени не имѣетъ начала, но въ отношеніи причины имѣетъ Отца началомъ и причиною, или производителемъ, слѣдовательно—слово Отецъ обозначаетъ причину и можетъ быть замѣнено причиною? То-же, конечно, распространяется не только на Сына, но также и на Духа Святаго. Такъ—самъ Григорій Богословъ въ словѣ XXXV говоритъ: «какимъ образомъ не безначально то (Сынъ и Духъ Святый), что совѣчно? Конечно, Они (происходятъ) изъ Него (Отца), хотя однако не послѣ Него. Что—безначально,—то и совѣчно. Но вѣчное не совсѣмъ безначально, до тѣхъ поръ пока относится къ Отцу, какъ къ началу. Итакъ, по отношенію къ причинѣ оно не безначально». Никифоръ Константинопольскій въ посланіи къ Льву III, сказавши: «это—Сынъ, и не безъ начала Онъ, ибо—отъ Отца. Начало Сына Отецъ, какъ причина», совершенно подобное прибавляетъ о Духѣ Святомъ: «слѣдуетъ знать, что Духъ Святый не безначаленъ,—посредствомъ исхожденія Онъ отъ Отца: начало и Его Отецъ въ отношеніи причины». Такимъ образомъ—Отецъ называется началомъ въ смыслѣ причины не только Сына, но и Духа Святаго. Между тѣмъ, Отецъ—не Отецъ, но προβολεύς;

(производитель) Духа Святаго. Какимъ же образомъ изъ того, что Отецъ называется началомъ Сына въ смыслѣ причины можно было вывести заключеніе, что слово Отецъ значитъ причина и можетъ быть замѣнено словомъ причина?—Затѣмъ—во многихъ мѣстахъ Григорій Богословъ учитъ, что Отецъ есть причина какъ Сына, такъ и Духа Святаго, чего, конечно, нельзя было бы сказать, какъ доказано, если бы слова Отецъ и причина были синонимами.

Но допустимъ, наконецъ, что слова—отецъ и причина—синонимы: что этимъ доказалъ бы іезуитскій писатель? Развѣ поэтому, когда Одинъ только Отецъ называется причиною, обозначается причина непроизводная? Конечно, слово Отецъ нисколько не обозначаетъ—Отецъ непроизводный. Или, съ другой стороны, съ признаніемъ словъ отецъ и причина синонимами, если Одинъ только Отецъ называется причиною Духа Святаго, Сынъ этимъ самымъ не исключается изъ причины Духа Святаго? А между тѣмъ въ виду того, что Одинъ только Отецъ называется причиною Духа Святаго, утвержденіе іезуита, будто слова: отецъ и причина—синонимы, ни къ чему не ведетъ: вѣдь Духъ Святый Отца не имѣетъ.—

Въ—четвертыхъ: пойдемъ дальше за нашимъ авторомъ. Я замѣтилъ, говоритъ Циховій, что слово причина у нѣкоторыхъ обозначаетъ начало не одного, но того и другого лица. Такъ—это слово употребилъ св. Григорій въ XXXIX словѣ (листъ 184) [1]). «Отецъ былъ бы началомъ малаго и недостойнаго, если бы Онъ не былъ причиною того божества, которое усматривается въ Сынѣ и Духѣ Святомъ». И вслѣдъ затѣмъ: «по моему мнѣнію, Богъ сохранится Единымъ, если мы отнесемъ Сына и Духа Святаго къ одной причинѣ». Гораздо яснѣе пользуется этимъ обозначеніемъ авторъ анонимныхъ вопросовъ, помѣщенныхъ при II томѣ твореній Св. Аѳанасія. Въ вопросѣ XI онъ пишетъ слѣдующее: «я называю одну причину въ Богѣ,—и она (есть)

[1]) Зерникавъ, можетъ быть, слѣдуя Циховію, дѣлаетъ ошибку въ этой цитатѣ. Приведенныя слова находятся у Григорія Назіанзина въ XXIX словѣ «о догматѣ, или поставленіи епископовъ.» *Прим. пер.*

Отецъ: ибо Самъ Отецъ раждаетъ Сына и производитъ Св. Духа». А въ XII вопросѣ говоритъ: «если кто тебя спроситъ: почему Отецъ называется причиною? Говори: потому что Онъ раждаетъ Сына и ниспосылаетъ Духа Святаго». Какимъ же образомъ у Св. Григорія Богослова словомъ причина можетъ обозначаться совмѣстно начало Сына и Духа Святаго, если какъ утверждалъ іезуитъ въ предыдущемъ возраженіи, причина и отецъ, по Григорію, суть синонимы? Какъ, спрашивается, это согласить одно съ другимъ? Неосновательно затѣмъ онъ пытается умозаключать: Отецъ называется причиною Сына и Духа Святаго, или—Отецъ называется причиною потому, что раждаетъ Сына и посылаетъ Духа; слѣдовательно-слово причина означаетъ начало не одного, но совмѣстно Обоихъ Лицъ. Отецъ дѣйствительно есть и называется производителемъ Сына и Духа Святаго, и потому именно Отецъ просто называется производителемъ въ божествѣ, что раждаетъ Сына и посылаетъ Духа Святаго. Но развѣ поэтому слово производитель обозначаетъ совмѣстное начало Обоихъ Лицъ, а не порознь называется Отецъ производителемъ какъ въ отношеніи Сына, такъ и въ отношеніи Духа Святаго? Одинъ Богъ есть Творецъ неба и земли, или иначе—Богъ есть Творецъ, потому что сотворилъ небо и землю. Развѣ поэтому имя творецъ обозначаетъ непремѣнно совмѣстнаго творца неба и земли, а нельзя назвать творцемъ отдѣльно для неба и отдѣльно для земли? Кромѣ того, если у Григорія Назіанзина (Богослова) и у иныхъ Отцовъ подъ именемъ причины разумѣется совмѣстное начало Сына и Духа Святаго, а не одного только лица, то какимъ-же образомъ и Григорій Богословъ, и другіе Отцы такъ часто учатъ, что Отецъ есть причина въ отдѣльности какъ Сына, такъ и Духа Святаго? Приведенный выше авторъ «анонимныхъ вопросовъ» въ указанномъ мѣстѣ говоритъ: «затѣмъ—Отецъ называется причиною, потому что раждаетъ и не раждается, производитъ и не исходитъ: раждаетъ именно Сына, производитъ Духа Святаго. Поэтому-то Отецъ и называется причиною». Такимъ образомъ, этотъ авторъ, желая доказать, почему Отецъ называется причиною, прибавляетъ: «потому что раждаетъ Сына и посылаетъ Духа Святаго», этимъ самымъ показывая,

что Отецъ есть причина тѣмъ что раждаетъ Сына, и тѣмъ, что производитъ Духа Святаго, а не потому что слово причина обозначаетъ начало не одного только лица, а совмѣстное начало Обоихъ Лицъ.

Займемся послѣднимъ возраженіемъ того-же Циховія. Я замѣтилъ, наконецъ, говоритъ онъ, что самъ Богословъ (Григорій) и его самый постоянный послѣдователь св. Дамаскинъ не вполнѣ отрицаютъ соучастіе Сына въ причинѣ. Именно—во многихъ приведенныхъ выше мѣстахъ Григорій Богословъ называетъ Сына началомъ изъ начала, и обсуждая это названіе, самый точный его толкователь Никита вотъ что пишетъ въ своемъ комментаріи на XLII слово (номеръ XIX): «начало всего существующаго есть Отецъ, какъ причина; начало также и Сынъ, какъ соучастникъ причины. Ибо Давидъ, обращаясь къ Отцу, говоритъ: съ Тобою начало. Итакъ, Сынъ есть начало изъ начала, т. е. изъ Отца». А св. Дамаскинъ въ извѣстной XV главѣ, гдѣ онъ въ особенности присваиваетъ Отцу имя причины, такъ говоритъ: «что приличествуетъ рожденному отъ причины, Сыну, Слову, первоначальной силѣ,—то должно быть приписано Сыну». Это названіе первоначальная сила (primordialis potentia, δύναμις προκαταρκτική) придаетъ Сыну нѣчто особенное. Это особенное нельзя себѣ представить ничѣмъ инымъ, какъ началомъ, посредствомъ котораго Отецъ производитъ какъ извнутри, такъ и извнѣ все, что не есть Отецъ, или Сынъ.

Но какимъ же образомъ св. Дамаскинъ, который рѣшительно не допускаетъ, чтобы Сынъ былъ причиною Духа и поэтому отрицаетъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, могъ бы въ другомъ мѣстѣ дѣлать Сына соучастникомъ въ исхожденіи Св. Духа отъ Отца? Что же касается того, что Отцы называютъ Сына началомъ изъ начала, то это они разумѣютъ, конечно, въ отношеніи тварей. Такъ—Василій въ XLIII посланіи къ брату говоритъ: «есть нѣкоторая безпредѣльная сила, которая служитъ причиною той причинѣ, черезъ которую все создано. Ибо отъ Отца—Сынъ черезъ Котораго все (существуетъ)». Григорій Богословъ въ XXIX словѣ говоритъ: «Отца станемъ мыслить и называть и безначальнымъ, и началомъ;—началомъ, какъ причину и источникъ

(Сына и Духа Святаго) и какъ вѣчный свѣтъ. Сына же не станемъ нисколько признавать безначальнымъ, но началомъ всего». Точно такъ же и Августинъ въ V кн. XIII гл. «о Тройцѣ» пишетъ: «и началомъ называется Сынъ. Такъ когда Ему сказали: Ты Кто такой? Онъ отвѣтилъ: Я начало и говорю съ вами. Но не начало-ли Онъ Отца? Ибо, говоря, что Онъ—начало, Онъ хотѣлъ показать, что Онъ есть Творецъ; подобно Отцу, Онъ есть начало твари, такъ какъ отъ Него—все». И въ I кн. «дословнаго толкованія на книгу бытія», въ гл. VI—онъ же говоритъ: «подъ именемъ начала разумѣемъ Сына, Который сталъ началомъ не Отца, но черезъ Него Самого созданной изначала, въ особенности духовной твари, а затѣмъ и всей вообще твари». То же говоритъ и Григорій, епископъ Турскій, въ I кн. I гл. своей исторіи: «въ началѣ Богъ образовалъ небо и землю въ Христѣ Своемъ, т. е. въ Сынѣ Своемъ, Который есть начало всего». Въ такомъ именно смыслѣ Дамаскинъ называетъ Сына первоначальной силой; что также вытекаетъ изъ того, что, приписывая эту силу Одному Сыну, Духу Святому онъ приписываетъ силу совершительную. Но этого нельзя понимать иначе, какъ въ отношеніи тварей. Поэтому—не подлежитъ сомнѣнію, что іезуитъ неосновательно дѣлаетъ выводъ, будто названіе—первоначальная сила—придаетъ здѣсь Сыну нѣчто особенное, что не можетъ быть представлено иначе, какъ только началомъ, черезъ которое Отецъ производитъ какъ извнутри, такъ извнѣ все, что не есть Отецъ, ни Сынъ. Ибо равнымъ образомъ и названіе—сила совершительная—придастъ нѣчто особенное Духу Святому: однако поэтому она не могла быть принимаема за силу, дѣйствующую какъ извнутри, такъ и извнѣ. Посему св. Отцы столько разъ, какъ раньше замѣтилъ самъ возражатель, въ отношеніи тварей—Отца называютъ причиною, Сына—Творцемъ, а Духа Святаго—совершителемъ. Развѣ потому, что это имя Творца придаетъ Сыну нѣчто особенное (спеціальное),—эту особенность слѣдовало бы понимать также и въ отношеніи происхожденія лицъ божества (in divinis) какъ извнутри, такъ извнѣ? Напротивъ—эти три свойства Отца, Сына и Духа Святаго, т. е. причину, творчество и совершительность—въ такихъ же словахъ точно такъ же

распредѣляетъ и Дамаскинъ, приписывая Отцу—причину, Одному только Сыну—силу первоначальную, а Духу Святому—силу совершительную. Итакъ, названіемъ—первоначальная сила—Дамаскинъ обозначаетъ только, что Сынъ есть Творецъ,—что никоимъ образомъ нельзя истолковывать въ смыслѣ творца извнутри. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что, когда Василій въ I кн. гл. XIV «о Св. Духѣ» сказалъ: «въ твореніи всего принимай за προκαταρκτικὴν αἰτίαν (первоначальную причину)—Отца», то самъ іезуитъ въ своемъ первомъ возраженіи, изложенномъ выше, толковалъ эти слова только въ отношеніи тварей. Почему же, когда сказано о Сынѣ, что Онъ первоначальная сила, это нужно понимать творца извнутри?

Наконецъ, тотъ-же Циховій (въ своемъ трибуналѣ, стр. 316) возражаетъ: Дамаскинъ въ I кн., гл. X «о вѣрѣ» даетъ понять, что подъ словомъ τοῦ αἴτιου онъ разумѣетъ причину, которая ничего не получаетъ (имѣетъ) отъ другого, но все отъ себя самой. Слова же Дамаскина вотъ какія: «Отецъ безъ причины и нерожденъ, ибо Онъ не отъ кого-нибудь, а изъ Себя Самого имѣетъ бытіе; и все то, что имѣетъ, имѣетъ не отъ другого. Самъ же Онъ больше есть начало и причина какого бы то ни было естественнаго бытія для всего». Но гдѣ же здѣсь, спрашивается, Дамаскинъ учитъ, что онъ подъ именемъ причины разумѣетъ причину непроизводную? Онъ доказываетъ, что Отецъ—безъ причины, тѣмъ, что Онъ—не отъ кого-нибудь; затѣмъ—что Отецъ—не отъ кого-нибудь, доказываетъ тѣмъ, что Онъ имѣетъ бытіе изъ Себя Самого и, кромѣ того, все, что Онъ ни имѣетъ, имѣетъ не отъ другого. Гдѣ же здѣсь, повторяю, хоть какимъ-нибудь образомъ можно доказывать, что Дамаскинъ подъ словомъ причина подразумѣваетъ причину непроизводную? Такимъ образомъ, можно признать несомнѣннымъ и неоспоримымъ тотъ выводъ, что въ томъ случаѣ, когда Отцы учатъ, что Одинъ только Отецъ есть причина, источникъ, или начало Св. Духа, то подъ словомъ причина разумѣютъ просто только производителя и этимъ самымъ совершенно исключаетъ Сына изъ произведенія Св. Духа.—

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ вытекаетъ ясное убѣжденіе, что постоянно и въ непрерывномъ согласіи восточная

каѳолическая Церковь въ первые X вѣковъ вѣровала въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца. Убѣждаютъ въ этомъ прежде всего слова Діонисія Ареопагита, Григорія Чудотворца, Аѳанасія, Григорія Богослова, Василія Великаго, Епифанія, Григорія Нисскаго, Ѳеодорита, другихъ восточныхъ епископовъ, до нѣкотораго времени оспаривавшихъ Кирилла Александрійскаго, Леонтія, Аѳанасія Синаита, Максима Мученика, автора книги о Троицѣ, Іоанна Дамаскина, Константинопольскаго клира, императоровъ Михаила и Василія и другихъ восточныхъ епископовъ, Фотія, Митрофана Смирнскаго, Михаила Синкелла и наконецъ Иліи Критскаго.

Латиняне обыкновенно изъ писаній тѣхъ же восточныхъ Отцовъ приводятъ мѣста въ защиту своего ученія, и такихъ мѣстъ они находятъ не мало, но всѣ ихъ ссылки легко опровергаются. Это мы постараемся сдѣлать въ особенной главѣ, если тѣ, съ чьего благословенія и изволенія это написано, удостоятъ одобрить задуманный нами трудъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О поврежденіяхъ въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ Церкви относительно исхожденія Святаго Духа отъ Сына, совершенныхъ латинянами или олатинившимися греками.

Поврежденіе I.

Начнемъ съ того, что въ третьемъ [1]) засѣданіи Феррарскаго собора Кардиналъ Юліанъ [2]) представилъ очень древній списокъ дѣяній седьмого вселенскаго собора, въ которомъ Константинопольскій (Цареградскій) символъ читался съ прибавкою объ исхожденіи Святаго Духа отъ Сына. Съ тѣхъ поръ всѣ латинскія изданія дѣяній этого собора имѣютъ эту прибавку; внесена она даже въ латинскіе переводы дѣяній, изданные съ греческимъ текстомъ, какъ напр. томъ III «Соборовъ» —изданныхъ Северномъ Биніемъ въ Кельнѣ 1618 г. (часть I, стр. 685); томъ V «Соборовъ», изданныхъ въ Парижѣ 1636 г. (стр. 818); томъ III

---

[1]) Одни изъ историковъ этого собора (перенесеннаго потомъ во Флоренцію) считаютъ означенное засѣданіе третьимъ, другіе—пятымъ иные—четвертымъ, что не важно. *Прим. пер.*

[2]) Кардиналъ Юліанъ Цезарини назначенъ былъ папою Евгеніемъ IV вести пренія съ греками на соборѣ въ Феррарѣ, перенесенномъ впослѣдствіи во Флоренцію (1438—1439) Со стороны латинянъ онъ является главнымъ дѣятелемъ на этомъ соборѣ, окончившемся заключеніемъ уніи между церквами—западной и восточной. Въ 1444 г. онъ сопровождалъ въ качествѣ папскаго легата христіанское ополченіе, предводительствуемое польскимъ королемъ Владиславомъ III и вмѣстѣ съ нимъ палъ въ несчастной для христіанъ битвѣ при Варнѣ. Его можно считать главнымъ виновникомъ этого несчастія, такъ какъ онъ далъ совѣтъ нарушить заключенный съ султаномъ миръ, выгодный для христіанъ. *Прим. пер.*

«Соборовъ вселенскихъ», изданныхъ въ Римѣ 1608 г. (стр. 661); томъ XIX «Соборовъ», Парижское изданіе 1644 г. (стр. 579) и томъ VII «Соборовъ» Парижскаго изданія 1672 г. (столбецъ 554). Отсюда эту прибавку выставляетъ въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына Беллярминъ [1]) въ своемъ сочиненіи «о Христѣ», глава XXVII и въ другихъ мѣстахъ. Но самымъ недобросовѣстнымъ образомъ этой прибавкой былъ поврежденъ святой символъ седьмого вселенскаго собора.

Ибо, *во-первыхъ,* самыя дѣянія этого собора, изданныя латинянами по-гречески, не знаютъ этой прибавки, но символъ въ нихъ читается ненарушимо: «Который отъ Отца исходитъ». Такъ именно читается онъ во всѣхъ изданіяхъ соборовъ, только что перечисленныхъ, въ указанныхъ мѣстахъ и страницахъ. (Въ послѣднемъ изъ нихъ символъ по-гречески заключается въ столбцѣ 553). Какимъ же образомъ въ греческомъ текстѣ актовъ помянутаго (VII) собора не оказалось прибавки и отъ Сына, если бы рукописи греческія дѣяній этого собора се имѣли? Откуда, спрашивается, латинскій переводъ взялъ то, чего нѣтъ въ греческихъ рукописяхъ?

Во-вторыхъ,—и латинскіе акты этого собора въ древнихъ рукописяхъ прибавки (и отъ Сына) не имѣютъ. Такъ въ библіотекѣ славнаго среди латинянъ мужа Петра Пиѳейскаго [2]) находился древнѣйшій списокъ дѣяній VII вселенскаго собора, дошедшій отъ IX вѣка. Библіотекарь Анастасій перевелъ эти дѣянія на латинскій языкъ, причемъ въ этомъ переводѣ святой символъ читается ненарушимо безъ означенной прибавки. Это свидѣтельствуетъ самъ Петръ Пиѳейскій, который прямо признаетъ остальные списки дѣяній, заключающіе прибавку, испорченными. Вотъ какъ онъ выражается въ своей «исторіи стараго спора объ исхожденіи Св. Духа», изданной среди разныхъ мелкихъ его сочиненій въ Парижѣ въ 1609 г. (на стр. 136): «впрочемъ относительно того, что на одномъ Феррарскомъ засѣданіи нѣкоторые

---

[1]) Кардиналъ Беллярминъ—(знаменитый іезуитскій богословъ 1542—1621). *Примѣч. перевод.*

[2]) Петръ Пиѳейскій (Pierre Pithe) славный французскій законовѣдъ (1539—1596). *Примѣч. перевод.*

изъ латинянъ осмѣлились утверждать, что опредѣленіемъ VII собора исхожденіе Духа отъ Сына ясно выражено, и представили даже для доказательства нѣкоторый старинный греческій экземпляръ, то хотя слѣдуетъ придавать нѣкоторое значеніе свидѣтельству Мартина Полика, однако, не въ обиду будь сказано нашимъ (богословамъ), я долженъ замѣтить, что я этому придаю мало вѣса;—въ особенности потому, что даже самый списокъ библіотекаря Римской Церкви Анастасія, который жилъ почти въ то-же время (т. е. во времена VII вселенскаго собора) и немного позже при папѣ Іоаннѣ VIII, постановленія VII собора переводилъ на латинскій языкъ,—списокъ древнѣйшій у насъ, ничего такого не содержитъ, развѣ только допустимъ, что въ сборникѣ постановленій Константинопольскаго собора, на который ссылаются греки, впослѣдствіи произведены были поправки, что не легко признать». Но дѣйствительно во всѣхъ изданныхъ экземплярахъ дѣяній VII вселенскаго собора, переведенныхъ на латинскій языкъ упомянутымъ Анастасіемъ, символъ всегда читается съ прибавкой (и отъ Сына). Между тѣмъ издатели дѣяній Соборовъ іезуиты Лаббе и Коссартій въ своемъ изданіи 1672 г.—въ Парижѣ, на полѣ подлѣ словъ II Никейскаго вселенскаго собора (т. VII Соборовъ, столб. 554): «Который отъ Отца и Сына исходитъ», заявляютъ, что въ Юліанскомъ [1]) рукописномъ кодексѣ читается: «Который отъ Отца исходитъ», т. е. съ опущеніемъ и отъ Сына. Спрашивается, какимъ образомъ отъ самихъ Отцовъ могло бы дойти то, чего нѣтъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ?

Въ третьихъ:—всѣ списки, которые принесли съ собою въ Феррару восточные іерархи, не имѣли прибавки, и наконецъ весь Востокъ не знаетъ, что символъ II Никейскаго вселенскаго собора имѣлъ такую прибавку.

Въ четвертыхъ:—какимъ образомъ папа Левъ III осмѣлился бы отвергнуть и порицать прибавку, какъ противную постановленіямъ вселенскихъ соборовъ, и этимъ воздвигнуть несокрушимый памятникъ противъ этой прибавки изъ любви къ охраненію неприкосновеннымъ чтенія символа, если бы VII всленскій соборъ

---

[1]) т. е. Кардинала Юліана.

незадолго до него, съ согласія папы Римскаго Адріана, утвердилъ эту прибавку къ символу? Какимъ образомъ также Іоаннъ VIII могъ бы подвергнуть осужденію прибавку, какъ противную Св. Писанію и соборамъ, и ея виновниковъ, если-бы уже на VII вселенскомъ соборѣ такъ читался символъ?

Въ пятыхъ:—развѣ не на вселенскомъ соборѣ, который утвердилъ Фотія на патріаршествѣ, заявлено было, что всѣми соборами ненарушимо былъ переданъ святой символъ и въ такомъ видѣ сохранился даже до временъ этого собора? Какимъ-же образомъ тотъ-же соборъ осмѣлился бы осудить и подвергнуть анаѳемѣ всякую прибавку къ символу, имѣя въ виду при этомъ и исхожденіе Св. Духа отъ Сына, если-бы уже на VII вселенскомъ соборѣ, имъ признаваемомъ, символъ читался съ этой прибавкой?

Въ шестыхъ:—если уже VII соборъ вселенскій одобрилъ эту прибавку (и отъ Сына) къ символу, то почему послѣ этого ни одинъ изъ латинянъ, а впослѣдствіи никто изъ олатинившихся грековъ до временъ Феррарскаго собора не привелъ этого обстоятельства въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына, или въ защиту этой прибавки къ символу? Вѣдь акты этого вселенскаго собора ни отъ кого не скрывались и были доступны всякому. Поэтому, вмѣсто всякихъ хитросплетеній и доказательствъ, которыя въ огромномъ количествѣ представляли споривше, достаточно было бы только настаивать, что такъ именно читанъ былъ символъ на VII вселенскомъ соборѣ,—что такъ опредѣлено было читать его этимъ соборомъ,—слѣдовательно всѣ, кто несогласенъ съ опредѣленіемъ вселенскаго собора, должны быть отлучены отъ каѳолической Церкви. Отсюда ясно вытекаетъ, что въ символѣ VII вселенскаго собора такой прибавки не было.

Однако, говорятъ, списокъ Юліана, который онъ представилъ въ Феррарѣ, былъ очень древній. Но помимо восточныхъ списковъ, очень древнимъ былъ и списокъ Пиѳейскій, въ которомъ прибавки нѣтъ. Если принять во вниманіе, что прибавка въ символѣ была внесена нѣкоторыми латинянами уже подъ конецъ VIII вѣка, то почему нельзя допустить, что списокъ Юліана былъ написанъ по крайней мѣрѣ въ IX, или въ X вѣкѣ? Развѣ въ такомъ случаѣ онъ не былъ бы достаточно древнимъ?

Беллярминъ въ сочиненіи своемъ «о Христѣ» (книга II, гл. XXII) утверждаетъ, что греки, а не латиняне имѣли обыкновеніе повреждать творенія Отцовъ Церкви, что латиняне никогда не давали повода имъ не довѣрять. Но этотъ іезуитъ черезчуръ пристрастенъ къ своимъ. Ибо насколько мы вправѣ заподозрить добросовѣстность латинянъ, достаточно докажетъ и настоящая глава, и другая—объ извращеніяхъ, допущенныхъ въ писаніяхъ латинянъ, гдѣ будетъ ясно доказано, что латиняне обнаружили безчисленные примѣры недобросовѣстности въ вопросѣ объ исхожденіи Святаго Духа отъ Сына.

На томъ же Феррарскомъ соборѣ кардиналъ Юліанъ, подъ конецъ пятаго засѣданія, заявилъ, что у него есть подъ руками одинъ древній историкъ, мужъ ученый, который между прочимъ говоритъ: «такъ именно (т. е. съ прибавкой «и отъ Сына») символъ былъ изложенъ и читанъ на VII вселенскомъ соборѣ». Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду польскаго историка Мартина, который въ своей исторіи (подъ номеромъ LXXI-мъ), говоря объ императорѣ Византійскомъ Константинѣ VI (780—797), замѣчаетъ: «въ восьмой годъ его царствованія состоялся святой Никейскій соборъ изъ 351-го епископовъ и святыхъ Отцовъ, на которомъ было утверждено, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и отъ Сына». На это свидѣтельство Юліанъ опирался въ подтвержденіе подлинности представленнаго имъ списка. Но развѣ приведенный имъ авторъ жилъ во времена, близкія къ собору, о которомъ онъ говоритъ? Онъ жилъ въ XIV вѣкѣ [1]), между тѣмъ какъ соборъ происходилъ въ концѣ VIII вѣка (въ 787 г.). Легко допустить что онъ самъ попалъ на испорченный списокъ дѣяній этого собора. Притомъ, развѣ Мартинъ Полякъ утверждаетъ, что означенный соборъ включилъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына въ символъ? Напротивъ—онъ заявляетъ, что ученіе это было только одобрено, а о символѣ и не упоминаетъ. Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду слова Тарасія, въ которыхъ на томъ же соборѣ заявлялось, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца черезъ Сына, слова на которыя

[1]) Мартинъ жилъ въ XIII в.; назначенный въ 1278 году папою Николаемъ III архіепископомъ Гнѣзенскимъ, онъ спѣшилъ къ своей каѳедрѣ, но на дорогѣ умеръ и погребенъ въ Болоньи. *Прим. пер.*

часто опираются латиняне въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Итакъ, на какомъ же основаніи Юліанъ утверждалъ, что приведенный имъ историкъ свидѣтельствуетъ, будто символъ былъ читанъ на VII вселенскомъ соборѣ съ прибавкою—и отъ Сына? Точно такъ же, основываясь на нѣкоторыхъ словахъ Кирилла, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, всѣ латиняне доказываютъ, что уже III вселенскимъ соборомъ подтверждено было ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына; но слѣдуетъ ли отсюда, что они утверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, будто символъ на этомъ соборѣ былъ читанъ съ прибавленіемъ—и отъ Сына?

Однако Бароній [1]) подъ 860 годомъ (номеръ XXXVI) упрекаетъ грековъ за то, что они выпустили изъ символа VII вселенскаго собора слова—«и отъ Сына», что́, по его словамъ, уже задолго до Юліана замѣтилъ и заклеймилъ Мануилъ Калека [2]), грекъ, принявшій латинство. Дѣйствительно Мануилъ Калека въ I кн. своихъ «опроверженій грековъ (disputationes contra orientales, т. XIV—Кельнскаго изданія Отцовъ) на стр. 26 говоритъ: «относительно того, что постановлено было въ Никеѣ (т. е. на VII соборѣ), святой соборъ утверждаетъ: вѣрую въ Духа Святаго отъ Отца черезъ Сына исходящаго и Самаго Богомъ признаннаго. То же утверждаетъ и св. Тарасій, епископъ Константинопольскій, который игралъ большую роль на этомъ соборѣ, въ письмѣ, написанномъ имъ къ епископамъ и священникамъ Антіохіи, Александріи и святаго города (т. е. Рима), начинающемся словами: Богъ и Господь нашъ, располагая и направляя жизнь людей многими и чрезвычайными промышленіями,—письмѣ, принятомъ и во всѣхъ отношеніяхъ по справедливости одобренномъ тѣми, къ кому оно относилось. Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ: «и въ Духа Святаго,

[1]) Бароній—Кардиналъ, ученый историкъ Церкви—1538—1607. *Прим. перев.*

[2]) Мануилъ Калека, родомъ грекъ, сталъ ненавистникомъ грековъ, отпавши отъ восточной Церкви и вступивши въ Доминиканскій орденъ. Одинъ писатель ошибочно именуетъ его въ числѣ членовъ Ліонскаго собора 1274 г. На самомъ дѣлѣ Калека жилъ и писалъ много въ защиту ученія латинской церкви около половины XIV в., т. е. лѣтъ не болѣе ста передъ Кардиналомъ Юліаномъ, главнымъ борцомъ за латинство на Флорентійскомъ соборѣ. *Прим. пер.*

Который отъ Отца черезъ Сына исходитъ и Самъ Богомъ признается». Вотъ подлинныя слова Калеки. Гдѣ же тутъ онъ замѣчаетъ и клеймитъ грековъ за то, что они выпустили въ символѣ VII вселенскаго собора выраженіе—и отъ Сына? Если же Бароній имѣетъ въ виду слова Калеки, что вселенскій соборъ выразился: «вѣрую и въ Духа Святаго отъ Отца черезъ Сына исходящаго», то развѣ Калека этимъ говоритъ, что соборъ внесъ эти слова въ свой символъ? Напротивъ о символѣ онъ хранитъ глубокое молчаніе; а между тѣмъ Бароній хочетъ отнести ихъ къ символу. Но кто будетъ столь легкомысленъ, чтобы изъ словъ Калеки вывести заключеніе, что онъ признавалъ ихъ допущеніе въ символъ VII вселенскимъ соборомъ, или самъ повѣритъ, что такое выраженіе было въ символѣ этого собора? Притомъ—не менѣе и самъ Калека погрѣшаетъ, приписывая приведенныя слова VII вселенскому собору, между тѣмъ какъ это были слова Тарасія, что онъ и самъ заявляетъ. Что же касается дѣяній (актовъ) собора, то въ нихъ нѣтъ формулы: «вѣрую въ Духа Святаго черезъ Сына исходящаго и Самого Богомъ признаннаго».

Тотъ же Бароній подъ 787 годомъ, заключивши изъ представленія Кардинала Юліана, что символъ VII собора содержалъ слова: «отъ Отца и Сына», но греки— «отъ Сына» вычеркнули, продолжаетъ: «впрочемъ эта записка, названная капитуляріемъ противъ Никейскаго собора и посланная Карломъ Великимъ черезъ Энгильберта, своего приближеннаго аббата къ Адріану, папѣ Римскому, показываетъ, каково было подлинное чтеніе этого текста, именно потому, что въ ней противникъ укоряетъ Тарасія за то, что въ третьемъ дѣяніи онъ не сказалъ: отъ Отца и Сына. Слѣдовательно, если бы то-же было написано въ исповѣданіи вѣры всего собора, исповѣданіи, заключающемся въ седьмомъ дѣяніи т. е.—въ Духа Святаго отъ Отца черезъ Сына исходящаго, а не отъ Отца и Сына исходящаго, то, конечно, противникъ не одного Тарасія порицалъ бы, но и весь соборъ, на который онъ жестоко нападалъ». Далѣе Бароній прибавляетъ: «если же противникъ не весь соборъ, а только Тарасія обвиняетъ въ погрѣшности, допущенной имъ въ третьемъ дѣяніи, то это очевидное доказательство, что въ исповѣданіи вѣры собора, изложенномъ въ VII дѣяніи,

было написано иначе и что подлинное чтеніе было именно таково, какимъ оно является въ древнемъ латинскомъ спискѣ». Удивительное заключеніе! Символъ VII вселенскаго собора не содержалъ словъ: отъ Отца черезъ Сына исходящаго,—слѣдовательно: въ немъ стояло:—отъ Отца и Сына исходящаго. Но, спрашивается, почему же въ этомъ символѣ не могло стоять: отъ Отца исходящаго? Вѣдь равнымъ образомъ въ немъ могло бы не быть и выраженія—отъ Отца черезъ Сына исходящаго. Такимъ образомъ выходитъ, что когда Калека вышеприведенными словами свидѣтельствуетъ, что VII соборъ выразился: вѣрую въ Духа Святаго черезъ Сына отъ Отца исходящаго, то Бароній, принимая эти слова относительно самого символа, молчаливо порицаетъ выраженіе Калеки и доказываетъ, что въ символѣ VII вселенскаго собора читалось—не отъ Отца черезъ Сына исходящаго, какъ тотъ заявлялъ, а именно: отъ Отца и Сына исходящаго. Но какъ уже было замѣчено, Калека эти слова (отъ Отца черезъ Сына) приписалъ собору по заблужденію. Со стороны же Баронія является безразсудною смѣлостью желаніе убѣдить насъ, что символъ VII вселенскаго собора, по словамъ Калеки, заключалъ выраженіе: «вѣрую въ Духа Святаго отъ Отца черезъ Сына исходящаго и что Онъ Богомъ признанъ». Ибо это выраженіе разнится отъ словъ св. символа, какъ небо отъ земли.—

Но вотъ что еще говоритъ тамъ же Бароній: «первый укоръ и воспрещеніе иконоборцевъ направлены были на то, чтобы не признавать Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына. Отцы же Церкви, чтобы въ этомъ не имѣть съ ними общенія, вопреки ихъ положенію выразились: «отъ Отца и Сына исходящаго». Говоря: «иконоборцы отрицали исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына», Бароній имѣетъ въ виду сообщеніе латинскихъ историковъ, что въ 766 году на большомъ соборѣ въ Галліи восточные Отцы спорили съ латинянами объ исхожденіи Св. Духа. Но какъ мы въ другомъ мѣстѣ доказываемъ, латиняне выдумали, будто на соборѣ 766 года между греками и латинянами шелъ споръ объ исхожденіи Св. Духа. Дѣйствительно, иконоборцы отвергали исхожденіе Св. Духа отъ Сына; но ложно утвержденіе, будто вслѣдствіе этого кто-нибудь понималъ догматъ о Св. Духѣ про-

тивно духу каѳолической Церкви и чтобы наперекоръ иконоборцамъ VII вселенскій соборъ долженъ былъ внести въ святой символъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына.

Наконецъ тамъ же Бароній пишетъ: «это же (т. е. исхожденіе отъ Отца и Сына) слѣдуетъ вывести изъ отвѣта папы Адріана, въ которомъ онъ защищаетъ Тарасія и утверждаетъ, что Римская церковь принимала то и другое,—что можно сказать:—отъ Отца и Сына исходящаго—и—отъ Отца черезъ Сына исходящаго. И Геннадій говоритъ: блаженный Тарасій, патріархъ Константинопольскій, въ письмѣ къ патріархамъ Востока, начинающемся словами: многими и великими промышленіями, такъ утверждаетъ: и въ Духа Святаго, Который отъ Отца черезъ Сына исходитъ и Котораго признаемъ Богомъ. Слышишь: отъ Отца, говоритъ, черезъ Сына исходитъ. Было уже раньше сказано, что словомъ «черезъ» онъ обозначаетъ причину и т. д. Этими словами Геннадій даетъ понять, что все равно сказать: черезъ Сына или отъ Сына».

Въ своемъ мѣстѣ мы доказываемъ, что какъ сочиненіе въ «защиту пяти главъ Флорентинскаго собора», изъ котораго взяты приведенныя слова и которое существуетъ подъ именемъ Геннадія, никоимъ образомъ не принадлежитъ патріарху Константинопольскому Геннадію, такъ равно и отвѣтъ папы Адріана испорченъ, но пока признаемъ ихъ подлинными. Удивительное во всякомъ случаѣ дѣлаетъ логическое построеніе Бароній: Римская церковь учитъ, что одинаково правильно сказать: Духъ Святый исходитъ отъ Отца черезъ Сына, или—отъ Отца и Сына; Геннадій также учитъ: одно и то же сказать: черезъ Сына, или отъ Сына; слѣдовательно—въ символѣ VII вселенскаго собора находилась извѣстная прибавка объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Но кто же, не лишенный здраваго смысла, не признаетъ, что дѣлать такой выводъ нелѣпо. Вѣдь, по словамъ латинянъ, уже во времена VI вселенскаго собора Римская церковь думала, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына;—слѣдуетъ ли изъ этого, что означенная прибавка была внесена уже въ символъ VI вселенскаго собора?

Во всякомъ случаѣ никоимъ образомъ нельзя признать Баронія основательнымъ и вѣрнымъ себѣ, когда онъ списокъ дѣя-

ній VII вселенскаго собора, представленный Юліаномъ на Феррарскомъ соборѣ, называетъ то латинскимъ, то греческимъ. Такъ въ приведенныхъ выше словахъ онъ говорилъ: «это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что подлинное чтеніе было то самое которое заключалъ древній латинскій списокъ». Но раньше онъ заявлялъ: «это содержитъ въ себѣ общераспространенный переводъ (дѣяній) этого (седьмого) собора,—то же заключаетъ и древній переводъ библіотекаря Анастасія, написанный при папѣ Іоаннѣ VIII, и—греческій текстъ, дабы кто не сталъ доказывать, что это поддѣлка. Ибо когда на Флорентинскомъ соборѣ читалось то опредѣленіе вѣры, которое составлено было на пятомъ засѣданіи собора Феррарскаго, то это внесено въ акты изъ подлиннаго чтенія текста». Вотъ какъ у латинянъ черезъ нѣсколько строкъ латинскій списокъ переходитъ въ греческій, если только для ихъ интересовъ выгоднѣе, чтобы онъ былъ греческимъ, а не латинскимъ. Но о спискѣ Юліана было сказано выше.

Итакъ латиняне не устыдились съ самымъ дурнымъ и недостойнымъ христіанъ умысломъ, подобно еретикамъ, извратить самый символъ VII вселенскаго собора. Между тѣмъ это символъ —не одного, или двухъ Отцовъ, но трехсотъ шестидесяти семи собравшихся епископовъ. Какимъ же именемъ назвать подобное преступленіе? Когда монофелиты были изобличены на VI соборѣ въ томъ, что они въ седьмомъ дѣяніи V собора вселенскаго внесли одно дѣйствованіе (ἐνέργεια) во Христѣ, то были преданы за это анаѳемѣ. Въ четырнадцатомъ дѣяніи VI вселенскій соборъ постановилъ (т. VI Соборовъ, столб. 983): «анаѳема да будетъ всѣмъ, которые поддѣлали акты V вселенскаго собора». Чего же, какъ не анаѳемы, заслуживаютъ, по мысли этого собора, тѣ, кто не побоялся повредить самый символъ вселенскаго собора.

Поврежденіе II.

Поврежденно читаетъ акты I Никейскаго вселенскаго собора Беккъ [1]). Такъ въ своемъ «сводѣ свидѣтельствъ объ исхожденіи

---

[1]) Βέκκος—олатинившійся грекъ, много писавшій въ защиту латинскихъ взглядовъ. Сохраняемъ латинскую форму его прозванія, такъ какъ писалъ онъ свои сочиненія по латыни. *Прим. пер.*

Св. Духа», изданномъ въ Римѣ въ 1630 году Петромъ Аркудіемъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями того-же рода и озаглавленномъ Orera aurea theologica, онъ приводитъ (на стр. 104) слова *Леонтія*, епископа Кесаріи Каппадокійской, говорящія будто бы въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, въ такомъ видѣ: «есть Духъ, исходящій отъ Отца, свойственный же Сыну и изъ Него истекающій». Такъ читаетъ и Мануилъ Калека (II кн. «разсужденій въ пользу латинянъ», стр. 278 и 283, т. XVI Кельнской библіотеки Отцовъ). Но у Геласія Кизикскаго (кн. II дѣяній I-го собора, гл. XXII, т. II Соборовъ, столб. 213) эти слова Леонтія выражены такъ: «исходящій отъ Отца, свойственный Сыну, а что отъ Него на насъ изливается, объ этомъ Самъ Господь въ евангеліи очень ясно учитъ». Слѣдовательно то, что Леонтій отъ имени собора говорилъ объ изліяніи Св. Духа на насъ временномъ, выражаясь:— «отъ Него на насъ изливается»,—Беккъ, или тотъ, кто испортилъ имѣвшійся у него списокъ актовъ I-го собора, натягивая елико возможно эти слова къ исхожденію Св. Духа отъ Сына, извращаетъ, пропуская слово «на насъ», а говоря просто: «изъ Него истекающій» чтобы показать этими словами, будто и I вселенскій соборъ вѣрилъ, что Духъ Святый имѣетъ причину Своего существованія и въ Сынѣ. Впрочемъ, злонамѣренно ли извратилъ слова Леонтія Беккъ, или пользовался испорченнымъ спискомъ, но приведенное имъ мѣсто не можетъ служить въ пользу его положенія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, ибо если даже опустить слово «на насъ», это выраженіе можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ временнаго изліянія Св. Духа.

Поврежденіе III.

Въ латинскомъ переводѣ литургіи св. Евангелиста *Марка* (т. X Великой библіотеки) находимъ слѣдующее мѣсто: «молимъ Тебя, благой человѣколюбецъ, да пошлешь съ святой Твоей высоты, изъ лона Твоего—Самаго Утѣшителя, Духа истины, Который вездѣ Тебѣ единосущенъ, изъ Тебя и Сына исходитъ, возсѣдаетъ съ Тобою на тронѣ царства Твоего». Это мѣсто цитируетъ Циховій [1]).

[1]) III вопросъ его «Трибунала».

Но таже литургія св. Марка въ библіотекѣ греческихъ Отцовъ, изд. въ Парижѣ 1624 г. (въ т. II, на стр. 37). представляетъ послѣднія изъ приведенныхъ словъ въ слѣдующемъ видѣ: «Который вездѣ присутствуетъ, Тебѣ единосущенъ, изъ Тебя исходитъ (τὸ ἐκ σοῦ ἐκπορεβόμενον), возсѣдаетъ съ Тобою на тронѣ царства Твоего».

Если бы было вѣрнымъ первое чтеніе, то на слова литургіи св. Марка несомнѣнно сослались бы латинствующіе греки: Никифоръ Влеммидъ, Беккъ, Мануилъ Калека, Виссаріонъ, Схоларій и др., которые выискивали въ древнихъ памятникахъ все, что какимъ бы то ни было образомъ благопріятствовало исхожденію Св. Духа отъ Сына. Конечно, это краснорѣчивое свидѣтельство евангелиста имѣло бы болѣе силы, чѣмъ всякіе другіе авторитеты, менѣе важные. Притомъ нельзя допустить, чтобы литургія св. Марка была неизвѣстна, такъ какъ она обращалась въ рукахъ всѣхъ. Нужно также замѣтить, что на приписываемыя Марку слова не ссылается ни одинъ изъ латинянъ, писавшихъ противъ или споривших съ представителями Востока. Удивительно поэтому, какъ латиняне, не побоявшіеся извратить литургію св. Марка, не рѣшились еще къ словамъ св. Писанія, разумѣю слова Евангелиста Іоанна, прибавить: «Который отъ Отца и отъ Меня исходитъ»!

Поврежденіе IV.

Беккъ въ своемъ «сводѣ мнѣній св. Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа», изданномъ Аркудіемъ (на стр. 108), выставляетъ слѣдующее мѣсто изъ изложенія вѣры *Григорія Чудотворца* противъ Елипанда [1]): «такъ какъ существуетъ Отецъ нерожденный, Сынъ же раждается отъ Отца, а Духъ Святый вѣчно изсылается изъ существа Отца и Сына».

Но въ твореніяхъ Григорія Чудотворца, изданныхъ самыми латинянами (на стр. 101), это мѣсто въ латинскомъ переводѣ такъ читается: «такъ какъ пребываетъ Отецъ нерожденный, Сынъ же раждается отъ Отца, а Духъ Святый изъ существа

[1]) У Зерникава это имя стоитъ ошибочно вмѣсто имени Эліана; впрочемъ можетъ быть, это ошибка переписчика. *Прим. Перев.*

Отца «черезъ» Сына вѣчно изсылается». Такимъ образомъ у Бекка стоитъ: «изъ существа Отца и Сына», а у латинскаго переводчика: «изъ существа Отца «черезъ» Сына»,—что совсѣмъ не одно и то же. Конечно, приведенный переводчикъ латинскій не преминулъ бы удержать выраженіе: «изъ существа Отца и Сына вѣчно изсылается», если бы таковое заключалъ греческій списокъ, потому что этими словами ясно утверждалось бы исхожденіе Св. Духа отъ Сына; между тѣмъ даже Мануилъ Калека читаетъ: «изъ существа Отца черезъ Сына», не смотря на свою приверженность къ латинству (кн. I «разсужденій въ защиту латинянъ». XIV т. Кельнской библіотеки Отцовъ).

Поврежденіе V.

Св. Аѳанасій въ IV кн. противъ Арія, согласно латинскому переводу, такъ выражается: «не три начала, или не трехъ Отцовъ мы вводимъ, какъ Маркіониты и Манихеи, потому что для сравненія мы приводимъ не три солнца, но единственное солнце и его блескъ и единственный изъ «обоихъ» свѣтъ». Такъ читается это мѣсто въ твореніяхъ Аѳанасія, изданныхъ по-латини въ Парижѣ въ 1608 г., стр. 118 и въ 1581 г. стр. 155 и въ изд. Базельскомъ 1600 г. стр. 262; такъ оно стоитъ и въ латинскомъ переводѣ, изданномъ вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ въ Гейдельбергѣ въ 1600 г. стр. 262 и въ Парижѣ въ 1627 г. стр. 467. Это мѣсто въ числѣ другихъ писателей приводитъ Беллярминъ въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына во II кн. гл. XXV своего сочиненія «о Христѣ» и при этомъ прибавляетъ: «видишь здѣсъ очень ясно, что существуетъ тройца: солнце, блескъ и изъ того и другого исходящій свѣтъ. И не думаю, чтобы можно было сомнѣваться въ томъ, что св. Аѳанасій подъ солнцемъ разумѣлъ Отца, подъ блескомъ—Сына, подъ свѣтомъ—Святаго Духа. Что, спрашивается, противъ этого можно возразить»?

Но греческій текстъ въ указанныхъ изданіяхъ самихъ латинянъ (Гейдельбергскомъ и Парижскомъ 1627 г.—вышеприведенныя страницы) послѣднія слова Аѳанасія излагаетъ такъ: «но единственное солнце и блескъ и единственный изъ солнца въ блескѣ свѣтъ (καὶ ἐν τὸ ἐξ ἡλίου ἐν τῷ ἀπαυγάσματι φῶς)». Такимъ

образомъ тамъ, гдѣ Аѳанасій говоритъ: «единый свѣтъ изъ солнца въ блескѣ». латиняне съ злымъ умысломъ, испортивъ эти слова, вмѣсто нихъ поставили: «единственный изъ «обоихъ» свѣтъ».

Можно сказать [1]): «даже и по неиспорченному тексту Аѳанасія Аѳанасій учитъ, что Духъ Святый относится къ Отцу и Сыну такъ, какъ свѣтъ къ солнцу и блеску». Иначе говоря: подобно тому какъ свѣтъ исходитъ не отъ одного только солнца, но также черезъ блескъ, или отъ блеска; такъ и Духъ Святый исходитъ не отъ Одного Отца, но отъ Отца и Сына, или черезъ Сына. Но хотя св. Аѳанасій сравниваетъ Св. Духа со свѣтомъ, однако онъ не сказалъ, что свѣтъ происходитъ изъ солнца, или изъ луча, или черезъ лучъ,—а только—изъ солнца въ блескѣ—свѣтъ. И другіе отцы церкви прибѣгаютъ къ такому же уподобленію, сравнивая Отца съ солнцемъ, Сына съ лучемъ и Св. Духа съ блескомъ; но они никоимъ образомъ не понимаютъ этого въ предложенномъ (латинянами) смыслѣ. Ибо, какъ мы видѣли въ отдѣлѣ этой книги о свидѣтельствахъ св. Отцовъ,—Іоаннъ Дамаскинъ, неизвѣстный авторъ книги о Троицѣ, приписываемой Св. Кириллу, и Германъ, патріархъ Константинопольскій, такъ излагаютъ это ученіе: «солнце есть единственная причина луча и блеска, а только блескъ намъ сообщается черезъ или посредствомъ луча».

Поврежденіе VI.

Гуго Родольфъ и другіе апокрисіаріи Римскаго папы Григорія IX [1]), посланные къ патріарху Константинопольскому Герману, въ своемъ опредѣленіи исхожденія Св. Духа отъ Сына, которое они передали представителямъ восточной церкви на Нимфейскомъ соборѣ, приводятъ слѣдующее мѣсто изъ *Аѳанасія* (т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 326): «Духъ Святый есть исхожденіе Отца и всеносящаго Сына, черезъ Котораго наполнилъ все». Къ этому они прибавляютъ: «дословно то же говоритъ Аѳанасій въ изложеніи вѣры, которое онъ представилъ на греческомъ языкѣ».

---

[1]) Такъ возражаетъ Циховій,—вопросъ III, стр. 32.

[2]) Григорій IX былъ папою съ 1227—1241 г. *Прим. перев*

Но въ изложеніи вѣры, помѣщенномъ въ концѣ I т. твореній Аѳанасія, Парижскаго изданія 1627 г. стр. 242, указанное мѣсто читается такъ: «Духъ Святый есть исхожденіе Отца, всегда находится въ рукахъ посылающаго Отца и Сына несущаго, черезъ Котораго все наполнилъ». Въ такомъ видѣ это мѣсто стоитъ во всѣхъ изданіяхъ твореній Аѳанасія. Слѣдовательно, либо сами папскіе анокрисіаріи, либо тѣ, кто испортилъ списокъ твореній Аѳанасія, имп принятый, злонамѣренно выпускаютъ изъ выраженія Аѳанасія слова: «всегда находится въ рукахъ Отца посылающаго», чтобы такимъ образомъ изъ непосредственнаго соединенія словъ выходило, что Духъ Святый есть исхожденіе Отца и Сына.

Поврежденіе VII.

Въ небольшой книжкѣ «о страданіи образа Господа нашего Іисуса Христа» (гл. IV, т. II твореній Аѳанасія, стр. 636) латинскій переводчикъ помѣщаетъ слѣдующее выраженіе: «Одинъ Духъ Святый и исходитъ отъ Того и Другого, черезъ котораго, мы истинно вѣруемъ, будемъ спасены». На это мѣсто ссылается въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына Уодокъ Коккій въ своей «сокровищницѣ католической истины».

Но ни въ томъ, ни въ другомъ изъ указанныхъ греческихъ изданій твореній Аѳанасія нѣтъ упоминанія ни вообще объ исхожденіи Св. Духа, ни въ частности объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына.

Поврежденіе VIII.

Всѣ латинскіе переводы символа *Аѳанасія* заключаютъ слѣдующее мѣсто: «Духъ Святый Отцомъ и Сыномъ не созданъ, не сотворенъ и не рожденъ, но исходитъ». Отсюда латинскіе писатели вездѣ приводятъ это мѣсто въ защиту своего мнѣнія объ исхожденіи Св. Духа и въ числѣ ихъ Ломбардъ, писавшій уже въ XII вѣкѣ, дѣлающій на него ссылку въ I кн., XI отдѣлѣ своихъ «мнѣній». Но и тутъ позднѣйшіе латиняне повредили слова Аѳанасія, ибо всѣ греческія изданія символа Аѳанасія, обнародованныя самими латинянами, прибавки— «и Сыномъ» —не имѣютъ, какъ это явствуетъ изъ Парижскаго изданія твореній Аѳанасія

1627 г. (т. II, стр. 32) и изъ Гейдельбергскаго изданія 1600 г. (т. II, стр. 38). Объ остальныхъ греческихъ спискахъ то же свидѣтельствуетъ Маркъ Антоній Домини (Marcus Antonius de Dominis), который въ своемъ сочиненіи «о церковномъ государствѣ» (кн. VII, гл. X) пишетъ: «греческіе экземпляры символа Аѳанасія, сколько я ихъ ни видѣлъ, не содержатъ: отъ Отца и Сына, но только—отъ Отца». Въ одномъ только послѣднемъ Парижскомъ изданіи Соборовъ въ началѣ I тома даже въ греческій текстъ внесена прибавка—«и Сыномъ»,—но издатели въ этомъ случаѣ никоимъ образомъ не слѣдовали греческимъ рукописямъ или другимъ изданіямъ, а воображая, что греческій текстъ урѣзанъ, рѣшили въ латинскомъ переводѣ его исправить. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство латинянина Іакова Витріакскаго, епископа Аконійскаго (въ Сиріи) [1]), который именно утверждаетъ, что латиняне сдѣлали прибавку въ символѣ Аѳанасія. Такъ, въ своей «исторіи Іерусалима», разсуждая противъ исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, онъ говоритъ: «многое, что сначала не было выражено, впослѣдствіи, при появленіи заблужденій, было позднѣйшими святыми опредѣлено и объявлено. Поэтому тамъ, гдѣ у грековъ стоитъ въ символѣ: «и въ Духа Святаго Господа Животворящаго, Который отъ Отца исходитъ», латиняне говорятъ точнѣе: «Который отъ Отца и Сына исходитъ». Подобно тому, когда греки говорятъ: Духъ Святый Отцомъ не созданъ, и не сотворенъ, и не рожденъ, но исходитъ, латиняне прибавили: Отцомъ и Сыномъ; однако ничего они не прибавили иного, т. е. противнаго». Свидѣтельства болѣе яснаго нельзя и желать: писатель очень авторитетный среди латинянъ, жившій очень близко ко временамъ, когда латиняне извращали почти всѣ писанія древнихъ Отцовъ Церкви, самъ откровенно признается, что латиняне вставили въ символъ Аѳанасія исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына. Отсюда снова явствуетъ, какъ нужно относиться къ древнимъ латинскимъ спискамъ, которые въ данномъ вопросѣ обыкновенно выставляютъ латиняне: изъ ихъ собственнаго признанія слѣдуетъ за-

[1]) Іаковъ Витрійскій—Кардиналъ, историкъ и проповѣдникъ крестоваго похода противъ Альбигойцевъ; умеръ 1244 году.
Прим. перев.

ключить, что и тѣ списки, которые появились раньше временъ Іакова Витрійскаго (т. е. XII—XIII в.в.), также испорчены.—

Поэтому должно считать клеветою и даже ложью то, что пишетъ одинъ іезуитъ [1]), будто греки на Флорентинскомъ соборѣ, не имѣя что возразить на слова Аѳанасія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, сказали только: «должно быть Аѳанасій написалъ это, будучи пьянъ». Между тѣмъ ничего подобнаго не встрѣчается въ актахъ этого собора, изданныхъ какъ на греческомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ Гораціемъ Юстиніаномъ, который точно передаетъ всѣ разсужденія и споры, какіе имѣли мѣсто на соборѣ. Какую же вѣру можно давать перебѣжчику, котораго свидѣтельство приводитъ означенный іезуитъ, и который пожелалъ скрыться подъ именемъ Геннадія?

Возражаютъ однако [2]), что уже на IV Толедскомъ соборѣ въ 633 году тотъ же символъ былъ читанъ съ прибавкою: «отъ Отца и Сына». Но въ томъ то и дѣло, что на этомъ соборѣ не было и упоминанія о символѣ Аѳанасія, и этотъ символъ тутъ не читался. Встрѣчаются тамъ (т. V Соборовъ, столб. 1703) слова: «исповѣдуемъ Духа Святаго не созданнаго, не сотвореннаго, не рожденнаго, но исходящаго отъ Отца и Сына». Но развѣ это тѣ же слова, что въ символѣ Аѳанасія? Въ послѣднемъ читаемъ: «Духъ Святый Отцомъ, или—какъ у латинянъ—Отцомъ и Сыномъ, не созданъ, не сотворенъ, не рожденъ, но исходитъ». Тѣ же выраженія, которыя употреблены были на IV Толедскомъ соборѣ, въ такомъ видѣ: «исповѣдуемъ, что Духъ Святый не рожденъ и не сотворенъ, но отъ Отца и Сына исходитъ и есть Духъ Того и Другого; и поэтому по существу (substantialiter) суть едино, потому что и Одинъ изъ Того и Другого исходитъ» (т. V Соборовъ, столб. 1741). Такія же выраженія употреблены и XI-мъ Толедскимъ соборомъ, а именно: «вѣруемъ, что Онъ (т. е. Духъ Святый) одного существа и одной также природы, однако не рожденъ и не сотворенъ, но исходитъ отъ Того и Другого и есть Духъ Обоихъ» (т. VI Соборовъ, столб. 541). Такимъ образомъ, и

---

[1]) Циховій, стр. 321—Tribunalis.

[2]) Циховій въ отвѣтѣ *противъ* Евсевія Нимена, стр. 142.

въ выраженіяхъ двухъ послѣднихъ соборовъ такъ же, какъ и въ словахъ IV Толедскаго собора утверждается, что Духъ Святый не созданъ, не рожденъ, но исходитъ отъ Отца и Сына. Но допустимъ, что IV Толедскій соборъ повторяетъ слова символа Аѳанасія; тѣмъ не менѣе въ слѣдующей главѣ о поврежденіяхъ въ писаніяхъ латинянъ мы доказываемъ, что и слова этого собора повреждены.

Поврежденіе IX.

Въ изданіяхъ твореній блаженнаго Іеронима, въ VI томѣ приведены слова *Дидима* [1]) Александрійскаго изъ его II книги о Святомъ Духѣ въ такомъ видѣ: «затѣмъ и въ послѣдующихъ словахъ о Духѣ истины, Который будетъ посланъ отъ Отца и будетъ Утѣшителемъ, Спаситель, Который и есть истина, говоритъ: Онъ не будетъ говорить отъ Себя Самого, т. е. не безъ Меня и не безъ Моего и Отца изволенія, потому что Онъ не отдѣлимъ отъ Моей и Отца воли;—такъ какъ Онъ не изъ Себя (происходитъ), но изъ Меня и Отца. Ибо само то, что Онъ является (subsistit, ὑφίσταται) и говоритъ, дается Ему отъ Отца и Меня: Я говорю истину, т. е. внушаю то, что Онъ говоритъ; вотъ почему Онъ Духъ истины». Эти слова заключаются въ изданіяхъ твореній Іеронима:—Парижскихъ—1534 и 1602, Базельскихъ—1526, 1537 и 1565,—Антверпенскомъ 1579, Кельнскомъ 1616 г. и другихъ. И уже въ XII вѣкѣ такъ приводитъ это мѣсто Граціанъ [2]) въ своемъ декретѣ о посвященіи въ V-мъ отдѣлѣ и Иванъ Карнотенскій въ своей бесѣдѣ на день Св. Пятидесятницы (т. IV Церковной библіотеки Отцовъ, изданной въ Парижѣ Францискомъ Комбефисіемъ, стр. 556, а также между писателями о божественныхъ службахъ, изд. Гитторніемъ въ Парижѣ въ 1624 году, стран. 833).

Но это мѣсто распространено и испорчено самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Двѣ книги Дидима «о Святомъ Духѣ» изданы отдѣльно въ Парижѣ въ 1500 г. (заглавіе этого изданія: творенія (opuscula) знаменитыхъ мужей: святаго Аѳанасія противъ

[1]) О Дидимѣ, см. I-ю гл. *Прим. пер.*

[2]) См. примѣчаніе о немъ въ I главѣ. *Прим. пер.*

Арія еретика о единосущномъ точное опроверженіе предъ языческимъ судьею Пробомъ; святого Дидима переведенное блаженнымъ Іеронимомъ разсужденіе о Св. Духѣ, Его исхожденіи и равенствѣ; Аврелія Кассіодора и пр. Эту старинную книгу авторъ (Зерникавъ) видѣлъ въ библіотекахъ Оксфордской и Кембриджской въ Англіи). Вотъ какъ читаются въ этомъ изданіи (подъ буквою Д, стр. 2) вышеприведенныя слова Дидима: «Который посылается Отцомъ, и есть Утѣшитель, о Которомъ Спаситель говоритъ: Онъ будетъ говорить не отъ Себя Самаго, т. е. не безъ Меня и не безъ Моего и Отца изволенія, потому что Онъ неотдѣлимъ отъ Моей и Отца воли. Ибо само то, что Онъ является и говоритъ, Я говорю, т. е. внушаю то, что́ Онъ говоритъ; вотъ почему Онъ Духъ истины». Мало того, еще въ XI вѣкѣ Ратрамнъ, монахъ Корбейскій, во II кн. своего сочиненія «объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына», написаннаго противъ послѣдователей восточной Церкви и помѣщеннаго въ V гл. II тома Spicilegii veterum scriptorum (Колосница древнихъ писателей), изд. въ Парижѣ 1657 г. Лукою Дахеріемъ по рукописямъ, какъ сказано въ предисловіи, писаннымъ во времена автора и даже имъ самимъ исправленнымъ, такъ читаетъ эти слова: «въ послѣдующихъ словахъ о Духѣ истины, Который будетъ посланъ отъ Отца и будетъ Утѣшителемъ, Спаситель говоритъ: ибо Онъ не говоритъ отъ Себя Самаго, т. е. безъ Меня и безъ Моего и Отца изволенія, потому что Онъ неотдѣлимъ отъ Моей и Отца воли. Ибо само то, что Онъ является и говоритъ, Я—истина говорю, т. е. внушаю то, что Онъ говоритъ; вотъ почему Онъ есть Духъ истины». И когда затѣмъ Ратрамнъ повторяетъ приведенныя слова Дидима и останавливается на каждомъ изъ нихъ отдѣльно, чтобы сильнѣе доказать исхожденіе Св. Духа отъ Сына, онъ снова ихъ приводитъ неприкосновенно, чего онъ не сдѣлалъ бы, если бы Дидимъ употребилъ выраженіе: «потому что изъ Отца и Меня исходитъ (есть). Ибо само то, что Онъ является и говоритъ, дается Ему Отцомъ и Мною»; такъ какъ онъ старался всѣми силами въ другихъ словахъ Дидима найти доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына. Вотъ дальнѣйшее его разсужденіе: «ясно этотъ учитель (т. е. Дидимъ) учитъ насъ, что Св. Духъ исходитъ отъ

Сына. Ибо, когда онъ выражается: не отъ Себя Самаго говоритъ, —показываетъ этимъ, что Онъ (т. е. Духъ Святый) не есть Самъ по Себѣ; поэтому поясняя сказанное: то-есть—безъ Меня и безъ Моего и Отца изволенія, показываетъ, отъ Кого (происходитъ) Онъ, не говорящій отъ Себя Самого,—именно—отъ Отца и Сына, безъ Которыхъ и безъ изволенія Которыхъ не говоритъ. И говоря: само то, что Онъ является и говоритъ, Я—истина—говорю, показываетъ, что ипостась Духа Святаго есть отъ Сына; словами: —и если, когда говоритъ Духъ, говоритъ истина, т. е. Сынъ, показываетъ, что то, что́ говоритъ и чѣмъ является Духъ, Онъ получилъ отъ Сына. И возвращаясь къ той же мысли, какъ бы желая сдѣлать ее яснѣе, прибавляетъ: т. е. внушаю то, что Онъ говоритъ. Какимъ образомъ внушаетъ? Конечно, когда Онъ (Духъ Св.) отъ Него исходитъ. И присовокупляетъ: вотъ почему Онъ— Духъ истины, иначе говоря—Духъ Сына. Всѣми этими словами доказывается, что Духъ есть—Сына и что Онъ внушается Сыномъ, т. е. отъ Него исходитъ; то, что говоритъ и является Духъ, Онъ получаетъ отъ Сына не какъ меньшій Его, но какъ единосущный и отъ Него исходящій».

Такимъ образомъ, всякому становится яснымъ, что приведенное мѣсто изъ Дидима латиняне испортили, кое-что прибавивши, а кое-что измѣнивши. Такъ они не ограничились вставкою одного слова «и отъ Сына», но не посовѣстились прибавить цѣлыя выраженія.—

Поврежденіе X.

Въ приведенномъ выше мѣстѣ, въ указанныхъ изданіяхъ твореній Іеронима, а также у Граціана и у Ивона приводятся слѣдующія выраженія, будто бы сказанныя *Дидимомъ:* «итакъ то, что говоритъ Отецъ и слышитъ Сынъ, или наоборотъ, то, что, когда говоритъ Сынъ, слышитъ Отецъ,—это есть обозначеніе одной природы въ Отцѣ и Сынѣ и согласія. А Духъ Святый, Который есть Духъ истины и Духъ мудрости, не можетъ, когда говоритъ Сынъ, слышать того, чего не знаетъ, такъ какъ Онъ есть то самое, что́ произносится Сыномъ, т. е. исходящій отъ истины, Утѣшитель, истекающій отъ Утѣшителя, Богъ отъ Бога, исходящій Духъ истины. Наконецъ, дабы кто-нибудь не отдѣлялъ

Его отъ воли и общенія Отца и Сына, написано: не отъ Себя Самого будетъ говорить, но будетъ говорить такъ, какъ услышитъ».

Но и это мѣсто испорчено самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Ибо въ вышеприведенномъ Парижскомъ изданіи книгъ Дидима 1500 года это мѣсто читается такъ: «итакъ, что говоритъ Отецъ и слышитъ Сынъ, или наоборотъ, то, что, когда говоритъ Сынъ, слышитъ Отецъ,—это есть обозначеніе одной природы въ Отцѣ и Сынѣ и согласія. Духъ, Который есть Духъ истины и Духъ мудрости, не можетъ, когда говоритъ Сынъ, слышать, чего не знаетъ, такъ какъ Онъ есть то самое, что произносится Сыномъ. Наконецъ, чтобы кто-нибудь не отличалъ Его отъ воли и общенія съ Отцомъ и Сыномъ, написано: не отъ Себя же Самого будетъ говорить, но будетъ говорить такъ, какъ услышитъ». Въ такомъ видѣ приводитъ это мѣсто и Ратрамнъ, выражаясь на стр. 48 указаннаго изданія Spicilegium veterum scriptorum—дословно такъ-же: «итакъ то, что говоритъ Отецъ и слышитъ Сынъ, или наоборотъ, то, что, когда говоритъ Сынъ и слышитъ Отецъ, —это есть обозначеніе одной природы въ Отцѣ и Сынѣ и согласія. Духъ же Святый, Который есть Духъ истины и Духъ мудрости, не можетъ, когда говоритъ Сынъ, слышать, чего не знаетъ, такъ какъ Онъ есть то же самое, что произносится Сыномъ». И здѣсь останавливается Ратрамнъ, не прибавляя остальныхъ словъ [1]), которыя въ изданіяхъ твореній Іеронима непосредственно присовокупляются къ этому переводу, какъ объясненіе исхожденія Св. Духа отъ Сына; конечно, онъ никоимъ образомъ ихъ не опустилъ бы, если бы они стояли въ спискѣ сочиненія Дидима, потому что, какъ и было уже замѣчено и для всякаго очевидно, онъ усиливается вездѣ въ словахъ Дидима найти доказательство въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына. Такъ, *продолжая выводить изъ словъ Дидима исхожденіе* Св. Духа отъ Сына, Ратрамнъ дальше говоритъ: «выраженіе:—говоритъ Отецъ, а Сынъ слышитъ—обозначаетъ рожденіе Сына изъ Отца; подобнымъ образомъ—выраженіе—когда говоритъ Сынъ, слышитъ

[1]) *Т. е. исходящій отъ истины, Утѣшитель отъ Утѣшителя и пр.* См. выше.

Отецъ—даетъ понять, что Отецъ родилъ Сына: и такъ какъ Отецъ и Сынъ одной природы, то Они между Собою и согласны: говоритъ ли Отецъ къ Сыну, или Сынъ къ Отцу. Они приходятъ къ согласію одной воли и не чувствуютъ чего-нибудь различнаго. Признавая же Св. Духа—Духомъ истины и мудрости, онъ (Дидимъ) объявляетъ Его Духомъ Сына и говоритъ о Немъ: потому что Онъ, когда говоритъ Сынъ, не можетъ слышать, чего не знаетъ,—ибо, такъ какъ Онъ одной природы съ Сыномъ и исходитъ отъ Сына, то, что́ говоритъ Сынъ, говоритъ и Духъ Святый, ибо, по словамъ этого учителя (т. е. Дидима), то, что́ есть Духъ, есть слово Сына къ Духу. Когда этотъ учитель говоритъ: не можетъ Духъ Святый, когда говоритъ Сынъ, слышать, чего не знаетъ, тотчасъ же прибавляетъ: такъ какъ Онъ есть то самое, что произносится Сыномъ, т. е. произнесеніе (слово) Сына есть существо Духа. Если же то, что говоритъ Сынъ, есть—Святый Духъ, какъ свидѣтельствуетъ означенный учитель, то нельзя отрицать, что Духъ исходитъ отъ Сына, если произнесеніе (слово) Сына исходитъ отъ Сына. Поэтому если Духъ есть то же, что́ произносится Сыномъ, то несомнѣнно, Духъ исходитъ отъ Сына». Ратрамнъ здѣсь снова опускаетъ послѣднія слова, которыя, по изданіямъ Іеронима, будто бы были сказаны Дидимомъ, а именно: «т. е. исходящій отъ истины» и пр. Какимъ образомъ, спрашивается, онъ ихъ не привелъ бы, если бы они заключались въ спискахъ Дидима, когда одни эти слова рѣшали весь вопросъ? Съ другой стороны—зачѣмъ Ратрамнъ давалъ бы свое толкованіе словамъ: «такъ какъ Онъ есть то самое, что произносится Сыномъ», а не привелъ бы выраженія самаго Дидима, если бы оно стояло въ спискахъ? Въ такомъ случаѣ не было никакой нужды трудиться надъ объясненіемъ, которое давалъ бы самъ Дидимъ. Ясно отсюда, что такихъ словъ у Дидима не было.

Другой писатель—*Іоаннъ Провинціалъ* [1]) въ XXII засѣданіи Флорентинскаго собора, акты котораго изданы на латинскомъ

---

[1]) Іоаннъ de Monte Negro, знаменитый латинскій богословъ, доминиканецъ, провинціалъ Ломбардскій, принималъ особенное участіе

языкѣ Гораціемъ Юстиніаномъ, желая вывести изъ словъ Дидима доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына, пропустивши тѣ слова, вставку которыхъ мы только что выяснили (и какимъ образомъ опять-таки Іоаннъ отказался бы настаивать на нихъ, если бы они стояли въ спискѣ Дидима?), представляетъ другое мѣсто Дидима и при этомъ приводитъ и указанное также въ слѣдующемъ видѣ: «а такъ какъ Духъ Святый есть Духъ истины и Духъ мудрости, то Онъ не можетъ, когда говоритъ Сынъ, слышать, чего не знаетъ, потому что Онъ есть то, что произносится Сыномъ». И на этомъ останавливается,—чего бы онъ не сдѣлалъ, конечно, если бы у Дидима была измышленная и указанная выше прибавка. Мало того: когда Іоаннъ вслѣдъ затѣмъ приводитъ эти самыя слова въ доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына, онъ также не приводитъ словъ, непосредственно въ обыкновенныхъ изданіяхъ Іеронима за ними слѣдующихъ. Такъ, онъ выставляетъ только слѣдующее: «въ первомъ доказательствѣ онъ (Дидимъ) говоритъ, что, когда, говоритъ Сынъ, Духъ не можетъ слышать того, чего онъ не знаетъ, такъ какъ Духъ является (состоитъ) тѣмъ, что́ произносится Сыномъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что слышаніе Духа по существу есть ничто иное, какъ воспринятіе знанія, а такъ какъ въ Богѣ знаніе и бытіе—одно и то же, то это слушаніе и знаніе будутъ—одно и то же. Поэтому и Христосъ сказалъ въ Евангеліи: Онъ (Духъ) не будетъ говорить отъ Себя, такъ какъ, очевидно, Онъ не—отъ Себя. Слѣдовательно необходимо, чтобы Онъ получилъ бытіе отъ Того, отъ Кого слышитъ. Отъ Кого слышитъ, отъ Того и исходитъ, согласно Августину, который говоритъ: для Него слышать—то же, что знать, а знать—то же, что быть. Изъ этого слѣдуетъ, что отъ Того, отъ Кого слышитъ, Онъ имѣетъ и бытіе; вы соглашаетесь, что Онъ отъ Сына слышитъ,—слѣдовательно,—отъ Сына и получаетъ Онъ бытіе». Іоаннъ толкуетъ здѣсь слова Дидима: «такъ какъ Онъ есть то самое, что произносится Сыномъ», что совершенно не соотвѣтствуетъ выраженію: «т. е., исходящій отъ истины» и пр.

въ преніяхъ на Флорентинскомъ соборѣ. Его выставили латиняне противъ главнаго борца за православіе Марка Ефесскаго. *Прим. пер.*

То же, что мы говорили относительно изложенія приведеннаго мѣста Ратрамномъ, слѣдуетъ отнести и сюда: основаніе для этого одинако.

Поврежденіе XI.

Наконецъ, въ I-й книгѣ *Дидима* о Святомъ Духѣ заключаются слѣдующія слова: «весьма нечестиво нѣкоторые ко всему причисляютъ Духа Святаго, говоря, что въ томъ, что все создано Богомъ черезъ Слово, обозначается и твореніе Св. Духа. Ибо Духъ Святый явился изъ Того и Другого не какъ одно изъ всего (созданнаго), но какъ иное по существу сверхъ всего».

Въ такомъ видѣ приведены слова Дидима въ изданіяхъ твореній Іеронима; но опять таки въ указанномъ выше Парижскомъ изданіи книгъ Дидима о Св. Духѣ это мѣсто читается иначе, именно—не изъ Того и Другого (utroque), а «изъ той и другой» (utraque). Такъ—подъ буквою C, стр. 5 тамъ стоитъ: «очень нечестиво ко всему нѣкоторые причисляютъ Духа Святаго, говоря, будто въ томъ, что все создано Богомъ черезъ Слово, обозначается также и Духъ Святый. Ибо Духъ Святый явился не однимъ изъ всего, но инымъ по сущности сверхъ всего изъ той и другой сущности».

Смыслъ словъ Дидима такой: иное сверхъ всего, созданнаго изъ той и другой сущности, т. е. тѣлесной и безтѣлесной. Такъ, раньше онъ говоритъ: «съ установленіемъ этого, Духъ Святый оказывается другого существа отъ видимыхъ и невидимыхъ тварей. Если же это вѣрно, то весьма нечестиво нѣкоторые». и т. д. И прибавляетъ послѣ приведенныхъ словъ: «ибо если тварь, какъ мы выше указали, раздѣляется на тѣлесное и безтѣлесное, и созданный Духъ Святый будетъ, конечно, тварью видимою, или невидимою, т. е. тѣлесною, или безтѣлесною. Однако Онъ отнюдь не будетъ тѣломъ, какъ раньше мы сказали, такъ какъ Онъ учитъ, даетъ знаніе и получается отъ ума и души, но не будетъ Онъ и невидимою тварью, какъ мы только что высказали о Богѣ».

Поврежденіе XII.

Олатинившіеся греки, а за ними обыкновенно и латиняне утверждаютъ, что *Василій Великій* въ началѣ III книги противъ

Евномія написалъ слѣдующее: «почему необходимо, чтобы Духъ Святый, будучи третьимъ по достоинству и по порядку, былъ также третьимъ по природѣ? Что Онъ второй отъ Сына по достоинству, отъ Него имѣетъ бытіе и отъ Него принимаетъ и возвѣщаетъ намъ и всячески отъ этой причины зависитъ—это передаетъ разумъ благочестія; но что Онъ по природѣ—третій, этому ни Священное Писаніе не учитъ, ни раньше сказанное не даетъ права этого заключать». Въ такомъ видѣ приводитъ эти слова уже въ его вѣкѣ Гуго Етеріанъ (кн. III, гл. XIII, т. XII Библіотеки Отцовъ, изд. въ Кельнѣ, ч. II, стр. 408).

Но прежде всего въ твореніяхъ Св. Василія, изданныхъ латинянами по-гречески, нѣтъ словъ, въ которыхъ Сынъ называется причиною Св. Духа и говорится, что Духъ имѣетъ бытіе отъ Сына, отъ Него принимаетъ и возвѣщаетъ намъ; нѣтъ также словъ, въ которыхъ просто утверждается, что Духъ Святый есть второй по достоинству отъ Сына; но вмѣсто этихъ словъ въ греческомъ текстѣ стоитъ только слѣдующее: «что Онъ (Духъ Святый) по достоинству слѣдуетъ за Сыномъ, можетъ быть, передало слово благочестія». Такъ это мѣсто читается въ греческомъ изданіи твореній Василія въ Венеціи въ 1535 г., листъ 87; также въ Базельскомъ изданіи по-гречески 1551 г., стр. 676; далѣе—въ отдѣльномъ изданіи книгъ противъ Евномія, сдѣланномъ Безою по-гречески и по-латыни; наконецъ, въ греко-латинскомъ изданіи твореній Василія въ Парижѣ 1618 г. т. II, стр. 78 и въ латинскихъ—въ Базелѣ 1565 г., т. I, стр. 139 и 1566 г. —стр. 339, также въ Парижѣ 1566 г., стр. 280. И рукописный списокъ, находящійся въ библіотекѣ французскаго короля, опускаетъ слова: отъ Него имѣющій бытіе и пр., какъ свидѣтельствуетъ о томъ іезуитъ Фронтонъ Дукей (Fronto Ducaeus) въ примѣчаніяхъ къ твореніямъ Василія, приложенныхъ къ Парижскому изданію 1618 г. Онъ говоритъ: «королевскій списокъ согласуется съ тѣмъ, которымъ пользовался переводчикъ, и съ Базельскимъ изданіемъ — d. 3. 6: ἀξιώματι μὲν γὰρ δευτερεύειν τοῦ Υἱοῦ, παραδίδωσιν ὁ τῆς εὐσεβείας λόγος, т. е.: по достоинству же слѣдуетъ за Сыномъ (второй отъ Сына), объ этомъ передаетъ бла-

гочестивая рѣчь (слово благочестія)» [1]). Во Флоренціи, на XX засѣданіи *Марка*, архіепископъ Ефесскій [2]), свидѣтельствовалъ, что онъ въ тысячѣ древнихъ списковъ, въ то время находившихся въ обращеніи въ Константинополѣ, читалъ только: «по достоинству слѣдуетъ за Сыномъ, объ этомъ, можетъ быть, передастъ благочестія слово». Тотъ же Маркъ привезъ съ собою въ Италію одинъ древнѣйшій списокъ, въ которомъ такъ именно читалось это мѣсто. Посему, если принять во вниманіе, какъ часто въ другихъ мѣстахъ олатинившіеся греки обнаружили недобросовѣстность порчею писаній св. Отцовъ, что мы указываемъ въ настоящей главѣ, то слѣдуетъ допустить, что и это мѣсто, которое мы выписали изъ Бекка, также испорчено сторонниками латинскаго ученія.

Затѣмъ, если мы взвѣсимъ остальныя слова этого мѣста, то также станетъ яснымъ, что указанныя выше слова приведены Беккомъ въ испорченномъ видѣ. Чтобы это было очевиднѣе, мы сперва приведемъ полный текстъ словъ Василія по Парижскому изданію 1618 года; затѣмъ выпишемъ это мѣсто изъ тѣхъ списковъ, въ которыхъ оно читается въ пользу латинянъ, чтобы избѣжать такимъ образомъ повторенія одного и того же въ дальнѣйшемъ опроверженіи. Правда, это будетъ пространно, но такъ какъ большая часть совѣщаній Флорентинскаго собора потрачена на обсужденіе этого мѣста Св. Василія, и такъ какъ латиняне утверждаютъ, что списки твореній этого Отца Церкви, представленные на этомъ соборѣ представителями Востока, наполнены поддѣлками и извращеніями, то является необходимость обсудить это дѣло основательно.

---

[1]) Въ лучшемъ изданіи твореній Василія, сдѣланномъ Бенедиктинцемъ Юліаномъ Гарніеромъ въ Парижѣ въ 1721 г. (по смерти Зерникава), это мѣсто напечатано въ такомъ именно видѣ, причемъ добросовѣстный издатель замѣчаетъ, что въ семи спискахъ твореній Василія, которыми онъ пользовался, нѣтъ словъ: «отъ Него имѣетъ бытіе» и т. д. *Прим. пер.*

[2]) Маркъ Евгеникъ, незадолго до Феррaро-Флорентинскаго собора возведенный въ санъ архіепископа Ефесскаго, ученый богословъ, непреклонно стоявшій на соборѣ за православное ученіе, не подписалъ почти одинъ изъ грековъ заключенной уніи. *Прим. пер.*

Итакъ, *во-первыхъ,* въ III книгѣ, «противъ Евномія» Василій приводитъ слова Евномія, относительно которыхъ согласны списки, расходящіеся въ другихъ случаяхъ. Вотъ что говоритъ Евномій: «такъ какъ мы достаточно сказали объ Единородномъ, остается сказать также объ Утѣшителѣ; и въ этомъ отношеніи мы не будемъ слѣдовать мнѣнію многихъ, принимая его безъ всякаго изслѣдованія, но сохранимъ во всемъ ученіе святыхъ. Такъ какъ отъ послѣднихъ мы научились считать Его (т. е. Утѣшителя) третьимъ по достоинству и по порядку, то увѣровали, что Онъ есть третій и по природѣ». Василій Великій отвѣчаетъ Евномію слѣдующимъ образомъ: «своими словами онъ достаточно доказалъ, что не считаетъ нужнымъ оставаться въ простой и твердой вѣрѣ многихъ, и опять старается искусственными и лжеумными доводами обмѣнять истину на то, что ему кажется. Презирая мнѣніе многихъ, которымъ они славятъ Св. Духа, онъ притворяется, что сохраняетъ ученіе святыхъ и не называетъ тѣхъ, кто ему это ученіе сообщилъ; и въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ такъ, какъ поступалъ, когда велъ рѣчь объ Единородномъ. Далѣе онъ утверждаетъ, будто нашелъ у святыхъ ученіе, что Духъ Святый по достоинству и по порядку—третій,—а самъ сталъ вѣрить, что Онъ—третій также и по природѣ. Кто же эти святые и въ какихъ словахъ изложили это ученіе, онъ не можетъ сказать. Былъ-ли когда-нибудь столь дерзкій человѣкъ, чтобы вводить новизны въ божественные догматы? Ибо почему необходимо, чтобы, если Духъ есть третій по достоинству и порядку, Онъ былъ также третьимъ и по природѣ? Что Онъ второй отъ Сына, передаетъ, можетъ быть, слово благочестія, но чтобы Онъ имѣлъ третью природу, этому не учитъ насъ ни Священное Писаніе, ни изъ сказаннаго раньше нельзя этого послѣдовательно заключить. Ибо подобно тому, какъ Сынъ по порядку есть второй отъ Отца, потому что Онъ отъ Него (происходитъ), и по достоинству, потому что начало и причина бытія для Него есть Отецъ и потому, что черезъ Него пришествіе и приведеніе къ Богу Отцу,—но по природѣ никоимъ образомъ не второй, такъ какъ въ Томъ и Другомъ одно божество; такъ, конечно, и Духъ Святый, хотя по достоинству и по порядку второй отъ Сына—допустимъ это однако

отсюда еще не слѣдуетъ непремѣнно, чтобы Онъ былъ другой природы. Это явствуетъ изъ слѣдующаго примѣра. Всѣ ангелы носятъ одно названіе и суть между собою одной и той-же природы; однако одни изъ нихъ поставлены во главѣ народовъ, другіе-же руководятъ отдѣльными вѣрующими. Но насколько народъ стоитъ выше одного человѣка, настолько по-необходимости выше достоинство ангела, который руководительствуетъ народомъ, достоинства тѣхъ, которымъ ввѣрена опека надъ отдѣльными лицами. Къ чему ведетъ этотъ примѣръ? Къ тому, что если что-нибудь по порядку и по достоинству—второе, или третье, то это вовсе не значитъ, что оно имѣетъ и иную природу. Подобно тому, какъ среди ангеловъ одинъ—начальникъ, другой—подчиненный, и однако всѣ они ангелы по природѣ: разница нѣкоторая существуетъ въ достоинствѣ, а въ природѣ—общность (ибо и звѣзда отъ звѣзды различается славою, а природа звѣздъ всѣхъ—одна; и многія обители у Отца, т. е. различія достоинствъ, а природа прославленныхъ одна); такъ, конечно, и Духъ Святый, если по достоинству и порядку, какъ говорятъ, и подчиняется (ставится позади) (ибо мы приняли Его третьимъ по числу отъ Отца и Сына, такъ какъ Самъ Господь въ заповѣди о спасительномъ крещеніи передалъ этотъ порядокъ словами: идите и крестите во имя Отца и Сына и Св. Духа); но нигдѣ мы не слышали, чтобы Духъ былъ поставленъ въ третью природу отъ Сына и Отца».

Вотъ въ какомъ видѣ изложены слова Василія Великаго въ греческихъ изданіяхъ. Списки же, благопріятствующіе латинянамъ, отступаютъ отъ нихъ въ трехъ мѣстахъ: во-первыхъ, въ словахъ: «разумъ благочестія передаетъ, что Онъ (Духъ Святый)—второй отъ Сына, такъ какъ отъ Него имѣетъ бытіе и отъ Него принимаетъ и намъ возвѣщаетъ и всячески отъ этой зависитъ причины», между тѣмъ какъ слова Василія только заключали: «можетъ быть, слово благочестія передаетъ, что Онъ второй отъ Сына». Затѣмъ, расходящіеся греческими изданіями списки, опустивши слова:—«допустимъ это»,—заключаютъ: «такъ, конечно, и Духъ Святый, хотя по достоинству и по порядку второй отъ Сына, однако отсюда вѣроподобно не слѣдуетъ, что Онъ другой

природы»; но у Василія было сказано: «такъ, конечно, и Духъ Святый, хотя по достоинству и по порядку второй отъ Сына, допустимъ это, однако» и проч.

Наконецъ, благопріятные латинянамъ списки заключаютъ слова: «такъ, конечно, и Духъ Святый, хотя по достоинству и по порядку подчиняется, ибо мы приняли Его третьимъ по счету отъ Отца и Сына», у Василія же было: «такъ, конечно, и Духъ Святый, хотя по достоинству и порядку и подчиняется, «какъ говорятъ»: ибо, говоритъ онъ, мы приняли Его третьимъ по счету отъ Отца и Сына». Вотъ разница въ спискахъ; во всемъ прочемъ, какъ видно изъ актовъ Флорентинскаго Собора, они сходятся. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ расходящихся спискахъ это мѣсто Василія Великаго испорчено.

Тѣ и другіе списки сходятся въ томъ, что Св. Василій отрицалъ, что Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына. Какъ мы видѣли, три вещи утверждалъ Евномій. Первое: «мы не будемъ слѣдовать мнѣнію многихъ безъ всякаго изслѣдованія», на что Василій отвѣчаетъ: «этими своими словами онъ (Евномій) показываетъ, что онъ не считаетъ нужнымъ пребывать въ простой и твердой вѣрѣ многихъ, но снова искуственными и лжеумными доводами замѣняетъ истину тѣмъ, что ему кажется». Второе: Евномій, продолжая далѣе свою рѣчь, сказалъ: «но сохранимъ во всемъ ученіе святыхъ», въ которомъ, какъ онъ сейчасъ прибавляетъ, они учатъ, что Духъ Святый есть второй по порядку и достоинству отъ Сына. На это и Василій непосредственно отвѣчаетъ: «презирая мнѣніе многихъ, которымъ они славятъ Св. Духа, онъ (Евномій) притворяется, что сохраняетъ ученіе святыхъ, и не называетъ тѣхъ, кто ему это ученіе передалъ». Третье: Евномій, наконецъ, прибавляетъ: «такъ какъ мы отъ нихъ (отъ святыхъ) научились, что Онъ (Духъ Святый) третій по достоинству и по порядку, то увѣровали, что Онъ третій и по природѣ». На это Василій, повторивши слова Евномія, въ которыхъ онъ утверждалъ, будто принялъ отъ святыхъ, что Духъ Святый—третій по достоинству и по порядку», возражаетъ: «какіе же это святые и въ какихъ словахъ выразили это ученіе, онъ (Евномій) сказать не можетъ». Затѣмъ, опровергая заклю-

ченіе Евномія, въ которомъ онъ изъ того, что Духъ Святый—третій по достоинству, выводилъ, что Онъ также третій и по природѣ, Василій прибавляетъ: «былъ ли когда-нибудь столь дерзскій человѣкъ, который бы вводилъ новшества въ святые догматы? Почему именно необходимо, чтобы, если Духъ Святый третій по достоинству и по порядку, Онъ былъ также третьимъ и по природѣ»? Слѣдовательно, на заявленія Евномія, что онъ хочетъ сохранить ученіе святыхъ, по которому выходитъ, что Духъ Святый—третій по достоинству и по порядку, и далѣе—что онъ у святыхъ заимствовалъ это ученіе, Василій отвѣчаетъ: Евномій тѣмъ самымъ ложно утверждаетъ, что онъ сохраняетъ ученіе св. Отцовъ, что не называетъ тѣхъ, кто ему это ученіе сообщилъ, и не можетъ сказать, у какихъ Отцовъ и въ какихъ ихъ выраженіяхъ онъ его нашелъ. Кромѣ того, Евномій ссылался только на то ученіе, заимствованное имъ будто бы у святыхъ, что Духъ Святый—третій по достоинству и по порядку,—а уже отъ себя, по его сознанію, онъ прибавилъ, что Духъ Святый третій и по природѣ. Но Василій Великій отрицаетъ, что у святыхъ было такое ученіе, потому что Евномій никого изъ такихъ святыхъ назвать не могъ,—поэтому, говоритъ св. Василій, Евномій притворяется только, что выражаетъ ученіе св. Отцовъ, а на самомъ дѣлѣ такого ученія не было. Это было дѣйствительно ложное утвержденіе. Итакъ, если, по мнѣнію Василія Великаго, у святыхъ Отцовъ не было ученія о томъ, что Духъ Святый—третій по достоинству и по порядку, то, слѣдовательно, какимъ образомъ въ спискахъ, благопріятныхъ латинянамъ, столько разъ повторяется, что Василій несомнѣнно утверждалъ, будто Духъ Святый—третій по природѣ и по достоинству? Ясно отсюда вытекаетъ, что тамъ, гдѣ эти списки расходятся съ нашими, они поддѣланы.

Далѣе,—сообразно съ несогласными списками, Василій Великій по вопросу, почему Духъ Святый второй по достоинству отъ Сына, привелъ будто бы прежде всего такое основаніе: такъ какъ рѣчь благочестія передаетъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Сына и отъ Него принимаетъ и возвѣщаетъ намъ и всячески отъ этой причины зависитъ; равное этому основаніе да-

валъ онъ, согласно съ нашими списками, на вопросъ, почему Сынъ второй по достоинству отъ Отца. Давая такое объясненіе по отношенію къ Св. Духу изъ священнаго Писанія, почему, спрашивается, онъ дальше, взявшись доказывать, согласно тѣмъ и другимъ спискамъ, что Духъ Святый можетъ казаться третьимъ по достоинству, приводитъ только слова установленія крещенія, въ которыхъ Духъ Святый, стоитъ на третьемъ мѣстѣ? Такъ, расходящіеся съ нашими списки заключаютъ слова: «такъ, конечно, и Духъ Святый, хотя по достоинству и порядку стоитъ позади (вторымъ): ибо мы приняли Его третьимъ по счету отъ Отца и Сына, такъ какъ Самъ Господь въ установленіи спасительнаго крещенія передалъ порядокъ словами: идите и крестите во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».—Зачѣмъ-же, если онъ уже прежде доказалъ, что Духъ Святый третій по достоинству, что̀ заключается въ благопріятныхъ латинству спискахъ, Василій Великій снова сталъ бы доказывать то же самое? Кому же, если доказывается изъ священнаго Писанія, что Духъ Святый есть третій по достоинству, такъ какъ священное Писаніе учитъ, что Духъ имѣетъ бытіе отъ Сына, отъ Него принимаетъ и возвѣщаетъ намъ и отъ этой причины зависитъ, какъ говорятъ расходящіеся съ нашими списки,—то какимъ образомъ не этими словами писанія Василій Великій сталъ бы опять доказывать, а только тѣми, въ которыхъ говорится: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа»? Во всякомъ случаѣ тутъ большая разница.

Изъ того, что относительно этого мѣста въ пространныхъ спорахъ, которые велись во Флоренціи, высказалъ на XX-мъ засѣданіи Іоаннъ Провинціалъ, главнѣйшее заключается въ слѣдующемъ. *Во-первыхъ,* — что самый древній списокъ заключалъ слова: «такъ какъ отъ Него имѣетъ бытіе» и т. д. Какъ будто не изстари встрѣчались между греками люди, благопріятствовавшіе мнѣніямъ латинянъ. Но, говорилъ Іоаннъ, списокъ этотъ написанъ раньше разногласія между греками и латинянами. Однако, допустивши, что это былъ древній списокъ, чѣмъ Іоаннъ доказалъ, что его древность восходила такъ далеко? Извѣстно, что разногласіе, по вопросу объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, существовало со временъ Фотія. Сколько же вѣковъ отдѣляло

вѣкъ Фотія отъ временъ Флорентинскаго собора [1])! Даже если за триста, или за четыреста лѣтъ до собора написанъ этотъ списокъ, то развѣ недостаточно онъ имѣлъ за себя древности? Далѣе—и списокъ Марка Ефесскаго былъ также очень древній и совсѣмъ расходился со спискомъ Іоанна. Наконецъ—что нужно думать относительно списковъ, благопріятствующихъ латинянамъ, показалъ вышеуказанный списокъ Юліана, въ которомъ символъ VII вселенскаго собора читался съ прибавкою (и отъ Сына);—показываютъ и другіе древніе списки, въ которыхъ въ символѣ Аѳанасія утверждается, что Духъ Святый происходитъ также и отъ Сына. Выше было доказано, что эти списки испорчены.

Во-вторыхъ: на двадцать первомъ засѣданіи Флорентинскаго собора Іоаннъ Провинціалъ заявилъ, что самъ Халкидонскій вселенскій соборъ [2]) засвидѣтельствовалъ о Василіи Великомъ, какъ о точномъ выразителѣ ученія о Святомъ Духѣ. Но почему же св. Василій усомнился, дѣйствительно ли Духъ Святый занимаетъ по достоинству третье мѣсто отъ Отца, говоря: «такъ, можетъ быть, передаетъ разумъ благочестія» и т. д.? Однако Василій отнюдь не сомнѣвался на счетъ того, Духъ Святый по достоинству второй ли отъ Сына: это онъ прямо отвергалъ въ предшествующихъ словахъ, какъ выше было показано. Только предположительно онъ сдѣлалъ уступку Евномію: если бы даже Духъ Святый и былъ по достоинству вторымъ отъ Сына, какъ о томъ, можетъ показаться кому-нибудь, учитъ Св. Писаніе, въ которомъ сказано: «крестите во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»,—отсюда, однако, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что Духъ Святый также и отъ Сына второй и по природѣ. Но если таковъ смыслъ словъ Василія, то эти слова: «такъ, можетъ быть, передаетъ разумъ благочестія»—не будутъ ли недостойны Василія? На это можно замѣтить, что обыкновенно св. Отцы относительно лжеученій еретиковъ выражались очень осторожно и старались не давать

---

[1]) Патріархъ Фотій умеръ въ 891 г.; Флорентинскій соборъ происходилъ въ 1439 г. *Прим. перев.*

[2]). Халкидонскій соборъ происходилъ въ 451 г. *Прим. пер.*

еретику повода злонамѣренно толковать ихъ слова. Если только по этой причинѣ Василій выражался нерѣшительно о томъ, второй ли по достоинству Духъ Святый отъ Сына, то развѣ можно за это упрекать его? Говорятъ, что Василій Великій часто не одобрялъ слова «нерожденный» (ἀγέννητος), какъ напр. въ CXLI посланіи и во II кн. противъ Евномія,—и даже осудилъ это слово, какъ первое начало богохульства, въ I кн. противъ Евномія. Однако слово «нерожденный» единодушно одобрено многими св. Отцами. Слѣдуетъ-ли отсюда упрекать св. Василія? Такъ же точно можно сказать, что въ виду того, что еретики злоупотребляли выраженіемъ: «Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына», Василій поэтому съ большою осторожностью согласился допустить это положеніе; но на самомъ дѣлѣ онъ отвергалъ, что Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, какъ выше доказано.

Въ-третьихъ: на XXII засѣданіи возражаетъ Іоаннъ, что по нашимъ спискамъ изъ предшествующей вѣрной и абсолютной посылки выходитъ будто бы ложное заключеніе. Именно—Василій будто бы вотъ какъ разсуждаетъ: Сынъ—второй отъ Отца по достоинству, и однако не второй отъ Него по природѣ. Слѣдовательно, если мы даже допустимъ, что Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына, однако Онъ не будетъ вторымъ отъ Него по природѣ. Такъ какъ Василій разсуждаетъ: подобно тому, какъ среди ангеловъ, хотя есть вторые и третьи, но всѣ они не выходятъ изъ ангельской природы,—такъ и лица божества. Какъ въ отношеніи первыхъ, такъ и въ отношеніи послѣднихъ; здѣсь, конечно, меньшая посылка—абсолютна: безъ сомнѣнія, вторые и третьи по достоинству и по порядку ангелы абсолютно и безъ всякаго ограниченія не исключаются изъ ангельской природы. Равнымъ образомъ, несомнѣнно, то же должно быть допущено и относительно божественныхъ лицъ (Св. Троицы); такъ какъ предыдущая посылка абсолютна, то и заключеніе также должно быть абсолютнымъ и безъ всякаго ограниченія.—То же возражаетъ Іоаннъ и на XXIII засѣданіи и прибавляетъ: такимъ образомъ по нашимъ спискамъ (твореній Василія Великаго) изъ предположенія и предшествующей сомнительной посылки выводится вѣрное и несомнѣнное заключеніе.

Эти возраженія, конечно, неосновательны. Что касается перваго, то Василій, по чтенію нашихъ списковъ, разбиваетъ аргументъ Евномія: Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, слѣдовательно, также второй отъ Сына и по природѣ двоякимъ отвѣтомъ. Сперва отрицаетъ онъ предшествующее положеніе: ложно—что Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, ибо—это не есть ученіе святыхъ. Затѣмъ, допустивши недоказанное предшествующее положеніе, онъ отрицаетъ самый выводъ, который дѣлалъ еретикъ (Евномій): если Духъ Святый второй отъ Сына по достоинству, то Онъ также второй отъ Сына и по природѣ. Тутъ именно Василій замѣтилъ: «почему необходимо, чтобы, если по достоинству Духъ—третій, Онъ былъ также третьимъ и по природѣ? Ибо, что Онъ второй отъ Сына, можетъ быть, передаетъ слово благочестія». Затѣмъ, что этотъ выводъ не имѣетъ силы, хотя въ предыдущемъ допущена уступка [1]), онъ доказываетъ сначала Сыномъ Божіимъ, Который по достоинству второй отъ Отца, но однако по природѣ не второй отъ Него; доказываетъ дальше это примѣрами ангеловъ, звѣздъ, обителей. Изъ этого ясно вытекаетъ, что не все то, что считается вторымъ отъ чего-нибудь по достоинству, бываетъ вторымъ отъ него и по природѣ. Самъ Василій такъ именно понималъ приводимые имъ примѣры, заключая: «для чего эта рѣчь? Для того, чтобы показать, что не непремѣнно, если что-нибудь—второе, или третье по порядку, или по достоинству, оно имѣетъ и другую природу». И нисколько не слѣдуетъ отсюда: Духъ Святый есть второй по достоинству отъ Сына (допустимъ это); слѣдовательно, Онъ второй отъ Него и по природѣ. Гдѣ же, спрашивается, въ этомъ разсужденіи Василія изъ истинной и абсолютной первой посылки выводится ложное заключеніе? Что можетъ быть неосновательнѣе такого пріема, когда спорящіе сначала отрицаютъ главную посылку, а потомъ, допустивши эту недоказанную первую посылку, отрицаютъ слѣдствіе большей посылки и доказываютъ ея несостоятельность разными побочными доводами? Кого, мало-мальски знакомаго съ логикою, можно такимъ образомъ ввести въ сомнѣніе? Если бы при-

---

[1]) Если по достоинству Духъ—третій...

веденные Іоанномъ доводы имѣли хоть какую-нибудь силу, то не только Василій, но никто изъ спорящихъ не могъ бы на указанномъ основаніи отвѣчать на возраженіе противника,—это было бы невозможно: ибо основанія Іоанна равно могли быть приведены для доказательства противнаго. Дѣйствительно, дѣло здѣсь такъ ясно, что Іоаннъ Провинціалъ оказался лишеннымъ здраваго смысла, не только основательности, отрицая, что Василій такъ именно могъ отвѣтить Евномію. Но, говоритъ онъ, вотъ въ какомъ видѣ слѣдуетъ представить аргументацію Василія: Сынъ—второй достоинствомъ отъ Отца, но однако не—второй природою. Слѣдовательно, хотя Духъ Святый—второй достоинствомъ отъ Сына (допустимъ это), однако Онъ не второй отъ Него природою. Итакъ Василій, по мнѣнію Іоанна, предположилъ, что Сынъ несомнѣнно второй по достоинству отъ Отца, какимъ же образомъ въ заключеніи онъ могъ бы отрицать, что Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына? Какъ, спрашивается, можно было бы это согласовать? Но у Василія не было намѣренія доказать, что, какъ Сынъ второй по достоинству отъ Отца, но однако не второй отъ Него по природѣ,—такъ и Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына, но при этомъ не второй отъ Него по природѣ. Онъ приводилъ примѣръ Сына только для того, чтобы показать, что выводъ изъ большей посылки, который дѣлалъ Евномій, совсѣмъ неоснователенъ. Ибо, если Сынъ второй отъ Отца по достоинству и однако не второй по природѣ, то никоимъ образомъ неоснователенъ выводъ: Духъ Святый второй отъ Сына по достоинству, какъ это утверждали еретики,—слѣдовательно, Духъ Святый—второй отъ Сына по природѣ. На этомъ основаніи Василій и говоритъ: «какъ Сынъ по порядку и по достоинству второй,—по природѣ же никоимъ образомъ не второй; такъ, очевидно, и Духъ Святый, хотя, «допустимъ», второй отъ Сына по достоинству и по порядку, но отсюда вѣроподобно не слѣдуетъ, чтобы Онъ былъ другой (по отношенію къ Сыну) природы». Слѣдовательно, Василій, приведя примѣръ Сына, хочетъ только доказать, что выводъ еретика—если Духъ Святый второй отъ Сына по достоинству, то также второй отъ Него и по природѣ—никуда не годится. Итакъ, какимъ образомъ, если бы онъ

не допустилъ просто, что Духъ Святый по достоинству второй отъ Сына, могъ бы вывести изъ абсолютнаго и вѣрнаго положенія ложное заключеніе? Это можно было бы доказать и дальше разными примѣрами, взятыми изъ логическихъ разсужденій, если бы дѣло не было ясно само по себѣ и если бы не было желанія изложить покороче его сущность. Ибо для всѣхъ ясно, что въ такомъ способѣ разсужденія, гдѣ сперва отрицается первая посылка, а затѣмъ, съ ея допущеніемъ, отрицается слѣдствіе, можно привести много примѣровъ для доказательства, что нѣтъ никакой обязательности такого слѣдствія, даже если первая посылка допускается. Кто это орицаетъ, того слѣдуетъ назвать самымъ неразумнымъ человѣкомъ.

Совершенно такъ же нужно понимать доказательство Василія, взятое изъ примѣра ангеловъ. Ложно утвержденіе Іоанна, будто Василій доказывалъ: «подобно тому какъ ангелы, хотя между ними есть вторые и третьи, не выходятъ изъ природы ангельской, такъ и лица божества: какъ относительно первыхъ (нужно думать), такъ и относительно божественныхъ лицъ». Іоаннъ хочетъ, чтобы смыслъ этихъ словъ былъ таковъ: ангелы по достоинству между собою различаются, однако не различаются по природѣ, такъ и Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, но не по природѣ. Но Василій, приводя примѣръ ангеловъ, хочетъ только доказать, что выводъ еретика, по которому выходило, что Духъ Святый второй отъ Сына по достоиству, слѣдовательно, второй отъ Него и по природѣ,—что этотъ выводъ не имѣетъ никакого основанія. Вотъ почему Василій, показавши, что ангелы различаются достоинствомъ, а не природою, прибавляетъ: «къ чему эта рѣчь? А для того, чтобы показать, что изъ того, что что-нибудь можетъ быть вторымъ, или третьимъ по порядку и достоинству, отнюдь не слѣдуетъ, что оно должно имѣть другую природу». Затѣмъ, давая понять, какое отсюда слѣдуетъ заключеніе, онъ прибавляетъ: «какъ между ангелами одинъ—начальникъ, другой—подчиненный, а въ природѣ ихъ общность; такъ, если допустить, что Духъ Святый второй отъ Сына по достоинству, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы Онъ былъ второй по природѣ». Но, говоритъ Іоаннъ, меньшая посылка—абсолютная: несомнѣнно,

вторые и третьи ангелы по достоинству и по порядку абсолютно и безъ всякаго ограниченія не выходятъ изъ ангельской природы; равнымъ образомъ, абсолютнымъ будетъ и заключеніе: Духъ Святый,—второй отъ Сына по достоинству, не есть второй отъ Него по природѣ. Но развѣ изъ того, что ангелы бываютъ вторые и третьи по достоинству и въ то же время остаются ангелами по природѣ, абсолютно слѣдуетъ, что Духъ Святый, второй отъ Сына по достоинству, не есть второй отъ Него по природѣ? Развѣ отсюда не можетъ быть выведено равнымъ образомъ и такое заключеніе: слѣдовательно, не все, что различается достоинствомъ, различается и природою; и отсюда дальнѣйшій выводъ: нельзя заключать: Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, слѣдовательно—и по природѣ? Дѣйствительно, мы видѣли, что такой именно выводъ дѣлалъ Василій. Во всякомъ случаѣ абсолютный выводъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ изъ положенія: Духъ Святый — второй отъ Сына какъ говорятъ еретики; слѣдовательно, Духъ Святый также второй отъ Сына по природѣ. Но, какъ сказано, Іоаннъ ничего не доказываетъ почти во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, въ которыхъ онъ обыкновенно, отрицая главную посылку, затѣмъ, допустивши эту недоказанную посылку, отвергаетъ слѣдствіе большей посылки и доказываетъ разными доводами, что она не имѣетъ никакой силы; въ этихъ доводахъ всегда первая часть положенія (силлогизма) съ необходимостью абсолютно утверждается, но однако въ заключеніи она не становится отъ этого необходимою, какъ всякому это видно.

Другое возраженіе Іоанна состояло въ томъ, что, по нашимъ спискамъ, изъ главной сомнительной посылки выводилось вѣрное и утвердительное заключеніе. Но какимъ образомъ это можно согласить съ тѣмъ, что онъ говорилъ, я не вижу. Ибо онъ только что сказалъ, что заключеніе по нашимъ спискамъ—ложно, какимъ же образомъ оно вдругъ стало, по его словамъ, истиннымъ. Повидимому, онъ понялъ, будто, согласно нашимъ спискамъ, такъ заключаетъ Василій: допустимъ, Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству; отсюда не слѣдуетъ, что Духъ Святый—второй отъ Сына по природѣ. Но гдѣ же такимъ образомъ

аргументируетъ Василій? Онъ только соединилъ посылку, именно: изъ того, что, какъ говорятъ еретики, Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, не слѣдуетъ, что Онъ второй отъ Него и по природѣ. Но объ этомъ довольно.

Подобное этому возраженіе дѣлалъ Іоаннъ на XXI-мъ засѣданіи, именно: то, чѣмъ что-нибудь доказывается, должно быть извѣстнѣе того, что имъ доказывается. У Василія была задача, опровергнуть выводъ Евномія—если (Онъ) третій по достоинству, то также третій и по природѣ,—если же Василій выражается: «можетъ быть, слово благочестія передаетъ», то онъ, значитъ, сомнѣвался въ томъ, что долженъ былъ твердо установить для опроверженія Евномія. Такъ возражаетъ Іоаннъ. Но уже было раньше показано, что этими словами Василій не выражаетъ сомнѣнія на счетъ того, второй-ли отъ Сына по достоинству Духъ Святый, но только предположительно уступаетъ еретику такое положеніе. Если дальше оказалось необходимымъ для опроверженія Евномія подтвердить, что Духъ Святый—третій по достоинству, то и этому требованію удовлетворяетъ, сообразно съ нашими списками, Василій, сдѣлавши въ этомъ уступку Евномію, но не одобривши ее. Извѣстнѣе должно быть то, чѣмъ доказывается, говоритъ Іоаннъ. Но развѣ выводъ Евномія—«и если Духъ—третій по достоинству, то также третій по природѣ»—Василій хочетъ опровергнуть положеніемъ: хотя Духъ Святый—второй отъ Сына, какъ говоритъ еретикъ, однако не второй отъ Него по природѣ? Что за нелѣпость предлагаетъ въ этомъ случаѣ Іоаннъ? Какимъ образомъ, наконецъ, для Василія являлось необходимымъ, для опроверженія вывода Евномія утверждать, что Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына? Достаточно этотъ выводъ опровергается объясненіемъ, которое дѣлаетъ Василій: допустимъ, что Духъ Святый—второй по достоинству, но отсюда не слѣдуетъ, что Онъ—второй и по природѣ. Но пойдемъ далѣе.

Въ-четвертыхъ: наконецъ, на XXII засѣданіи Іоаннъ дѣлаетъ возраженіе, что, когда Василій говоритъ, что Евномій не можетъ указать, какіе святые Отцы и въ какихъ своихъ рѣчахъ установили поддерживаемое имъ ученіе, то смыслъ его словъ тотъ, что

Евномій не могъ найти св. Отцовъ, которые бы утверждали, что Духъ Святый—третій по достоинству, чтобы отсюда онъ могъ выводить, что Духъ Святый—третій по природѣ. По мнѣнію Іоанна, Евномій не могъ этого сдѣлать потому, что Отцы сказали это, разумѣя исхожденіе Св. Духа извнутри, а Евномій понималъ—извнѣ; и первое мнѣніе было мнѣніемъ многихъ, которымъ они, какъ учитъ Василій, славили Бога. Но прежде всего ясны слова Евномія, которыми онъ изъ одного того, что Духъ Святый, по ученію Отцовъ, второй по достоинству отъ Сына, устанавливаетъ, что Онъ второй и по природѣ. Далѣе—развѣ потому, что Отцы, разумѣя вѣчное исхожденіе, учили, что Духъ Святый —второй по достоинству (допустимъ то и другое, хотя это совсѣмъ ложно), а Евномій понялъ это ученіе въ смыслѣ ученія о твореніи,—развѣ потому слѣдуетъ утверждать, что онъ не заимствовалъ у Отцовъ, что Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, и что потому именно Евномій не могъ назвать тѣхъ Отцовъ, которые это ученіе передали? Но это абсурдъ. Ибо, когда еретикъ приводитъ какое-нибудь подлинное мѣсто изъ извѣстнаго Отца, извращенно толкуя его для доказательства своего мнѣнія, т. е. выводя изъ него, какъ изъ предпосланной посылки, неосновательное и еретическое заключеніе, то развѣ можно утверждать, что еретикъ такого подлиннаго мѣста изъ приведеннаго Отца не имѣлъ и что онъ не могъ назвать самаго Отца, изъ котораго его выписалъ? Если бы, напримѣръ, еретикъ дѣлалъ слѣдующій выводъ изъ Св. Писанія: Духъ Святый, по словамъ апостола, взываетъ къ Отцу: послалъ Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваши, взывающаго: Отецъ (авва Отче)! (Галат. гл. IV, 5); слѣдовательно, Духъ Святый—не есть Богъ; то развѣ онъ не приводилъ бы эти слова изъ Св. Писанія? И развѣ не могъ бы онъ назвать апостола, который ихъ написалъ? Конечно, хотя одно и то же положеніе иначе понимаютъ св. Отцы и иначе понимаетъ еретикъ, выводя изъ него ложное заключеніе,—однако остается не менѣе справедливымъ, что Отцы это положеніе передали, а еретикъ отъ нихъ заимствовалъ. Иное дѣло значеніе словъ изреченія, иное дѣло—основаніе, по которому кто-нибудь даетъ имъ тотъ, или иной смыслъ. Слѣдовательно, Отцы Церкви и еретикъ

въ основаніи, по которому считаютъ установленнымъ смыслъ извѣстнаго положенія, совершенно расходятся; однако они сходятся въ томъ, что та и другая сторона признаетъ сами слова истинными, сообразно съ первоначальнымъ простымъ значеніемъ словъ. Поэтому можно справедливо сказать, что Евномій заимствовалъ у Отцовъ положеніе, что Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, хотя, если смотрѣть на смыслъ, который придавали этому положенію Отцы и въ свою очередь придавалъ Евномій, то между ними оказывалось полное разногласіе. Далѣе—самъ Евномій говоритъ: «мы не будемъ слѣдовать мнѣнію многихъ безъ всякаго изслѣдованія, но сохранимъ во всемъ ученіе святыхъ (Отцовъ)». Этими словами Евномій сознается, что онъ хочетъ слѣдовать не мнѣнію многихъ, но ученію святыхъ, и этимъ именно отрицаетъ, что то мнѣніе многихъ, которое у него было въ виду, было мнѣніемъ святыхъ Отцовъ. Какимъ же, слѣдовательно, образомъ Іоаннъ Провинціалъ утверждалъ, что подъ мнѣніемъ многихъ и ученіемъ святыхъ подразумѣвался одинъ догматъ, именно: Духъ Святый есть второй отъ Сына по достоинству? Равнымъ образомъ св. Василій замѣчаетъ: «презирая мнѣніе многихъ, онъ (Евномій) притворяется, что сохраняетъ ученіе святыхъ». Но одно и то же ученіе не могъ Евномій презирать и въ то же время держаться его, измышляя, что это ученіе святыхъ Отцовъ. Ктому-же, наконецъ, и самъ Іоаннъ Провинціалъ въ XXI засѣданіи заявляетъ, что мнѣніе многихъ, въ которомъ они славятъ Бога, есть мнѣніе, которымъ всѣ исповѣдуютъ, что Духъ Святый есть Богъ. Вотъ его слова: «говорилъ онъ (т. е. Евномій), презирая мнѣніе, которое выражали многіе; и эти мало изслѣдованныя мнѣнія заключались въ томъ, что исповѣдывали Духа Святаго Богомъ, не приводя много основаній. А гордый и заносчивый Евномій, повидимому, не хотѣлъ имъ слѣдовать». Какимъ же образомъ Іоаннъ теперь даетъ другое толкованіе этихъ словъ: Духъ Святый, разумѣется, второй отъ Сына по достоинству, именно въ отношеніи исхожденія? Наконецъ, выводъ Евномія—Духъ Святый второй отъ Сына по достоинству, слѣдовательно—и по природѣ—разбиваетъ Василій примѣрами ангеловъ, звѣздъ и небесныхъ обителей и прибавляетъ, что отсюда ясно, что не

все, второе отъ чего-нибудь по достоинству, второе отъ него и по природѣ и что нельзя заключать: Духъ Святый—второй по достоинству, слѣдовательно—и по природѣ. Притомъ, если принимать положеніе—Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству —не въ прямомъ смыслѣ, а въ смыслѣ исхожденія Св. Духа, сообразно съ католиками, или въ смыслѣ творенія, согласно съ Евномiемъ, то никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы Василій могъ приводить указанные примѣры противъ измышленія Евномія, или выводить изъ нихъ, что не все, второе отъ чего-нибудь по достоинству, различно отъ него и по природѣ. Ибо несоздалъ и, какимъ бы то ни было образомъ, не произвелъ ангелъ—ангела, звѣзда—звѣзду, или обитель—обитель. А такъ какъ для опроверженія вывода Евномія Василій употребляетъ такіе примѣры, въ которыхъ прямо, безъ отношенія къ произведенію, разумѣется, что одно отъ другого отличается достоинствомъ,— то ясно, что, опровергая Евномія, не иначе это положеніе понималъ Василій въ своихъ предшествующихъ словахъ, т. е. ни въ отношеніи исхожденія, какъ понимаютъ католики, ни въ отношеніи творенія, какъ думалъ Евномій.

Вотъ какіе доводы приводилъ Іоаннъ Провинціалъ во Флоренціи и хотѣлъ ими доказать, что списокъ Василія испорченъ представителями восточной Церкви; по этимъ доводамъ позднѣйшіе латиняне считаютъ доказаннымъ, что на Флорентинскомъ соборѣ наши списки были ложные. Кто не станетъ удивляться, что на такихъ легковѣсныхъ и неразумныхъ доводахъ латиняне успокоились и стали руководствоваться ими, какъ слѣпые! Или вѣрнѣе, кто не осудитъ ихъ ослѣпленное упорство, когда они осмѣливаются представителямъ востока приводить эти аргументы, какъ неотразимые и совершенно ясные?

Что касается того, что Іоаннъ въ XX засѣданіи приводитъ слова Аѳанасія, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ выводъ, будто Духъ Святый—второй отъ Сына по достоинству, то мы разберемъ ихъ въ главѣ, въ которой будемъ опровергать выставленные противъ насъ латинянами свидѣтельства изъ писаній восточныхъ Отцовъ Церкви. Было бы, затѣмъ, празднымъ повторять здѣсь то, что каждый изъ позднѣйшихъ латинскихъ писателей, слѣдуя Іоанну

Провинціалу, приводилъ въ защиту списковъ, расходящихся съ нашими; упомянемъ только кое-что изъ того, что приводятъ нѣкоторые сверхъ указанныхъ аргументовъ Іоанна.

Такъ, *Беллярминъ* во II кн. XXV гл. своего сочиненія «о Христѣ» настойчиво утверждаетъ: «кромѣ того, изъ послѣдующаго мы съ очевидностью заключаемъ, что либо эти слова были въ текстѣ, либо, по крайней мѣрѣ, смыслъ ихъ. Ибо такъ продолжаетъ свою рѣчь Василій: подобно тому какъ Сынъ—второй отъ Отца по порядку, потому что Онъ отъ Него (происходитъ), и по достоинству, потому что начало и причина Его бытія есть Отецъ, —но по природѣ Онъ никоимъ образомъ не второй, потому что въ Томъ и Другомъ божество одно; такъ и Духъ Святый, хотя по достоинству и по порядку—второй отъ Сына, однако отсюда не слѣдуетъ, чтобы Онъ былъ другой природы. И все это дословно стоитъ по гречески». Но Беллярминъ такъ приводитъ слова Василія, слѣдуя какому-нибудь урѣзанному латинскому списку. Согласно изданіямъ, выше указаннымъ, вмѣсто словъ: «такъ Духъ Святый, хотя по достоинству и по порядку второй отъ Сына», стояло: «хотя Духъ Святый—по достоинству и по порядку второй отъ Сына, допустимъ это вообще». По-гречески, говоритъ Беллярминъ, выражено дословно все такъ, какъ онъ приводитъ; но всѣ изданія греческаго текста читаютъ это мѣсто Василія такъ, какъ мы ихъ привели. Притомъ, если бы даже и не было этихъ словъ: «допустимъ это вообще», то смыслъ словъ Василія отнюдь не былъ бы еще тотъ, что на самомъ дѣлѣ по достоинству Духъ Святый второй отъ Сына; но онъ только давалъ понять, что если бы Духъ Святый и былъ вторымъ отъ Сына, то изъ этого не слѣдуетъ, что Онъ второй отъ Сына по природѣ, выводя это не изъ своего сужденія, но изъ мнѣнія Евномія.—

Нѣкто [1]) изъ посланія Виссаріона къ Константинопольцамъ выводитъ разныя доказательства. *Во-первыхъ*, говоритъ онъ: изъ шести экземпляровъ твореній св. Василія, которые привезли греки, пять не имѣло сомнительной вставки («допустимъ это»), а имѣлъ ее только шестой харатейный списокъ. Откуда это? Не одинъ

---

[1]) Циховій,—вопросъ VI, стр. 50.

только неповрежденный списокъ могли взять съ собою представители Востока, но много, если бы захотѣли. По свидѣтельству Марка Ефесскаго, тысячу такихъ списковъ имѣлось въ Константинополѣ; на соборъ же, по его словамъ, взяли только нѣкоторые списки, потому что никто не подозрѣвалъ фальсификаціи текста.

Ложно притомъ заявленіе, что греки привезли съ собой во Флоренцію шесть экземпляровъ твореній Василія, потому что тамъ было всего три экземпляра, и изъ нихъ два говорили въ пользу латинянъ [1]). Такъ, на XXI засѣданіи Флорентинскаго собора, по латинскому изданію Горація Юстиніана актовъ этого собора, былъ такой разговоръ: «Кардиналъ (Юліанъ): имѣете ли здѣсь, во Флоренціи другое изданіе Василія, кромѣ этихъ двухъ? Маркъ Ефесскій: нѣтъ. Кардиналъ: здѣсь, въ этомъ городѣ есть три экземпляра и два изъ нихъ—за насъ».

Во-вторыхъ: этотъ писатель заявляетъ, что Виссаріонъ [2]), воротившись въ Константинополь, продолжительнымъ и тщательнымъ чтеніемъ убѣдился, что всѣ списки Василія, написанные до раздѣленія Церквей, говорили въ пользу латинянъ; написанные же послѣ раздѣленія заключали вставку: «можетъ быть, допустимъ это» и пр., а слова: «такъ какъ отъ Него имѣетъ бытіе» и пр. въ нихъ были выкинуты. Но какую вѣру можно давать перебѣжчику, который раньше выдумалъ, что греки принесли съ собою во Флоренцію шесть экземпляровъ Василія, изъ которыхъ пять говорили за латинянъ? Между тѣмъ, какъ мы сейчасъ видѣли, самъ Кардиналъ Юліанъ свидѣтельствуетъ, что всего три экземпляра Василія было во Флоренціи, и изъ нихъ третій былъ доставленъ не греками, а латинцемъ Николаемъ Кузанскимъ.

---

[1]) См. объ этомъ превосходный трудъ: Исторія Флорентійскаго собора. Москва 1847 г. *Прим. пер.*

[2]) Кардиналъ Виссаріонъ, ученый писатель—грекъ, жившій на западѣ (1389—1472). Въ санѣ митрополита Никейскаго онъ былъ однимъ изъ главныхъ устроителей Флорентійской уніи; когда же она была впослѣдствіи отвергнута, бѣжалъ на западъ, гдѣ папа возвелъ его въ санъ Кардинала. Возведенъ былъ въ этотъ санъ и другой поборникъ уніи, Московскій митрополитъ (изъ грековъ) Іосидоръ, бѣжавшій изъ Москвы. *Прим. Перев.*

Именно, Іоаннъ Провинціалъ на XX засѣданіи Флорентинскаго собора заявилъ: «отвѣчая на выраженіе Василія, мы предъ всѣми объявляемъ, что эта книга (т. е. сочиненія Василія) была недавно доставлена сюда изъ Константинополя господиномъ Николаемъ Кузанскимъ». Спрашивается затѣмъ, какимъ образомъ Виссаріонъ могъ различить, какіе списки написаны до раздѣленія и какіе послѣ? Долгимъ и прилежнымъ, говорятъ, чтеніемъ. Значитъ, не было другихъ указаній, напр.—надписи годовъ? Не ясно-ли, что Виссаріонъ могъ увлекаться пристрастіемъ? Вольно было ему объявить списокъ Василія, въ которомъ находились непріятныя ему слова, написаннымъ послѣ раздѣленія. Пусть бы даже было много древнихъ списковъ, говорящихъ за латинянъ, откуда же съ достовѣрностью можно утверждать, что они написаны до раздѣленія Церквей? Списокъ Марка Ефесскаго, который онъ принесъ съ собой въ Италію, былъ очень древній: развѣ и онъ былъ написанъ послѣ раздѣленія? Вотъ на какомъ прочномъ фундаментѣ строятъ свое дѣло латиняне.

Въ-третьихъ:—тотъ же писатель говоритъ, что позднѣйшіе греки въ двухъ экземплярахъ твореній Василія, изъ которыхъ одинъ былъ написанъ около 1100 года, выскоблили ножемъ неблагопріятныя для нихъ слова,—между тѣмъ эти списки были благопріятны латинянамъ. Но какъ вѣрить и въ этомъ случаѣ перебѣжчику [1]), лживость котораго мы замѣчали до сихъ поръ; почему же не допустить, что въ указанныхъ экземплярахъ было подчищено то, что невѣрно было списано? Принято было подскабливать, или выжигать невѣрно списанныя слова. Почему же Римская церковь считала позволительнымъ для себя дѣлать это не только относительно ошибочно написанныхъ, но и подлинныхъ выраженій авторовъ, когда они противорѣчили ея взглядамъ? Отчего же явилось такъ много объяснительныхъ указателей, какъ не оттого, что даже подлинныя слова авторовъ вычеркивали, уничтожали? Скорѣе такія поврежденія подлинниковъ должны быть приписаны самимъ латинянамъ, чѣмъ представителямъ востока. Если дѣйствительно послѣдними были вычеркнуты нѣко-

---

[1]) Виссаріону. *Прим. пер.*

торыя слова въ спискѣ твореній Василія, то они были неправильно списаны; а латиняне урѣзываютъ и вычеркиваютъ по желанію подлинныя слова авторовъ.

Въ-четвертыхъ:—мысль, такъ выраженная (т. е. въ смыслѣ католиковъ), представляетъ такое краснорѣчіе, округлость и аттическую стройность, что самый способъ и изящество изложенія свидѣтельствуютъ, что столь изящное писаніе могло выйти только изъ-подъ пера Василія. Но всякому нравится то, чего онъ желаетъ. Притомъ, развѣ одинъ только Василій умѣлъ писать съ аттическимъ изяществомъ? Развѣ не могъ кто-нибудь другой прибавить къ его словамъ нѣсколько изящныхъ выраженій?

Въ-пятыхъ:—что уже во время Ліонскаго собора употреблялъ это свидѣтельство, приведенное неприкосновенно въ такомъ видѣ изъ древнѣйшихъ списковъ твореній Василія, Беккъ; тоже сдѣлалъ тогда Мануилъ Калека, а послѣ Флорентинскаго собора—Геннадій. Но о древнихъ спискахъ Василія, расходящихся съ нашими, мы говорили выше по поводу возраженій Іоанна; по нашему убѣжденію, и только что названные писатели пользовались также испорченными списками. Но, говоритъ возражатель, Беккъ это свидѣтельство заимствовалъ изъ самыхъ древнихъ списковъ. Убѣжденъ-ли онъ, что не обманывается? Беккъ, продолжаетъ онъ, приводитъ это мѣсто Василія безъ всякаго измѣненія. Но откуда, какъ не изъ своей головы, выводитъ онъ, что Беккъ заимствовалъ изъ самыхъ древнихъ списковъ? Это обыкновенный пріемъ латинянъ и олатинившихся грековъ, что они выдумываютъ то, чего никогда не могутъ доказать, лишь бы оно было полезно ихъ дѣлу. Ибо самъ Беккъ никогда о себѣ ничего подобнаго не говорилъ. Правда, и Беккъ приводитъ нѣкоторыя слова изъ III бесѣды Григорія Нисскаго на молитву Господню. Слѣдовательно, и это онъ приводилъ изъ древнѣйшихъ списковъ? Но эти послѣднія слова такъ явно испорчены, что даже іезуитъ Петавій не могъ не сознаться, что это мѣсто извращено. Какъ же могъ оказаться свидѣтелемъ безыменный писатель, не посовѣстившійся принять имя Геннадія? Развѣ, такимъ образомъ, и писавшему послѣ Флорентинскаго собора можно отно-

сительно даннаго вопроса придавать какое-нибудь значеніе? Смѣшны подобныя возраженія.

Наконецъ—*въ-шестыхъ:* Василій въ посланіи CCC учитъ, что Духъ Святый есть третій по порядку, и у Пахимера въ VII кн. Исторіи сказано, что Сынъ имѣетъ второе мѣсто отъ Отца вслѣдствіе причины (τῷ αἰτίῳ), или какъ отъ причины. Второе мѣсто имѣетъ и Духъ отъ Сына κατὰ τὸν τῆς αἰτίας λόγον,—т. е. на основаніи причины. Но и мы говоримъ, что Василій не отрицалъ, что Духъ Святый—третій по порядку, но отрицалъ, что Онъ третій—по достоинству. Послѣдняго не подтверждаетъ въ приведенномъ посланіи Василій, но утверждаетъ первое. Онъ учитъ далѣе, что Духъ Святый—второй отъ Сына въ отношеніи причины, подобно тому какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ такое же ученіе Григорія Нисскаго; но онъ понималъ, что Отецъ, не производя никого, родилъ Сына; родивши же Сына, произвелъ Св. Духа. Въ такомъ именно смыслѣ Духъ Святый вообще слѣдуетъ за Сыномъ въ отношеніи причины. Поэтому Василій сказавши, что Сынъ—второй отъ Отца, какъ причины, или вслѣдствіе причины, не повторилъ однако этого основанія, чтобы показать, что Духъ Святый—второй отъ Сына, но сказалъ, что это происходитъ κατὰ τὸν τῆς αἰτίας λόγον—на основаніи причины.—

Тотъ же авторъ высказываетъ дальше разныя соображенія въ пользу списковъ, благопріятствующихъ ученію латинянъ. Мы опустимъ изъ нихъ тѣ, которыя онъ заимствовалъ у Іоанна Провинціала и которыя мы выше разобрали; остальныя же, которыя онъ отъ себя приводитъ, изложимъ вкратцѣ.

Св. Василій, говоритъ онъ [1]), открыто сознается, что Евномій обыкновенно говорилъ то же о Св. Духѣ, что и о Сынѣ. Слѣдовательно, такъ какъ онъ между Отцомъ и Сыномъ не признавалъ естественнаго порядка τοῦ αἰτίου и αἰτιατοῦ—или причины и произшедшаго отъ причины (виновнаго); то ясно, что онъ не признавалъ существованія такого же порядка между Сыномъ и Св. Духомъ, и поэтому никто не можетъ приписать этого Евномію безъ тяжкаго укора въ невѣжествѣ и безпечности, или скорѣе

---

[1]) Циховій, вопросъ VI, стр. 52.

въ зложелательствѣ и сокрытіи завѣдомой истины. Такое мнѣніе приводитъ іезуитъ, чтобы показать, что не Евномій доказывалъ, что Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына, а что это было ученіе Отцовъ. Но какимъ образомъ можно отрицать, что Евномій не доказывалъ, что Духъ Святый—второй отъ Сына, когда онъ ясно говоритъ, что онъ сохраняетъ ученіе святыхъ (Отцовъ) и отъ нихъ заимствовалъ, что Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына. Вотъ его слова: «но во всемъ сохранимъ ученіе святыхъ, отъ которыхъ научились, что Онъ (Духъ Святый)—третій по достоинству и по порядку.» Но Василій замѣчаетъ: «теперь же тоже самое говоря, что́ говорилъ, когда велъ рѣчь объ Единородномъ,» чтобы показать, что какъ относительно Сына, такъ и относительно Духа Святаго Евномій притворяется, будто сохраняетъ ученіе Отцовъ и называетъ ученіемъ Отцовъ то, чего они никогда не передавали. Именно, полное выраженіе Василія имѣло такой видъ: «такъ какъ онъ (Евномій) презираетъ мнѣніе многихъ, которымъ они славятъ Св. Духа, то притворяется, что сохраняетъ ученіе святыхъ и не называетъ тѣхъ, которые это ученіе передали (т. е. что Духъ Святый—второй по достоинству отъ Сына), говоря теперь то же самое, что онъ говорилъ, когда велъ рѣчь объ Единородномъ.» Притомъ Евномій отвергалъ естественный порядокъ между Отцомъ и Сыномъ, но не въ одной и той же сущности, а въ различной. Ибо, считая Отца причиною Сына, онъ говорилъ, что Сынъ сотворенъ Отцомъ; но, какъ сказано, этимъ самымъ онъ не признавалъ порядка въ природѣ Бога, отрицая, что Сынъ есть такъ же Богъ, какъ и Отецъ. Такъ относительно Евномія Василій Великій въ I кн. противъ Евномія говоритъ: нельзя говорить, что есть порядокъ въ Богѣ, потому что порядокъ является позже (послѣдствуетъ) устроителя порядка.» Какимъ же образомъ можно сказать, что Евномій отрицалъ, что Сынъ второй по достоинству отъ Отца, когда онъ всячески утверждалъ, что Сынъ есть твореніе Отца? Равнымъ образомъ онъ богохульствовалъ и о Духѣ Святомъ, говоря, что Онъ сотворенъ Сыномъ. Именно вотъ какое выраженіе Евномія во II кн. противъ Евномія приводитъ Василій: «пойметъ (кто-нибудь), что Сынъ есть твореніе Не-

рожденнаго, а Утѣшитель—Единороднаго.» Такимъ образомъ, Евномій на самомъ дѣлѣ устанавливалъ, что Духъ Святый второй по достоинству отъ Сына. Поэтому какъ же можно выражаться, что этого нельзя приписать Евномію безъ укора въ невѣжествѣ или въ безпечности, а то даже въ сокрытіи признанной истины?!

Настаиваетъ дальше этотъ писатель на томъ, что Василій указываетъ, чего именно не могъ доказать Евномій, какъ ученія святыхъ, въ словахъ: «а что Онъ (Духъ Святый) имѣетъ (пользуется) третью природу,—этому мы не научены ни писаніями святыхъ, ни изъ предыдущаго этого нельзя послѣдовательно вывести.» Какой же выводъ изъ этихъ словъ? Василій говоритъ: нѣтъ ученія въ писаніяхъ святыхъ, что Духъ Святый—третій по природѣ; слѣдуетъ ли отсюда, что въ предшествующихъ словахъ, гдѣ онъ возражаетъ, что Евномій не могъ доказать, что то ученіе, которое онъ выдавалъ за ученіе святыхъ, онъ равнымъ образомъ понималъ, что Духъ Святый не есть третій по природѣ, а не то, что Духъ Святый—третій по достоинству? Но Евномій самъ соглашался, что не отъ святыхъ отцовъ онъ заимствовалъ, а самъ создалъ ученіе, что Духъ Святый—третій по природѣ; отъ Отцовъ же онъ, по его словамъ, узналъ, что Онъ—третій по достоинству, какое ученіе и приписывалъ Отцамъ, какъ мы это видѣли. Но Василій на это прямо отвѣчаетъ: «Евномій ложно увѣряетъ (притворяется), что сохраняетъ ученіе святыхъ и не называетъ тѣхъ, которые его ему передали.» Изъ этого всякому ясно, что рѣчь Василія не о томъ, что Духъ Святый—третій по природѣ, а что Онъ—третій по достоинству. Но не станемъ больше на этомъ настаивать, такъ какъ выше объ этомъ пространно говорили.

Далѣе—тотъ же писатель продолжаетъ: а что Маркъ Ефесскій—порядокъ, установленный Василіемъ, считаетъ однимъ только сопричисленіемъ, или (думаетъ), что въ томъ же порядкѣ, въ которомъ—Сынъ, полагается и Духъ,—этимъ онъ подвергаетъ себя большой опасности впасть въ ересь. Ибо вотъ какъ слѣдуетъ разсуждать: то божественное лицо, которое сопричисляется Сыну, или полагается въ одномъ порядкѣ съ Сыномъ, отъ Сына

и зависитъ; Отецъ сопричисляется Сыну и полагается въ одномъ и томъ же порядкѣ съ Сыномъ,—слѣдовательно Отецъ зависитъ отъ Сына. Но если Маркъ Ефесскій сказалъ, что порядокъ Св. Духа по отношенію къ Сыну есть только одно сопричисленіе, или, —что Онъ полагается въ одномъ и томъ же порядкѣ съ Сыномъ, то онъ разумѣлъ, конечно, что Духъ Святый слѣдуетъ за Сыномъ, Сыну сопричисляется и вмѣстѣ съ Нимъ въ одномъ и томъ же порядкѣ полагается, согласно словамъ Іисуса Христа: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». Что онъ признаетъ такой порядокъ, Маркъ много разъ заявлялъ на Флорентинскомъ соборѣ. Слѣдовательно, какимъ образомъ отсюда можно упрекнуть Марка въ какой-нибудь ереси? Разрѣшеніе этого аргумента вытекаетъ изъ допущеннаго различенія. Именно—такъ какъ большая посылка ограничена: тотъ, кто сопричисляется Сыну и полагается съ Нимъ въ одномъ и томъ же порядкѣ,—второй отъ Него и отъ Него зависитъ,—то ясно, конечно, что меньшая посылка іезуита будетъ совершенно ложна. А въ какомъ смыслѣ Василій говоритъ, что Духъ Святый зависитъ отъ Сына, мы видѣли въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ при изложеніи словъ Василія. Неосновательно прибавляетъ затѣмъ іезуитскій писатель, что гораздо легче объяснить, что Духъ Святый зависитъ отъ Сына тѣмъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Сына,—такъ какъ—зависѣть отъ кого-нибудь и имѣть бытіе отъ кого-нибудь ему кажется однозначущимъ выраженіемъ,—и иначе, по его мнѣнію, невозможно найти основанія, почему нельзя сказать, что Отецъ зависитъ отъ Сына. Дѣйствительно, легко объяснить положеніе:Духъ Святый зависитъ отъ Сына—тѣмъ, что будто бы Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Сына; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что въ этомъ именно смыслѣ употребилъ свои слова Василій. Ложно затѣмъ утвержденіе: зависѣть отъ кого-нибудь и имѣть бытіе отъ кого-нибудь—синонимы. Да и какъ онъ это доказываетъ? Дѣйствительно, все, что имѣетъ отъ чего-нибудь бытіе, отъ него и зависитъ, но не наоборотъ: все, что зависитъ отъ чего нибудь, отъ него имѣетъ и бытіе. Наконецъ, хотя приведенная мысль не выдерживаетъ критики, мы раньше привели основаніе, почему нельзя сказать, что Отецъ зависитъ отъ Сына.

Однако въ другомъ мѣстѣ [1]) тотъ же іезуитскій писатель снова настойчиво утверждаетъ, что Григорій Нисскій въ I-й рѣчи противъ Евномія выразился: «Духъ Святый ни вслѣдъ за Отцомъ, ни вмѣстѣ съ Отцомъ не сопричисляется.» Слѣдовательно—какимъ образомъ Евномій могъ сказать, что Духъ Святый есть второй отъ Отца?—Но, какъ мы только что видѣли, Евномій не допускалъ порядка въ Богѣ, и въ этомъ смыслѣ, богохульствуя, что Духъ Святый есть тварь Сына, отвергалъ также, что Духъ Святый не сопричисляется ни непосредственно вслѣдъ за Отцомъ, ни вмѣстѣ съ Отцомъ, т. е. въ одномъ божествѣ.—Какъ же отсюда можно заключать, что мысль о томъ, что Духъ Святый —третій отъ Отца по достоинству, не принадлежитъ Евномію? А что іезуитъ говоритъ: «какимъ образомъ Евномій могъ сказать, что Духъ Святый—второй отъ Отца?» —это, во всякомъ случаѣ, онъ написалъ по какому-то недоразумѣнію, ибо мы никогда не приписываемъ Евномію мысли, что Духъ Святый—второй, но что Онъ третій по достоинству отъ Отца, какъ говорятъ подлинныя слова Евномія.

Такимъ образомъ никакимъ основательнымъ доказательствомъ нашъ авторъ не установилъ, что по ученію Василія, Духъ Святый—третій по достоинству; поэтому удивительно, что онъ изъ Василія, какъ изъ самаго вѣрнаго основанія, выводитъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Вотъ какъ онъ здѣсь аргументируетъ: [2]) кто по порядку и по достоинству есть первѣе (выше) Св. Духа, тотъ есть производительное начало Св. Духа. Ибо, потому именно Отецъ считается первѣе по порядку и по достоинству Сына, что Онъ есть начало Сына. Сынъ, по мнѣнію Василія и другихъ Св. Отцовъ, есть первѣе Св. Духа по порядку и достоинству,— слѣдовательно, Сынъ есть начало Св. Духа. Но такъ какъ въ этомъ силлогизмѣ меньшая посылка—ложная, то равнымъ образомъ нужно отвергнуть большую посылку, именно: тотъ, кто достоинствомъ первѣе (выше) Духа Святаго,—есть Его производящее начало; какъ будто все, что выше другого, есть также

---

[1]) Вопросъ VIII стр. 83.

[2]) Стр. 84

непремѣнно и его начало. Мы видѣли, какъ основательно разсуждалъ Василій Великій, чтобы доказать, что если Духъ Святый —третій по достоинству, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Онъ былъ третьимъ и по природѣ. Примѣрами ангеловъ, звѣздъ, небесныхъ обителей онъ доказываетъ, что не все, отличное отъ другого достоинствомъ, отличается отъ него также и природою. Изъ этихъ же примѣровъ явствуетъ, что не все, что первѣе (выше) другого, есть непремѣнно его начало. Такъ, одни ангелы выше другихъ достоинствомъ, равнымъ образомъ и звѣзды, и небесныя обители, однако отсюда вовсе не слѣдуетъ, что одни ангелы, звѣзды и обители были производительнымъ началомъ другихъ.

Но іезуитъ настаиваетъ: потому именно Отецъ называется первѣе (выше) достоинствомъ, что Онъ начало Сына. Нелѣпость. Пусть приставитъ къ этому заключенію большую посылку, тогда правильный силлогизмъ будетъ имѣть такой видъ: что служитъ началомъ другому, есть первѣе (выше) его достоинтвомъ; Отецъ —начало Сына; слѣдовательно Отецъ выше достоинствомъ Сына. Такимъ образомъ отсюда вытекаетъ, что все, что служитъ началомъ другому,—выше послѣдняго достоинствомъ; но отнюдь нельзя заключать, что все, что́ выше другого достоинствомъ, есть его производительное начало, что́ заимствовалъ будто бы іезуитъ изъ ученія Св. Василія для доказательства большей посылки силлогизма. Ясно поэтому, что онъ ничего этимъ способомъ не доказалъ. Этимъ мы закончимъ разсужденія наши по поводу приведеннаго мѣста Василія Великаго.

Поврежденіе XIII.

Беккъ въ «сводѣ мнѣній объ исхожденіи Св. Духа» на стр. 116 приводитъ слѣдующія слова изъ книги Григорія Нисскаго—озаглавленной: «да не будутъ три Бога»: «различія между причиною и происшедшимъ изъ причины мы не отрицаемъ, въ этомъ только мы можемъ уловить различеніе одного отъ другого, —конечно, въ томъ, что вѣримъ, что иное—есть причина, иное же (происшедшее) изъ причины, и изъ того, что есть изъ причины (καὶ τοῦ ἐξ αἰτίας δὲ ὄντος). Опять другое различіе полагаемъ: «одно очень близко отъ перваго» и пр.

Такъ, раньше Бекка читаютъ это мѣсто Рудольфъ и другіе апокрисіаріи Римскаго папы Григорія IX, посланные къ патріарху Константинопольскому Герману, въ своемъ опредѣленіи объ исхожденіи Св. Духа (т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 327). Отсюда въ такомъ же видѣ приводитъ его Беллярминъ въ своей книгѣ о Христѣ, гл. XXV и разсуждаетъ: а если въ божествѣ иное—причина, иное—изъ причины, иное—изъ того, что́—изъ причины, то это значитъ, что причина есть Отецъ, Сынъ—отъ Отца, Духъ Святый—отъ Сына. Такое толкованіе даютъ словамъ Григорія Нисскаго латинскіе богословы. Но въ приведенномъ мѣстѣ Григорія слова его злонамѣренно разставлены въ извращенномъ порядкѣ: раздѣлено то, что должно было стоять въ одномъ предложеніи, и наоборотъ—соединено то, что должно было быть раздѣлено. Такъ, въ изданіи твореній Григорія Нисскаго по-гречески и по-латини въ Парижѣ 1615 года, т. II, стр. 459 стоитъ: «конечно, въ томъ, что вѣримъ, что иное—причина, а иное—(происшедшее изъ причины; и того, что (произошло) изъ причины, опять иное полагаемъ различіе». Въ такомъ видѣ находится это мѣсто въ Парижскомъ латинскомъ изданіи твореній Нисскаго 1573 г., стр. 864. И Гуго Еѳеріанскій, жившій раньше Бекка и вышеприведенныхъ апокрисіаріевъ Григорія IX-го, въ III кн., гл. XIII, (стр. 408, т. XII Кельнской библіотеки Отцовъ) такъ приводитъ слова Григорія Нисскаго: «вѣримъ, что отсюда—причина, отсюда же—изъ причины, и отсюда того, что изъ причины есть (произошло), опять инную причину разумѣемъ». Такимъ же образомъ приводитъ это мѣсто Калека (кн. I, стр. 26, т. XIV Кельнской библіотеки Отцовъ). Слѣдовательно, Григорій Нисскій выразился: «это вотъ—причина, а это—(происшедшее) изъ причины, и того, что изъ причины есть (произошло), опять иное полагаемъ различіе»; такъ что слова: «καὶ τοῦ ἐξ αἰτίας δὲ ὄντος» соединяются съ послѣдующими: «опять иное различіе полагаемъ», а не съ предыдущими: «это же изъ причины». Между тѣмъ латиняне соединяли то, что слѣдовало отдѣлить, и раздѣлили то, что нужно было соединить, чтобы получился смыслъ, благопріятный ихъ ученію. Базельское латинское изданіе Григорія Нисскаго 1571 г. на стр. 97—заключаетъ эти слова въ такомъ видѣ:

«иное—причина, иное же—(происшедшее) изъ причины, и того, что—изъ причины (произошло). Опять иное различіе полагаемъ», такъ что «и того что изъ причины» не соединяется ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдующимъ. Но, спрашивается, какой же выходитъ въ этомъ случаѣ смыслъ словъ: «и того, что изъ причины»? Для всякаго однако очевидно, что по этому чтенію нельзя этихъ словъ присоединить къ предыдущимъ, а необходимо ихъ представить къ послѣдующимъ: нѣтъ никакой связи сказать: «иное изъ причины, и того, что—изъ причины»; тогда какъ, наоборотъ, отлично вяжутся эти слова съ послѣдующими такимъ образомъ: «итого, что—(произошло) изъ причины, опять полагаемъ другое различіе». Далѣе—что слова: «καὶ τοῦ ἐξ αἰτίας δὲ ὄντος» нельзя соединять съ предыдущими, а слѣдуетъ соединить съ послѣдующими, явствуетъ изъ прибавленія частицы δὲ, которая отнюдь не могла бы стоять, если бы означенныя слова относились къ предыдущему. Въ самомъ дѣлѣ, что значило бы сказать: «конечно, вѣруемъ, что иное—причина, иное же—изъ причины, и изъ того же, что есть изъ причины»? Вѣдь если послѣднее соединить въ одно отдѣленіе съ словами: «иное же изъ причины», то нельзя снова сказать: «и изъ того же, что есть причина, или καὶ τοῦ ἐξ αἰτίας δὲ ὄντος». А такъ какъ здѣсь снова прибавляется частца же (δὲ), то ясно, что начинается новое предложеніе, поэтому и нужно эти слова соединить съ послѣдующими. Наконецъ, въ дальнѣйшемъ теченіи рѣчи, когда Григорій Нисскій спеціально излагаетъ основаніе исхожденія Св. Духа, онъ никогда не прибавляетъ, что Духъ Святый произведенъ изъ того, что есть изъ причины, даже ничего подобнаго не намекаетъ, но относитъ причину существованія Св. Духа только къ Отцу; Сынъ же, говоритъ онъ, не инымъ образомъ относится къ исхожденію Св. Духа, какъ тѣмъ, что Послѣдній исходитъ отъ Отца, послѣ того какъ произведенъ былъ Сынъ. Какимъ же образомъ Григорій преминулъ бы тутъ же приписать произведеніе Св. Духа Сыну, если бы въ только что сказанныхъ раньше словахъ онъ училъ, что какъ Сынъ произошелъ отъ Отца, такъ Духъ Святый произошелъ отъ Сына? Тѣмъ болѣе онъ это сдѣлалъ бы, что затѣмъ онъ снова напоминаетъ, что причина Сына—Отецъ; въ особен-

ности же онъ это долженъ бы былъ сдѣлать, если, допустивши чтеніе Бекка, онъ въ только что передъ тѣмъ сказанныхъ словахъ утверждалъ, что только Сынъ, а не также и Отецъ—причина Св. Духа.—

Поврежденіе XIV.

Беккъ въ своемъ «сборникѣ мнѣній Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа» на стр. 102 и Калека во II кн. XIV т. Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 275, приводятъ слѣдующія слова Григорія Нисскаго изъ его III-ей бесѣды на молитву Господню: «Духъ Святый называется (происходящимъ) отъ Отца и имѣетъ свидѣтельство, что Онъ (происходитъ) отъ Сына» [1]).

Но если мы тщательно разсмотримъ все мѣсто бесѣды, гдѣ находятся эти слова, даже въ такомъ видѣ, какъ оно приводится Беккомъ, то будетъ ясно, что оно совсѣмъ испорчено. Вотъ что тамъ говоритъ Григорій Нисскій: «такъ какъ Сыну и Духу Святому принадлежитъ общее свойство не быть порожденными, то чтобы не явилось (разумѣлось) какое-нибудь смѣшеніе относительно (этого) предмета, слѣдуетъ опять находить несмѣшанное различіе въ Ихъ свойствахъ, дабы и общее (свойство) сохранялось, и частное (свойственное Каждому отдѣльно) не смѣшивалось. Ибо Сынъ Священнымъ Писаніемъ именуется Единороднымъ отъ Отца и такое только (до сихъ поръ) свойство Ему опредѣляетъ рѣчь; Духъ же Святый называется—и отъ Отца (происшедшимъ), и имѣетъ свидѣтельство, что происходитъ (есть) отъ Сына: ибо, говоритъ (Сынъ), если кто не имѣетъ Духа Христа (Христова), тотъ не есть Его. Итакъ, Духъ хотя—отъ Бога, есть также Духъ Христа. Но Сынъ, будучи отъ Бога, Сыномъ Духа Святаго также и не есть, и не называется; и не распространяется обратно это (относительное) слѣдствіе, чтобы, подобно тому какъ называемъ Духа—Духомъ Христа, мы такъ же именовали Христа—Христомъ Духа Святаго». Намѣреваясь показать различіе между Сыномъ и Духомъ Святымъ въ виду того, что Тотъ и Другой происходятъ

---

[1]) Τὸ δὲ Ἅγιον Πνεῦμα καὶ ἐκ τοῦ Πατρὸς λέγεται, καὶ ἐκ τοῦ Υἱοῦ προσμαρτυρεῖται. Spiritus S. ex Patre dicitur, et ex Filio esse testimonium habet.

отъ Отца, Григорій Нисскій, *во-первыхъ,* говоритъ: «Сынъ есть отъ Отца и до сихъ поръ» (этимъ именно) устанавливаетъ свойство Ему рѣчь», конечно, потому, что нельзя Его назвать такъ же Духовымъ, какъ онъ дальше прибавляетъ. Но о Духѣ Святомъ выражается иначе: «Онъ есть отъ Отца» и не прибавляетъ: «и до сихъ поръ устанавливаетъ Ему (это) свойство рѣчь» — и этимъ именно показываетъ, что онъ наоборотъ утверждаетъ относительно Духа Святаго то, что́ только что отрицалъ относительно Сына. Слѣдовательно слова Григорія были: «и (есть) Сына», а не «отъ Сына происходитъ, имѣетъ свидѣтельство». *Во-вторыхъ,* то-же, что онъ только что сказалъ о Духѣ Святомъ по отношенію къ Сыну, то же, говоритъ онъ, о Духѣ Святомъ свидѣтельствуетъ и Св. Писаніе, и приводитъ слова Писанія, въ которыхъ Духъ Святый называется Духомъ Христа. Точно такъ же незадолго передъ тѣмъ онъ говорилъ: «имѣемъ свидѣтельство изъ Писанія, что Духъ Святый—не отъ Сына, но что Онъ—Сына (принадлежитъ Сыну, Сыновъ). *Въ-третьихъ,* приведя слова Писанія, Григорій прибавляетъ: «итакъ хотя Духъ есть (происходитъ) отъ Бога, есть также Духъ Христа (Христовъ)». Словами Писанія онъ хотѣлъ только доказать, что Духъ Святый—есть Духъ Сына, и именно это имѣлъ въ виду, когда раньше ссылался на свидѣтельство Писанія о Духѣ Святомъ, а теперь повторяетъ снова то, что раньше хотѣлъ доказать приведенными словами Писанія.— *Въ-четвертыхъ,* добавляетъ затѣмъ Григорій: «по Сынъ, хотя есть (происходитъ) отъ Бога, однако не называется Сыномъ Духа Святаго». Если же между Сыномъ и Духомъ Святымъ то различіе, что Сынъ называется—отъ Бога, но однако не (Сыномъ) Духа Святаго; то слѣдовательно и раньше Григорій говорилъ: «Духъ Святый есть (Духъ) Сына и отъ Бога», чтобы этому выраженію отвѣчало обратное: «Сынъ и есть отъ Бога, но не есть (Сынъ) Духа (Духовъ); иначе, если бы раньше онъ установилъ, что «Духъ Святый есть отъ Бога и (отъ) Сына», то долженъ былъ бы соотвѣтственно этому выраженію противопоставить: «а Сынъ отъ Бога, но отнюдь не отъ Духа Святаго». И затѣмъ далѣе Григорій указываетъ, что нельзя обратно заключать, нельзя подобно тому, какъ Духъ Святый называется Духомъ Сына, также

и Сына Божія называть Сыномъ Духа Святаго. А такъ какъ вся остальная рѣчь Григорія идетъ объ этомъ только и имѣетъ цѣлью доказать то, что онъ раньше установилъ,—то, очевидно, раньше онъ не говорилъ, что Духъ Святый есть (происходитъ) отъ Сына, но только, что Онъ—Сына (Сыновъ).

Гуго Еѳеріанскій также отнюдь не читаетъ въ этомъ мѣстѣ: «Духъ Святый (есть) происходитъ отъ Сына». Когда онъ приводитъ это мѣсто для подтвержденія общаго мнѣнія латинянъ, то въ такомъ видѣ передаетъ слова Григорія Нисскаго: «свойство Отца—не отъ причины происходить (быть); но это не есть свойство въ Сынѣ и Духѣ Святомъ. Ибо Сынъ произошелъ отъ Отца, какъ говоритъ Писаніе; и Духъ отъ Бога и Отца исходитъ. Но какъ быть безъ причины есть свойство Одного Отца, и Сыну и Духу приличествовать не можетъ; такъ, наоборотъ, изъ причины быть—свойство Сына и Духа, каковое не имѣетъ природы (не можетъ) быть усмотрѣннымъ въ Отцѣ, хотя обще Сыну и Духу». И далѣе: «хотя Сынъ—отъ Бога, но не есть (Сынъ) Духа и не называется. Ибо не обращается это обычное слѣдствіе, такъ чтобы можно было равносильно черезъ разрѣшеніе (анализъ) обратить рѣчь (сдѣлать обратный выводъ), дабы какъ Духа называемъ Христовымъ, такъ Христа называли Духовымъ». (Кельнская библіотека Отцовъ ч. II, т. XII, кн. II, гл. III, стр. 378). Здѣсь Гуго пропускаетъ всю фразу, въ которой по Бекку заключаются слова: «и что отъ Сына есть (происходитъ), имѣетъ свидѣтельство», чего, конечно, никоимъ образомъ не сдѣлалъ бы, если бы въ спискѣ Григорія находились эти слова, такъ какъ единственнымъ намѣреніемъ его было привести слова Отцовъ въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Затѣмъ и іезуитъ Петавій признаетъ эти слова испорченными. Такъ въ VIII кн., III гл., номерѣ XIV своего сочиненія «о Троицѣ» онъ говоритъ: «а я, когда тщательнѣе вдумываюсь въ это мѣсто Григорія, прихожу къ тому мнѣнію, что тутъ не должно быть предлога ἐκ и что Григорій написалъ: τὸ δὲ Ἅγιον Πνεῦμα, καὶ ἐκ τοῦ Πατρὸς λέγεται, καὶ τοῦ Υἱοῦ εἶναι προσμαρτυρεῖται. Ибо того требуетъ послѣдующая рѣчь, когда онъ говоритъ, что напротивъ Сынъ есть (происходитъ) такъ изъ Отца, чтобы не на-

зываться Духовымъ. Ὁ δὲ Υἱὸς ἐκ τοῦ Θεοῦ ὤν, οὐκέτι καὶ τοῦ πνεύματος οὔτ' ἐστιν οὔτε λέγεται. Не говоритъ—ἐκ τοῦ πνεύματος,—что было умѣстнымъ, если бы онъ раньше написалъ, что Духъ есть (происходитъ) и отъ Отца, и отъ Сына. Слѣдовательно онъ написалъ, что Духъ и есть (происходитъ) отъ Отца, и есть Сына (Сыновъ), чтобы этому по противоположенію соотвѣтствовало, что Сынъ и есть (происходитъ) отъ Бога, и не есть Духовъ. И это такъ.

Поврежденіе XV.

Въ Сирскомъ требникѣ патріарха Александрійскаго *Севера* Константинопольскій символъ читается съ прибавленіемъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Всѣ латинскія изданія этого требника имѣютъ такую прибавку (т. VII Кельнскаго изданія Отцовъ, стр. 530); также сирское изданіе, выпущенное въ свѣтъ Гвидономъ Фабриціемъ Бодеріаномъ въ Антверпенѣ 1572 г. (стр. 63).

Но какимъ образомъ уже въ VII вѣкѣ между Сирійцами могла быть въ ходу эта прибавка къ символу, когда среди самихъ латинянъ она зародилась и была придумана только подъ конецъ VIII вѣка? Мы на это указываемъ въ отдѣлѣ о распряхъ, возникшихъ среди самихъ латинянъ по поводу этой прибавки. Притомъ, на востокѣ услыхали о прибавкѣ не ранѣе временъ Фотія, когда однако представители востока на соборѣ, созванномъ противъ латинянъ, постановили никогда никакими словами не дополнять символа, какъ было нами показано въ отдѣлѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ Церкви. Какимъ же образомъ эта прибавка могла существовать въ Сиріи уже въ VII вѣкѣ?

Поврежденіе XVI.

Равнымъ образомъ и въ Эѳіопской литургіи, изданной въ Римѣ на эѳіопскомъ языкѣ, а въ Парижѣ на латинскомъ (т. IV библіотеки Отцовъ Бинія 1575) Константинопольскій символъ читается также съ прибавкой.

Но что опять-таки и здѣсь латиняне допустили поддѣлку, свидѣтельствуетъ лучшій среди лютеранъ знатокъ восточныхъ языковъ Іовъ Лудольфъ Саксонецъ, который въ примѣчаніяхъ къ исповѣданію Клавдія, царя Эѳіопскаго, изданному вмѣстѣ съ Эѳіопскимъ лексикономъ и грамматикою въ Лондонѣ 1661 г., ясно

доказалъ, что эѳіопскія слова, поставленныя въ Римской эѳіопской литургіи на мѣстѣ словъ: и отъ Сына (filioque), не соотвѣтствуютъ обычному способу выраженія Эѳіопами словъ: отъ Отца и Сына, когда они ихъ употребляютъ.

Поврежденіе XVII.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ исторіи Варлаама и Іосафата въ латинскихъ изданіяхъ его твореній—Базельскихъ 1559 и 1575 —стр. 607 и Кельнскомъ 1546 г., стр. 319 употребляетъ такое выраженіе: «и знай Одного Духа Святаго, отъ Отца и Сына исходящаго, Бога совершеннаго и животворящаго, подателя святыни (освященія) и Своей воли и Своей власти осуществителя». И Антоній Поссевинъ во II томѣ своего «священнаго приготовленія» свидѣтельствуетъ, что такъ именно выражался Дамаскинъ.

Однако, когда Яковъ Биллій въ своемъ Парижскомъ изданіи 1577 года не слѣдовалъ существовавшимъ уже изданіямъ твореній Дамаскина, а тщательнѣе изучилъ древніе списки, то оказалось, что въ его изданіи, въ Дамаскиновой исторіи Варлаама и Іосафата (гл. XIX, листъ 584)—словъ: и отъ Сына—вовсе нѣтъ, такъ что и самъ Беллярминъ въ книгѣ «о церковныхъ писателяхъ» принужденъ сознаться, что—Filioque—было прибавлено другимъ. Что рукописные кодексы твореній Дамаскина не знали словъ: «и отъ Сына»,—сознается и Ватинскій библіотекарь Левъ Алляцій во II кн., II гл. своего «согласія церквей», гдѣ онъ говоритъ: «а что наконецъ Беллярминъ утверждаетъ, что «отъ Сына» кѣмъ-то прибавлено, то это вѣрно: это явствуетъ изъ толкованія Биллія и изъ рукописныхъ кодексовъ, въ которыхъ нѣтъ этихъ словъ».

Поврежденіе XVIII.

Въ Ингольштадскомъ изданіи «чтепій о древности» Канизія 1604 года (т. V, ч. I, стр. 187). приводится посланіе *Фотія* къ Болгарскому царю Михаилу въ переводѣ іезуита Франциска Турріанскаго. Въ этомъ посланіи Фотій употребляетъ приставку въ символѣ—«и отъ Сына». Но не подлежитъ сомнѣнію, что эту приставку сдѣлалъ латинскій переводчикъ, обнаруживъ при этомъ большое безстыдство. Ибо неужели Фотій, самый жестокій

обличитель и противникъ этой приставки къ символу, могъ самъ пускать ее въ обращеніе? Однако рукопись, которою пользовался Канизій въ своемъ изданіи, заключала эту прибавку, хотя самъ Канизій признавалъ, что это—произвольная вставка. Такъ, на полѣ противъ словъ «Filioque» —онъ замѣчаетъ: «такъ написано на листкахъ Турріана, но думаю, что это прибавлено переводчикомъ». И затѣмъ Канизій постарался напечатать это— «Filioque» —другимъ шрифтомъ чтобы дать понять, что это выраженіе не Фотія, а вставлено кѣмъ-то другимъ.

Поврежденіе XIX.

Императоръ *Левъ Мудрый* въ посланіи къ Омару Сарацину, по латинскому переводу (въ послѣднемъ томѣ Кельнскій библіотеки Отцовъ, стр. 241), говоритъ слѣдующее: «не бойся, Моисей: Я—Господь Богъ твой, Творецъ твой, Свѣтъ отъ Свѣта, Слово отъ Отца, изъ Которыхъ Духъ Святый исходитъ».—Но какъ могъ императоръ Левъ утверждать здѣсь, что Сынъ есть начало Св. Духа, когда онъ въ первой рѣчи на Пятидесятницу сильно укорялъ латинянъ, или тѣхъ, кто тогда вводилъ два начала Духа Святаго,—чего никому, кромѣ латинянъ, тогда нельзя было приписать? Въ этой рѣчи Левъ учитъ, что «Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца», и латинскій издатель къ этимъ словамъ дѣлаетъ примѣчаніе: «заблужденіе схизматиковъ грековъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца».

Объ этомъ мы говорили въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ X вѣка.

Поврежденіе XX.

Въ «греко-римскомъ правѣ» *Маркварда Фрегера,* т. I, кн. VIII, какъ по-гречески, такъ и по-латини приводятся слѣдующія слова изъ книги Константина Арменопула «о православной вѣрѣ»: «и въ Духа Святаго совѣчно отъ Бога и Отца и Сына исходящаго, Самого свѣта, и Бога истиннаго, и Отцу и Сыну совѣчнаго и единосущнаго».

Но въ прибавленіи къ томамъ библіотеки Отцовъ, изданномъ Биніемъ въ Парижѣ 1579 г. столб. 1881, Арменопулъ въ книгѣ «о православной вѣрѣ» только говоритъ: «совѣчно отъ

Бога и Отца исходящаго», пропустивши «отъ Сына». Левъ Аллящій также сознается, что Арменопулъ былъ изъ числа тѣхъ грековъ, которые боролись противъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Въ своемъ сочиненіи «согласіе церквей» (кн. II, гл. II) онъ признаетъ приведенныя слова Арменопула поддѣлкою и замѣчаетъ: «между тѣмъ какъ въ изданіи Базельскомъ 1528 г., въ типографіи Петра Перна, какъ въ греческомъ, такъ и въ латинскомъ текстѣ стоитъ только «отъ Отца».

Поврежденіе XXI.

Изъ книги Кирилла (или кто бы нибылъ ея авторъ) «о Тройцѣ» очень многое помѣщаетъ въ своей «сокровищницѣ православной вѣры» *Никита Хоніатъ*. Въ Парижскомъ изданіи Хоніата въ переводѣ Петра Морелла 1592 г. (кн. II, гл. XXXIV) и отсюда въ т. XII, ч. I. стр. 520 кельнской библіотеки Отцовъ приведено слѣдующее мѣсто: «отнюдь мы не говоримъ, что Сынъ и Духъ Святый не имѣютъ причины;—но называемъ Перваго—отъ Отца и Сыномъ Отца,—Второго же отъ Отца также и отъ Сына и Духомъ Отца». Но опять таки это мѣсто испорчено, по сознанію самого Льва Аллящія (кн. II, гл. II, номеръ VIII его «согласія церквей»). Да и самъ Никита, по тому и другому изданію, замѣчаетъ: «Духа отъ Сына также не говоримъ, но только говоримъ Духа Сына». Развѣ не безстыдство вводить въ текстъ Никиты то, что онъ самъ дальше явно отрицаетъ?

Поврежденіе XXII.

Опять у того же Никиты во II кн., гл. XXIV «сокровищницы православной вѣры» по переводу Морелла (т. XII, ч. I, стр. 518 Кельнской библіотеки Отцовъ) находится такое выраженіе: «Одинъ только Духъ Святый исходитъ изъ самаго существа Отца и Сына». Такимъ образомъ тотъ, кто открыто отрицаетъ, что Духъ Святый происходитъ отъ Сына, по этому тексту опять объявляетъ Сына производителемъ Св. Духа! Поэтому и это мѣсто признаетъ испорченнымъ Левъ Аллящій, который въ указанномъ выше сочиненіи по поводу его замѣчаетъ: «этого (т. е. поддѣлки текстовъ) гнушались всегда благоразумнѣйшіе и преданнѣйшіе католической религіи люди. Ибо истинная религія

утверждается правдою, а не лживостью и обманомъ.» Но насколько именно латиняне гнушались урѣзывать, или дополнять писанія Св. Отцовъ, достаточно показываютъ и эта и слѣдующая глава о *поврежденіяхъ въ писаніяхъ* латинскихъ Отцовъ Церкви. На самомъ дѣлѣ оказывается, что этотъ грѣхъ водился за ними очень часто.

Поврежденіе XXIII, заключающее въ себѣ очень много другихъ.

Болѣе другихъ, наконецъ, восточныхъ писателей подвергся жестокому урѣзыванію и многократной порчѣ патріархъ Константинопольскій Геннадій въ его діалогѣ «о христіанской вѣрѣ». Прежде всего вотъ что сказано въ латинскомъ переводѣ ересіологіи, которая обнимаетъ писанія противъ еретиковъ различныхъ Отцовъ (въ Базельскомъ изданіи 1556 г., стр. 800 и въ т. V библіотеки Отцовъ, издан. въ Парижѣ Биніемъ 1575 г., стр. 872 и въ 1589 г., столб. 1347, т. IV): «ибо Духъ Святый все изслѣдуетъ и глубины даже Божіи. М.—Въ Богѣ какія суть производительныя начала? Г.—Одно производительное начало называемъ въ Богѣ, это—Отецъ: ибо Онъ родилъ Сына и выдыхаетъ Духа Святаго. Знай, что есть Одинъ только Отецъ—способный родить (γεννητικός, generativus) Сына; Сынъ же не есть способный родить, но рожденный; Духъ Святый не есть производительный (προβλητικός, productivus), но произведенный. Итакъ, *начало* производительное есть Отецъ, а также и Сынъ. Произведенные же суть Сынъ и Духъ Святый. Производительнымъ началомъ называется Отецъ, потому что Онъ родитъ и не раждается, производитъ и не производится; раждаетъ именно Сына, а *производитъ* Духа Святаго;—вотъ почему и называется Отецъ производительнымъ началомъ. М.—А сколько въ божествѣ лицъ—произведенныхъ? Г.—Въ божествѣ два лица произведены: Сынъ и Св. Духъ. Не раждаетъ Сынъ, но раждается, потому называется произведеннымъ; подобно тому Духъ Святый не выдыхаетъ, но выдыхается и посему называется произведеннымъ. Итакъ, если тебя спросятъ: какія лица въ божествѣ производящія? отвѣчай: два. Именно—Отецъ родитъ Сына, и Отецъ и Сынъ выдыхаютъ

Св. Духа. Если же спросятъ: сколько въ божествѣ лицъ производящихъ, но не произведенныхъ? Отвѣчай: одно, именно—Отецъ, потому что раждаетъ Сына и производитъ Св. Духа. М.—Въ Святой Тройцѣ кто былъ первымъ: Отецъ, или Сынъ, или Духъ Святый?—Г.—Въ Святой Тройцѣ нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго». Отсюда и Левъ Аллацій, желая доказать, будто патріархъ Константинопольскій Геннадій признавалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, въ III кн. (гл. VI, номеръ II) своего «согласія церквей» приводитъ изъ этого мѣста слѣдующія слова: «въ божествѣ два лица — произведены: — Сынъ и Св. Духъ. Не родитъ Сынъ, но родится, потому и называется произведеннымъ. Подобно тому Духъ Святый не выдыхаетъ, но выдыхается, и посему называется произведеннымъ. Итакъ, если бы тебя спросили: какія въ божествѣ лица— производящія? Отвѣчай: два,—именно: Отецъ родитъ Сына, и Отецъ и Сынъ выдыхаютъ Св. Духа».

Но, если мы развернемъ греческій текстъ Геннадіевскаго діалога, изданный въ Гельмштадѣ въ 1611 г. и въ Вѣнѣ восемьюдесятью годами раньше, то увидимъ, что въ приведенномъ мѣстѣ иное прибавлено, иное испорчено. Вотъ какъ въ греческомъ текстѣ оно читается: «ибо Духъ Святый все изслѣдуетъ и даже глубины Божіи». Т.—Въ Богѣ сколько причинъ? П.—Говорю: въ Богѣ одна причина,—это—Отецъ. Онъ раждаетъ Сына и производитъ Св. Духа. Знай, что Одинъ только Отецъ есть причина, Сынъ же не есть причина, но происшедшій отъ причины (αἰτιατός, causatus); подобнымъ образомъ и Духъ Святый не есть причина, но происшедшій отъ причины. Слѣдовательно, одна причина—Отецъ; происшедшихъ отъ причины двое:—Сынъ и Духъ Святый. Отецъ называется причиной, потому что раждаетъ и не раждается; изводитъ и не исходитъ: рождаетъ именно Сына, изводитъ Духа Святаго и поэтому Отецъ называется причиною. Т.—А сколько происшедшихъ отъ причины? П.—Происшедшихъ отъ причины двое: Сынъ и Духъ Святый. Не раждаетъ Сынъ, но раждается, —поэтому называется происшедшимъ отъ причины; подобнымъ образомъ и Духъ Святый не производитъ, но исходитъ и поэтому называется происшедшимъ отъ причины. Итакъ, если кто тебя

спроситъ: сколько причинъ считаешь въ Богѣ? Отвѣчай: одну, именно Отца.—Т.—А почему Онъ называется причиною?—П.—Потому что родитъ Сына и производитъ Духа Святаго. Т.—Въ Святой Тройцѣ кто былъ первымъ: Отецъ, или Сынъ, или Духъ Святый? П.—Въ Святой Тройцѣ нѣтъ перваго, ни послѣняго».

Въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ Церкви, когда шла рѣчь о св. Аѳанасіи, мы заявили [1]), что помѣщенная между твореніями Аѳанасія подъ его именемъ книга, озаглавленная «XX вопросовъ» —тождественна съ «діалогомъ» Геннадія. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ «книгѣ вопросовъ» (вопросы XI и XII) означенное мѣсто діалога Геннадія читается какъ по-гречески, такъ и по-латини точь въ точь такъ, какъ мы только-что его привели.

Итакъ, кто не ужаснется при видѣ такихъ злонамѣренныхъ дѣяній, когда всѣ слова автора измѣняются, когда къ нимъ прибавляется противное его мыслямъ, когда послѣднія извращаются? У Геннадія сказано: «одна есть причина—Отецъ». Поддѣлыватели вставили: «производительное начало есть Отецъ и также Сынъ». У Геннадія стояло: «Сынъ не есть причина, но происшедшій отъ причины; вмѣсто этого вставлено: «Сынъ не есть родитель (generativus), но рожденный». Геннадій говоритъ: «если спросятъ, сколько ты считаешь причинъ въ Богѣ? Отвѣчай: одну, именно —Отца, который потому называется причиною, что раждаетъ Сына и производитъ Св. Духа»,—а поддѣлыватели вмѣсто этихъ словъ, вставили: «а если спросятъ: какія въ божествѣ лица производящія? Отвѣчай: два,—ибо Отецъ раждаетъ Сына, а Отецъ и и Сынъ выдыхаютъ Св. Духа.—Если же спросятъ: сколько въ божествѣ производящихъ лицъ, но не произведенныхъ? Отвѣчай: одно, именно—Отецъ, потому что Онъ раждаетъ Сына и выдыхаетъ Св. Духа». Геннадій въ началѣ приведеннаго мѣста говоритъ: «говорю:—одна причина въ Богѣ, и она есть—Отецъ», а латиняне прибавили: «Одно родительное начало называемъ въ Богѣ,—оно есть Отецъ». Наконецъ Геннадій говоритъ: «знай, что Одинъ только Отецъ есть причина», а латиняне добавили: «знай, что одинъ только Отецъ способенъ родить (generativus) Сына».

---

[1]) См. I гл. IV вѣкъ. *Прим. пер.*

Поврежденіе XXIV.

Если дальше станемъ сличать діалогъ Геннадія, какъ онъ былъ изданъ по-гречески и по-латини въ Вѣнѣ и въ Гельмштадѣ, съ книгой «XX вопросовъ», находящейся между твореніями Аѳанасія подъ его именемъ (а эта книга и діалогъ—одно и то же), то увидимъ новые образцы латинской злонамѣренности и недобросовѣстности. Такъ—въ діалогѣ, по указаннымъ выше изданіямъ, находятся слѣдующія слова: «сверхъ того говори такъ: такъ какъ существо солнца нераздѣльно, и лучъ и свѣтъ другъ отъ друга не отдѣляются, то поэтому называется одно солнце, а не три. Поэтому называется и Одинъ Богъ, а не три, ибо не отдѣляются три лица другъ отъ друга. И подобно тому, какъ существо солнца производитъ лучи, и отъ солнца и лучей исходитъ свѣтъ; такъ Богъ и Отецъ раждаетъ Сына или Слово Его, и изъ Самого Отца и Сына исходитъ Духъ Святый. Итакъ, обрати, пожалуйста, вниманіе. Какъ лучъ солнца сходитъ съ неба на землю» и пр. Выходитъ такимъ образомъ, что признается исхожденіе Св. Духа отъ Сына тѣмъ же человѣкомъ, который вышеприведенными словами, согласно даже этимъ самымъ изданіямъ, ясно отрицалъ, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый суть причины, а желая показать, почему Отецъ называется причиною, приводилъ основаніе: потому что Онъ рождаетъ Сына и производитъ Св. Духа. Слѣдовательно, то и другое свойство онъ исключалъ въ Сынѣ, отрицая возможность съ Его стороны быть причиною, и поэтому единственно только Одного Отца въ божествѣ признавая причиною,—потому именно, что Онъ раждаетъ Сына и прозводитъ Св. Духа. Какимъ же образомъ, спрашивается, въ другомъ мѣстѣ онъ снова могъ бы утверждать, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына, если въ приведенныхъ словахъ онъ ясно заявлялъ, что Духа Святаго производитъ Одинъ только Отецъ? Вотъ почему приведенное выше мѣсто въ твореніяхъ Аѳанасія (т. II, вопр. IV, стр. 437) читается такъ: «опять говори такъ: въ солнцѣ не раздѣленъ дискъ, и лучъ, и свѣтъ, ибо они другъ отъ друга не отдѣляются, почему говорится одно солнце, а не три. И по той же причинѣ говорится Одинъ Богъ, а не три: ибо не отдѣляются другъ отъ друга лица Отца, Сына и Святаго Духа,—Единаго

Бога. И подобно тому, какъ солнечный дискъ раждаетъ лучъ и испускаетъ свѣтъ; такъ Богъ и Отецъ раждаетъ Сына и изводитъ Св. Духа. Обрати вниманіе; какъ лучъ солнца сходитъ съ неба на землю и пр. Что можетъ быть хуже этой поддѣлки? Геннадій говоритъ: «какъ дискъ солнечный раждаетъ лучъ и испускаетъ свѣтъ, такъ Богъ и Отецъ раждаетъ Сына и изводитъ Духа Святаго». Латинскіе поддѣлыватели вмѣсто этого вставили: «какъ дискъ солнечный рождаетъ лучъ (такъ и въ указанныхъ изданіяхъ стоитъ въ греческомъ текстѣ) и отъ солнца и лучей исходитъ свѣтъ,—такъ Богъ и Отецъ раждаетъ Сына и Слово Его, и отъ Отца и Сына исходитъ Духъ Святый». Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ приведенныя изъ діалога Геннадія слова: «называется одно солнце, а не три, потому что не отдѣляются лица ихъ другъ отъ друга» —мало вяжутся между собою, то лучше ихъ исправить по книгѣ «XX вопросовъ», изданной подъ именемъ Аѳанасія, такъ, какъ мы ихъ привели. Тогда легко все понять.

Поврежденіе XXV и послѣднее, но самое худшее.

Но, кромѣ указанныхъ поврежденій, всякое почти вѣроятіе превосходитъ поддѣлка латинянами того мѣста Геннадія, гдѣ онъ ясно утверждаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Слова Геннадія они просто выкинули, а на мѣсто ихъ вставили другія. Вотъ въ какомъ видѣ являются слова Геннадія въ книгѣ «XX вопросовъ» Аѳанасія (вопр. IV, т. II, стр. 438): «такъ и Духъ Святый и съ Отцомъ есть, и съ Сыномъ, и вверху, и внизу, и всякаго человѣка освѣщаетъ, и вездѣ присутствуетъ. Ибо Духъ Святый, говоритъ Ап. Павелъ, все изслѣдуетъ, даже глубины Божіи. Итакъ, подобно тому, какъ кого мы никогда не знали, то и не можемъ узнать, каковъ онъ былъ, а когда видимъ его изображеніе, тогда отчасти узнаемъ характеръ лица его; —такъ должно разумѣть и о Богѣ. Ибо Бога никогда никто не видѣлъ. Какимъ же образомъ кто нибудь можетъ Его уловить (понять)? Но такъ какъ Богъ есть и называется свѣтомъ, то изъ этого чувственнаго свѣта мы беремъ подобіе Бога и затѣмъ, какъ выше сказали, съ образомъ солнца сравниваемъ Святую

Тройцу, говоря, что Отецъ есть дискъ, Сынъ—лучъ, Духъ Святый—свѣтъ отъ свѣта. И какъ дискъ, и лучъ, и свѣтъ суть одно и трое, неразрывно дѣлимые; такъ и Богъ—Тройца, Отецъ, и Сынъ и Духъ Святый есть одно и трое,—именно раздѣленные въ лицахъ, какъ солнце, и нераздѣльные въ постоянномъ существѣ. И подобно тому, какъ дискъ солнца есть одинъ только причина и нерожденъ, а лучъ произведенъ и рожденъ изъ диска, свѣтъ же изъ одного только диска исходитъ посредствомъ пущеннаго и освѣщающаго землю луча; такъ точно Богъ и Отецъ Одинъ только есть причина для Двухъ, и нерожденъ; Сынъ же отъ Одного только Отца произведенъ и рожденъ; а Духъ отъ Одного только Отца произведенъ и исходитъ и черезъ Сына посылается въ міръ. Такъ содержи въ душѣ, и взвѣшивай и вѣрь о Богѣ. А если тебѣ недостаточно будетъ примѣра солнца для познанія божества, въ трехъ лицахъ существующаго, то смотри еще на образъ Божій: это—душа человѣка».

А въ діалогѣ Геннадія по Вѣнскому и Гельмштадскому греколатинскому изданію вотъ что стоитъ: «такъ и Духъ Святый вездѣ находится и съ Отцомъ, и съ Сыномъ, и вверху, и внизу, и всякаго человѣка освѣщаетъ, и во всякомъ мѣстѣ присутствуетъ. Ибо Духъ, какъ говоритъ великій Павелъ, все изслѣдуетъ, и глубины Божіи. Вотъ что остается (сказать): подобно тому какъ если бы мы никогда не видѣли знаменитаго Иліи Ѳесвитянина пророка, то не могли бы знать, каковъ онъ былъ; когда же видимъ изображеніе его, тогда мало-по-малу постигаемъ настоящій образъ пророка Иліи, хотя не воздаемъ ему такой же чести (какъ дѣйствительному Иліи): такъ нужно разумѣть и о Богѣ. Ибо Бога никто никогда не видѣлъ. Итакъ, какъ мы Бога не видимъ, то и не можемъ знать, каковъ Онъ. Однако, такъ какъ Богъ есть свѣтъ, то находимъ чувственный свѣтъ солнца, какъ образъ невидимаго Бога. Такъ мы и говоримъ: какъ видимое солнце есть и одно, и заключаетъ въ себѣ трое, и эти трое нераздѣльны; такъ это солнце есть изображеніе солнца невидимаго, т. е. Бога; такъ какъ въ солнцѣ одномъ суть три различныхъ, и—потому что это такъ, то такъ должно знать и такъ должно вѣрить. Если же примѣръ, заимствованный отъ солнца, нисколько не удовле-

творяетъ тебя для познанія трехъ лицъ божества,—замѣть и другой образъ Бога: это—душа человѣка».

Изъ сличенія этихъ мѣстъ ясно, конечно, насколько недобросовѣстными оказались латиняне по отношенію къ этому только діалогу Геннадія. Кромѣ того, нѣкоторыя выраженія и мысли, которыя встрѣчаются у Аѳанасія въ XII вопросѣ на стр. 443, въ діалогѣ Геннадія пропущены; пропущенъ также цѣлый вопросъ XIV-й,—затѣмъ очень многое изъ вопроса XV-го, кое-что изъ вопр. XVI и XVII, наконецъ цѣлые вопросы XIX и XX. Но все это должно было быть, и для всякаго ясно, что всѣ эти пропуски обезображиваютъ діалогъ Геннадія. Впрочемъ, они могли быть сдѣланы по безпечности, или по ошибкѣ переписчика, но въ приведенныхъ нами мѣстахъ дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Ибо, не говоря о первомъ мѣстѣ, которое, конечно, самый упрямый человѣкъ признаетъ поддѣльнымъ,—иное дѣло—кое-что пропустить, нисколько не измѣняя остальныхъ словъ,—иное дѣло, пропустивши нѣкоторыя слова, вставить имъ противныя, или какія-ни попало, что́ мы видѣли въ приведенныхъ мѣстахъ.

Вотъ сколько пришлось говорить объ извращеніяхъ, произведенныхъ латинянами и олатинившимися греками въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ Церкви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О поврежденіяхъ, произведенныхъ латинянами въ писаніяхъ западныхъ Отцовъ относительно исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Если латиняне имѣли смѣлость такъ безцеремонно повреждать писанія восточныхъ Отцовъ Церкви, *причемъ относительно однихъ* они сами, уступая очевидной истинѣ, принуждены были сознаться, что ихъ ученіе невѣрно передано, а относительно другихъ греческіе списки доказываютъ, что писанія ихъ поддѣланы; то что нужно думать о добросовѣстности латинянъ въ обращеніи съ писаніями своихъ древнихъ Отцовъ? Можно развѣ допустить, что тѣ люди, которые явили столько примѣровъ недобросовѣстности по отношенію къ писаніямъ восточныхъ Отцовъ, добросовѣстно признаютъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца, когда встрѣтятъ такое утвержденіе у западныхъ Отцовъ? Напротивъ, ясно, что имъ удобнѣе было поддѣлать писанія латинскихъ Отцовъ, которые были меньше въ ходу на востокѣ, чѣмъ наложить руку на писанія восточныхъ Отцовъ, распространенныя по всему востоку. Въ силу даже этого соображенія могли появиться поврежденія, въ большомъ числѣ совершенныя латинянами въ писаніяхъ ихъ Отцовъ, съ которыми они имѣли обыкновеніе обращаться свободнѣе, чѣмъ съ Отцами *восточными*, что мы постараемся доказать.

Поврежденіе I.

Въ словѣ *Кипріана* о Св. Духѣ [1]) находимъ такое выраженіе: «Духъ Святый отъ Отца исходящій, отъ Отца и Сына,

[1]) Сочиненіе это нѣкоторые считаютъ подложнымъ и не принадлежащимъ св. Кипріану, бывшему епископомъ Карѳагенскимъ въ половинѣ III вѣка. *Прим. пер.*

четырежды превозносится (quaternario superfertur)». Такъ это мѣсто стоитъ въ изданіяхъ: Кельнскомъ (1617 г., стр. 285), Антверпенскомъ (1568 г., стр. 490 и 1589 г., стр. 437), Парижскомъ (1541 г., стр. 301; 1563 г., стр. 412; 1633 г., стр. 487 и 1648 г., стр. 452), Базельскомъ (1521 г. стр. 480; 1525 г., стр. 424 и 1558 г., стр. 331) и Римскомъ (1563 г. стр. 368). Зачѣмъ было говорить: «Духъ Святый отъ Отца исходящій, отъ Отца и Сына»? Не ясно ли сразу, что слова: «отъ Отца и Сына» вставлены? Самъ Памелій, издатель твореній Кипріана, въ схоліяхъ (толкованіяхъ) своихъ сознается, что это мѣсто не совсѣмъ въ порядкѣ, хотя сообразно съ своимъ мнѣніемъ объ исхожденіи Св. Духа онъ полагаетъ, что слѣдуетъ выпустить слова: «отъ Отца». «Думаю, говоритъ онъ, что первое —отъ Отца—лишнее». Въ книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1500 г. подъ заглавіемъ: «небольшія сочиненія (opuscula) знаменитыхъ мужей:—Блаженнаго Аѳанасія противъ Арія» и пр. (было упоминіе объ этой книгѣ въ предыдущей главѣ, когда рѣчь шла о словахъ Дидима) эти слова читаются такъ: «Духъ отъ Отца исходящій, отъ Отца и Сына четырежды превозносится». Здѣсь тѣмъ болѣе ясно, что слова эти испорчены, ибо зачѣмъ говорить безъ различенія: «Духъ отъ Отца исходящій, отъ Отца и Сына»? Повидимому, нѣтъ другого основанія, почему слова Кипріана читаются въ такомъ видѣ, какъ то, что нѣкоторые изъ первыхъ поборниковъ исхожденія Св. Духа отъ Сына вверху словъ Кипріана: «отъ Отца исходящій» прибавили какъ бы для исправленія: «отъ Отца и Сына», а послѣдующіе переписчики твореній Кипріана внесли эту отмѣтку въ самый текстъ. Въ Антверпенскомъ изданіи 1541 г. (т. II, стр. 339) я видѣлъ эти слова соединенными такъ: «отъ Отца и Сына четырежды превозносится». Слѣдуя этому чтенію, Беллярминъ представляетъ эти слова въ доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына. Но изъ остальныхъ, выше поименованныхъ изданій, явствуетъ, что такое соединеніе этихъ словъ придумано въ позднѣйшее время. Въ гораздо болѣе превратномъ смыслѣ цитируетъ одинъ іезуитъ [1]) эти слова Кипріана

[1]) Циховій—стр. 127.

такъ: «Духъ Святый, исходящій отъ Отца и Сына, четырежды превозносится», злонамѣренно пропуская слова: «исходящій отъ Отца», заключающіяся во всѣхъ изданіяхъ твореній Кипріана.

Поврежденіе II.

Иларій, [1]) епископъ Пиктавіенскій (города Пуатье во Франціи), во II кн. «о Троицѣ», во всѣхъ изданіяхъ его твореній, которыя я видѣлъ, выражается: «говорить о Св. Духѣ нѣтъ необходимости, такъ какъ Его нужно признать (происшедшимъ) отъ Отца и Сына, какъ отъ виновниковъ. [2])» Нѣтъ надобности, конечно, приводить здѣсь другіе списки, или изданія, чтобы изобличить ложность этихъ словъ: само дѣло говоритъ, что они подѣланы злонамѣренно. Развѣ такой Отецъ могъ учить, что есть болѣе одного виновника, а поэтому и два начала, двѣ причины Св. Духа? Этого и сами латиняне не допустятъ относительно столь уважаемаго Отца Церкви. Ибо вся каѳолическая Церковь заклеймила навсегда анаѳемою того, кто сталъ бы вводить два начала, двѣ причины въ божествѣ. Между тѣмъ всякій согласится, что слова—виновникъ (авторъ), причина и начало—означаютъ одно и то-же. Но если бы Иларій утверждалъ два начала, или двѣ причины Духа Святаго, онъ никогда не былъ приведенъ въ числѣ тѣхъ святыхъ Отцовъ, которымъ пятый вселенскій соборъ рѣшилъ слѣдовать во всемъ, что они установили относительно правой вѣры и осужденія еретиковъ. Кромѣ того, самъ Иларій въ другомъ мѣстѣ той-же книги «о Троицѣ», согласно всѣмъ изданіямъ его твореній, признаетъ только одного виновника Св. Духа. Такой смыслъ имѣютъ именно слѣдующія его слова: «еретики не постигаютъ Св. Духа, не зная Его употребленія и виновника. [3])» Здѣсь Иларій признаетъ только одного виновника Духа Святаго. Какимъ же образомъ черезъ нѣсколько строкъ число производителей Св. Духа у Иларія могло бы возрасти?

---

[1]) Иларій избранъ былъ единогласно епископомъ около 355 г. *Прим. перев*

[2]) Quia de Patre et Filio auctoribus confitendus est.

[3]) Spiritum S. nesciunt haeretici, dum et usum et auctorem ejus ignorant.

Само собою отсюда вытекаетъ, что вышеприведенныя слова Иларія испорчены тѣми именно латинянами, которые, впадая въ жестокую ересь и заблужденіе, исповѣдывали открыто, что они устанавливаютъ двухъ виновниковъ Св. Духа, вѣря, что Онъ исходитъ и отъ Отца, и отъ Сына.—

Поврежденіе III.

Не менѣе важною поддѣлкою представляется измышленіе посланія папы Римскаго *Либерія* [1]) къ Аѳанасію, въ которомъ дѣлается упоминаніе, будто уже первымъ вселенскимъ соборомъ было издано постановленіе, запрещавшее вносить въ Церкви иное опредѣленіе вѣры, кромѣ установленнаго соборомъ. Если это такъ, то, конечно, третій вселенскій соборъ вмѣстѣ съ тремя послѣдующими, повторивши это постановленіе, опредѣлилъ не прибавлять только ничего противнаго святому символу. Ибо второй вселенскій соборъ (Константинопольскій первый), какъ извѣстно, кое-что прибавилъ къ святому символу. Этимъ однимъ свидѣтельствомъ уничтожается многорѣчивое преніе Марка Ефесскаго, которое онъ велъ въ Феррарѣ съ латинянами; падаетъ также и извѣстное утвержденіе представителей востока, которое они выставляли противъ латинянъ, утвержденіе, что, если бы даже исхожденіе Св. Духа отъ Сына было истиннымъ, его нельзя было бы внести въ символъ на томъ основаніи, что постановленіемъ I Ефесскаго собора (III вселенскаго) не вносить въ Церковь новаго опредѣленія вѣры утверждается, что даже истинное ученіе не можетъ быть прибавлено къ символу.

Приведемъ слова Либерія изъ упомянутаго посланія его къ Аѳанасію (помѣщеннаго во II т. Соборовъ, столб. 765): «мы нашли въ этомъ посланіи правую вѣру Никейскаго собора, вслѣдствіе чего вознесли великое благодареніе Богу; за нее мы готовы перенести не только преслѣдованія и страданія вмѣстѣ съ вами, но не откажемся, насколько позволитъ наша немощь, умереть за имя Христово, если это окажется необходимымъ. Итакъ, вышеуказанный святой Никейскій соборъ опредѣляетъ, какъ мы вы-

1) Либерій взошелъ на папскій престолъ въ 352 г. *Прим. пер.*

читали, чтобы никто не осмѣливался произносить иную вѣру, или излагать, или составлять, или понимать и учить иначе и ничего относительно вѣры мыслить и говорить, что́ могло бы противорѣчить опредѣленіямъ Отцовъ (этого собора). Кто же дерзнетъ составлять иную вѣру, или распространять, учить и передавать желающимъ обратиться на путь истины изъ какой-нибудь ереси, или изъ іудейства и язычества перейти въ христіанство иной символъ,—такой, если это будетъ епископъ, или священникъ, да будетъ изверженъ изъ епископства или священства, если же это—монахъ или мірянинъ, да будетъ преданъ анаѳемѣ».

Все это посланіе Либерія измышлено, что́ станетъ для насъ несомнѣннымъ, если мы разберемъ его въ полномъ составѣ, для чего необходимо его привести цѣликомъ изъ указаннаго изданія. Вотъ его полный текстъ: «давно и изначала мы получили отъ блаженнаго Петра, князя апостоловъ, такое полномочіе, что имѣемъ власть за всю Церковь защищать правую вѣру, дабы никому нельзя было колебать уставъ святой Церкви къ ущербу право вѣрующихъ, безъ опасенія за свою честь. Поэтому, посланіе ваше, къ намъ адресованное, велѣли мы читать предъ нами. Мы узнали (изъ него) о тревогахъ и преслѣдованіяхъ, которыя вы терпите за правую вѣру. О нихъ мы вмѣстѣ съ вами соболѣзнуемъ и готовы о васъ скорбѣть, какъ отецъ о дѣтяхъ». Дальше слѣдуютъ вышеприведенныя слова, послѣ которыхъ идетъ продолженіе: «ибо блаженный апостолъ свидѣтельствуетъ, говоря: если кто борется, не получаетъ вѣнца, если незаконно будетъ бороться [1]). И опять Господь говоритъ: кто устоитъ (претерпитъ) до конца, тотъ будетъ спасенъ [2]). Поэтому, въ священной борьбѣ, возложенной на насъ для защиты каѳолической Церкви и въ ожиданіи великаго спасенія отъ Подателя всѣхъ благъ Бога, да неустанутъ, любезнѣйшіе братья, наши руки, ослабѣвши вслѣдствіе какой-нибудь небрежности, но да станемъ сильными благодатью Господа и силою Его могущества: ибо Онъ сдѣлалъ ноги наши, какъ ноги

---

1) Аще же и постраждетъ (подвизается) кто, не вѣнчается, аще незаконно мученъ (подвизатися) будетъ. II Тим., II, 5.

2) Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ. Матѳ. X, 10.

оленей, и утвердилъ на высотѣ [1]) разумѣніе Его величайшаго человѣколюбія для нашего спасенія,—въ особенности имѣя такое великое множество (облако) святыхъ свидѣтелей [2]). Итакъ, свергнувъ всякое бремя и не боясь стоящей кругомъ толпы новыхъ противниковъ, устремимся съ терпѣніемъ, взирая на виновника вѣры и совершителя Іисуса, Который въ предстоящемъ намъ ради Него трудѣ,—да даруетъ намъ Духа Своей истины, говорящаго въ насъ и совершающаго великія дѣла вѣры въ ученіи св. Отцовъ, на которыхъ противники ежедневно клевещутъ. Ибо у пророковъ сказано: не умолчу ради Сіона и не успокоюсь ради Іерусалима, пока не явится въ блескѣ праведникъ его и не возсіяетъ, какъ лампада, Спаситель его [3]). Подлинно, каѳолическая Церковь составляетъ истинный Сіонъ и царство Христа, царя небесъ, столько лѣтъ осаждаемая отвергающими слова вѣры, которые ни Бога не страшатся, ни людей не стыдятся, но тщетно извращающими благочестивыя и каноническія объ этомъ предметѣ ученія, между тѣмъ какъ многими опроверженіями письменными и устными они приглашались исправить собственную ересь и отказаться отъ нея, какъ это раньше краснорѣчиво доказано было и въ книгахъ, и въ увѣщаніяхъ почтеннѣйшихъ священниковъ и высокочтимыхъ аббатовъ (настоятелей), по завѣту апостола,—что мы должны избѣгать еретика послѣ перваго и второго вразумленія, зная, что таковый развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ [4]). Въ виду этого намъ никоимъ образомъ нельзя молчать, или бездѣйствовать, дабы не явиться неправыми, предавшись ненавистному предъ Господомъ спокойствію. Ибо на-

---

1) Совершаяй ногѣ мои, яко елени и на высокихъ поставляяй мя. Псал. XVII, 34.

2) Толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей, гордость (бремя) всяку отложше и удобь обстоятельный грѣхъ, да течемъ на предлежащій намъ подвигъ... (Евр. XII, 1. 2).

3) Сіона ради не умолчу и Іерусалима ради не попущу, дондеже изыдетъ, яко свѣтъ правда моя и спасеніе мое, яко свѣтило разжется. (Исаія—LXII, 1).

4) Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся, вѣдый, яко развратися таковый, и согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ. (Тит. III, 10).

писано: сталъ я ревновать беззаконныхъ, видя миръ грѣшниковъ [1]), а о насъ скажутъ словами пророка: священники мои презрѣли законъ мой и осквернили святилища мои; между святымъ и нечистымъ не дѣлали разницы, не различали осквернѣннаго отъ чистаго [2]). Но возстаньте съ Богомъ и будьте готовы, облекшись въ оружіе Духа противъ злословящихъ вѣру Его, чтобы разумно испытать духовъ, т. е. слова ихъ, отъ Бога ли они. Ибо написано у Іереміи: я поставилъ тебя обличителемъ крѣпкимъ въ народѣ моемъ, и узнаешь и одобришь путь ихъ [3]). Поэтому намъ необходимо великое бодрствованіе и изслѣдованіе божественной мудрости, которая открываетъ сокровенное во тьмѣ, —необходимо для его отысканія и изученія, ибо оно всячески утаивается и скрывается, а коварная злоба съ трудомъ постигается потому, что принимаетъ на себя личину благочестія, чтобы ускользнуть отъ вниманія изслѣдователей. Зная это, апостолъ говоритъ: такого рода лжеапостолы, лукавые дѣлатели, принимаютъ видъ апостоловъ Христа. И не удивительно, потому что и самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта; а потому не слѣдуетъ удивляться, если слуги его принимаютъ видъ служителей правды; но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ [4]). Но и Господь, ограждая насъ, говоритъ: берегитесь злыхъ пророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ одеждѣ овецъ, внутри же суть хищные волки: отъ

---

1) Возревновахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря. (Псал. LXXII, 3).

2) И жрецы его отвергошася закона моего и осквернища святая моя; между святымъ и скверныимъ не разлучаху и между нечистымъ и чистымъ не раздѣляху. (Іезек. XXII. 26).

3) Искуситель дахъ тя въ людехъ искусныхъ и увѣси мя, внегда искусити путь ихъ—(Іер. VI, 27). Переводъ сдѣланъ по латинскому тексту: probatorem dedi te robustum in populo meo, какъ стоитъ въ посланіи Либерія. *Прим. пер.*

4) Таковіи бо лживіи апостоли, дѣлатели льстивіи, преобразующеся во апостолы Христовы; и не дивно: самъ бо сатана преобразуется во ангела свѣтла; не веліе убо, аще и служителіе его преобразуются, яко служителіе правды, имже кончина будетъ по дѣломъ ихъ. (2 Кор. XI—13, 14, 15).

плодовъ ихъ узнаете ихъ [1]). Итакъ, прежде всего моля отъ всего сердца Господа о такомъ изслѣдованіи (злыхъ пророковъ) и говоря съ Давидомъ: открой очи мои, и уразумѣю дивное о законѣ твоемъ, ибо слово Твое, Господи,—свѣточъ стопамъ моимъ и свѣтъ стезямъ моимъ [2]), потому что (какъ говоритъ пророкъ Даніилъ) Его есть мудрость и сила; Онъ даетъ мудрость мудрымъ и знаніе разумѣющимъ ученіе; Онъ открываетъ глубины и тайны, знаетъ скрытое во тьмѣ, и свѣтъ съ Нимъ; Ты, Господи, мудрость и силу далъ мнѣ и указалъ мнѣ то, о чемъ я Тебя спрашивалъ [3]),—говоря все это, станемъ съ помощью Божіей вмѣстѣ съ служащими въ нашемъ книгохранилищѣ (scrinium) и основательно намъ докладывающими тщательнѣе слѣдить за писаніями всякаго изъ тѣхъ, которые обвинены въ измышлени новыхъ ученій,—такъ чтобы тѣ, кто замыслилъ этой лжи содѣйствовать, прежде всего подлежали страшному суду всемогущаго Бога, а затѣмъ подверглись всяческому преслѣдованію царскому, по которому, если они епископы или клирики, да будутъ извержены изъ священства и клира; если же они—монахи, да будутъ отлучены и изгнаны изъ своихъ мѣстъ; если они занимаютъ какую-нибудь должность и имѣютъ отличіе гражданское, или военное, да будутъ ихъ лишены; если это частныя лица, то у благородныхъ конфисковать имущества, а неблагородныхъ не только подвергнуть тѣлесному наказанію, но отправить въ вѣчную ссылку,—чтобы всѣ, объятые страхомъ Божіимъ и опасаясь угрожающихъ ихъ достойныхъ казней, хранили вѣчный и невозмутимый миръ святыхъ Божіихъ Церквей.—Дано въ 8 день іюньскихъ календъ, при кон-

---

1) Внемлите же отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ; внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ (Мѳ. VII, 15, 16).

2) Открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона твоего... свѣтильникъ ногама моима законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ. (Псал. CXVIII, 18, 105).

3) Яко премудрость, и смыслъ, и крѣпость Его есть... дая премудрость мудрымъ и разумъ вѣдущимъ смышленіе; той открываетъ глубокая и сокровенная, свѣдый сущая во тьмѣ и свѣтъ съ нимъ есть,... яко премудрость и силу далъ ми еси и возвѣстилъ ми еси, яже просихомъ у Тебе... (Дан. II, 20—23).

сулахъ, славныхъ мужахъ Аскленіи и Деодатѣ». Вотъ каково посланіе, приписываемое Либерію.

Но, во-первыхъ, посланіе это составлено изъ чужихъ словъ; наибольшая часть его выписана изъ актовъ Латеранскаго собора, собраннаго при папѣ Римскомъ Мартинѣ [1]); первыя же слова взяты изъ XXIV посланія папы Льва Великаго, который жилъ гораздо позже Либерія [2]).—

Именно Левъ такъ выражается: «давно и изначала на соборахъ мы получили отъ блаженнѣйшаго Петра, князя апостоловъ, такое полномочіе, что имѣемъ власть защищать истину для нашего спокойствія; поэтому никому не позволяется въ чемъ либо его нарушать, такъ какъ всякое нарушеніе немедленно отражается». Слѣдующія затѣмъ слова: «итакъ вышеуказанный святой Никейскій соборъ опредѣлилъ, что иной вѣры» и пр. до словъ: «да будетъ преданъ анаѳемѣ» —суть слова Максима, епископа Аквилейскаго, заключающіяся въ VI дѣяніи помянутаго Латеранскаго собора (IV томъ Соборовъ, столб. 262). При этомъ то, что Максимъ относилъ къ Халкидонскому собору, поддѣлыватель, сочинившій посланіе Либерія, выставляетъ установленнымъ будтобы уже первымъ вселенскимъ Никейскимъ соборомъ. Конечно, такъ какъ Халкидонскій соборъ происходилъ гораздо позже Либерія [3]),—то поддѣлыватель, влагая въ уста послѣдняго сказанное Максимомъ, не могъ назвать другого собора, кромѣ современнаго Либерію, т. е. Никейскаго, иначе ложь его была бы слишкомъ очевидна для всѣхъ. Вотъ какъ именно тамъ же выражается Максимъ: «итакъ святой и вселенскій Халкидонскій соборъ высокочтимыхъ Отцовъ опредѣлилъ, что иной вѣры никому не дозволяется излагать, или писать и составлять, или понимать и учить иначе. Ктоже дерзнетъ составлять иную вѣру (иное изложеніе вѣры), или излагать и учить, или передавать иной символъ желающимъ обратиться къ

---

1) Въ 649 г.—изъ ста пяти епископовъ, имѣвшихъ епархіи около Рима и въ Италіи; собирался соборъ противъ монофелитовъ. *Прим. пер.*

2) Левъ взошелъ на папской престолъ въ 440 г. *Пр. пер.*

3) 451 г.—изъ 600 отцовъ.

познанію истины изъ язычества—ли, или изъ іудѣйства, или изъ какой—нибудь ереси,—тѣхъ, если они епископы, или клирики, удалять—епископовъ отъ епископства, клириковъ—отъ клира; если же они монахи, или міряне,—предавать анаѳемѣ». Слова: «ибо апостолъ свидѣтельствуетъ» до «на которыхъ клевещутъ противники» суть тѣ самыя слова, безъ перемѣны даже одной буквы, которыя произнесъ папа Мартинъ на Латеранскомъ соборѣ (дѣяніе V, столб. 268). Слѣдующія вслѣдъ за ними слова: «ради Сіона не умолчу» вплоть до «намъ основательно докладывающимъ, станемъ тщательнѣе слѣдить»,—хотя приведены очень пространно, принадлежатъ тому же папѣ Мартину и записаны во II дѣяніи, или секретаріи помянутаго Латеранскаго собора, столбецъ 160 и 161. Наконецъ, слѣдующія за этой тирадой слова: «кто дерзнетъ этой ложи содѣйствовать» и пр. до конца посланія—суть слова императора Константина (еретика), доложенныя на томъ-же Латеранскомъ соборѣ и записанныя въ дѣяніи, или секретаріи IV-мъ, столб. 233.

Итакъ, все посланіе Либерія цѣликомъ списано съ актовъ Латеранскаго собора. Между тѣмъ соборъ этотъ созывалъ папа Мартинъ въ 649 году, тремя вѣками позже Либерія.

Наконецъ, и имена подписанныхъ консуловъ изобличаютъ подложность посланія: ни одинъ римскій консулъ отъ Рождества Христова до временъ Императора Юстиніана не носилъ имени Деодата и Асклепія. Одинъ Асклепіодотъ былъ консуломъ вмѣстѣ съ Маріаномъ въ 423 г., спустя 56 лѣтъ послѣ смерти Либерія; почему іезуитъ Северинъ Биній [1]) изъ-за одного этого признаетъ посланіе подозрительнымъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ на II томъ Соборовъ (столб. 767) онъ говоритъ: «консулы, помѣченные подъ этимъ посланіемъ дѣлаютъ его подозрительнымъ; ибо я нигдѣ не могъ въ фастахъ (календарѣ) найти ихъ имена». Чего же больше? Не только это посланіе, но всѣ другія, которыя въ большомъ числѣ подъ именемъ папъ римскихъ, жившихъ въ первые

---

[1]) Северинъ Биній невѣрно названъ іезуитомъ; онъ принадлежалъ къ Кельнскому клиру, былъ каноникомъ и профессоромъ богословія. *Примѣч. переводч.*

вѣка, обнародовалъ въ IX вѣкѣ Исидоръ Меркаторъ, подложны. Это до очевидности доказалъ кальвинистскій писатель Давидъ Блонделль въ особенной книгѣ, представляющей прекрасное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ. Послѣ появленія этой книги латиняне, раньше воевавшіе съ Лютеранами и Кальвинистами изъ за этихъ папскихъ посланій и отстаивавшіе ихъ, какъ свои алтари и очаги, принуждены были наконецъ признать, что всѣ, изданные Исидоромъ Меркаторомъ папскія письма, имъ самымъ измышлены. Вотъ почему іезуитъ Филиппъ Лаббей (l' Abbé) [1]), въ послѣднемъ Парижскомъ изданіи Соборовъ признаетъ, что какъ это посланіе Либерія къ Аѳанасію, такъ и остальныя, изданныя Меркаторомъ, папскія посланія—подложны. Смѣшнымъ поэтому должно показаться заявленіе кардинала Юліана, который на Флорентинскомъ соборѣ, въ XIII засѣданіи по-латини изданныхъ актовъ его, приведя вышеизложенныя слова посланія Либерія къ Аѳанасію, прибавилъ: «изъ этихъ словъ я заключаю, что Либерій видѣлъ постановленія (т. е. Никейскаго собора) въ архивахъ Римской церкви». И вслѣдъ затѣмъ: «обнажите вашу совѣсть и посмотрите, можете ли вы отвѣчать на это: отвѣтъ будетъ кратокъ. Смотрите: книга эта старинная, пусть всякій видитъ». Чрезвычайно однако прозорливымъ долженъ былъ быть Либерій, чтобы уже въ свое время видѣть въ архивахъ Римской Церкви то, что спустя много вѣковъ выдумалъ Исидоръ Меркаторъ. И съ какою наглостью, съ какимъ высокомѣріемъ торжествовалъ Юліанъ воображаемую побѣду! Между тѣмъ онъ долженъ былъ напередъ доказать, что измышленіе Меркатора могло имѣть авторомъ Либерія. Вмѣсто этого Юліанъ сослался на то, что книга, изъ которой онъ привелъ посланіе Либерія, была очень старинная. Какъ будто отъ IX вѣка, въ которомъ жилъ Меркаторъ и выпустилъ свой товаръ [2]), до временъ Флорентинскаго собора мало прошло времени, чтобы написанный въ вѣкъ Меркатора или ближайшій къ нему кодексъ не могъ казаться старинным въ эпоху собора. Не менѣе неразу-

---

[1]) Labbé—французскій іезуитъ, отличный ученный (1607—1667). *Прим. перев.*

[2]) Меркаторъ значитъ купецъ. *Прим. пер.*

мія обнаружилъ и Виссаріонъ, который, ссылаясь въ своей книгѣ «объ исхожденіи Св. Духа», написанной къ Алексѣю Ласкарису, на посланіе Либерія, замѣчаетъ: «какъ старательны и точны въ своихъ изслѣдованіяхъ латиняне, что извѣстно и твоей милости, испытавшему много произведеній ихъ учености; ничто не только въ божественномъ, но и въ дѣлахъ человѣческихъ и гражданскихъ не укрылось отъ нихъ изъ того, что дѣлалось или писалось въ старину. Поэтому ты найдешь въ каждомъ городѣ въ ихъ архивахъ много сочиненій о древнѣйшихъ дѣяніяхъ. Это наблюдается въ католической церкви и другихъ благочестивыхъ мѣстахъ. Много въ нихъ заключается актовъ папъ, много посланій и каноновъ (постановленій) соборовъ; сохранилось въ нихъ въ одной очень древней книгѣ на пергаментѣ посланіе папы Либерія къ блаженному Аѳанасію, патріарху Александрійскому». Выписавъ затѣмъ вышеприведенныя слова Либерія, Виссаріонъ прибавляетъ: «это намъ теперь съ потерею актовъ перваго собора неизвѣстно; тогда же, когда эти акты еще существовали, знали про это и папа Либерій, и Св. Аѳанасій». Удивительно то, что, если латиняне такъ тщательно сохраняютъ акты соборовъ, то куда же дѣвались акты Ахенскаго собора, на которомъ сами латиняне спорили между собою относительно исхожденія Св. Духа? А между тѣмъ они выказали такую заботливость въ сохраненіи посланія Либерія къ Св. Аѳанасію. Конечно, немного нужно было заботы и старанія, чтобы сохранить посланіе Либерія, которое выпустилъ въ свѣтъ измысливший его Меркаторъ. Выше уже было сказано, какъ нужно относиться къ старинной книгѣ, писанной на пергаментѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда становится яснымъ, что вообще нужно думать о древнѣйшихъ кодексахъ, на которые ссылаются латиняне въ своихъ возраженіяхъ представителямъ востока. Они такъ же испорчены, или наполнены измышленіями, не имѣющими значенія, какъ и ихъ новѣйшіе списки. «Но, возражаютъ латиняне, такъ было написано въ актахъ перваго собора; ихъ зналъ вмѣстѣ съ Св. Аѳанасіемъ Либерій». Выходитъ, что то, что вздумалъ измыслить въ IX вѣкѣ Меркаторъ, извѣстно было изъ его сочиненія Аѳанасію и Либерію, иначе говоря, Меркаторъ былъ такой счастливецъ, что его книги, точно чрезъ

Платоновскія идеи, были извѣстны древнимъ Отцамъ раньше даже, чѣмъ они сами и ихъ авторъ существовали въ дѣйствительности.

Поврежденіе IV.

Іоаннъ Провинціалъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ исповѣданія *Дамаса* папы Римскаго, и его анаѳемы ересямъ къ Павлину, епископу Антіохійскому (записано въ XXI засѣданіи собора Флорентинскаго, изд. только по—латыни Гораціемъ Юстиніаномъ, т. XIII Соборовъ, столб. 1108): «вѣруемъ въ Единаго Бога Отца, Сына и Духа Святаго, Творца видимыхъ и невидимыхъ, черезъ Котораго все сотворено на небѣ и на землѣ; (вѣруемъ, что) Онъ благословенъ, что это одна божественнаго имени Тройца: Отецъ не есть Сынъ, но имѣетъ Сына, Который не есть Отецъ; Сынъ не есть Отецъ. но Сынъ изъ природы Отца; Духъ Утѣшитель, Который не есть ни Отецъ, ни Сынъ, но отъ Отца и Сына исходитъ. Поэтому есть нерожденный Отецъ, рожденный Сынъ, не рожденный Утѣшитель, но исходящій отъ Отца и Сына».

Но этихъ словъ нѣтъ и слѣда и намека на нихъ въ изложеніи каѳолической вѣры Дамаса. Настоящій текстъ его приводится Ѳеодоритомъ въ V кн., XI гл. его Церковной исторіи. И хотя Бароній подъ 867 годомъ заявляетъ, что исповѣданіе Дамаса было испорчено Ѳеодоритомъ. но это клевета, что́ явствуетъ изъ того, что Августинъ раньше Ѳеодорита въ своей CXXIX рѣчи «о времени» приводитъ анаѳемы Дамаса въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ изложены у послѣдняго. Объ этомъ впрочемъ я говорю въ главѣ о свидѣтельствахъ латинскихъ Отцовъ, куда разборъ этого вопроса собственно относится.

Между тѣмъ новѣйшіе латинскіе писатели расходятся съ Бароніемъ, полагая, что Ѳеодоритъ не извращалъ Дамасова исповѣданія вѣры, но, по ихъ мнѣнію, Дамасъ написалъ къ Павлину два письма, о чемъ будто бы свидѣтельствуетъ императоръ Юстиніанъ (9 Баронія подъ 373 годомъ, номеръ XIII). Слѣдовательно вышеприведенныя слова находились будто не въ Ѳеодоритовомъ исповѣданіи вѣры Дамаса къ Павлину, но въ другомъ посланіи Дамаса къ тому-же лицу.

Но Іоаннъ Провинціалъ упоминаетъ только объ одномъ посланіи Дамаса, не прибавляя, что приводимыя имъ слова находятся въ первомъ, или во второмъ его посланіи.

Заглавіе этого посланія было слѣдующее: «Дамаса исповѣданіе вѣры и анаѳема противъ ересей къ Павлину», и оно вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что говорится въ этомъ посланіи, приводимомъ Ѳеодоритомъ. Да и Бароній въ указанномъ мѣстѣ говоритъ только, что изъ словъ Юстиніана (императора) извѣстно, что Дамасъ написалъ больше, что отъ него дошло; и Юстиніанъ также не вспоминаетъ о писаніяхъ Дамаса къ Павлину, а просто говоритъ, что Дамасъ написалъ нѣкоторыя сочиненія, въ которыхъ осуждаетъ всѣхъ, кто не принялъ постановленій Никейскаго собора. Вотъ слова Юстиніана: «такъ какъ нѣкоторые изъ тѣхъ, которые пришли къ соглашенію на Никейскомъ соборѣ и подписались подъ изложеннымъ имъ опредѣленіемъ вѣры или символомъ, впослѣдствіи оказались мыслящими противное, то одни изъ нихъ при жизни, а другіе по смерти преданы анаѳемѣ Дамасомъ, блаженной памяти, папою Римскимъ, и всѣмъ Сардикійскимъ соборомъ, какъ свидѣтельствуетъ Св. Аѳанасій». Гдѣ, спрашивается, въ этихъ словахъ Юстиніанъ заявляетъ, что Дамасъ во второй разъ издавалъ, или писалъ анаѳемы къ Павлину? Изъ нихъ съ неменьшимъ основаніемъ также можно вывести заключеніе, что анаѳемы въ посланіи къ Павлину писалъ Сардикійскій соборъ. Наконецъ пусть будетъ два посланія Дамаса къ Павлину: откуда слѣдуетъ, что приведенныя выше слова заключаются во второмъ посланіи? —

Поврежденіе V.

Ломбардъ въ III кн. своихъ «мнѣній» (раздѣлъ 4-й) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ II кн. *Амвросія* «о Св. Духѣ»: «то, что происходитъ изъ чего-нибудь, происходитъ или изъ сущности его, или изъ силы; изъ сущности, какъ Сынъ, Который происходитъ отъ Отца, и Духъ Святый, Который исходитъ отъ Отца и Сына». Это мѣсто выставляютъ противъ представителей востока Гуго Еверіанъ (кн. III, гл. XVII, т. XII, ч. XI Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 412) и Калека (т. XIV, кн. II,

стр. 288 тойже библіотеки), хотя у послѣдняго читаемъ только: «изъ существа, какъ Духъ Святый отъ Отца и Сына» съ опущеніемъ: «какъ Сынъ, Который отъ Отца.»

Между тѣмъ во всѣхъ изданіяхъ трудовъ Амвросія, выпущенныхъ въ свѣтъ латинянами, это мѣсто читается такъ: «то, что происходитъ изъ чего-нибудь, происходитъ или изъ существа его, или изъ силы. Изъ существа,—какъ Сынъ, Который говоритъ: изъ устъ высочайшаго Я вышелъ; какъ Духъ, Который отъ Отца исходитъ, о Которомъ говоритъ Сынъ: Онъ Меня прославитъ, потому что возьметъ отъ Моего.» Итакъ, у Амвросія стоитъ: «какъ Духъ, Который отъ Отца исходитъ, о Которомъ Сынъ говоритъ» и проч., а латинскіе поддѣлыватели вмѣсто послѣднихъ словъ вставили: «какъ Духъ, Который отъ Отца и Сына исходитъ.»

Поврежденіе VI.

Іезуитъ Петавій приводитъ въ доказательство латинскихъ взглядовъ слѣдующее мѣсто изъ книги *Амвросія* о «св. символѣ», гл. IV: «Духъ же Святый, Который исходитъ отъ Того и Другого, Онъ не Самъ принялъ» и пр. На этомъ іезуитъ останавливается.

Но опять таки и это мѣсто испорчено, что̀ явствуетъ изъ послѣдующаго. Петавій привелъ только первыя слова, видя, что они нисколько не вяжутся съ послѣдующими. Вотъ какъ это мѣсто читается въ твореніяхъ Амвросія (т. IV его твореній, столб. 89): «Духъ Святый, Который отъ Того и Другого исходитъ, и самъ не получилъ: ибо исхожденіе Его есть постоянное и отъ Того, Который не получилъ (ибо Отецъ не получаетъ); и такъ какъ Онъ не получилъ, то и Духъ не получилъ, на томъ также основаніи, что Онъ въ Немъ Самомъ есть и Его есть». Говоря: что Духъ Святый не получилъ, Амвросій приводитъ основаніе: «потому что исхожденіе Его отъ Того, Который не получилъ». Заявляя затѣмъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Того, Кто не получилъ, онъ называетъ Одного Отца, отъ Котораго Духъ, хотя происходитъ, но не получилъ. Такимъ образомъ, упоминая только Одного (Отца), Амвросій даетъ ясно понять, что Духъ Святый отъ

Одного (Отца): «такъ какъ, говоритъ онъ, не получилъ (а не получили), то и Духъ Святый не получилъ, и на томъ именно основаніи, что Онъ (Духъ) въ Немъ есть и Его есть». Какимъ-же образомъ могъ бы Амвросій сказать, что Духъ исходитъ отъ Того и Другого, если вслѣдъ за тѣмъ упоминаетъ Одного только Отца, отъ Котораго Духъ исходитъ? Ясно, что если бы дѣйствительно Амвросій выразился: «Духъ Святый исходитъ отъ Того и Другого», то въ послѣдующихъ словахъ онъ долженъ былъ бы сказать: «и не получилъ, потому что исхожденіе Его постоянное (вѣчное) и отъ Тѣхъ, Которые не получили». А такъ какъ онъ говоритъ: «и отъ Того, Который не получилъ» и прибавляетъ, что онъ это разумѣетъ объ Отцѣ, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что онъ отнюдь раньше не говорилъ: «Который отъ Того и Другого исходитъ». Слѣдовательно, подлинныя слова Амвросія были: «Духъ Святый отъ Отца исходитъ, и Самъ не получаетъ, потому что исхожденіе Его постоянное и отъ Того, Кто не получилъ» и т. д.

Поврежденіе VII.

Тотъ же *Амвросій* въ I кн. «о Св. Духѣ», въ гл. X (т. X его твореній, столб. 226) такъ выражается: «Духъ же Святый, исходя отъ Отца и Сына, не отдѣляется отъ Отца, не отдѣляется отъ Сына».

Но что это мѣсто испорчено, обнаруживаютъ слова, непосредственно слѣдующія. Вслѣдъ за симъ Амвросій продолжаетъ: «ибо какимъ образомъ можетъ быть отдѣленъ отъ Отца Тотъ, Кто есть Духъ устъ Его»? Основаніе это онъ приводитъ относительно Одного только Отца; слѣдовательно объ Одномъ Отцѣ раньше и шла рѣчь; иначе Амвросій долженъ былъ бы выразиться: «ибо какимъ образомъ можетъ быть отдѣленъ отъ Отца и Сына Тотъ, Кто есть Духъ устъ Ихъ»? Слѣдовательно, приведенное мѣсто Амвросія имѣло такой видъ: «Духъ же Святый, происходя отъ Отца, не отдѣляется отъ Отца: ибо какъ можно отдѣлить Того, Кто есть Духъ устъ Его»?

Поврежденіе VIII.

Руффинъ, пресвитеръ Аквилейскій, въ своемъ изложеніи символа Апостоловъ говоритъ слѣдующее: «чтобы установить

различіе между лицами, употребляются различныя слова для выраженія ихъ отношеній: подъ Отцомъ понимается Тотъ, изъ Котораго все, а Самъ Онъ Отца не имѣетъ; подъ Сыномъ разумѣется Тотъ, Кто рожденъ Отцомъ; а подъ Духомъ Святымъ— исходящій отъ Того и Другого и все освящающій». Такъ изложено это мѣсто въ изданіяхъ твореній Іеронима (изложеніе Руффина находится именно между твореніями этого Отца Церкви [1]). Изданы притомъ сочиненія Руффина въ Парижѣ въ 1580 году,—гдѣ на стр. 188 приведенныя слова читаются точно такъ же.

Но что это мѣсто Руффина испорчено, явствуетъ изъ того, что «изъясненіе» Руффина встрѣчается также между твореніями Кипріана, и тутъ послѣднія слова вышеприведеннаго текста читаются во всѣхъ изданіяхъ такъ: «Духъ Святый, исходящій изъ устъ Бога и все освящающій». Такъ это мѣсто напечатано въ изданіяхъ Кипріана: Кельнскомъ 1617 г., стр. 319; Антверпенскомъ 1563 г., стр. 557 и 1541 г. т. II, стр. 185, и 1589 г., стр. 488; Парижскомъ 1648 г. стр. 526 и 1541 листъ 167; 1633 г. стр. 552; 1563 г. стр. 429; Базельскомъ 1521 г. стр. 381; 1525 г. стр. 376; 1558 стр. 263; наконецъ Римскомъ 1563. г. стр. 397. Такъ и въ остальныхъ.

Поврежденіе IX.

Въ твореніяхъ *Іеронима*, напечатанныхъ латинянами, встрѣчается только одно мѣсто, въ которомъ Сынъ присоединяется къ Отцу въ исхожденіи Св. Духа. Въ его «изъясненіи вѣры къ Кириллу» помѣщены слѣдующія слова: «три лица суть, которыя, мы вѣримъ, поистинѣ равны, божественной и единой сущности, т. е. отъ Отца Сынъ, и Духъ Святый собственно и истинно отъ Отца и Сына исходитъ». Такъ это мѣсто напечатано во всѣхъ изданіяхъ Іеронима.

Но эти же слова Іеронима приводитъ Ломбардъ въ I кн. своихъ «мнѣній» въ раздѣлѣ 12, спрашивая: «почему Іеронимъ

---

[1]) Изложеніе (expositio) Руффина помѣщается не только въ изданіяхъ твореній блаженнаго Іеронима, его современника (оба они жили въ концѣ IV в.), но и въ изданіяхъ твореній Кипріана, жившаго цѣлымъ столѣтіемъ раньше. *Примѣч. переводчика.*

сказалъ, что Духъ Святый исходитъ собственно отъ Отца, безъ прибавленія отъ Сына»? и заявляетъ, что Іеронимъ только сказалъ: отъ Отца Сынъ и Духъ Святый собственно и истинно исходитъ». Вотъ полный текстъ сказаннаго Ломбардомъ: «Іеронимъ въ изложеніи каѳолической вѣры и Никейскаго символа говоритъ: вѣруемъ въ Духа Святаго, Который отъ Отца исходитъ собственно. Также: находимъ въ Писаніи, что Духъ Святый—истинный Богъ и есть (исходитъ) отъ Отца. И также: отъ Отца Сынъ и Духъ Святый собственно и истинно исходитъ». Эти послѣднія слова соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя въ испорченномъ видѣ напечатаны въ твореніяхъ Іеронима; точно такъ же и остальныя два выраженія находятся въ томъ же изложеніи вѣры къ Кириллу, какъ мы это указываемъ въ главѣ о свидѣтельствахъ латинскихъ отцовъ. Слѣдовательно, такъ далеки были списки Іеронима отъ утвержденія въ этомъ мѣстѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына, что Ломбардъ спрашиваетъ: почему Іеронимъ упомянулъ только Отца въ исхожденіи Св. Духа?—

Въ такомъ же видѣ, какъ Ломбардъ, приводитъ это мѣсто и Петръ Абеляръ во II кн. «введенія въ Богословіе», гл. IV, стр. 1093. Вотъ что онъ говоритъ: «Іеронимъ, излагая опредѣленіе каѳолической вѣры и Никейскаго символа, говоритъ: вѣримъ и въ Духа Святаго, Который отъ Отца исходитъ собственно. Также: мы находимъ въ Писаніи, что Духъ Святый—истинный Богъ и есть отъ Отца собственно. И опять: отъ Отца и Сынъ и Духъ Святый собственно и истинно исходитъ».

Эти же слова изъ символа Никейскаго собора и именно въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ Іеронимомъ, приводитъ еще раньше Ломбарда и Абеляра—въ X вѣкѣ Петръ Даміани [1]) въ своемъ трактатѣ о Св. Духѣ, гл. II (это небольшое сочиненіе подъ № 38 въ III томѣ твореній Парижскаго изданія 1642 г. стр. 287). «Въ Никейскомъ символѣ, замѣчаетъ Даміани, гово-

[1]) Здѣсь Зерникавъ ошибается: Петръ Даміани умеръ 1072 г. Петръ Ломбардъ ум. 1164 г.; Петръ Абеляръ—1142 г. Всѣ три знаменитые латинскіе богословы. Можетъ быть анахронизмъ по отношенію къ Петру Даміани слѣдуетъ приписать переписчикамъ Зерникава.

Прим. перев.

рится: вѣруемъ и въ Духа Святаго, Который отъ Отца исходитъ собственно и есть истинный Богъ, какъ Сынъ. И нѣсколько дальше: и что Духъ Святый—истинный Богъ, находимъ въ Писаніи, и что Онъ исходитъ отъ Отца собственно и что Онъ всегда съ Отцомъ и Сыномъ. И опять: отъ Отца Сынъ, и Духъ Святый собственно и истинно отъ Отца исходитъ».

Несомнѣнно поэтому, что такъ это мѣсто читалось и въ спискѣ, которымъ пользовался Іоаннъ Провинціалъ, защитникъ исхожденія Св. Духа отъ Сына на Флорентинскомъ соборѣ. Это слѣдуетъ заключить изъ того, что въ то время какъ онъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія, какъ сейчасъ увидимъ, другія испорченныя мѣста Іеронима, этимъ мѣстомъ, заключающимся во всѣхъ изданіяхъ этого Отца, онъ совершенно пренебрегъ, чего бы онъ никогда не сдѣлалъ, если бы его списокъ что-нибудь подобное заключалъ.

Поврежденіе X.

Дѣйствительно, Іоаннъ Провинціалъ на XXI засѣданіи Флорентинскаго собора (изданіе только латинское Горація Юстиніана, т. XIII Соборовъ, столбецъ 1109) сперва выставилъ изъ изложенія вѣры Іеронима къ Августину и Алипію слѣдующее мѣсто: «вѣримъ и въ Духа Святаго, Бога истиннаго, отъ Отца и Сына исходящаго, равнаго во всемъ Отцу и Сыну, волею, вѣчностью, сущностью». Но что это мѣсто повреждено, доказываютъ всѣ изданія твореній Іеронима, въ которыхъ эти слова Іеронима въ изъясненіи символа къ Дамасу читаются такъ: «вѣруемъ и въ Духа Святаго, истиннаго Бога, отъ Отца исходящаго, равнаго во всемъ Отцу и Сыну, волею, могуществомъ, вѣчностью, сущностью».

Поврежденіе XI.

Затѣмъ тотъ же Іоаннъ въ приведенномъ мѣстѣ выставилъ изъ изложенія Никейскаго символа Іеронима слѣдующія слова: «и въ Духа Святаго, Который отъ Отца и Сына исходитъ, Который есть истинный Богъ, какъ и Сынъ». Приведя затѣмъ нѣкоторыя выраженія изъ I посланія Іеронима къ Дамасу (которыя однако встрѣчаются не въ какомъ-нибудь посланіи Іеронима къ Дамасу, но въ символѣ Дамаса), онъ прибавляетъ; «этотъ Іеро-

нимъ былъ ученикомъ вашего Григорія Назіанзина и отъ него заимствовалъ это ученіе».

Но опять-таки, согласно всѣмъ изданіямъ Іеронима, послѣдній въ изложеніи символа къ Кириллу выражается такъ: «и въ Духа Святаго, Который отъ Отца исшелъ собственно, и есть Богъ истинный, какъ и Сынъ». Такъ эти слова, какъ мы выше указали, передали непзмѣнно Ломбардъ, Абеляръ и Петръ Даміани. Достойнымъ смѣха выставляетъ себя Іоаннъ, утверждая, что Іеронимъ заимствовалъ у своего учителя Григорія Назіанзина то, что вставлено въ слова Іеронима какимъ-то поддѣлывателемъ.

Поврежденіе XII.

Апокрисіаріи, посланные въ 809 году въ Римъ отъ Ахенскаго (Aquae Granicae) собора, въ своей запискѣ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, приводятъ слѣдующія слова изъ Іеронимова изложенія символа: «Духъ, Который отъ Отца и Сына исходитъ, совѣченъ Отцу и Сыну и во всемъ соравенъ. Это есть Святая Троица, т. е. Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. Одно есть божество и могущество, одна сущность: т. е. Отецъ, Который родилъ, Сынъ, Который рожденъ, и Духъ Святый, Который отъ Отца и Сына исходитъ». Но этого нѣтъ въ указанномъ Іеронимовскомъ изложеніи символа, по признанію даже Петра Даміани, который въ разсужденіи «объ исхожденіи Св. Духа», гл. V, т. III его сочиненій, стр. 288 говоритъ: «говорятъ, что Іеронимъ это написалъ, хотя въ томъ именно изложеніи вѣры, которое мы читали, нельзя этого найти». Но и въ другихъ писаніяхъ Іеронима не встрѣчаются эти слова. Однако первыя изъ нихъ приводятъ Гуго Этеріанъ (кн. III, гл. XVII, т. XII Кельнской библіотеки Отцовъ, ч. II стр. 412) и Калека (тамъ же, т. XIV, кн. II, стр. 288), именно слѣдующія: «Духъ, Который отъ Отца и Сына исходитъ, во всемъ Отцу и Сыну соравенъ и остается совѣчнымъ». Между тѣмъ, какъ мы только что замѣтили, нѣтъ и слѣда этихъ словъ въ твореніяхъ Іеронима.

Поврежденіе XIII.

Въ LXVI посланіи *Августина* въ изданіяхъ: Базельскомъ 1556 и 1569 г., Парижскомъ 1586 г., Антверпенскомъ 1577 г.

встрѣчаются слѣдующія слова: «Духъ Святый не созданъ изъ ничего, какъ тварь, но такъ отъ Отца и Сына исходитъ, что и не Сыномъ созданъ».

Между тѣмъ въ посланіяхъ Августина, изданныхъ въ Парижѣ отдѣльно въ 1516 г., въ изданіяхъ также твореній Августина-Базельскомъ 1528, 1541 и 1545 г. эти слова съ опущеніемъ послѣднихъ читаются такъ: «Духъ же Святый не созданъ, какъ тварь, изъ ничего». Въ изданіи Венеціанскомъ 1552 г. это мѣсто имѣетъ такой видъ: «Духъ же Святый не созданъ, какъ тварь, изъ ничего (но такъ отъ Отца исходитъ, что не созданъ ни Отцомъ, ни Сыномъ)», причемъ послѣднія слова включены въ скобки. Это также сдѣлано въ Парижскомъ изданіи твореній Августина 1541 и 1555 г., причемъ въ подстрочномъ примѣчаніи издатель заявляетъ, что слова, заключенныя въ скобки, не находятся въ Фробеніановскомъ экземплярѣ, но выписаны изъ старинныхъ Викторіанскихъ книгъ. А въ Венеціанскомъ изданіи твореній Августина 1584 г. вынущены и скобки. Какимъ же образомъ можно приписывать Августину вышеприведенныя слова, въ которыхъ говорится, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, если оказывается, что въ древнѣйшихъ изданіяхъ и рукописяхъ вторая часть приведеннаго мѣста или не существуетъ вовсе, или упоминается въ ней исхожденіе Св. Духа только отъ Отца. Конечно, сами латиняне не выпустили бы словъ: «и отъ Сына», если бы они встрѣтились у какого-нибудь Отца; не сдѣлали бы этого и съ Августиномъ, если бы дѣйствительно у него не было упоминанія объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца. И это подтверждается дальнѣйшими словами Августина: «Отецъ для того, чтобы имѣть Сына изъ Самого Себя, не уменьшилъ Самого Себя; но такъ родилъ изъ Себя Другого Себя, что всецѣло остался въ Себѣ и сталъ въ Сынѣ такимъ, какимъ былъ и Одинъ (безъ Него). Подобно тому и Духъ Святый—Цѣлостный отъ Цѣлостнаго, не предшествуетъ Тому, отъ Кого исходитъ; но таковъ съ Нимъ, каковъ изъ Него, не уменьшаетъ Его исхожденіемъ и не увеличиваетъ пребываніемъ (въ Немъ)». Въ этихъ словахъ Августинъ упоминаетъ только объ Одномъ Отцѣ, отъ Котораго исходитъ Св. Духъ, такъ же, какъ называетъ

Одного Отца, отъ Котораго раждается Сынъ. Какимъ же образомъ могъ бы онъ раньше говорить, что Духъ Святый исходитъ отъ Двоихъ. Въ такомъ случаѣ онъ выразился бы: «Цѣлостный отъ Цѣлостныхъ,—таковъ съ Ними, каковъ изъ Нихъ; не уменьшаетъ Ихъ исхожденіемъ и не увеличиваетъ пребываніемъ». Несомнѣнно различіе чтеній этого мѣста произошло оттого, что одни поддѣлыватели—латиняне совсѣмъ уничтожили слова, въ которыхъ Августинъ говоритъ только объ Отцѣ, а другіе вмѣсто нихъ вставили исхожденіе Св. Духа отъ Сына; между тѣмъ подлинный текстъ—послѣдній изъ приведенныхъ нами.

Поврежденіе XIV.

Ломбардъ въ I кн. «мнѣній», раздѣлъ 18 приводитъ изъ V кн. *Августина* «о Троицѣ» слѣдующее мѣсто: «Духъ Святый есть даръ Отца и Сына, потому что и исходитъ отъ Отца и Сына». Между тѣмъ во всѣхъ изданіяхъ Августина оно читается такъ: «Духъ Святый есть даръ Отца и Сына, потому что и исходитъ отъ Отца, какъ говоритъ Господь,—и потому, что и Апостолъ говоритъ: «кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ не есть Его». Послѣднее сказано именно о Духѣ Святомъ.

Поврежденіе XV.

Въ XV кн. *Августина* «о Троицѣ», въ гл. XXVII попадается слѣдующее мѣсто; «сама тебѣ и въ тебѣ показываетъ три явленія, чтобы ты въ нихъ познавалъ образъ самой высочайшей Троицы, Которую ты не можешь еще созерцать пристально устремленными очами. Она показываетъ тебѣ, что въ тебѣ есть истинное слово, когда оно раждается изъ твоего знанія, т. е. когда мы говоримъ то, что̀ знаемъ:—мы не произносимъ и не мыслимъ ни на какомъ языкѣ, но наша мысль образуется изъ того, что̀ мы знаемъ, —и въ умѣ мыслящаго заключается самый схожій образъ его мысли, который онъ удерживалъ въ памяти, удерживалъ именно ихъ двоихъ, какъ родившаго и рождаемое, соединенныхъ третьимъ —хотѣніемъ или любовью. Это хотѣніе исходитъ изъ мысли (cogitatione), ибо никто не хочетъ того, о чемъ вовсе не знаетъ, что оно такое и каково; однако она не есть образъ мысли, и такимъ образомъ во всякомъ мыслительномъ дѣлѣ вкрадывается

нѣкоторое разстояніе между рожденіемъ и исхожденіемъ, потому что созерцать въ мысли и хотѣть, или даже обнимать желаніемъ —не одно и то же. Пусть это видитъ и разсудитъ, кто можетъ». —Въ этомъ мѣстѣ подъ знаніемъ или познаніемъ (cognitio, γνῶσις) подразумѣвается Отецъ, подъ мыслью (cogitatio)—Сынъ, подъ хотѣніемъ (voluntas)—Духъ Святый. И вотъ—когда Августинъ говоритъ, что хотѣніе или Духъ Святый исходитъ изъ знанія или отъ Отца, латинскіе поддѣлыватели замѣнили слово знаніе (cognitio) словомъ мысль (cagitatio), чтобы вышелъ такой смыслъ: хотѣніе или Духъ Святый исходитъ изъ мысли, или отъ Сына. Что такое чтеніе ошибочно, показываетъ, во-первыхъ, Венеціанское изданіе 1552, въ которомъ при этихъ словахъ есть замѣтка: «древніе списки вмѣсто— мышленіе имѣютъ —знаніе»; затѣмъ доказываетъ ходъ рѣчи Августина, который, желая привести основаніе для сказаннаго имъ, прибавляетъ: «ибо никто не хочетъ того, о чемъ вовсе не знаетъ, что́ оно такое и каково». Этими словами онъ доказываетъ, что хотѣніе зарождается изъ знанія. Равнымъ образомъ и раньше онъ говорилъ, что хотѣніе исходитъ изъ знанія, намѣреваясь этимъ основаніемъ доказать свое положеніе, выраженное имъ непосредственно впереди приведеннаго мѣста.

Поврежденіе XVI.

Въ XXXVIII словѣ *Августина* «о времени» во всѣхъ изданіяхъ его твореній заключается слѣдующее мѣсто: «Духъ Святый не есть нерожденный, не есть и рожденный, но по здравой вѣрѣ долженъ быть названъ только исходящимъ отъ Отца и Сына; Онъ не исходитъ отъ Отца въ Сына и отъ Сына не исходитъ для освященія твари, какъ нужно вѣрить, по мнѣнію нѣкоторыхъ нездравомыслящихъ, но исходитъ вмѣстѣ отъ Обоихъ, потому что Отецъ родилъ Сына такимъ, чтобы Духъ Святый исходилъ такъ же отъ Него Самаго, какъ и отъ Сына».—

Сами эти слова, въ такомъ видѣ, какъ они расположены, доказываютъ, что это мѣсто испорчено. Дѣло въ томъ, что споръ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, по сознанію самихъ латинянъ, начался не раньше Несторія и Ѳеодорита. Но о новшествахъ Несторія Августинъ, жившій вдали отъ Константинополя въ Афри-

канскомъ Гиппонѣ, ничего не слыхалъ; притомъ же онъ скончался [1]) раньше I Ефесскаго собора; созваннаго противъ Несторія. Поэтому то онъ никогда въ своихъ сочиненіяхъ не упоминаетъ про Несторія. Изъ актовъ названнаго собора извѣстно, что соборъ имѣлъ намѣреніе призвать для совѣщаній и Августина, славнаго въ то время епископа, но пришло извѣстіе, что онъ уже умеръ. Между тѣмъ изъ приведенныхъ выше словъ, ему приписываемыхъ, выходитъ, что Августинъ не только знаетъ, что въ то время, когда онъ писалъ, существовали отрицатели исхожденія Св. Духа отъ Сына, но что они были и раньше его времени: «какъ по мнѣнію нѣкоторыхъ нездравомыслящихъ», говорится въ этомъ мѣстѣ, «нужно вѣрить». Какимъ же образомъ можно допустить, чтобы до временъ Августина, или въ первые годы его епископства восточники спорили съ латинянами объ исхожденіи Св. Духа, когда извѣстно, что тогда никакого разногласія между обѣими Церквами не было?

Поврежденіе XVII.

Подобныя же слова встрѣчаются въ XV кн. XXVII гл. «о Тройцѣ». Здѣсь Августинъ, распространивши свои доказательства исхожденія Св. Духа отъ Сына, которыя заключаются въ XCIX разсужденіи его на евангеліе Іоанна, прибавляетъ: «я это перенесъ изъ той рѣчи въ настоящую книгу (но говорю для вѣрныхъ, а не для невѣрныхъ)».

И это мѣсто показываетъ, будто, когда писалъ Августинъ, были уже люди, которые нисколько не вѣрили въ исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Между тѣмъ выше было сказано, что во время Августина не было въ Церкви спора объ исхожденіи Св. Духа. Поэтому какимъ образомъ длинныя разсужденія въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына, которыя въ указанной XV кн. «о Тройцѣ» и въ XCIX разсужденіи на евангеліе Іоанна, а также и въ другихъ мѣстахъ, могли быть написаны Августиномъ? Съ какой стати кто-нибудь изъ Отцовъ сталъ бы пространно защищать какой-нибудь догматъ и притомъ

---

1) Блаженный Августинъ род. 355 ум. 431 г., въ которомъ созванъ былъ I Ефесскій соборъ. *Прим. пер.*

дѣлать это довольно часто, если никто этого догмата ни раньше, ни въ его время не подвергалъ сомнѣнію? Вотъ почему Беда [1]), приводя въ толкованіяхъ на XVI главу Іоанна слова Августина изъ его XCIX разсужденія на евангеліе Іоанна, пространные доводы Августина въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, встрѣчающіеся въ этомъ разсужденіи, совсѣмъ опускаетъ и приводитъ только слѣдующія слова: «итакъ отъ Того Онъ слышалъ, слышитъ и будетъ слышать, отъ Котораго Онъ есть, а отъ Того есть, отъ Котораго исходитъ. Но нельзя оставить безъ вниманія то, что Онъ прибавляетъ: Онъ меня прославитъ, потому что возметъ отъ Моего и возвѣститъ вамъ.—Онъ меня прославитъ—это можно понимать такъ, что, разливая въ сердцахъ вѣрующихъ благодать и дѣлая ихъ духовными, объяснитъ имъ, какимъ образомъ Сынъ равенъ Отцу».

Поврежденіе XVIII.

Въ діалогѣ «LXV вопросовъ» (вопросъ XI, т. IV твореній Августина) есть слѣдующее мѣсто: «Духъ Святый не будетъ говорить отъ Себя Самого, потому что Онъ не есть отъ Себя Самого. Ибо Отецъ никѣмъ не рожденъ; Сынъ рожденъ Отцомъ; Духъ Святый отъ Отца и Сына исходитъ».

Между тѣмъ тѣ же слова заключаются въ XCIX разсужденіи Августина на Іоанна и здѣсь они читаются такъ: «Духъ Святый не будетъ говорить отъ Самого Себя, потому что Онъ не есть отъ Себя Самого. Ибо Одинъ только Отецъ не есть отъ Другого; Сынъ же Отцомъ рожденъ, а Духъ Святый отъ Отца исходитъ». Здѣсь нѣтъ вовсе упоминанія объ участіи Сына въ происхожденіи Св. Духа. Кромѣ того, въ приведенномъ XI вопросѣ вслѣдъ за указанными выше словами слѣдуетъ: «ибо слышать—значитъ быть; а быть—не отъ Себя, но отъ Отца; поэтому все, что ни услышитъ (Духъ Святый),—скажетъ». Желая показать, отъ Кого Духъ Святый, когда Онъ—не отъ Себя, Августинъ называетъ только Отца, отъ Котораго Духъ Святый услы-

---

1) Беда род. 672 г., умеръ около 731 или 735 г. Поэтому онъ пользовался списками твореній Августина, переписанными спустя недолго послѣ самаго писателя, а потому болѣе достовѣрными.

Прим. пер.

шитъ и скажетъ. Какимъ же образомъ могъ бы онъ раньше сказать, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына, отъ Него услышитъ и отъ Него будетъ говорить?

Наконецъ, въ публичной библіотекѣ въ Оксфордѣ мнѣ удалось видѣть одну рукопись Августиновскихъ вопросовъ. Она находилась среди богословскихъ рукописей, подъ буквою H, номеръ XXII. «Вопросы» здѣсь помѣщены на стр. 553. И въ этой рукописи, дѣйствительно, послѣднее мѣсто, выписанное выше, читается такъ: «ибо слышать—значитъ быть, а быть—не отъ Себя, но отъ Отца и Сына, поэтому все, что услышитъ, скажетъ». Но такъ какъ всѣ изданія Августина имѣютъ въ этомъ мѣстѣ только: «быть—не отъ Себя, но отъ Отца»; то опять-таки отсюда видно, какъ латиняне поддѣлывали писанія древнѣйшихъ западныхъ Отцевъ Церкви [1]).

Поврежденіе XIX.

Не менѣе само собою очевидно поврежденіе слѣдующаго мѣста Августина въ его XV кн. «о Троицѣ» (гл. XVII): «и однако не напрасно въ этой Троицѣ Словомъ Божіимъ называется только Сынъ; и даромъ Божіимъ—только Духъ Святый и только Отецъ (называется) Тѣмъ, отъ Кого рождено Слово и главнымъ образомъ исходитъ Духъ Святый. А потому я прибавилъ: главнымъ образомъ,—что находятъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына».

Намѣреніе у Августина было показать, какое свойство имѣетъ каждое лицо Св. Троицы, въ которомъ Оно не сходится съ другимъ лицомъ. Именно онъ говоритъ: «въ этой Троицѣ словомъ называется только Сынъ» и т. д. Итакъ, если Августинъ приписываетъ Отцу только Одному Ему принадлежащее и не раздѣляемое съ другимъ лицомъ свойство—рожденіе Сына и исхожденіе Св. Духа, ясно, что то и другое онъ считалъ свойственнымъ только Отцу. Слово только (nisi), имъ употребленное, исключаетъ возможность отнесенія этого свойства къ другимъ

---

1) Впрочемъ безполезно отчасти настаивать на этой поддѣлкѣ,—ибо весь этотъ діалогъ издателями твореній Августина считается подложнымъ. *Прим. пер.*

лицамъ. Зачѣмъ же ему нужно было прибавлять: «отъ Котораго главнымъ образомъ исходитъ Св. Духъ»,—и этимъ давать основаніе полагать, что въ исхожденіи Св. Духа принимаетъ участіе и Сынъ? Притомъ слово главнымъ образомъ (principaliter) сюда и не идетъ, потому что по ученію латинянъ, Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына въ равной мѣрѣ,—однимъ исхожденіемъ. Такимъ образомъ, вѣрующій въ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына никогда не скажетъ, что Отцу свойственно, т. е. Онъ Одинъ только обладаетъ свойствомъ раждать Сына и главнымъ образомъ производить (давать исхожденіе) Св. Духа, но, напротивъ, въ исхожденіи Св. Духа всегда къ Отцу присоединитъ и Сына. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что нигдѣ у церковныхъ писателей не встрѣчается это слово principaliter, только у Августина оно вставлено, чтобы, конечно, уничтожить значеніе ясныхъ словъ его, изъ которыхъ вытекаетъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца. Вотъ почему и самъ поддѣлыватель въ этомъ мѣстѣ замѣчаетъ: «а потому я прибавилъ: главнымъ образомъ,—что находятъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына».

Поврежденіе XX.

Въ книгѣ Августина «о Троицѣ и единицѣ» гл. V (т. IV твореній его) встрѣчается слѣдующее мѣсто: «Одинъ только Отецъ не называется посланнымъ, потому что Онъ Одинъ не имѣетъ виновника, отъ Котораго Онъ могъ бы родиться, или произойти, и потому именно ни по различію природы, котораго нѣтъ въ Троицѣ, ни по власти другого надъ Нимъ Одинъ Отецъ не называется посланнымъ: ибо не блескъ, или теплота посылаетъ огонь, но огонь посылаетъ и блескъ, и теплоту. Такъ Отецъ посылаетъ Сына, а Духъ Святый исходитъ отъ Того и Другого».

Большая часть этой главы и слѣдующихъ взята изъ книги Августина: «противъ словъ Аріанъ», приведенное мѣсто соотвѣтствуетъ слѣдующимъ словамъ IV главы этой книги: «поэтому не по различію природы, котораго нѣтъ въ Троицѣ, но вслѣдствіе собственной виновности (т. е. отсутствія причины произведшей) Одинъ только Отецъ не называется посланнымъ; ибо не

блескъ, или теплота посылаетъ огонь, но огонь посылаетъ и блескъ и теплоту». Слѣдовательно въ книгѣ «о Тройцѣ и единицѣ» произвольно вставлено выраженіе: «такъ Отецъ посылаетъ Сына, а Духъ Святый исходитъ отъ Того и Другого».

Поврежденіе XXI.

Въ той же книгѣ «о Тройцѣ и единицѣ» въ гл. X находятся слова: «Сынъ не созданъ Отцомъ, но рожденъ, и Духъ Святый не созданъ Сыномъ, но исходитъ отъ Отца и Сына». Но опять таки это мѣсто извлечено изъ книги Августина противъ Арія, гдѣ въ XXI гл. есть соотвѣтствующее выраженіе: «говорятъ, что Духъ Святый созданъ Сыномъ, но этого въ Писаніи нигдѣ не читаютъ: ибо Самъ Сынъ говоритъ, что Духъ Святый отъ Отца исходитъ».

Поврежденіе XXII.

Мало того: тѣ слова XXIII книги Августина «противъ рѣчи Аріанъ», которыми онъ ясно отрицаетъ мысль, что Духъ созданъ Сыномъ и опровергаетъ извѣстное доказательство латинянъ, основанное на изреченіи: «Духъ Святый отъ Моего возьметъ»,— въ книгѣ «о Тройцѣ и единицѣ» въ гл. X, гдѣ они находятся, всѣ выброшены или извращены. Вотъ слова книги «противъ рѣчи Аріанъ»: «а что Онъ (Іисусъ Христосъ) сказалъ о Духѣ Святомъ: отъ Моего возьметъ, то Онъ Самъ разрѣшаетъ (этими словами) вопросъ: чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто какъ бы черезъ нѣкоторыя степени такъ Духъ Святый происходитъ отъ Него, какъ Онъ Самъ—отъ Отца; ибо Они Оба отъ Отца—Одинъ раждается, Другой—исходитъ,—каковыя двѣ вещи въ высотѣ этой природы разсмотрѣть совсѣмъ трудно. Поэтому, чтобы этого кто-нибудь не подумалъ, какъ я сказалъ, Онъ тотчасъ прибавилъ: все, что имѣетъ Отецъ, (есть) Мое; вотъ почему Я сказалъ: отъ Моего возьметъ. Такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, Спаситель желалъ, чтобы понимали эти слова: отъ Отца возьметъ (пріиметъ). Но также и отъ Него, потому что все, что имѣетъ Отецъ, есть и Его (Сына). Тутъ нѣтъ различія природы, но проявленіе одного начала. А что во всемъ Духъ Святый ждетъ приказанія Христа, какъ говорятъ: пусть читаютъ, если

могутъ. Ибо сказано такъ: не отъ Себя будетъ говорить, не сказано однако: все, что отъ Меня услышитъ, но все, что услышитъ, будетъ говорить. А зачѣмъ такъ сказано, яснымъ стало уже не много раньше изъ того замѣчанія Самого Господа, которое я привелъ выше, гдѣ Онъ говоритъ: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое,—вотъ почему Я сказалъ: отъ Моего возьметъ».

Въ X же главѣ книги «о Троицѣ и единицѣ» это мѣсто читается такъ: «такъ какъ Сынъ и Духъ Святый—Оба отъ Отца—Одинъ раждается, Другой исходитъ, каковыя двѣ вещи въ высотѣ этой природы различить всячески трудно; поэтому, чтобы кто не подумалъ, сказано: потому что возьметъ отъ Моего; безъ сомнѣнія (сказано) въ желаніи придать смыслъ, что Онъ (Духъ Святый) получитъ отъ Отца, но также и отъ Самого Сына, потому все, что имѣетъ Отецъ, есть и Его (Сына). Тутъ нѣтъ различія природы, но проявленіе одного начала. А что Духъ Святый ждетъ приказанія Христа (Сына), такъ какъ сказано: отъ Себя Самого не будетъ говорить, но будетъ говорить то, что отъ Меня услышитъ, это значитъ: все, что имѣетъ Отецъ, (есть) Мое, поэтому Я сказалъ—отъ Моего возьметъ».

Тутъ, очевидно, опущены первыя слова тирады Августина, въ которыхъ отрицалась мысль, что Духъ Святый происходитъ отъ Сына. Затѣмъ, то мѣсто, гдѣ Августинъ отвергаетъ, что Духъ слышитъ отъ Сына, самымъ недобросовѣстнымъ образомъ извращено, такъ что выходитъ, будто Духъ Святый отъ Сына слышитъ, или иначе—во всемъ ждетъ приказанія Христа.

Повержденіе XXIII.

Ратрамнъ [1]), монахъ Корбейскій, въ III к., гл. VI своего сочиненія «объ исхожденіи Св. Духа противъ восточниковъ» (т. XII «spicilegii» (колосницы) древнихъ писателей», изд. Лукою Дахеріемъ, стр. 94), приводитъ слѣдующее мѣсто изъ книги «объ объединенной природѣ божества», которая приписывается Аѳа-

[1]) Ратрамнъ, иначе Бертрамъ, жилъ около 840 г. Стоялъ во главѣ учителей галликанской церкви, которыхъ папа Николай I благословилъ писать противъ восточниковъ. По внушенію папы онъ и написалъ «четверокнижіе противъ заблужденій грековъ». *Прим. перев.*

насію: «въ томъ Отецъ совершенно иной по лицу (ипостаси), что истинно родилъ; и въ томъ Сынъ иной по лицу отъ Отца, что истинно отъ Него родился; но въ томъ иной по лицу Духъ, этотъ верховный Утѣшитель отъ Отца и Сына, Который излитъ былъ на апостоловъ въ день пятидесятницы, что истинно отъ единаго божества Отца и Сына исходитъ». И затѣмъ Ратрамнъ каждое изъ этихъ положеній, по своему обыкновенію, пространно развиваетъ, направляя свою рѣчь противъ восточниковъ и доказывая исхожденіе Св. Духа отъ Сына.

Но во всѣхъ изданіяхъ твореній Аѳанасія, во II кн. «объ объединенной природѣ божества» —это мѣсто читается такъ: «въ томъ совершенно иной Отецъ, что истинно родилъ; и въ томъ иной Сынъ, что истинно отъ Него родился. Но и въ томъ-иной —Духъ, этотъ Утѣшитель, что былъ излитъ на апостоловъ въ день пятидесятницы. Итакъ, по этому точному выраженію (sigillatim dicta) помни, что имена въ лицахъ (Св. Троицы) различны».

Такъ читаетъ это мѣсто Парижскій епископъ Эней [1]), который также писалъ въ одномъ году съ Ратрамномъ противъ восточниковъ объ исхожденіи Св. Духа (книга противъ восточниковъ, т. VII указаннаго Spicilegium'a древнихъ писателей, стр. 13). Слѣдовательно, въ списокъ, которымъ пользовался Ратрамнъ, уже въ IX вѣкѣ вставлены были слова: «Духъ Святый есть (исходитъ) отъ Отца и Сына»; затѣмъ: «истинно Онъ изъ единаго божества Отца и Сына исходитъ». Изъ этого одного примѣра видно, что уже раньше девятаго вѣка латиняне испортили писанія своихъ отцовъ. Мы приводимъ здѣсь книги «объ объединенной природѣ божества» потому, что онѣ написаны латинянином, а не грекомъ. Впрочемъ объ этомъ мы говоримъ въ главѣ о свидѣтельствахъ латинскихъ Отцовъ.

Поврежденіе XXIV.

Какъ латиняне имѣютъ обыкновеніе портить писанія Отцовъ, видно также изъ различія въ чтеніи мѣста изъ VIII кн. «объ объединенномъ божествѣ Троицы», которое начинается словами: «вѣрую, что Сынъ въ Отцѣ» и пр. Апокрисіаріи, отправленные

[1]) Въ 868 г. издалъ сочиненіе «противъ возраженій грековъ».

въ 809 году отъ Ахенскаго собора въ Римъ, въ своей запискѣ объ исхожденіи Св. Духа, представленной папѣ Льву III,—а также Даміани въ своей рѣчи о католической вѣрѣ (т. III его сочиненій, стр. 9) и въ небольшой статьѣ объ исхожденіи Св. Духа (тамъ же, стр. 288) такъ читаютъ это мѣсто: «вѣрую, что Сынъ въ Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ; Духъ же Утѣшитель, Который отъ Отца исходитъ, есть и (Духъ) Сына, и (Духъ) Отца; ибо и отъ Сына исходитъ, такъ какъ въ евангеліи написано, что черезъ свое вдыханіе (вдуновеніе) далъ апостоламъ Духа Святаго, говоря: примите Духа Святаго».

Между тѣмъ, въ изданіяхъ твореній Аѳанасія это мѣсто читается такъ: вѣрую, что Сынъ въ Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ; Духъ же Святый Утѣшитель, Который исходитъ отъ Отца и Сына, есть и (Духъ) Отца, потому что и отъ Сына исходитъ, какъ написано въ евангеліи».

Разница въ чтеніи этого мѣста всякому ясна. Какъ можно сказать: «Духъ также есть (Духъ) Отца, потому что исходитъ и отъ Сына»? Само собою очевидно, что у автора стояло: потому что исходитъ отъ Отца, и есть и (Духъ) Сына и Отца», какъ и читали помянутые докладчики и Петръ Даміани; позднѣйшіе же латиняне перемѣнили слово Filii на Filio [1]), такъ что въ изданіяхъ твореній Аѳанасія выходитъ: «Который исходитъ отъ Отца и Сына, есть и (Духъ) Отца». О словахъ, которыя слѣдуютъ въ томъ и другомъ чтеніи за этимъ выраженіемъ, будетъ рѣчь въ концѣ настоящей главы.

Поврежденіе XXV.

Евсевій Эмиссенскій [2]) въ словѣ на IV воскресеніе послѣ Пасхи (т. V, ч. III Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 682) говоритъ: «Такъ какъ Духъ Святый есть Духъ и Отца и Сына,

[1]) Разница чтенія такая: (въ первомъ случаѣ): Spiritum quoque Paracletum, qui procedit a Patre, et Filii esse et Patris и (во второмъ случаѣ): Spiritum quoque S. Paracletum, qui procedit a Patre et Filio, esse et Patris. *Прим. перевод.*

[2]) Евсевій, епископъ города Емиса въ Финикіи, жилъ ок. 360 г. Зерникавъ ошибочно причисляетъ его къ латинскимъ Отцамъ. *Прим. переводчика.*

откуда имѣетъ бытіе, то оттуда Онъ имѣетъ бытіе мудрое и истинное; ибо для Него быть—значитъ быть мудрымъ и истиннымъ и тому подобное. Ибо Онъ есть Духъ мудрости и разума, есть и Духъ всякой истины; но это (эти свойства) Онъ имѣетъ и получаетъ отъ Отца и Сына. Это и есть то, о чемъ Господь говоритъ: потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ». Вслѣдъ затѣмъ Евсевій прибавляетъ: «а такъ какъ эти свойства суть общія всѣхъ Трехъ (лицъ божества) и общія по существу, то Господь могъ сказать, если бы захотѣлъ: потому что отъ Моего и Своего возьметъ и возвѣститъ вамъ. Ибо и Сынъ, когда проповѣдывалъ, получалъ отъ Своего и отъ того, что есть Отца и Духа (принадлежитъ Отцу и Духу)».

Итакъ, по первому приведенному мѣсту Евсевій училъ, что, когда Христосъ говоритъ: «отъ Моего возьметъ», то это имѣетъ смыслъ, что то, что (Духъ) получитъ отъ Отца и Сына, есть бытіе мудрое и истинное, или вообще бытіе. Какъ же въ такомъ случаѣ могъ бы прибавить Евсевій, если только это дѣйствительно имъ сказано: «а такъ какъ это есть общее свойство всѣхъ Трехъ (лицъ божества)»? и пр. Развѣ Сынъ или Отецъ отъ Духа Святаго имѣетъ бытіе, или получаетъ мудрое и истинное бытіе? Затѣмъ—какимъ образомъ Евсевій словамъ: «отъ Моего возьметъ» могъ придавать смыслъ, что «отъ Отца и Сына получаетъ (Духъ Святый) бытіе, или бытіе мудрое и истинное», если далѣе онъ прибавляетъ: «могъ бы Господь сказать: отъ Своего возьметъ»? Развѣ Духъ Святый отъ Себя получаетъ мудрое истинное бытіе и даже вообще бытіе? Замѣчаетъ дальше Евсевій: «ибо и Сынъ и отъ Своего, и изъ того, что принадлежитъ Отцу и Св. Духу, получалъ». Слѣдовательно и отсюда, какъ изъ перваго приведеннаго мѣста, слѣдуетъ: отъ Духа Святаго и отъ Себя Сынъ получаетъ и мудрое, и истинное бытіе, и вообще бытіе. Это противорѣчіе ясно указываетъ на то, что выписанное выше мѣсто Евсевія нарочно испорчено съ злымъ намѣреніемъ.

Поврежденіе XXVI.

Приводятъ латиняне слѣдующее мѣсто изъ исповѣданія каѳолической вѣры *Евгенія,* епископа Карѳагенскаго: «Духа Святаго

мы не принимаемъ такъ, какъ если бы Онъ былъ Отецъ, или Сынъ, но вѣруемъ, что нерожденный Отецъ и отъ Отца рожденный Сынъ и отъ Отца и Сына исходящій Духъ суть одной сущности и природы». Такъ именно читается это мѣсто въ «Orthodoxographa» (православныя писанія), изданныхъ въ Базелѣ 1569 г., на стр. 1617.

Между тѣмъ самое это исповѣданіе Евгенія приводится *Викторомъ* [1]), епископомъ Утическимъ, во II кн. его «Вандальскихъ гоненій», какъ исповѣданіе, представленное большинствомъ Африканскихъ католическихъ епископовъ Аріанскому королю (Уннериху Вандальскому); изъ его исторіи впослѣдствіи это исповѣданіе взято и издано подъ именемъ исповѣданія Евгенія. Въ изданіяхъ исторіи Виктора Утическаго (т. V, ч. III Кельнской библіотеки Отцовъ, изд. 1589 г., столб. 1910 и въ другихъ), приведенное мѣсто читается: «вѣруемъ, что нерожденный Отецъ, отъ Отца рожденный Сынъ и отъ Отца исходящій Духъ суть одной сущности и природы». Точно такъ же напечатано оно въ отдѣльномъ изданіи исповѣданія Евгенія въ «Антидотѣ» (противоядіи) противъ различныхъ ересей всѣхъ почти вѣковъ» —(Базель 1528 г., листъ 221 и IV т. Соборовъ послѣдняго Парижскаго изданія, стр. 1128).

Поврежденіе XXVII.

Рустикъ [1]), діаконъ—Кардиналъ Римской церкви, въ разсужденіи своемъ противъ акефаловъ («безголовыхъ») (т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ, ч. II, стр. 237) говоритъ: «Сынъ рожденъ и ничего совѣчнаго не родилъ, и Духъ Святый отъ Отца исходитъ, и ничего совѣчнаго не исходитъ и не родилось отъ Него. Нѣкоторые же изъ древнихъ прибавили и слѣдующее къ

---

1) Евгеній и Викторъ жили ок. 480 г., когда Вандалы утвердились въ Африкѣ. *Прим. перев.*

2) Рустикъ, родственникъ папы Вигилія, сопутствовалъ послѣднему въ его путешествіи въ Константинополь. Когда Вигилій написалъ книгу «о трехъ главахъ», Рустикъ написалъ сочиненіе, противъ безголовыхъ», въ которомъ разошелся съ Вигиліемъ, за что лишенъ былъ діаконскаго сана въ 550 г. *Прим. перев.*

Его (Духа) свойствамъ: именно—такъ какъ Духъ Святый не родилъ вмѣстѣ съ Отцомъ отъ вѣка Сына, то Онъ и не исходитъ отъ Сына, (подобно тому) какъ исходитъ отъ Отца. Я же признаю, что Духъ не родилъ Сына отъ вѣка (да мы и не допускаемъ двухъ Отцовъ); но для меня не совсѣмъ ясно, исходитъ ли Духъ Святый отъ Сына такимъ же образомъ, какъ отъ Отца. А такъ какъ это нисколько не относится къ тому, что мы теперь изслѣдуемъ, то слѣдуетъ только на это указать и пройти мимо».

Такимъ образомъ оказывается изъ этихъ словъ, что относительно такого важнаго вопроса вѣры, какъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, діаконъ—Кардиналъ Римской церкви не можетъ ничего опредѣленнаго сказать, а между тѣмъ латиняне утверждали, что Римская церковь въ то время вѣрила, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Во всякомъ случаѣ она вѣрила такъ, или иначе, т. е. что Духъ Святый исходитъ, или не исходитъ отъ Сына. Какимъ же образомъ могло случиться, что относительно догмата, установленнаго во всей латинской церкви и освященнаго общимъ согласіемъ, Рустикъ, по его признанію, не составилъ еще себѣ яснаго понятія? Никогда и нигдѣ Отцы не сомнѣвались въ вопросѣ, отъ кого исходитъ Св. Духъ, равно какъ не колебались они въ вопросѣ, отъ кого родился Сынъ.

Можно, пожалуй, утверждать, какъ это дѣлаютъ Кельнскіе издатели Отцовъ, что въ приведенномъ мѣстѣ Рустикъ выражаетъ сомнѣніе не просто относительно исхожденія Св. Духа отъ Сына, но только относительно того, такимъ-ли образомъ Онъ исходитъ отъ Сына, какъ отъ Отца, отъ Котораго Духъ исходитъ безъ чьего-бы то ни было участія. Но какимъ же образомъ діаконъ-Кардиналъ могъ не имѣть яснаго понятія о томъ, исходитъ ли Духъ Святый такъ же преимущественно (principaliter), какъ говорятъ латиняне, отъ Сына? Вѣдь все, что имѣетъ Сынъ, имѣетъ Онъ отъ Отца. Кто-же повѣритъ, что Рустикъ этого не зналъ, или отрицалъ? И если бы Сынъ имѣлъ что-нибудь отъ Себя, а не отъ Отца,—въ такомъ случаѣ было бы два начала въ божествѣ; если же Сынъ не имѣлъ бы исхожденія Св. Духа отъ Отца, а отъ Себя,—то отсюда еще болѣе вытекало бы, что есть двѣ при-

чины, или два начала Св. Духа. Какимъ образомъ поэтому кардиналъ-діаконъ могъ колебаться въ столь ясномъ и притомъ касающемся основъ нашей христіанской вѣры дѣлѣ? Напротивъ, такъ какъ Рустикъ выставляетъ себя не совсѣмъ понимающимъ то, что прочіе древніе писатели просто утверждали,—то выходитъ отсюда, что древніе вѣрили такъ: какъ Отецъ отъ Себя, а не отъ Другого имѣетъ исхожденіе Св. Духа, такъ равно и Сынъ отъ Себя, а не отъ Другого имѣетъ исхожденіе Св. Духа. Но развѣ кто-нибудь изъ древнихъ Отцовъ училъ такъ? Неужели же наши древніе Отцы могли такъ ясно установить два начала Св. Духа и вмѣстѣ отрицать, что все, что имѣетъ Сынъ, имѣетъ Онъ отъ Отца? Конечно, въ этомъ случаѣ они не заслужили бы имени древнихъ Отцовъ и не о нихъ вспоминалъ бы Рустикъ. Это были бы отчаянные еретики, вводящіе язычество, двухъ боговъ. Поэтому слѣдуетъ допустить, что настоящія слова Рустика были таковы: «Сынъ—рожденъ, и ничего совѣчнаго отъ Него не раждается и не исходитъ; и Духъ Святый отъ Отца исходитъ, и ничего совѣчнаго отъ Него не исходитъ и не раждается». Дальнѣйшія же слова: «а нѣкоторые изъ древнихъ» и пр. нужно выпустить. Поддѣлыватель, очевидно, уничтожилъ относительно Сына слова: «или исходитъ отъ Него», и вслѣдствіе того, что Рустикъ отрицалъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, онъ прибавилъ: «а нѣкоторые изъ древнихъ» и пр.; притомъ чтобы Рустикъ не высказалъ чего-нибудь противнаго общему мнѣнію латинянъ, онъ влагаетъ ему въ уста выраженіе: «я еще не имѣю (объ этомъ) яснаго понятія».

Поврежденіе XXVIII.

Выставляютъ далѣе латиняне слѣдующія слова *Виталія* [1]), епископа Тридентскаго изъ I кн. его сочиненія «противъ Евтихія»: «выслушай внимательнѣе (яснѣе): свойство Отца, что Онъ родилъ,—свойство Сына, что Онъ рожденъ, а свойство Св. Духа,

[1]) Виталій Тридентскій жилъ между 401 и 405 г., а Евтихій ок. 451 г. во время II Халкидонскаго собора. Нужно полагать поэтому, что «противъ Евтихія» писалъ другой Виталій, епископъ города Таиса въ Африкѣ, ок. 484 г. *Прим. пер.*

что Онъ исходитъ отъ Отца и Сына; отнюдь одно лицо не сообщаетъ взаимно другому того, что каждому собственно (specialiter) свойственно». Такъ это мѣсто читается въ Парижскомъ изданіи Отцовъ Бинія 1610 г., т. IV, столб. 597 и его же изданія 1624 г., т. IV, столб. 497 и въ книгѣ Энея Парижскаго «противъ восточниковъ», т. VII Spicilegii (Колосницы) древнихъ писателей, изд. Лукою Дахеріемъ, стр. 46.

Но тотъ же Биній въ своемъ первомъ изданіи Парижской библіотеки Отцовъ 1575 г., т. V, столб. 551 и во второмъ изданіи 1589 г., т. IV, столб. 644—приведенныя слова читаетъ такъ: «выслушай повнимательнѣе (яснѣе): свойство Отца, что Онъ родилъ, и свойство Сына, что Онъ родился, свойство же Духа Святаго, что Онъ исходитъ; и отнюдь одно лицо не сообщаетъ взаимно другому того, что каждому собственно (спеціально) свойственно». Затѣмъ, въ такомъ видѣ эти слова приводятся въ писаніяхъ древнихъ латинскихъ писателей «объ одномъ лицѣ и двухъ природахъ Господа нашего Іисуса Христа», изданныхъ въ 1571 г. въ Цюрихѣ, ст. 91; также между разными сочиненіями Отцовъ противъ еретиковъ, изданными въ Базелѣ въ 1556 г. подъ именемъ «ересіологіи», стр. 765, и въ сочиненіяхъ Георгія Кассандра, изд. въ Парижѣ 1616 г., стр. 520.

Поврежденіе XXIX.

Гормизда [1]), папа Римскій, въ XXIX посланіи къ императору Юстиніану (т. IV Соборовъ, столб. 1559) пишетъ: «однако извѣстно, что, такъ какъ свойство Отца то, что Онъ родилъ Сына,—свойство Сына, что Онъ родился отъ Отца равнымъ Отцу, то свойство Св. Духа, что Онъ отъ Отца и Сына исшелъ подъ одною сущностью—божества».

Но въ библіотекѣ славнаго торговлею Германскаго города Гамбурга, бывшей при школѣ св. Іоанна, находился сборникъ каноновъ древней Римской Церкви, изданный въ Парижѣ 1609 г.; кто-то сличалъ этотъ сборникъ съ рукописью, съ которой онъ печатанъ, и дойдя до приведеннаго мѣста Гормизды, послѣднія

[1]) Гормизда взошелъ на папскій престолъ въ 514 году. *Прим. пер.*

слова: «что отъ Отца и Сына исходитъ подъ однимъ видомъ божества» совсѣмъ зачеркнулъ и установилъ такое чтеніе: «такъ какъ свойство Отца, что Онъ родилъ Сына,—свойство Бога Сына, что Онъ родился отъ Отца равнымъ Отцу; то да будетъ также извѣстно и свойство Св. Духа».

Поврежденіе XXX.

Въ 589 г. происходилъ третій Толедскій соборъ въ Испаніи. Если мы развернемъ королевское изданіе Соборовъ 1644 года, т. XIII, стр. 107 и другое Парижское изданіе 1671 г., т. V, столб. 100, то прочтемъ тутъ, что Реккаредъ, король Испаніи, прочелъ на этомъ соборѣ Константинопольскій символъ съ прибавкою исхожденія Св. Духа и отъ Сына.

Но это не правда. Если мы развернемъ болѣе ранніе изданія Соборовъ, то въ нихъ найдемъ извѣстіе, что король Реккаредъ сказалъ только: «Который отъ Отца исходитъ». Такъ говоритъ Кельнское изданіе Соборовъ 1530 г., листъ 107 и Парижское 1535 г., т. I листъ 114. И хотя въ изданіи Испанскихъ Соборовъ, выпущенномъ въ свѣтъ въ Мадридѣ въ 1593 г. Гарсіею Ловизою, на стр. 203 Константинопольскій символъ, читанный Реккаредомъ, приведенъ съ прибавкою; однако слова «и отъ Сына» заключены Гарсіею въ кавычки, а на полѣ сдѣлана замѣтка: «desunt in excusis» (нѣтъ въ печатныхъ изданіяхъ).

Беллярминъ также въ кн. II, гл. XXI «о Христѣ» сознается: «на третьемъ Толедскомъ соборѣ, происходившемъ въ 589 году, символъ читается безъ всякаго прибавленія». Отсюда ясно, что какъ древнѣйшія изданія Соборовъ, такъ и рукописные списки ихъ прибавки не заключали, такъ какъ латиняне никогда не опускали случая прибавить Filioque въ своихъ изданіяхъ и, конечно, не уничтожили бы его, если бы оно стояло въ спискахъ.

Поврежденіе XXXI.

На Флорентинскомъ соборѣ въ XXI засѣданіи Іоаннъ Провинціалъ выставлялъ въ доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына слѣдующее мѣсто изъ «разсужденій о нравственности» (moralia) *Григорія Великаго:* «Онъ ясно утверждаетъ, что возвѣщаетъ объ Отцѣ, потому что черезъ Отца Онъ откроетъ нынѣ впдъ

Своей славы, отъ Котораго Онъ происходитъ, Самъ ему равный, и показываетъ, какимъ образомъ «отъ Того и Другого» исходитъ Духъ, Обоимъ совѣчный». (Флорентинскій соборъ, только по-латини изданный Гораціемъ Юстиніаномъ, т. XIII Соборовъ, столб. 1113).

Но въ XXX книгѣ толкованій на Іова, въ гл. V соотвѣтствующія приведенному мѣсту слова во всѣхъ изданіяхъ твореній Григорія читаются такъ: «ясно утверждаетъ (Спаситель), что Онъ возвѣщаетъ объ Отцѣ, потому что черезъ обнаруженный теперь видъ Своей славы Онъ показываетъ, и какимъ образомъ Онъ Самъ раждается равнымъ Отцу, и какъ Духъ Ихъ Обоихъ исходитъ совѣчнымъ Тому и Другому. Тогда то мы ясно увидимъ, какимъ образомъ то, что должно родиться, не слѣдуетъ за тѣмъ, отъ чего раждается,—какимъ образомъ Тотъ, Кто производится черезъ исхожденіе, не является позже Его произведшихъ».

Въ такомъ видѣ это мѣсто стоитъ въ изданіяхъ твореній Григорія—Римскомъ 1588 г., Антверпенскомъ 1572 г., Парижскомъ 1523 г. и Базельскомъ 1564 г. Оказывается такимъ образомъ, Іоаннъ читалъ: «какимъ образомъ отъ Того и Другого Духъ Обоимъ совѣчный исходитъ», а въ печатныхъ изданіяхъ читаемъ: «какимъ образомъ Духъ Того и Другого совѣчный исходитъ»; мало того, въ печатныхъ изданіяхъ прибавлена еще фраза, утверждающая даже исхожденіе Св. Духа отъ Сына, а Іоаннъ ее опускаетъ, хотя она слѣдуетъ непосредственно за приведенными имъ словами, чего онъ, конечно, не сдѣлалъ бы, если бы она заключалась въ тѣхъ спискахъ твореній Григорія, которыми онъ пользовался. Изъ этого слѣдуетъ, что приведенное мѣсто Григорія разными поддѣлывателями и различнымъ образомъ испорчено.

Поврежденіе XXXII.

Во II кн. «діалоговъ» *Григорія Великаго,* въ послѣдней главѣ во всѣхъ изданіяхъ его твореній стоятъ слѣдующія слова: «такъ какъ извѣстно, что Утѣшитель всегда исходитъ отъ Отца и Сына, то почему Сынъ говоритъ, что Онъ уйдетъ для того, чтобы Утѣшитель пришелъ, Который никогда съ Сыномъ не разстается?»

Между тѣмъ въ греческомъ переводѣ діалоговъ Григорія, сдѣланномъ 175 лѣтъ спустя послѣ ихъ появленія папою Захаріею [1]), словъ: «отъ Отца и Сына всегда исходитъ» нѣтъ, а вмѣсто нихъ стоятъ: «отъ Отца исходитъ и въ Сынѣ пребываетъ», что можно видѣть въ Римскомъ изданіи перевода твореній Григорія 1588 г. Но тутъ же издатель перевода замѣчаетъ: «пусть читатель обратитъ вниманіе на слова, находящіяся въ 9-й строкѣ (страницы): φανερὸν οὖν ὑπάρχει, ὅτι τὸ Παράκλητον Πνεῦμα ἐκ τοῦ Πατρὸς προέρχεται καὶ ἐν τῷ Υἱῷ διαμένει, т. е. извѣстно, что Духъ Утѣшитель отъ Отца исходитъ и въ Сынѣ пребываетъ. У Григорія, т. е. по-латини, я ихъ читалъ совсѣмъ не такъ, а именно: извѣстно, что Утѣшитель Духъ всегда исходитъ отъ Отца и Сына. Отсюда ясно вытекаетъ, что переводъ папы Захаріи былъ испорченъ впослѣдствіи греками, какъ это замѣтилъ Іоаннъ Діаконъ». Ссылается тутъ издатель на Іоанна Діакона, который въ IV кн. «жизни Григорія Великаго», номеръ LXXV, стр. 133 (т. I твореній Григорія—Римское изданіе 1588 г.) говоритъ: «эти книги (т. е. діалоги Григорія) Захарія, епископъ святой Римской Церкви, отлично знавшій греческій и латинскій языкъ, во времена императора Константина [2]) спустя почти 175 лѣтъ (послѣ) распространилъ между восточными Церквами, переведя на греческій языкъ; но коварные греки по своей испорченности тамъ, гдѣ упоминается объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, уничтожили имя Сына, вездѣ его вычеркивая».

Но почему же не допустить, что эти слова Іоанна вставлены латинскими поддѣлывателями, видѣвшими, что греческій переводъ Захаріи обличаетъ ихъ поддѣлку? Дѣло въ томъ, что означенный Іоаннъ жилъ во времена папы Іоанна VIII, которому и посвятилъ свое «жизнеописаніе Григорія», между тѣмъ папа Іоаннъ VIII совсѣмъ не допускалъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, что мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Спрашивается, какимъ образомъ посвятившій ему свою книгу могъ бы въ ней смѣло разбивать

---

[1]) Григорій Двоесловъ былъ папою съ 590—604 г., Захарія—съ 741—752. *Прим. пер.*

[2]) Константинъ IV Копронимъ съ 741—775. *Прим. пер.*

мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца? [1]) Однако, кто-бы ни былъ авторъ этого замѣчанія, чѣмъ, спрашивается, онъ доказалъ, что слова Григорія испорчены скорѣе греками, а не латинянами? Ничѣмъ. Единственное доказательство у латинянъ того, что это мѣсто испортили таки греки: «я читалъ иначе его въ латинскомъ текстѣ»; но насколько силенъ этотъ аргументъ, видно изъ приведенныхъ нами поврежденій латинянами текстовъ писаній св. Отцовъ. Далѣе — Іоаннъ Діаконъ говоритъ такъ, какъ будто не въ его время, а гораздо раньше греки испортили слова Григорія. Между тѣмъ латиняне доказываютъ, что только Фотій возбудилъ мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного Отца; но ихъ словамъ, до Фотія никто, кромѣ иконоборцевъ, не держался этого ученія. Выходитъ по словамъ латинянъ, что иконоборцы испортили приведенное мѣсто. Но это явный абсурдъ. Ибо какимъ образомъ греки каѳолики, уча, по словамъ латинянъ, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына, не замѣтили бы сейчасъ этой поддѣлки еретиковъ? Какъ могли бы они допустить такіе испорченные списки, не опасаясь, что всѣ греческіе списки такъ превратно будутъ читать это мѣсто? Но дѣло въ томъ, что Іоаннъ Діаконъ говоритъ не о какихъ-нибудь еретикахъ, извратившихъ слова Григорія, а ставитъ это въ вину всѣмъ вообще грекамъ: «коварные и испорченные греки, говоритъ онъ, уничтожили имя Сына», и говоритъ въ такомъ же смыслѣ, какъ раньше замѣтилъ: «эти книги Захарія распространилъ въ греческихъ церквахъ». Какъ же все это согласить одно съ другимъ? Ясно однако изъ словъ Іоанна, что греческія церкви послѣ того, какъ Захарія перевелъ діалоги Григорія на греческій языкъ, держались исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца; а что касается его возраженія, что указанное мѣсто испорчено греками, то всякій, кто возьметъ во вниманіе безчисленныя поддѣлки латиня-

---

[1]) А между тѣмъ, если слова эти принадлежатъ Іоанну Діакону, то выходитъ, что именно онъ, замѣтивши отступленіе греческаго перевода отъ латинскаго списка, очевидно, испорченнаго латинянами, и будучи поборникомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, обвинилъ восточниковъ въ намѣренномъ отступленіи отъ латинскаго списка.

Прим. пер.

нами писаній ихъ Отцовъ Церкви, не станетъ отрицать, что въ этомъ случаѣ скорѣе нужно признать вѣрнымъ греческій переводъ, чѣмъ латинскій текстъ.

Поврежденіе XXXIII.

Исидоръ [1]) Гиспаленскій въ VII кн., гл. III своего сочиненія «о началахъ» во всѣхъ изданіяхъ его трудовъ, говоритъ: «Духа Святаго потому нужно признавать Богомъ, что Онъ исходитъ отъ Отца и Сына и имѣетъ Ихъ сущность; и не могло изойти отъ Отца иное, какъ то, что есть Самъ Отецъ».

Но что это мѣсто испорчено, ясно слѣдуетъ изъ того, что въ приводимомъ основаніи, почему Духъ Святый есть Богъ, исходя отъ Отца и Сына, Исидоръ упомянулъ объ Одномъ только Отцѣ: «ибо, говоритъ, отъ Отца не можетъ исходить иное, какъ то, что есть Отецъ». Конечно, онъ назвалъ бы при этомъ и Сына, если бы раньше училъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына вмѣстѣ.

Поврежденіе XXXIV.

Тотъ же Исидоръ затѣмъ въ посланіи къ Клавдію Дукѣ пишетъ: «ты опять намъ приводишь возраженіе нѣкоторыхъ грековъ, что на Никейскомъ, или Константинопольскомъ соборѣ запрещено подъ страхомъ анаѳемы что-нибудь убавлять въ символѣ и въ исповѣданіи каѳолической вѣры Св. Аѳанасія, или что-нибудь прибавлять. На этомъ основаніи нѣкоторые изъ грековъ стремятся дерзко упрекать латинянъ за то, что они въ исповѣданіи святой вѣры воспѣваютъ Богу сердцемъ и устами: Который отъ Отца и Сына исходитъ, тогда какъ на вышеуказанныхъ соборахъ было установлено: Который отъ Отца исходитъ. Но св. Римская Церковь утверждаетъ и вѣритъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына. Если сказанное запрещеніе разобрать, какъ слѣдуетъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ запрещеніи убавлять или прибавлять разумѣлось что-нибудь противное (символу)». Прибавивши къ этимъ словамъ много кой-чего другого въ томъ

---

[1]) Жилъ около 636 года. *Прим. пер.*

же родѣ, посланіе затѣмъ пространно доказываетъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына.

Но нельзя никоимъ образомъ приписывать это мѣсто Исидору. Ибо, если въ его время (т. е. въ VII в.) латинская церковь допускала Filioque (и отъ Сына), то какимъ образомъ по общему согласію латинянъ эта прибавка вслѣдъ затѣмъ была уничтожена? Дѣло въ томъ, что тѣ, кто внесъ эту прибавку въ концѣ VIII в. въ латинскихъ церквахъ, утверждаютъ нарочито, что задолго до этого времени догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына вслѣдствіе какой-то косности учителей оставался въ небреженіи. Такъ выражались анокрисіаріи Ахенскаго собора, отправленные въ Римъ въ 809 году. Значитъ, до этого времени не было и рѣчи объ этомъ догматѣ. Дѣйствительно, въ VII вѣкѣ, когда писалъ Исидоръ, латиняне не отстали отъ общенія съ восточниками, которые будто бы упрекали ихъ, что они нарушили постановленіе вселенскихъ соборовъ и потому подлежатъ анаѳемѣ. Между тѣмъ впослѣдствіи, когда латиняне прибавили Filioque, Восточна Церковь въ самомъ дѣлѣ предала ихъ анаѳемѣ, какъ подновителей символа. Но въ VII в., повторяю, никакіе расколы, несогласія и раздоры не раздѣляли еще Церквей, и жили онѣ въ согласіи и дружествѣ до временъ VII вселенскаго собора. Изъ всего этого слѣдуетъ, что приведенныя выше слова не могли быть сказаны Исидоромъ.

Поврежденіе XXXV.

Баронiй подъ 860 годомъ, номеръ XXXII, и Биній въ примѣчаніяхъ къ Римскому собору папы *Агаѳона* утверждаютъ, что въ соборномъ посланіи этого папы и собора 250 [1]) латинскихъ епископовъ слова: «вѣрую въ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго» испорчены, т. е. пропущено при этомъ: «и отъ Сына». Поэтому одинъ позднѣйшій іезуитъ [2]) настаиваетъ на чтеніи словъ Агаѳона: «отъ Отца и Сына исходящаго».

---

[1]) На этомъ соборѣ присутствовало не 250, а 125 епископовъ. *Прим. пер.*

[2]) Пиховій, т. II, стр. 23 «объ исхожденіи Св. Духа».

Но во всѣхъ какъ греческихъ, такъ и латинскихъ изданіяхъ актовъ VI вселенскаго собора [1]), къ которому писалъ свое посланіе папа Агаѳонъ и собранные имъ латинскіе епископы, слова Агаѳона стоятъ только въ такомъ видѣ: «Который отъ Отца исходитъ»,—такъ, значитъ, стояло и въ рукописныхъ спискахъ. Откуда же видно, что Агаѳонъ читалъ съ прибавкой: «отъ Отца и Сына исходитъ»? Напротивъ отсюда слѣдуетъ ясно, что слова Агаѳона были: «отъ Отца исходитъ», и никто поэтому изъ латинянъ, или изъ олатинившихся грековъ никогда не ссылался на слова Агаѳона, доказывая исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына. А между тѣмъ они, ища повсюду доказательствъ для своего ученія, знали, конечно, акты вселенскаго собора и стали бы опираться на слова Агаѳона, если бы нашли ихъ въ актахъ. Слѣдуетъ далѣе замѣтить, что Гинкмаръ, Реймскій архіепископъ, живший во-время Фотія (въ IX в.), приводя въ своей книгѣ «о троичномъ божествѣ» (т. I его твореній, стр. 431) слова папы Агаѳона, читаетъ ихъ: «Который отъ Отца исходитъ; Наконецъ самъ Пиѳей (Pithoeus) совершенно отрицаетъ поврежденіе словъ Агаѳона, хотя вслѣдствіе словъ Баронія, которыми онъ введенъ былъ въ заблужденіе, онъ полагаетъ, будто на это поврежденіе жаловался Юліанъ во Флоренціи на соборѣ, а раньше его указывалъ на это Калека. Вотъ что онъ говоритъ въ «исторіи ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына», помѣщенной среди его мелкихъ сочиненій, на стр. 31: «изъ этого также явствуетъ, что Кардиналъ Юліанъ напрасно жаловался на грековъ, будто они испортили посланіе папы Агаѳона и Римскаго собора къ шестому вселенскому собору въ той части, въ которой излагается символъ вѣры по формулѣ Константинопольскаго собора объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца, въ чемъ, говорятъ, раньше него упрекалъ грековъ и Мануилъ Калека».

Какое-же, спрашивается, имѣютъ латиняне основаніе утверждать, что это мѣсто испорчено греками? Бароній подъ 680 годомъ (номеръ XXII), разсуждая о VI вселенскомъ соборѣ, говоритъ: «въ томъ истинномъ изложеніи каѳолической вѣры, которое написано

[1]) Соборъ этотъ происходилъ въ 680 году. *Прим. пер.*

св. соборомъ въ томъ же соборномъ посланіи, по ошибкѣ переписчиковъ допущена ложь. Именно—вмѣсто того, чтобы тамъ стояло: вѣруемъ въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, исходящаго отъ Отца и Сына,—съ пропускомъ:—и отъ Сына—осталось только:—отъ Отца исходящаго. Эта поддѣлка грековъ открыта на Флорентинскомъ соборѣ Кардиналомъ св. Римской церкви Юліаномъ въ преніи, которое онъ имѣлъ съ греками,—но еще задолго до него замѣтилъ ее и заклеймилъ въ своихъ комментаріяхъ къ заблужденіямъ грековъ греческій писатель Мануилъ Калека». Отличный доводъ: изъ символа VII вселенскаго собора греки вычеркнули выраженіе и отъ Сына», какъ доказываютъ Юліанъ и Калека; значитъ, и въ посланіи Агаѳона это—«и отъ Сына» вычеркнуто. Почему же въ такомъ случаѣ не утверждать, что греки вычеркнули также это выраженіе и изъ символа II, III, IV, V и VI вселенскихъ соборовъ? Конечно, изъ способа разсужденія Баронія слѣдовало и такое заключеніе; этого требовала правильная аргументація. Однако нами было доказано въ главѣ о поврежденіяхъ писаній восточныхъ Отцовъ латинянами, что символъ VII вселенскаго собора отнюдь не былъ поврежденъ греками, а скорѣе списокъ Юліана былъ испорченъ намѣренно и съ злымъ умысломъ; тамъ же было указано, насколько неосновательно ссылался на Калеку въ своихъ доводахъ Бароній. И такъ какъ яснѣе Божьяго дня, что греки не извращали символа VII собора, то пусть судятъ всѣ, на основаніи какого аргумента Бароній вывелъ заключеніе, что соборное посланіе папы Агаѳона испорчено греками.

Равнымъ образомъ, желая доказать это, іезуитъ Биній въ своихъ примѣчаніяхъ къ Римскому собору Агаѳона говоритъ: «нужно замѣтить, что на Флорентинскомъ соборѣ Юліанъ, Кардиналъ св. Римской церкви, въ преніи, которое онъ велъ противъ грековъ, послѣ Мануила Калеки замѣтилъ, что греческіе поддѣлыватели испортили посланіе Агаѳона, именно:—въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояло: вѣруемъ въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, отъ Отца и Сына исходящаго,—они вычеркнули слова: —и отъ Сына. На это мы указываемъ любящему истину читателю и предлагаемъ замѣтить, чтобы онъ не удивлялся, когда мы

ниже скажемъ: акты VI собора, въ томъ въ особенности, что они утверждаютъ о папѣ Римскомъ Гонорiи, извращены лживостью грековъ». Такъ неосновательно разсуждаетъ Биній о VI вселенскомъ соборѣ, введенный въ заблужденіе Бароніемъ, говорившемъ то же о VII соборѣ. Оба они утверждаютъ, что на Флорентинскомъ соборѣ Кардиналъ Юліанъ, а раньше его Калека признавали посланіе Агаѳона испорченнымъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ слѣда ни въ актахъ Флорентинскаго собора, ни въ книгахъ Калеки, такъ что заявленіе Бинія—обратить вниманіе на лживость грековъ представляется смѣшнымъ, равно какъ и его обращеніе къ любящему истину читателю. И Бароній также напрасно заявлялъ: «открыта лживость грековъ». Открыта, можно сказать въ данномъ случаѣ, лживость, но не грековъ.

Поврежденіе XXXVI.

Въ Римскомъ «чинѣ совершенія божественныхъ таинствъ», помѣщенномъ среди древнихъ писателей о божественныхъ таинствахъ, изданныхъ Мельхіоромъ Гитторпіемъ въ Римѣ въ 1601 г., святой символъ читается съ прибавкою «и отъ Сына». Между тѣмъ тутъ же въ томъ мѣстѣ, гдѣ символъ читается по-гречески, стоитъ только: «отъ Отца исходящаго». Спрашивается, какимъ образомъ Римская церковь при чтеніи символа могла бы въ греческомъ текстѣ «и отъ Сына» пропустить, а въ латинскомъ—прибавить? Изъ этого, конечно, видно, что латинскій текстъ символа былъ поврежденъ впослѣдствіи. Ибо какъ могъ уже въ VIII вѣкѣ быть въ ходу символъ съ прибавкою, какъ могла еще раньше читать его такъ Римская церковь, когда тѣ, кто въ концѣ VIII вѣка внесъ въ церковь символъ съ прибавкою, сами сознаются, что задолго до этого времени въ латинской церкви не утвержденъ былъ даже догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына,—какъ то видно изъ записки объ исхожденіи Св. Духа, представленной папѣ Льву III апокрисіаріями Ахенскаго собора, посланными въ Римъ въ 809 году.

Поврежденіе XXXVII.

Беда въ толкованіи на книгу Боеція «о Тройцѣ» (т. VIII его твореній, столб. 938) пишетъ: «греки говорятъ, что Духъ

исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына, именно потому, что въ символѣ, объявленномъ на Никейскомъ соборѣ, этого нѣтъ; мало того, на означенномъ соборѣ было провозглашено: да будетъ анаѳема, кто станетъ учить иначе. Поэтому они утверждаютъ, что мы находимся подъ анаѳемою. Но это ложь, потому что мы не учимъ иначе, т. е. не говоримъ противнаго (символу). Скорѣе они открыто учатъ противно Апостолу, который говоритъ: «такъ какъ Онъ (Богъ Отецъ) послалъ Духа Сына Своего, возглашающаго въ сердцахъ нашихъ: авва (Отецъ)! И многія другія изреченія съ этимъ согласны».

Но Беда не могъ никоимъ образомъ этого писать. Ибо во время Беды [1]) греки не находились внѣ общенія съ латинянами и не предавали ихъ анаѳемѣ; притомъ и на VII вселенскомъ соборѣ, бывшемъ послѣ Беды, не поднималось никакого спора противъ латинянъ по поводу прибавки къ символу, или по поводу догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына.

Поврежденіе XXXVIII.

Утверждаютъ (латиняне) что въ 767 году на одномъ большомъ соборѣ между Галлами и восточниками велось преніе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. При этомъ приводятся для доказательства этого обстоятельства разные латинскіе историки: *Конрадъ Лихтенау* подъ 767 годомъ (Базельское изд. 1569 г., стр. 163) говоритъ: «въ годъ отъ Р. Хр. 767, когда поднятъ былъ вопросъ о Св. Троицѣ и изображеніяхъ святыхъ въ средѣ восточной и западной Церкви, т. е. между греками и римлянами, король Пипинъ созвалъ соборъ въ мѣстечкѣ Салмоніакѣ и по обсужденіи вопроса отправляется въ седьмой разъ въ Аквитанію для окончанія вышеупомянутой войны». *Аймоній,* галльскій монахъ, въ IV кн. «о Франкахъ», гл. LXVII (по Парижскому изд. 1602 г., стр. 203) говоритъ: «когда поднятъ былъ вопросъ о Св. Троицѣ и иконахъ святыхъ среди восточной и западной церкви, т. е. между греками и римлянами, король Пипинъ, назначивши собраніе въ мѣстечкѣ Гентиліакѣ, держалъ соборъ (совѣщаніе) объ этомъ предметѣ и по окончаніи собора отправляется въ Аквита-

[1]) Беда умеръ ок. 735 г. *Прим. пер.*

нію доканчивать вышеупомянутую войну послѣ праздника Рождества Христова». То же говоритъ *Эгингардъ* въ лѣтописи дѣяній Карла Великаго (т. II писателей исторіи Франковъ, изд. Андреемъ Дюшеномъ въ Парижѣ 1636 г., стр. 237). То же опять пишетъ *Регинонъ,* аббатъ Прумієнскій, подъ означеннымъ годомъ (изданъ Іоанномъ Писторіемъ между «древними писателями Германіи» въ Франкфуртѣ 1853 г., стр. 25): «въ годъ отъ воплощенія Господня 767 г. король въ вышеуказанномъ мѣстечкѣ держалъ большой соборъ между греками и римлянами о Св. Троицѣ и иконахъ святыхъ и послѣ этого двинулся въ Аквитанію черезъ Нарбону». То же читаемъ въ «лѣтописяхъ Франковъ отъ 687 до 904 г.» (у Дюшена, стр. 279, т. III): «въ годъ отъ воплощенія Господня 767 Пипинъ имѣлъ соборъ (совѣщаніе) въ Салмунтіакѣ для разрѣшенія спора между греками и римлянами о Св. Троицѣ и иконахъ святыхъ». Авторъ «лѣтописи Франковъ отъ 708 до 808 г.» (во II т. указанной выше исторіи Франковъ, стр. 13) пишетъ: «тогда король въ вышеуказанномъ мѣстечкѣ имѣлъ большой соборъ между греками и римлянами о Св. Троицѣ и объ иконахъ святыхъ и, держа путь въ Аквитанію черезъ Нарбону, взялъ Тулузу». Авторъ «лѣтописи Франковъ отъ 741 до 814 г.» (тамъ же стр. 27) пишетъ: «тогда государь-король Пипинъ имѣлъ большой соборъ въ вышесказанномъ мѣстечкѣ между греками и римлянами о Св. Троицѣ и объ иконахъ святыхъ. И послѣ того выступилъ въ походъ, держа путь въ Аквитанію черезъ Нарбону». То же сообщаетъ и авторъ «лѣтописи отъ 741 до 882 г.» тамъ же т. III, стр. 153). Но наконецъ *Адонъ,* епископъ Віеннскій [1]), въ своей хроникѣ, помѣщенной въ IX томѣ Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 292, говоритъ: «составленъ былъ въ тѣ времена соборъ, въ годъ отъ воплощенія Господня 767, и обсуждался между греками и римлянами вопросъ о Св. Троицѣ, и исходитъ ли Духъ Святый такъ же отъ Сына, какъ отъ Отца, и объ иконахъ святыхъ».

Вотъ всѣ свидѣтельства объ этомъ соборѣ. Но утвержденіе, что на этомъ соборѣ, т. е. въ 767 году, латиняне единодушно

---

[1]) Віенна (Vienne) городъ въ Южной Франціи. *Прим. пер.*

защищали противъ грековъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, не имѣетъ никакого основанія. Противъ этого говоритъ заявленіе апокрисіаріевъ Ахенскаго собора, отправленныхъ въ Римъ въ 809 году, которые въ своей запискѣ объ исхожденіи Св. Духа свидѣтельствуютъ, что только не задолго до этого времени возникъ споръ, исходитъ ли Св. Духъ отъ Сына, или нѣтъ, и что только въ ихъ время и неожиданно для нихъ самихъ вопросъ этотъ выдвинулся. Какимъ же образомъ западники могли единодушно, какъ свидѣтельствуютъ ихъ писатели, защищать противъ грековъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына въ 767 г., если задолго до начала IX вѣка не было и вопроса объ этомъ? Ибо только въ самомъ концѣ VIII вѣка появились поваторы, которые въ латинскихъ церквахъ стали вводить прибавку къ символу, предъ 809 годомъ, какъ указано нами въ своемъ мѣстѣ. Такъ это нововведеніе осуждалъ Альбинъ Алкуинъ, который умеръ въ 804 г. Далѣе—можно ли допустить, что всѣ латинскіе Отцы, присутствовавшіе на соборѣ 767 года, умерли вдругъ послѣ 807 года и что, напротивъ, многіе изъ нихъ не прожили еще нѣсколько времени? Если же допустить, что многіе изъ участниковъ означеннаго собора были въ живыхъ во время Ахенскаго собора, то оказывается невозможнымъ, чтобы тѣ люди, которые задолго до этого времени учили и защищали исхожденіе Св. Духа отъ Сына, могли вмѣстѣ съ апокрисіаріями Ахенскаго собора утверждать, что въ ихъ время догматъ этотъ не былъ извѣстенъ въ латинской Церкви. Если затѣмъ этотъ догматъ возникъ въ это только время, то онъ былъ настолько новъ, что многіе еще среди самихъ латинянъ его опровергали или осуждали, какъ это видно изъ записки апокрисіаріевъ Ахенскаго собора. Какимъ же, слѣдовательно, образомъ уже въ 767 году латиняне единодушно исповѣдывали и защищали противъ восточниковъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына? Какъ въ 767 году не только среди латинянъ возникъ этотъ вопросъ, но, какъ утверждаютъ ихъ писатели, возникъ онъ среди грековъ?—Наконецъ Конрадъ Лихтенауэскій, Аймоній и Эгингардъ упоминаютъ объ обсужденіи одного вопроса на соборѣ 767 года. Между тѣмъ одинъ ли вопросъ тамъ обсуждается? Разсуждаютъ здѣсь объ икопахъ и о томъ, исходитъ ли

Духъ Святый отъ Сына, или нѣтъ? Это два разныхъ вопроса, а не одинъ. Наоборотъ, слова автора лѣтописи Франковъ отъ 741 до 814 года въ III томѣ «чтеній о древнихъ временахъ» Канизія, въ I ч. стр. 196 приведены въ такомъ видѣ: «тогда государь Пипинъ держалъ въ вышеозначенномъ мѣстечкѣ большой соборъ (совѣщаніе) между греками и римлянами о святомъ государствѣ (de sancta civitate), или объ иконахъ святыхъ, и послѣ того выступилъ въ походъ, направляя путь въ Аквитанію черезъ Нарбону». Такимъ образомъ это ясно указываетъ, что одинъ только вопросъ обсуждался на соборѣ, именно—объ иконахъ святыхъ, который касался вмѣстѣ съ тѣмъ и Св. Троицы: вмѣсто слова civitate нужно здѣсь читать Trinitate, иначе не выйдетъ никакого смысла. Дюшенъ въ своей «исторіи писателей Франкскихъ» такъ и читаетъ. Итакъ,—по обоимъ чтеніямъ, въ этомъ мѣстѣ говорится объ обсужденіи одного вопроса на соборѣ—о Троицѣ или объ иконахъ. Слѣдовательно, откуда могъ возникнуть тутъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына? Очевидно, такого вопроса не могло быть, и слова «о Троицѣ» относятся не къ исхожденію Св. Духа, а касаются вопроса объ иконахъ. Именно латиняне, которые отстаивали почитаніе иконъ отъ грековъ, полагали, что сами греки допускали воздаваніе почитанія только Одному Богу; вотъ почему вопросъ объ иконахъ касался Самой Троицы и отсюда произошло выраженіе означенныхъ выше лѣтописцевъ: «обсуждался на соборѣ вопросъ о Св. Троицѣ и иконахъ святыхъ». Позднѣйшіе же латиняне, видя, какую важность пріобрѣлъ споръ объ исхожденіи Св. Духа, прибавили къ словамъ епископа Адона выраженіе: «и о томъ, исходитъ ли Св. Духъ отъ Сына такъ же, какъ и отъ Отца», полагая, что объ этомъ также шли пренія между греками и латинянами на соборѣ 767 г.

Поврежденіе XXXIX.

Еоэрій [1]), епископъ Уксаменскій, и *Беатъ* пресвитеръ въ I кн. «противъ Елипанда, архіепископа Толедскаго»» (т. VIII Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 344) говорятъ: «ни Отецъ не происходитъ отъ двухъ, ни Сынъ, но только Духъ Святый. И

[1]) Еоэрій и Беатъ жили въ Испаніи ок. 783 г. *Прим. пер.*

поэтому Одинъ только Отецъ есть Богъ—ни отъ кого не происходящій), но отъ Себя. Сынъ есть Богъ такъ же, какъ Отецъ, но Богъ отъ Отца, а не отъ Себя. Духъ Святый такъ же Богъ, какъ Отецъ и Сынъ, но и отъ Отца, и отъ Сына Богъ, а не отъ Себя». И вслѣдъ затѣмъ прибавляютъ: «Одинъ только Отецъ отъ Себя Богъ, Тѣ же Двое суть Богъ отъ Одного, т. е. отъ Отца; поэтому и Отецъ—Богъ, и Сынъ—Богъ, и Духъ Святый—Богъ». Въ этихъ послѣднихъ словахъ они учатъ, что отъ Одного только Отца имѣютъ происхожденіе какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый. Какъ же въ предыдущихъ они утверждали, что Духъ Святый также и отъ Сына? Очевидно, это мѣсто испорчено.

Поврежденіе XL.

Адріанъ [1]), папа Римскій, въ посланіи къ королю Франковъ Карлу, въ которомъ опровергаетъ возраженія, выставленныя противъ VII вселенскаго собора, говоритъ (т. VII Соборовъ, столб. 916, дѣяніе III): «выставлялось главное возраженіе по поводу того, что онъ (Тарасій) говоритъ: и въ Духа Святаго Господа и животворящаго, исходящаго отъ Отца черезъ Сына». Обличеніе.—«Не вѣрно думаетъ Тарасій, исповѣдуя, что Духъ Святый исходитъ не отъ Отца и Сына, согласно изложенію вѣры Никейскаго символа, а говоря по принятому имъ на вѣру чтенію, что Онъ исходитъ отъ Отца черезъ Сына». Отвѣтъ. «Этотъ догматъ Тарасій толковалъ не отъ себя, но исповѣдалъ по ученію св. Отцовъ: сущность ученія этихъ Отцовъ мы вкратцѣ изложимъ изъ любви, которую питаемъ къ вашему высочайшему и Богомъ покровительствуемому царскому величеству». И затѣмъ приводятся свидѣтельства латинскихъ Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына.

Обличитель VII вселенскаго собора обвиняетъ Тарасія въ томъ, будто бы онъ сказалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца черезъ Сына, а—не отъ Отца и Сына согласно изложенію вѣры Никейскаго символа. Между тѣмъ только въ это время въ латинскія церкви впервые внесена прибавка къ символу, а

---

[1]) Адріанъ I былъ папою Римскимъ отъ 772 до 795 года. *Прим. пер.*

до тѣхъ поръ она не была извѣстна, что можно доказать свидѣтельствомъ Ахенскихъ апокрисіаріевъ. Спрашивается, какимъ образомъ папа Адріанъ могъ совершенно пройти молчаніемъ эту прибавку къ символу и не возразилъ, что она не имѣетъ никакой силы? Выходитъ, какъ будто уже въ это время (въ концѣ VIII в.) нѣкоторые новаторы прибавили къ символу «и отъ Сына»,—поэтому согласно приведеннымъ выше словамъ Адріанъ относится къ вопросу объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ всѣми принятому и несомнѣнному. А между тѣмъ изъ столько разъ упоминаемой записки Ахенскихъ апокрисіаріевъ видно, что догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына до времени Ахенскаго собора не только не былъ всѣми принятъ и несомнѣненъ, но не былъ извѣстенъ, а не задолго передъ тѣмъ измышленъ и остальными латинянами осужденъ.

Поврежденіе XLI.

Паулинъ [1]), митрополитъ Аквилейскій, разсуждая на Фріульскомъ (Forojuliensi) соборѣ 791 года о Константинопольскомъ символѣ, говоритъ, такъ выразился (т. VII Соборовъ, столб. 994): «Но впослѣдствіи, такъ какъ явились люди, разумѣется, еретики, которые стали утверждать, что Духъ Святый есть Духъ только Отца и исходитъ отъ Одного только Отца, было прибавлено: Который исходитъ отъ Отца и Сына. Такъ стали читать символъ прибавившіе:—отъ Отца и Сына исходящаго,—слѣдуя истинѣ, выраженной въ Евангеліи Филиппу: Филиппъ, сказалъ Господь, кто видитъ Меня, видитъ и Отца Моего. Развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (пребываетъ)?» И затѣмъ дальше пространно доказывается исхожденіе Св. Духа отъ Сына. А въ столбцѣ 996-мъ подведено заключеніе въ слѣдующихъ словахъ: «какъ каѳолически исповѣдали исхожденіе Св. Духа отъ Отца св. Отцы, соединенные крѣпостью вѣры! Какъ славно поступаютъ и тѣ, которые признаютъ, что Онъ исходитъ отъ Отца и Сына!»

Паулинъ такимъ образомъ говоритъ о прибавкѣ къ символу, какъ о предметѣ давно уже существовавшемъ, не имъ и не въ его

[1]) Паулинъ писалъ между 776 и 804 г. Вмѣстѣ съ Алкуиномъ боролся противъ Елипанда Толедскаго и Феликса Оргелитанскаго. *Прим. пер.*

время установленномъ: «Но впослѣдствіи, говоритъ онъ, было прибавлено... прибавившіе читали, слѣдуя и пр.» Между тѣмъ только въ то время, когда происходилъ соборъ въ Фріулѣ, нѣкоторыми новаторами введенъ былъ въ церквахъ символъ съ прибавкою, какъ это явствуетъ изъ словъ Ахенскихъ апокрисіаріевъ. Приходится такимъ образомъ допустить, что употреблявшійся давно съ прибавкой символъ былъ такъ основательно забытъ, что даже самый догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына сталъ неизвѣстенъ среди латинянъ ко времени Ахенскаго собора, такъ какъ апокрисіаріи этого собора свидѣтельствуютъ, что задолго до ихъ времени догматъ этотъ не былъ утвержденъ въ латинскихъ церквахъ. Ясно, что приведенное мѣсто представляетъ поддѣлку. При этомъ поддѣлыватели прибавляютъ, что хотя св. Отцы каѳолически исповѣдали исхожденіе Св. Духа отъ Отца, но они поступаютъ славно, признавая исхожденіе Его отъ Отца и Сына. Что касается насъ, то мы скорѣе склонны слѣдовать изложенію вѣры каѳолическому, чѣмъ славному, ибо основа каѳолической Церкви есть вѣра каѳолическая, а не славная только.

Повреждѣніе XLII.

Альбинъ Алкуинъ [1]) въ I кн., гл. XV своего сочиненія «о Тройцѣ» пишетъ: «Духъ Святый нигдѣ не называется ни нерожденнымъ, ни рожденнымъ, для того чтобы, если бы Его называли нерожденнымъ подобно Отцу, не разумѣлось въ Св. Тройцѣ двухъ Отцовъ; если же назвать Его рожденнымъ подобно Сыну, тогда въ Св. Тройцѣ слѣдуетъ допустить двухъ Сыновей; по истинной вѣрѣ слѣдуетъ назвать Его только исходящимъ отъ Отца и Сына. При этомъ однако Онъ не исходитъ отъ Отца на Сына и отъ Сына для освященія твари, какъ нѣкоторые зломыслящіе утверждаютъ, но исходитъ вмѣстѣ отъ Обоихъ: ибо Отецъ родилъ Сына такимъ, что также точно, какъ отъ Него Самого, такъ и отъ Того (т. е. Сына) исходитъ Духъ Святый.»

Однако во время Альбина Алкуина вопросъ объ исхожденіи Св. Духа не былъ еще рѣшенъ, напротивъ тогда именно въ виду

---

[1]) Алкуинъ—любимецъ и приближенный Карла В., родомъ англосаксъ; ум. ок. 804 г. *Примѣч. перевод.*

споровъ между латинянами по этому поводу императоръ Галліи и Германіи Карлъ вынужденъ былъ созвать соборъ въ Ахенѣ въ 809 году. Объ этомъ мы говоримъ обстоятельно въ главѣ о спорахъ между латинянами по поводу догмата исхожденія Св. Духа отъ Сына,—при чемъ самъ Алкуинъ не одобрялъ прибавки къ символу.

Поврежденіе XLIII.

Рабанъ Мавръ [1]) въ I кн. «о вселенной» (гл. III, т. I стр—59) говоритъ: «Духъ Святый потому признается Богомъ, что исходитъ отъ Отца и Сына и имѣетъ Его сущность.» Какимъ образомъ, спрашивается, Рабанъ Мавръ дѣлалъ бы предпосылку, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, чтобы безъ всякаго основанія выводить заключеніе:— «и имѣетъ Его сущность.» Слѣдовало бы въ такомъ случаѣ заключать: «и Ихъ имѣетъ сущность.» Мы видѣли раньше, что это мѣсто читается также неправильно и у Исидора Гиспаленскаго въ VII кн., гл. III «о началахъ». Но говоря объ Одномъ только Отцѣ, отъ Котораго Духъ Святый исходитъ, и Исидоръ прибавляетъ: «и имѣетъ Его сущность.» Ясно отсюда, что и Рабанъ Мавръ говорилъ объ Одномъ только Отцѣ. Подобно Исидору, далѣе и онъ замѣчаетъ: «ибо ничто иное не могло произойти отъ Отца, какъ то, что есть Самъ Отецъ.» Итакъ, это мѣсто испорчено такъ же въ сочиненіи Рабана Мавра, какъ и у Исидора Гиспаленскаго что мы выше доказали.

Разныя и многочисленныя поврежденія, опровергаемыя однимъ доказательствомъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что многочисленныя мѣста, которыя встрѣчаются по кончинѣ древнихъ латинскихъ Отцовъ въ писаніяхъ послѣдующихъ учителей латинской церкви и въ актахъ соборовъ до конца VIII вѣка, даже въ томъ случаѣ, когда въ нихъ говорится очень подробно объ исхожденіи св. Духа, повреждены или вставлены. Это доказать можно однимъ аргументомъ.

---

[1]) Рабанъ Мавръ, по однимъ Франкъ, а по другимъ—Англосаксъ, былъ ученикомъ Алкуина, род. 785, ум. 856. *Примѣч. перевод.*

Символъ съ прибавкою читаютъ 52 Отца на VIII Толедскомъ соборѣ 653 года; также 12 епископовъ Емеритенскаго собора въ Португаліи (Лузитаніи) 666 года; также 8 епископовъ Бракаренскаго собора въ Галліи 675 года. Самый догматъ исповѣдуетъ соборъ Гельтфельденскій въ Англіи 680 г., на которомъ въ присутствіи прочихъ епископовъ предсѣдательствуетъ Θеодоръ, архіепископъ Англіи. Тотъ же догматъ нѣсколько разъ провозглашаютъ 26 Отцовъ XI Толедскаго собора 675 года. Утверждаютъ, что тоже сдѣлалъ Агаѳонъ съ 225 латинскими епископами, собранными въ Римѣ, въ соборномъ посланіи. Символъ съ прибавкою читаютъ 25 епископовъ XII Толедскаго собора 681 г.; также 48 епископовъ XIII Толедкаго собора 683 года; наконецъ 41 епископъ XV Толедскаго собора 688 г. Самый догматъ затѣмъ нѣсколько разъ провозглашаютъ 59 епископовъ XVI Толедсаго собора 693 г. Символъ съ прибавкою читаетъ XVII Толедскій соборъ 694 г. Объ этомъ догматѣ говоритъ Ильдефонсъ, епископъ Толедскій въ гл. VIII своей книги «о дѣвствѣ Маріи» и Аноній въ III и IV кн. Въ Римскомъ «чинѣ совершенія св. таинъ» въ латинскомъ текстѣ св. символъ встрѣчается съ прибавкою. Затѣмъ, въ «чинѣ посвященія епископа по уставу Галловъ» два раза упоминается исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Объ этомъ говоритъ Беда въ толкованіяхъ на VIII гл. посланія къ Римлянамъ, на XII гл. перваго посланія къ Коринѳянамъ, на IV—къ Галатамъ; въ лѣтней бесѣдѣ на недѣлю «услыши»; въ толкована VII гл. евангелія отъ Іоанна и въ VIII кн. «о шести дняхъ творенія» на слова: «и Духъ Божій носился вверху воды»; въ I кн. «объ основахъ философіи»; въ толкованіи на книгу Боеція «о Тройцѣ» во многихъ мѣстахъ и очень пространно. Утверждаютъ, что на большомъ соборѣ 767 г. латиняне защищали противъ восточниковъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Тотъ же догматъ провозглашаютъ на Франкфуртскомъ соборѣ Италіанскіе епископы въ запискѣ противъ Елипанда; также Еѳерій, епископъ Уксаменскій и Беатъ пресвитеръ въ I и II кн. «противъ Елипанда» въ разныхъ мѣстахъ, причемъ въ I кн. читаютъ символъ съ прибавкою. То же утверждали Галлы, обвиняя VII вселенскій соборъ за то, будто Тарасій сказалъ, что Духъ Святый исходитъ

отъ Отца черезъ Сына. Папа Адріанъ, по мнѣнію Галловъ, въ посланіи къ Карлу, королю Франковъ, защищалъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, которое также провозглашалъ и въ посланіи къ Испанскимъ епископамъ на Франкфуртскомъ соборѣ. То же утверждаетъ Альбинъ Алкуинъ въ I кн. «о Тройцѣ» въ гл. IV, XII и XV и во II кн. въ гл. IX, XI XIX и XX; также въ изслѣдованіи на текстъ: «сотворимъ человѣка по образу» и пр.; далѣе въ кн. «объ употребленіи псалмовъ» ч. II; въ толкованіи на евангеліе Іоанна, на слова: «ученіе Мое—не Мое есть»; также на слова: Ты кто?»; опять—на слова: «когда придетъ Утѣшитель»; въ воззваніи къ Св. Тройцѣ; въ своемъ символѣ; наконецъ въ «книгѣ вопросовъ о Св. Тройцѣ» II вопр.—Тотъ же догматъ утверждаетъ Паулинъ, митрополитъ Аквилейскій, въ кн. «противъ Феликса и Елипанда» и, кромѣ утвержденія догмата, пространно разсуждаетъ въ пользу прибавки къ символу на Фріульскомъ соборѣ 791 года.

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ слѣдуетъ вывести заключеніе, что отъ временъ папы Мартина [1]), до конца VIII вѣка вся латинская церковь явно передавала, учила, проповѣдывала догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и прибавку этого догмата ввела въ символъ и употребляла; что затѣмъ этотъ догматъ былъ извѣстенъ всѣмъ латинянамъ не менѣе догмата рожденія Сына отъ Отца, общимъ согласіемъ подтвержденъ и сомнѣнію никѣмъ не подвергался. Между тѣмъ апокрисіаріи, посланные отъ Ахенскаго собора въ Римъ въ 809 году, въ своей запискѣ объ исхожденіи Св. Духа вопреки прочимъ латинянамъ открыто признаютъ, что догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына былъ введенъ въ латинской церкви во время Григорія Великаго, Іеронима, Августина; но затѣмъ вслѣдствіе какого-то непонятнаго небреженія онъ въ латинской церкви былъ забытъ. Вотъ какими словами начинаютъ свою записку эти апокрисіаріи:— *Бернарій,* епископъ Вормскій, и *Адаларда,* аббатъ Корбейскій (т. VII Соборовъ, столбецъ 1199): «поднятый недавно вопросъ

---

1) Мартинъ сталъ папою въ 649 г. ум. 655 г. близъ Херсонеса и погребенъ во Влахернскомъ храмѣ Богородицы. *Прим. перев.*

объ исхожденіи Св. Духа уже давно былъ разобранъ Св. Отцами самымъ тщательнымъ образомъ. Но такъ какъ уже долгое время онъ оставался въ пренебреженіи у изслѣдователей, то онъ не покоился, какъ обсужденный давнымъ давно, но выплылъ (emersit) вдругъ въ наши времена, какъ нѣчто сокрытое, обстоятельство, которое я, истинно вѣруя, не колеблюсь признать божескимъ внушеніемъ. Ибо нынѣшняя Церковь испытываетъ потрясенія отъ частыхъ столкновеній разныхъ мнѣній для того, чтобы наставленная каѳолическими ученіями, изощренная исповѣданіями правой вѣры, она имѣла силу, принявши наслѣдство сыновъ, жить вѣчно со Господомъ и счастливо царствовать. Но такъ какъ, какъ сказалъ я выше, этотъ вопросъ долго оставлялся изслѣдователями внѣ разсмотрѣнія, то всемогущему Богу угодно было обратить къ нему сердца пастырей, чтобы они, сбросивши съ себя безчувственность небреженія, рукою святого подвига возмогли откопать небесное сокровище. Ибо плугомъ Господняго слова должны пастыри возможно чаще вспахивать поле, чтобы плевелы лукаваго сѣятеля и злое сѣмя не могло уничтожить плодъ чистой пшеницы, или иначе говоря, чтобы летающая повсюду птица ереси не похитила изъ сердецъ малыхъ каѳолическое сѣмя и чтобы гнусныя тернія не могли заглушить чистую жатву Господа. Чтеніе святого слова составляетъ жезлъ опоры для слабыхъ и оружіе для сильныхъ, поражаетъ лукавые ковы враговъ и обѣщаетъ счастливымъ побѣдителямъ вѣчные вѣнцы. И такъ, да отойдетъ далеко отъ пастырей безчувствіе небреженія, да удалится отъ ихъ остраго ума пагубная косность, да оставитъ ихъ члены разслабляющая изнѣженность тѣла и глубокое усыпленіе, и сладкій сонъ пусть обратится въ строгое и спасительное бдѣніе чтенія, дабы тучное поле церкви, засѣянное сѣменемъ учителей, возмогло принести сторицею плоды Всемогущему. А теперь я перейду къ вопросу объ исхожденіи Св. Духа.»

Итакъ, «вопросъ объ исхожденіи Св. Духа, говорятъ апокрисіаріи, уже давно весьма тщательно разобранъ Св. Отцами,» конечно, въ томъ смыслѣ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына (потому что они стоятъ за это исхожденіе), «и такъ какъ, говорятъ они далѣе, этотъ вопросъ долго лежалъ въ небреженіи,

то въ эти времена, какъ бы вовсе невѣдомый, онъ внезапно по волѣ Божіей выступилъ въ Церкви.» Наконецъ, заявляютъ апокрисіаріи, «вопросъ этотъ (т. е. что Духъ Святый исходитъ отъ Сына) долго лежалъ незатрогиваемый никѣмъ; а теперь Богъ возбудилъ сердца пастырей, чтобы они, сбросивши безчувственное небреженіе,» т. е. небреженіе ихъ предшественниковъ, состоявшее въ томъ, что они не учили и не утверждали, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, «снова откопали его изъ небесной сокровищницы и научили остальныхъ.» Такимъ образомъ, апокрисіаріи доподлинно признаютъ, что долго—долго догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына латиняне не исповѣдывали, но угнетаемые какимъ-то оцѣпенѣніемъ небрежности оставляли безъ вниманія. Хотя нѣкогда древніе Отцы его утвердили, но они, воспрянувши отъ сна, снова, по внушенію Божію, его стали утверждать. Если такимъ образомъ задолго до ихъ временъ, т. е. до начала IX вѣка, латиняне игнорировали, или не утверждали исхожденія Св. Духа отъ Сына, то какимъ же образомъ можно допустить, что на столькихъ соборахъ и во множествѣ сочиненій Св. Отцовъ,—отъ временъ папы Мартина вплоть до конца VIII в., это исхожденіе отъ Сына столько разъ утверждается, передается и иногда пространно доказывается? Какимъ образомъ на столькихъ соборахъ Св. символъ встрѣчается читаннымъ съ прибавкою? Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ свидѣтельства, которыя мы выше привели, нарочно выдуманы, или испорчены съ умысломъ.

Слѣдуетъ замѣтить также, что папа Іоаннъ VIII въ посланіи къ Фотію (помѣщенномъ во II т. II ч. собранія каноновъ, заимствованныхъ изъ Греческой церкви, изд. въ Оксфордѣ 1672 г.), говоря о прибавкѣ къ символу, пишетъ слѣдующее: «думаю, что твоему преподобію (reverentiae) хорошо извѣстно, такъ какъ ты мудръ и ученъ, какъ многотрудно убѣдить остальныхъ нашихъ епископовъ такъ думать: ибо никто не можетъ заставить перемѣнить мнѣніе въ столь важномъ дѣлѣ, хотя бы оно недавно возникло и не было утверждаемо въ теченіи многихъ годовъ». Изъ этихъ словъ ясно видно, что происхожденіе прибавки къ символу нельзя относить раньше, какъ къ концу VIII вѣка. Нельзя поэтому допустить, чтобы раньше этого времени,

какъ утверждаютъ постановленія множества соборовъ, бывшихъ въ Галліи, Италіи и Испаніи, въ латинской церкви прибавка эта была въ ходу. Несомнѣнно, что постановленія этихъ соборовъ поддѣланы.

Тоже самое вытекаетъ изъ словъ Альбина Алкуина, который въ своемъ «посланіи къ Ліонскимъ братьямъ» и въ «символѣ каѳолической вѣры» говоритъ: «не вставляйте новаго», слова, приводимыя нами въ другомъ мѣстѣ. Если, слѣдовательно, въ концѣ VIII вѣка, когда писалъ это Алкуинъ, прибавка къ символу считалась новою, только что обнародованною, то отсюда явствуетъ, что многочисленныя мѣста въ постановленіяхъ соборовъ, гдѣ встрѣчается упоминаніе о символѣ съ прибавкою, испорчены.

Итакъ, съ несомнѣнностью можно заключать, что въ очень многихъ мѣстахъ, а если имѣть въ виду писателей и соборы VII и VIII вѣковъ,—въ безчисленныхъ, слова латинскихъ Отцовъ церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына поддѣланы. Нѣтъ поэтому никакого основанія признавать подлинными и другія мѣста латинскихъ Отцовъ, которыя латиняне приводятъ въ доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына; и они могли быть вставлены поддѣлывателями, и во всякомъ случаѣ не могутъ быть признаны иначе, какъ подъ сомнѣніемъ,—тѣмъ болѣе, что тѣ же латинскіе Отцы въ другихъ мѣстахъ ясно учатъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

въ которой доказывается, что Отцы западныхъ Церквей единодушно и согласно до конца VIII вѣка вѣровали въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца.

Въ особой главѣ мы разсмотрѣли, какъ въ первые десять вѣковъ восточныя Церкви вѣрили въ исхожденіе Св. Духа; остается то же сдѣлать по отношенію къ западнымъ церквамъ.

Въ первые два вѣка очень мало писателей появилось на западѣ; извѣстнѣйшій изъ нихъ *Ириней* [1]), епископъ Ліонскій, въ своей книгѣ «объ ересяхъ» нигдѣ не касается догмата объ исхожденіи Св. Духа. Самый древній изъ латинскихъ Отцовъ, сочиненія которыхъ дошли до насъ написанными по-латини, есть Тертулліанъ. Съ него и начнемъ нашъ обзоръ свидѣтельствъ Отцовъ западной Церкви по занимающему насъ вопросу, излагая ихъ по вѣкамъ.

III вѣкъ.

Тертулліанъ [2]) Африканецъ, Карѳагенскій пресвитеръ, въ своей книгѣ «противъ Праксея» (гл. IV, стр. 845, Парижское изданіе Памелія 1616 г.) говоритъ: «выводя Сына не отъинуду, какъ изъ сущности Отца, (признавая) Его ничего недѣлающимъ

---

[1]) Иринеи. уроженецъ Смирны, принялъ мученическій вѣнецъ при Северѣ въ 202 или 208 г. Хотя онъ грекъ по происхожденію, но такъ какъ онъ былъ епископомъ Ліонскимъ (послѣ Поѳина), то его относятъ къ западнымъ Отцамъ. *Прим. пер.*

[2]) Тертулліанъ жилъ при Северѣ и Караколлѣ, ум. въ 220-году. *Прим. пер.*

безъ воли Отца, получающимъ всякую власть отъ Отца, какъ могу я относительно вѣры разрушать монархію (единство власти), которую сохраняю въ Сынѣ, какъ переданную Отцомъ Сыну? Тоже я долженъ сказать и о третьей степени, думая, что Духъ Святый не отъинуду, какъ отъ Отца черезъ Сына».

Въ этихъ словахъ Тертулліанъ, желая показать, откуда берутъ начало Сынъ и Св. Духъ, говоритъ прямо, что Сынъ ни откуда не происходитъ, какъ только изъ сущности Отца, а о Духѣ Святомъ прибавляетъ: «то же я долженъ сказать и о Духѣ Святомъ», называя при этомъ Его третьею степенью (божества). А такъ какъ онъ выводилъ Сына изъ Одного Отца, то равный смыслъ имѣютъ слова Тертулліана, когда онъ прибавляетъ: «полагаю, что Духъ не отъинуду, какъ отъ Отца черезъ Сына.» Въ другомъ мѣстѣ той же книги (гл. VIII, стр. 847) онъ опять выражается: «такимъ образомъ Троица, черезъ соединеніе и сплетеніе степеней (второю степенью называетъ Сына, третьею—Св. Духа), вытекая отъ Отца, и не противорѣчитъ нисколько монархіи, и охраняетъ состояніе домостроительства (οἰκονομίας)». Этими словами онъ снова выводитъ отъ Одного Отца какъ Сына, такъ и Духа Святаго.

Въ сочиненіи *Минуція Феликса* [1]), Римскаго адвоката, «разговоръ между христіаниномъ и язычникомъ», а также въ словахъ *Льва* [2]), епископа Веронскаго, и въ семи книгахъ *Арновія* [3]) Африканскаго «противъ язычниковъ» ничего не встрѣчается объ исхожденіи Св. Духа.

Св. Кипріанъ [4]) въ «словѣ о Св. Духѣ» по подлинному чтенію, которое мы установили въ изслѣдованіи о поврежденіяхъ писаній латинскихъ Отцовъ, выражается такъ: «Духъ Святый, исходящій отъ Отца, четырежды превозносится».

---

[1]) Минуцій—современникъ Тертулліана.

[2]) Левъ—неизвѣстно, когда жилъ.

[3]) Арновій—около 303 года.

[4]) Цецилій Кипріанъ пострадалъ за Христа (обезглавленъ) въ 258 году.

Въ дошедшихъ до насъ книгахъ *Фирміана Лактанція* [1]) не заключается ничего объ исхожденіи Св. Духа. Въ разныхъ мѣстахъ онъ замѣчаетъ только, что пророки говорили по внушенію Духа Святаго,—что Духъ Святый также осѣнилъ Пресвятую Дѣву; но говоря о божескихъ ипостасяхъ, рядомъ съ Отцомъ поминаетъ только Одного Сына. Объясняя, кто происходитъ изъ сущности Отца, снова пропускаетъ Св. Духа,—неизвѣстно,—случайно, или намѣренно. Іеронимъ также отмѣчаетъ, что Лактанцій не допускалъ ипостаси въ Св. Духѣ (II кн. толкованій на посланіе къ Галатамъ, гл. IV). Изъ LXV посланія Лактанція къ Паммахію можно было бы видѣть это яснѣе, если бы дошли до насъ его письма къ Димитріану, хотя тоже, повидимому, разумѣть нужно въ VI, VII и XXIX гл. IV-й кн. и въ IX гл. II книги его «божественныхъ установленій».

IV вѣкъ.

Св. Сильвестръ [2]), епископъ Римскій, въ «молитвѣ противъ заклинателя», по свидѣтельству Іереміи, Константинопольскаго патріарха, приводимому имъ во II «отвѣтѣ Тюбингенцамъ» (на стр. 217 Тюбингенскаго изданія 1584 г.) говоритъ: «Одинъ есть Богъ истинный Отецъ, имѣющій истиннаго Сына, отъ Него рожденнаго, истиннаго Духа Святаго, отъ Него исходящаго».

Иларій [3]), епископъ города Пуатье, во II кн. «о Троицѣ» (стр. 7 Кельнскаго изд. 1611 г.) говоритъ: «(еретики) не постигаютъ Св. Духа, не зная Его употребленія, ни виновника Его (происхожденія)», признавая, такимъ образомъ, одного виновника Св. Духа, а не двухъ. А въ VIII кн. того же сочиненія (на стр. 47) выражается: «отъ Отца исходитъ Духъ истины, но посылается Сыномъ и Отцомъ», чѣмъ приписываетъ Отцу и Сыну общее свойство посылать, а Одному только Отцу—свойство производить Св. Духа. Дальше (на стр. 50) Иларій замѣчаетъ: «Духъ отъ Отца исходитъ, Сыномъ посылается и отъ Сына по-

---

[1]) Лактанцій пользовался большою извѣстностью уже въ началѣ IV-го вѣка, значитъ писалъ въ III вѣкѣ. *Прим. пер.*

[2]) Св. Сильвестръ епископствовалъ въ Римѣ съ 317 по 335 г.

[3]) См. о немъ въ предыдущей главѣ. *Прим. перев.*

лучаетъ». Въ концѣ XII кн. того же сочиненія о Тройцѣ» (стр. 93) въ молитвѣ, обращенной къ Богу—Отцу, Иларій говоритъ: «Мало для меня того, что я должнымъ исполненіемъ моей вѣры и голоса не признаю тварью Господа и Бога Моего, Твоего Единороднаго Іисуса Христа; но я не допускаю также участія имени Его въ Святомъ Твоемъ Духѣ, изъ Тебя (Отца) исшедшемъ и черезъ Него (Сына) посланномъ». И затѣмъ, черезъ нѣсколько строкъ: «Духъ Твой Святый, по Апостолу, глубины Твои проникаетъ и знаетъ [1]) и ходатай предъ Тобою за меня, неложное обо мнѣ говоритъ Тебѣ, и неужели силу Его (Св. Духа) природы, истекающей изъ Тебя (Отца) съ Твоимъ Единороднымъ, я не только назову именемъ творенія, но и обезславлю»? И опять черезъ нѣсколько строкъ: «какъ въ томъ, что Единородный прежде вѣчныхъ временъ есть Твой, оставивши въ сторонѣ всякое двусмысліе рѣчи и трудность пониманія, остается только, что Онъ—рожденъ; такъ и то, что изъ Тебя (Отца) черезъ Него (Сына) Духъ Святый есть Твой, хотя я не охватываю чувствомъ (умомъ), воспринимаю однако совѣстью (сознаніемъ)». Въ концѣ книги (94 стр.): «соблюди, молю, чтобы подобно тому, какъ я покланяюсь Тебѣ, Нашему Отцу и вмѣстѣ съ Тобою Твоему Сыну, я заслужилъ (удостоился) такъ же и Святаго Твоего Духа, Который изъ Тебя черезъ Твоего Единороднаго есть (происходитъ)». Наконецъ, въ VIII кн. «о Тройцѣ» Иларія находимъ слѣдующее мѣсто (стр. 49): «пусть слушаютъ при этомъ, какъ Сынъ свидѣтельствуетъ объ единствѣ Своей природы съ Отцомъ (съ природою Отца). Именно, Онъ говоритъ: когда придетъ тотъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца Моего исходитъ, Онъ будетъ свидѣтельствовать обо Мнѣ. Утѣшитель придетъ и Его пошлетъ Сынъ отъ Отца; и Онъ есть Духъ истины, Который исходитъ отъ Отца. Пусть мечетъ вся школа еретиковъ стрѣлы своего ума и пусть ищетъ, что можно выдумать для невѣжды: и пусть скажетъ (научитъ), въ чемъ заключается то, что Сынъ посылаетъ отъ Отца. Кто посылаетъ, показываетъ свою власть надъ тѣмъ, что посылаетъ;

[1]) 1 Кор. II, 10.

но какъ понимать посылаемое отъ Отца, какъ принятое и отпущенное, или какъ рожденное? Ибо необходимо обозначить однимъ изъ этихъ качествъ то, что Онъ (Сынъ) пошлетъ отъ Отца,—а пошлетъ Онъ отъ Отца Того Духа истины, Который отъ Отца исходитъ. Поэтому не можетъ уже быть принятія тамъ, гдѣ доказано исхожденіе. Остается намъ утвердить нашу мысль относительно того, слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ полагать обнаруженіе (выходъ) существующаго, или исхожденіе (появленіе) рожденнаго».

У писателей IV вѣка:—испанца *Григорія* [1]), Бетійскаго (въ его запискѣ «противъ Аріанъ»), *Оптата* [2]), Миллевитанскаго («VII книгъ противъ Парменіана»), *Паціана* [3]) (творенія), *Фебадія* [4]), («книга противъ Аріанъ»), наконецъ *Фавста* [5]), діакона Римскаго (творенія) не встрѣчается ничего объ исхожденіи Св. Духа.

Филястрій [6]), епископъ Брешіанскій, въ своемъ сочиненіи «ересь о существѣ Отца и Сына» (т. IV Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 601) говоритъ: «три суть лица, живущія вѣчно и равныя во всякомъ величіи и власти; однако Сынъ и Духъ Святый суть собственно отъ Отца».

Дамасъ [7]), папа Римскій, въ своемъ символѣ (т. IX твореній Іеронима, изд. въ Парижѣ 1602 г. столб. 157) говоритъ: «въ этой Троицѣ мы почитаемъ Одного Бога, ибо то, что есть (происходитъ) отъ Одного Отца, есть одной съ Нимъ природы, одной сущности и одного могущества». Въ этихъ словахъ Дамасъ ясно учитъ, что Сынъ и Духъ Святый происходятъ отъ

---

[1]) Епископъ въ Испаніи—около 370 г.

[2]) Епископъ въ Нумидіи—около 380 г.

[3]) Епископъ Барцилонскій—около 370 г.

[4]) Епископъ Аквитанскій, ум. въ 392 г.

[5]) Жилъ при императорахъ Валентиніанѣ, Θеодосіи и Аркадіи въ концѣ IV вѣка.

[6]) Современникъ и близкій къ Амвросію Медіоланскому человѣкъ, ум. ок. 386 г. *Прим. пер.*

[7]) Дамасъ взошелъ на престолъ въ 366 г., ум. въ 384 г. *Прим. пер.*

Одного Бога Отца»; отсюда онъ и дѣлаетъ заключеніе, что въ Тройцѣ Сынъ и Духъ Святый съ Отцомъ составляютъ Одного Бога, ибо, «что отъ Одного Отца происходитъ, то есть одной природы съ Отцомъ», причемъ подразумѣвается посылка: а Сынъ и Духъ Святый происходятъ отъ Одного Отца. Въ такомъ видѣ аргументація Дамаса совершенно понятна. Далѣе, тотъ же Дамасъ издалъ съ согласія многихъ епископовъ, собравшихся на соборѣ въ Римѣ, исповѣданіе вѣры, которое затѣмъ послано было къ Паулину, Антіохійскому епископу. Въ этомъ посланіи послѣ многихъ анаѳемъ тѣмъ, кто превратно мыслитъ о Сынѣ Божіемъ, такъ излагается ученіе о Духѣ Святомъ (у Ѳеодорита, V кн. церковной исторіи, гл. IX т. III его твореній, стр. 721; у Никифора Каллиста XII кн. церковной исторіи, гл. XVIII и у Августина CXXIX рѣчь «о времени»): «если кто не признаетъ (не станетъ говорить), что Духъ Святый есть (происходитъ) отъ Отца истинно и въ собственномъ смыслѣ подобно тому, какъ происходитъ изъ существа божественнаго Сынъ,—Богъ и Божіе Слово,—да будетъ анаѳема. Если кто не признаетъ, что Духъ Святый все можетъ и все знаетъ, и вездѣсущъ, какъ и Сынъ и Отецъ, да будетъ анаѳема. Кто не признаетъ, что Отецъ сотворилъ все, т. е. видимое и невидимое, черезъ Сына, принявшаго плоть, и черезъ Духа Святаго,—да будетъ анаѳема. Если кто не признаетъ, что Духу Святому принадлежитъ отъ всякой твари поклоненіе равное съ Отцомъ и Сыномъ,—да будетъ анаѳема. Если кто право мыслитъ объ Отцѣ и Сынѣ, а о Духѣ Святомъ праваго мнѣнія не имѣетъ, тотъ-еретикъ».

Въ этомъ пространномъ исповѣданіи Дамаса и прочихъ латинскихъ епископовъ, въ которомъ излагается ученіе о божественной сущности и происхожденіи Св. Духа,— ничего не прибавляется относительно Его исхожденія отъ Сына; а такъ какъ указывается тутъ Одинъ только Отецъ, какъ Его производитель, то явно отсюда вытекаетъ заключеніе, что въ это время латинскій міръ не признавалъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Далѣе,—во всѣхъ этихъ анаѳематствованіяхъ, тамъ, гдѣ Отцы вѣрили, что по отношенію къ Св. Духу Сынъ въ чемъ-нибудь сходится съ Отцомъ, они всегда къ Отцу присоединяли и Сына,

какъ всякій это можетъ видѣть; между тѣмъ въ изъясненіи начала (происхожденія) Св. Духа они отнюдь къ Отцу не присоединяютъ Сына, но устанавливаютъ, что Духъ Святый происходитъ истинно и въ собственномъ смыслѣ отъ Отца только, даже прибавляютъ: «такъ же отъ Отца, какъ и Сынъ». Такимъ образомъ Отцы доказываютъ, что между Сыномъ и Духомъ Святымъ то общее свойство, что Тотъ и Другой происходятъ именно отъ Отца,—но не приписываютъ Сыну съ Отцомъ общее свойство въ томъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Того и Другого. Наконецъ, анаѳема Дамаса и остальнаго собора латинскихъ епископовъ произнесена противъ ересиковъ Македоніанъ, богохульно утверждавшихъ, что Духъ Святый есть тварь Сына. Отсюда въ анаѳемы включено выраженіе: «кто утверждаетъ, что Духъ Святый сотворенъ черезъ Сына, да будетъ анаѳема». Но если кто полагаетъ, что Духъ Святый сотворенъ Сыномъ, то тѣмъ самымъ онъ отрицаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына,—такъ что на этомъ даже основаніи означенные *св. латинскіе* Отцы, если бы дѣйствительно они утверждали, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, включили бы въ свои анаѳемы подобное мнѣніе, и тѣмъ болѣе они прибавили бы анаѳему и за это мнѣніе, что раньше они опредѣлили анаѳему тому, кто не вѣрилъ, что Духъ Святый происходитъ отъ Отца. *Само собою понятно*, что еретики, называя Духа Святаго тварью Сына, тѣмъ самымъ отрицали, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ Дамасъ и остальной соборъ латинянъ упоминаютъ въ своемъ посланіи, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, то отсюда явствуетъ, что у нихъ не было вѣрованія въ исхожденіе Св. Духа также и отъ Сына.

Но относительно приведенныхъ словъ Дамаса Баронія возражаетъ, что это мѣсто испорчено. Такъ, подъ 867 годомъ онъ говоритъ: «Самъ Дамасъ утверждаетъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына въ анаѳематствованіяхъ, приложенныхъ къ посланію, написанному къ Паулину, епископу Антіохійскому, и злонамѣренно поддѣланному Ѳеодоритомъ, который вопреки Кириллу Александрійскому отвергалъ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына. Между тѣмъ настоящее чтеніе написаннаго Дамасомъ заключается въ

Кресконіанскомъ [1]) сборникѣ, самомъ древнемъ, гдѣ оно изложено такими словами: Духъ Святый не есть только Духъ Отца, или только Духъ Сына. Ибо написано: кто возлюбитъ міръ, нѣтъ Духа Отца въ немъ. Также написано: а кто не имѣетъ Духа Христа, тотъ-не Его [2]). Итакъ, при названіи Отца и Сына разумѣется и Духъ Святый, о Которомъ Сынъ въ евангеліи говоритъ: такъ какъ Духъ Святый отъ Отца исходитъ [3]); и еще: отъ Моего возьметъ и объявитъ вамъ [4]). Вотъ самое точное и самое естественное чтеніе словъ Дамаса у Кресконія, и изъ этихъ словъ съ необходимостью слѣдуетъ выводъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына.

Кромѣ того, это же мѣсто изъ посланія Дамаса приводитъ по греческимъ источникамъ, самымъ чистымъ и незамутненнымъ ногами поддѣлывателей, патріархъ Константинопольскій Геннадій въ слѣдующихъ словахъ: Дамасъ, святѣйшій предстоятель Рима, жившій во времена II Константинопольскаго собора, въ исповѣданіи каѳолической вѣры, которое этотъ папа послалъ сюда (на соборъ) къ Паулину, епископу Антіохійскому, говоритъ вотъ что: вѣруемъ во единаго истиннаго Бога Отца, Сына и Духа Святаго, Творца видимыхъ и невидимыхъ, черезъ Котораго все сотворено, что находится на небѣ и на землѣ; вѣруемъ, что это Одинъ Богъ и Одна Троица божественнаго имени: Отецъ, Который не есть Сынъ, но имѣетъ Сына, Который въ свою очередь не есть Отецъ; Сынъ, Который не есть Отецъ, но Сынъ Божій по природѣ; Духъ же Утѣшитель не есть ни Отецъ, ни Сынъ, но исходитъ отъ Отца и Сына».

Такъ разсуждаетъ Бароній. Но кому не покажется удивительнымъ такое легкомысліе? По его мнѣнію, анаѳематствованія Дамаса испорчены Ѳеодоритомъ и въ нихъ уничтожено утвержденіе исхожденія Св. Духа отъ Сына. Но развѣ раньше Ѳеодорита Августинъ въ CXXIX рѣчи «о времени» не приводилъ тѣхъ же

---

[1]) Кресконій, епископъ Африканскій, жилъ ок. 695 г. и написалъ «сборникъ правилъ», изд. въ Парижѣ въ 1609 и 1661 г.

[2]) Рим. VIII, 9.

[3]) Іоан. XV, 26.

[4]) Іоан. XVI, 14. *Прим. перевод.*

словъ Дамаса по-латини? Какъ же у Баронія хватаетъ смѣлости возражать, что они испорчены Ѳеодоритомъ? Да и логиченъ-ли выводъ: Ѳеодоритъ защищалъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца,—значитъ, изъ посланія Дамаса, имъ цитируемаго, онъ выкинулъ слова, въ которыхъ утверждалось исхожденіе Св. Духа отъ Сына? Но внѣ всякаго сомнѣнія, что приводимыя слова Дамаса изъ Кресконіанскаго сборника, или изъ другого писанія Дамаса,—измышлены и не должны быть принимаемы вмѣсто словъ Дамаса, приводимыхъ въ исторіи Ѳеодорита и Никифора Каллиста. Ибо свидѣтельство Августина ясно доказываетъ, что чтеніе Ѳеодорита и Никифора подлинное. Поэтому, выводъ изъ словъ Кресконіанскаго сборника исхожденія Св. Духа отъ Сына нельзя не назвать ложнымъ, какъ мы это указывали въ другомъ мѣстѣ. Что же касается Геннадія, то теперь не стоитъ о немъ и говорить, такъ какъ онъ самъ приводитъ означенное мѣсто изъ посланія Дамаса, не откопавши его въ какихъ-нибудь греческихъ памятникахъ, какъ легкомысленно заявляетъ Баронiй, но слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Іоанну Провинціалу, который ссылался на это мѣсто изъ исповѣданія Дамаса къ Паулину на Флорентинскомъ соборѣ, такъ что по справедливости заслуживаетъ всякаго порицанія легкомысленная болтовня недостойная такого мужа, какъ Баронiй, когда онъ утверждаетъ, что Геннадій открылъ измышленное чтеніе исповѣданія Дамаса въ чистѣйшихъ греческихъ источникахъ, незамутненныхъ потами поддѣлывателей. Мало того: въ Кресконіанскомъ сборникѣ говорится одно, а у Геннадія другое. Какимъ же образомъ древнѣйшій Кресконіанскій текстъ и чистѣйшіе источники, изъ которыхъ черпалъ Геннадій, не сходятся между собою? Между тѣмъ, что слова, приводимыя Геннадіемъ, не встрѣчаются въ Кресконіанскомъ текстѣ, доказываетъ то обстоятельство, что Баронiй приводитъ не эти слова, а другія вмѣсто нихъ. Итакъ, если, по Баронію, въ одномъ и томъ же посланіи Дамаса, вмѣсто однихъ и тѣхъ же словъ, передаются два различные текста Кресконіемъ и Геннадіемъ, то отсюда явно вытекаетъ, что одинъ изъ нихъ отнюдь не принадлежитъ Дамасу, но злонамѣренно вставленъ кѣмъ-то другимъ. При чемъ же остаются чистѣйшіе источники

и при чемъ Кресконіанскій текстъ? Для всѣхъ ясно, что Бароній измышляетъ, привыкши изъ мухи дѣлать слона.

Между сочиненіями, въ которыхъ рѣчь идетъ о происхожденіи лицъ Св. Троицы, дошла до насъ въ неповрежденномъ видѣ книга нѣкоего обратившагося изъ іудейства въ христіанство *Исаака*, озаглавленная «о Св. Троицѣ». О томъ, что такую книгу выпустилъ въ свѣтъ Исаакъ, свидѣтельствуетъ уже въ его вѣкъ жившій Геннадій [1]), Массалійскій въ своемъ «каталогѣ знаменитыхъ мужей», въ гл. XXVI. Вотъ что онъ говоритъ. «Исаакъ написалъ очень темную по мыслямъ и языку книгу о трехъ лицахъ Св. Троицы и воплощеніи Господа. Въ ней онъ утверждаетъ, что въ одномъ божествѣ заключаются три лица такъ однако, что въ каждомъ есть нѣкоторая особенность, которой нѣтъ въ другомъ, а именно: Отецъ имѣетъ то свойство, что Самъ будучи безъ начала, есть начало другихъ; Сынъ имѣетъ то свойство, что, будучи рожденъ, Онъ—не ниже Родившаго; Духъ имѣетъ то свойство, что Онъ не сотворенъ и не рожденъ, и однако происходитъ отъ другого».

Это сочиненіе Исаака находится между догматическими трудами пяти писателей, изданныхъ въ первый разъ іезуитомъ Іаковомъ Сирмондомъ, въ Парижѣ въ 1630 г. Тутъ Исаакъ на стр. 141 говоритъ: «такъ какъ эти трое суть истинно трое, имѣющіе каждый свои свойства, изъ того что Отецъ и не сотворенъ, и не изъ кого-нибудь (другого) происходитъ, и Единородный не сотворенъ, но рожденъ отъ Отца, самымъ яснымъ образомъ доказывается, что, разъ они не сотворены, то они вѣчны,—ибо ни Сынъ не сотворенъ, ни Утѣшитель; однако они не изъ Себя происходятъ, но отъ Отца. Смотри же: ихъ не трое, потому что двое происходятъ отъ Одного, но Они одно цѣлое, ибо два послѣднихъ ни отъ Кого не происходятъ, ни откуда-нибудь, но отъ Отца; облекая это въ форму слова, они понимаются, какъ одной природы».

Изъ этихъ темныхъ выраженій Исаака ясно только то, что двоихъ, т. е. Сына и Св. Духа онъ выводитъ изъ Одного Отца. Затѣмъ, онъ снова выражается прямо: Сынъ и Духъ Святый—ни

[1]) Написалъ «Каталогъ» въ 495 г. *Прим. перев.*

отъ кого, и ни откуда, но отъ Отца. Слѣдовательно, отъ Одного только Отца одинаково произошелъ Сынъ и Духъ Святый.

И раньше этого на стр. 138 Исаакъ говоритъ: «Богъ Отецъ не рождаемъ, не (есть) изъ кого-нибудь. А Богъ Сынъ Единородный изъ кого-нибудь, т. е. изъ Отца. Духъ Святый не рождаемъ изъ кого-нибудь, т. е. изъ Отца». Такимъ образомъ, желая показать, отъ кого происходитъ Сынъ и Духъ Святый, онъ называетъ только Отца, какъ начало Того и Другого. Поэтому то онъ и говоритъ: какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый изъ нѣкоего (ex aliquo), употребляя единственное число въ этомъ случаѣ, а не множественное—изъ нѣкихъ (aliquibus), что онъ сдѣлалъ бы, если бы хотѣлъ сказать, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына.

Опять же на стр. 140, гдѣ Исаакъ, исчисляя свойство Отца и Сына, хочетъ также выяснить свойство Св. Духа, онъ говоритъ слѣдующее: «свойство Св. Духа,—что Онъ, будучи порождаемъ изъ кого-нибудь, не сотворенъ и не рожденъ. Потому именно, что Онъ не сотворенъ и не рожденъ, но вышелъ изъ Отца незачатый (innatus) Онъ единственный». Снова онъ говоритъ—порождаемый изъ нѣкоего, а не изъ нѣкихъ,—и желая объяснить, отъ кого Духъ Святый происходитъ, прибавляетъ: «но безъ зачатія есть изъ Отца». Итакъ Духъ Святый—отъ Одного Отца. Далѣе Исаакъ продолжаетъ: «въ этихъ трехъ вотъ что составляетъ особенность: тотъ, кто не сотворенъ, не рожденъ, не зачатъ, но происходитъ изъ нѣкоего—это значитъ—изъ Отца. Слѣдовательно происходятъ (суть) изъ Отца, а не изъ кого-нибудь, двое: несотворенный, но рожденный Сынъ, и не сотворенный, нерожденный, но изъ Отца (исходящій) Утѣшитель». Ясно этими словами Исаакъ выражаетъ, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый не отъ кого-нибудь другого происходятъ, а только отъ Отца; а слѣдовательно, если Сынъ и Духъ Святый имѣютъ Свое существованіе не отъ кого-нибудь другого, кромѣ какъ отъ Отца, то выводъ отсюда тотъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. На стр. 145 Исаакъ прямо заявляетъ: «Утѣшитель не—рожденъ, а всегда (есть) отъ Отца». Наконецъ на стр. 148 выражается такъ: «поэтому должно признать Сына,

совѣчнаго Отцу, и Духа Святаго нерожденнаго отъ нерожденнаго Отца».

Замѣтимъ мимоходомъ что этотъ самый Исаакъ, ставши впослѣдствіи отступникомъ, снова присталъ къ іудейской синагогѣ. Мало того, когда вслѣдствіе этого для папы Римскаго Дамаса начались большія непріятности, то онъ не постыдился обвинить папу въ разныхъ неблаговидныхъ дѣяніяхъ. Однако когда его обвиненія не были имъ доказаны, то онъ отправленъ былъ въ заслуженную ссылку. По этому поводу Римскій соборъ, созванный въ 378 г., писалъ къ императорамъ Граціану и Валентиніану посланіе (т. II Соборовъ, столб. 1002), въ которомъ говоритъ: «такъ наконецъ успѣла партія Урсина, что по наговорамъ іудея Исаака, который, воротившись въ синагогу, осквернилъ небесныя тайны, требовали головы святого брата нашего Дамаса, —пролита была кровь невинныхъ, затѣвались коварные замыслы разрушенные по божественному внушенію вашею благочестивою предусмотрительностью, и Церковь почти лишилась всякихъ службъ. Случилось это вслѣдствіе того, что тотъ, кто былъ поставленъ судьею надъ всѣми, самъ попалъ по лживымъ навѣтамъ подъ судъ, и не оказалось никого, кто бы могъ судить отпавшихъ или, вѣрнѣе, мятежныхъ разрушителей епископства. Теперь же вашимъ спокойнымъ судомъ доказана невинность помянутаго нашего брата Дамаса, его честность обнаружена, а Исаакъ понесъ заслуженное наказаніе, такъ какъ не могъ доказать своихъ обвиненій». И Граціанъ Августъ въ рескриптѣ на имя Аквилина, намѣстника города Рима, пишетъ (приведенное выше мѣсто, столб. 1004): «заключить Исаака въ наказаніе въ отдаленное мѣсто Испаніи и казнить его въ случаѣ, если этотъ безумецъ станетъ мутить народъ».

Св. Амвросій [1]), епископъ Медіоланскій, въ книгѣ «о достоинствѣ человѣческаго состоянія» (въ I т. его твореній, столб. 106) говоритъ слѣдующее: «Онъ Самъ есть Тотъ, изъ Котораго, и Который изъ Него, и въ Которомъ [2]). Что Самъ Богъ есть то,

[1]) Амвросій род. ок. 333 г.; въ 374 г. при императорѣ Валентиніанѣ сталъ епископомъ Медіоланскимъ; ум. въ 397 г. *Пр. пер.*

[2]) Ipse est, ex quo, et qui ex eo, et quo. Трудно переводимое выраженіе.

изъ Котораго есть,—называется Отцомъ нами, бѣдными смысломъ и еще болѣе бѣдными словами; Который изъ Него,—называется Сыномъ; что́ въ Которомъ, называется Духомъ Святымъ. Потому то Богъ называется Отцомъ, что Онъ Самъ—изъ Котораго, и есть мудрость, которою все приводится въ порядокъ, и любовь, въ силу которой все хочетъ остаться такимъ, какимъ оно устроено. Итакъ—изъ Котораго и Который изъ Него, и въ Которомъ любятъ Себя Сами эти двое,—суть трое; и эти трое суть одно, потому что двое изъ Одного такъ происходятъ (суть), что отъ Него никоимъ образомъ не отдѣлены; но Они суть изъ Него, потому, что не отъ Себя, и въ Немъ, потому что неотдѣлены». Итакъ, говоритъ Амвросій, трое: изъ Котораго, т. е. Отецъ,—и Который изъ Него, т. е. Сынъ, и въ Которомъ, т. е. Духъ Святый,—суть Одно, потому что двое,—Сынъ и Духъ Святый такимъ образомъ происходятъ изъ Одного, именно изъ Отца, что отъ Него не отдѣляются. Слѣдовательно изъ Одного только Отца —какъ Сынъ такъ и Духъ Святый.

Въ I книгѣ «о Духѣ Святомъ», въ гл. III (т. IV твореній, столб. 216) у Амвросія есть слѣдующее мѣсто: «назвавши Отца, ты одинаково указалъ и Сына Его и Духа устъ Его, если ты обнимаешь это сердцемъ. И если говоришь: Духъ, то ты назвалъ Бога Отца, отъ Котораго Духъ исходитъ, и Сына, потому что Онъ также и Духъ Сына». Тутъ также Амвросій выразился бы: при имени Духа называется и Сынъ, потому что Духъ отъ Него исходитъ, если бы дѣйствительно вѣрилъ подобнымъ образомъ; но онъ прямо говоритъ: ты назвалъ Отца, отъ Котораго Онъ исходитъ.

Въ X гл. книги «о символѣ» (т. IV твореній, столб. 94) Амвросія читаемъ: «говоритъ Сынъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ. Отъ Отца, говоритъ, исходитъ—относительно происхожденія: Котораго Я пошлю, говоритъ относительно сообщества и единства природы». Этими словами Амвросій ясно показываетъ, что посланіе Сыномъ Св. Духа обозначаетъ не происхожденіе отъ Сына, а только общность природы. Между тѣмъ стоящіе за исхожденіе Св. Духа отъ Сына ссылаются на посланіе

Сыномъ Св. Духа, какъ на доказательство Его исхожденія. По Амвросій, очевидно, не вѣрилъ въ это исхожденіе.

Въ I кн. «о символѣ», гл. I (т. IV твореній, столб. 88) встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «Онъ Одинъ только вѣченъ, потому что не имѣетъ ни начала, ни конца: то есть Богъ Отецъ, Который родилъ совѣчное Себѣ и совсемогущее Слово, а съ нимъ произвелъ и Св. Духа». И тамъ же въ XI гл. (столб. 95): «вѣруемъ и въ Духа Святаго, Котораго величіе, могущество и равенство со Отцомъ и Сыномъ, такъ какъ Онъ Самъ (ихъ, т. е. эти свойства) даруетъ, мы уже выше указали;—вѣруемъ, что Онъ исходитъ отъ Отца и обладаетъ общимъ со Отцомъ и Сыномъ божествомъ, дѣйственностію и сущностью».

Въ I кн. «о Духѣ Святомъ», въ гл. I (т. IV, столб. 214) у того же Амвросія читаемъ «Господь въ Евангеліи говоритъ: когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца Моего, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Тотъ представитъ свидѣтельство обо Мнѣ. Итакъ Духъ Святый и отъ Отца исходитъ и свидѣтельствуетъ о Сынѣ».

Во II кн. «о Духѣ Святомъ», въ концѣ V гл. (т. IV, столб. 239) Амвросій говоритъ: «то, что происходитъ изъ кого нибудь, происходитъ или изъ сущности или изъ могущества его. Изъ сущности—подобно Сыну, Который говоритъ: изъ устъ Высочайшаго Я вышелъ; подобно Духу, который отъ Отца исходитъ и о Которомъ Сынъ говоритъ: Онъ Меня прославитъ, потому что отъ Моего возьметъ».

Въ IV гл. книги «о символѣ» (т. IV, столб. 89) онъ же говоритъ: «исхожденіе Его (Св. Духа)—постоянное и отъ Того, Который не началъ (ибо Отецъ не началъ), и такъ какъ Онъ не началъ, то и Духъ не началъ на томъ основаніи, что Онъ—въ Немъ (Отцѣ) и Его (есть)».

Въ толкованіи на посланіе къ Римлянамъ, на концѣ XI гл., именно на слова: «ибо изъ Него, черезъ Него и въ Немъ существуетъ все,—Ему—слава» Амвросій говоритъ (т. III, столб. 315): такъ какъ то, что происходитъ отъ Бога и черезъ Бога, потомъ снова родилось въ Духѣ Святомъ, то въ Немъ есть все, ибо и Духъ Святый есть (происходитъ) отъ Бога Отца,—поэтому

Онъ и знаетъ то, что есть въ Богѣ. Слѣдовательно, въ Духѣ Святомъ есть Отецъ, ибо то, что есть отъ Бога Отца, не можетъ быть инымъ, чѣмъ есть Богъ Отецъ».

Далѣе—въ толкованіи на евангеліе отъ Луки, именно на конецъ XXIV гл. (кн. X, т. III, столб. 234), Амвросій замѣчаетъ: «потому Духъ Святый вдыхается (вдувается) Христомъ, чтобы ты вѣрилъ, что Духъ отъ Бога. Ибо Одинъ только Богъ отпускаетъ грѣхи».

Наконецъ въ толкованіи на конецъ III гл. посланія къ Ефесянамъ (т. III, столб. 501) Амвросій пишетъ: «потому Духъ Христа, Который есть и Духъ Бога Отца, намъ дается, чтобы охранять насъ вмѣсто Него (Христа), если мы съ Нимъ согласны, чтобы намъ открывать тайны, и мы не должны сомнѣваться, что черезъ Него (Духа Святаго) Онъ Самъ (Христосъ) въ насъ обитаетъ. Ибо Онъ есть иной Утѣшитель; между Ними существуетъ разстояніе (различіе) лицъ, но не природы, потому что Онъ (Духъ) получилъ отъ Него (Сына) и исходитъ отъ Бога (Отца)».

Іеронимъ [1]), въ XVI толкованіи на Исаію, именно на слова LVII главы: «Духъ изъ Меня исходитъ» (т. IV его твореній, изданныхъ въ Парижѣ 1602 г., столб. 412) говоритъ: «иные разумѣютъ (здѣсь) Св. Духа, Который въ началѣ носился надъ водами и оживлялъ все, Который исходитъ отъ Отца и по общности природы посылается Сыномъ, говорящимъ: полезно вамъ, чтобы Я ушелъ, ибо если Я не пойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ, а если Я пойду, пошлю Его къ вамъ [2]). О Немъ (Утѣшителѣ) Онъ снова говоритъ: когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ [3]). —Да не соблазнитъ кого-нибудь, что Духъ называется исходящимъ отъ Отца, такъ какъ и Сынъ также о Себѣ сказалъ: Я отъ Отца вышелъ и пришелъ, и не отъ Себя Самого вышелъ, но Онъ Меня послалъ» [4]).

---

[1]) Іеронимъ род. въ 329 г. въ г. Стридонъ въ Панноніи, умеръ въ монастырѣ подлѣ Виѳлеема въ 420 г. *Прим. перев.*

[2]) Іоан. XVI, 7.

[3]) Іоан. XV, 26.

[4]) Іоан. XVII, 8.

Итакъ, подобно Амвросію, и Іеронимъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а Сыномъ только посылается, и, чтобы кто-нибудь не принялъ посланія въ смыслѣ происхожденія, нарочито прибавляетъ, что Духъ посылается Сыномъ только по общности природы. Слѣдовательно Іеронимъ вѣрилъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, тогда какъ всѣ вѣрующіе въ исхожденіе Духа и отъ Сына, учатъ, что Онъ посылается Сыномъ по происхожденію, какъ отъ Него берущій начало.

Затѣмъ Іеронимъ отвергнулъ мысль, что Сынъ—старше (больше) Св. Духа; мало того, рѣшительно осудилъ того, кто это утверждалъ. Между тѣмъ если Духъ Святый произошелъ отъ Сына, то въ отношеніи причины Сынъ старше Св. Духа, подобно тому какъ Отцы учатъ, что въ отношеніи причины Отецъ старше Сына. Іеронимъ же открыто обвинилъ въ ереси Новаціана, когда тотъ—изъ того, что Духъ Святый возьметъ отъ Сына («отъ Моего пріиметъ»), сталъ выводить заключеніе, что Сынъ больше Св. Духа. Вотъ что именно говорилъ Новаціанъ въ своей книгѣ «о Троицѣ», въ гл. XXIV (помѣщено въ Парижскомъ изданіи 1616 г. твореній Тертулліана, стр. 1046): «если то, что Онъ станетъ возвѣщать, получаетъ (Духъ Святый) отъ Сына, то слѣдовательно Христосъ больше Утѣшителя, ибо Утѣшитель не принялъ бы, если-бы не былъ меньше Христа. А будучи меньше Христа, Утѣшитель тѣмъ самымъ доказываетъ, что Христосъ также есть Богъ отъ Котораго Онъ получилъ то, что станетъ возвѣщать, чтобы свидѣтельство о божествѣ Христа сдѣлалось убѣдительнымъ, такъ какъ Утѣшитель, оказавшійся меньше Христа, отъ Него получаетъ то, что передастъ другимъ. Ибо, если бы Христосъ былъ только человѣкомъ, то Онъ бы заимствовалъ у Утѣшителя, что говоритъ, а не Утѣшитель получилъ бы отъ Христа то, что Онъ сталъ бы возвѣщать». За эти слова Іеронимъ и обвинилъ Новаціана въ ереси; такъ въ своихъ примѣчаніяхъ Памелій, самъ латинянинъ, прибавляетъ на стр. 1060: «именно за это мѣсто книга Новаціана названа Іеронимомъ еретическою. Итакъ Іеронимъ не вѣрилъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, если онъ отвергалъ мнѣніе, будто Сынъ больше Духа Святаго, потому что отъ Него получаетъ (что говоритъ).

Тотъ-же Іеронимъ въ «изъясненіи символа къ Кириллу» (т. IX твореній, столб. 160) говоритъ: «и въ Духа Святаго, Который исходитъ отъ Отца собственно, и есть Богъ истинный, какъ и Сынъ».

И опять тамъ же (столб. 163): «въ писаніи находимъ, что Духъ Святый—истинный Богъ и что Онъ отъ Отца собственно, и всегда съ Отцомъ и Сыномъ». И черезъ нѣсколько словъ дальше: «итакъ сначала пойми, что Духъ Святый есть собственно отъ Отца, такъ писаніе говоритъ: Словомъ Господа утверждены небеса и въ Духѣ устъ Его вся ихъ сила [1]). И Спаситель говоритъ: когда же придетъ Утѣшитель, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ получитъ отъ Моего, потому что Онъ Меня прославитъ и, придя, возвѣститъ вамъ». Далѣе тамъ же, согласно неповрежденному чтенію, которое устанавливаютъ Ломбардъ, Петръ Даміани и Абеляръ, какъ было указано въ главѣ о поврежденіяхъ въ писаніяхъ латинскихъ Отцовъ: «отъ Отца Сынъ, и Духъ Святый собственно и истинно отъ Отца исходитъ». И опять тамъ же, столб. 164: «все это (говоритъ апостолъ) совершаетъ Одинъ и Тотъ же Духъ, удѣляя всѣмъ, какъ хочетъ [2]). Не сказалъ (Апостолъ)—какъ приказано, но—какъ хочетъ, показывая, что Духъ не тварь, но истинный Богъ отъ Бога, и что Онъ все можетъ такъ, какъ и Сынъ». И въ столбцѣ 165: «не иное богохульство противъ Духа Святаго выражали Іудеи, какъ то, что Онъ не былъ Богомъ, или что Онъ—не отъ Бога собственно».

Въ «изъясненіи символа къ Дамасу» (т. IX, столб. 158) Іеронимъ говоритъ: «вѣруемъ и въ Духа Святаго, истиннаго Бога, отъ Отца исходящаго, равнаго во всемъ Отцу и Сыну, волею, могуществомъ, вѣчностію, сущностію».

Наконецъ «въ правилахъ опредѣленій, противъ еретиковъ», Іеронимъ пишетъ: «Духъ Святый не есть Отецъ, но—не рожденъ и не сотворенъ. Не есть Отецъ потому, что Онъ—Отца и въ Отцѣ, имѣетъ исхожденіе отъ Отца, но не рожденіе. Онъ и не—Сынъ, потому что не былъ рожденъ». И опять: «Духъ Святый

---

[1]) Исаі. XXXII, 6.—

[2]) 1 Кор. XII, 11.

есть то, что ни рождено, ни сотворено, а исходитъ отъ Отца». На эти мѣста ссылается Ломбардъ, въ I кн. «мнѣній», въ раздѣлѣ XIII, а теперь этого трактата среди твореній Іеронима не встрѣчается.

Авторъ [1]) «книги вопросовъ изъ ветхаго и новаго завѣта», находящейся среди твореній Августина (во время котораго онъ жилъ, такъ въ XLIV вопросѣ онъ насчитываетъ 300 лѣтъ отъ паденія Іерусалима, т. е. разрушенія Титомъ въ 70 г. по Р. Хр.), также во многихъ мѣстахъ упоминаетъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. Такъ въ XLIV вопросѣ (т. IV твореній Августина, Венеціанскаго изданія 1584 г. листъ 267) онъ говоритъ: «вслѣдствіе того, что и Духъ Святый, и Христосъ—отъ Бога Отца, Ихъ дѣйствованіе есть дѣло Божіе». Въ другомъ мѣстѣ: «потому такъ говоритъ Писаніе, чтобы въ исповѣданіи Одного Бога вошло и то, что́ отъ Него происходитъ, т. е. чтобы Сынъ и Духъ Святый Его признавались въ такой же чести, какъ Богъ. Ибо тайна Бога для того открыта, чтобы слава Его явилась въ Троицѣ. Вотъ почему не въ полной силѣ называется Богомъ то, что происходитъ отъ Бога, дабы не думали, что дѣйствуетъ нѣчто другое отдѣльное отъ Него, Который есть Одинъ».

Въ вопросѣ CXXV, на листѣ 297 говорится слѣдующее: «какъ Сынъ Божій, такъ и Духъ Святый есть сущность Божія, потому что Господь говоритъ: все, что принадлежитъ Отцу, есть Мое. Этимъ онъ указалъ, что сущность Бога Отца есть и Его сущность. Духъ же Святый, говоритъ Онъ, исходитъ отъ Отца и отъ Моего возьметъ. И потому, прибавляетъ, Я сказалъ, что Онъ возьметъ отъ Моего, что все, что принадлежитъ Отцу, есть Мое. Если же Онъ исходитъ отъ Отца и береть отъ Сына, то какимъ образомъ Онъ не знаетъ рожденія Сына, когда Его сущность есть сущность Сына?—Все, что принадлежитъ Отцу, принадлежитъ Сыну. Слѣдовательно несомнѣнно, что сущность Отца заключается и въ Духѣ Святомъ. Ибо Сынъ прибавилъ: и все, что Мнѣ принадлежитъ, принадлежитъ Отцу. Какое же основаніе сомнѣваться относительно

[1]) Полагаютъ, что это былъ Иларій изъ Сардъ, діаконъ Римской Церкви, котораго папа Либерій посылалъ въ Константинополь къ императору Константу въ 353 г. *Прим. пер.*

Духа Святаго, одного-ли Онъ Божества (съ Отцомъ и Сыномъ), когда Онъ одной (съ Ними) сущности. Вѣдь какъ о Себѣ Господь сказалъ, что пришелъ отъ Бога, то же свидѣтельствуетъ Онъ и о Духѣ Святомъ. И чтобы нельзя было какъ-нибудь иначе толковать, Онъ говоритъ: отъ Отца исходитъ и отъ Моего возьметъ, такъ что исходить отъ Отца значитъ то же, что брать отъ Христа. Когда такимъ образомъ говорится, что Онъ (т. е. Духъ Св.) получаетъ отъ Сына Божія, то не подлежитъ сомнѣнію, что Онъ Самъ отъ Бога, такъ что несомнѣнно въ Духѣ Святомъ сущность и божество Отца. Итакъ тотъ, кто утверждаетъ, что Онъ (т. е. Духъ Святый) не знаетъ рожденія Сына Божія, отнимаетъ у Него нѣчто изъ того, что Онъ получилъ; получилъ же Онъ не иное что, какъ то, что́ Онъ Самъ есть. А такъ какъ получить отъ Христа значитъ то же, что произойти отъ Бога, то Онъ (Духъ Святый) не могъ не знать того, что знаетъ тотъ, отъ кого Онъ получилъ; нельзя также сказать, что Онъ (т. е. Духъ Святый), исшедшій отъ Бога, не знаетъ Господа (т. е. Іисуса Христа).— Конечно, Сынъ Божій знаетъ все Божіе, такъ какъ Онъ происходитъ отъ Бога Отца. Какъ же можно отрицать, что Духъ Святый знаетъ все Христово, когда Онъ получилъ отъ Бога? Итакъ если Сынъ Божій знаетъ то, что заключается въ Богѣ; то нѣтъ сомнѣнія, что Духу Святому извѣстно то, что заключается въ Сынѣ Божіемъ; и потому именно, что Онъ знаетъ заключающееся въ Сынѣ Божіемъ, нельзя сказать, что Онъ не знаетъ того, что заключается въ Богѣ: познаніе Бога Онъ имѣетъ отъ Того, отъ Кого Онъ получилъ.—Природа Бога сама себя знаетъ; поэтому если допускать, что она заключается въ Духѣ Святомъ, такъ какъ Онъ исходитъ отъ Отца и получаетъ отъ Сына, то неосновательно утверждать, что Онъ не знаетъ Бога Отца. Котораго природу ты въ Немъ признаешь».—

Въ приведенномъ мѣстѣ неизвѣстный авторъ нѣсколько разъ повторяетъ, что исходить отъ Отца и получать отъ Сына значитъ одно и тоже. Либо эти слова нужно толковать въ томъ смыслѣ, что, получая отъ Сына, Духъ Святый получаетъ что бы то ни было отъ Него не какъ отъ причины, но имѣетъ все отъ Отца черезъ вѣчное Свое исхожденіе отъ Него; либо нужно допустить, что

это мѣсто такъ же, какъ и другія, испорченно позднѣйшими латинянами.—

Далѣе тамъ же на листѣ 298 говорится: «Духъ Божій знаетъ, что есть въ Богѣ, потому что Онъ—отъ Бога» —и опять: Духъ Святый, говоритъ Христосъ, исходитъ отъ Бога и отъ Моего возьметъ».

Подобныя выраженія заключаются и въ другихъ вопросахъ. Такъ въ вопросѣ XLI на листѣ 249: «всякій духъ—Божій, однако Богъ есть только тотъ Духъ, Который отъ Него Самого исходитъ. Отличіе Его то, что Онъ называется Святымъ. Ибо и люди называются сынами Божіими, и Христосъ называется Сыномъ Божіимъ, но какое различіе! Христосъ—истинный Сынъ,—а люди—только усыновлены. Такое же различіе и относительно Духа Божія: Духъ Святый—отъ Бога (исходитъ) и единосущный съ Нимъ, остальные же называются духами Божіими, но суть тварь».

Въ вопросѣ XLV, листъ 251: «Хотя Богъ—Одинъ, однако —три лица; и потому Богъ Одинъ, что какъ въ Сынѣ, такъ и въ Духѣ Святомъ сущность Одного Бога; ибо не можетъ не быть тѣмъ, что́ Онъ Самъ, то, что́ отъ Него происходитъ».

Въ вопросѣ XCVII, листъ 266: «если Онъ (Богъ) пребываетъ въ насъ черезъ Духа Своего, то нельзя сомнѣваться, что Духъ Святый—отъ Бога и несомнѣнно, что Онъ, будучи отъ Бога, есть Богъ». И опять: «назвалъ (Христосъ) Духа Святаго перстомъ Божіимъ, чтобы показать, что Онъ—отъ Бога».

Наконецъ въ вопросѣ CXXV, листъ 297: «нельзя сказать, что Духъ Святый—отъ Бога, если Онъ не знаетъ, что принадлежитъ Богу».

Идакій [1]) Кларъ, епископъ Испанскій, «въ книгѣ противъ Аріанина Варимунда» (т. IV Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 637) говоритъ: «есть Богъ Отецъ, и исходитъ отъ Него Духъ Божій. Онъ (Богъ) всемогущъ,—и исходитъ отъ Него Духъ всемогущества; Онъ—Свѣтъ, и исходитъ отъ Него—Духъ свѣта; Онъ—сила, и исходитъ отъ Него—Духъ силы; Онъ—мудръ, и исходитъ отъ Него—Духъ мудрости; Онъ—разуменъ,—и исходитъ отъ Него—Духъ разумѣнія; Онъ—совѣтъ,—и исходитъ отъ Него—Духъ совѣта; Онъ—мужество,—и исходитъ отъ Него—Духъ мужества; Онъ—

[1]) Идакій жилъ и писалъ ок. 385 г.—во времена императора Ѳеодосія Великаго.— *Прим. пер.*

миръ,—и исходитъ отъ Него—Духъ мира; Онъ—любовь,—и исходитъ отъ Него—Духъ любви; Онъ—знаніе,—и исходитъ отъ Него—Духъ знанія; Онъ—жизнь,—и исходитъ отъ Него—Духъ жизни; Онъ—справедливъ,—и исходитъ отъ Него—Духъ правоты; Онъ—благъ,—и исходитъ отъ Него—Духъ благости; Онъ—благочестіе,—и исходитъ отъ Него—Духъ благочестія; Онъ—кротокъ,—и исходитъ отъ Него—Духъ кротости; Онъ—мечъ,—и исходитъ отъ Него—Духъ меча». И затѣмъ на стр. 638 Идакій выражается такъ: «если Духъ Святый есть отъ Бога такъ же, какъ и Сынъ отъ Бога, то какимъ образомъ Онъ меньше, если Онъ знаетъ во Отцѣ тоже, что знаетъ Сынъ? Поэтому мы учили, что Духъ Святый также, какъ и Сынъ непзъяснимымъ образомъ исходитъ отъ Бога Отца, потому что соединенная Троица заключаетъ въ себѣ нераздѣльное единство».

Руффинъ [1]), пресвитеръ Аквилейскій, въ изложеніи апостольскаго символа (помѣщенномъ между твореніями Кипріана, стр. 526 Парижскаго изданія 1648 г.) говоритъ: «для того, чтобы установить различіе между лицами (Св. Тройцы), выдѣляются названія ихъ отношеній: Отцомъ называется Тотъ, изъ Котораго —все, а Самъ Онъ Отца не имѣетъ; Сыномъ же называется Тотъ, Кто родился отъ Отца; Духомъ Святымъ—Тотъ, Кто исходитъ изъ устъ Бога и все освящаетъ».

А въ началѣ этого изложенія, на стр. 509, тотъ же авторъ выражается такъ: «я не хочу, чтобы ты допскивался, какимъ образомъ Богъ Отецъ родилъ Сына, чтобы ты изъ лишняго любопытства не входилъ въ эту глубокую тайну. И если ты думаешь, что относительно этого вопроса слѣдуетъ употреблять всѣ способы изслѣдованія, то сперва выясни себѣ, что мы можемъ изслѣдовать относительно насъ самихъ; если сможешь это основательно выяснить, тогда устремляйся отъ земного къ небесному и отъ видимаго къ невидимому. Изслѣдуй сперва и, если можешь, объясни, какимъ образомъ умъ, который внутри тебя, рождаетъ слово, и какую роль при этомъ играетъ память. Какимъ обра-

[1]) Руффинъ сталъ извѣстенъ ок. 390 г., сперва другъ Іеронима, потомъ съ нимъ разошелся. Долго жилъ въ Палестинѣ, откуда воротился въ Италію и умеръ въ Сициліи въ 410 году. *Прим. пер.*

зомъ эти вещи (т. е. умъ, слово и воспоминаніе), хотя различны на дѣлѣ и въ дѣйствіяхъ, представляютъ однако одно и по существу, и по природѣ, и хотя исходятъ изъ ума, но никогда отъ него не отдѣляются». Здѣсь Руффинъ выясняетъ на примѣрѣ рожденіе Сына и исхожденіе Св. Духа и уподобляетъ первое рожденію слова, которое рождаетъ умъ, а второе—духу памяти, которая вмѣстѣ съ словомъ исходитъ изъ ума. Такимъ образомъ Руффинъ полагалъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, иначе Онъ прибавилъ бы, что духъ памяти исходитъ какъ изъ ума, такъ и изъ слова; во всякомъ случаѣ такъ выразился бы всякій, кто вѣруетъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына.

Заканчивая обозрѣніе латинскихъ писателей IV вѣка, предшественниковъ Августина, слѣдуетъ замѣтить, что самъ Августинъ въ своей книгѣ «о вѣрѣ и символѣ» такъ опредѣляетъ ихъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа: «до сихъ поръ еще не такъ подробно и не такъ тщательно ученые и великіе изслѣдователи писаній обсуждали вопросъ о Св. Духѣ. Однако они отнюдь не утверждали, что Духъ Святый раждается подобно Сыну отъ Отца: ибо единственно только Христосъ раждается; не утверждали они также, что Онъ раждается отъ Сына и есть какъ бы внукъ Верховнаго (Бога) Отца; а утверждали, что тѣмъ, что Онъ есть, Онъ обязанъ никому другому, какъ только Отцу, изъ Котораго—все». Итакъ всѣ Отцы, жившіе на западѣ до Августина, учили, что Духъ Святый не рожденъ ни Отцомъ, ни Сыномъ, но всѣмъ своимъ существомъ обязанъ Отцу; слѣдовательно они вѣровали, что одна причина и производитель Св. Духа—Отецъ, но не Сынъ. Но этотъ вопросъ мы сейчасъ подробнѣе разберемъ, занявшись самимъ Августиномъ.

V вѣкъ.

Августинъ [1]), епископъ Гиппонскій, въ книгѣ «противъ рѣчи Аріанъ», въ гл. XXIII (т. IV его твореній, Венеціанское изданіе 1584 г., листъ 216), отвѣчая на слова аріанина, въ которыхъ

[1]) Августинъ род. въ г. Тагастѣ, въ Нумидіи; обращенный въ христіанство Амвросіемъ, принялъ крещеніе въ Миланѣ; ум. въ 431 г. епископомъ г. Гиппона (нын. Бона—въ Алжирѣ). *Прим. перев.*

тотъ изъ выраженія Христа: «Духъ Святый отъ Моего возьметъ», выводилъ, что Сыну принадлежитъ старшинство (начальство) надъ Духомъ Святымъ, говоритъ: «а что (Христосъ) сказалъ о Духѣ Святомъ: отъ Моего возьметъ—этимъ Онъ разрѣшилъ Самъ вопросъ: чтобы не думали, что какъ бы черезъ нѣкоторыя ступени, такъ отъ Него (Сына Божія) Духъ происходитъ (есть), какъ Онъ Самъ отъ Отца. Ибо Они Оба—Одинъ раждается, Другой исходитъ отъ Отца; различить эти двѣ вещи въ высотѣ этой (божеской) природы нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему, чтобы этого не подумали, Онъ, какъ я сказалъ, непосредственно прибавилъ: потому Я сказалъ—отъ Моего возьметъ, что все, что имѣетъ Отецъ, —Мое. Этимъ, безъ сомнѣнія, Онъ (Христосъ) хотѣлъ дать понять, что (Духъ Святый) получаетъ отъ Отца; но также и отъ Него (Сына), ибо все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Ему. Тутъ является не различіе природы, а совпаденіе одного начала».

Итакъ въ приведенномъ мѣстѣ Августинъ ясно говоритъ, что въ Богѣ нѣтъ мѣста степенямъ, такъ что-бы Сынъ происходилъ отъ Отца, а Духъ Святый—отъ Сына, но Оба происходятъ отъ Отца—Одинъ черезъ рожденіе, Другой—черезъ исхожденіе. Этимъ онъ отрицаетъ происхожденіе Св. Духа отъ Сына; отрицаетъ вслѣдствіе этого, что въ Тройцѣ Отецъ произвелъ Сына, а Сынъ—Св. Духа, ибо послѣдніе Оба отъ Отца, т. е. и Духъ Святый отъ Отца. Поэтому если Духъ Святый не произведенъ Сыномъ, такъ какъ Онъ не менѣе отъ Отца происходитъ, чѣмъ и Сынъ, то ясно отсюда вытекаетъ, что Духъ Святый произведенъ Однимъ только Отцомъ. Затѣмъ Августинъ опровергаетъ аргументъ латинянъ, который они обыкновенно приводятъ для доказательства исхожденія Св. Духа отъ Сына. Когда аріанинъ, что дѣлаютъ и латиняне, сталъ изъ того, что Духъ Святый получаетъ отъ Сына, выводитъ, что Сынъ есть начало Св. Духа, то Августинъ на это отвѣчаетъ, что изъ словъ Спасителя —«отъ Моего получитъ (возьметъ)» —отнюдь не слѣдуетъ, что Духъ Святый происходитъ отъ Сына такъ, какъ происходилъ Онъ отъ Отца. Именно эти слова нужно относить къ Отцу, разъ Самъ Спаситель прибавляетъ: «такъ какъ все, что принадлежитъ Отцу,—Мое»,—и только по единосущности Сына съ Отцомъ Духъ

Святый получаетъ отъ Сына; потому, замѣчаетъ Августинъ, отъ Сына получаетъ, что «все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну». Такимъ образомъ Августинъ отстраняетъ всякое происхожденіе Духа Святаго отъ Сына и приписываетъ его Одному только Отцу. Если бы въ самомъ дѣлѣ Августинъ допускалъ, что Сынъ есть начало Св. Духа, или слова: «Духъ отъ Моего возьметъ» принималъ въ смыслѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына, то онъ призналъ бы, что изъ этихъ словъ слѣдуетъ выводъ, что Сынъ—начало Св. Духа, но прибавилъ бы, что Сынъ—не производящее начало Его, но что Духъ происходитъ изъ существа Сына. Такъ по крайней мѣрѣ отвѣтили бы на этотъ аргументъ всѣ, кто держится мнѣнія, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Но Августинъ на этотъ аргументъ такимъ образомъ не отвѣчаетъ, мало того—онъ его опровергаетъ такъ, что отрицаетъ въ Сынѣ всякое начало Св. Духа; ясно отсюда, что Августинъ отнюдь не вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Наконецъ онъ присовокупляетъ: «въ этомъ случаѣ является не различіе природы, но совпаденіе одного начала». Этимъ онъ заявляетъ, что слова Христа—«отъ Моего возьметъ» нужно относить къ Отцу, хотя Духъ получаетъ и отъ Сына по единосущности Его съ Отцомъ; иначе говоря, такъ какъ Сынъ имѣетъ все, что принадлежитъ Отцу, то этимъ самымъ выражается одно начало въ Божествѣ, —именно—Отца. Слѣдовательно Одинъ только Отецъ есть начало и производитель какъ Сына, такъ и Духа Святаго.—

Пожалуй кто-нибудь скажетъ, что слова Августина: «чтобы не подумали, что черезъ какія-нибудь степени такъ Духъ Святый отъ Сына, какъ Онъ Самъ—отъ Отца» должны быть принимаемы въ смыслѣ рожденія, именно—что Духъ Святый не рождается такъ отъ Сына, какъ Сынъ рождается отъ Отца. Но Августинъ просто говоритъ: «дабы не подумали, что черезъ нѣкоторыя ступени такъ отъ Него происходитъ (есть)» и пр. Подобіе, которое выражаетъ здѣсь слово «такъ», онъ относитъ къ слову, «есть», т. е. понимаетъ его въ отношеніи простого происхожденія и не допускаетъ, чтобы оно имѣло мѣсто въ отношеніи Духа Святаго, именно Духъ Святый не происходитъ (не есть) отъ Сына. Если бы Августинъ разумѣлъ здѣсь рожденіе, то онъ прибавилъ бы слово «рожденъ»,

какъ онъ и дѣлаетъ это въ III гл. II кн. своего сочиненія «о Тройцѣ», гдѣ онъ разбираетъ подобное выраженіе Христа. Далѣе—у него было намѣреніе вышеприведенными словами отвѣтить на возраженіе аріанина. Между тѣмъ Аріане изъ словъ Христа «отъ Моего возьметъ» выводили только заключеніе, что Сынъ есть начало Духа, а не то, что Духъ Святый рожденъ Сыномъ. Слѣдовательно, какимъ образомъ Августинъ безъ всякаго основанія сталъ бы доказывать, чтобы опровергнуть этотъ аргументъ, что изъ приведенныхъ словъ не слѣдуетъ, что Сынъ родилъ Св. Духа? Но допустимъ, что слова эти нужно понимать въ смыслѣ рожденія. Не слѣдуетъ однако, училъ Августинъ, изъ того, что Отецъ родилъ Сына, чтобы Сынъ родилъ Св. Духа, ибо Они Оба произошли отъ Отца. Этимъ способомъ, конечно, онъ доказываетъ, что Духъ Святый никоимъ образомъ не можетъ быть отъ Сына, что-какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый происходятъ отъ Одного Отца. Напротивъ, если бы Августинъ вѣровалъ, что Духъ Святый происходитъ и отъ Сына, онъ, разумѣется, сказалъ бы такъ: потому въ Тройцѣ Духъ Святый не рождается отъ Сына, что Онъ отъ Него исходитъ. И много другихъ заключеній можно вывести изъ сказаннаго Августиномъ, если придавать такой смыслъ его словамъ. Уже Максиминъ аріанинъ возражалъ Августину, что выраженіе:—Духъ Святый отъ Сына получаетъ—значитъ, что Христосъ есть начало Св. Духа. Такъ онъ (у Августина въ I кн. «противъ (того же) Максимина», т. VI, листъ 219) говоритъ: «Духъ Святый получилъ отъ Христа согласно свидѣтельству Самого Христа. Такъ Христосъ въ Евангеліи говоритъ: многое имѣю вамъ сказать, но теперь вы не можете вмѣстить. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину. Ибо не отъ Себя Онъ будетъ говорить, но скажетъ то, что услышитъ, и будущее возвѣститъ вамъ; Онъ Меня прославитъ, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ [1]). Слѣдовательно Духъ Святый получаетъ отъ Христа согласно свидѣтельству Христа». И черезъ нѣсколько строкъ (на листѣ 220) заключаетъ: «я исповѣдалъ Духа Святаго согласно съ ученіемъ Спасителя, потому что—освѣщаетъ ли Онъ, полу-

[1]) Іоан. XVI, 12. 13. 14.

чилъ отъ Христа, учитъ-ли, получилъ отъ Христа, словомъ—все, что ни дѣлаетъ Духъ Святый, Онъ унаслѣдовалъ отъ Единороднаго Бога». На это Августинъ тутъ же отвѣчаетъ: «то, что, по твоимъ словамъ, Господь сказалъ о Духѣ Святомъ: отъ Моего возьметъ, сказано въ смыслѣ—отъ Отца возьметъ, ибо все, что принадлежитъ Отцу, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и Сыну. Поэтому Онъ Самъ, говоря это, прибавилъ: потому Я сказалъ—отъ Моего возьметъ, что все, что имѣетъ Отецъ,—Мое». Такимъ образомъ въ то время, какъ аріанинъ Максиминъ изъ того, что Духъ получилъ отъ Сына, выводитъ заключеніе, будто Сынъ есть начало Духа Святаго, Августинъ отнюдь съ этимъ несогласенъ, а напротивъ доказываетъ, что когда въ Священномъ Писаніи говорится: «Духъ отъ Моего возьметъ», нужно понимать—«отъ Отца возьметъ»; выраженіе же—отъ Сына возьметъ—употребляетъ только въ смыслѣ единосущности, или потому, что все, что есть Отца, есть въ тоже время и Сына. Этимъ, конечно, онъ доказалъ, что аріанинъ не имѣлъ права изъ словъ Христа: «отъ Моего возьметъ» выводить, будто Сынъ есть начало Св. Духа. Отсюда слѣдуетъ, что Августинъ никоимъ образомъ не допускалъ, что Духъ исходитъ и отъ Сына. Ибо если бы онъ самъ въ это вѣровалъ, то согласился бы со словами аріанина, съ которыми всѣ соглашались, кто держался этого догмата; либо онъ уступилъ бы, что изъ словъ Христа: «отъ Моего возьметъ» слѣдуетъ, что Сынъ есть начало Св. Духа, но прибавилъ бы: не Имъ сотвореннаго, но отъ Него исходящаго, какъ опять таки отвѣтили бы на аргументъ Аріанъ всѣ, кто вѣритъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына; и наконецъ эти слова Христа не сталъ бы относить къ Отцу, а просто отнесъ бы ихъ исключительно къ Сыну Божьему. Слѣдовательно, опять-таки отсюда вытекаетъ, что Августинъ не допускалъ исхожденія Святаго Духа и отъ Сына.

Далѣе во II кн. «о Троицѣ», гл. III (т. III, листъ 87) Августинъ вотъ что говоритъ: «о Духѣ Христосъ говоритъ: Онъ не будетъ говорить отъ Себя, но скажетъ, что услышитъ, и возвѣститъ вамъ грядущее. Онъ Меня прославитъ, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ. Если бы вслѣдъ за этими

словами (Спаситель) не сказалъ: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое, вотъ почему Я сказалъ: отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ, то пожалуй можно было бы подумать, что Духъ Святый такъ родился отъ Христа, какъ Онъ —отъ Отца. О Себѣ Онъ сказалъ: Мое ученіе—не—Мое, но Того, Кто Меня послалъ [1]), а о Духѣ Святомъ: не отъ Себя Самого станетъ говорить, но будетъ говорить то, что услышитъ,—также: отъ Моего получитъ и возвѣститъ вамъ. Но такъ какъ (Господь) привелъ причину, почему Онъ сказалъ: отъ Моего возьметъ, именно потому, говоритъ, что все, что имѣетъ Отецъ,—Мое, Я сказалъ—отъ Моего возьметъ, то остается понимать, что Духъ Святый все имѣетъ отъ Отца такъ же, какъ и Сынъ. Какимъ же образомъ? А согласно съ тѣмъ, что я сказалъ выше: когда же придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ представитъ свидѣтельство обо Мнѣ. Итакъ исходя отъ Отца, онъ говоритъ не отъ Себя Самого; но подобно тому, какъ Сынъ не считается меньшимъ оттого, что Онъ сказалъ: не можетъ Сынъ отъ Себя что бы то ни было творить иначе, какъ только потому, что видитъ Отца творящаго (и это Онъ сказалъ, не принявши видъ раба, но понимая Себя, какъ Бога, что̀ мы уже доказали; эти же слова не указываютъ, что Онъ меньше, но что Онъ отъ Отца), такъ не слѣдуетъ, что Духъ Святый меньше потому, что сказано о Немъ: не будетъ говорить отъ Себя, но то, что услышитъ,— ибо это сказано въ виду того, что Онъ исходитъ отъ Отца. Но вопросъ о томъ, почему въ то время, какъ Сынъ есть отъ Отца и Духъ Святый отъ Отца исходитъ, Они не называются Оба Сынами, не называются Оба рожденными, но Одинъ называется Единороднымъ Сыномъ, Другой-же—Духомъ Святымъ, а не Сыномъ и не рожденнымъ (ибо если бы былъ рожденъ, то, конечно, былъ бы Сыномъ), мы разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ, если Богъ поможетъ и насколько поможетъ».

И въ этомъ мѣстѣ опять Августинъ отрицаетъ, что изъ словъ Христа: «отъ Моего возьметъ» слѣдуетъ, что Духъ Святый родился отъ Сына, и учитъ, что эти слова должны быть прини-

[1]) Ioan. XIV, 24.

маемы въ томъ смыслѣ, что Духъ Святый получаетъ отъ Отца и такъ исходитъ отъ Отца, какъ Сынъ родился отъ Отца. Такимъ образомъ онъ Одному Отцу приписываетъ начало Св. Духа. Ибо если бы онъ допускалъ, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына, то, конечно, по необходимости училъ бы, что изъ приведеннаго выраженія слѣдуетъ, что Духъ Святый получаетъ существованіе отъ Сына, но не раждается Сыномъ, а только исходитъ; онъ также объяснялъ бы, что «отъ Моего» не относится къ Отцу, какъ это и толковали всѣ, кто вѣрилъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Если же Августинъ приписываетъ начало Сына Одному Отцу, то, конечно, ясно, что онъ никогда не вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Тѣмъ же основаніемъ доказываетъ онъ, что Духъ не исходитъ отъ Сына, какимъ доказываетъ, что Онъ не рожденъ Сыномъ,—именно: не рожденъ Сыномъ и не исходитъ Св. Духъ отъ Сына потому, что имѣетъ все такъ же, какъ и Сынъ,—отъ Отца. Что Августинъ признавалъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца, доказываютъ наконецъ заключительныя слова указаннаго мѣста: «хотя и Сынъ —отъ Отца происходитъ (есть) и Духъ Святый отъ Отца исходитъ, почему однако Оба не называются сынами, не называются Оба рожденными?» и пр. Вѣруя въ исхожденіе Духа Святаго отъ Сына, какъ могъ бы задавать такой вопросъ Августинъ и тутъ же не упомянуть объ этомъ исхожденіи?

Наконецъ въ С-мъ изслѣдованіи на Іоанна (т. IX, листъ 158) Августинъ говоритъ: «то, что (Господь) говоритъ: отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ—воспримите правомыслящимъ (каѳолическимъ) умомъ. Ибо, какъ еретики думали, Духъ Святый не меньше Сына оттого, что Сынъ получаетъ отъ Отца, а Духъ Святый отъ Сына, какъ бы по нѣкоторымъ ступенямъ ихъ природъ. Прочь такое вѣрованіе, прочь такое утвержденіе, прочь такая мысль изъ христіанскихъ сердецъ! Наконецъ Самъ (Господь) непосредственно разрѣшилъ вопросъ и объяснилъ, почему Онъ такъ сказалъ: все, говоритъ, что имѣетъ Отецъ,—Мое, потому-то Я и сказалъ—отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ [1]). Чего же вы больше хотите? Слѣдовательно, Духъ Святый

[1]) Іоан. XVI, 15.

получаетъ отъ Отца, откуда получаетъ и Сынъ. Значитъ—въ Тройцѣ отъ Отца рожденъ Сынъ и исходитъ Духъ Святый; Одинъ только Отецъ ни отъ кого не рожденъ, ни отъ кого не исходитъ».

Такимъ образомъ и здѣсь Августинъ доказываетъ, что слова—«отъ Моего возьметъ» нужно толковать: не отъ Сына, а отъ Отца. Такого толкованія съ его стороны не могло бы быть, если бы онъ вѣрилъ въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, Затѣмъ, отвѣчая на предположеніе, что Св. Духъ можетъ казаться меньше (ниже) Сына потому, что получаетъ отъ Сына, онъ отрицаетъ полученіе Духомъ отъ Сына, прибавивъ, что онъ получаетъ отъ Отца, отъ Котораго исходитъ. Если же Духъ Святый не получаетъ отъ Сына, какъ Своего производителя, значитъ —Онъ отъ Него и не исходитъ. И если бы Августинъ вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, онъ, конечно, отвѣтилъ бы въ этомъ случаѣ, что оттого, что Духъ получаетъ отъ Сына, Онъ не меньше по степени природы Сына, ибо равнымъ образомъ Сынъ получаетъ отъ Отца, однако не меньше Его по степени природы.

Далѣе—въ книгѣ «о вѣрѣ и символѣ» (т. III, листъ 48) Августинъ говоритъ: «ученые и великіе изслѣдователи божественнаго писанія не выяснили еще столь подробно и тщательно вопросъ о Св. Духѣ, чтобы можно было легко уразумѣть Его свойство, то свойство, по которому Его мы не можемъ называть ни Сыномъ, ни Отцомъ, а только Духомъ Святымъ. Они только утверждаютъ, что Онъ—даръ Божій и убѣждаютъ, чтобы мы вѣрили, что Богъ не дастъ дара ниже Себя. Однако они остерегаются провозглашать Духа Святаго рожденнымъ, подобно Сыну, отъ Отца,—ибо единственный (Сынъ) есть Христосъ,—ни отъ Сына рожденнымъ и слѣдовательно внукомъ верховнаго Отца; а утверждаютъ, что тѣмъ, что Онъ есть, Онъ никому не обязанъ, кромѣ Отца, отъ Котораго —все, и дѣлаютъ это для того, чтобы мы не устанавливали двухъ началъ безъ начала,—что совершенно ложно и безсмысленно и свойственно не каѳолической вѣрѣ, а нѣкорымъ еретикамъ».

Этими словами Августинъ показываетъ, въ какомъ смыслѣ предшествовавшіе ему Отцы отвергали происхожденіе Св. Духа отъ

Отца, и въ какомъ отъ Сына: отъ Отца Духъ—не рожденъ и не есть Его Сынъ; не рожденъ и отъ Сына и не есть какъ бы внукъ Отца; устанавливая же, отъ какого лица произошелъ Духъ Святый, онъ прибавляетъ: «тѣмъ, что Онъ есть, никому Онъ не обязанъ, кромѣ Отца». Опредѣляя отрицательно способъ происхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына, Августинъ имѣетъ въ виду установить источникъ Его существованія только отъ Отца. Конечно, онъ этимъ показываетъ, что всѣ Отцы до него вѣрили, что Духъ Святый причиною своего существованія имѣетъ только Отца, а не вмѣстѣ съ Нимъ и Сына. Ибо если бы онъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то, какъ онъ только что отрицалъ рожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, такъ, наоборотъ, при указаніи, отъ кого имѣетъ существованіе Св. Духъ, онъ также долженъ былъ бы назвать не Одного Отца, но Отца и Сына. Такова же была, очевидно, и мысль Августина: ибо какимъ образомъ онъ могъ отступить отъ мнѣнія тѣхъ, которыхъ называетъ учеными и великими изслѣдователями божественнаго писанія? Тѣмъ болѣе, что онъ прибавилъ: «дабы не устанавливать двухъ началъ безъ начала». Слѣдовательно въ приведенномъ мѣстѣ Августинъ подтверждаетъ также вѣру его предшественниковъ, т. е. вѣру ихъ въ исхожденіе Св. Духа только отъ Отца.

Въ IV кн. «о Троицѣ», въ XX-й гл. (т. III, листъ 104). у Августина есть слѣдующее мѣсто: «Господь, говоря: Котораго пошлю вамъ отъ Отца,—показываетъ, что Духъ—и Отца, и Сына; когда же Онъ сказалъ:—Котораго пошлетъ Отецъ, то прибавилъ:—во имя Мое,—но не сказалъ: Котораго пошлетъ Отецъ отъ Меня, подобно тому какъ выразился Самъ:—Котораго Я вамъ пошлю отъ Отца. Этимъ Онъ, очевидно, показалъ, что начало всей божественности, или лучше сказать, божества есть Отецъ.» —

Если же Отецъ не посылаетъ Духа Святаго отъ Сына, но скорѣе Сынъ посылаетъ Его отъ Отца, потому что Отецъ есть начало божества, т. е. начало Сына и Духа Святаго; то отсюда слѣдуетъ, конечно, заключить, что Сынъ не есть начало ни Себя, ни Св. Духа. Съ другой стороны, если Духъ Святый исходитъ еще и отъ Сына, то Отецъ пошлетъ Его такъ же отъ

Сына, какъ Сынъ посылаетъ Его отъ Отца. Въ такомъ случаѣ равное, тождественное и единственное начало Св. Духа былъ бы Отецъ и Сынъ. Но такъ какъ ложно, что Отецъ посылаетъ Св. Духа отъ Сына, то, конечно, ясно, что Духъ Святый никоимъ образомъ не исходитъ и отъ Сына.—

Въ «руководствѣ къ Лаврентію» (enchiriclium ad Laurentium въ гл. IX-й (т. III, листъ 51) Августинъ говоритъ: «достаточно для христіанина вѣровать, что причина тварей небесныхъ и земныхъ, видимыхъ и невидимыхъ заключается только въ благости Творца, Который есть единый и истинный Богъ;—вѣровать, что нѣтъ никакой природы, которая не была бы Онъ Самъ, или отъ Него;—что Онъ есть Тройца, именно: Отецъ, и рожденный отъ Отца Сынъ, и Духъ Святый, исходящій отъ Того же Отца, но Единый и Тотъ же Духъ и Отца, и Сына».

Въ этомъ мѣстѣ Августинъ, выражая всю христіанскую вѣру («достаточно, говоритъ, для христіанина вѣровать» и пр.), въ отношеніи произведенія лицъ Св. Тройцы назвалъ Одного только Отца, отъ Котораго исходитъ Духъ Святый. Итакъ онъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, а не также и отъ Сына. Опять тутъ же онъ говоритъ: «Духъ Святый исходитъ отъ Того же Отца, но есть Единый и Тотъ же Духъ Отца и Сына». Конечно, и въ отношеніи исхожденія присоединилъ бы онъ Сына къ Отцу, какъ дѣлаетъ это въ отношеніи принадлежности Св. Духа Отцу и Сыну, если бы вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына. Иначе нѣтъ возможности объяснить различіе въ его выраженіи: почему, въ самомъ дѣлѣ, Августинъ, говоря объ исхожденіи Св. Духа, пропустилъ прибавить при Отцѣ и Сына, а говоря о томъ, что Духъ принадлежитъ Отцу и Сыну, присоединилъ къ Отцу и Сына? Мало того, приведенными словами онъ показываетъ, что подобно тому, какъ Сынъ рожденъ отъ Отца, такъ отъ Того же Отца исключительно исходитъ Духъ Святый, принадлежащій однако вмѣстѣ Отцу и Сыну. Раздѣлительная частица «но», употребленная имъ («но Единый и Тотъ же Духъ и Отца, и Сына»), даетъ при этомъ понять, что онъ подъ словомъ Отца (отъ Котораго исходитъ Духъ Святый) отнюдь не понималъ и Сына. Такимъ образомъ совпаденіе Отца

и Сына ограничивается только тѣмъ, что Духъ Святый принадлежитъ Тому и Другому; но въ исхожденіи Св. Духа Сынъ не участвуетъ.—

Въ кн. XV «о Тройцѣ», въ гл. XVII-й Августинъ говоритъ: «и однако не напрасно въ этой Тройцѣ Сыномъ называется только Слово Божіе, даромъ Божіимъ—только Духъ Святый, а Отцомъ только Богъ, отъ Котораго родилось Слово, и исходитъ Духъ Святый».

Такъ именно нужно читать это мѣсто, а не: «Отцомъ (называется) только Богъ, отъ Котораго исходитъ главнымъ образомъ (principaliter) Духъ Святый, а потому я прибавилъ—главнымъ образомъ» и пр., какъ обыкновенно латиняне читаютъ. Въ главѣ о поврежденіяхъ въ твореніяхъ латинскихъ Отцовъ мы это доказали [1]).—Ясно Августинъ здѣсь показываетъ, что отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый и раждается Сынъ.—

Что таково было вѣрованіе каѳоликовъ (православныхъ) явствуетъ и изъ тѣхъ возраженій, которыя выставилъ противъ нихъ Максиминъ, епископъ Аріанъ. Такъ этотъ еретикъ, по свидѣтельству Августина (I кн. «противъ Максимина», т. VI, листъ 225), говорилъ: «удивляюсь я, любезнѣйшій. Такъ какъ вы утверждаете, что Духъ Святый происходитъ изъ сущности Отца, то, если и Сынъ—изъ сущности Бога Отца, и Духъ—изъ сущности Отца, почему Одинъ изъ Нихъ есть Сынъ, а Другой—не Сынъ? Въ чемъ передъ вами Послѣдній провинился? Если Онъ—изъ той же сущности, если Онъ равенъ Сыну, то почему же Онъ не признается наслѣдникомъ всего? Почему и Онъ не Сынъ? Почему и Онъ не называется тѣмъ же именемъ, что и Христосъ, первородный всей твари? Или если Христосъ равенъ (Духу Святому), то Онъ уже не Одинъ Единородный, такъ какъ имѣетъ и другого рожденнаго съ Нимъ и притомъ изъ той же сущности Отца, откуда, по вашимъ словамъ, произошелъ и Сынъ. Это даже печально слышать.»

И черезъ нѣсколько строкъ дальше тотъ же Аріанинъ (листъ 226) возражаетъ: «можетъ быть, ты придаешь Ему (Сыну Божію) брата, такъ какъ утверждаешь, что Духъ Святый сходенъ и

[1]) См. предыдущую главу, поврежденіе XIX-е. *Прим. перевод.*

равенъ Ему и притомъ признаешь, что и Онъ также происходитъ изъ сущности Отца,—если такъ,—слѣдовательно Сынъ уже не есть Единородный, такъ какъ есть и другой (происходящій) изъ той же сущности». И тутъ Аріанинъ еще разъ указываетъ на вѣру каѳоликовъ (православныхъ), что Духъ Святый происходитъ отъ Того же Отца, что и Сынъ, и изъ той же сущности Отца, что и Сынъ, и только отъ Одного и Того же Отца. Если же бы каѳолики вѣрили, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то Аріанинъ, конечно, выставилъ бы противъ Августина и это исхожденіе, какъ, по его мнѣнію, неосновательное заблужденіе.—

Въ III кн. противъ того же Максимина, въ гл. XII-й, Августинъ въ отвѣтъ на возраженіе Аріанина, что Отецъ могущественнѣе Сына, такъ какъ Онъ родилъ Сына, а Сынъ не родилъ никого, говоритъ (листъ 236): «не правда, что, какъ ты думаешь, Отецъ могущественнѣе Сына потому, что Отецъ родилъ Творца, а Сынъ Творца не родилъ: не не могъ (этого сдѣлать Сынъ), но не слѣдовало. Ибо было бы безмѣрнымъ рожденіе божества, если бы рожденный Сынъ родилъ внука Отцу; да и этого внука, если бы Онъ не родилъ своему дѣду правнука, вы по вашей удивительной мудрости назвали бы безсильнымъ. Равнымъ образомъ, если бы этотъ послѣдній не родилъ внука своему дѣду и праправнука своему прадѣду, то также вы не назвали бы его всемогущимъ. Такимъ образомъ рядъ рожденій былъ бы безконечнымъ, если бы одинъ родился отъ другого,—и его не закончилъ бы никто, если бы не было достаточно одного всемогущаго».

Конечно, если бы Августинъ вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, онъ въ двухъ словахъ могъ бы опровергнуть еретика. Онъ могъ бы сослаться на это исхожденіе и возразить: какимъ образомъ, хотя Сынъ не рождаетъ другого Сына, Отецъ —могущественнѣе Сына, когда Сынъ произвелъ Творца Духа Святаго? При этомъ основаніе, приведенное Августиномъ противъ рожденія Сыномъ сына, имѣетъ одинаковую силу и противъ исхожденія Св. Духа отъ Сына: «могъ Сынъ, говоритъ онъ, родить Сына, но этого не слѣдовало дѣлать». Почему? «Потому что въ этомъ случаѣ рожденіе было бы безконечнымъ». На томъ же основаніи не слѣдовало Сыну просто производить Творца, по-

тому что также бы безконечнымъ оказалось бы божественное произведеніе,—т. е. произведенный Духъ Святый въ свою очередь долженъ былъ бы производить другого Духа и т. д. Одинаковое основаніе какъ для рожденія, такъ и для исхожденія.—

Въ словѣ CXXIX «о времени» (т. X, листъ 292) Августинъ повторяетъ анаѳемы папы Дамаса: «если кто не признаетъ, что Духъ Святый отъ Отца истинно и въ собственномъ смыслѣ, подобно Сыну, изъ Божественной сущности, и есть истинный Богъ, да будетъ анаѳема. Если кто скажетъ, что Духъ Святый—тварь, или что Онъ сотворенъ Сыномъ, да будетъ анаѳема. Если кто не признаетъ, что Отецъ создалъ черезъ Сына и Духа Святаго все, т. е. видимое и невидимое, да будетъ анаѳема. Если кто не признаетъ, что у Отца, Сына и Св. Духа одно Божество, одинаковое величіе, могущество, одна слава и владычество, одно царство и одна воля, да будетъ анаѳема. Если кто не признаетъ, что существуютъ три истинныхъ лица—Отца, Сына и Св. Духа, всегда живущія, все видимое и невидимое содержащія, надъ всѣмъ властвующія, все судящія, все оживляющія, все творящія, все, что подлежитъ спасенію, спасающія—да будетъ анаѳема: Если кто не признаетъ, что Духъ Святый долженъ быть почитаемъ всей тварью такъ же, какъ Сынъ и Отецъ, да будетъ анаѳема. Если кто право мыслитъ объ Отцѣ и Сынѣ, а о Духѣ Святомъ не правое имѣетъ сужденіе—тотъ еретикъ.» Какъ важно это мѣсто для доказательства исхожденія Св. Духа отъ Одного Отца, было показано выше, когда рѣчь шла объ анаѳематствованіяхъ Дамаса.

Въ IV кн., XXI гл. «о Троицѣ» (т. III, листъ 104) Августинъ говоритъ: «теперь, на сколько я думаю, достаточно доказано, что Сынъ не меньше оттого, что посланъ Отцомъ, и Духъ—не меньше оттого, что Отецъ и Сынъ Его послали. Въ писаніи это (посланничество Сына и Св. Духа) понимается либо по отношенію къ видимой твари, или скорѣе по отношенію единства начала (разумѣется, въ Отцѣ, ибо до сихъ поръ Августинъ подъ началомъ разумѣлъ Отца, да и дальнѣйшія слова: «если бы даже Богъ Отецъ благоволилъ» и пр. на это указываютъ), но не въ смыслѣ неравенства, неодинаковости или несходства (ихъ)

сущности,—такъ какъ, если бы даже Богъ Отецъ благоволилъ показать Себя видимо въ образѣ подчиненной твари, то очень нелѣпо было бы назвать Его посланнымъ отъ Сына, Котораго Онъ родилъ, или отъ Духа Святаго, Который отъ Него исходитъ». И изъ этого мѣста вытекаетъ несомнѣнное доказательство, что Августинъ никогда не признавалъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына. Потому, говоритъ онъ, нельзя сказать, что Богъ Отецъ посылается Сыномъ, или Духомъ Святымъ даже въ видимой твари, что Сынъ Имъ рожденъ, а Духъ Святый отъ Него исходитъ. Слѣдовательно Духъ Святый отнюдь не исходитъ Отъ Сына, такъ какъ несомнѣнно, что Сынъ посланъ въ этотъ міръ Духомъ Святымъ: этому учитъ не только Священное Писаніе, но этого держится вся каѳолическая Церковь. Настолько, значитъ, ложно утвержденіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, насколько вѣрно, что Сынъ въ видимой плоти посланъ Духомъ Святымъ.

Вотъ почему Августинъ, въ другихъ мѣстахъ много разъ доказывающій, что Сынъ есть начало, и объясняющій, какимъ образомъ Онъ служитъ началомъ,—никогда не говоритъ, что Сынъ есть начало Духа Святаго, но только начало твари. Такъ въ I кн., VI гл. «буквальнаго (ad litteram) толкованія на кн. Бытія» Онъ выражается: «когда Писаніе говоритъ: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, то подъ словомъ Богъ мы разумѣемъ Отца, подъ словомъ начало—разумѣемъ Сына, Который есть начало не для Отца, но Имъ самимъ первоначально созданной, въ особенности духовной, а слѣдовательно и вообще всей твари. Когда же Писаніе говоритъ: и Духъ Божій носился вверху воды,—то мы признаемъ тутъ полное упоминаніе Тройцы». Конечно, если бы Августинъ признавалъ Сына началомъ Духа Святаго, то онъ тутъ же прибавилъ бы, что Сынъ именуется началомъ еще и потому, что Онъ—начало Духа Святаго; тѣмъ болѣе онъ это сдѣлалъ бы, что раньше, говоря объ Отцѣ, онъ заявляетъ, что Сынъ не есть начало Отца. Между тѣмъ Августинъ въ приведенныхъ словахъ выражаетъ положеніе, что Сынъ есть начало только твари, а не—божественной сущности. Ясно, что онъ самъ не признавалъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына, какъ Его начала. И дальше вездѣ онъ учитъ, что Сынъ есть начало только по отношенію къ твари.—

Въ I кн., гл. V «буквальнаго толкованія на кн. Бытія» Августинъ говоритъ: «начало разумной твари есть вѣчная Мудрость; это начало, пребывая въ Себѣ неизмѣнно, никоимъ образомъ не перестаетъ тайнымъ внушеніемъ призыванія говорить той твари, которой она служитъ началомъ, чтобы она обратилась къ тому, изъ чего она (произошла), потому что иначе она не можетъ имѣть ни вида, ни законченнаго бытія. Поэтому Господь на вопросъ: кто Онъ?—отвѣтилъ: Я—начало, Который и говорю съ вами». То же Августинъ говоритъ и въ V-й кн., гл. XIII «о Тройцѣ»: «называется Сынъ и началомъ. Ибо когда Ему сказали: Ты—Кто? Онъ отвѣтилъ: [1]) начало, Который и говорю вамъ. Но не начало ли Онъ Отца? Ибо Онъ благоволилъ показать, что Онъ Творецъ, называя Себя началомъ въ томъ смыслѣ, какъ и Отецъ есть начало твари, такъ какъ все изъ Него происходитъ». Также и въ LIX посланіи въ концѣ: «Онъ (Господь) благоволилъ дать понять, что Онъ—начало, когда на вопросъ: Ты—Кто? отвѣтилъ: начало, Который и говорю вамъ. Все Имъ создано, и безъ Него ничего не создано».

Въ «руководствѣ къ Лаврентію» (гл. XXXVIII, т. III, листъ 55) Августинъ пишетъ: «исповѣдуемъ Господа нашего Іисуса Христа, Который—Богъ отъ Бога, человѣкомъ же родился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, въ той и другой сущности, т. е. въ божеской и человѣческой; Онъ есть единственный Сынъ всемогущаго Отца, отъ Котораго исходитъ Духъ Святый».

Въ кн. IV, гл. XX «о Тройцѣ» онъ говоритъ: «Отцу не отъ кого быть посланнымъ и не отъ кого исходить. Премудрость именно говоритъ: Я изъ устъ Высочайшаго произошла. И о Духѣ Святомъ сказано: отъ Отца исходитъ. А Отецъ—ни отъ кого». И тутъ же опять: «подобно тому какъ—быть рожденнымъ—значитъ по отношенію къ Сыну—получить бытіе (быть) отъ Отца, такъ и быть посланнымъ—значитъ по отношенію къ Сыну, что Онъ происходитъ (есть) отъ Отца. И подобно тому какъ

[1]) Іоан. VIII, 25. Относительно этого мѣста евангелія существуютъ разныя мнѣнія у Отцовъ Церкви. Одни переводятъ греч. τὴν ἀρχήν-во-первыхъ (Св. Кириллъ Іерусалимскій),—другіе—начало (Амвросій, Августинъ). Въ русскомъ переводѣ стоитъ: во-первыхъ. *Прим. перев.*

выраженіе—Духъ Святый есть даръ Бога—значитъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, такъ и выраженіе—посланъ—значитъ исходитъ отъ Него (Отца)».

Въ V кн., гл. XI «о Тройцѣ» (т. III, л. 107) читаемъ: «Духъ Святый есть даръ Отца и Сына, потому что Онъ отъ Отца исходитъ, какъ говоритъ Господь, и потому, что Апостолъ въ выраженіи: Кто Духа Христова не имѣетъ, то и не есть Его, говоритъ именно о Самомъ Св. Духѣ». И въ гл. XXIV находимъ слѣдующее мѣсто: «если по взаимному отношенію лицъ Тройцы другъ къ другу раждающій есть начало для того, что рождается, то Отецъ есть начало по отношенію къ Сыну, такъ какъ Онъ Его родилъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго вопроса о томъ, служитъ ли Отецъ началомъ и по отношенію къ Духу Святому, ибо сказано, что Онъ отъ Отца исходитъ. Но въ этомъ случаѣ Онъ (Отецъ) уже не будетъ началомъ для Духа, какъ для вещи, которую родилъ или сотворилъ, но какъ для вещи, которую дастъ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, которое обыкновенно многихъ волнуетъ, именно: почему и Духъ Святый не есть Сынъ, когда и Онъ исходитъ отъ Отца, какъ сказано въ евангеліи? Онъ именно пошелъ не какъ рожденный, но какъ данный,—и потому не называется Сыномъ, что и не рожденъ, какъ Единородный, и не созданъ, чтобы, подобно намъ, родиться по благодати Божіей черезъ усыновленіе».

Уподобивши во многихъ главахъ IX-книги Тройцу уму, который рождаетъ знаніе и сохраняетъ воспоминаніе (память—μνημονία), причемъ однако сущность этихъ трехъ явленій—одна, Августинъ наконецъ въ XII кн. изслѣдованія «о Тройцѣ» (на листѣ 121) такимъ образомъ продолжаетъ черезъ уподобленіе изъяснять Тройцу: «и такъ что же? Любовь (подъ любовью Августинъ понимаетъ Духа Святаго) не будетъ ни образомъ, ни словомъ, ни (чѣмъ-нибудь) рожденнымъ? Зачѣмъ же умъ (разумѣетъ Августинъ Отца) раждаетъ свое знаніе, зная Себя, а любви не раждаетъ, любя Себя? Вѣдь если Онъ служитъ причиною своего знанія потому, что Онъ познаваемъ, то также Онъ есть причина своей любви, потому что Онъ можетъ быть любимъ. Трудно сказать, почему Онъ (т. е. умъ) не родилъ обоихъ (т. е. знанія

и любви). Этотъ-то вопросъ по отношенію къ высочайшей Троицѣ всемогущаго Творца Бога, по образу Котораго созданъ человѣкъ, волнуетъ обыкновенно людей, призываемыхъ божественною истиною къ вѣрѣ посредствомъ человѣческаго слова. Почему также и Духъ Святый не признается рожденнымъ, чтобы и Его можно было назвать Сыномъ?» Черезъ нѣсколько строкъ Августинъ выражается еще такъ: «что же слѣдуетъ сказать о любви? Почему Умъ любя Себя, не родилъ и Своей собственной любви? Почему Онъ не называется Родителемъ Своей любви, подобно тому какъ, сознавая Себя, Онъ родилъ Свое знаніе? Ясно однако тутъ, что начало любви заключается тамъ, откуда она исходитъ: исходитъ она изъ Самого Ума, Который Себѣ любезенъ, прежде чѣмъ Себя любитъ, и такимъ образомъ Онъ есть начало той любви къ Себѣ, которою Себя любитъ».

Въ XII кн., гл. V «о Троицѣ» (листъ 130) Августинъ говоритъ: «мнѣ кажется, что неосновательно мнѣніе тѣхъ, кто думаетъ, что примѣнительно къ человѣческой природѣ можно образъ Троицы въ трехъ лицахъ сравнить съ союзомъ мущины, женщины и ихъ дитяти (напр. съ Адамомъ, Сиѳомъ и Евою); такъ мужъ представляетъ собою лицо Отца; лицо Сына—изображаетъ то, что произошло отъ мужа посредствомъ рожденія; а третьимъ лицомъ, подобнымъ Духу, называется жена, которая такъ произошла отъ мужа, что она—не сынъ, и не дочь, а между тѣмъ отъ ея зачатія родилось потомство. Господь сказалъ (говорятъ представители подбнаго мнѣнія), что Духъ Святый отъ Отца исходитъ, однако не есть Сынъ. Въ этомъ мнѣніи, представляющемъ заблужденіе, одно только имѣетъ видъ нѣкоторой основательности, именно, что въ происхожденіи созданной женщины, какъ его изображаетъ Св. Писаніе, достаточно доказано, что не все то, что произошло отъ другого лица и можетъ само произвести другое лицо, можетъ называться Сыномъ: такъ изъ лица мужа произошло лицо жены, однако она не названа его дочерью. Все прочее такъ нелѣпо, мало того - ложно, что можетъ быть очень легко опровергнуто». И въ VI главѣ, еще разбирая приведенное уподобленіе, Августинъ замѣчаетъ: «мы не потому отвергаемъ это мнѣніе, что боимся представить себѣ святую, непарушимую и неизмѣнную любовь (т. е. Духа Святаго), какъ

супругу Бога Отца, отъ Него получившую существованіе, но не какъ рожденную, чтобы въ свою очередь родить Слово, Которымъ все сотворено,—но потому, что Св. Писаніе доказываетъ его ложность».

Въ XV кн., гл. VI того же сочиненія говорится (на листѣ 130): «вдумываясь въ это, мы видимъ какъ Говорящаго, такъ и Его Слово, Отца и Сына, и оттуда (изъ Отца) исходящую любовь, общую Тому и Другому, т. е. Духа Святаго».

Въ XV кн., гл. XVII (на листѣ 148) читаемъ: «Богъ есть любовь отъ Бога. Но такъ какъ и Сынъ родился отъ Бога Отца, и Духъ Святый исходитъ отъ Бога Отца, то естественно является вопросъ, Кого изъ Нихъ скорѣе мы должны разумѣть здѣсь подъ именемъ Бога-любви. Отецъ Одинъ есть Богъ, не происходящій отъ Бога, поэтому любовью, которая есть Богъ отъ Бога, долженъ быть либо Сынъ, либо Духъ Святый. Итакъ Духъ Святый, Который исходитъ отъ Бога, будучи данъ человѣку, зажегъ въ немъ любовь къ Богу и ближнему,—Онъ и есть любовь». То же говоритъ Августинъ въ XVIII главѣ: «любовь, которая отъ Бога происходитъ и есть Богъ, есть собственно Духъ Святый». И въ XIX главѣ: «Богъ есть любовь, та любовь, которая отъ Бога происходитъ и дѣйствуетъ такъ, чтобы мы пребывали въ Богѣ и Онъ въ насъ. Это мы знаемъ, потому что Богъ далъ намъ отъ Духа Своего, а Духъ Его и есть Богъ—любовь. Затѣмъ, если среди даровъ Божіихъ нѣтъ ничего выше любви и нѣтъ выше дара Божія, какъ Св. Духъ, то что можетъ быть послѣдовательнѣе заключенія, что Онъ и есть любовь,—Онъ, Который называется и Богомъ, и отъ Бога?» Тамъ же въ гл. XXIII (листъ 156): «память въ человѣкѣ, особенно та, которой лишены животныя, т. е. та, въ которой сохраняются мыслимыя вещи, не приходя въ нее черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, имѣетъ въ образѣ Троицы, конечно, безконечно несравнимое, однако все-таки нѣкоторое подобіе Отца. Точно также человѣческая мысль, которая черезъ напряженіе мышленія изъ послѣдняго образуется, въ то время какъ мыслимое выражается словомъ, но не на языкѣ какомъ-нибудь, а только въ сердцѣ, имѣетъ при громадной несоизмѣримости нѣкоторое подобіе Сына.—И любовь человѣческая,

исходящая изъ знанія и объединяющая память и мысль, какъ бы общая рождающему и рождаемому, при чемъ ея нельзя принимать ни за то, ни за другое, имѣетъ въ этомъ образѣ нѣкоторое, хотя очень отдаленное, подобіе Духа Святаго».

И въ гл. XXV: «тамъ мы увидимъ истину безъ всякаго затрудненія, и притомъ станемъ наслаждаться ею во всей ясности и достовѣрности и не будемъ добиваться разсужденіемъ, но уразумѣемъ созерцаніемъ, почему Духъ Святый—не Сынъ, хотя исходитъ отъ Отца». И въ главѣ XXVII: «подними глаза на самый свѣтъ и смотри на него пристально, если можешь. Тогда ты и увидишь, насколько различается рожденіе Бога Слова отъ исхожденія Дара Бога, вслѣдствіе чего Единородный Сынъ назвалъ Духа Святаго не рожденнымъ отъ Отца, иначе Онъ былъ бы Его братомъ, но исходящимъ». Такое-же ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца развиваетъ Августинъ дальше на подобномъ примѣрѣ Троицы въ словахъ, настоящій текстъ которыхъ мы возстановили раньше, говоря о поврежденіяхъ въ твореніяхъ западныхъ Отцовъ [1]), «однако она въ самомъ тебѣ показываетъ тебѣ три явленія, чтобы ты въ нихъ позналъ образъ высочайшей Троицы, недоступный созерцанію самаго пристальнаго взгляда. Она показываетъ тебѣ, что въ тебѣ находится истинное слово, когда оно рождается изъ твоего знанія, т. е. когда мы выражаемъ (словомъ) то, что знаемъ; при этомъ мы не заимствуемъ ни изъ какого языка обозначеніе того, что знаемъ, но наша мысль образуется изъ самого этого знанія и въ умѣ мыслящаго находится самый подходящій образъ его мысли, который онъ хранилъ въ памяти, объединяющей такимъ образомъ эти двѣ вещи (мысль и ея образъ), какъ отца и его сына, посредствомъ третьяго (начала), т. е. хотѣнія или любви. Это хотѣніе исходитъ изъ знанія, ибо никто не хочетъ того, о чемъ вовсе не знаетъ, что̀ оно такое и каково; однако оно не есть образъ мысли, такъ что въ дѣлѣ мышленія вкрадывается нѣкоторое разстояніе между рожденіемъ (мысли) и исхожденіемъ (выраженіемъ): не одно и тоже созерцать въ мысли—и хотѣть, или обнимать желаніемъ. Пусть всякій, кто можетъ, это разсудитъ и пойметъ».

[1]) См. предыдущую главу, поврежденіе XV.

Въ CXXXI словѣ «о времени» (т. X, листъ 330) Августинъ говоритъ: «природа божества исключаетъ всякое дѣленіе и неравенство. Согласно съ евангельской истиной,—какъ Сынъ исшелъ отъ Отца, такъ и Духъ Святый отъ Отца исходитъ». И въ CXCI словѣ «о времени» (листъ 339): «да пребудутъ на всегда твердыми и нерушимыми правило Церкви и Св. Преданіе и сужденія Отцовъ. Вѣра же нашихъ Отцовъ заключается вотъ въ чемъ: вѣруемъ въ Бога Отца,—и въ Господа Іисуса Христа,—вѣруемъ и въ Духа Святаго, Бога истиннаго, отъ Отца исходящаго, равнаго Отцу и Сыну во всемъ:—природою, волею, могуществомъ, вѣчностью, сущностью». И заключаетъ (на листѣ 340): «такова вѣра, любезнѣйшіе братья, которой мы научились въ каѳолической Церкви, которой всегда держались и держимся, которой и вы, вѣримъ, будете впредь держаться».—

Въ CXCIV рѣчи «о времени» встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто (л. 343): «Это—Духъ Святый, Котораго Господь, собираясь восходить къ Отцу, обѣщаетъ Своимъ ученикамъ, говоря: когда же придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ станетъ свидѣтельствовать обо Мнѣ. О немъ Господь раньше говоритъ: Утѣшитель же, Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, Онъ васъ научитъ всему. Такимъ образомъ эти слова доказываютъ, что Духъ Святый, Котораго Отецъ пошлетъ во имя Мое, Который отъ Отца исходитъ,—одной сущности съ Отцомъ и Сыномъ».—

Въ XCIX изслѣдованіи на евангеліе Іоанна (т. IX, л. 157) Августинъ пишетъ: «Одинъ Отецъ не происходитъ отъ Иного. Ибо и Сынъ отъ Отца рожденъ, и Духъ Святый отъ Отца исходитъ, а Отецъ и не родился отъ иного (кого нибудь), ни исходитъ. Поэтому, конечно, не можетъ имѣть мѣста въ человѣческомъ мышленіи какое-нибудь неравенство въ высочайшей Троицѣ: и Сынъ—равенъ Тому, отъ Котораго родился, и Духъ Святый—равенъ Тому, отъ Котораго исходитъ». И далѣе: «Духъ Святый услышитъ отъ Того, отъ Кого исходитъ. Слышать—для Него—то же, что знать, а знать, какъ выше доказано, значитъ—быть. Слѣдовательно—Онъ не отъ Самого Себя (происходитъ), но отъ Того, отъ Кого исходитъ;—отъ Того является для него знаніе,

отъ Кого—бытіе;—отъ Того поэтому слышаніе, отъ Кого ничто другое не происходитъ, кромѣ знанія». И наконецъ: «отъ Того, конечно, услышалъ, слышитъ и будетъ слышать, отъ Кого Онъ произошелъ (есть), отъ Того есть (произошелъ), отъ Кого исходитъ». Въ этихъ словахъ Августинъ многократно упоминаетъ, говоря о происхожденіи и исхожденіи Св. Духа, только объ одномъ лицѣ, которымъ можетъ быть, конечно, только Богъ Отецъ.

Въ CVII изслѣдованіи на евангеліе Іоанна (листъ 164) читаемъ: «и не отъ твари, подчиненной Отцу и Сыну, долженъ былъ получить (Духъ Святый) то, о чемъ (Господь) сказалъ: отъ Моего возьметъ, но, конечно, отъ Отца, отъ Котораго исходитъ Духъ, отъ Котораго родился и Сынъ».

Въ VII изслѣдованіи на посланіе Іоанна (т. IX, л. 200) Августинъ пишетъ: «почему (апостолъ раньше сказалъ) любовь отъ Бога, а теперь (говоритъ) любовь—есть Богъ?— [1]). Есть Богъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святый: Сынъ—Богъ отъ Бога; Духъ Святый—Богъ отъ Бога. И Они—трое—Одинъ Богъ, а не три Бога. Если Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый и Тотъ, въ Комъ обитаетъ Духъ Святый, любитъ, слѣдовательно любовь есть Богъ, но Богъ, потому что отъ Бога. Вотъ почему въ посланіи сказано то и другое: и любовь отъ Бога, и любовь есть Богъ. Объ Одномъ Отцѣ въ Писаніи не встрѣчается выраженіе—отъ Бога: поэтому когда слышимъ слова: отъ Бога, то нужно понимать, что рѣчь идетъ либо о Сынѣ, либо о Духѣ Святомъ».

Въ XXI гл. книги «противъ ученія Аріанъ», въ опроверженіи богохульства Аріанъ, что Духъ Святый сотворенъ Сыномъ, Августинъ говоритъ (т. VI, л. 216): «(они) говорятъ, что Духъ Святый сотворенъ Сыномъ; но нигдѣ въ писаніи этого не могутъ прочитать, такъ какъ Сынъ Самъ говоритъ, что Духъ Святый отъ Отца исходитъ». И въ гл. XXIII (л. 217): «откуда (Духъ Святый) возьметъ, оттуда, безъ сомнѣнія, происходитъ то, что́ Онъ говоритъ, потому что оттуда слышитъ, откуда (сказанное) исходитъ. Знаетъ (Духъ Святый), конечно, слово Божіе, исходя

[1]) I Іоан. IV, 7. 8.

оттуда, откуда раждается Слово. Такимъ образомъ Онъ есть въ одно и то же время и Духъ Отца, и Духъ Слова».

А раньше этого (на л. 216) Августинъ замѣчаетъ: «сообразно съ этимъ, Духъ Святый не отъ Себя Самого говоритъ, потому что не отъ Себя Самого Тотъ, Кто исходитъ отъ Отца; такъ же точно и Сынъ не можетъ отъ Себя ничего творить, не будучи Самъ отъ Себя, какъ я уже выше объяснилъ. А что во всемъ Духъ Святый получаетъ приказаніе Христа, какъ они (Аріане) утверждаютъ, то пусть они вычитаютъ это (въ писаніи), если могутъ. Ибо (въ писаніи сказано: не отъ Себя будетъ (Духъ Святый) говорить—и не прибавлено—что́ отъ Меня услышитъ, а—(просто) что́ услышитъ, будетъ говорить. А почему такъ сказано, выяснилось уже немного раньше изъ рѣчи Господа, которую я привелъ, гдѣ Онъ говоритъ: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое, вотъ почему Я сказалъ: отъ Моего возьметъ (Духъ Святый)». И въ гл. XXIV-ой: «пусть не смущаетъ кого-нибудь, что сказано въ будущемъ времени: возьметъ,—значитъ—возьметъ то, чего еще какъ будто не имѣлъ. Ибо хотя вѣчность понимается пребывающею внѣ времени, но безразлично о ней можно употреблять выраженія времени. Можно именно сказать:—и взялъ (получилъ) (Духъ Святый), потому что пришелъ отъ Отца,—и беретъ (получаетъ), потому что исходитъ отъ Отца,—и возьметъ (получитъ), потому что никогда не перестанетъ исходить отъ Отца. Такъ же точно и Богъ: и есть, и былъ, и будетъ, и однако Онъ не имѣетъ, не имѣлъ, и не будетъ имѣть во времени ни начала, ни конца». И въ гл. XXIX: «справедливо, что Отецъ всему, что существуетъ, далъ бытіе, а Самъ Своего бытія ни отъ кого не получилъ; но равенства Себѣ Онъ не далъ никому, кромѣ Сына, Который отъ Него родился, и Духа Святаго, Который отъ Него исходитъ».—

Въ III кн. «противъ Максимина», въ гл. X (т. VI, л. 235) у Августина читаемъ: «Отецъ есть сила, Сынъ—сила, Духъ Святый—сила: это ты вѣрно говоришь. Но то, что ты утверждаешь, будто сила, отъ силы рожденная, и сила, отъ силы исходящая, имѣютъ не одну и ту же природу,—это ты ложно говоришь, говоришь вопреки правой и каѳолической вѣрѣ». И въ гл. XIV (л.

236): «отъ Отца происходитъ Сынъ, происходитъ отъ Отца и Духъ Святый, но первый—рожденъ, а второй—исходитъ. Не отъ Себя Самого Духъ Святый, но отъ Того, отъ Кого исходитъ». И въ гл. XV (л. 239): «о Духѣ же Святомъ, почему и Онъ отъ Бога происходитъ, и однако не есть Сынъ, ибо о Немъ сказано, что Онъ происходитъ отъ Бога посредствомъ исхожденія, а не рожденія, я уже выше выяснилъ, какъ кажется, достаточно». И въ гл. XXI (л. 243): «такъ какъ Онъ (Духъ Святый) отъ Отца исходитъ, то почему же Ему не возсѣдать вмѣстѣ съ Отцомъ?»

Въ LXVI посланіи (т. II, л. 96) Августинъ пишетъ: «и не уменьшилъ Себя Отецъ тѣмъ, что имѣетъ отъ Себя Сына; но родилъ Онъ отъ Себя другое Себя такъ, что остается цѣлостнымъ въ Себѣ и является въ Сынѣ такимъ же, каковъ Онъ и Одинъ (безъ Сына). Подобнымъ образомъ и Духъ Святый происходитъ цѣлостнымъ отъ цѣлостнаго (а не отъ цѣлостныхъ, замѣчаетъ авторъ); не отдаляется отъ Того [1]), отъ Кого исходитъ, но остается такимъ же съ Нимъ, какимъ исшелъ изъ Него; и не уменьшилъ Его Своимъ исхожденіемъ, и не увеличиваетъ Своимъ соединеніемъ (оставаясь въ Немъ).

Во II кн., гл. III — «о душѣ и ея происхожденіи—къ пресвитеру Петру» (т. VIII, л. 379) Августинъ говоритъ: «природа, имѣющая своимъ виновникомъ Бога, изъ Котораго она происходитъ, иная—не сотворена, иная—сотворена. Та, которая не сотворена, и однако отъ Него происходитъ,—или рождена отъ Него, или исходитъ отъ Него; рожденная—есть Единородный Сынъ,—исходящая—Духъ Святый. Эта Троица имѣетъ одну и ту же природу».

Въ I кн., гл. VIII «о предопредѣленіи святыхъ» онъ же говоритъ (т. VII, л. 404): «поэтому Отцу въ особенности слѣдующее свойственно: отъ Него родился Единородный и отъ Него исходитъ Духъ Святый».

Въ книгѣ «о новомъ пѣніи», въ гл. VII (т. IX, л. 306) Августинъ повторяетъ выше приведенную мысль: «Духъ Святый не предшествуетъ Тому (не отдѣляется отъ Того), откуда Онъ исходитъ,—но цѣлостный отъ цѣлостнаго, и не уменьшаетъ Его Своимъ исхожденіемъ и не увеличиваетъ Своимъ

[1]) Собственно—не предшествуетъ—non praecedit.

сопребываніемъ». И здѣсь Августинъ даетъ понять, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только лица, т. е. отъ Отца.

Во II кн. «о символѣ—къ оглашаемымъ» (т. IX, л. 368) Августинъ говоритъ: «вѣруемъ, что Духъ Святый равенъ Отцу и Сыну, потому что Онъ есть вмѣстѣ въ Отцѣ и въ Сынѣ. Что Онъ есть въ Отцѣ, внимай Сыну, Который сказалъ: Духъ, Который отъ Отца исходитъ, Самъ наставитъ васъ на всякую истину. Откуда же видно, что Онъ есть въ Сынѣ? Самъ Сынъ, посылая послѣ воскресенія учениковъ своихъ проповѣдывать евангеліе, дунулъ имъ въ лицо и сказалъ: примите Духа Святаго».

Въ книгѣ Августина «о воплощеніи Слова», въ гл. XV (т. IV, л. 337) читаемъ: «верховную благость нужно признать въ Богѣ Отцѣ; какъ рожденный Сынъ, такъ и исходящій Духъ несомнѣнно отъ Него заимствуютъ природу благости, заключающейся въ томъ источникѣ, изъ котораго и Сынъ рожденъ, и Духъ Святый исходитъ».

Наконецъ въ книгѣ «объ истинной религіи», какъ приводитъ это мѣсто Ломбардъ въ I кн. своихъ «Мнѣній», въ раздѣлѣ 3-мъ, Августинъ выражается: «подъ верховнымъ началомъ разумѣется Богъ Отецъ, отъ Котораго произошло все, отъ Котораго Сынъ и Духъ Святый».

Вотъ какое множество мѣстъ въ твореніяхъ блаженнаго Августина, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ Отецъ и учитель Церкви признавалъ исхожденіе Духа Святаго только отъ Отца. Такъ же вѣрили и другіе латинскіе писатели V вѣка. Приведемъ мѣста и изъ ихъ сочиненій.

Максимъ [1]), епископъ Туринскій, въ «изложеніи символа» (т. V, ч. I Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 40) пишетъ: «согласно евангельской истинѣ, какъ Сынъ вышелъ отъ Отца, такъ и Духъ Святый отъ Отца исходитъ; и какъ Единородный Сынъ есть Сынъ Бога, такъ и Духъ Святый есть Духъ Бога».

---

[1]) Статъ извѣстенъ ок. 422 г., участвовалъ на соборѣ въ Римѣ въ 465 г. и умеръ въ слѣдующемъ году. *Прим. перев.*

Пелагій [1]) Африканецъ, виновникъ ереси, носящій его имя, въ своей запискѣ «о вѣрѣ», поданной папѣ Римскому Иннокентію (приведена у Баронія подъ 417 годомъ, номеръ XXXI и у Марія Меркатора во II части сочиненій, стр. 307 и 313 Парижскаго изданія 1673 г.) говоритъ: «вѣруемъ и въ Духа Святаго, истиннаго Бога, отъ Отца исходящаго, равнаго Отцу и Сыну во всемъ—волею, могуществомъ, вѣчностью, сущностью».

Целестій [2]) ученикъ Пелагія, въ изложеніи вѣры, представленной Римскому папѣ Зосимѣ (помѣщена во II ч. сочиненій Марія Меркатора, стр. 313, также говоритъ: «вѣруемъ и въ Духа Святаго, Бога истиннаго, отъ Отца исходящаго, равнаго во всемъ Отцу и Сыну:—природою, волею, могуществомъ, вѣчностью, сущностью.

Юліанъ, [3]) епископъ Келанійскій, въ изложеніи вѣры, посланномъ въ Римъ отъ имени 18-ти епископовъ, отказавшихся подписать осужденіе Пелагія и Целестія (помѣщено у того же Меркатора, ч. II, стр. 320) повторяетъ почти дословно тоже, что писали Пелагій и Целестій: «вѣруемъ и въ Духа Святаго, истиннаго Бога, отъ Отца исходящаго, равнаго во всемъ Отцу и Сыну: волею, дѣятельностью, безпрерывностью, сущностью».

Паулинъ [4]) Нолансвій, въ V посланіи къ Аманду (т. V, ч. I Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 182) пишетъ: «Духъ

---

[1]) Палагій собственно родомъ изъ Британніи, изъ области Камарія (теперешній Валлисъ); кромѣ разныхъ другихъ странъ жилъ и дѣйствовалъ и въ Африкѣ. Ушелъ изъ Рима ок. 408 г. *Прим. перев.*

[2]) Целестій, родомъ изъ Шотландіи, ревностный послѣдователь Пелагія, осужденъ вмѣстѣ съ нимъ на Ефесскомъ соборѣ въ 431 г. *Прим. перев.*

[3]) Юліанъ, единомышленникъ Пелагія и Целестія, лишенъ епископства и осужденъ на Ефесскомъ соборѣ;—ум. въ Сициліи ок. 454 г. *Прим. перев.*

[4]) Паулинъ изъ знатнаго римскаго рода, род. въ Бурдигалѣ (Бордо) въ Галліи. Отлично образованный, занималъ высшія должности. Принялъ крещеніе въ 391 году, вскорѣ былъ посвященъ въ священники, а затѣмъ въ епископы. Умеръ всѣми уважаемый въ 431 г.—72 лѣтъ. *Прим. перев.*

Святый, такъ же, какъ и Слово Божіе, Тотъ и Другой—Богъ, пребываютъ въ одной главѣ и истекаютъ изъ одного источника Отца, но Сынъ—рожденіемъ, а Духъ—исхожденіемъ. Сохраняя каждый особенность Своего лица, Они скорѣе будутъ различаемы, чѣмъ раздѣляемы».

Въ этихъ словахъ ясно указывается одинъ источникъ или одно начало, изъ котораго раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый.

Левъ Великій [1]), папа Римскій, въ XCIII посланіи къ Туррибію (гл. V Парижскаго изданія 1614 г., столб. 484) говоритъ: «то, что отъ Бога происходитъ, есть то же, что и Онъ; и это не иное что, какъ Сынъ и Духъ Святый». Отъ Бога, т. е. Отца, слѣдовательно выводитъ Левъ и Сына, и Духа Святаго. На этомъ основаніи и Гинкмаръ, Реймскій архіепископъ, написавшій въ IX вѣкѣ книгу «о истройственномъ Божествѣ» (т. I его сочиненій, стр. 472), такъ приводитъ слова помянутаго посланія: «что отъ Бога Отца происходитъ—есть то, что и Онъ Самъ; и это не иное что, какъ Сынъ и Духъ Святый».

Елевѳерій [2]), епископъ Торнакійскій, въ молитвѣ, которую онъ возносилъ къ Богу, борясь со смертію, такъ молится за вѣру и церковь Торнакійскую (т. XV Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 173): «Отецъ истинный, Ты, Который родилъ истиннаго Сына прежде созданія міра и прежде сложенія вещей, Ты, Который послалъ съ неба исходящаго отъ Тебя Духа Святаго, чтобы Онъ укрѣпилъ сердца Твоихъ учениковъ и прославилъ имя Христа предъ людьми»...

---

[1]) Левъ В., римлянинъ по происхожденію, знаменитѣйшій изъ преемниковъ Петра. Избранъ въ папы въ 440 г., ум. въ 461 г. Упоминаемое здѣсь посланіе написано въ 447 г. къ Испанскому епископу Туррибію съ цѣлью побудить его созвать соборъ противъ Прискилліанъ.— *Прим. перев.*

[2]) Елевѳерій былъ поставленъ въ Торнакійскіе епископы въ 434 г. и 45 лѣтъ правилъ епископіею. Приписываемыя ему сочиненія критики считаютъ подложными и относятъ ихъ не къ V, а къ XII или XIII вѣку.— *Прим. перев.*

Просперъ [1]) Аквитанскій, епископъ Регійскій, въ своей послѣдней эпиграммѣ (т. V, ч. III Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 96) выражается такъ: «единое Божество троихъ, одно и бытіе (полученное) отъ Одного; Тотъ же Духъ Слова и Отца». Отъ Одного, т. е. отъ Отца, выводитъ этотъ поэтъ божественное бытіе, конечно, Сына и Духа Святаго.—

Арнобій [2]) въ I кн. «о Богѣ троичномъ и единомъ противъ Сераціона» (т. V Кельнской библіотеки Отцовъ, ч. III, стр. 202) говоритъ: «такъ какъ Слово родилось изъ устъ Отца, Который Его силою сотворилъ все видимое и невидимое, то никогда слово не могло произойти безъ дуновенія Духа Святаго». Сераціонъ: «слѣдовательно есть два Сына вышедшія изъ устъ Отца, т. е. *Слово и Духъ*». Арнобій: «развѣ когда рождалось Слово повелѣвающаго (Творца), то исходя изъ устъ Его, Оно не говорило того, чего не было? Развѣ и дуновеніе, которое исходило изъ Того, Кто выразилъ (выслалъ) Слово, можетъ быть на какомъ нибудь основаніи названо скорѣе рожденнымъ, чѣмъ исходящимъ? Если же этого нельзя сказать о велѣніи человѣка, то насколько больше нельзя этого допустить относительно Бога? Слово изъ устъ рождающаго не можетъ упасть, чтобы само дуновеніе, полное Духа Святаго, могло быть названо Сыномъ. Но есть Отецъ, Который выслалъ Слово, и Духъ Святый, Который непрестанно исходитъ отъ Отца, имѣя ту же силу, что и Сынъ. Ибо Словомъ Отца утверждены небеса и Духомъ устъ Его вся ихъ сила». И затѣмъ черезъ нѣсколько строкъ (на стр. 203): Арнобій: «Какъ изъ голоса раждается слово, дуновеніе выходитъ не черезъ рожденіе, а черезъ исхожденіе, и при этомъ сохраняется цѣлость звука, слова,—такъ и Духъ Святый, исходящій отъ Отца и охраняющій

---

[1]) Просперъ Аквитанскій, какъ полагаютъ многіе, не былъ нигдѣ епископомъ. Всѣ однако его считаютъ послѣдователемъ мнѣній Августина и пламеннымъ борцомъ противъ Полупелагіанъ. Ум. ок. 460 г. *Прим. пер.*

[2]) Арнобій этотъ былъ Галлъ по происхожденію, жилъ ок. 461 г. и долженъ быть различаемъ отъ современнаго ему Арнобія Африканца, жившаго на сто шестьдесятъ лѣтъ раньше, въ концѣ III и началѣ IV в. *Прим. пер.*

въ каѳолическихъ опредѣленіяхъ цѣлость и совершенство Троицы, открылъ, что Отецъ никогда не былъ безъ Сына». Затѣмъ опять (на стр. 204) Сераніонъ сказалъ: «я припоминаю, что ты назвалъ три лица: Отца, родившаго Сына, Сына, рожденнаго Отцомъ, Духа Святаго, исходящаго отъ Отца, и прибавилъ, что эти три лица имѣютъ каждое свое неприкосновеннѣйшее божество».— Арнобій: «такъ».

Вигилій [1]), епископъ Тридентинскій, въ I кн. «противъ Евтихія» (т. V библіотеки Отцовъ, изданной въ 1575 г. въ Парижѣ Биніемъ (de la Bigne) столб. 551) пишетъ: «Когда Церковь готовилась во всеоружіи выступить на борьбу съ Савелліемъ, она стала отстаивать самобытность лицъ Сына, и Св. Духа,—именно, —что иной, кто родилъ (Отецъ), и иной, кто родится (Сынъ),— иной, кто исходитъ (Духъ Святый), и иной,—отъ Кого исходитъ». Такимъ образомъ Вигилій признаетъ одно только лицо, которое раждаетъ, говоря: «иной, кто раждаетъ», и точно такъ же одно лицо, отъ котораго исходитъ Духъ Святый, прибавляя: «и иной, отъ Кого исходитъ». Это неудобное для нихъ мѣсто латиняне испортили, о чемъ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Затѣмъ въ «спорѣ Аѳанасія съ Савелліемъ, Фотиномъ и Аріемъ» (помѣщено между сочиненіями Кассандра, стр. 465 и въ I т. приложенія къ Биніевской библіотекѣ Отцовъ, изданнаго въ Парижѣ 1639 г., стр. 655) Вигилій говоритъ: «я исповѣдую, что Отецъ и Сынъ и Духъ Святый суть одной сущности и одной природы; я вѣрую, что Сынъ родился, а Духъ Святый исходитъ, не изъ ничего, и не отъ кого нибудь (другого), но отъ Отца». Здѣсь Вигилій имѣлъ въ виду нарочито выяснить основаніе происхожденія лицъ. Отрицательно замѣчая, отъ Кого не произошелъ Сынъ и Духъ Святый, именно—что Они произошли не изъ ничего и не изъ кого-нибудь другого, онъ показываетъ, отъ Кого Тотъ и Другой получаютъ свое существованіе: Сынъ, говоритъ, рожденъ отъ Отца, Духъ Святый отъ Отца исходитъ. Слѣдовательно Вигилій признавалъ какъ рожденіе Сына, такъ и исхожденіе Духа Святаго отъ Одного только Отца.—

---

[1]) О немъ см. предыдущую главу (повреждение XXVIII).

Много мѣстъ по занимающему насъ вопросу находимъ у *автора* сочиненія «о единомъ божествѣ въ Тройцѣ», которое помѣщено между твореніями Аѳанасія подъ его именемъ. Не Аѳанасій однако, а какой-то латинянинъ, который жилъ приблизительно въ V вѣкѣ, былъ авторомъ этого сочиненія. Что онъ жилъ около этого времени, видно между прочимъ изъ того, что онъ въ своемъ сочиненіи опровергаетъ Урбика, ученика Евномія, да и Гинкмаръ, архіепископъ Реймскій въ IX в. въ своемъ сочиненіи «о нетройственной Тройцѣ» (т. I его сочиненій, стр. 482 и въ др. мѣстахъ) и Ратрамнъ монахъ Корбейскій (кн. III, гл. VI «противъ восточниковъ», т. XII Колосницы (spicilegii) древнихъ писателей) ссылаются на это сочиненіе, какъ на принадлежащее Аѳанасію. Петръ Фелькманъ въ приложеніяхъ къ твореніямъ Аѳанасія (изданнымъ въ Гейдельбергѣ 1600 г., стр. 90) приписываетъ это сочиненіе Вигилію. Личность этого автора не выяснена, —но кто бы онъ ни былъ, вотъ какія мѣста мы встрѣчаемъ въ его сочиненіи «о единомъ божествѣ въ Тройцѣ».—

Въ I кн. (т. II твореній Аѳанасія, стр. 551) онъ говоритъ: «когда я помянулъ Одного Бога, то я относилъ это сужденіе не къ одному только лицу Отца, такъ какъ я не отрицалъ, что Сынъ и Духъ Святый происходятъ отъ одной полноты Отца; и когда я упомянулъ объ единственномъ Богѣ, то не единственное лицо Отца, сказать правду, обозначилъ, ибо я не отвергалъ, что Сынъ и Духъ Святый происходятъ отъ этой самой—единственной сущности Отца». Въ этихъ словахъ авторъ признаетъ, что въ равной мѣрѣ отъ одной полноты Отца, отъ одной и единственной сущности Отца, или лица (что сущность и лицо—одно и тоже у него, видно изъ того, что упомянувши о лицѣ, онъ затѣмъ прибавляетъ: изъ этой самой единственной сущности) происходятъ и Сынъ, и Духъ Святый.

Въ IV кн. (стр. 565) читаемъ: «внѣ сомнѣнія, что, такъ какъ Отецъ истинно родилъ, то это имя (Отца) свойственно Ему; такъ какъ Сынъ истинно родился отъ Него, то это—единственное имя Ему (т. е. Сынъ), и такъ какъ верховный Духъ отъ Отца исходитъ, то дается Ему имя Божества».

Въ концѣ V кн. (стр. 569) говорится: «псалмопѣвецъ, говоря: куда уйду отъ Духа Твоего [1]), имѣлъ въ виду верховнаго Духа, Который исходитъ отъ Отца». И въ VII кн. (стр. 573): «чего ради читаете, что апостолъ назвалъ васъ сосудомъ избраннымъ, сказавъ: мы всѣ Одного Духа пили [2]), если вы отдѣляете Его отъ одной истинной природы? Чего ради Утѣшитель этотъ, Духъ истины, отъ Отца исходитъ и приходитъ, если вы утверждаете, что Онъ находится въ иной сущности?» Опять (на стр. 574): «итакъ въ словахъ: Словомъ Господа небеса утверждены и Духомъ устъ Его вся ихъ сила [3]), признай, что это дѣйственное Слово не отъиноуду родилось, а истинно отъ Отца,—и Духомъ устъ Его названъ Тотъ Духъ, Который исшелъ изъ той-же единой сущности, какъ мы это доподлинно находимъ».

Въ VIII кн. (стр. 575): «вѣрую, что Сынъ Божій рожденъ изъ сущности Отца, но не сотворенъ, такъ же какъ и Духъ Святый Утѣшитель, Который есть (Духъ) Сына, но исходитъ отъ Отца». Опять: «о Духѣ также Господь сказалъ: Духъ Святый, Который отъ Отца Моего исходитъ. Ясно, слѣдовательно, что сообразно одной сущности божества Сынъ рожденъ Отцомъ, но не сотворенъ, и Духъ Святый отъ Отца исходитъ и есть всецѣло (Духъ) Сына, подобно тому какъ источникъ происходитъ отъ источника и свѣтъ отъ свѣта». Снова (на стр. 576): «вѣрую, согласно божественному Писанію, въ Бога и Господа Сына, отъ Отца рожденнаго; въ Бога и Господа Духа Святаго, отъ Отца исходящаго и въ Сынѣ пребывающаго».

Опять (на стр. 577): «Духъ же Святый и былъ, и есть всегда въ Отцѣ, и исходитъ отъ Него; и никогда Отецъ не былъ безъ Своей Мудрости, Которая есть Сынъ, и никогда—безъ Своего Духа Святаго». Далѣе: «лицо Духа Святаго ни въ чемъ не разнится и сущностью не отличается отъ Отца и Сына; такъ что Онъ есть Тотъ же Духъ, исходящій отъ Отца, Который есть и (Духъ) Сына и всегда былъ присущъ Отцу такъ же, какъ и Сыну». И на стр. 500: «Духъ Святый отъ Бога Отца исходитъ, ибо Самъ Господь сказалъ: Я въ Отцѣ и Отецъ во

[1]) Пс. CXXXVII, 7;
[2]) 1 Кор. XII, 13; [3]) Пс. XXXII, 6.

Мнѣ. О Духѣ же Святомъ говоритъ: Духъ же Утѣшитель, Который отъ Отца Моего исходитъ». И на стр. 581: «самыми ясными свидѣтельствами доказывается, что Духъ Святый, Духъ Утѣшитель, Духъ, Который отъ Отца исходитъ, есть Духъ Сына, Духъ Христа, Духъ Іисуса».

Въ IX кн. (стр. 583) читаемъ: «достаточно было вѣрнымъ вѣрить въ то, что Сынъ рожденъ, а Духъ Святый отъ Отца исходитъ. Каково же это исхожденіе и въ чемъ оно состоитъ, никому нельзя знать, подобно тому какъ и о Сынѣ сказано: происхожденіе Его кто разскажетъ?» И на стр. 584: «если Духъ Святый, какъ читаемъ (въ писаніи), исходитъ отъ Отца, если Онъ освобождаетъ, если Онъ освящаетъ, чего же еще больше о Немъ допытываться, въ чемъ сомнѣваться?»

Наконецъ на стр. 586 повторяется то, что было сказано въ IV книгѣ: «внѣ сомнѣнія, Отецъ истинно родилъ, почему такое и имя Ему, Сынъ истинно отъ Него родился, и это Его единственное имя; а Духъ Святый, такъ какъ отъ Отца исходитъ, то такое Его естественное имя».

Африканскіе каѳолическіе (православные) епископы въ своемъ исповѣданіи вѣры, помѣщенномъ у епископа Утикапскаго Виктора во II кн. его «Вандальскихъ гоненій въ Утикѣ» (т. V, ч. III Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 638 и въ «противоядіи противъ различныхъ ересей всѣхъ почти вѣковъ», изд. въ Базелѣ 1528 г. листъ 221), говорятъ: «вѣруемъ, что нерожденный Отецъ и рожденный отъ Отца Сынъ и исходящій отъ Отца Духъ Святый суть одной сущности, т. е. природы». И затѣмъ въ указанномъ «противоядіи» на л. 225: «если Духъ Святый исходитъ отъ Отца, если Онъ освобождаетъ, если Онъ—Господь и освящаетъ; если Онъ творитъ съ Отцомъ и Сыномъ и оживляетъ; если имѣетъ предвѣдѣніе съ Отцомъ и Сыномъ:—то чего ради сомнѣваться, что Онъ—Богъ?» И заключаютъ епископы свое исповѣданіе слѣдующими словами: «такова наша вѣра, основанная на евангельскихъ и апостольскихъ преданіяхъ и на общеніи всѣхъ существующихъ въ мірѣ каѳолическихъ церквей; въ ней по милости всемогущаго Бога мы уповаемъ и надѣемся пребыть до конца нашей жизни на землѣ».

Пасхазій [1]), діаконъ Римской Церкви, въ I кн. гл. VIII своего сочиненія «о Духѣ» (т. IX великой библіотеки Отцовъ, изд. въ Парижѣ 1644 г. Бинiемъ (de la Bigne), ст. 185) говоритъ: «не назвалъ (Господь) рожденнымъ, чтобы ты не подумалъ, что это—Сынъ; не назвалъ нерожденнымъ, чтобы ты не подумалъ, что это—Отецъ; но для различія сущности засвидѣтельствовалъ, что Онъ (Духъ Святый) исходитъ отъ Отца. Такъ мы читаемъ (въ евангеліи): Утѣшитель, Который отъ Отца исходитъ. Если это такъ, то и признай, что Духъ Святый имѣетъ собственное лицо: различіе имени доказываетъ, что, кромѣ двоихъ, есть еще третій; причемъ единство величія указываетъ, что, исходя отъ Бога, Онъ (Духъ Святый) не есть третій по порядку, или по степени. Ибо кто происходитъ изъ внутренняго существа Бога, не есть тварь Божія, но долженъ быть признанъ сущностью Бога». II въ X гл. столб. 188: «если-бы этотъ Духъ не былъ—отъ Отца и если-бы Онъ не обиталъ естественно влитый внутрь Отца, то Онъ не могъ бы исходить отъ Бога. Но, спросишь ты, всегда ли Духъ исходитъ отъ Отца? Всегда съ Нимъ (пребываетъ), всегда отъ Него (исходитъ); какъ теплота изъ огня, такъ Онъ (Духъ Святый) износится безъ перерыва, имѣя способность исходить, но не отдѣляться». II въ гл. XII, столб. 190: «ты видишь, что Онъ (Духъ Святый) отъ Отца выходитъ и однако отъ Отца не отдѣляется». Наконецъ тамъ же: «такъ какъ Духъ Святый отъ Отца исходитъ, то это указываетъ въ Немъ три свойства божества: существованіе въ своемъ лицѣ, пребываніе внѣ всякихъ предѣловъ времени и появленіе исключительно изъ сущности Отца».

VI вѣкъ.

Фульгенцій [2]), епископъ Руспенскій (въ Африкѣ) въ II кн. «къ Монимy», въ гл. II (т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ,

[1]) Пасхазій жилъ въ концѣ V и началѣ VI в.—Сочиненіе его «о Св. Духѣ противъ Македонія» нѣкоторые приписываютъ другому.

Прим. перевод.

[2]) Фульгенцій род. 468 г., епископомъ сталъ въ 504; участвовалъ во многихъ соборахъ; извѣстенъ борьбою противъ аріанъ; ум. 533 г.

Примѣч. перев.

стр. 24) пишетъ: «святое естественное единство, равенство и любовь—Троица, Которая есть Одинъ, единственный и истинный Богъ, освящаетъ согласно тѣхъ, кого Она усыновляетъ. Въ этой именно единой сущности Троицы—единство заключается въ началѣ (origine), равенство въ рожденіи, въ любви же общеніе единства и равенства». Здѣсь Фульгенцій Отца называетъ началомъ, Сына—равенствомъ, Духа Святаго—любовью и говоритъ, что единство заключается въ началѣ. Такимъ образомъ нужно, по его словамъ, признать въ божествѣ одно только начало—Отца; слѣдовательно, отъ Одного и только Одного Отца раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый.

Тотъ же Фульгенцій въ сочиненіи—«отвѣты на возраженіе Аріанъ» (въ указанномъ изданіи, стр. 37) говоритъ: «держась правила апостольской вѣры, мы признаемъ Духа Святаго не инымъ чѣмъ, какъ Богомъ, неотдѣляемымъ ни отъ Сына, ни отъ Отца и не сливающимся ни съ Сыномъ, ни съ Отцомъ. Онъ есть Одинъ и Тотъ же Духъ Отца и Сына, всецѣло отъ Отца исходящій, всецѣло въ Томъ и Другомъ состоящій, и неотдѣлимый отъ Каждаго (т. е. Отца и Сына), потому что Онъ общій Тому и Другому». Итакъ Фульгенцій утверждаетъ, что Духъ Святый всецѣло отъ Отца исходитъ, всецѣло состоитъ въ Отцѣ и Сынѣ и принадлежитъ Тому и Другому. Конечно, если бы онъ признавалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, онъ и въ выраженіи объ исхожденіи Духа Святаго прибавилъ бы имя Сына къ имени Отца такъ же точно, какъ и въ послѣдующихъ выраженіяхъ. Иначе не было никакого основанія въ одномъ мѣстѣ имя Сына пропустить, а въ другихъ столько разъ соединить съ именемъ Отца. Мало того, такъ какъ цѣль Фульгенція была показать единство Св. Духа съ Сыномъ, то какъ могъ бы онъ упустить добавить, что и отъ Сына также исходитъ Св. Духъ въ то время, когда онъ устанавливалъ Его исхожденіе отъ Отца? Слѣдовательно въ томъ именно, по свидѣтельству Фульгенція, заключалось правило апостольской вѣры, что Духъ Святый отнюдь не исходитъ и отъ Сына.—

Во II кн., гл. VI «къ Монимy» (стр. 24) Фульгенцій говоритъ: «слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: чего ради, если всей Троицѣ при-

носится жертва, для освященія дара нашего приношенія требуется ниспосланіе Духа Святаго? Какъ будто, такъ сказать, Самъ Богъ Отецъ, отъ Котораго Духъ Святый исходитъ, не можетъ освятить принесенную Ему жертву, или Самъ Сынъ не въ состояніи освятить жертву Своего тѣла».

Въ VIII кн. «противъ Фабіана» (на это мѣсто ссылается Парижскій епископъ Эней въ книгѣ «противъ восточниковъ», помѣщенной въ VII т. Колосницы (Spicilegium) древнихъ писателей, стр. 43—и Теодульфъ, епископъ Орлеанскій въ «сборникѣ мнѣній объ исхожденіи Св. Духа», т. VI, ч. I Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 191) Фульгенцій говоритъ: «это слово—исхожденіе отъ Отца—мы не находимъ удѣленнымъ никакой твари, для того что-бы было ясно, что свойство исхожденія по природѣ принадлежитъ одной только сущности».

И въ IX кн. сообразно ссылкамъ тѣхъ же авторовъ (въ указанныхъ мѣстахъ): «и такъ мы признаемъ Бога Отца виновникомъ (auctorem) не всей Троицы, но (виновникомъ) Сына и Духа Святаго; Единородный Сынъ имѣетъ отъ Него начало вѣчнаго рожденія, а Духъ Святый—вѣчнаго исхожденія.»

Въ книгѣ «отвѣтовъ на пять вопросовъ» въ отвѣтѣ на вопросъ V (т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 68) Фульгенцій говоритъ: «Духъ Святый—въ Богѣ по единству природы, —изъ Бога—по свойству лица». Наконецъ въ книгѣ «о воплощеніи и благодати Господа нашего Іисуса Христа», гл. X (стр. 84) Фульгенцій пишетъ: «не Троица, т. е. не вмѣстѣ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, и не Одинъ только Отецъ, и не Одинъ только Духъ Святый, т. е. не Тотъ, Кто родилъ Сына, и не Тотъ, Который отъ Отца исходитъ, но Одинъ только Сынъ, т. е. Тотъ, Котораго въ единствѣ природы Отецъ родилъ Себѣ совѣчнымъ и соравнымъ Сыномъ, иначе говоря, одно лицо изъ Троицы, Христосъ, единственный Сынъ Божій, для того чтобы насъ спасти, зачатъ былъ во плоти и родился изъ утробы Дѣвы—Матери».

Евгиній [1]) Африканецъ выбралъ различныя мѣста изъ твореній Августина и, раздѣливши ихъ на два тома, назвалъ:

[1]) Евгиній—настоятель монастыря въ Африкѣ, жилъ ок. 553 г. *Примѣч. перевод.*

«Сокровище Св. Августина». Въ этомъ трудѣ во II т., гл. CCXLV онъ повторяетъ то, что мы приводили изъ XV кн. Августина о Тройцѣ, изъ главъ XVII, XVIII, XIX, и въ CCXLIX гл. того-же тома приводитъ тѣ мѣста изъ XV кн. о Тройцѣ, гл. XXIII, на которыя и мы ссылались.

Пелагій, [2]) папа Римскій, въ XL посланіи къ королю Хильдеберту (т. V Соборовъ, столб. 803) пишетъ: «вѣрую, что Духъ Святый всемогущъ, Тому и Другому, т. е. Отцу и Сыну, равенъ, совѣченъ и единосущенъ; Онъ внѣ времени отъ Отца исходитъ, принадлежитъ Отцу и Сыну». Здѣсь Пелагій, въ дѣлѣ равенства, совѣчности и единосущности Св. Духа ставитъ Сына рядомъ съ Отцомъ; но въ дѣлѣ исхожденія, о которомъ непосредственно говоритъ, этого отнюдь не дѣлаетъ. И вслѣдъ затѣмъ въ словахъ, которыя прибавляетъ къ исхожденію Св. Духа, именно —говоря о принадлежности Св. Духа, онъ снова ставитъ рядомъ Отца и Сына. Спрашивается, какимъ образомъ, если бы онъ вѣрилъ въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, онъ въ отношеніи исхожденія Св. Духа назвалъ бы Одного Отца, тогда какъ и въ предшествующихъ, и въ послѣдующихъ словахъ ставилъ вмѣстѣ Отца и Сына? Ясно, конечно, если Пелагій только въ отношеніи одного исхожденія не включалъ Сына, то это онъ дѣлалъ потому, что не признавалъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына.

Въ томъ же VI вѣкѣ *Сіагрій* [1]) написалъ книгу противъ новыхъ именъ, которыя стали употребляться въ отношеніи Св. Тройцы; въ этой книгѣ онъ между прочимъ учитъ, что Отецъ изъ Себя, изъ Своего лица родилъ Сына и изъ Себя лично произвелъ Духа Святаго. Вотъ что пишетъ о немъ Геннадій Массилійскій въ своемъ «сборникѣ свѣдѣній о знаменитыхъ мужахъ», LXV гл.: «Сіагрій написалъ (книгу) о вѣрѣ противъ безсмысленныхъ словъ, которыя придумали еретики для уничтоженія и для измѣненія именъ Св. Тройцы, говоря, что Отца не слѣдуетъ называть

---

[2]) Пелагій I провозглашенъ папою въ 555 г., ум. 559 г. Дошло до насъ не 40, а 16 посланій,—и еще нѣсколько отрывковъ. У Зерникава, вѣроятно, вкралась ошибка при перепискѣ.— *Прим. перев.*—

[1]) Объ этомъ Сіагріи упоминаетъ только Геннадій. Нѣкоторые ученые относятъ этого писателя къ V, а не къ VI вѣку.— *Прим. перев.*—

Отцомъ, чтобы въ имени Отца не сливался Сынъ, но слѣдуетъ давать Ему названіе нерожденнаго, несозданнаго и единственнаго, дабы все, что находится внѣ Его лица, было внѣ Его по природѣ. Сіагрій при этомъ доказываетъ, что Отца дѣйствительно можно называть нерожденнымъ, хотя писаніе такъ Его не называетъ, и что Онъ изъ Себя родилъ лично Сына, а не сотворилъ, и изъ Себя лично произвелъ Духа Святаго, но не родилъ и не сотворилъ.» Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что Отецъ изъ Себя лично произвелъ какъ Сына, такъ и Духа Святаго,—Сынъ поэтому отнюдь не есть производитель Св. Духа. Если, слѣдовательно, Отецъ произвелъ Св. Духа въ Своемъ лицѣ изъ Себя, то, конечно, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.—

Рустикъ, [1]) діаконъ—Кардиналъ Римской церкви, въ своемъ разсужденіи противъ Акефаловъ («безголовыхъ») (помѣщенномъ въ VI т. Кельнской библіотеки Отцовъ, ч. II, стр. 232) говоритъ слѣдующее: мы признаемъ, что есть три лица, различающіяся не тѣмъ, что каждое изъ нихъ представляетъ по природѣ, но тѣмъ, каково оно. Именно: Отецъ родилъ, но не рожденъ и не происходитъ отъ кого-нибудь иного, подобно тому какъ происходятъ отъ него другіе; Сынъ же рожденъ и ничего совѣчнаго не родилъ; —Духъ Святый отъ Отца исходитъ, и ничто совѣчное отъ Него не исходитъ и не рождено Имъ. Нѣкоторые же изъ древнихъ присоединили и слѣдующее къ (Его) свойствамъ: такъ какъ Духъ Святый отъ вѣка не раждалъ Сына вмѣстѣ съ Отцомъ, то и не исходитъ Духъ отъ Сына подобно тому, какъ Онъ исходитъ отъ Отца. Я же то, что Духъ не родилъ Сына отъ вѣка, признаю (да и не называемъ мы двоихъ Отцами); относительно же того, исходитъ ли Онъ отъ Сына такимъ же образомъ, какъ исходитъ Онъ отъ Отца, я еще не совсѣмъ убѣжденъ. Но такъ какъ это не относится къ тому, что мы теперь изслѣдуемъ, то мы только объ этомъ упомянемъ и оставимъ въ сторонѣ.» Эти слова такъ ясны, что іезуитъ Петавій въ VII кн., VIII гл. своего *сочиненія* «о Тройцѣ» признается, что среди латинскихъ писателей Рустикъ сомнѣвался относительно исхожденія Св. Духа отъ Сына, а Іодокъ Коккій въ своемъ «сокровищѣ католической истины» по-

[1]) См. о немъ выше, въ предыдущей главѣ.—

мѣщаетъ его въ числѣ тѣхъ, которые учили, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца.

Войдемъ въ разборъ этого мѣста и допустимъ, что оно не испорчено. Рустикъ говоритъ: «я не убѣжденъ, исходитъ ли Духъ Святый отъ Сына такъ-же, какъ отъ Отца». Кромѣ того, онъ упоминаетъ о древнихъ учителяхъ, которые прямо отрицали, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, такъ какъ и Сынъ не родился отъ Духа Святаго. Изъ этого одного явствуетъ, что вопросъ объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына не всегда былъ несомнѣннымъ среди латинянъ, а, напротивъ, даже между древними латинскими Отцами были такіе, которые вѣрили въ исхожденіе Св. Духа только отъ Отца. Но, какъ было доказано въ предыдущей главѣ, [1]) это мѣсто испорчено, и его нужно читать такъ, что самъ Рустикъ отвергалъ какъ и то, что Духъ Святый вмѣстѣ съ Отцомъ родилъ Сына, такъ равно и то, что Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ произвелъ Св. Духа. Если же Кардиналъ—діаконъ Римской Церкви не допускалъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, то, конечно, такъ учила и сама Римская церковь. Нельзя предположить, что Рустикъ въ этомъ случаѣ отступилъ отъ установленнаго Римскою Церковью догмата. Если бы это было такъ, то онъ лишенъ былъ бы Церковью своего сана, чего мы не видимъ. Однако Кельнскіе издатели библіотеки Отцовъ, желая показать, что приведенныя слова Рустика для нихъ не вредны, дѣлаютъ по поводу ихъ на полѣ слѣдующее замѣчаніе: «Совсѣмъ не такъ исходитъ Духъ Святый отъ Сына, какъ отъ Отца: отъ Отца Онъ исходитъ какъ отъ не имѣющаго ни отъ кого силы извожденія, а отъ Сына, какъ имѣющаго таковую отъ Отца» [2]).

Между тѣмъ Рустикъ такъ выразился: «Отецъ не происходитъ (есть) изъ иного, какъ изъ Него происходятъ иные», чѣмъ ясно далъ понять, что Отецъ никоимъ образомъ отъ иного не происходитъ. А дальше Рустикъ продолжаетъ: «какъ

[1]) Поврежденіе XXVII.

[2]) Omnino non procedit spiritus S. a Filio, quem admodum a Patre: dum a Patre procedit tanquam qui a nullo habeat processionem a Filio vero, qui eandem a Patre habeat.

Духъ съ Отцомъ отъ вѣка не родилъ Сына, такъ не исходитъ Духъ отъ Сына, какъ отъ Отца». Смыслъ этихъ словъ, конечно, таковъ: какъ Сынъ не рожденъ Духомъ Святымъ подобно тому, какъ Онъ рожденъ Отцомъ, такъ и Духъ Святый не исходитъ отъ Сына подобно тому, какъ исходитъ отъ Отца. Такимъ образомъ въ этихъ словахъ отвергается всякая возможность рожденія Сына Духомъ Святымъ и утверждается, что равнымъ образомъ никакъ нельзя допустить исхожденіе Духа Святаго отъ Сына. Имѣя въ виду все тѣ же слова, Рустикъ далѣе прибавляетъ: насколько первое, т. е. что Сынъ не рожденъ Духомъ Святымъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, настолько во второмъ «онъ недостаточно убѣжденъ», именно въ томъ, «исходитъ ли (Духъ Святый) отъ Сына такимъ же образомъ, какъ отъ Отца», а также въ томъ, что «не исходитъ отъ Сына Духъ Святый, какъ отъ Отца»; этимъ послѣднимъ заявленіемъ, какъ было только что наказано, просто отвергается всякая возможность исхожденія Св. Духа отъ Сына. Въ чемъ же наконецъ Рустикъ, Кардиналъ и діаконъ Римской Церкви, былъ не убѣжденъ: въ томъ ли, что и отъ Сына такъ же, какъ отъ Отца, исходитъ Духъ Святый такимъ образомъ, что Сынъ не отъ Отца, а отъ Себя Самого имѣетъ способность изводить Духа Святаго? Но, конечно, это невозможно: ничего яснѣе этого быть не можетъ. Ибо если бы Сынъ имѣлъ не отъ Отца, а отъ Себя способность изводить Духа Святаго (дословно—то, чтобы Духъ Святый отъ Него исходилъ), то, конечно, вводилось-бы два начала, двѣ причины и, слѣдовательно, два Бога. Кто же изъ христіанъ не знаетъ, что Сынъ все имѣетъ отъ Отца? Какъ въ такомъ очевиднѣйшемъ дѣлѣ могъ бы сомнѣваться Кардиналъ Римской Церкви Рустикъ? Съ другой стороны, если онъ сомнѣвался въ томъ, утверждали-ли прямо подобную мысль древнѣйшіе учители: то оказывалось бы въ такомъ случаѣ, будто уже эти древніе вѣровали, что Духъ Святый такъ отъ Сына происходитъ, что это (т. е. изведеніе Духа Святаго) Сынъ имѣетъ отъ Себя, а не отъ Отца, что, какъ доказано, невозможно. Ибо въ такомъ случаѣ они не только не заслуживали бы имени древнихъ Отцовъ, какъ ихъ называетъ Рустикъ, но были бы злѣйшими еретиками, мало того—язычниками, вводящими

двухъ Боговъ. Такимъ образомъ даже изъ этого ясно вытекаетъ заключеніе, что вышеозначенное замѣчаніе Кельнскихъ издателей является самымъ неосновательнымъ, придуманнымъ только для того, чтобы насмѣяться надъ истиной.

Аврелій [1]) *Кассіодоръ*, сенаторъ Римскій, въ толкованіи на XXXII псаломъ, (Парижское изданіе 1519 г., л. 47) говоритъ: «здѣсь (псалмопѣвецъ) указываетъ на Святую Троицѣ: говоря—Словомъ—онъ заявляетъ о Сынѣ; прибавляя Господнимъ—называетъ Отца; подъ Духомъ устъ Его, конечно, разумѣетъ Духа Святаго, Который прежде всякаго времени отъ Отца исходитъ».

Венанцій [2]) *Фортунатъ*, епископъ Пиктавіенскій (городъ Пуатье во Франціи) въ своемъ «изложеніи символа» (т. VI, ч. II Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 38) говоритъ: «Отецъ, изъ Котораго (происходитъ) все и Который не имѣетъ Отца; Сынъ, отъ Отца рожденный,—Духъ Святый, изъ устъ Бога исходящій и все освящающій».

Въ 589 г. происходилъ III Толедскій соборъ, [1]) на которомъ какъ Реккаредъ, король Испанскій, такъ и весь соборъ читаютъ неповрежденно святой символъ и исповѣдуютъ, что вѣруютъ въ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго. Какъ впослѣдствіи латиняне повредили дѣянія этого собора, было указано въ предыдущей главѣ.

Григорій Великій. [2]) папа Римскій, во II кн., послѣдней главѣ «діалоговъ», согласно съ греческимъ переводомъ, говоритъ: «такъ какъ извѣстно, что Духъ Утѣшитель отъ Отца исходитъ и въ Сынѣ пребываетъ, то чего ради Сынъ говоритъ, что Онъ уйдетъ для того, чтобы Онъ (Духъ Святый) пришелъ, тогда какъ послѣдній никогда отъ Сына не удаляется?»

Тотъ же писатель въ XXIX кн., XVI гл. «нравственныхъ толкованій на Іова» (т. II, стр. 876 Римскаго изданія его твореній

---

[1]) Кассіодоръ вращался при дворѣ Ост-Готскихъ королей и занималъ высокія должности; ум. ок. 562 г. въ одномъ Калабрійскомъ монастырѣ. *Прим. перев.*

[2]) Венанцій, итальянецъ родомъ, ум. ок. 600 г. *Прим. пер.*

[1]) См. предыдущую главу, повреждение XXX.

[2]) См. выше повреждение XXXIII.

1588 г.) пишетъ: «ни одинъ изъ людей не имѣлъ всѣхъ вмѣстѣ даровъ Св. Духа, кромѣ Одного посредника между Богомъ и людьми, Которому принадлежитъ тотъ же Духъ, исшедшій отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ».

Тамъ же—въ V кн., гл. XXVI (стр. 423) онъ замѣчаетъ: «что же другое подъ именемъ легкаго вѣянія обозначается, какъ не познаніе Духа Святаго? Исходя отъ Отца и получая изъ того, что принадлежитъ Сыну, Онъ вливается тонкимъ образомъ въ наше слабое вѣдѣніе».

Θалассій, [3]) Африканскій монахъ, въ «IV скатонтадѣ» (сотнѣ), номерѣ XCIV (т. II библіотеки греческихъ Отцовъ, стр. 1200) говоритъ: «они понимаютъ, что Сынъ и Духъ Святый не лишены начала, но вѣчны: Они—не безъ начала, такъ какъ восходятъ къ началу и источнику—Отцу; но Они вѣчны, потому что (происходятъ) отъ вѣчнаго—Одинъ черезъ способъ рожденія, Другой—черезъ способъ исхожденія». Указывая, каково начало Сына и Духа Святаго, Θалассій называетъ Отца началомъ Того и Другого; слѣдовательно онъ признавалъ Отца единымъ и единственнымъ началомъ или производителемъ какъ Сына, такъ и Духа Святаго.

Тамъ же—подъ номеромъ XCIX (стр. 1200) Θалассій опять замѣчаетъ: «мы признаемъ Одного Отца творцомъ всего, даже (творцомъ) Сына и Духа Святаго, признаемъ (Ихъ) родителемъ и вѣчнымъ источникомъ, и вмѣстѣ (съ Ними) безмѣрнымъ и безграничнымъ, единой сущности и неописуемымъ. А тварей признаемъ Его творцомъ, промыслителемъ и Судьею, конечно, посредствомъ Сына въ Духѣ Святомъ. Изъ Него, говоритъ (писаніе), и черезъ Него, и въ Немъ—все· Ему слава во вѣки.» Этими словами Θалассій ясно учитъ, что Отецъ есть единое начало Сына и Духа Святаго: Сына—какъ родитель, Духа Святаго—какъ вѣчный источникъ. Выясняя затѣмъ, какимъ образомъ Отецъ есть начало тварей, прибавляетъ, что Отецъ есть ихъ единое начало съ Сыномъ и Духомъ Святымъ. Ясно, конечно, отсюда, что если-бы онъ вѣровалъ, что Отецъ и Сынъ вмѣстѣ произвели Св. Духа,

[3]) Извѣстно нѣсколько духовныхъ лицъ съ этимъ именемъ. Когда и гдѣ жилъ упоминаемый здѣсь Θалассій, трудно рѣшить. *Прим. пер.*

то прибавилъ бы, что Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ единое начало Св. Духа. А такъ какъ Ѳалассій этого не прибавилъ, что однако-же онъ сдѣлалъ по отношенію къ тварямъ, то несомнѣнно, что Онъ только считалъ Одного Отца, а не Отца вмѣстѣ съ Сыномъ—началомъ Св. Духа.

Тамъ же подъ номеромъ С встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «называютъ Ихъ (т. е. Сына и Духа Святаго) совѣчными Отцу, однако не лишенными вмѣстѣ съ Нимъ начала: совѣчными, конечно, какъ существующими съ Отцомъ отъ безмѣрности; не лишенными начала, потому что Они не безъ причины (произошли). Ибо Они —произошли изъ Него, хотя не послѣ Него, подобно свѣту изъ солнца, какъ выше было сказано».

И подъ номеромъ XCII (стр. 1199) Ѳалассій говоритъ: «Отца мы созерцаемъ и какъ безначальнаго, и какъ начало: безначальнымъ,—какъ нерожденнаго,—началомъ, какъ родителя и производителя Тѣхъ, Кто изъ Него, т. е. Сына и Духа Святаго».

Наконецъ подъ номеромъ XCVI (стр. 1200) тотъ же писатель выражается: «свойствомъ Отца называютъ—не быть рожденнымъ и быть безъ начала;—свойствомъ Сына—быть въ началѣ и быть рожденнымъ; а свойствомъ Духа Святаго—быть въ началѣ и исходить. Начало Сына и Духа Святаго называютъ безвременнымъ. Но какимъ образомъ? указываютъ причину, изъ которой Они, какъ свѣтъ изъ солнца, и отъ вѣчности имѣютъ бытіе. Изъ нея Они происходятъ по сущности, но не послѣ нея».

VII вѣкъ.

Въ 638 году происходилъ VI Толедскій соборъ. На этомъ соборѣ было между прочимъ постановлено такое опредѣленіе (т. V Соборовъ, столб. 1741): «вѣруемъ, что Отецъ не рожденъ, не сотворенъ, что Онъ источникъ и начало всего божества». Одинъ только Отецъ признается тутъ источникомъ всего божества, т. е. началомъ и источникомъ какъ Сына, такъ и Духа Святаго».

Въ 649 году былъ собранъ Латеранскій соборъ въ Римѣ при папѣ Мартинѣ. На этомъ соборѣ сто пятьдесятъ [1]) латин-

[1]) У Зерникава здѣсь ошибка: не 150, а 105 епископовъ присутствовало на этомъ соборѣ. *Прим. перев.*

сихъ епископовъ въ дѣяніи, или секретаріи IV (т. VI Соборовъ, столб. 241) читаютъ нерушимо святой символъ и исповѣдуютъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, а не вмѣстѣ отъ Отца и Сына. Епископы приводятъ даже (столб. 284) опредѣленіе IV вселенскаго Халкидонскаго собора и повторяютъ безъ измѣненія слова, которыми предавался анаѳемѣ всякій, кто сталъ бы вводить въ Церкви другой символъ, кромѣ Никейскаго. Насколько важно это опредѣленіе, увидимъ въ другой главѣ.

Въ 675 году происходилъ XI Толедскій соборъ. Собравшіеся здѣсь Отцы заявляютъ слѣдующее (т. VI Соборовъ, столб. 541): «исповѣдуемъ Отца не рожденнаго (non genitum), не сотворенаго, но нерожденнаго (ingenitum): Онъ Самъ ни отъ кого не ведетъ начала, а отъ Него Сынъ получилъ рожденіе и Духъ Святый— исхожденіе. Поэтому Онъ есть источникъ и начало всего божества.» И здѣсь, называя Отца началомъ всего божества, латинскіе Отцы даютъ понять, что Онъ Одинъ только служитъ этимъ началомъ; при этомъ они прибавляютъ: потому Отецъ начало всего божества, что отъ Него родился Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Отъ Одного, значитъ, Отца слѣдуетъ выводить какъ рожденіе Сына, такъ и исхожденіе Духа Святаго.

Агаѳонъ, [1]) папа Римскій, вмѣстѣ съ соборомъ двухсотъ двадцати пяти [2]) латинскихъ епископовъ, собравшихся въ Римѣ, въ соборномъ посланіи, прочитанномъ въ IV дѣяніи VI вселенскаго собора (т. VI Соборовъ, столб. 682) пишутъ: «въ томъ заключается наше совершенное убѣжденіе, чтобы сохранять во всей крѣпости разумѣнія опредѣленія каѳолической и апостольской вѣры, которыхъ до сихъ поръ держится вмѣстѣ съ нами и передаетъ апостольская наша каѳедра, вѣруя и въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, Который отъ Отца исходитъ и Кото-

[1]) Агаѳонъ, родомъ изъ Сициліи, возведенъ на папство 679, ум. 681 г. Одновременно съ VI-мъ вселенскимъ (Константинопольскимъ) соборомъ созвалъ соборъ въ Римѣ и отправилъ въ Константинополь двухъ епископовъ, двухъ іереевъ, діакона и иподіакона заявить вселенскому собору рѣшенія Римскаго собора. *Прим. пер.*

[2]) Ошибается здѣсь Зерникавъ: не 225, а 125 епископовъ присутствовало на Римскомъ соборѣ; вѣроятно, это ошибка переписчика, или опечатка. *Прим. перев.*

рому вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ надлежитъ покланяться и славить.» Итакъ, если такое число латинскихъ епископовъ вмѣстѣ съ папою Агаѳономъ исповѣдуютъ исхожденіе Св. Духа только отъ Отца, безъ прибавленія и отъ Сына, то кто станетъ дальше сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ (т. е. въ VII) вѣкѣ латинская Церковь не знала исхожденія Св. Духа отъ Сына?

Мансветъ, [1]) епископъ Медіоланскій, и вмѣстѣ съ нимъ остальной соборъ епископовъ, въ посланіи къ императору Константину (Копрониму), приложенномъ къ дѣяніямъ VI вселенскаго собора (т. VI Соборовъ, столб. 604) пишутъ: «когда мы называемъ Сына вѣчнымъ, то это относится къ лицу Отца; а когда именуемъ Духа Святаго, то показываемъ, что Онъ исходитъ отъ лица вѣчнаго Отца». Изъ этихъ словъ, конечно, ясно вытекаетъ заключеніе, что эти Отцы не вѣрили въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына. Ибо въ противномъ случаѣ они не преминули бы выразиться такъ: когда именуемъ Духа Святаго, то показываемъ, что Онъ такъ же исходитъ отъ лица Сына, какъ отъ лица Отца. Такъ выразился бы всякій, кто вѣруетъ въ исхожденіе Духа Святаго и отъ Сына. Въ данномъ мѣстѣ Отцы хотятъ нарочито показать, откуда Сынъ и Духъ Святый получаютъ свое начало; но при этомъ учатъ, что единственно Отецъ есть производитель Того и Другого. Слѣдовательно, они вѣровали, что отъ Одного только Отца раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый.

VIII вѣкъ.

Въ Римскомъ типиконѣ (ordine) св. символъ по-гречески читается неповрежденно безъ прибавки, и въ исхожденіи Св. Духа поминается Одинъ только Отецъ (напечатанъ среди древнихъ писателей о божественныхъ службахъ, изд. Мельхіоромъ Гитторпіемъ въ Римѣ, въ 1601 г., стр. 28).

Беда, въ IV кн. LVIII гл. толкованій на Луку, именно на XV гл. Луки (т. V твореній, столб. 375, Кельнское изданіе

[1]) По приказанію императора Мансветъ, хотя присутствовалъ и подписалъ постановленія Римскаго собора, долженъ былъ собрать особенный соборъ въ 680 г. и рѣшенія его сообщить императору и VI вселенскому собору. *Прим. перев.*

1612 г.) и въ толкованіяхъ на XVII гл. отъ Іоанна (т. V, столб. 375) и въ лѣтней бесѣдѣ о времени, въ недѣлю «воспойте» (т. VII, ст. 21) и наконецъ въ великопостной бесѣдѣ на субботу послѣ «помяни» (въ концѣ VII т. столб. 248) повторяетъ то, что мы выше привели изъ CVI изслѣдованія на Іоанна блаженнаго Августина.

Въ толкованіяхъ на XV гл. Іоанна (т. V, столб. 571) и въ книгѣ лѣтнихъ бесѣдъ о времени, въ недѣлю «воспойте» (т. VII, ст. 20) Беда повторяетъ то, что мы выше привели изъ XCIX изслѣдованія Августина на евангеліе отъ Іоанна.

И въ толкованіяхъ на XVI гл. Іоанна (т. V, ст. 572) и въ лѣтней бесѣдѣ о времени, на ту-же недѣлю «воспойте» (т. VII, ст. 21) онъ повторяетъ то, что мы выписали изъ Августиновскаго С-го изслѣдованія на Іоанна; а въ толкованіяхъ на X гл. Дѣяній (въ концѣ,—т. V, столб. 648) повторяетъ то, что мы выше привели изъ I кн. Амвросія о Св. Духѣ.

Наконецъ въ толкованіяхъ на Іоанна, именно на слова I главы: въ началѣ было Слово (т. V, столб. 453) Беда говоритъ: «Отецъ есть начало,—какъ если бы сказалъ: въ Отцѣ—Сынъ, Котораго самъ Евангелистъ назвалъ Словомъ». И дальше онъ много говоритъ, чтобы доказать, что этому мѣсту не противорѣчитъ то, что въ другихъ мѣстахъ Сынъ называется началомъ, —потому именно не противорѣчитъ, что Отецъ есть начало Сына и Духа Святаго, а Сынъ—начало только тварей. Но объ этомъ мы уже подробно говорили по поводу словъ Оригена.

Евсрій, епископъ Уксамскій, и *Беатъ*—пресвитеръ въ I кн. противъ Елипанда, архіепископа Толедскаго, въ началѣ (т. VIII Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 344) говорятъ: «Одинъ только Отецъ—Богъ отъ Себя, тѣ же двое—суть Богъ отъ Одного, т. е. отъ Отца, и поэтому—и Отецъ—Богъ, и Сынъ —Богъ, и Духъ Святый—Богъ». Ясно говорятъ они, что Сынъ и Духъ Святый—отъ Одного, и поясняя, кто—этотъ Одинъ, прибавляютъ: «т. е. отъ Отца». Слѣдовательно, Евсрій и Беатъ вѣровали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного и только Одного Отца.

Наконецъ—что въ теченіи долгаго времени исхожденіе отъ Сына было неизвѣстно въ латинской церкви и поэтому латиняне вѣровали въ исхожденіе Его отъ Одного только Отца, ясно вытекаетъ изъ словъ апокрисіаріевъ, посланныхъ отъ Ахенскаго собора въ 809 г. къ Льву III, въ запискѣ, которую они представили этому папѣ. Вотъ какъ они начинаютъ свой докладъ (т. VII Соборовъ, столб. 1199): «недавно поднятый вопросъ объ исхожденіи Св. Духа, уже давно очень тщательно разобранъ (diligentissime ventilata) Св. Отцами. Но такъ какъ уже долгое время онъ оставался въ пренебреженіи у изслѣдователей, то онъ не покоился, какъ рѣшенный давнымъ давно, но выплылъ (emersit) вдругъ въ наши времена, какъ нѣчто сокрытое,— обстоятельство, которое я, истинно вѣруя, не колеблюсь признать божескимъ внушеніемъ. Но такъ какъ, какъ я сказалъ выше, этотъ вопросъ долго оставлялся изслѣдователями внѣ разсмотрѣнія (indiscussa), то всемогущему Богу угодно было обратить къ нему сердца пастырей, чтобы они, сбросивши съ себя безчувственность небреженія, рукою святого подвига возмогли откопать небесное сокровище.—Итакъ да отойдетъ далеко отъ пастырей безчувствіе небреженія, да удалится отъ ихъ остраго ума пагубная косность, и разслабляющій сонъ да обратится въ строгое и спасительное бдѣніе чтенія, дабы тучное поле церкви, засѣянное сѣменемъ учителей, возмогло принести сторицею плоды Всемогущему. А теперь я перейду къ исхожденію Св. Духа».

Вопросъ, говорятъ апокрисіаріи, объ исхожденіи Св. Духа, отъ Сына разумѣется (ибо они за это стоятъ), уже давно очень тщательно разобранъ Св. Отцами, но такъ какъ онъ долгое время оставался въ небреженіи, то въ нынѣшнее время выплылъ вдругъ, какъ будто никогда невѣдомый. Такъ какъ далѣе этотъ вопросъ долго лежалъ внѣ разсмотрѣнія, то теперь возбудилъ Богъ сердца пастырей, чтобы они, отрѣшившись отъ безчувственности нерадѣнія, вслѣдствіе которой ихъ предшественники пренебрегли учить, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, снова откопали это ученіе изъ божественнаго сокровища и остальныхъ научили. Такимъ образомъ тѣ, кто въ 809 году защищалъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, сами открыто сознаются, что долго-

долго этотъ догматъ не проповѣдывался, но вслѣдствіе какого-то усыпленія и нерадѣнія оставался въ пренебреженіи, хотя издревле Отцы ему учили, сознаются, что въ теченіи долгаго времени отъ вѣка древнихъ Отцовъ въ латинской церкви исхожденіе Св. Духа отъ Сына не только не проповѣдывалось, но было и невѣдомымъ. А такъ какъ тотъ, кто не вѣдаетъ и не учитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, и помнитъ всегда только Одного Отца въ исхожденіи Св. Духа, этимъ самымъ и вѣруетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ также и отъ Сына,—то очевидно, что уже отъ временъ древнихъ Отцовъ въ теченіи долгаго промежутка, вплоть до конца VIII вѣка, латинская церковь въ постоянномъ согласіи вездѣ вѣровала, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

Итакъ изъ всего сказаннаго въ настоящей главѣ съ достаточною ясностью вытекаетъ то, что имѣлось въ виду доказать, именно: латинская церковь всегда вплоть до конца VIII вѣка вѣровала въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца. Это вытекаю между прочимъ изъ словъ папы Дамаса, Исаака, Амвросія, Августина и, по свидѣтельству самого Августина, всѣхъ Отцовъ, раньше его живвшихъ,—также Паулина Нолапскаго, Проспера Аквитанскаго, Автора книгъ объ единомъ божествѣ Троицы, которыя обращались подъ именемъ Аѳанасія,—Рустика, Ѳалассія, Евсрія и Беата. Подъ самый конецъ VIII вѣка, или въ началѣ IX впервые появились среди латинянъ люди, которые стали вводить въ Церковь догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и прибавку къ символу; и затѣмъ мало-по-малу эти нововведенія стали все увеличиваться, хотя въ теченіи цѣлаго вѣка прочіе латиняне противились имъ очень рѣшительно. Это мы постараемся вслѣдъ за симъ подробно доказать въ особой главѣ писаніями самихъ латинянъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

въ которой доказывается, что сами латиняне, когда въ концѣ VIII вѣка нѣкоторые изъ нихъ въ первый разъ внесли въ латинскую Церковь догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и прибавку его къ символу, долгое время изъ-за этого между собою спорили, —въ особенности же выясняется, что первые виновники этого нововведенія прочими латинянами того времени были осуждены.

Только въ концѣ VIII вѣка появились между латинянами лица, которыя осмѣлились утверждать, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, и внесли эту прибавку въ св. символъ. Впервые такую попытку встрѣчаемъ въ запискѣ анокрисіаріевъ Ахенскаго собора (809 г.) объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, представленной ими Льву III (о чемъ впослѣдствіи будетъ сказано подробно). Здѣсь мы встрѣчаемъ такія выраженія: «вопросъ объ исхожденіи Св. Духа, недавно возникшій,...» Далѣе: «онъ не былъ оставленъ въ покоѣ, какъ давно разсмотрѣнный, а какъ будто только въ настоящіе дни внезапно выплылъ (emersit) предъ нами изъ—подспуда...» Наконецъ: «такъ какъ этотъ вопросъ долго оставался у изслѣдователей безъ разсмотрѣнія, то всемогущій Богъ благоволилъ обратить на него сердца пастырей, дабы они, сбросивши безчувственность нерадѣнія, рукою святого подвига возмогли откопать небесное сокровище.»

Этотъ догматъ былъ выдвинутъ по слѣдующему поводу: нѣкій Іоаннъ, монахъ на востокѣ (кажется, не кто иной, какъ Іоаннъ Дамаскинъ) [1]) въ своихъ сочиненіяхъ рѣшительно утвер-

[1]) Это самая вѣроятная догадка, которую принималъ и Θеофанъ Прокоповичъ въ своей «исторіи вопроса объ исхожденіи Св. Духа.» Иные разумѣютъ какого-то другого неизвѣстнаго Іоанна. *Прим. пер.*

ждалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына. Нѣкоторые изъ латинянъ, встрѣтивъ это мѣсто и полагая, что гораздо справедливѣе противное, осмѣлились впервые утверждать, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына; вмѣстѣ съ тѣмъ они не задумались внести это ученіе въ св. символъ, потому ли, что символъ, въ которомъ упоминался Одинъ только Отецъ въ исхожденіи Св. Духа, казался имъ благопріятствующимъ мнѣнію, противному ихъ собственному, или потому, что они предполагали пропускъ въ символѣ. Всѣ франкскія лѣтописи, слова которыхъ мы приведемъ вслѣдъ за симъ, повѣствуютъ, что вопросъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, ставшій предметомъ споровъ въ то время, впервые былъ возбужденъ нѣкіимъ іерусалимскимъ монахомъ Іоанномъ. Итакъ, когда въ концѣ VIII в. нѣкоторые новаторы внесли въ латинскія церкви догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына и прибавку его къ символу, первый возсталъ противъ этого, насколько можно заключать изъ сохранившихся памятниковъ, англичанинъ *Альбинъ Алкуинъ*, вызванный въ Галлію франкскимъ королемъ Карломъ за свою прославленную ученость [1]). Въ письмѣ къ Ліонскимъ братьямъ онъ говоритъ (письмо LXIX, Парижское изданіе трудовъ Алкуина, 1617 г., столб. 1587; т. I древнихъ чтеній Канизія): «особенно остерегайтесь, любезнѣйшіе братья, новыхъ сектъ испанскаго лжеученія; въ вѣрѣ слѣдуйте по стопамъ святыхъ Отцовъ и будьте въ единеніи съ святѣйшей вселенской Церковью. Ибо написано: не переходи за предѣлы, установленные твоими Отцами [2]). И въ символъ каѳолической вѣры не вносите ничего новаго,—и въ отношеніи церковныхъ обрядовъ не принимайте ученій, неслыханныхъ въ древнія времена; продолжайте идти широкою дорогою апостольскаго ученія и не уклоняйтесь съ царскаго пути (via regia) ни вправо, ни влѣво на распутія какой нибудь новизны». Въ латинской Церкви не было никогда спора о какой-либо иной прибавкѣ къ символу, кромѣ прибавки относительно исхожденія Св. Духа; подъ конецъ-же VIII в. выше-

[1]) См. о немъ III гл., XLIV повреждение.

[2]) Не прелагай предѣлъ, яже положиша отцы твои. Притч. XXII, 28.

указанная прибавка была внесена въ латинскія церкви,—такъ что несомнѣнно, что именно ее-то и имѣетъ въ виду Алкуинъ. Итакъ, приведенными выше словами Альбинъ Алкуинъ, который вмѣстѣ съ Павлиномъ Аквилейскимъ былъ тогда ученѣйшимъ мужемъ среди латинянъ, рѣшительно порицаетъ разсматриваемую прибавку,—самъ латинянинъ отвергаетъ пресловутую прибавку латинянъ къ св. символу. Ибо, по завѣту самого Священнаго Писанія, въ вопросахъ вѣры должно слѣдовать по стопамъ святыхъ Отцовъ и не отдѣляться отъ единенія съ святой вселенской церковью. Затѣмъ Алкуинъ говоритъ: «не вносите въ символъ никаго». Значитъ, это прибавленіе тогда было новымъ, не употреблявшимся ни въ ближайшія предъ тѣмъ, ни въ древнѣйшія времена; такъ что отсюда опять-таки можно заключать, что только во время Альбина Алкуина эта прибавка къ символу была введена въ церквахъ; далѣе слѣдуетъ заключать, что акты всѣхъ соборовъ, въ которыхъ не задолго до этого времени весьма часто употребляется св. символъ съ указанной прибавкой, поддѣланы. Если-же Альбинъ говоритъ: «не вносите новшествъ», имѣя въ виду именно догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, то очевидно, что онъ этимъ осуждалъ этотъ догматъ, какъ нововведеніе, и поэтому самъ отнюдь въ него не вѣровалъ. Если затѣмъ этотъ догматъ тогда былъ недавно внесенъ, то, несомнѣнно, до этого времени онъ не былъ никогда признаваемъ въ латинскихъ церквахъ, и поэтому-то всѣ мѣста въ сочиненіяхъ латинскихъ Отцовъ, въ которыхъ они до этого времени почти безчисленное число разъ учатъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына,—испорчены.—

Генрихъ Канизій въ примѣчаніяхъ къ этому письму Альбина, не отрицая, что въ немъ Альбинъ говоритъ именно объ указанной прибавкѣ къ символу, прибавляетъ, что Альбинъ осуждаетъ эту прибавку, слѣдуя примѣру и повелѣнію Льва III. Но это—несообразность: ибо Левъ III высказалъ свое мнѣніе объ этой прибавкѣ въ 809 г., а Альбинъ Алкуинъ уже въ 804 г. умеръ. Какимъ же образомъ Альбинъ могъ не одобрить эту прибавку, слѣдуя увѣщанію и повелѣнію папы Льва III? Неизвѣстный біографъ Алкуина (сочиненіе котораго, вмѣстѣ съ извѣстіями

другихъ авторовъ, нами вслѣдъ за симъ приводимыми, помѣщается впереди трудовъ Алкуина въ указанномъ выше изданіи) говоритъ: «Итакъ онъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ въ 14 день Іюньскихъ Календъ 804 года по Р. Х.». *Одоранъ*, монахъ монастыря св. Петра Вива Сенскаго, въ своей хроникѣ пишетъ: «годъ 804. Скончался Алкуинъ Философъ, аббатъ монастыря св. Мартина». Въ краткой Турской хроникѣ читаемъ: «въ 804 году скончался св. Алкуинъ». Неизвѣстный *Сенскій каноникъ*, описавшій дѣянія Сенскихъ архіепископовъ, записалъ: «804 г. Скончался Алкуинъ, бывшій наставникомъ короля Карла». Наконецъ, *Вильгельмъ Нангійскій* [1]) въ своей хроникѣ замѣчаетъ: «806 г. Умеръ учитель Карла Великаго Алкуинъ, котораго Карлъ поставилъ аббатомъ монастыря св. Мартина Турскаго». Въ Галлію-же Альбинъ Алкуинъ прибылъ несомнѣнно не раньше 790 года. *Рожеръ де-Гуеденъ* въ первой части своей лѣтописи говоритъ: «792 г. Карлъ, король Франкскій, послалъ въ Британію синодскую книгу, присланную къ нему изъ Константинополя. Противъ нея Альбинъ написалъ посланіе, замѣчательно обоснованное на свидѣтельствахъ Священнаго Писанія, и это посланіе съ вышеупомянутою книгою представилъ отъ лица нашихъ епископовъ и начальниковъ королю Франковъ». То-же говоритъ *Матвей Вестминстерскій* подъ 793 годомъ. Монахъ *Сигебертъ Гемблакскій* въ хроникѣ подъ 790 годомъ пишетъ: «Алкуинъ, родомъ изъ Британіи, любимый учитель короля Карла, въ знаніи наукъ превосходилъ всѣхъ въ Галліи; главнымъ образомъ подъ его руководствомъ самъ король изучалъ всѣ науки (artes liberales)». Въ *пространной Турской хроникѣ* подъ 791 годомъ записано: «немного спустя, Карлъ, съ благословенія папы Адріана, назначилъ канониковъ въ церкви св. Мартина и въ настоятели имъ поставилъ своего учителя Альбина, т. е. Алкуина».

Такимъ образомъ совершенно ошибаются каноникъ Сенскій и великая хроника Бельгійская, которые—первый подъ 779 годомъ, а вторая подъ 770-мъ—пишутъ, что уже въ это время Альбинъ достигъ большой славы въ Англіи. Ктому-же и самъ

[1]) Guillaume de Nangis, французскій лѣтописецъ XIII в., монахъ монастыря святаго Діонисія (Сенъ-Денн). *Прим. переводч.*

Альбинъ въ кн. I противъ Елинанда, столб. 939, говоритъ: «прежде чѣмъ я по повелѣнію мудрѣйшаго короля Карла пришелъ во Францію, ваше лжеученіе (ересь), подъ предсѣдательствомъ того же знаменитаго государя, въ присутствіи Феликса, защитника въ тогдашнее время вашей партіи, котораго ты имѣешь обыкновеніе много хвалить,—было обсуждаемо въ знаменитомъ городѣ, именуемомъ Регенсбургъ (Ratisbona), и соборною властію священнослужителей Христа, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ христіанской имперіи, предано вѣчному осужденію, а блаженной памяти папой Адріаномъ, въ то время облеченнымъ апостольской властью на каѳедрѣ св. Римской Церкви, совершенно искоренено. Но тотъ же Феликсъ, къ несчастью нашедшій убѣжище въ твоей партіи, старается, по твоему подстрекательству, снова раздуть потухшую золу невѣрія». Но ересь фелиціанская, при отреченіи отъ нея самого ересіарха, впервые была осуждена въ Регенсбургѣ въ 792 году. Такъ въ лѣтописи неизвѣстнаго автора (т. VII Соборовъ, столб. 1011) читаемъ: «792 годъ. Ересь фелиціанская впервые была осуждена въ Регенсбургѣ, причемъ отъ нея отрекся и самъ ересіархъ, который предъ лицемъ папы Адріана аббатомъ Ангильбертомъ былъ доведенъ до вторичнаго осужденія ея въ представленномъ имъ исповѣданіи вѣры». То-же говорятъ и *Регинонъ*, и другія франкскія лѣтописи, которымъ затѣмъ слѣдуетъ и Баронiй.

Итакъ посланіе, въ которомъ Альбинъ осуждаетъ прибавку въ св. символѣ, было написано въ промежутокъ времени между 792 и 804 годомъ, въ которомъ Альбинъ умеръ. Отсюда еще разъ слѣдуетъ, что коль скоро Альбинъ называетъ эту прибавку новою, то внесшіе ее въ св. символъ въ латинскихъ церквахъ появились только въ концѣ VIII вѣка.

Какъ изъ упомянутаго посланія видно, что Альбинъ осуждалъ догматъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына, такъ слѣды той же истины встрѣчаются вездѣ и въ другихъ его трудахъ, насколько ихъ оставили нетронутыми латинскіе поддѣлыватели. Въ „*послѣдованіяхъ на святые праздники*“ (столб. 292 его сочиненій) онъ такъ молится: «Слово (бывшее) въ началѣ у Бога со Святымъ Духомъ, Который, исходя отъ Отца, носится надъ небеснымъ

сводомъ». Въ толкованіи на XVI гл. еванг. отъ Іоанна—на слова: «не отъ Себя будетъ говорить» (столб. 623) Алкуинъ пишетъ: «не отъ Себя же говоритъ Духъ, можетъ быть, потому, что происходитъ не отъ Самого Себя, но отъ Отца. Ибо Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Поэтому не говоритъ отъ Самого Себя, т. е. безъ общенія съ Отцомъ и Сыномъ. Ибо Духъ Святый неотдѣлимъ отъ Отца и Сына, но одно дѣло Отца и Сына и Св. Духа. Но будетъ говорить то, что услышитъ. Услышитъ, очевидно, по единству сущности и по обладанію знаніемъ. Не говоритъ отъ Себя, такъ какъ не происходитъ отъ Самого Себя. Ибо только Одинъ Отецъ не происходитъ отъ другого, Сынъ раждается отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Услышитъ же Духъ Святый отъ Того, отъ Кого исходитъ: потому что Онъ не есть отъ Самого Себя, но отъ Того, отъ Кого исходитъ. Итакъ отъ Него слышаніе, которое есть ничто иное, какъ знаніе». Отрицая, что Духъ Святый происходитъ отъ Самого Себя, и желая указать, отъ кого исходитъ Духъ Святый, Альбинъ заявляетъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца. Итакъ, по мнѣнію Альбина, Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. Немного далѣе, объясняя слова: «потому что отъ Моего возьметъ», Альбинъ говоритъ: «потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ, т. е. отъ Моего Отца. Отъ Отца беретъ (получаетъ) Духъ Святый, потому что исходитъ отъ Отца, отъ Котораго рожденъ и Сынъ. Одинъ только Отецъ ни отъ кого не рожденъ, ни отъ кого не исходитъ». По толкованію Альбина, слова Христа: «отъ Моего возьметъ» относятся не къ Сыну, а къ Отцу, потому что Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Слѣдовательно, если-бы Альбинъ вѣровалъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то онъ точно такъ же объяснялъ бы ихъ и въ приложеніи къ Сыну, какъ обыкновенно дѣлаютъ латиняне, ссылаясь на это мѣсто, какъ на вѣскій доводъ въ пользу исхожденія Св. Духа и отъ Сына.

Павлинъ, патріархъ Аквилейскій, на Фріульскомъ соборѣ, въ 791 году [1]), по вопросу о новоявленной тогда прибавкѣ къ св. символу также высказался, что она никоимъ образомъ не

[1]) Соборъ Фріульскій (Forojuliensis), по извѣстіямъ нѣкоторыхъ писателей, происходилъ въ 795, а по инымъ въ 796 г. *Прим. пер.*

можетъ быть внесена въ св. символъ. Онъ на этомъ соборѣ между прочимъ такъ говорилъ (т. VII Соборовъ, столб. 993): «послѣ (чтенія) неприкосновеннаго и, по моему мнѣнію, подлежащаго внесенію всѣми средствами опредѣленія символа, составленнаго нѣкогда (какъ сказано) высокочтимыми іерархами по откровенію Св. Духа (именно тремя стами восемнадцатью въ Вифинской Никеѣ и сто пятидесятью въ Константинополѣ), я намѣренъ, согласно обѣщанію, говорить болѣе подробно о тайнѣ Святой и чудесной (непостижимой) Троицы. Конечно, въ виду разнообразныхъ заблужденій еретиковъ и различныхъ подозрѣній нѣкоторыхъ простецовъ, я соглашаюсь излагать и учить не иной вѣрѣ, а той, которую искренно восприняли всѣ вѣка, какъ переданную св. Отцами. Я знаю, что въ нѣкоторыхъ соборныхъ актахъ для отраженія новыхъ и многочисленныхъ ересей, въ особенности же вслѣдствіе ложной—не скажу вѣры, но скорѣе невѣрія, измышленнаго Несторіемъ и Евтихіемъ, лживыми и ведущими къ погибели мужами, постановлено, что-бы никто не имѣлъ права учить иначе, или составлять другой символъ вѣры. Да будетъ поэтому далеко отъ насъ и отъ всякаго вѣрнаго сердца желаніе составить иное изложеніе вѣры, или учить не такъ, какъ установили св. Отцы. Но то, что, можетъ быть, вслѣдствіе краткости изложенія менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, понятно для простыхъ и неученыхъ людей, мы рѣшились передать въ болѣе пространномъ изложеніи, опредѣливши строго удерживать въ памяти самый текстъ символа. Ибо нельзя въ дѣлѣ вѣры прибавлять, или убавлять что-нибудь изъ того, что правильно и спасительно возвѣщено св. Отцами; слѣдуетъ согласно съ ихъ пониманіемъ право мыслить и стараться дополнить выясненіемъ тонкость ихъ мысли; но прибавлять, или убавлять противно ихъ священному смыслу, основываясь на разныхъ хитросплетеніяхъ, мыслить иначе, чѣмъ они, составлять въ темныхъ выраженіяхъ превратное ученіе и нечестивыми устами скорѣе нагло болтать, чѣмъ учить—есть дѣло коварное».

Итакъ Павлинъ, по его словамъ, станетъ говорить о тайнѣ Святой Троицы послѣ чтенія св. символа неприкосновеннымъ. Ибо и онъ согласенъ съ тѣмъ, что въ виду различныхъ ересей не должно иначе учить вѣрѣ, или составлять иной символъ, но

должно сохранять одинъ только тотъ символъ, который искренно принимали всѣ вѣка въ томъ видѣ, какъ онъ былъ преданъ Св. Отцами. Такъ какъ, безспорно, еще на Ефесскомъ соборѣ было постановлено для предотвращенія еретическихъ заблужденій Несторія, чтобы никто не составлялъ иного символа вѣры; поэтому и онъ (Павлинъ) не будетъ предлагать иной символъ, но, сохраняя нетронутымъ текстъ символа, на основаніи его будетъ изъяснять въ частности каѳолическое вѣроученіе. Ибо кто только прибавляетъ что-нибудь къ вѣроученію Отцовъ, тотъ уже передастъ его въ искаженномъ, несогласномъ съ каѳолическими догматами видѣ. Поэтому онъ ничего не прибавляетъ къ вѣроученію, когда, удерживая текстъ символа, подробнѣе изъясняетъ самую мысль Св. Отцовъ. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что Павлинъ держался той мысли, что на основаніи постановленія Ефесскаго собора болѣе подробное изложеніе вѣроученія, хотя бы и истинное, нельзя вносить въ св. символъ. Поэтому онъ и заявляетъ, что онъ намѣренъ изъяснять каѳолическое вѣроученіе, признавая въ тоже время ненарушимымъ св. символъ, или, какъ онъ затѣмъ прибавляетъ, сохраняя въ цѣлости самый текстъ символа, такъ какъ въ виду появленія ересей и притомъ по постановленію Ефесскаго собора нельзя составлять иной символъ. Но Павлинъ намѣренъ былъ предлагать только каѳолическое ученіе, или, какъ онъ говоритъ, смыслъ самыхъ Отцовъ; однако, онъ понимаетъ, что, въ виду возможности появленія ересей, этотъ смыслъ не долженъ быть вводимъ въ св. символъ, а при сохраненіи текста самого св. символа нетронутымъ, долженъ быть выясняемъ отдѣльно, такъ какъ измѣнять символъ Ефесскій соборъ запретилъ. Итакъ, по мысли Павлина, этотъ соборъ запретилъ вводить въ св. символъ, хотя бы и истинное, болѣе подробное изложеніе вѣроученія, разъ по постановленію означеннаго собора въ самый текстъ символа не должно быть вводимо добавочное православное и каѳолическое изъясненіе. Если же, такимъ образомъ, должно сохранять символъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ переданъ Отцами и въ какомъ въ отношеніи текста онъ благоговѣйно былъ всегда сохраняемъ послѣдующими вѣками, такъ что въ него не было вносимо даже то, что было составлено противъ еретиковъ,—то отсюда несомнѣнно

слѣдуетъ, что въ данномъ случаѣ Павлинъ учитъ, что символъ должно сохранять безъ всякой прибавки, хотя бы даже заключающей въ себѣ истину.

Разсуждая такъ относительно прибавки къ символу, Павлинъ несомнѣнно имѣлъ въ виду не какую-нибудь иную прибавку, а именно прибавку въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа. Ибо по поводу какой-либо иной прибавки въ латинской церкви никогда не было спора, и указанная прибавка впервые появилась у латинянъ въ концѣ VIII вѣка, какъ разъ въ то время, когда Павлинъ созвалъ вышеупомянутый Фріульскій соборъ. Это ясно видно и изъ того, что вслѣдъ за тѣмъ тутъ же болѣе подробно сказано о той же прибавкѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Именно далѣе въ столбцѣ 994 Павлинъ говоритъ: «священное вѣроученіе есть дѣло весьма многихъ каѳолическихъ мужей и служителей церквей Божіихъ и составлено въ разныхъ выраженіяхъ и неодинаковымъ образомъ, но содержитъ одинъ и тотъ же смыслъ и представляетъ одно согласное разумѣніе ненарушимой вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть достохвальный текстъ Никейскаго символа, то въ немъ не можетъ быть найдено провозвѣщеннымъ о Св. Духѣ ничего иного, какъ только: и въ Духа, говорятъ (Отцы), Святаго. Что же это значитъ: и въ Духа Святаго? Какъ иначе должно понимать это столь краткое исповѣданіе, если не такъ, что въ немъ явно обнаруживается благоговѣйное изъявленіе нерушимой вѣры ихъ душъ, изъявленіе, что они (т. е. Отцы) совершенно вѣруютъ и въ Духа Святаго, какъ и въ Отца, и въ Сына, согласно съ святыми сто пятидесятью Отцами (II-го собора) которые впослѣдствіи подтвердили, что изложеніе вѣры Никейскаго собора должно остаться навѣки неприкосновеннымъ? Однако эти послѣдніе дополнили, какъ бы выясняя мысль прежнихъ Отцовъ, и исповѣдуютъ, что вѣруютъ и въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, отъ Отца исходящаго, съ Отцомъ и Сыномъ поклоняемаго и сславимаго. Этого и прочаго, что далѣе слѣдуетъ, въ священномъ догматѣ Никейскаго символа нѣтъ». Изъ приведенныхъ словъ Павлина видно, что онъ, доказывая невозможность прибавокъ къ св. символу, имѣлъ въ виду ученіе объ исхожденіи Св. Духа. Въ противномъ случаѣ, къ чему бы онъ приводилъ

упоминаніе одного только этого члена св. символа? А какимъ образомъ впослѣдствіи латиняне испортили слова Павлина и внесли въ его рѣчь слова, говорящія въ пользу ихъ прибавки,— это было показано въ главѣ о поврежденіяхъ, сдѣланныхъ въ твореніяхъ латинскихъ Отцовъ [1]).

Такимъ образомъ и Павлинъ, самъ латинянинъ и притомъ патріархъ Аквилейскій вмѣстѣ съ другими латинскими Отцами, собравшимися въ 791 году; недавно передъ тѣмъ появившуюся и обнародованную прибавку къ символу на основаніи опредѣленія Ефесскаго собора отвергъ, разбилъ и отстранилъ. И хотя въ актахъ этого собора латиняне вездѣ вписали, будто Павлинъ признавалъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, однако и доселѣ остались непрекословенными слѣдующія слова (столб. 996): «о Святомъ же Духѣ, чтобы показать Его Своимъ и Отца, такъ говоритъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Тотъ Меня прославитъ. Ибо Тотъ, Кто отъ Отца исходитъ, дѣйствительно есть Духъ Отца, и Тотъ, Кто есть Духъ истины, есть нисколько не меньше и Духъ Его» (т. е. Христа).

Но хотя, такимъ образомъ, недавно появившееся новшество другими латинянами и притомъ самыми выдающимися изъ нихъ по учености и значенію было отвергнуто и не одобрено; однако, какъ это обыкновенно бываетъ со всякою новостью, которая мало-по-малу распространяется все дальше и дальше,—и прибавка къ символу получила большіе размѣры и нашла многихъ приверженцевъ вмѣстѣ съ догматомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. За то тѣмъ упорнѣе протестовали противъ прибавки другіе латинскіе епископы, такъ что среди самихъ латинянъ возникли большіе споры и волненія. Чтобы утишить эти распри, франкскій король Карлъ, тогда уже императоръ Галліи и Германіи, въ 809 году созвалъ соборъ въ Ахенѣ (Aquisgranum). На этомъ соборѣ присутствовали латинскіе епископы въ большомъ числѣ; разсуждали здѣсь объ исхожденіи Св. Духа,—причемъ одни стояли за то, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, а другіе отвергали это мнѣніе. Обѣими сторонами было представлено

[1]) Гл. III, поврежденіе XLI.

много доводовъ; но такъ какъ съ одинаковымъ рвеніемъ новаторы защищали свое новшество, а каѳолическіе епископы отстаивали каѳолическую истину, то соборъ разошелся, не придя ни къ какому рѣшенію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ вездѣ и современные событію и позднѣйшіе латинскіе историки.

Адонъ, [1]) епископъ Вѣнскій, въ хроникѣ подъ 809 годомъ пишетъ: «Въ 809 году отъ воплощенія Господа собрался великій Ахенскій соборъ, на которомъ разсуждали объ исхожденіи Св. Духа: исходитъ-ли Онъ такъ же отъ Сына, какъ исходитъ отъ Отца. Этотъ вопросъ возбужденъ былъ іерусалимскимъ монахомъ Іоанномъ. На этомъ же соборѣ былъ возбужденъ и обсуждался вопросъ объ устройствѣ церквей, о чинѣ каждой изъ нихъ и томъ, какого поведенія должны быть клирики».

Аймоній [2]), въ IV кн. своего сочиненія «о дѣяніяхъ Франковъ», въ гл. XCVII (стр. 232, Парижское изд. 1602 г.) пишетъ: «когда это совершилось, императоръ, возвратившись въ Ахенъ изъ Ардуенны, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ созвалъ соборъ для обсужденія вопроса объ исхожденіи Св. Духа, каковой вопросъ впервые возбудилъ какой то монахъ въ Іерусалимѣ. Для его опредѣленія были посланы въ Римъ къ папѣ Льву Бернгарій, епископъ Вормскій, и Адальгардъ, аббатъ монастыря Корбейскаго. На томъ же соборѣ обсуждался также вопросъ объ устройствѣ церквей и поведеніи тѣхъ, которые въ нихъ считаются служителями Божіими; однако ничего не было рѣшено, какъ кажется, вслѣдствіе множества дѣлъ». Подобное же извѣстіе находимъ у автора франкскихъ лѣтописей съ 741 г. по 814 г. (т. II исторіи франкскихъ писателей, изданныхъ въ 1636 г. въ Парижѣ Андреемъ Дюшеномъ, стр. 46); и у неизвѣстнаго автора жизнеописанія Карла Великаго (тамъ же, стр. 64); также въ біографіи Карла Великаго, составленной монахомъ Ангулемскаго (Egolismensis) монастыря (тамъ же, стр. 84);

[1]) Адонъ, родомъ Галлъ, въ 859 г. возведенъ въ архіепископы; ум. въ 875 г., до котораго довелъ свою «сокращенную хронику», начавши отъ сотворенія міра.

[2]) Аймоній жилъ въ X или XI вѣкѣ; былъ и другой писатель того же имени, бенедиктинецъ изъ монастыря св. Германа, славившійся ок. 872 г. *Прим. пер.*

у *Эгингарда* [1]) въ анналахъ (лѣтописяхъ) (тамъ же, стр. 225); далѣе въ анналахъ Франковъ съ 687—по 940 г. (тамъ же, стр. 294); наконецъ у автора анналовъ съ 741 по 882 годъ. Затѣмъ въ Фульдскихъ анналахъ Франковъ (т. II исторіи франкскихъ писателей, изд. тѣмъ-же Дюшеномъ, стр. 541) читаемъ: «въ то время былъ созванъ соборъ для обсужденія вопроса объ исхожденіи Св. Духа, впервые возбужденнаго однимъ іерусалимскимъ монахомъ Іоанномъ. Для его опредѣленія были посланы въ Римъ къ папѣ Льву Бернгарій, епископъ Вангіонскій, и Адальгардъ, аббатъ монастыря Корбейскаго». *Германъ* [2]) *Контрактъ*, монахъ Авгійскій, въ хроникѣ подъ 809 годомъ (т. IX Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 295) пишетъ: «былъ обсуждаемъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа на созванномъ соборѣ». Итакъ сами латиняне боролись противъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, безъ вмѣшательства восточныхъ; сами латиняне изъ-за этого спорили между собою. Кто-же послѣ этого станетъ сомнѣваться, справедливо-ли осуждается ученіе, которое сами латиняне въ лицѣ измыслившихъ его отвергли?

Когда на указанномъ соборѣ латиняне не могли придти къ соглашенію, такъ какъ одни защищали, а другіе осуждали исхожденіе Св. Духа отъ Сына и прибавку его къ св. символу,—Бернгарій, епископъ Вормскій, и Адальгардъ, аббатъ Корбейскій [3]), отъ лица-ли императора Карла, или прочихъ поборниковъ новаго ученія объ исхожденіи Св. Духа, были посланы въ Римъ ко Льву III, чтобы спросить у него, что́ должно думать по этому вопросу. Выше приведенные латинскіе авторы подробно говорятъ объ этомъ. По прибытіи въ Римъ легаты прежде всего въ присутствіи папы вопреки остальнымъ латинянамъ доказывали, что Духъ Святый

---

[1]) Эгингардъ, секретарь Карла В., описавшій его жизнь (771—844). *Прим. перев.*

[2]) Германъ умеръ ок. 1054 г.; прозванъ былъ contractus—сокращенный, потому что вслѣдствіе разслабленія членовъ не могъ держаться прямо, и его переносили съ мѣста на мѣсто. *Прим. пер.*

[3]) Къ этимъ двумъ причисляютъ еще и третьяго—Исаію, епископа Амміанійскаго, *Прим. пер.*

исходитъ также и отъ Сына. Рѣчь этихъ пословъ (апокрисіаріевъ), сказанная по этому случаю, издана только недавно латинянами по старинной рукописи; въ первый разъ послѣ римскихъ соборовъ Гольстеніемъ, затѣмъ помѣщена у Филиппа Лаббея въ VII томѣ Соборовъ. Здѣсь на стр. 1199 читаемъ: «недавно возникшій вопросъ объ исхожденіи Св. Духа уже давно былъ весьма старательно разобранъ св. Отцами. Но такъ какъ уже долгое время онъ находился въ пренебреженіи у изслѣдователей, то онъ не оставленъ былъ въ покоѣ, какъ обсужденный давнымъ давно, но всплылъ (emersit) вдругъ въ наши времена, какъ нѣчто сокрытое, —обстоятельство, которое я, истинно вѣруя, не колеблюсь признать внушеніемъ свыше. Ибо нынѣшняя церковь испытываетъ потрясенія отъ частыхъ столкновеній разныхъ мнѣній для того, чтобы наставленная каѳолическими ученіями, изощренная исповѣданіями правой вѣры, она имѣла силу, принявши наслѣдіе сыновъ, жить вѣчно съ Господомъ и счастливо царствовать. Но такъ какъ, какъ я выше сказалъ, этотъ вопросъ долго оставлялся изслѣдователями внѣ разсмотрѣнія, то всемогущему Богу угодно было обратить къ нему сердца пастырей, чтобы они, сбросивши съ себя безчувственность небреженія, рукою святого подвига возмогли откопать небесное сокровище. Ибо плугомъ Господняго Слова должны пастыри возможно чаще вспахивать поле, чтобы плевелы лукаваго сѣятеля и злое сѣмя не могло уничтожить плодъ чистой пшеницы, или иначе говоря, чтобы летающая повсюду птица среди не похитила изъ сердецъ малыхъ каѳолическое сѣмя и чтобы гнусныя терніи не могли заглушить чистую жатву Господа. Чтеніе святого слова составляетъ жезлъ опоры для слабыхъ и оружіе для сильныхъ; разрушаетъ лукавые ковы враговъ и обѣщаетъ счастливымъ побѣдителямъ вѣчные вѣнцы. Итакъ да отойдетъ далеко отъ пастырей безчувственность небреженія, да удалится отъ ихъ остраго ума пагубная косность, отъ разслабляющаго сна да воспрянутъ они въ строгомъ и спасительномъ бдѣніи чтенія, дабы тучное поле Церкви, засѣянное сѣменемъ учителей, возмогло принести сторицею плоды Всемогущему. А теперь я перейду къ вопросу объ исхожденіи Св. Духа». И затѣмъ, приведя доказательство изъ Св. Писанія, что Духъ

Отца есть и въ Сынѣ, и что Одинъ и Тотъ же Духъ есть Духъ Отца и Сына; что Духа Святаго даровалъ Отецъ, и Его же даровалъ и Сынъ;—что Духа Святаго изліялъ Отецъ, и Его же изліялъ и Сынъ; что изліяніе Св. Духа одно отъ Отца и Сына; что Духъ Святый есть Духъ устъ Отца и Сына, и что Духъ Святый исходитъ отъ Отца,—они продолжаютъ рѣчь такимъ образомъ: «а что Духъ также исходитъ и отъ Сына, объ этомъ свидѣтельствуетъ устами Господа священная книга Іова, въ которой между прочимъ говорится: и съ трепетомъ слушайте слышаніе голоса Его и звукъ изъ устъ Его исходящій [1]). Въ этомъ мѣстѣ подъ устами Отца должно разумѣть Сына. Звукъ же, изъ устъ Его исходящій, есть Духъ Святый, который, исходя отъ Сына, съ шумомъ сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ на Апостоловъ, какъ свидѣтельствуютъ Дѣянія Апостольскія, гдѣ написано: когда оканчивались дни пятидесятницы, всѣ они были единодушно вмѣстѣ. И внезапно появился шумъ съ неба, какъ бы отъ несущагося сильнаго вѣтра, и наполнилъ весь домъ, гдѣ они сидѣли. И явились имъ раздѣляющіеся языки, какъ бы огненные, и почили по одному на каждомъ изъ нихъ. И исполнились всѣ Духа Святаго [2]). Св. Григорій въ толкованіи на вышеуказанный стихъ книги Іова между прочимъ такъ говоритъ: подъ устами Божіими можно разумѣть Единороднаго Сына, а подъ шумомъ изъ устъ Его—Духа Святаго. Итакъ изъ устъ Господа исходитъ шумъ, когда единосущный Ему Духъ, сойдя на насъ чрезъ Сына, отнялъ глухоту нашей безчувственности. Объ этомъ же исхожденіи, при которомъ Духъ Святый исходитъ отъ Сына такъ же, какъ исходитъ отъ Отца, блаженный Аѳанасій въ книгѣ противъ

---

[1]) Послушай слуха въ гнѣвѣ ярости Господни, и поученіе изо устъ Его изыдетъ Іов. XXXVII, 2. Въ вульгатѣ вмѣсто греч. μελέτη поставлено sonus—голосъ (громъ) изъ устъ Его исходящій. Относить это мѣсто къ исхожденію Духа Св. болѣе, чѣмъ странно. *Прим. перев.*

[2]) И егда скончавашася дніе пятьдесятницы, бѣша всѣ апостоли единодушно вкупѣ. И *бысть внезапу съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну*, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще. И явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни; сѣдѣ же на единомъ коемждо ихъ. И исполнишася вси Духа Свята. Дѣян. II, 1—4.

Арія между прочимъ такъ говоритъ: я вѣрую, что Сынъ въ Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, и Духъ Утѣшитель, Который отъ Отца исходитъ, есть Духъ Сына и Отца, потому что исходитъ и отъ Сына. Такъ и въ Евангеліи написано, что Онъ посредствомъ вдуновенія далъ ученикамъ Своимъ Духа Святаго, говоря: примите Духа Святаго; кому отпустите грѣхи, тому отпустятся [1]) и т. д. Кириллъ объ этомъ самомъ исхожденіи Св. Духа въ сочиненіи противъ Несторія также между прочимъ говоритъ: хотя Духъ имѣетъ Свою собственную ипостась и въ ней заключается Его свойство, по которому Онъ есть Духъ, а не Сынъ,—однако Онъ (Духъ) не чуждъ Ему (Сыну), ибо Онъ называется Духомъ истины, а истина есть Христосъ. Отсюда Духъ Святый равно отъ Него, какъ и отъ Бога Отца исходитъ. Амвросій между прочимъ о Духѣ Святомъ такъ говоритъ: когда Духъ исходитъ отъ Сына, то Онъ не посылается какъ бы изъ какого-нибудь мѣста и не исходитъ какъ бы изъ какого-нибудь мѣста.—Іеронимъ объ этомъ самомъ исхожденіи Св. Духа такъ говоритъ въ своемъ толкованіи на символъ: Духъ, Который отъ Отца и Сына исходитъ, совѣченъ и соравенъ во всемъ Отцу и Сыну. Это Святая Троица: то-есть Отецъ, Сынъ и Духъ Святый; одно божество и могущество и одна сущность: то-есть Отецъ раждающій, Сынъ рожденный и Духъ отъ Отца и Сына исходящій. И эта Троица—одинъ Богъ.—Равнымъ образомъ Августинъ въ своемъ изложеніи каѳолической вѣры говоритъ: и такъ въ этой Святой Троицѣ Одинъ Отецъ, Который изъ Самого Себя по существу родилъ Одного Сына, и Одинъ Сынъ, Одинъ только рожденный по существу отъ Одного Отца, и Одинъ Духъ, Который Одинъ только по существу исходитъ отъ Отца и Сына. Также въ сочиненіи противъ Максимина—еретика онъ говоритъ: ты спрашиваешь у меня: если Сынъ изъ существа Отца и Духъ Святый также изъ существа Отца, то почему Одинъ Сынъ, а другой не Сынъ? На это я вотъ что отвѣчаю, все равно,—поймешь-ли ты, или нѣтъ: отъ Отца Сынъ, отъ Отца и Духъ Святый, но Одинъ рожденъ, а Другой—исходитъ: поэтому Тотъ есть Сынъ Отца, отъ Котораго рожденъ, а этотъ Духъ Того и Другого, такъ какъ

[1]) Іоан. XX, 22.

отъ Того и Другого исходитъ. И немного далѣе (Августинъ) продолжаетъ: итакъ Онъ есть Духъ Обоихъ, исходя отъ Обоихъ. Равнымъ образомъ въ книгѣ о Тройцѣ онъ между прочимъ говоритъ: *такъ какъ я на основаніи* свидѣтельствъ Священнаго Писанія училъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Того и Другого, и если я затѣмъ говорю, что Духъ Святый исходитъ и отъ Отца, и отъ Сына,—то (спрашивается) почему Сынъ сказалъ: отъ Отца исходитъ? Почему, полагаешь, если не потому, что Онъ, какъ обыкновенно, относитъ къ Тому, отъ Кого Онъ Самъ происходитъ (есть), и то, что принадлежитъ Ему Самому. Отсюда (вытекаетъ) и то, что Онъ говоритъ: Мое ученіе не есть Мое, но пославшаго Меня. Если же здѣсь разумѣется Его ученіе, о которомъ Онъ однако сказалъ, что оно не Его, но Отца, то тѣмъ болѣе должно разумѣть, что Духъ и отъ Него исходитъ, тамъ, гдѣ Онъ говоритъ: отъ Отца исходитъ, нисколько не говоря: отъ Меня не исходитъ. А отъ Кого Сынъ имѣетъ то, чтобы быть Богомъ (ибо Онъ Богъ отъ Бога), отъ Того Онъ, конечно, имѣетъ и то, чтобы отъ Него также исходилъ Духъ Святый; вслѣдствіе этого и Духъ Святый то, что Онъ исходитъ отъ Него (Сына), какъ исходитъ отъ Отца, имѣетъ отъ Самого Отца. Притомъ Духъ Святый не исходитъ сперва отъ Отца на Сына и (потомъ) отъ Сына на тварь для ея освященія, но вмѣстѣ исходитъ отъ Того и Другого; однако Отецъ даровалъ сыну то, чтобы Духъ Святый исходилъ отъ Сына такъ же, какъ и отъ Него (Самого). Эти многочисленныя свидѣтельства Священнаго Писанія объ исхожденіи Св. Духа собраны нами при помощи Высочайшаго Творца для того, чтобы врагъ, побѣжденный изреченіями божественныхъ книгъ и подавленный сонмомъ многихъ православныхъ свидѣтелей, не имѣлъ силы противостоять истинѣ; но убѣжденный каѳолическими мнѣніями и правдивыми свидѣтельствами, возвратился бы въ надежное лоно Церкви, чтобы, воспитавшись въ ея каѳолическихъ нѣдрахъ, современемъ получить вмѣстѣ съ сынами наслѣдіе вѣчнаго царства» .—

Изъ приведенныхъ словъ, во-первыхъ, становится очевиднымъ, что самое ученіе объ исхожденіи Св. Духа прочими латинянами было отвергнуто, ибо въ своей рѣчи за него ратуютъ

упомянутые апокрисіаріи: «этотъ вопросъ, говорятъ они, недавно возникъ, въ ихъ времена внезапно всплылъ (emersisse»), и заканчиваютъ: «эти свидѣтельства въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына собраны для того, чтобы врагъ не могъ противостоять истинѣ, но скорѣе возвратился бы въ надежное лоно Церкви». Изъ этихъ словъ далѣе очевидно, что прочіе епископы, православно мыслившіе, не желали даже удостоить своимъ общеніемъ тѣхъ, которые вѣрили, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына. Поэтому справедливо заслуживаетъ осмѣянія Бароній, который, вопреки вышеприведеннымъ яснымъ словамъ латинскихъ историковъ выдумываетъ, будто на Ахенскомъ соборѣ происходили споры между латинянами не изъ-за догмата исхожденія Св. Духа, а только изъ-за прибавки къ символу: ибо самый догматъ, по его мнѣнію, Римская Церковь всегда точно хранила. Такъ подъ 809 годомъ онъ пишетъ: «здѣсь, мы думаемъ, слѣдуетъ напомнить читателю, что (на соборѣ) не сомнѣвались и не разсуждали о томъ, исходитъ-ли Духъ Святый отъ Отца и Сына, но о томъ, что подобно тому, какъ въ Испаніи (это мы видѣли и въ своемъ мѣстѣ много говорили), такъ и въ Галліи было прибавлено въ символѣ четыре слога: Filioque, то хорошо-ли было сдѣлано, что символъ съ такою прибавкою пѣли въ Церкви? Ибо Франки получили отъ самого Льва, римскаго первосвященника, разрѣшеніе пѣть въ Церкви символъ Никейскій, или иначе,—Цареградскій. Но когда они стали пѣть его съ прибавкой, то изъ-за этого возникъ спорный вопросъ: позволительно ли и законно ли пѣть въ Церкви символъ съ прибавочными слогами. Между тѣмъ вообще объ исхожденіи Св. Духа вовсе не зачѣмъ было разсуждать и вступать въ споръ, такъ какъ изъ рѣшенія святаго Льва Великаго ясно было (какъ сказано нами въ своемъ мѣстѣ), что ученіе о томъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына правильно».

Затѣмъ оттуда же (т. е. изъ словъ апокрисіаріевъ) видно, что ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына съ давнихъ поръ и до послѣдняго времени было неизвѣстно и не передавалось въ Латинской Церкви. По крайней мѣрѣ апокрисіаріи говорили, что вопросъ этотъ возникъ недавно, долго былъ въ пренебреженіи у

изслѣдователей и только въ ихъ времена внезапно всплылъ какъ бы изъ-подъ земли; что тогда именно пастыри, сбросивши безчувственность нерадѣнія, снова стали его утверждать. Итакъ латинская церковь долгое время не знала, а слѣдовательно и не исповѣдывала, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. На основаніи чего-же латиняне утверждаютъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Сына всегда признавалось постояннымъ и преемственнымъ преданіемъ? Далѣе, какимъ образомъ со времени Св. Мартина, папы Римскаго, до конца VIII вѣка на многочисленныхъ соборахъ и въ писаніяхъ всѣхъ Отцовъ передается, защищается, утверждается, иногда даже подробно доказывается исхожденіе Св. Духа отъ Сына, если задолго до конца VIII вѣка этотъ догматъ не былъ извѣстенъ въ латинской церкви? Отсюда—прямой выводъ, что все это было поддѣлано позднѣйшими латинянами самымъ недобросовѣстнымъ образомъ.—Въ третьихъ, оттуда (изъ заявленія апокрисіаріевъ) слѣдуетъ, что лица, вводившія въ латинской Церкви ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, появились только въ концѣ VIII вѣка. «Вопросъ объ исхожденіи Св. Духа,—говорятъ они,—возникъ недавно». Далѣе: «онъ не остался въ покоѣ, какъ давно разсмотрѣнный вдоль и поперекъ (ventilata), но только въ эти дни внезапно всплылъ предъ нами какъ нѣчто сокрытое». Наконецъ: «такъ какъ вопросъ этотъ съ давнихъ поръ оставался у изслѣдователей безъ разсмотрѣнія, то всемогущій Богъ благоволилъ обратить на него сердца пастырей, дабы они, очнувшись отъ нерадѣнія, рукою святого подвига возмогли выкопать небесное сокровище».—

Ктому же слѣдуетъ отмѣтить, что вышеупомянутые апокрисіаріи (докладчики), посланные ко Льву III, будучи вынуждены признать, что разсматриваемый догматъ съ давнихъ поръ и до ихъ времени не былъ передаваемъ въ латинской церкви, обвиняютъ своихъ предшественниковъ въ небреженіи, говорятъ, будто тѣ по какой-то неподвижности пренебрегли утвердить означенный догматъ; а они, сбросивши съ себя усыпленіе, снова утверждаютъ издревле переданный догматъ. «Но такъ какъ, говорятъ,—этотъ вопросъ» и т. д., какъ мы только что видѣли. И немного ниже: «поэтому да отойдетъ прочь отъ пастырей неподвижность небреженія, да

удалится отъ ихъ остраго ума пагубная косность, да оставитъ ихъ члены разслабляющая нѣга, и глубокое усыпленіе, и изнѣживающая сонливость да превратятся въ строгое и плодовитое бодрствованіе чтенія». Въ этомъ случаѣ говорившіе такъ прибѣгнули къ обычному пріему еретиковъ, чтобы уронить авторитетъ своихъ предшественниковъ. То-же, напримѣръ, заявлялъ Несторій въ оправданіе своего новшества; но Ефесскій соборъ за это именно уличилъ его въ заблужденіи. Это заявленіе Несторія мы находимъ въ I дѣяніи I Ефесскаго собора (т. III Соборовъ, столб. 530), гдѣ онъ говоритъ: «я замѣчаю, что нашъ простой народъ отличается большой религіозностью и горячей ревностью въ благочестіи, но вслѣдствіе незнанія божественнаго ученія догматовъ тяжело заблуждается и погрѣшаетъ. Однако это не должно вмѣнять въ порокъ самому народу, но скорѣе должно приписать учителямъ (какая, скажешь, скромность!), которые не находятъ времени преподать народу кое-какое болѣе точное ученіе». Возражая на это, Петръ, пресвитеръ Александрійскій и начальникъ нотаріевъ [1]), дѣлаетъ такое заключеніе: «такимъ образомъ онъ (Несторій) рѣшительно утверждаетъ, что никто изъ учителей, которые до него были, не сказалъ народу того, что онъ сказалъ».

Наконецъ въ своей запискѣ апокрисіаріи ссылаются на Отцовъ. Но слова послѣднихъ или неправильно истолкованы, или повреждены, какъ мы указали въ другомъ мѣстѣ. Такъ Кириллъ въ приведенномъ ими мѣстѣ и не упоминаетъ объ исхожденіи; слова Іеронима не дошли до насъ; слова Аѳанасія повреждены, какъ это ясно доказано въ своемъ мѣстѣ. На основаніи изслѣдованія о поврежденіяхъ, сдѣланныхъ въ твореніяхъ латинскихъ Отцовъ, тоже слѣдуетъ сказать и объ остальныхъ свидѣтельствахъ.—

Когда эти свидѣтельства въ защиту исхожденія Св. Духа апокрисіаріи прочитали въ присутствіи Льва III, онъ, говорятъ вполнѣ одобрилъ этотъ догматъ. Такъ *Смарагдъ* [1]) въ церковныхъ

[1]) Секретарей, которые вели протоколы (дѣянія) засѣданій собора.

[1]) Смарагдъ, аббатъ Бирдунійскій, жилъ въ началѣ IX в., присутствовалъ на Ахенскомъ соборѣ, списалъ посланіе, извѣстное подъ именемъ посланія Карла; вмѣстѣ съ послами отъ собора (апокрисіаріями)

анналахъ (т. VII Соборовъ, столб. 1194) говоритъ: «когда свидѣтельства были по порядку прочитаны вышеупомянутыми послами (собора) и внимательно выслушаны Владыкой апостольскимъ, послѣдній сказалъ: «И я такъ думаю, такъ содержу, вмѣстѣ съ этими писателями и свидѣтельствами Священнаго Писанія. Иначе учить, или думать объ этомъ предметѣ—запрещаю, и еслибы кто-либо не обратился и не пожелалъ содержать это ученіе, но думалъ бы противно, такового совершенно отвергаю». Но если даже этотъ разсказъ латинянъ о Львѣ III, будто онъ одобрилъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, вѣренъ, то во всякомъ случаѣ очевидно, что Левъ III, обманутый лживыми доказательствами этихъ новаторовъ, выразился подобнымъ образомъ: «такъ думаю, такъ содержу,—вмѣстѣ съ этими писателями» и пр., т. е. съ тѣми, слова которыхъ только что привели послы отъ собора. Ибо до того времени Римская Церковь не знала этого ученія, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ словъ тѣхъ же пословъ, въ которыхъ они это утверждали. Тоже доказываютъ и слова Смарагда, что Левъ III чрезвычайно внимательно выслушалъ приведенныя свидѣтельства, и, только по выслушаніи ихъ, утвердилъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына и этотъ папа. Слѣдовательно, указанное ученіе до этого времени не было установленнымъ и общеизвѣстнымъ догматомъ Римской церкви; во всякомъ случаѣ до этого времени въ Римской церкви не было такого постояннаго согласія относительно догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ относительно догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Это видно изъ словъ самого Льва III въ бесѣдѣ съ апокрисіаріями относительно прибавки къ символу: «Кто, говоритъ Левъ, можетъ съ помощью своего тонкаго ума дойти до этого и понять это, и, понимая, не пожелаетъ этому вѣрить, тотъ не можетъ спастись. Ибо есть многія высочайшія тайны святой вѣры (и въ томъ числѣ и это ученіе), возвышеннѣйшія святыни, къ изслѣдованію коихъ многіе могутъ возвыситься. Но многіе и не могутъ вслѣдствіе возраста, или по слабости ума.

онъ явился къ папѣ, слышалъ ихъ разговоръ и передалъ потомству. Такъ говорятъ Бароній подъ 809 г. и Сирмондъ во II т. Галльскихъ соборовъ. *Прим. перев.*

И потому, какъ мы сказали выше, тотъ, кто могъ бы и не пожелалъ (возвыситься), не можетъ спастись». И далѣе: «конечно, хорошо и прекрасно, чтобы всякій могъ возвыситься (дойти) до этого столь великаго таинства, въ которое нельзя не вѣрить». Объ утвержденныхъ, несомнѣнныхъ и общеизвѣстныхъ до того времени догматахъ вѣры никоимъ образомъ не можетъ быть сказано, что ихъ могутъ принимать только тѣ, которые обладаютъ высшими способностями, и могутъ не принимать тѣ, которые не обладаютъ такой силой разумѣнія,—такъ что отсюда опять слѣдуетъ, что къ тому времени въ Римской церкви не былъ рѣшеннымъ и несомнѣннымъ догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына подобно тому, какъ былъ утвержденъ догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Но Левъ III, обманутый благовидными доводами апокрисіаріевъ, согласился съ этимъ догматомъ, какъ онъ и сказалъ: «такъ думаю, такъ содержу съ этими писателями и свидѣтельствами Священнаго Писанія», очевидно, съ тѣми, которыя приводили упомянутые апокрисіаріи. Послѣ того эти посланные отъ Ахенскаго собора въ Римъ докладчики спрашивали мнѣнія Льва III и относительно прибавки въ самомъ святомъ символѣ; но на счетъ этого папа оказался рѣшительнымъ противникомъ ихъ, непоколебимо утверждая, что согласно постановленію вселенскихъ соборовъ, въ символъ нельзя вносить ничего новаго, и приказалъ, чтобы они опять уничтожили эту прибавку въ символѣ. Этотъ разговоръ Льва III о прибавкѣ къ символу упомянутый Смарагдъ, присутствовавшій при немъ вмѣстѣ съ докладчиками, посланными въ Римъ, записалъ въ церковныя лѣтописи, а оттуда уже онъ заимствованъ Бароніемъ и записанъ подъ 809 годомъ и находится также во всѣхъ изданіяхъ Галльскихъ соборовъ и новѣйшихъ изданіяхъ общихъ соборовъ. Такъ (въ т. VII Соборовъ, столб. 1194) Смарагдъ продолжаетъ (свое приведенное выше сообщеніе): «сказанному предшествовало нѣчто скорѣе въ родѣ бесѣды, чѣмъ разсужденія; теченіе мыслей и выраженій этого разговора недостаточно приходитъ мнѣ на память. Когда же это засѣданіе приняло такой видъ, что уже слѣдовало его считать болѣе правильнымъ преніемъ, чѣмъ, какъ раньше, простымъ разговоромъ, то, хотя я не могу припомнить подлин-

ныхъ выраженій, но вотъ каково было теченіе мыслей и сущность окончательныхъ опредѣленій».

Послы: «Но если, какъ вы говорите, всего основательнѣе такъ слѣдуетъ вѣровать, а вѣруя, неизмѣнно этого держаться, держась же, когда окажется гдѣ-нибудь необходимымъ, крѣпко защищать,—то развѣ не слѣдуетъ учить этому незнающихъ, не слѣдуетъ подтверждать этого знающимъ, чтобы тщательнѣе держались?» —

Папа:— «Да».

Послы:— «Въ такомъ случаѣ, если-бы кто-нибудь не вѣдалъ этого, или не такъ вѣровалъ, могъ-ли бы онъ спастись?»

Папа:— «Кто можетъ съ помощью тонкаго ума возвыситься до этого и знать, но, зная, не захотѣлъ бы вѣровать, тотъ не могъ бы спастись. Но есть многія (а въ томъ числѣ и это) высочайшія тайны святой вѣры, возвышеннѣйшія святыни, къ изслѣдованію которыхъ многіе могутъ возвыситься, многіе же по возрасту, или по слабости ума не могутъ. А поэтому, какъ мы раньше сказали, кто можетъ и не хочетъ, тотъ не можетъ спастись».

Послы:— «Слѣдовательно, если дѣло обстоитъ такъ, или лучше, такъ какъ дѣло обстоитъ такъ, что нельзя не вѣровать и нельзя учить молча, то отчего нельзя нѣтъ или нѣмъ учить?»

Папа:— «Можно, говорю, можно уча нѣтъ и нѣмъ учить, но относительно запрещенныхъ вещей въ письмѣ ли, въ нѣмѣ ли нельзя незаконно что-нибудь вносить».

Послы:— «Слѣдовательно, такъ какъ и тѣмъ и другимъ (т. е. признающимъ и не признающимъ прибавку) извѣстно, что потому вы считаете или называете непозволительнымъ вносить это (т. е. прибавку) въ символъ въ нѣмѣ или на письмѣ, что этого не внесли въ него, какъ и прочаго, тѣ, которые составляли этотъ символъ, а послѣдующіе великіе соборы, т. е. четвертый Халкидонскій, и затѣмъ Константинопольскій пятый и шестой запретили кому бы то ни было по какой бы то ни было надобности, даже изъ ревности къ спасенію людей, составлять новый сверхъ составленнаго символъ, а въ старыхъ что-нибудь отбрасывать, прибавлять и вносить или измѣнять,—то нечего на

этомъ долѣе останавливаться. Но я вотъ о чемъ спрашиваю, вотъ что прошу сказать мнѣ: такъ какъ вѣровать въ это—дѣло хорошее, то хорошо-ли было бы теперь, если бы оно тогда было внесено ими (соборами) какъ для вѣрованія, такъ и для пѣнія?»

Папа:— «Безъ сомнѣнія, хорошо и очень хорошо; такъ какъ это великая тайна вѣры, въ которую нельзя не вѣровать тому, кто можетъ до нея возвыситься».

Послы:— «Въ такомъ случаѣ развѣ не хорошо поступили бы тогда учители (Церкви), еслибы прибавленіемъ только четырехъ слоговъ сдѣлали столь необходимѣйшую тайну вѣры ясною для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ?»

Папа:— «Какъ я не смѣю сказать, что они не хорошо поступили, если бы они это сдѣлали, потому что, несомнѣнно, и прочее, что они даже опустили, они сдѣлали сознательно, просвѣщаемые мудростью не столько человѣческою, сколько божественною; точно такъ же я не смѣю сказать, что они это разумѣли меньше насъ,—меньше насъ взвѣсили, почему пропустили, или почему воспретили касаться пропущеннаго, какъ и прочаго. Смотри ты и твои товарищи, что́ вы о себѣ должны думать,—ибо я не только не говорю о себѣ, что я выше ихъ, но да будетъ даже далека отъ меня дерзкая мысль равнять себя съ ними».—

Послы: «Да не будетъ, Отецъ, съ Божіей помощью, у насъ того, чтобы мы что-нибудь подобное думали, или говорили, или, исполненные гордости и въ божественныхъ дѣлахъ возбуждаемые желаніемъ человѣческой похвалы, посягали не только ставить себя выше, а даже наравнѣ: но, любовно сочувствуя слабости нашихъ братьевъ, мы къ тому стремимся, надъ тѣмъ трудимся, чтобы, въ виду приближенія конца міра, когда, какъ предсказано, настанутъ опасныя времена, мы могли между прочимъ и въ этомъ принести возможно больше пользы нашимъ братьямъ. Въ виду этого станемъ стараться вѣрныхъ о Господѣ утвердить и въ этомъ таинствѣ вѣры, а потому, такъ какъ мы нашли, что упомянутый символъ нѣкоторыми такъ поется и что это согласуется съ вѣрованіемъ церковнымъ, какъ мы это думаемъ, и такъ какъ мы узнали, что, благодаря этому, и теперь уже очень многіе получили свѣдѣніе объ этомъ столь великомъ таинствѣ, и, если бы такъ дѣло

шло, въ безконечность до конца вѣковъ должны поучаться въ немъ тѣ, которые никоимъ образомъ не были бы наставлены, если бы такъ (съ прибавкой) символъ не пѣлся: то, намъ кажется, лучше пѣніемъ научить столь многихъ, чѣмъ, умалчивая, оставлять ненаученными. И если бы ты зналъ, сколько есть теперь тысячъ людей, знающихъ эту тайну, благодаря тому, что она поется, которые никогда не могли бы узнать ее, если бы она не пѣлась, то, можетъ быть, ты согласился бы съ нами и сопзволилъ на то, чтобы, съ твоего согласія, она пѣлась».

Папа:— «Пока я согласенъ; однако отвѣть мнѣ, прошу тебя: должно ли вносить въ символъ всѣ такого рода сокрытыя тайны, которыя не содержатся въ символѣ, но безъ которыхъ каждый, кто до нихъ можетъ возвыситься, не можетъ быть каѳоликомъ, и ради краткаго обученія мало понимающихъ должно-ли прибавлять все, что кому угодно?»

Послы:— «Никоимъ образомъ, потому что не все одинаково необходимо».

Папа:— «Хотя не все, но много есть подобнаго этому, и если бы способные понять не вѣрили въ это, то не могли бы быть каѳоликами».

Послы:— «Укажешь-ли ты что-нибудь, не говорю, —выше, но, по крайней мѣрѣ, этому подобное, чего не было бы въ символѣ?»

Папа:— «Конечно, укажу—и множество укажу».

Послы:— «Укажи сначала одно и, если будетъ необходимо, прибавь другое».

Папа:— «Такъ какъ то, о чемъ идетъ рѣчь, разсматривается нами въ дружескомъ преніи, и то, что изслѣдуется, изслѣдуется для спасенія той и другой стороны (и дай Богъ, чтобы каждый разъ, когда что-нибудь подобное изслѣдуется въ вопросахъ большей или меньшей церковной или каѳолической пользы, оно изслѣдовалось во всемъ такъ мирно и безъ худого намѣренія),—то дабы случайно чего-нибудь не сказать необдуманно о столь досточтимыхъ таинствахъ, дадимъ себѣ время поразмыслить, и затѣмъ мы укажемъ то, что укажетъ относительно этого Господь».

Затѣмъ послѣ даннаго въ виду ночи перерыва, нана сказалъ: «развѣ вѣровать, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына такъ же, какъ отъ Отца, болѣе спасительно, а не вѣровать въ это—болѣе опасно, чѣмъ вѣровать или не вѣровать въ то, что Сынъ—Богъ-премудрость рожденъ отъ Бога-премудрости, Богъ-истина—отъ Бога-истины, а между тѣмъ Тотъ и Другой суть по существу одна Богъ-премудрость, одна Богъ-истина, хотя однако извѣстно, что это святыми Отцами въ символъ не внесено? Если этихъ двухъ примѣровъ для васъ, людей мудрыхъ, въ нашемъ дружескомъ и мирномъ обсужденіи будетъ достаточно для того, чтобы вы вмѣстѣ съ нами понимали и сознавали, что столько каѳолическихъ древнихъ Отцовъ, либо не внесшихъ въ символы то, о чемъ идетъ рѣчь, либо подобно прочему, о чемъ выше было сказано, запретившихъ вносить,—пропустили и запретили пропущенное вносить не по невѣдѣнію въ настоящемъ и не по недостатку предусмотрительности относительно будущаго,—то мы очень охотно воздержимся отъ приведенія большаго числа свидѣтельствъ. Слѣдуетъ при этомъ знать, что не только относительно сущности Божества, но также и относительно тайны воплощенія Господа, мы съ помощью Божіей даемъ столько, и на основаніи свидѣтельствъ тѣхъ же Отцовъ такихъ доказательствъ, которыя имѣютъ силу не только убѣдить мудрыхъ, но и опровергнуть безумныхъ».

Послы:—«Нѣтъ надобности, говорю, работать надъ тѣмъ, непзвѣстно ли намъ то, что́ мы знаемъ: ибо все то, что другіе объ этомъ знаютъ, знаемъ съ Божьей помощью и мы, или можемъ знать, если (еще) не знаемъ».

Нана:— «И мы, говоритъ, удивляемся тому, что вы, имѣя возможность безъ напраснаго труда успокоиться, трудитесь, чтобы не быть въ покоѣ».

Послы:—«Мы не потому трудимся, чтобы не быть въ покоѣ, но чтобы изъ-за бездѣйствія не упустить награды за благочестивый подвигъ, и оставивши въ сторонѣ болѣе тщательное изслѣдованіе и отклонивши упорное состязаніе, мы выше ставимъ пользу, которая отъ этого пріобрѣтается въ сердцѣ изслѣдующихъ, чѣмъ вредъ, причиняемый этимъ сдѣлавшимъ прибавку, если только они по безумію оказались презрѣвшими установленныя Отцами

опредѣленія. Ибо иное дѣло, обходя изъ гордости, пренебрегать хорошимъ, иное—изъ добраго намѣренія хорошее дѣлать лучшимъ».

Папа:— «Но и это послѣднее, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ хорошо дѣлать, однако не слѣдуетъ такъ поступать всегда и вездѣ. На счетъ этого много можно привести подтверждающихъ свидѣтельствъ; но дѣло само по себѣ ясно,—насколько лучше, чтобы каждый старался сдѣлать всякое добро полезнымъ такъ, какъ оно есть, или, если онъ силится это самое добро сдѣлать лучшимъ, то пусть сперва смотритъ и какъ можно основательнѣе поразмыслитъ, какъ бы и самому, взявши на себя больше, чѣмъ слѣдовало, не оказаться самонадѣяннымъ, и то, что само по себѣ было полезнымъ, не сдѣлать, испортивши, вреднымъ. Если даже кто-нибудь, можетъ быть, захочетъ утверждать относительно подлежащаго обсужденію и другихъ подобныхъ вопросовъ, которымъ безопасно можно учить и учиться, что слѣдуетъ отмѣнить установленный порядокъ ученія,—то нужно такихъ остерегаться, ибо никогда ни учащій, ни учащійся между ними не безвинны, но всегда, конечно, тотъ и другой заслуженно должны быть обвинены въ преступномъ нарушеніи. Это, можетъ быть, позволь тебѣ сказать, не безъ основанія касается тебя: теперь тотъ, кто могъ до сихъ поръ, будучи разумнымъ, что-нибудь знать для себя и невозбранно могъ учить этому неразумныхъ,—теперь уже, не говорю,—необразованный не можетъ учиться, но и самъ разумный не можетъ безъ нарушенія нѣть и нѣнѣмъ, какъ въ говоритe, учить кого-нибудь;—и въ то время, какъ вы разсчитываете принести пользу многимъ, ведя ихъ другою дорогою, чѣмъ та, которою вы должны вести, вы этимъ только никого не оставляете, кому бы вы не повредили, если бы онъ вамъ слѣдовалъ. Ибо относительно того, что вы выше утверждали, не одинаково нужно судить и считать виновнымъ того, кто нѣчто такое сталъ бы дѣлать, ища благочестиво отъ этого пользы, и того, кто взялся бы за это, думая по безумію, что онъ можетъ это устроить. Это запрещеніе, или, если можно такъ сказать, оговорка не относится и не направлена на то, или другое: ибо святые Отцы не сдѣлали различія, что-нибудь постановляя и опредѣляя, чтобы за него брался (передѣлывалъ) благо-

мыслящій, а не злонамѣренный, но постановили, чтобы никто не брался».—

Послы:— «Но развѣ не ты далъ позволеніе нѣть въ церкви этотъ самый символъ? Развѣ отъ насъ сюда пришелъ обычай его нѣть? Этотъ обычай отсюда пришелъ къ намъ, а не отъ насъ—сюда; да и какимъ образомъ мы поемъ его (символъ) даже до сего дня?»

Папа: «Я далъ позволеніе нѣть, но не прибавлять что-бы то ни было въ пѣніи, ни убавлять, ни измѣнять, и такъ какъ вы меня вынуждаете, скажу яснѣе: до тѣхъ поръ, пока вы довольствовались тѣмъ способомъ, которому слѣдуетъ Римская церковь въ пѣніи и совершеніи святыхъ таинствъ, не было рѣшительно никакой надобности ни намъ этимъ безпокоиться, ни другимъ давать случай надъ этимъ трудиться. А что вы утверждаете, что вы такъ поете потому, что другіе въ тѣхъ мѣстахъ раньше васъ такъ пѣли, то какое намъ до этого дѣло? Мы это самое не поемъ, а читаемъ, и думаемъ, что читая можно учить, но нельзя въ чтеніи, или въ ученіи что бы то ни было прибавлять, вноси это въ символъ. Того-же, что въ указанныхъ выше символахъ вѣры мы признаемъ недостающимъ, не осмѣливаемся, какъ уже не разъ сказано, вносить, но когда и гдѣ нужно и, кому слѣдуетъ, стараемся сообщать».

Послы:— «Слѣдовательно, какъ я вижу, ты, Отецъ, рѣшаешь, чтобы то, о чемъ идетъ рѣчь, прежде было изъято изъ столь часто поминаемаго символа, а тогда уже, кому угодно, законно и свободно пѣніемъ ли, или передачею изучалось и преподавалось».

Папа:— «Такъ, несомнѣнно, я рѣшаю и всячески совѣтую, чтобы и вы съ своей стороны съ этимъ согласились».

Послы:— «Такъ какъ, какъ ты самъ выше сказалъ, вопросъ, который изслѣдуется, изслѣдуется для спасенія обѣихъ сторонъ, то съ устраненіемъ того, что ты желаешь, хорошо, чтобы символъ пѣли».

Папа:— «Хорошо, конечно; однако это мы говоримъ, не приказывая, а, какъ раньше, позволяя, потому что мы допускаемъ, что это дѣло какъ тогда, такъ и теперь, если его вести искренно, можетъ быть полезно для нуждающихся».

Послы:— «Такъ какъ, какъ ты говоришь—и правильно говоришь, хорошо пѣть этотъ самый символъ: то если слово, исполненное правой вѣры, будетъ выкинуто изъ середины (символа), развѣ это слово не будетъ всѣми осуждено, какъ если-бы оно было противно вѣрѣ? Какой ты дашь совѣтъ, чтобы это самое (изъятіе) не привело къ какому-нибудь гибельному исходу?»

Папа:— «Если бы меня спросили раньше, чѣмъ стали пѣть, я, конечно, отвѣтилъ бы, чтобы не вносили (въ символъ прибавки). Но теперь (этого однако я не утверждаю, а съ вами наравнѣ осуждаю), насколько мнѣ приходитъ на умъ, хоть какъ, мнѣ кажется, можно достигнуть того и другого: [1]) пусть мало по малу прекратятъ во дворцѣ (такъ какъ въ нашей святой церкви не поется символъ) обычай пѣть символъ—и такъ это и сдѣлается вездѣ,—подобно тому какъ обычай пѣть символъ завелъ не какой-нибудь приказъ правителя, а скорѣе сдѣлала это новизна слышать пѣніе; если вы прекратите пѣніе, прекратятъ и всѣ. Такимъ образомъ, вѣроятно, можетъ случиться то и другое, насколько возможно, безъ несообразностей: пусть правильно вѣруютъ теперь тѣ, кто раньше не зналъ, какъ правильно вѣровать, и однако пусть уничтоженъ будетъ безъ ущерба для чьей бы то ни было вѣры незаконный обычай пѣть (символъ)».

Такъ вотъ когда впервые была внесена прибавка къ святому символу въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Папа Левъ III, когда спросили его согласія на это, совершенно осудилъ прибавку, отвергъ ее и приказалъ снова выбросить изъ символа. Кто же послѣ этого станетъ долѣе сомнѣваться, справедливо-ли осуждается эта прибавка, которую самъ папа, какъ только она появилась, отвергъ? На какомъ же основаніи, по какому праву, когда самъ папа опредѣлилъ, что это ученіе не можетъ быть прибавляемо къ символу, послѣдующіе латиняне однако такъ крѣпко держатся его и за него сражаются, какъ за свои дома и алтари? Значитъ, можно отступать отъ опредѣленія папы, котораго однако въ другихъ случаяхъ считаютъ непогрѣшимымъ?

---

[1]) т. е. изъять прибавку и избѣжать соблазна и худыхъ послѣдствій отъ этого. *Прим. перев.*—

А между тѣмъ Левъ отвергъ эту прибавку къ символу потому, что опредѣленіемъ вселенскихъ соборовъ постановлено, что даже истинное не должно вносить въ символъ; между прочимъ онъ говорилъ: «если этихъ двухъ примѣровъ для васъ, людей мудрыхъ, въ нашемъ дружескомъ и мирномъ обсужденіи будетъ достаточно для того, чтобы вы вмѣстѣ съ нами понимали и сознавали, что столько каѳолическихъ древнихъ Отцовъ, либо не внесшихъ въ символъ то, о чемъ идетъ рѣчь, либо подобно прочему, о чемъ выше было сказано, запретившихъ вносить;—пропустили и пропущенное запретили вносить не по невѣдѣнію въ настоящемъ и не по недостатку предусмотрительности относительно будущаго, то мы очень охотно воздержимся отъ приведенія другихъ свидѣтельствъ». Затѣмъ сами послы говорятъ слѣдующее: «такъ какъ тѣмъ и другимъ извѣстно, что потому вы считаете или называете не позволительнымъ вносить это (т. е. прибавку) въ символъ въ пѣніи, или на письмѣ, что этого, какъ и прочаго, не внесли въ него тѣ, которые составляли этотъ символъ, а послѣдующіе великіе соборы, т. е. IV Халкидонскій, затѣмъ V и VI Константинопольскіе—запретили кому бы то ни было, по какой-бы то ни было надобности, даже изъ ревности къ спасенію людей, составлять новый, сверхъ составленнаго, символъ, а въ старыхъ что-либо отбрасывать, прибавлять и вносить, или измѣнять,—то нечего на этомъ долѣе останавливаться». И опять папа: «ибо св. Отцы не дѣлали различія что нибудь постановляя или опредѣляя, чтобы это брался передѣлывать благомыслящій, а не злонамѣренный, но (постановили), чтобы никто не брался». И снова: «незаконно въ томъ, что запрещено, вводить что-нибудь пѣніемъ, или на письмѣ нельзя». Наконецъ: «не смѣю сказать, что они разумѣли это меньше насъ, не смѣю обсуждать, почему они пропустили, или почему воспретили касаться пропущеннаго, какъ и прочаго». Если же онъ въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду опредѣленіе святыхъ вселенскихъ соборовъ, что даже истинное нельзя вносить въ св. символъ,—то изъ мысли Льва III, конечно, явствуетъ, что вводящіе въ символъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына подлежатъ анаѳемѣ, которой

предали означенные соборы вводящихъ новизны и прибавленія въ символъ. Поэтому даже самъ Левъ сказалъ: «такъ какъ то, о чемъ идетъ рѣчь, разсматривается нами въ дружеской бесѣдѣ и изслѣдуется для спасенія той и другой стороны». Затѣмъ далѣе: «при этомъ (изслѣдованіи) никогда не могутъ считаться невиновными ни учащій, ни учащійся, но всегда, конечно, должны быть признаны виновными тотъ и другой въ нарушеніи (опредѣленія соборовъ)». И такъ еще разъ спросимъ: на какомъ основаніи удерживаютъ эту прибавку латиняне, если этимъ самимъ они погрѣшаютъ противъ опредѣленія святыхъ вселенскихъ соборовъ; если чрезъ это они подлежатъ анаѳемѣ, которой предаютъ вселенскіе соборы вносящихъ новизны въ символъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда очевидно, что коль скоро, по свидѣтельству самого Льва, смыслъ постановленія вселенскихъ соборовъ, которое имѣло въ виду предупредить, чтобы въ церкви не вносилось иное опредѣленіе вѣры, таковъ, что даже истинное не должно вносить въ символъ: то жестоко погрѣшили латиняне, которые на Феррарскомъ соборѣ употребили столько засѣданій, чтобы доказать, что означеннымъ опредѣленіемъ соборовъ запрещалось вносить въ символъ только ученіе противное церкви, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и истинное. Ибо уже одно это свидѣтельство Льва уличаетъ ихъ въ неосновательности; одинъ уже Левъ этимъ своимъ свидѣтельствомъ изобличаетъ, что предводители Флорентинскаго собора защищали ложный взглядъ. А Левъ даже прибавилъ: «должно знать, что не только относительно сущности Божества, но также и относительно тайны Божественнаго воплощенія, мы, съ помощью Божіей и на основаніи свидѣтельствъ тѣхъ же Отцовъ, даемъ столько и такого, что не только удовлетворитъ мудрыхъ, но даже можетъ убѣдить безумныхъ». Такимъ образомъ, по мысли Льва III, конечно, были не только защитниками лжи, но хуже безумныхъ тѣ, которые, послѣ того какъ подобные примѣры и притомъ въ большомъ числѣ привелъ въ Феррарѣ Маркъ, архіепископъ Ефесскій, никоимъ образомъ не хотѣли подать руку истинѣ, но еще упорнѣе поддерживали свое мнѣніе. Отсюда очевидно затѣмъ, что совершенно неосновательно латиняне обыкно-

венно утверждаютъ, какъ и Андрей Колосскій [1]) въ Феррарѣ заявлялъ, что папа выше вселенскихъ соборовъ и поэтому не взирая на какое бы то ни было противное опредѣленіе соборовъ, можетъ внести въ св. символъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Ибо здѣсь Левъ ясно высказываетъ противное, утверждая, что онъ не вправѣ вопреки опредѣленію вселенскихъ соборовъ вносить что-нибудь въ символъ и что онъ не дерзаетъ не только ставить себя выше святыхъ вселенскихъ соборовъ, но даже наравнѣ съ ними. Такъ онъ сказалъ: «того же, относительно чего мы знаемъ, что оно только не совпадаетъ съ выше упомянутыми символами, и чего въ нихъ нѣтъ, мы, какъ не разъ было сказано, не дерзаемъ вносить, но гдѣ и когда нужно и кому слѣдуетъ, стараемся сообщить». А раньше этого онъ заявилъ: «смотрите, ты и твои товарищи, какъ (много) вы о себѣ думаете. Я же не говорю, что я ставлю себя выше ихъ, но да не будетъ у меня даже мысли дерзать ставить себя наравнѣ съ ними». Далѣе, отсюда становится очевиднымъ, что ученіе, утверждающее, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, появилось среди латинянъ чуть въ концѣ VIII вѣка. До этого же времени это ученіе совершенно не было извѣстно и вовсе не было преподаваемо и утверждаемо съ такою же положительностью, какъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Ибо Левъ такъ говорилъ: «кто можетъ возвыситься до этого съ помощью болѣе тонкаго ума и познать это, но, зная это, не захотѣлъ бы вѣровать, тотъ не можетъ спастись. Но есть многія—а въ томъ числѣ и это—высшія таинства святой вѣры, сокровеннѣйшія святыни, къ изслѣдованію которыхъ многіе могутъ возвыситься, многіе же по возрасту, или по слабости ума не способны. И потому, какъ мы раньше сказали, кто могъ бы,—и не захотѣлъ, тотъ не можетъ спастись». Затѣмъ еще: «безъ сомнѣнія хорошо и очень хорошо, если до столь великой тайны, въ которую нельзя не вѣровать, всякій можетъ возвыситься». Если въ это

[1]) Андрей Колосскій, или Родосскій одинъ изъ видныхъ представителей Римской Церкви на Феррaро-Флорентинскомъ соборѣ, которому папа Евгеній IV поручилъ въ числѣ другихъ вести пренія съ греками. *Прим. перев.*

время исхожденіе Св. Духа отъ Сына было еще въ такомъ положеніи, что его могли воспринять только тѣ, которые были способны къ этому по своему болѣе тонкому уму, и могли не воспринять тѣ, которые не обладали такимъ умомъ; то отсюда, конечно, явствуетъ, что до этихъ поръ, исхожденіе Св. Духа отъ Сына не было преподаваемо и воспѣваемо въ латинской церкви съ такою же положительностью, какъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца; но первое было совершенно покрыто молчаніемъ. Итакъ, этимъ еще разъ опровергается выставляемое на видъ латинянами постоянное будто бы согласіе, съ которымъ, какъ они утверждаютъ, всегда передавалось въ латинской церкви ученіе, что Духъ Святый одинаково исходитъ и отъ Отца, и отъ Сына.

Затѣмъ, отсюда вытекаетъ далѣе, что писанія латинскихъ Отцовъ и акты соборовъ, въ которыхъ непрерывно отъ временъ Григорія Великаго, папы Римскаго, до конца VIII вѣка преподается, утверждается, а иногда даже подробно доказывается исхожденіе Св. Духа отъ Сына, испорчены; то же должно сказать и о символѣ, который очень часто читается съ прибавкой. Ибо, что до этихъ поръ догматъ этотъ былъ неизвѣстенъ, ясно доказывается словами Льва; притомъ очевидно изъ нихъ вытекаетъ, что онъ провозглашенъ въ первый разъ только въ концѣ VIII вѣка, что доказано и выше—въ другомъ мѣстѣ. То же, наконецъ, доказываютъ заключительныя слова Льва: «и будетъ такъ, что то, что уже теперь нѣкоторыми, прежде не знавшими, правильно исповѣдуется, станетъ исповѣдываться». Слѣдовательно, до этихъ поръ латиняне не знали, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына; до тѣхъ поръ это не было преподаваемо, не было утверждаемо такъ же, какъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца;—и потому писанія Отцовъ и акты соборовъ, въ которыхъ до этого времени постоянно передается и утверждается, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына,—повреждены. До этихъ поръ только немногіе употребляли въ символѣ этотъ догматъ; имъ послѣдовали нѣкоторые другіе. Ибо послы вотъ что говорили: «поэтому, такъ какъ мы нашли, что вышесказанный символъ нѣкоторыми такъ поется, и такъ какъ мы думаемъ и признаемъ, что это согласно съ церковной вѣрою, то намъ показалось, что лучше этому

учить нѣніемъ, чѣмъ молчаніемъ оставлять (людей) въ невѣдѣніи».

Первые нововводители этого ученія появились изъ Германіи и Галліи, какъ и писалъ Альбинъ къ Ліонцамъ, предостерегая ихъ, чтобы они не вносили ничего въ символъ,—о чемъ было сказано выше. Вотъ почему и папа Левъ говоритъ: «что же касается того, что вы утверждаете, будто вы потому такъ поете, что слышали, что другіе раньше васъ въ этихъ мѣстахъ пѣли, то намъ до этого какое дѣло?» Между тѣмъ одинъ изъ пословъ былъ Берингарій, епископъ Вормскій, а другой—Адальгардъ, аббатъ Корбейскій, и если прибавка къ символу не изъ другихъ мѣстъ перешла къ этимъ апокрисіаріямъ и къ другимъ, какъ только отъ нѣкоторыхъ, которые тамъ раньше пѣли св. символъ съ прибавкою и которыхъ нѣніе они сами слышали, то, конечно, ясно, что только въ ближайшее къ этому время, только подъ конецъ VIII вѣка изобрѣтена была и появилась эта прибавка; поэтому опять таки отсюда явствуетъ, что акты соборовъ, въ которыхъ читается символъ съ прибавкою до этого времени, повреждены. Равнымъ образомъ явствуетъ, что не отъ испанцевъ къ галламъ перешла эта прибавка, такъ какъ она заключается именно въ актахъ испанскихъ соборовъ, бывшихъ до этого времени, но была придумана и впервые появилась среди самихъ галловъ и германцевъ.

Когда Левъ III увидѣлъ, что весьма тяжко погрѣшаютъ противъ опредѣленія вселенскихъ соборовъ тѣ, кто прибавляетъ къ св. символу, который на вѣчныя времена долженъ оставаться ненарушимымъ, исхожденіе Св. Духа отъ Сына, то, чтобы сильнѣе воспрепятствовать зловреднымъ попыткамъ нововводителей, не довольствуясь только словами, въ которыхъ онъ въ вышеупомянутой бесѣдѣ съ посланными къ нему отъ Ахенскаго собора апокрисіаріями отвергнулъ эту прибавку и повелѣлъ уничтожить ее, онъ, кромѣ того, поставилъ на виду у всѣхъ за алтаремъ Св. Павла двѣ серебряныя доски, на которыхъ—на одной по-гречески, а на другой по-латини—былъ написанъ золотыми буквами св. символъ въ неповрежденномъ видѣ, т. е., безъ прибавленія исхожденія Св. Духа отъ Сына. Эта надпись

должна была служить вѣчнымъ напоминаніемъ для потомковъ, чтобы они не вносили ничего новаго въ св. символъ и не принимали внесеннаго другими. На одной доскѣ было прибавлено:

Haec Leo posui amore et cautela orthodoxae fidei,

т. е., «я, Левъ, положилъ это изъ ревности и для охраненія православной вѣры». Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ разныхъ мѣстахъ сами древніе латинскіе писатели. Такъ *Петръ Абелляръ* (кн. II, введенія въ богословіе, гл. XIV, стр. 1089) говоритъ: «прибавляютъ также для усиленія нашей неправоты (безстыдства) и доказательства поврежденія (нами) вѣры, именно—что, согласно съ преданіемъ вышеназванныхъ соборовъ, папа Левъ III оставилъ написаннымъ на серебряной доскѣ для потомковъ символъ, какъ онъ самъ говоритъ, изъ ревности и для охраненія православной вѣры; въ этомъ символѣ онъ въ исхожденіи Св. Духа упоминаетъ Одного только Отца въ такихъ словахъ: «и въ Духа Святаго, Господа, и животворящаго, отъ Отца исходящаго, вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ покланяемаго и славимаго». Также *Ломбардъ*, епископъ Парижскій (кн. I мнѣній, отдѣлъ XI): «прибавляютъ также въ подтвержденіе своего мнѣнія и въ доказательство нашего осужденія относительно символа вѣры, что, сообразно съ преданіемъ вышеупомянутыхъ соборовъ, Левъ III оставилъ для потомковъ символъ, написанный въ Римѣ на серебряной доскѣ и помѣщенный за алтаремъ Св. Павла, изъ ревности, какъ онъ самъ говоритъ, и для охраненія православной вѣры. Въ этомъ именно символѣ въ исхожденіи Св. Духа онъ (Левъ) упоминаетъ Одного только Отца въ слѣдующихъ словахъ: «и въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, отъ Отца исходящаго, вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ покланяемаго и славимаго». И *Анастасій Библіотекарь*, писатель, болѣе ранній, чѣмъ оба предыдущіе, жившій вскорѣ послѣ Льва III, въ жизнеописаніи этого послѣдняго (стр. 140 Парижскаго изд. его церковной исторіи 1640 г.) пишетъ: «онъ изъ ревности и для охраненія православной вѣры велѣлъ написать на двухъ серебряныхъ щитахъ символъ на той и другой сторонѣ, на одномъ—греческими буквами, а на другой—латинскими, каковые щиты висятъ съ правой и лѣвой стороны

надъ входомъ въ хранилище останковъ (мощей) и вѣсятъ 94 фунта и 6 унцій».

Петръ Даміани, писатель X в., въ своей XXXVIII статьѣ (гл. II, т. III его сочиненій, стр. 287), представляющей изслѣдованіе о Св. Духѣ, замѣчаетъ, что эти два щита видны были еще въ его время. Онъ пишетъ: «блаженный папа Левъ на серебряной доскѣ, которую можно видѣть водруженною предъ святыми останками Павла, въ числѣ прочихъ обозначеній своей вѣры говоритъ: и въ Духа Святаго, Господа, и животворящаго, отъ Отца исходящаго, вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ покланяемаго и славимаго».

Наконецъ Фотій въ письмѣ къ митрополиту Аквилейскому (въ послѣднемъ дополненіи библіотеки Отцовъ, стр. 529) говоритъ: «подобнымъ образомъ (думалъ) и младшій Левъ, который не только въ имени, но и въ вѣрѣ подражалъ тому (первому) [1]). Онъ именно, пылая ревностью благочестія, чтобы никоимъ образомъ на иноземномъ языкѣ не было искажено ученіе нашей чистой вѣры, на греческомъ языкѣ, какъ оно на немъ сначала излагается,—преподалъ западнымъ Св. Троицу для почитанія и прославленія. При этомъ онъ не ограничился только словами и наставленіемъ, чтобы это дѣлали, но написалъ это на доскахъ, устроенныхъ въ видѣ щитовъ и укрѣпленныхъ на колоннахъ и помѣстилъ на виду у всѣхъ у дверей церковныхъ, чтобы такимъ образомъ всѣ могли легко и неповрежденно научаться благочестію, и чтобы никакимъ образомъ не былъ открытъ доступъ тайнымъ извратителямъ и нововводителямъ къ искаженію нашего христіанскаго благочестія и введенію, кромѣ Отца, Сына, какъ второй причины Духа Святаго, Который исходитъ отъ Отца съ такою же честью и славой, съ какою раждается Сынъ». Итакъ Левъ изгналъ изъ символа прибавку объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына не только на словахъ, но даже воздвигнутымъ вѣчнымъ памятникомъ, къ чему его побудили, какъ онъ самъ сказалъ, ревность и забота объ охраненіи православной вѣры.

Такимъ образомъ, избранный самими латинянами въ судьи, папа отвергаетъ прибавку къ символу, осуждаетъ и изгоняетъ

[1]) Левъ I Святой—папа съ 432 по 460; Левъ III—съ 795 по 816.

навѣки въ открытомъ для всѣхъ памятникѣ. Кто же станетъ долѣе сомнѣваться, въ правѣ ли всѣ отвергать, изобличать и осуждать эту прибавку, относительно которой самъ Левъ III, папа Римскій, желалъ, опредѣлилъ и рѣшилъ, чтобы всѣ всѣми мѣрами избѣгали ея. Поэтому, если въ комъ есть любовь къ св. символу, если кто желаетъ дѣйствовать безопасно и увѣренно въ опредѣленіи нашей христіанской вѣры, тотъ долженъ избѣгать этой прибавки, избѣгать нововведенія, за которое измѣнителей символа осудили вселенскіе соборы. Ибо изъ любви къ православной вѣрѣ и для охраненія ея Левъ прибилъ на столбахъ доски, на которыхъ св. символъ читается безъ этой прибавки. Равнымъ образомъ и мы, руководимые любовью къ православной вѣрѣ и заботою объ охраненіи ея, осуждаемъ эту прибавку, слѣдуя завѣту и опредѣленію Льва III. Пусть латиняне идутъ наперекоръ намъ, пусть свирѣпо взираютъ на этотъ памятникъ, т. е., доски Льва, пусть онѣ будутъ для нихъ бревномъ въ глазу: они этимъ только доказываютъ, насколько они уклонились отъ вѣры первоначальной Римской церкви; доказываютъ, сколь великими являются они нарушителями папскихъ опредѣленій; сами себя изобличаютъ въ недомысліи, если въ другихъ случаяхъ считаютъ папу непогрѣшимымъ, а тутъ всѣми способами противятся опредѣленію Льва III. Для насъ достаточно, что Левъ III далъ вѣчное свидѣтельство истины, постановивъ, чтобы никогда въ св. символъ не вносилось, а будучи внесено, не принималось и не удерживалось—исхожденіе Св. Духа отъ Сына, и что латиняне этимъ именно рѣшеніемъ Льва III были опровергнуты и осуждены согласно съ опредѣленіемъ вселенскихъ соборовъ за то, конечно, что внесли въ символъ этотъ догматъ.

Между тѣмъ Бароній по поводу этого пишетъ подъ 809 годомъ: «папа Левъ, какъ хранитель старины (преданія), осудивши обнаруженное ими безъ согласія апостольскаго престола [1]) своеволіе, не только высказалъ на словахъ въ разговорѣ и въ наставленіи то, чего онъ хотѣлъ, но приказалъ соорудить несокрушимый памятникъ, который долженъ былъ напоминать потом-

[1]) Ab eis praesumtae absque consensu sedis apostolicae licentiae vindex assurgens...

камъ, что не должно ничего прибавлять къ св. символу». Какое легкомысліе! Неужели, спрашивается, Левъ III только потому отвергъ прибавку къ символу, что нововводители рѣшились на нее безъ согласія Римскаго апостольскаго престола? Мы читали разговоръ Льва съ апокрисіаріями, посланными изъ Ахена въ Римъ по поводу этой прибавки: обмолвился ли онъ въ немъ хоть единымъ словомъ объ этомъ? Напротивъ, онъ потому только отвергалъ прибавку, что она нарушала опредѣленіе св. вселенскихъ соборовъ, которымъ они воспретили вносить что-бы то ни было въ символъ; поэтому то онъ и прибавилъ, что ни ему, ни Римскому престолу нельзя ничего внести въ символъ. Какимъ же, слѣдовательно, образомъ могли бы они съ разрѣшенія Льва III, на законномъ основаніи, внести въ символъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына? Или какимъ образомъ Левъ могъ бы согласиться на внесеніе этой прибавки, если бы они и выпросили у него дозволеніе? «Мы, сказалъ онъ, читая и наставляя, вовсе не думаемъ что-нибудь прибавлять или вносить въ символъ. Чего нѣтъ въ вышеупомянутыхъ символахъ вѣры и относительно чего мы знаемъ то, что оно только не совпадаетъ съ ними, мы, какъ не разъ уже было сказано, не дерзаемъ вносить, но при удобномъ случаѣ и кому слѣдуетъ стараемся сообщать».

Не меньшій абсурдъ придумываетъ Беллярминъ, чтобы обойти это дѣяніе Льва. Такъ во II кн. своего сочиненія «о Христѣ», въ гл. XXVII, онъ говоритъ: «отвѣчаю, что папа это нарочно сдѣлалъ для того, чтобы сохранилась память о Константинопольскомъ символѣ, каковъ онъ былъ, и чтобы всѣ знали, что этотъ символъ не осуждается нами и не противенъ нашему. Какъ съ составленіемъ Константинопольскаго символа не былъ отмѣненъ Никейскій: точно такъ же съ составленіемъ нашего не долженъ былъ быть отмѣненъ Константинопольскій символъ. Итакъ первосвященникъ очень мудро приказалъ почтительно сохранять въ Церкви означенный символъ, дабы греки не думали, что мы не одобряемъ Константинопольскій символъ». Беллярминъ, конечно, выдумываетъ, будто и Левъ III одобрилъ символъ съ прибавкой, а Константинопольскій символъ безъ прибавки публично выставилъ въ Церкви для того, чтобы всѣ знали, что онъ не проти-

венъ другому, не отвергается и не осуждается. Какъ Левъ согласился на символъ съ прибавкою объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, это мы видѣли выше. Спрашивается, развѣ онъ одобрялъ прибавку? Напротивъ, онъ обличалъ, отвергалъ ее и велѣлъ, чтобы она была изъята въ виду того, что опредѣленіемъ вселенскихъ соборовъ постановлено ничего не вносить въ св. символъ. Отсюда, затѣмъ, ясно видно было, что Левъ не для какой-либо иной цѣли соорудилъ доски (на которыхъ былъ начертанъ символъ), какъ для того, чтобы св. символъ навѣки сохранялся всѣми безъ всякой прибавки; потому то онъ и велѣлъ написать на этихъ доскахъ, по начертаніи св. символа нерушимымъ и неприкосновеннымъ: «Я, Левъ, положилъ это изъ ревности и для охраненія православной вѣры»,—безъ сомнѣнія, для того, чтобы кто-нибудь не осмѣлился увеличивать св. символъ какою-нибудь прибавкой, и чтобы св. символъ всегда оставался въ Церкви въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ составленъ св. Отцами на Константинопольскомъ соборѣ.

Нѣкоторый писатель [1]) тоже съ цѣлью обойти поступокъ Льва III придумываетъ, будто это сдѣлано изъ основательной боязни, «чтобы подобно тому какъ галлы, въ спорѣ съ греками объ исхожденіи Св. Духа изъ усердія къ своему догмату безъ согласія папы и по собственному произволенію, прибавили къ символу слова: и отъ Сына (Filioque), и греки изъ ревности къ своему догмату не прибавили словъ: Одного только (Solo). Поэтому, чтобы память о св. символѣ сохранялась неприкосновенною, и повелѣлъ папа обнародовать его только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ онъ былъ первоначально написанъ; тѣмъ болѣе, что въ то время не было такой необходимости въ прибавленіи Словъ—и отъ Сына, какъ теперь, когда снова возобновляется ересь Несторіанъ, учащихъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца такъ, что ни отъ Сына, ни черезъ Сына внутреннимъ образомъ (ad intra, κατὰ τὰ ἐντός) не исходитъ». Все это абсурдъ! Въ пространной бесѣдѣ Льва III съ апокрисіаріями, посланными Ахенскимъ соборомъ въ Римъ, мы видѣли, что Левъ

[1]) Циховій, въ трибуналѣ, стр. 321.

не почему-либо иному отвергъ прибавку и повелѣлъ удалить ее изъ символа, какъ потому, что опредѣленіемъ вселенскихъ соборовъ было запрещено что-либо прибавлять къ символу. По этой же причинѣ Левъ III воздвигъ вышеупомянутый памятникъ, чтобы отселѣ всѣ, слѣдуя его примѣру, нерушимо сохраняли, читали и пѣли св. символъ. Слѣдовательно,—выдумка, что это было сдѣлано изъ какого-то опасенія, чтобы греки не прибавили въ св. символъ словъ «Одного только». И какъ это измышленіе ничѣмъ не можетъ быть доказано, точно такъ же ложно и то утвержденіе іезуита, будто галлы, въ спорѣ съ греками, прибавили къ символу слово—Filioque. Ибо развѣ апокрисіаріи въ бесѣдѣ съ Львомъ III указывали на этотъ поводъ или на это основаніе прибавки? Напротивъ, они такъ говорятъ: «такъ какъ мы нашли, что упомянутый символъ нѣкоторыми такъ поется, и такъ какъ, по нашему мнѣнію, это согласуется съ вѣрованіемъ церковнымъ, то и думаемъ, что лучше научить этому пѣніемъ, чѣмъ умолчаніемъ оставить людей въ невѣдѣніи». Затѣмъ самъ Левъ говоритъ: «утвержденіе же ваше, что вы потому такъ поете, что слышали, какъ другіе въ этихъ же странахъ раньше васъ пѣли, какое можетъ имѣть для насъ значеніе?» Въ другомъ мѣстѣ апокрисіаріи замѣчаютъ: «если-бы ты зналъ, отецъ, сколько теперь есть тысячъ людей, знающихъ это, благодаря тому, что оно поется, и которые никогда не могли бы знать, если бы оно не пѣлось,—то можетъ быть ты былъ бы одного мнѣнія съ нами и согласился бы на то, чтобы это пѣлось и съ твоего согласія». При этомъ совсѣмъ не упоминается, что эта прибавка была внесена въ св. символъ вслѣдствіе споровъ съ греками,—объ этомъ послы собора хранятъ глубокое молчаніе. Затѣмъ, какъ мы видѣли выше изъ доклада объ исхожденіи Св. Духа, представленнаго папѣ Льву апокрисіаріями Ахенскаго собора, посланными въ Римъ, вопросъ объ исхожденіи Св. Духа появился среди латинянъ недавно и спорили между собою объ этомъ сами латиняне, а не греки съ латинянами, мало того, латиняне, защищавшіе древній догматъ—исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца—даже не считали достойными общенія прочихъ, пововводителей. Поэтому Карлъ Великій и созвалъ соборъ въ

Ахенѣ, гдѣ шли споры объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына и прибавкѣ къ символу не между греками и латинянами, а только между самими же латинянами. Если же въ ближайшее къ тому время никакихъ споровъ объ исхожденіи Св. Духа между латинянами и греками не происходило, и этотъ вопросъ у самихъ латинянъ появился недавно, то какъ можно было сказать, что галлы, споря съ греками объ исхожденіи Св. Духа, внесли въ символъ слова «и отъ Сына?» Выдумавшій это прибавляетъ: «безъ согласія папы». Какъ будто бы папа, если бы сначала испросили у него разрѣшенія на прибавку въ символѣ слова—Filioque, согласился бы на это? Развѣ не ясны слова его, сказанныя имъ въ бесѣдѣ о прибавкѣ къ символу съ апокрисіаріями, посланными Ахенскимъ соборомъ: «если бы я былъ спрошенъ прежде, чѣмъ стали пѣть такъ символъ, я, конечно, отвѣтилъ бы, что этого нельзя вносить (въ символъ)». И затѣмъ тамъ же онъ замѣчаетъ, что даже ему самому нельзя что-либо внести въ св. символъ. Но объ этомъ уже говорилось по поводу подобныхъ же рѣчей Баронія. Странно, затѣмъ, утверждать, будто могъ когда-нибудь объять Льва III справедливый страхъ, чтобы въ противовѣсъ выраженію «и отъ Сына» греки съ такимъ же правомъ не внесли словъ: «отъ Одного только». Уже со временъ Фотія и до настоящаго дня греки осуждаютъ эту прибавку, однако никто изъ нихъ не только не осмѣлился прибавить упомянутыя слова, но даже не подумалъ, въ противовѣсъ латинянамъ, внести что-нибудь подобное въ св. символъ. И если даже одинъ изъ тысячи можетъ быть не слышалъ объ извѣстныхъ доскахъ Льва III, то все-таки въ душахъ грековъ еще не настолько потерялъ значеніе авторитетъ соборовъ, что-бы они дерзали когда-нибудь вопреки ихъ опредѣленію прибавлять въ св. символъ даже одинъ слогъ. И если бы подобное стремленіе къ измѣненію символа было также и въ душахъ грековъ, то какъ могли бы удержать ихъ эти доски Льва III? Вѣдь во всѣхъ письменныхъ памятникахъ сохраняется и въ богослуженіи поется символъ съ прибавкой, и только на какихъ-то щитахъ въ Римѣ онъ написанъ въ неповрежденномъ видѣ. Но развѣ это могло убѣдить грековъ? Развѣ это извинило въ ихъ глазахъ общее

употребленіе латинянами произвольной прибавки? Для всякого очевидно, что слова іезуита ничего не доказываютъ.

Наконецъ, онъ прибавляетъ: «тогда не было такой необходимости въ прибавленіи къ символу слова Filioque, какая явилась теперь вслѣдствіе возобновленія ереси Несторіанъ, учащихъ, что Духъ Святый не исходитъ ни чрезъ Сына, ни отъ Сына». Но если тогда греки такъ же утверждали, что Духъ Святый *исходитъ отъ Одного только Отца*, то какимъ образомъ теперь является бо́льшая необходимость въ прибавленіи къ символу слова Filioque, чѣмъ во время Льва? Напротивъ, какъ мы видѣли, тогда многіе изъ самихъ латинянъ отрицали исхожденіе Духа Святаго отъ Сына, какимъ же образомъ тогда была меньшая необходимость въ прибавленіи къ символу слова Filioque, чѣмъ теперь, когда весь латинскій міръ принялъ этотъ догматъ?

А что отрицаніе исхожденія Св. Духа отъ Сына или чрезъ Сына правильно, если исхожденіе понимается въ смыслѣ начала и причины, и что этотъ догматъ никакъ не можетъ быть обвиненъ въ Несторіанизмѣ, объ этомъ подробно сказано въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, когда рѣчь шла о Θеодоритѣ. Если же понимать исхожденіе Св. Духа отъ Сына не въ отношеніи начала и причины (т. е. не какъ отъ причины), то никто изъ восточныхъ никогда не отрицалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына.

Могутъ возразить, наконецъ, что то, что до сихъ поръ сказано, не вредитъ дѣлу латинянъ. Ибо если греки довольны рѣшеніемъ Льва о прибавкѣ къ символу, то они также должны принять мнѣніе его объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Но, во-первыхъ, какъ сказано выше, Левъ III согласился съ этимъ мнѣніемъ, будучи введенъ въ заблужденіе доказательствами апокрисіаріевъ, посланныхъ Ахенскимъ соборомъ въ Римъ. Между тѣмъ относительно прибавки онъ самъ, не по внушенію другихъ, свидѣтельствуетъ, каковъ смыслъ постановленія вселенскихъ соборовъ, которымъ запрещается вносить въ Церковь иное опредѣленіе вѣры. Далѣе, восточные заявляютъ, что отнюдь не слѣдуетъ принимать мнѣнія Римскаго папы, если оно противно священному писанію; латиняне же принимаютъ всѣ опредѣленія

папъ и считаютъ ихъ настоящей истиной, ибо папа, по ихъ мнѣнію, не можетъ погрѣшать. Поэтому въ данномъ случаѣ можно съ полнымъ правомъ выставить противъ латинянъ опредѣленіе папы Льва, которое необходимо должно быть или истиннымъ, или ложнымъ. Если оно истинно, то почему они не приняли его? Если же оно ложно, то какимъ образомъ они въ другихъ случаяхъ выставляютъ папу непогрѣшимымъ? Наконецъ, въ этомъ спорѣ идетъ рѣчь главнымъ образомъ о прибавкѣ къ символу. На вселенскомъ соборѣ, созванномъ при Фотіи, безъ всякаго упоминанія о самомъ догматѣ, осуждена только прибавка. Когда возникъ расколъ между церквами, самой существенной причиной его является всегда та-же поставляемая въ укоръ латинянамъ, какъ незаконно введенная ими, прибавка. И если бы одна только эта прибавка была удалена, то, какъ заявилъ Маркъ, архіепископъ Ефесскій, на Флорентинскомъ соборѣ, православные могли бы принять въ свое общеніе латинянъ. Слѣдовательно, прежде всего предстояло рѣшить вопросъ, какимъ образомъ Римская каѳедра приняла эту недавно измышленную и возникшую прибавку. Мы выше видѣли, что она была совершенно забракована, отвергнута и осуждена уже Львомъ III, такъ какъ, согласно опредѣленію вселенскихъ соборовъ, къ символу нельзя прибавлять ничего, даже истиннаго. И до тѣхъ поръ это подтверждается латинскими памятниками, насколько по нимъ можно прослѣдить исторію происхожденія этого догмата и прибавки его къ символу. Кто именно были первые изобрѣтатели этого ученія, не извѣстно. Такимъ образомъ выходитъ, что послѣдователи этого ученія такіе же безглавые, какими были нѣкогда еретики, возставшіе противъ Халкидонскаго собора, которыхъ поэтому и называли «акефалами» [1]). Относительно послѣднихъ Исидоръ Гиспаленскій въ своей хроникѣ такъ говоритъ: «въ то же время появилась ересь акефаловъ, нападающихъ на Халкидонскій соборъ, которые потому называются акефалами, т. е. безглавыми, что неизвѣстно, кто первый ввелъ эту ересь». Такъ и латиняне не безъ основанія могутъ быть названы акефалами, потому что

[1]) Ἀκέφαλος—безглавый.

не могутъ назвать перваго изобрѣтателя, или первыхъ изобрѣтателей своей прибавки.

Отсюда же ясно, что латиняне напрасно утверждаютъ, будто слова— и отъ Сына (Filioque) были внесены въ св. символъ какимъ-то великимъ соборомъ, или папой. Такъ *Антонинъ,* [1]) архіепископъ Флорентійскій (ч. III, Титул. XXII, гл. XIII, засѣд. XXIII), говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что то, что мы поемъ теперь въ нашемъ символѣ, т. е., что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, вмѣсто чего въ древнемъ символѣ говорилось: Который отъ Отца исходитъ, прибавлено или присоединено къ древнему символу, и надо полагать, что это сдѣлано не инымъ кѣмъ, какъ папой, или какимъ-нибудь соборомъ. Ибо кто другой рѣшился бы на это? Но какимъ папой, или соборомъ это сдѣлано, до сихъ поръ не извѣстно». Съ нимъ согласенъ и *Петръ Пивейскій,* который въ своей исторіи вопроса объ исхожденіи Св. Духа (въ сборникѣ мелкихъ статей (miscellanea) стр. 32) такъ говоритъ: «и однако, я думаю, никто благоразумный не скажетъ, что это сдѣлано безъ разрѣшенія папы, или по крайней мѣрѣ собора Римскаго діоцеза». Но мы видѣли выше, что изъ латинскихъ же памятниковъ явствуетъ, что слова и отъ Сына (Filioque) были внесены въ св. символъ не папой и не какимъ-нибудь соборомъ, а осмѣлились это сдѣлать частные люди, люди, имена которыхъ не извѣстны и которые потомъ были осуждены папою Львомъ III, изъ чего слѣдуетъ, что эта прибавка ведетъ свое начало вовсе не отъ папы. Затѣмъ *Ѳома,* [2]) прозванный *отъ Іисуса* (a Iesu), въ своемъ сочиненіи «обращеніе народовъ», кн. VI, гл. III, говоритъ: «такъ какъ раньше этого времени символъ съ ней (прибавкой) не встрѣчается, что явствуетъ изъ актовъ III Толедскаго собора, бывшаго въ 589 г., то это очевидный знакъ, что приблизительно около этого времени сдѣлана была прибавка, какъ можно предполагать, Римскимъ папою на большомъ соборѣ латинскихъ отцовъ, созванномъ вслѣдствіе нѣкото-

[1]) Антоній, или Антонинъ, возведенъ папою Евгеніемъ IV въ Флорентійскіе архіепископы въ 1446 г., ум. 1459 г. *Прим. перев.*

[2]) Это былъ испанецъ, монахъ ордена Кармелитовъ, богословскій писатель XVII в., ум. 1627 г.

рыхъ разногласій, возникшихъ между Галліей и Испаніей; хотя неизвѣстно, какой это былъ соборъ, какъ замѣтилъ блаженный Ѳома [1]) (ч. I, вопр. XXXVI, чл. II): «поэтому, хотя точно нельзя указать ни мѣста, ни времени этой прибавки, однако несомнѣнно, что она введена или на какомъ—нибудь вселенскомъ соборѣ, или властью какого-нибудь папы». Точно такъ же *Гуго Этеріанскій* (кн. III, гл. XVI, т. XII, ч. II Кельнской библіотеки Отцовъ) пишетъ: «предстоятель древнѣйшаго Рима не долженъ быть укоряемъ ни какимъ обвиненіемъ, ни какимъ порицаніемъ, никакою клеветою за то, что прибавилъ для поясненія одно выраженіе (разумѣю исхожденіе Св. Духа отъ Сына) и прибавилъ съ согласія весьма многихъ и святыхъ епископовъ, ученѣйшихъ кардиналовъ». Наконецъ, *Андрей Колосскій* на соборѣ Феррарскомъ (т. XIII Соборовъ, столб. 119) замѣчаетъ: «на этомъ основаніи Римская церковь была вынуждена (сдѣлать прибавку), такъ какъ видѣла, что ей угрожаетъ великая опасность: ибо прибавка уже пѣлась [2]) въ Галліи и Испаніи. Почему благоугодно было упомянутому первосвященнику, съ согласія многихъ западныхъ отцовъ, не маловажныхъ достоинствомъ и не малыхъ числомъ, раскрыть (объяснить) то, что мы говоримъ, и такъ, какъ поемъ въ символѣ». Такъ говорятъ въ разныхъ мѣстахъ и другіе писатели. Но мнѣніе, что папа прибавилъ къ символу слово Filioque на великомъ соборѣ западныхъ епископовъ, даже потому уже *ложно*, что *никто изъ латинянъ не можетъ указать*, какой это былъ соборъ, когда, гдѣ и при какомъ папѣ онъ былъ созванъ; равнымъ образомъ никто изъ нихъ не можетъ представить въ пользу своего мнѣнія никакого доказательства, или свидѣтельства изъ древнѣйшихъ писателей.

Далѣе, они утверждаютъ, что папа ввелъ эту прибавку вслѣдствіе разногласій, возникшихъ изъ-за этого между Галліей и Испаніей. Это, очевидно, слѣдуетъ отнести только къ Ахенскому собору, на которомъ шелъ споръ изъ-за прибавки между самими латинянами. Но въ то время жилъ Левъ III, который

[1]) Ѳома Аквинатъ, знаменитый богословъ латинскій XIII в. (1227—1274), причисленный къ лику святыхъ. *Прим. перев.*

[2]) т. е., символъ съ прибавкою пѣлся.—

не только былъ далекъ отъ одобренія прибавки, но скорѣе всѣми способами противодѣйствовалъ ей, не одобрялъ и осуждалъ, о чемъ говорилось выше. Что распри изъ-за прибавки къ символу или между Галліей и Испаніей, относительно этого у латинянъ не можетъ быть никакого другого доказательства, какъ только акты упомянутаго Ахенскаго собора. Но тамъ шелъ споръ не между испанцами, а только между самими же галлами и германцами. Если же Андрей Колосскій утверждаетъ, что еще задолго до времени этого собора папа сдѣлалъ прибавку на какомъ-то великомъ соборѣ, то такое мнѣніе также неосновательно. А что онъ именно такъ думалъ, это видно изъ того, что въ другомъ мѣстѣ онъ учитъ, будто уже во время VI вселенскаго собора Римская церковь употребляла символъ съ этой прибавкой. Такъ, въ засѣданіи VII Флорентинскаго собора онъ говоритъ: «зачѣмъ было созывать васъ, когда вы прекрасно знали то, что Римская церковь пѣла и проповѣдывала, и однако вы ничего не опровергали, а были въ единеніи съ нею? Поэтому вы изъ-за этого изъясненія не разошлись, не отдѣлились отъ нея. Напротивъ, Св. Максимъ оправдываетъ Римскую церковь, какъ несправедливо обвиненную восточными». И далѣе: «если же при Максимѣ, жившемъ во время VI собора, въ Римской церкви уже пѣлся символъ въ такомъ видѣ, [1]) на что именно указываетъ Максимъ: то, значитъ, это не было неизвѣстно вамъ и вы не можете говорить, что вы объ этомъ фактѣ ничего не знали». Но до этого времени въ Римской церкви не пѣлся даже Константинопольскій символъ. Это произошло только въ XI вѣкѣ, что мы впослѣдствіи докажемъ; если-же и пѣлся въ Римской церкви символъ, то не пѣлся съ прибавкой, ибо мы уже доказали, что чуть

[1]) Максимъ Исповѣдникъ оправдывалъ Римскую церковь передъ восточными въ томъ, что въ ней нѣтъ ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ отъ причины, и что исхожденіе въ ней понимается въ смыслѣ посланничества, что и подтверждаетъ Анастасій Библіотекарь въ письмѣ къ Іоанну діакону (missionem nimirum processionem intelligentes, пишетъ онъ о западныхъ). О прибавкѣ къ символу у Максима не могло быть и рѣчи, ибо самой прибавки на западѣ тогда не было. —См. I г.л. VII в. *Прим. перев.*

въ концѣ VIII в. появились тѣ, которые ввели прибавку въ латинскія церкви. Что же касается письма Максима, то въ немъ упоминается о самомъ догматѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына, а о прибавкѣ къ символу совершенно умалчивается. Итакъ, какой же папа, какой соборъ до конца VIII в. уже прибавилъ въ св. символѣ исхожденіе Св. Духа отъ Сына? Какимъ образомъ могъ бы остаться неизвѣстнымъ Льву III великій соборъ епископовъ, на которомъ папа совершилъ указанную прибавку? Или какимъ образомъ прочіе латиняне не указали бы на это опредѣленіе апостольскаго престола и великаго собора папѣ Льву III, чтобы тѣмъ защитить прибавку? Если папа уже раньше на великомъ соборѣ сдѣлалъ эту прибавку, то зачѣмъ Ахенскій соборъ посылаетъ въ Римъ пословъ, чтобы вновь испросить рѣшеніе папы относительно этой прибавки? Какимъ образомъ, если папа на великомъ соборѣ латинскихъ епископовъ ввелъ эту прибавку въ символъ, память о ней и употребленіе ея послѣ этого такъ были забыты въ Римской церкви, что въ виду противорѣчія ея опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, Левъ не только приказалъ снова удалить ее, но и воздвигъ въ противовѣсъ ей вышеупомянутый всенародный несокрушимый памятникъ? Итакъ, отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что до того времени папа на великомъ соборѣ епископовъ отнюдь не прибавлялъ въ символѣ ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Напрасно, наконецъ, Андрей сочинялъ страхъ, которымъ папа будто-бы былъ принужденъ одобрить на соборѣ эту прибавку: «ибо она уже употреблялась, говоритъ онъ, въ Галліи и Испаніи». Ибо—развѣ должно одобрять зло потому только, чтобы не быть въ разногласіи съ другими? Эта прибавка пѣлась во время Льва III въ странахъ Галліи и Германіи, даже при дворѣ Карла Великаго;—развѣ Левъ видѣлъ въ этомъ какую-то опасность, чтобы изъ-за этого утверждать прибавку? При Іоаннѣ VIII, [1]) папѣ Римскомъ, употребленіе этой прибавки уже широко распространилось въ латинской церкви,—но развѣ ему казалось, что церкви угрожаетъ великая опасность, и развѣ онъ

[1]) Левъ III занималъ папскій престолъ съ 795 по 816 г.; Іоаннъ VIII съ 872 по 881 г.

одобрилъ прибавку? Напротивъ, въ письмѣ къ Фотію онъ ее отвергаетъ, исключаетъ и осуждаетъ.

Не меньшій абсурдъ допускаютъ и тѣ, которые утверждаютъ, что еще въ IV вѣкѣ папой Дамасомъ выраженіе Filioque было внесено въ св. символъ. Такъ Манупль Калека, защищая латинянъ, пишетъ: «ибо они говорятъ, что послѣ перваго собора появилась ересь, называемая διπατρίας потому, что послѣдователи ея утверждали, будто Сынъ есть отецъ Духа Святаго, а Духъ Святый—внукъ Отца. Въ виду этой ереси Дамасъ, епископъ Римскій, созвавъ соборъ, прибавилъ къ символу, что Духъ Святый «исходитъ» отъ Сына, для опроверженія ученія, что Духъ Святый *раждается* отъ Сына». При этомъ Калека ссылается на нѣкоего Скилитта. *Іосифъ Мевопскій* въ опроверженіи окружнаго посланія Марка, архіепископа Ефесскаго, называетъ Георгіемъ Аристиномъ историка, записавшаго, что Дамасъ тотчасъ послѣ вселенскаго перваго Константинопольскаго собора прибавилъ къ символу выраженіе: «отъ Сына». То-же приводитъ *Генебрардъ* [1]) изъ исторіи Алексѣя Аристина въ кн. III своего сочиненія о Троицѣ. То-же говорятъ и другіе позднѣйшіе писатели.—Но, во-первыхъ, если ересь, послѣдователи которой утверждали, что Духъ Святый есть сынъ Сына и внукъ Отца, поднялась уже послѣ перваго вселенскаго собора и противъ нея необходимо было внести въ символъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына: то почему же, спрашивается, не ввелъ эту прибавку въ св. символъ еще первый Константинопольскій соборъ, или другой соборъ изъ собиравшихся на востокѣ, особенно, если принять во вниманіе, что ересь эта распространялась на востокѣ, а не на западѣ? Затѣмъ, невѣрно и то, что въ опроверженіе указанной ереси необходимо было вносить въ св. символъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына: для этого было совершенно достаточно внесеннаго ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца.—Ибо, если Духъ Святый исходитъ отъ Отца, и исхожденіе его исключаетъ всякое рожденіе, какъ содержитъ христіанская вѣра: то изъ этого съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что, когда говорится, что Духъ Святый исхо-

[1]) Генебрардъ, французскій епископъ, жившій во второй половинѣ XVI в.

дить отъ Отца, то этимъ вмѣстѣ отрицается и то, что Онъ также есть сынъ Сына, или внукъ Отца. А если такъ, то какимъ образомъ вслѣдствіе указанной ереси Дамасъ могъ прибавить въ символѣ, что Духъ Святый также исходитъ и отъ Сына? Да въ латинскихъ памятникахъ и не встрѣчается никакихъ слѣдовъ, или доказательствъ того, что эта прибавка къ символу сдѣлана Дамасомъ. Никто также изъ древнѣйшихъ защитниковъ прибавки изъ латинянъ-ли, или олатинившихся грековъ не указываетъ на то, что эта прибавка была вносена въ символъ еще папой Дамасомъ. Какимъ же образомъ древнѣйшимъ было неизвѣстно то, что знали потомъ позднѣйшіе, [1]) если уже со времени папы Дамаса символъ употреблялся съ прибавкой? Какимъ образомъ апокрисіаріи, посланные въ 809 году Ахенскимъ соборомъ въ Римъ, въ докладѣ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына задолго предъ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что латинская церковь не знала ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына? На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя мы приводили по отношенію къ Льву III, можно и въ этомъ случаѣ доказывать, что въ латинской церкви еще въ VII вѣкѣ не употреблялся символъ съ прибавкою. Далѣе, какимъ образомъ Іоаннъ VIII въ посланіи къ Фотію могъ сказать, что эта прибавка появилась недавно и утвердилась только въ незначительный промежутокъ времени, если уже папа Дамасъ за столько вѣковъ до этого времени ввелъ ее въ латинскихъ церквахъ? Между тѣмъ Іоаннъ VIII въ означенномъ посланіи такъ говоритъ объ этой прибавкѣ: «такъ скоро измѣнить столь важное дѣло никто не можетъ, хотя оно и появилось недавно и не утверждается продолжительностью времени». Затѣмъ, сами вышеприведенные авторы разногласятъ относительно имени историка, который это записалъ: Калека называетъ Скилитца, Іосифъ —Георгія Аристина, Генебрардъ—Алексѣя Аристина,—такъ что въ виду этого даже самъ іезуитъ Петавій («о Троицѣ» кн. VII, гл. II) обличаетъ защитниковъ этого мнѣнія въ лживости.

Но подобно тому, какъ сами латиняне, что до сихъ поръ было доказано, не только не одобряли дерзости нововводителей,

[1]) Калека, Іосифъ Меесскій и Генебрардъ—писатели позднѣйшіе.

которые ратовали за догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и за прибавку этого ученія въ символѣ, а напротивъ возстали противъ нихъ, такъ и впослѣдствіи среди нихъ не было недостатка въ людяхъ, которые этимъ новшествамъ упорно сопротивлялись. Это видно изъ того, что вслѣдъ затѣмъ епископъ Орлеанскій (въ Галліи) *Теодульфъ* издалъ свой «сборникъ въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына», посвященный императору Галліи и Германіи Людовику. Въ 820 году онъ еще не былъ возведенъ въ епископы, а управлялъ тогда Орлеанской церковью Іона. Объ этомъ сборникѣ упоминается у издателей сочиненій *Фульгенція* и затѣмъ въ VI томѣ Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 191, и у *Луки Дахерія* въ «Колосницѣ (Spicilegium) древнихъ писателей», такъ какъ Теодульфъ именно привелъ изъ Фульгенція много мѣстъ объ исхожденіи Св. Духа. Самый же сборникъ Теодульфа еще не изданъ у латинянъ [1]). Неосновательно и вслѣдствіе полнаго незнакомства съ исторіей одинъ писатель [2]) говоритъ, что Теодульфъ издалъ свой сборникъ противъ Фотія: «Въ девятомъ вѣкѣ, говоритъ онъ, ту же истину весьма настойчиво защищали противъ Фотія: папы Св. Николай и Адріанъ II и изъ галльскихъ епископовъ Гинкмаръ, епископъ Реймскій, въ книгѣ противъ укоризнъ грековъ, написанной къ Одону Белловакскому, и Теодульфъ, изъ аббатовъ Феррарскихъ епископъ Орлеанскій, въ сборникѣ объ исхожденіи Св. Духа, посвященномъ императору Людовику Благочестивому». Но если Теодульфъ посвятилъ это сочиненіе императору Галліи и Германіи Людовику, то какимъ *образомъ оно могло* быть написано противъ Фотія? Людовикъ умеръ въ 840 году; Фотій же только въ 864 году открыто возсталъ противъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, незадолго передъ тѣмъ возведенный на патріаршій престолъ. Поэтому всякому здравомыслящему ясно, что іезуитъ глубоко заблуждается, когда пишетъ, что вышеупомянутый сборникъ былъ изданъ Тео-

[1]) Онъ изданъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями Теодульфа въ Парижѣ въ 1646 г. Іаковомъ Сирмондомъ; а также внесенъ въ великую библіотеку отцовъ въ XIV т. изд. въ Ліонѣ. *Прим. перев.*

[2]) Шиховій въ Трибуналѣ, послѣдн. вопросъ, стр. 132.

дульфомъ противъ Фотія. Слѣдовательно, Теодульфъ написалъ это сочиненіе, какъ мы замѣтили выше, только противъ латинянъ, защищавшихъ каѳолическое ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного Отца, а не противъ восточныхъ.

Затѣмъ, слѣды каѳолической истины встрѣчаются еще вездѣ въ писаніяхъ латинскихъ авторовъ этого времени. Такъ *Гаймонъ*, [1]) епископъ Гальберштадтскій (въ лѣтней бесѣдѣ на IV воскресенье послѣ Пасхи, изд. Кельнское 1535 г., стр. 125) пишетъ: «Св. Духъ называется Духомъ истины, потому что отъ Отца истины исходитъ». Затѣмъ на текстъ: «будетъ говорить, что услышитъ» [2]), на стр. 128: «услышитъ отъ Отца, отъ Котораго происходитъ не временно, но вѣчно, не видимо, но невидимо».

Рабанъ Мавръ [3]) (въ кн. VI толкованій на Екклезіастъ, гл. II, стр. 456, т. III Кельнское изд. 1626 г.) говоритъ: «итакъ Христосъ—премудрость Божія излилъ на міръ потоки евангельскаго ученія, которые наполяютъ и насыщаютъ жаждущіе умы избранныхъ. Самъ онъ—стезя безмѣрной воды изъ источника. Ибо какъ Богъ отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта, такъ Самъ Онъ въ переносномъ смыслѣ можетъ быть названъ безмѣрной водой отъ источника или рѣки Отца. Такъ какъ Отецъ есть начало Божества, то какъ Сынъ рожденъ отъ Отца, такъ Духъ Святый исходитъ отъ Отца, Котораго Господь назвалъ въ Евангеліи именемъ воды».

И въ бесѣдѣ CV (т. V, стр. 653): «не отъ Себя будетъ говорить Духъ, можетъ быть, потому, что Онъ не отъ Самого Себя, но отъ Отца. Ибо Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Не отъ Себя Самого будетъ говорить, потому что происходитъ не отъ Самого Себя, ибо Одинъ Отецъ не происходитъ отъ другого, а Сынъ отъ Отца рожденъ и Духъ Святый отъ Отца исходитъ. Ибо отъ Того Самого услышитъ Духъ Святый, отъ Кого исходитъ,—такъ какъ Онъ не отъ Себя

[1]) Этотъ Гаймонъ занималъ епископскую каѳедру въ Гальберштадтѣ съ 841 по 853 г., въ которомъ умеръ.

[2]) Елика аще услышитъ, глаголати имать—Іоан. XVI. 13.

[3]) О немъ см. выше въ III главѣ.

Самого, но отъ Того, отъ Котораго исходитъ. Отъ Кого Ему приходитъ (есть) разумѣніе, отъ Того, конечно, и знаніе, отъ Того и слышаніе, которое есть не что иное, какъ знаніе». И затѣмъ: «отъ Отца получаетъ Духъ Святый, потому что исходитъ отъ Отца, отъ Котораго родился и Сынъ».

То же, что мы только что привели изъ CV бесѣды Рабана, находится и *у Смарагда* [1]) (недѣля III послѣ осмидневія (octava) Пасхи, на XVI гл. Іоанна, стр. 97, Аргентинское изд. 1536 г.).

Говорятъ, затѣмъ, что папа Николай защищалъ очень горячо исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Когда Болгарія только что была обращена въ христіанскую вѣру, и Николай послалъ туда своихъ легатовъ, то они принесли въ Болгарію символъ съ прибавкой. Услыхавши объ этомъ, императоры Михаилъ и Василій въ письмѣ къ царю Болгарскому чрезвычайно укоряютъ какъ Римскую, такъ и остальную латинскую церковь за то, что онѣ проповѣдуютъ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына. Царь болгарскій не замедлилъ переслать это письмо императоровъ папѣ Николаю. Папа Николай, задумавъ заняться защитой этого догмата, пригласилъ къ тому же и галловъ. Мы читали слова Николая относительно этого дѣла въ посланіи его къ Гинкмару Реймскому, приведенномъ нами въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ IX вѣка. Кромѣ приведенныхъ тамъ словъ, Николай далѣе такъ приглашаетъ галловъ къ единодушной защитѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына: «вамъ, братья, слѣдуетъ, оставивъ прочія заботы, всѣми силами поработать надъ этимъ, и такъ какъ всѣ эти укоризны, какъ мы указывали, наносятся вселенской Церкви въ той только части ея, которая употребляетъ латинскій языкъ, то всѣ вы, облеченные священнымъ саномъ, должны сообща ратовать за то, чтобы отеческія преданія не подвергались столь великому поруганію, но чтобы то, что злые люди, въ привычномъ имъ спорѣ столь же лживые, какъ и неправые, желаютъ опозорить, рукою общей защиты было совершенно очищено отъ всякаго пятна богохуленія. Ибо смѣшно и даже довольно позорно для насъ допустить какъ то, чтобы въ наши времена такъ несправедливо обвинялась Святая Церковь Божія, такъ и то, чтобы

[1]) См. о немъ выше.

преданія, которыя мы издревле приняли отъ нашихъ отцовъ, нарушались въ угоду постоянно заблуждающимся. Поэтому необходимо, чтобы мы противостояли попыткамъ такихъ людей и стрѣламъ ихъ лжи противоставляя щитъ истины. Что касается насъ, то мы при помощи вышней силы, насколько будемъ въ состояніи, не преминемъ дѣйствовать и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не умолчимъ противъ нихъ за Церковь Христову; но весьма прилично, чтобы и вы, братья, слѣдуя обычаю предковъ, въ данномъ случаѣ соратовали намъ и единодушно потрудились вмѣстѣ съ нами. Ибо, если не ошибаемся, западныя страны (о другихъ странахъ міра пока умалчиваемъ) въ такого рода вопросахъ никогда не находились въ разногласіи съ каѳедрою Св. Петра. Поэтому пусть каждый изъ васъ, кому выпалъ жребій быть митрополитомъ, соединившись съ собратьями и сосиископами, которые ему подчинены, тщательно позаботится объ этомъ и постарается изслѣдовать то, что необходимо противопоставить ихъ ненавистнымъ ругательствамъ, и всѣми мѣрами постарается изыскать его и, изыскавши, не замедлитъ поскорѣе сообщить намъ, чтобы мы могли выставить это вмѣстѣ съ прочими нашими опроверженіями противъ сумасбродства противниковъ. Ибо ничего такъ не боится въ насъ какъ видимый, такъ и невидимый врагъ, какъ общаго согласія. Поэтому дружно направимъ наши силы противъ общаго противника и будемъ дѣйствовать не въ разсыпную, а какъ воины, выстроенные въ одну стройную линію. Итакъ, да будетъ у насъ съ вами полное единодушіе въ этомъ общемъ столкновеніи; примите и вы участіе въ нашей борьбѣ; а мы съ должнымъ расположеніемъ мысли будемъ любить вашу святость и братски уважать, зная, что вы ни въ чемъ не расходитесь въ такихъ вопросахъ съ главою, т. е., съ престоломъ Петра». И немного далѣе: «необходимо, чтобы достопочтенная дѣятельность ваша и въ остальномъ такою являлась, дабы врагамъ стало яснѣе солнца, что она ни въ чемъ не расходится съ престоломъ Петра;—мало того, во всемъ съ нимъ согласуется. Итакъ, пусть мудрость ваша, написанное по внушенію свыше для опроверженія и рѣшительной прямой отповѣди такому сумасбродству императоровъ, пришлетъ нашему пред-

стоятельству; а мы, получивъ его и въ свою очередь дополнивъ другими нашими доводами также для опроверженія безразсудства ихъ, постараемся отослать по назначенію». И, наконецъ, еще черезъ нѣсколько строкъ: «твоя же милость, братъ Гинкмаръ, по прочтеніи посланія, пусть сейчасъ снесется и съ другими архіепископами, которые находятся въ государствѣ сына нашего, славнаго короля Карла, и всячески постарается обстоятельно обсудить вопросъ; и пусть не пренебрежетъ побудить ихъ каждаго въ отдѣльности въ своихъ діоцезахъ вмѣстѣ съ суффраганами, какіе въ области каждаго установлены, подвергнуть вопросъ совмѣстному обслѣдованію, и то, что найдутъ, безъ замедленія представить намъ. Итакъ, пусть во всемъ томъ, что относится къ содержанію настоящаго посланія, ты будешь дѣятельнымъ исполнителемъ нашихъ предначертаній и рядомъ твоихъ писаній явишься предъ нами правдивымъ и благоразумнымъ докладчикомъ».

Гинкмаръ не замедлилъ послѣдовать этому предложенію Николая. Вотъ что говоритъ о немъ *Флодоардъ* [1]), *аббатъ Реймскій* (въ кн. III, гл. XVII хроники Реймской, т. X Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 527): «Гинкмаръ, получивъ это посланіе, вмѣстѣ со многими епископами прочиталъ его въ Корбанскомъ дворцѣ въ присутствіи короля Карла и, какъ было ему предписано, постарался направить его къ другимъ архіепископамъ». Онъ написалъ также посланіе къ *Одону* [2]), *епископу Бѣловакскому*, въ которомъ убѣждаетъ и его повсюду тщательно розыскивать все то, что можетъ послужить къ защитѣ мнѣнія латинянъ. Это LI посланіе Гинкмара находится среди его статей (opuscula) и посланій во II т. его твореній, стр. 809, парижское изд. 1645 г. Тогда же Гинкмаръ написалъ книгу въ опроверженіе ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца,— какъ видно изъ тома VI Кельнской библіотеки Отцовъ, гдѣ въ

[1]) Флодоардъ, аббатъ Реймскій, умершій въ 966 г., написалъ хронику (лѣтопись) дѣяній Франковъ, а также исторію Реймской церкви въ четырехъ книгахъ.

[2]) Одонъ, епископъ подчиненный Гинкмару, его другъ и совѣтникъ; назначенъ епископомъ въ 859 г., ум. въ 881 г.

Прим. перев.

сочиненіяхъ Фульгенція нѣкоторыя слова послѣдняго представляютъ выдержку изъ отвѣтовъ Гинкмара на возраженія грековъ Одону Белловакскому, который, по свидѣтельству Флодоарда, также написалъ разсужденіе противъ восточныхъ (кн. III Реймской хроники, гл. XXIII, указанное выше изданіе, стр. 538). Составляя каталогъ писемъ Гинкмара, Флодоардъ говоритъ: «онъ (т. е. Гинкмаръ) написалъ также Одону объ отвѣтахъ на укоризны грековъ, каковые отвѣты писалъ тотъ же Одонъ и послалъ владыкѣ Гинкмару. При этомъ онъ возноситъ благодареніе Богу за то, что находитъ себя и его вдохновляющимися однимъ Духомъ, и заявляетъ, что ему желательно, чтобы то, что касается даннаго вопроса, было совмѣстно обсуждено». Но ни Гинкмаровы, ни Одоновы писанія доселѣ еще у латинянъ не обнародованы въ печати.

Затѣмъ, тогда же написалъ противъ восточныхъ *Эней, епископъ Парижскій*. Его сочиненія помѣщены въ VII т. Колосницы (Spicilegii) древнихъ писателей, изданной Лукою Дахеріемъ въ Парижѣ въ 1666 г., стр. 1 и слѣд.. Наконецъ, *Ратрамнъ, монахъ Корбійскій*, написалъ четыре книги противъ укоризнъ восточныхъ. Его сочиненія имѣются во II т. упомянутой Колосницы, изданной Лукою Дахеріемъ въ 1657 г., стр. 1 и слѣд.

Итакъ, галлы съ большимъ единодушіемъ защищали противъ восточныхъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, такъ какъ всѣ уже одобряли прибавку—и отъ Сына (Filioque) къ символу, и символъ съ этой прибавкой пѣли при богослуженіи. Такъ, Эней, Парижскій епископъ, въ книгѣ противъ восточныхъ, (стр. 52, т. VII Колосницы древнихъ писателей) говоритъ: «въ каѳолическомъ исповѣданіи вѣры, которое въ воскресные дни поетъ при богослуженіи вся галльская церковь, она между прочимъ поетъ такъ: «вѣрую и въ Духа Святаго, Господа, и животворящаго, Который отъ Отца и Сына исходитъ, Который съ Отцомъ и Сыномъ совмѣстно покланяемъ и славимъ, Который говорилъ чрезъ Пророковъ».

Но хотя, такимъ образомъ, во время папы Николая догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и прибавка его къ символу получили широкое распространеніе въ латинской церкви, однако и

въ то время было еще много такихъ, которые въ этомъ вопросѣ были несогласны съ остальными латинянами. Это видно изъ словъ легатовъ Іоанна VIII, которыхъ онъ уже въ третій разъ послалъ въ Константинополь къ Фотію. Они, будучи спрошены объ этомъ догматѣ и прибавкѣ его къ символу, ничего противнаго Фотію не отвѣтили, а, напротивъ, такъ же, какъ и онъ, исповѣдали, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца. Вотъ что говоритъ Фотій объ этихъ апокрисіаріяхъ въ посланіи къ Аквилейскому митрополиту (помѣщенномъ въ новѣйшемъ прибавленіи къ библіотекѣ Отцовъ, стр. 536): «мнѣ кажется, нельзя также не упомянуть, хотя это, какъ недавно бывшее, всѣмъ извѣстно,—о легатахъ, которые въ наши времена не въ первый и не во второй, а въ третій разъ приходили къ намъ изъ древняго Рима. Когда мы съ ними стали говорить, какъ надлежитъ, о благочестіи, то они не высказали ничего неправильнаго относительно вѣры, распространенной по всему міру; не нашли мы ихъ ни въ чемъ съ нами несогласными, а, напротивъ, они въ ясныхъ словахъ вмѣстѣ съ нами исповѣдали, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца».

Между тѣмъ въ числѣ отрицавшихъ въ это время исхожденіе Духа Святаго отъ Сына былъ и *Анастасій Библіотекарь* [1]), который въ письмѣ къ Іоанну Діакону прямо отрицаетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, если слово исхожденіе принимать въ смыслѣ производительнаго начала: но греки, прибавляетъ онъ, совершенно правильно не допускаютъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, и выраженіе: «Духъ Святый исходитъ отъ Сына» можетъ быть принято только въ смыслѣ посланничества. Вотъ его подлинныя слова (т. V Соборовъ, столб. 1771): «кромѣ того мы выяснили себѣ изъ посланія того же Св. Максима, написаннаго къ пресвитеру Марину, вопросъ объ исхожденіи Св. Духа. Въ этомъ посланіи онъ заявляетъ, что греки напрасно упрекаютъ насъ, между тѣмъ какъ мы называемъ Сына

[1]) Анастасій Библіотекарь пользовался извѣстностью во времена папъ Николая I, Адріана II и Іоанна VIII; жилъ еще, если вѣрить Баронію, въ 886 г.; не извѣстно когда скончался.

Прим. перев.

не причиною, или началомъ Духа Святаго, какъ они думаютъ, но, зная единство сущности Отца и Сына, исповѣдуемъ, что Онъ исходитъ отъ Отца такъ, какъ отъ Сына, т. е., понимая исхожденіе въ смыслѣ посланничества. Такъ благочестиво объясняя это и внушая миръ знающимъ тотъ и другой языкъ, Св. Максимъ и насъ, и грековъ научаетъ, въ какомъ смыслѣ Духъ Святый исходитъ и въ какомъ не исходитъ отъ Сына, отмѣчая при этомъ трудность выраженія особенностей одного языка на другомъ. Такого именно рода благочестивымъ объясненіемъ нѣкогда Св. Аѳанасій примирилъ восточныхъ и западныхъ, расходившихся относительно имени ипостаси, или лица,—выяснивъ, что тѣ и другіе вѣруютъ одинаково и содержатъ одно и то же ученіе, хотя вслѣдствіе различія въ языкѣ различно исповѣдуютъ его и напрасно жестоко спорятъ между собою».

Однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что прочіе латиняне въ тѣ времена, утверждая, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, никоимъ образомъ не разумѣли подъ словомъ исхожденіе только посольство. Ибо упомянутый монахъ Корбейскій Ратрамнъ (въ кн. I, гл. III «противъ восточныхъ», т. II Колосницы древнихъ писателей, стр. 5) говоритъ: «какъ одной сущности Отецъ и Сынъ, такъ и Духъ Святый, исходя отъ Того и Другого получаетъ бытіе единосущности». И въ гл. VII (стр. 18): «бытіе Духъ Святый получаетъ одинаково отъ Отца и Сына, подобно тому какъ Сынъ бытіе получаетъ отъ Отца».

Когда впослѣдствіи былъ созванъ вселенскій соборъ, утвердившій во второй разъ Фотія на патріаршествѣ, легаты Іоанна VIII, а чрезъ нихъ и самъ Іоаннъ VIII, подписались подъ символомъ безъ прибавки объ исхожденіи Св. Духа. Такъ Фотій въ приведенномъ выше письмѣ къ митрополиту Аквилейскому продолжаетъ: «напротивъ, на соборѣ, созванномъ для рѣшенія нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ, легаты, изъ Рима присланные Св. Іоанномъ папой, какъ если бы онъ самъ присутствовалъ и вмѣстѣ съ нами богословски изслѣдовалъ благочестіе и вѣру, собственноручно подписались подъ символомъ вѣры, который всѣми вселенскими соборами, согласно съ словомъ Господнимъ, исповѣдывается и провозглашается, будучи согласны съ нами и

въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ».—Равнымъ образомъ такъ же говоритъ и неизвѣстный писатель, который, по мнѣнію Бекка, составилъ акты этого собора (т. II, ч. II собранія каноновъ, принятыхъ отъ греческой церкви, изд. въ Оксфордѣ въ 1672 г., стр. 285). Вотъ его слова: «въ этомъ шестомъ дѣяніи (собора) было издано общее опредѣленіе, или святой символъ вѣры, который находится въ такомъ видѣ, какъ и теперь; и тѣ, которые здѣсь присутствовали въ качествѣ представителей отъ Рима и отъ остальныхъ великихъ престоловъ, не представили никакихъ возраженій относительно исхожденія Св. Духа отъ Отца». Затѣмъ такъ же, на стр. 288: «святѣйшіе послы и замѣстители древняго Рима воскликнули: надлежитъ вновь не вводить никакого иного опредѣленія, а утвердить и читать это древнее, во всемъ мірѣ распространенное и извѣстное. Тогда и Фотій, святѣйшій патріархъ, сказалъ: да читается по рѣшенію братій и сослужителей нашихъ. Затѣмъ Петръ Діаконъ и Протопотарій прочелъ: такъ думая объ этомъ и провозглашая опредѣленіе чистой христіанской вѣры, издревле отъ Отцовъ и до нашихъ временъ исходящее, *мы вполнѣ одобряемъ въ мысли и на языкѣ и* постоянно всѣмъ во всеуслышаніе провозвѣщаемъ, ничего не убавляя, ничего не прибавляя, *ничего не измѣняя, ничего не повреждая:* ибо отнятіе и прибавленіе, въ то время, когда не возбуждается ересь кознями зла, наноситъ умышленно непзвинительное оскорбленіе тѣмъ, кто не заслуживаетъ укора, и Отцамъ; измѣнять же опредѣленія Отцовъ сомнительными словами еще гораздо болѣе гибельно. Посему настоящій святой и вселенскій соборъ, движимый божественною любовью и чистотою разумѣнія, тщательно охраняя первоначальное опредѣленіе вѣры и полагая въ немъ залогъ и основаніе нашего спасенія, такъ мыслитъ и всѣмъ провозглашать призываетъ: вѣрую во единаго Бога.—и далѣе то, что слѣдуетъ до конца въ святомъ символѣ. Такъ мы мыслимъ, въ такомъ исповѣданіи вѣры мы крещены; чрезъ нее (вѣру) слово истины дѣлаетъ слабою и безсильною всякую ересь; тѣхъ, кто такъ мыслитъ, мы причисляемъ къ братіямъ, отцамъ и сонаслѣдникамъ вышняго царства. Если же кто нибудь осмѣлится, кромѣ этого святого символа, переданнаго намъ блажен-

ными и святыми Отцами, издать иное изложеніе вѣры, и объявить его опредѣленіемъ вѣры, дабы такимъ образомъ восхитить достоинство исповѣданія этихъ божественныхъ мужей; прибавить къ нему свои непужныя измышленія и станетъ предлагать это ученіе, какъ всеобщее, вѣрующимъ, или тѣмъ, которые обратились отъ какой-нибудь ереси,—и ложными словами, или прибавками, или сокращеніями дерзнетъ повредить древность настоящаго святаго и досточтимаго опредѣленія: того, по опредѣленію святыхъ и вселенскихъ соборовъ, еще задолго до нашихъ временъ изданному, если онъ будетъ изъ воспріявшихъ благодать священства, подвергаемъ совершенному низложенію; если же онъ міряпинъ, предаемъ анаѳемѣ». Затѣмъ, послѣ этого чтенія, весь соборъ, говорятъ, воскликнулъ: «мы всѣ такъ думаемъ, такъ вѣруемъ, въ этомъ исповѣданіи крещены и священной степени были достойны; тѣхъ, которые иначе думаютъ, считаемъ противниками и Бога, и истины. Если же кто-нибудь, кромѣ этого священнаго символа, дерзнетъ издать иной символъ, или станетъ прибавлять, или убавлять что-нибудь въ символѣ и вздумаетъ называть это опредѣленіемъ вѣры: то таковой долженъ быть осужденъ и извергнутъ изъ всякаго христіанскаго исповѣданія. Ибо, убавляя или прибавляя что-нибудь въ символѣ, онъ тѣмъ самимъ заявляетъ, что наше исповѣданіе о святой и единущной Троицѣ, существующее отъ древнѣйшихъ до послѣднихъ дней, несовершенно, и осуждаетъ преданіе Апостоловъ и Отцовъ. Итакъ, если кто-нибудь, впавши въ такое безразсудство, осмѣлится (какъ было выше сказано) издавать иной символъ и называть его опредѣленіемъ вѣры, или дѣлать прибавленіе, или убавленіе въ символѣ, переданномъ намъ св. великимъ вселенскимъ соборомъ, да будетъ анаѳема».—

Уже въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ до IX вѣка мы доказали, что легаты папы Іоанна VIII вмѣстѣ съ прочими Отцами собора сдѣлали это постановленіе противъ извѣстной прибавки латинянъ. Затѣмъ тамъ же мы выяснили и значеніе этого собора и защитили его отъ укоризнъ латинянъ, ложно утверждающихъ, будто этотъ соборъ всецѣло измышленъ Фотіемъ.

Итакъ легаты Іоанна VIII, а съ ними и самъ Іоаннъ VIII,

ясно признаютъ, что даже внесеніемъ истиннаго въ св. символъ причиняется непзвинительная обида Отцамъ, а тѣмъ болѣе гибельно измѣнять св. символъ внесеніемъ неправаго ученія. Поэтому-то, если кто-нибудь осмѣлится на это, то, по опредѣленію святыхъ вселенскихъ соборовъ,—священникъ долженъ быть подвергаемъ полному низложенію, а мірянинъ подлежитъ анаѳемѣ; тѣхъ, кто иначе мыслитъ, должно считать противниками и Бога, и истины; а того, кто осмѣлится прибавлять что-нибудь къ символу, должно осуждать и отлучать отъ общенія съ Церковью. Ибо прибавляющій что-нибудь къ символу считаетъ его несовершеннымъ и тѣмъ осуждаетъ апостольское преданіе и ученіе Отцовъ. Слѣдовательно подлежитъ анаѳемѣ, кто сдѣлаетъ прибавленіе къ символу.—

Вотъ какія заявленія относительно пресловутой прибавки латинянъ послѣдовали отъ легатовъ папы Іоанна VIII, а черезъ нихъ и отъ самого этого папы на соборѣ трехсотъ восьмидесяти Отцовъ. Кто же станетъ долѣе сомнѣваться въ томъ, что эта латинская прибавка справедливо осуждается и опровергается восточными, если сами латинскіе епископы и папа Іоаннъ VIII ее осудили всѣми способами?

Что таково было мнѣніе Іоанна VIII, это видно изъ посланія его къ Фотію, въ которомъ онъ также осуждаетъ эту прибавку, какъ нечестивую и богохульную, и первыхъ виновниковъ ея предаетъ анаѳемѣ. Изъ этого же письма далѣе видно, что Іоаннъ VIII отрицалъ также и самый догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, мало того, гнушался его, какъ хулы. Именно, когда, какъ мы выше видѣли, во время папы Николая прибавка къ символу получила широкое распространеніе въ латинской церкви и затѣмъ во времена Іоанна VIII защитники ея не переставали такъ пѣть св. символъ, то у нѣкоторыхъ восточныхъ усилилось подозрѣніе, что и самъ Іоаннъ VIII одобряетъ догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и прибавленіе этого догмата къ символу. Чтобы очистить себя въ глазахъ Фотія отъ этого подозрѣнія, и написалъ Іоаннъ VIII послѣднему посланіе, [1]) которое находится во II т., ч. II собранія каноновъ, принятыхъ отъ во-

[1]) Объ этомъ посланіи говорилось въ I и III гл.

сточной Церкви, изд. по-гречески и по-латини въ Оксфордѣ въ 1672 г., стр. 306 и слѣд. Въ этомъ посланіи Іоаннъ говоритъ: «мы знаемъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые тебя окружаютъ, мало заботясь о мирѣ и пренебрегая истиной, худо говорятъ о нашей церкви. Дѣло зашло такъ далеко, что немногаго не хватаетъ, чтобы твое братство стало худо мыслить о насъ и о подчиненныхъ намъ. Они даже нашли случай, по моему мнѣнію, для подобной цѣли достаточно подходящій, какъ это будетъ ясно видно изъ нижеслѣдующей рѣчи, и Богъ свидѣтельствомъ свыше подтвердитъ это. Но подобно тѣмъ, которые разбавляютъ вино водою, и они примѣшиваютъ кое-что ложное, ими самими измышленное. И нѣтъ ничего удивительнаго: ибо вполнѣ естественно, чтобы тотъ, кто является родоначальникомъ зла, кто возбудилъ вражду къ Богу и лишилъ прародителя нашего благоволенія Творца, сдѣлавъ его враждебнымъ своему Творцу, и теперь имѣлъ своихъ служителей и заставлялъ ихъ возбуждать всякія нестроенія въ церкви. Я же, возводя свой взоръ къ виновнику истины— Христу, уничтожившему вражду своей плоти, насколько силъ хватитъ, стараюсь заградить уста людей, услаждающихся зломъ. И по этой причинѣ, прежде чѣмъ братство твое мнѣ что-нибудь укажетъ, я рѣшилъ объявить тебѣ это, дабы, достаточно освѣдомленный о нашихъ дѣлахъ, ты меньше сталъ слушать тѣхъ, которые стараются ссорить и клеветать, но скорѣе ихъ отвергъ и прогналъ; кромѣ того, принялъ мѣры, чтобы и другіе не придавали вѣры ихъ словамъ. Ибо знаетъ твое братство, что когда недавно къ намъ прибылъ твой посолъ и спрашивалъ у насъ мнѣніе о святомъ символѣ, то онъ нашелъ, что мы сохраняемъ св. символъ нерушимымъ, въ томъ видѣ, какъ онъ намъ предалъ изначала, и ничего не прибавляемъ и не отнимаемъ, такъ какъ мы твердо знаемъ, что тѣхъ, которые осмѣливаются это дѣлать, ожидаетъ тяжкое осужденіе. Итакъ мы еще разъ напоминаемъ твоему достоинству (reverentiae), чтобы въ разсматриваемомъ вопросѣ, изъ-за котораго возникли соблазны въ церквахъ Божіихъ, ты вѣрилъ намъ, что мы не только не говоримъ этого, а, напротивъ, тѣхъ, которые вначалѣ по своему безумію осмѣлились говорить подобное, осуждаемъ, какъ нарушителей божествен-

наго слова, разрушителей божественнаго ученія Господа Христа и Апостоловъ и прочихъ святыхъ Отцовъ, которые, собравшись на соборахъ, передали намъ св. символъ. Мы считаемъ таковыхъ заодно съ Іудой, потому что они не убоялись совершить то же, что и онъ: не потому, что они предали на смерть тѣло Господа, но потому, что они вѣрныхъ Божіихъ, которые суть какъ бы члены Божественнаго тѣла, путемъ раскола разсѣкли и раздѣлили другъ отъ друга и такимъ образомъ, ввергнувъ ихъ въ огонь вѣчный, также удавили и самихъ себя, какъ удавился Іуда, недостойный ученикъ Христовъ. Мы также полагаемъ, что твое братство знаетъ, ибо ты мудръ и ученъ, что убѣдить прочихъ нашихъ епископовъ такъ мыслить—составляетъ для насъ немаловажное затрудненіе, такъ какъ измѣнить такое дѣло въ столь короткое время никто не можетъ, хотя оно зародилось недавно и не утвердилось продолжительностью многихъ лѣтъ. Поэтой причинѣ намъ кажется, не слѣдуетъ насильно требовать оставленія этой прибавки у тѣхъ, кто признаетъ ее въ символѣ, но лучше подготовлять ихъ къ оставленію богохульства постепенно, путемъ кроткаго и благоразумнаго увѣщанія. Пасите, говоритъ первоверховный Апостолъ Петръ, Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно, и не господствуя надъ наслѣдіемъ (клиромъ), но подавая примѣръ стаду [1]). Поэтому, обвиняющіе насъ за то, что мы такъ мыслимъ, обвиняютъ несправедливо; тѣ же, кто не сомнѣвается въ истинности нашего мнѣнія и даже открыто высказанное нами передаетъ другимъ, находящимся теперь при насъ, говорятъ правду. Итакъ, слѣдуетъ, чтобы и твое братство не допускалъ никакого соблазна противъ насъ и не отсѣкался отъ остальнаго тѣла Церкви, но лучше вмѣстѣ съ нами поддерживалъ борьбу за вѣру, съ благоразуміемъ и долготерпѣніемъ, и тѣхъ, кто отклонился отъ истины, вновь призывалъ къ воспріятію ея, чтобы за нихъ получить вмѣстѣ съ нами ту же награду». Это письмо на латинскомъ языкѣ издано латинянами въ разныхъ мѣстахъ; оно находится также и въ IX томѣ Соборовъ послѣдняго Парижскаго изданія и помѣщено между письмами Іоанна VIII (письмо CCCXX).

[1]) I посл. Петр. гл. V—ст. 2 и 3.

Что здѣсь Іоаннъ говоритъ объ извѣстной прибавкѣ латинянъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Ибо въ томъ же письмѣ, изданномъ только на латинскомъ языкѣ, читаемъ еще слѣдующее: «итакъ еще разъ извѣщаемъ твое достоинство, чтобы оправдать себя относительно этой прибавки къ символу» (очевидно—отъ Сына);—и никогда никакой иной прибавки въ св. символѣ латиняне не употребляли и ни изъ-за какой другой прибавки не было спора между восточными и западными, а въ тѣ именно времена многими латинянами употреблялась не иная какая-нибудь прибавка, какъ только исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Такимъ образомъ, отсюда ясно слѣдуетъ, что восточные не могли подозрѣвать Іоанна VIII,—равнымъ образомъ и Фотій—освѣдомляться у Іоанна чрезъ своего посла ни о какой другой прибавкѣ, сдѣланной въ св. символѣ, какъ только о прибавкѣ выраженія Filioque. Итакъ, самъ Іоаннъ VIII, папа Римскій, ясно еще разъ осуждаетъ тѣхъ, которые осмѣлятся вносить этотъ догматъ въ св. символъ; онъ признаетъ, что тѣхъ, которые отваживаются на это, ожидаетъ тяжкое осужденіе; что тѣ, кто первые это совершили, поступили безумно; что они нарушили Св. Писаніе и божественное ученіе, преподанное Спасителемъ и каѳолическими учителями; совершили дерзкое насиліе надъ св. символомъ; подобно Іудѣ, предали Спасителя въ его членахъ: оказавшись виновниками великаго раскола въ Христовой Церкви, они этимъ самимъ не только себя, но и всѣхъ своихъ послѣдователей ввергли въ вѣчный огонь. Наконецъ, онъ осуждаетъ за богохульство удерживающихъ внесенный въ св. символъ догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и вмѣстѣ съ ними далѣе осуждаетъ и самый этотъ догматъ. Онъ говоритъ, что тѣ, кто употребляетъ въ св. символѣ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, преступаютъ божественное слово, разрушаютъ ученіе Господа Христа, богохульствуютъ. Между тѣмъ, относительно того, кто прибавляетъ истинное къ св. символу, нельзя сказать, что онъ богохульствуетъ, преступаетъ божественное слово, разрушаетъ ученіе Спасителя. Очевидно, этимъ Іоаннъ даетъ понять, что, такъ какъ Св. Писаніе и Самъ Спаситель учатъ, что Духъ Святый только отъ Отца исходитъ, то тѣ, кто вопреки этимъ яснымъ словамъ осмѣливается утвер-

ждать, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, этимъ самымъ являются нарушителями божественнаго слова и разрушителями ученія Спасителя. Богохульственно утвержденіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына потому, что такимъ образомъ вводятся два начала Св. Духа—Отецъ и Сынъ, и не менѣе богохульственно, какъ было-бы богохульственнымъ утвержденіе, что Сынъ раждается отъ Духа Святаго, причемъ равнымъ образомъ вводились бы два начала Сына—Отецъ и Св. Духъ. Такимъ образомъ, самъ латинскій папа Іоаннъ VIII, бывшій въ общеніи съ восточными и признанный всей вселенской Церковью православнымъ (каѳоликомъ), всѣми способами осуждаетъ какъ догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, такъ и прибавку его къ символу: болѣе яснаго свидѣтельства противъ упорнаго утвержденія латинянъ нельзя уже и желать. Такъ, рѣшительно не соглашаясь съ указанной прибавкой, Іоаннъ VIII не переставалъ увѣщевать другихъ латинскихъ епископовъ, чтобы и они оставили ее и возстановили св. символъ въ прежней чистотѣ. «Мы напрягаемъ всѣ наши силы, говоритъ онъ, чтобы и остальные наши епископы мыслили одинаково съ нами, и это причиняетъ намъ не малое огорченіе». Что Іоаннъ VIII это сдѣлалъ, явствуетъ изъ посланій его къ Меѳодію, епископу Паннонскому, о которыхъ будетъ сказано впослѣдствіи. Далѣе, въ приведенномъ посланіи Іоаннъ, между прочимъ, говоритъ: «и ставимъ ихъ на одну доску съ Іудой, потому что они не убоялись совершить то же, что и онъ: не потому, что они предали на смерть тѣло Господа, но потому, что вѣрныхъ Божіихъ, которые суть какъ бы члены Его, расколомъ разъединили и отдѣлили другъ отъ друга». Здѣсь онъ говоритъ о первыхъ виновникахъ прибавки и этимъ доказываетъ, что со времени изобрѣтенія прибавки появились расколы, раздѣленія и разныя партіи среди самихъ латинянъ: ибо не во время появленія этой прибавки и не вслѣдъ за нею начался разрывъ между восточными и западными изъ-за введенія ея въ символъ. Слѣдовательно, среди самихъ латинянъ были такіе, которые осуждали прибавку въ самый моментъ ея изобрѣтенія и вслѣдъ за ея появленіемъ, какъ мы до сихъ поръ утверждаемъ и утверждали. Наконецъ, Іоаннъ говоритъ: «хотя и недавно зародилось и незакрѣплено продол-

жительностью многихъ лѣтъ это дѣло», т. е., прибавка въ символѣ. Ели же тогда эта прибавка считалась только недавно зародившейся, то отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что происхожденіе ея нельзя относить ко времени ранѣе конца VIII вѣка. Поэтому, еще разъ повторяемъ, что акты соборовъ, въ которыхъ раньше конца VIII вѣка очень часто читается символъ съ прибавкой, поддѣланы.

Такъ какъ уже одно это посланіе Іоанна такъ сильно подрываетъ дѣло латинянъ, то они кричатъ, что оно выдумано Фотіемъ. Такъ Бароній подъ 879 годомъ говоритъ: «мы для того на этомъ останавливаемся, чтобы основательно изслѣдовать мастерскую (officinam) поддѣлокъ обманщика Фотія: изъ нѣдръ ея выходятъ на свѣтъ еще и другія поддѣлки его. Онъ, кромѣ того, наклеветалъ на того же папу Іоанна, будто бы тотъ мыслилъ одинаково съ греками объ исхожденіи Св. Духа. Для подтвержденія этого онъ выдумалъ посланіе, якобы написанное къ нему Іоанномъ. Но ложность этого посланія легко изобличить по многимъ основаніямъ». И затѣмъ, приведя посланіе Іоанна, прибавляетъ: «это посланіе Іоанна у Фотія, конечно, выдумка и обманъ того же Фотія, произвольно выдумывающаго письменные документы, если только скорѣе это не дѣло другого какого-нибудь грека, защитника того же мнѣнія. Ибо самъ Фотій въ извѣстномъ посланіи, написанномъ по поводу этого же вопроса къ архіепископу Аквилейскому (къ этому посланію мы намѣрены возвратиться ниже, въ своемъ мѣстѣ) ничего не говоритъ о посланіи, якобы написанномъ къ нему папой Іоанномъ. Если бы онъ получилъ его, то, конечно, съ великимъ торжествомъ привелъ бы, или по крайней мѣрѣ сослался бы на него; вѣдь утверждаетъ же онъ ложно (какъ увидишь), что нѣкоторые изъ римскихъ первосвященниковъ раздѣляли его мнѣніе. Между тѣмъ, говоря о самомъ Іоаннѣ, объ этомъ посланіи, имъ написанномъ, онъ даже вскользь не упоминаетъ, а говоритъ только о легатахъ Іоанна, посланныхъ въ Константинополь и подписавшихъ на соборѣ исхожденіе по древнему исповѣданію вѣры безъ прибавки—и отъ Сына (Filioque). И дѣйствительно, что во время папы Іоанна въ Римской церкви было принято безъ всякаго сомнѣнія ученіе объ исхожденіи Духа Святаго отъ

Отца и Сына, доказательствомъ этого, между прочимъ, служитъ то, что Іоаннъ, діаконъ святой Римской церкви, пиша къ этому самому папѣ Іоанну о четырехъ, составленныхъ имъ (Іоанномъ діакономъ) книгахъ жизнеописанія св. Григорія папы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о діалогахъ, написанныхъ имъ и переведенныхъ на греческій языкъ папой Захаріей, справедливо жалуется, что, въ то время какъ самъ св. Григорій въ нихъ ясно утверждалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, они (т. е. греки) повредили текстъ, удаливши оттуда и выскобливши слова:—и отъ Сына. Затѣмъ онъ сильно порицаетъ грековъ за то, что они насколько дерзко, настолько и безстыдно повредили такимъ образомъ текстъ св. Григорія, ясно этимъ показывая, что Римская церковь ничего несогласнаго съ самимъ св. Григоріемъ папой не мыслитъ и что Іоаннъ (папа), къ которому онъ пишетъ, не отступаетъ отъ этого ученія».

Что касается поддѣлокъ, въ которыхъ Баронiй обвиняетъ Фотія, то они относятся къ посланіямъ Іоанна, написаннымъ послѣднимъ къ императору Василію, Константинопольскому клиру и къ самому Фотію и находящимся вмѣстѣ съ другими посланіями Іоанна въ IX томѣ Соборовъ, это именно посланія—CXCIX, CC и CCI. И сперва посланія Іоанна приводятся въ нетронутомъ видѣ изъ списка Ватиканской библіотеки; затѣмъ—какъ поврежденныя Фотіемъ, каковыя и на греческомъ языкѣ помѣщены послѣ актовъ IV Константинопольскаго собора, въ VIII томѣ Соборовъ. Если исключить среднее посланіе, въ которомъ только немногія слова представляютъ разницу,—остальныя два сильно отступаютъ отъ другихъ. Что въ нихъ кое-что измѣнено, видно изъ посланія Іоанна къ Фотію, гдѣ онъ упоминаетъ объ этомъ, хотя, впрочемъ, изъ-за этого онъ тамъ вовсе не обзываетъ Фотія воплощеннымъ діаволомъ, какимъ онъ впослѣдствіи прослылъ у издателей Соборовъ, скорѣе выучившихся клеветать, чѣмъ готовыхъ слѣдовать завѣтамъ своихъ предковъ, о которыхъ шла рѣчь. Напротивъ, Іоаннъ и не считалъ Фотія завѣдомымъ виновникомъ этихъ измѣненій, а говоритъ объ этомъ только сомнительно и, не взирая на эти измѣненія, утверждаетъ Фотія въ патріаршествѣ. Такъ, въ письмѣ CCI (т. IX Соборовъ, столб. 180) онъ

говоритъ Фотію: «такъ какъ мы рѣшили относиться къ тебѣ съ особеннымъ снисхожденіемъ въ письмахъ и на словахъ,—то весьма удивительно, какимъ образомъ многое изъ того, что мы установили, оказывается или инымъ, или измѣненнымъ; и не знаемъ, чьимъ стараніемъ, или небреженіемъ оно измѣнено. Впрочемъ, ты пишешь, имѣя въ виду себя, что только неправильно поступающіе должны просить снисхожденія,—что и мы допускаемъ, хотя съ большимъ снисхожденіемъ, относительно тѣхъ, кто говоритъ, что не признаетъ Бога. Однако мы не хотимъ преувеличивать прочитаннаго, чтобы не быть вынужденными осудить то, что слѣдуетъ; поэтому умолчимъ о такомъ извиненіи, чтобы не постигъ приводящихъ его приговоръ, въ которомъ говорится: «вы кажетесь поступающими справедливо передъ людьми, но Богъ знаетъ сердца ваши, ибо что для людей представляется высокимъ, то—мерзость предъ Богомъ. Итакъ, пусть достохвальное твое благоразуміе, которому, говорятъ, не чуждо и смиреніе, не оскорбляется, что оно вынуждается просить снисхожденія отъ Церкви Божіей, а, напротивъ, пусть смирится, чтобы возвыситься, и пусть научится сохранять братскую расположенность къ просящему у него снисхожденія. А мы, если ты постараешься соблюдать должное почтеніе и вѣрность святой Римской церкви и къ нашему недостоинству, обнимемъ тебя, какъ брата, и будемъ считать любезнѣйшимъ родственникомъ. Поэтому и то, что по поводу твоего возстановленія соборнымъ опредѣленіемъ Константинопольскимъ любезнѣйшимъ постановлено, принимаемъ». Итакъ, письма Іоанна были измѣнены, но измѣнены въ томъ, что касалось или титуловъ, или привѣтствій, или болѣе вѣжливыхъ способовъ выраженія, т. е., того, что Фотій считалъ себя въ правѣ измѣнить, какъ не соотвѣтствующее его патріаршему достоинству. Въ самомъ дѣлѣ, и на VII вселенскомъ соборѣ, когда Адріанъ, папа Римскій, въ посланіи къ императору подъ конецъ слишкомъ пространно укорялъ Тарасія, патріарха Константинопольскаго, за то, что тотъ, будучи міряниномъ, возведенъ былъ на патріаршій престолъ, то во избѣжаніе огласки, могшей дать еретикамъ обильный матеріалъ для возраженій, эта бранная часть посланія (т. VII Соборовъ, II дѣяніе VII вселен-

ского собора, столб. 115 и слѣд.) не была читана. Затѣмъ, такого рода измѣненія въ письмахъ Іоанна были сдѣланы не безъ согласія легатовъ его. Да и какимъ образомъ это могло быть сдѣлано безъ согласія легатовъ, тамъ же присутствовавшихъ? Такъ вотъ что можно сказать о поврежденіяхъ въ письмахъ Іоанна.

Затѣмъ, Бароній говоритъ, что посланіе Іоанна VIII, написанное къ Фотію, выдумано самимъ Фотіемъ; но потомъ, приведя цѣликомъ это посланіе, рѣшаетъ, что оно скорѣе составлено другимъ лицомъ, чѣмъ Фотіемъ. Но если это посланіе составлено другимъ, то зачѣмъ онъ раньше говорилъ, что оно измышлено Фотіемъ? Для чего, спрашивается, безъ вины онъ позорилъ Фотія? Составилъ цѣлый списокъ клеветъ на Фотія въ томъ, что онъ выдумалъ посланіе, и затѣмъ сознается, что оно измышлено другимъ. Почему же невинный Фотій подвергся нападкамъ? И гдѣ тутъ серьезность ученаго мужа? Надругаться надъ невиннымъ, обвинять его въ преступленіи—и затѣмъ самому признаваться, что обвиняемый въ немъ не виновенъ. И, наконецъ, на какомъ основаніи онъ заявляетъ, что посланіе это измышлено другимъ лицомъ? Фотій, говоритъ онъ, не зналъ этого письма въ то время, когда писалъ свое посланіе къ митрополиту Аквилейскому. Но могло быть много причинъ, по которымъ Фотій упомянулъ въ посланіи къ митрополиту Аквилейскому о легатахъ Іоанна,— о письмѣ Іоанна, написанномъ къ нему, ничего не сказалъ. Что, если митрополитъ Аквилейскій уже раньше упоминалъ въ письмѣ своемъ къ Фотію объ Іоаннѣ, говорилъ, что тотъ противился прибавкѣ къ символу, но былъ не въ силахъ побѣдить упорствующихъ: ибо всѣ пошли по ложному пути и осталось не много свободныхъ отъ этого безумія? Зачѣмъ тогда Фотію въ своемъ отвѣтномъ письмѣ митрополиту Аквилейскому снова указывать на Іоанна, какъ на противника прибавки? А что, если Фотій получилъ посланіе Іоанна тогда, когда письмо къ Аквилейскому было уже отправлено? Въ такомъ случаѣ какъ, спрашивается, могъ онъ говорить митрополиту о посланіи Іоанна? А что, если о легатахъ Іоанна упомянулъ, а о письмѣ папы, посланномъ къ нему, ничего не сказалъ потому, что фактъ посылки легатовъ

былъ всѣмъ извѣстенъ, а посланіе Іоанна было написано ему только частнымъ образомъ? Итакъ, вотъ сколько, помимо другихъ, могло быть причинъ, почему Фотій не упомянулъ о посланіи къ нему Іоанна, и отсюда ясно, что совершенно неосновательно заключаетъ Бароній: разъ Фотій въ посланіи къ митрополиту Аквилейскому не упомянулъ о посланіи Іоанна къ нему, значитъ— оно составлено другимъ. Что же касается лживости, въ которой упрекаетъ Бароній Фотія на основаніи письма его къ Аквилейскому митрополиту, то приведенное нами въ другихъ главахъ достаточно ясно показываетъ, что не Фотій, а Бароній принимаетъ сомнительные и подложные документы за вѣрные и дѣйствительные, впадая часто въ глубокое заблужденіе.

Что касается, наконецъ, словъ Іоанна Діакона, то Бароній прежде долженъ бы былъ доказать, дѣйствительно ли они принадлежатъ самому Іоанну Діакону. Въ главѣ о поврежденіяхъ, произведенныхъ латинянами въ писаніяхъ латинскихъ Отцовъ, мы подробно доказали, какъ во многихъ мѣстахъ древнихъ латинскихъ писателей позднѣйшіе латиняне внесли исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Но допустимъ даже, что приведенныя выше слова сказаны Іоанномъ Діакономъ: изъ нихъ вовсе не слѣдуетъ, что въ его время Римская церковь несомнѣнно держалась ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Онъ могъ злоупотреблять мягкостью Іоанна VIII, о которомъ извѣстно было, что онъ не силою удерживалъ другихъ отъ этого догмата и прибавки его къ символу, а кротостью (ἐπιείκια). Но почему и намъ не прибѣгнуть къ пріему Баронія и не повернуть въ свою пользу его аргументъ? Какъ мы видѣли, къ упомянутому Іоанну Діакону написалъ Анастасій посланіе, въ которомъ говоритъ, что греки благочестиво (правильно) отрицаютъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына потому, что они слово исхожденіе понимаютъ въ смыслѣ производительнаго начала; латиняне же, хотя тоже употребляютъ это слово, но не въ этомъ значеніи, а въ смыслѣ временнаго посольства, и въ этомъ смыслѣ утверждаютъ, что Духъ Святый исходитъ также и отъ Сына. Слѣдовательно, можно сюда съ такимъ же правомъ прибавить то, что прибавлялъ Бароній къ приведенному свидѣтельству Іоанна Діакона: «ясно обозначая, что

Римская церковь ничего несогласнаго съ нимъ не мыслитъ, и что Іоаннъ Діаконъ, къ которому онъ пишетъ, отъ этого мнѣнія не отступаетъ». Итакъ, никоимъ образомъ эти слова не принадлежатъ самому Іоанну Діакону [1]), и отсюда нельзя выводить заключенія, что Іоаннъ VIII несомнѣнно былъ согласенъ съ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына.

Но Бароній прибавляетъ, что есть много другихъ доказательствъ того, что Римская церковь во время Іоанна VIII несомнѣнно вѣровала въ исхожденіе Духа Святаго и отъ Сына. «Служитъ доказательствомъ, въ числѣ прочихъ», выражается онъ. Но морочитъ насъ (fucum vendit) Баронiй: ибо въ памятникахъ латинскихъ никакого нигдѣ не открылъ я доказательства этого: мало того, изъ нихъ скорѣе можно доказать противное. Что Іоаннъ VIII всячески осудилъ прибавку, явствуетъ, конечно, изъ актовъ вселенскаго собора, утвердившаго Фотія на патріаршествѣ (о чемъ выше); видно также изъ посланій его къ графу Сфентопулькру [1]) и къ Меѳодію, архіепископу Моравскому, въ которыхъ онъ одинаково отвергаетъ и нападаетъ какъ на догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, такъ и на прибавку его къ символу.

Такъ, Іоаннъ VIII въ CCXLVII посланіи къ графу Сфентопулькру (т. IX Соборовъ, столб. 176) о Меѳодіи, архіепископѣ Моравскомъ (Меѳодій былъ родомъ грекъ; вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кирилломъ былъ посланъ въ Моравію императоромъ Михаиломъ, котораго славянскіе князья просили объ этомъ. Здѣсь онъ проповѣдывалъ славянскимъ племенамъ христіанскую вѣру. О немъ говоритъ Миховій въ I кн. Польской хроники, гл. XIII) пишетъ слѣдующее: «итакъ мы въ присутствіи братьевъ нашихъ епископовъ спросили этого Меѳодія, нашего достопочтеннаго архіепископа, такъ ли онъ исповѣдуетъ символъ православной вѣры и при совершеніи торжественныхъ богослуженій, такъ ли поетъ

[1]) Замѣчаніе это принадлежитъ Баронію, а не есть подлинное выраженіе Іоанна Діакона. *Прим. пер.*

[1]) Такую форму приняло въ устахъ Римлянъ славянское имя Святополкъ. Упоминаемый здѣсь графъ (comes) Свентопулькръ есть знаменитый основатель Велико-Моравской державы Святополкъ, котораго Іоаннъ въ приводимомъ ниже посланіи называетъ княземъ (princeps).

его, какъ содержитъ Римская церковь и какъ онъ, несомнѣнно, провозглашенъ и переданъ на шести святыхъ вселенскихъ соборахъ св. Отцами, сообразно съ евангельскимъ ученіемъ Господа нашего Христа. Онъ же заявилъ, что содержитъ и постъ по евангельскому и апостольскому ученію, какъ учитъ святая Римская церковь и какъ передано Отцами. И мы, найдя его во всѣхъ церковныхъ ученіяхъ и обрядахъ православнымъ и достойнымъ одобренія, снова отпустили къ вамъ для управленія ввѣренною ему Божіею церковью».

Никогда на западѣ не было рѣчи ни о какой другой прибавкѣ и до того времени среди латинянъ не было никакого другого спора, какъ о внесеніи въ св. символъ ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Что Іоаннъ говоритъ объ этой прибавкѣ, это затѣмъ видно изъ словъ: «какъ онъ на вселенскихъ соборахъ св. Отцами сообразно съ евангельскимъ ученіемъ Господа Христа провозглашенъ». Въ данномъ случаѣ несомнѣнно имѣются въ виду извѣстныя слова Христа: «Который отъ Отца исходитъ», подобно тому какъ въ вышеприведенномъ посланіи къ Фотію, имѣя въ виду эту же прибавку къ символу, Іоаннъ говоритъ: «тѣхъ, которые вначалѣ по своему безумію осмѣлились говорить это, осуждаемъ, какъ нарушителей божественнаго слова, какъ разрушителей ученія Господа Христа, св. папъ и прочихъ св. Отцовъ, которые, собравшись соборне, передали намъ св. символъ». Такимъ образомъ, изъ всего этого слѣдуетъ, что Іоаннъ VIII постановилъ, чтобы святой символъ былъ сохраняемъ во всемъ въ неповрежденномъ видѣ, какъ онъ составленъ св. отцами Константинопольскаго собора и затѣмъ утвержденъ остальными вселенскими соборами, и чтобы ни въ какомъ случаѣ ничто въ него не вносилось. Затѣмъ, отсюда же видно, что Іоаннъ VIII не одобрялъ прибавки къ символу ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, какъ такой, которую не содержала Римская церковь и которая противорѣчила св. вселенскимъ соборамъ, исповѣдывавшимъ сообразно съ евангельскимъ ученіемъ Христа, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца.

Таково же было мнѣніе и Меѳодія, какъ это видно изъ отвѣта его Іоанну VIII; таково же было и ученіе Римской церкви, какъ

безпристрастно свидѣтельствуетъ Іоаннъ VIII; наконецъ,—то-же подтвердили и тѣ епископы, въ присутствіи которыхъ Іоаннъ VIII спрашивалъ Меѳодія о символѣ. Изъ этого, конечно, ясно, что еще и въ то время были латинскіе епископы, которые противились прибавкѣ къ символу. Отсюда далѣе вытекаетъ, что Іоаннъ VIII не одобрялъ также и самый догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына; ибо онъ выражался: «такъ ли онъ (Меѳодій) исповѣдуетъ символъ православной вѣры, какъ онъ, несомнѣнно, переданъ св. Отцами сообразно съ евангельскимъ ученіемъ Христа Бога нашего». Если же въ св. символѣ не должно быть допускаемо исхожденіе Св. Духа отъ Сына потому, что Христосъ говоритъ: «Который отъ Отца исходитъ»,—то ясно, конечно, что согласно этимъ словамъ Христа невѣрно и самое ученіе, будто Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. И потому именно въ виду указанныхъ словъ Христа не должно было быть допускаемо въ св. символѣ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, что это противорѣчило словамъ Христа. Итакъ, ясно отсюда вытекаетъ, что Іоаннъ VIII не одобрялъ не только прибавку разсматриваемаго догмата къ символу, но и самый догматъ.

Поводомъ же къ допрашиванію по этому поводу Меѳодія послужило то, что разнесся слухъ, будто Меѳодій при богослуженіи поетъ символъ съ прибавкой. По этому именно поводу онъ и былъ вызванъ въ Римъ Іоанномъ VIII, какъ обѣщавшій раньше употреблять символъ безъ прибавки. Такъ Іоаннъ въ посланіи къ Меѳодію, которое помѣщено среди его посланій подъ номеромъ CXCV (т. IX Соборовъ, столб. 127), пишетъ: «ты долженъ соблюдать и наставлять проповѣдью народъ Божій, порученный тебѣ, какъ духовному пастырю; между тѣмъ мы услыхали, что ты учишь не тому, что́ св. Римская церковь воспріяла отъ самаго главы Апостоловъ и что́ ежедневно проповѣдуетъ,—и такимъ образомъ вводишь въ заблужденіе народъ. Вслѣдствіе этого мы настоящею грамотою нашего апостольства предписываемъ тебѣ, не взирая ни на какія обстоятельства, прибыть къ намъ лично, что-бы мы изъ твоихъ устъ услышали и узнали, такъ ли ты содержишь и учишь, какъ словесно и письменно обѣщалъ вѣровать предъ св. Римской церковью, или нѣтъ: чтобы доподлинно знать твое ученіе».

Затѣмъ, когда впослѣдствіи тотъ же Меѳодій продолжалъ употреблять въ богослуженіи св. символъ въ неповрежденномъ видѣ и изъ-за этого подвергался жестокимъ укорамъ со стороны одного епископа, ложно утверждавшаго, будто Іоаннъ повелѣлъ пѣть символъ съ прибавкой, то Меѳодій снова обращается къ Іоанну съ письмомъ и спрашиваетъ, что это за чудо, что папа ему относительно символа предписалъ одно, а другому—другое? Іоаннъ на это отвѣчаетъ, что онъ не предписывалъ другому иного, и убѣждаетъ Меѳодія и на дальнѣйшее время продолжать употреблять св. символъ въ неповрежденномъ видѣ, какъ онъ это обѣщалъ въ Римѣ, и терпѣливо переносить всякія непріятности. Такъ Іоаннъ VIII въ посланіи CCLXVIII къ Меѳодію (т. IX Соборовъ, столб. 194) пишетъ: «одобряя твою неутомимую пастырскую заботливость, проявляемую въ пріобрѣтеніи душъ вѣрующихъ для Господа нашего Бога, и смотря на тебя, какъ на ревностнаго насадителя православной вѣры, чрезвычайно радуемся о Господѣ и не перестаемъ воздавать Ему безмѣрныя хвалы и благодаренія: да воспламеняетъ онъ тебя болѣе и болѣе въ исполненіи Его велѣній и да милостиво освобождаетъ тебя для блага святой Его церкви отъ всякихъ бѣдствій. Съ какимъ сочувствіемъ мы соболѣзновали тебѣ, узнавъ изъ твоихъ писемъ о различныхъ случаяхъ съ тобою и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ,—можешь заключать изъ того, какъ мы во время личнаго твоего представленія намъ убѣждали тебя слѣдовать ученію св. Римской церкви, сообразно съ вѣрнымъ преданіемъ св. Отцовъ, прибавивъ, что ты долженъ учить и проповѣдывать какъ символъ, такъ и правую вѣру. То же самое мы указали и въ нашемъ апостольскомъ письмѣ къ славному князю Сфентопулькру (Святополку), которое, какъ ты утверждаешь, было ему доставлено, и никакого другого письма мы къ нему не посылали и ничего иного дѣлать—ни явно, ни тайно упоминаемому тобой епископу мы не поручали и поступать тебѣ иначе не предписывали; тѣмъ менѣе слѣдуетъ вѣрить, что мы потребовали присяги (sacramentum) у этого епископа, съ которымъ мы и не заговаривали объ этомъ дѣлѣ. Поэтому да прекратится это подозрѣніе, и съ помощью Божіею внушай всѣмъ вѣрующимъ почитаніе православной вѣры, какъ говоритъ евангельское и апо-

стольское ученіе, дабы отъ подвига твоихъ трудовъ принести Господу Іисусу Христу обильный плодъ и дабы ты, взысканный Его милостью, могъ получить желанную награду. Затѣмъ и изъ-за другихъ искушеній, которымъ ты различнымъ образомъ подвергаешься, не печалься и лучше даже прямо считай это, по Апостолу, за всякую радость. Ибо если Богъ за тебя, то никто не можетъ быть противъ тебя. Когда же ты съ Божіей помощью возвратишься къ намъ, все, что неправильно противъ тебя совершено,—все, что измыслилъ на тебя вопреки своему званію указанный епископъ,—все это мы, разобравши донесеніе твое и его, съ Божіей помощью приведемъ къ законному концу и не замедлимъ укротить его дерзость рѣшеніемъ нашего суда». И изъ этого равно явствуетъ, что Іоаннъ VIII не одобрялъ всякую прибавку къ символу, а также и такую, въ которой въ исхожденіи Св. Духа къ Сыну присоединяется Отецъ. Итакъ свидѣтельствомъ одного только Іоанна VIII, который, какъ раньше доказано, отвергъ и осудилъ какъ прибавку къ символу, такъ и самый догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына,—уничтожается вся сила латинскаго ученія. Самъ папа Римскій, тотъ котораго латиняне считаютъ непогрѣшимымъ, учитъ этому, преподаетъ это, внѣдряетъ! Кто же послѣ этого станетъ сомнѣваться, что восточные защищаютъ истину, когда отвергаютъ и ратуютъ какъ противъ этого догмата, такъ и противъ прибавки его къ символу?—

Наконецъ, въ числѣ латинянъ, которые около того времени боролись противъ этой прибавки и догмата, былъ и митрополитъ Аквилейскій. Онъ послалъ въ Константинополь своего апокрисіарія съ письмомъ къ Фотію, въ которомъ, сильно жалуясь на извѣстный догматъ и прибавку его къ символу, проситъ Фотія вмѣшаться въ это дѣло и противопоставить свой авторитетъ усиливающемуся злу. Это посланіе митрополита не сохранилось, по крайней мѣрѣ у латинянъ оно не появлялось въ печати, а между тѣмъ желательно было бы его имѣть. Тогда мы услышали бы, какія возраженія выставляетъ самъ латинянинъ противъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, какъ осуждаетъ прибавку его къ символу. Существуетъ только отвѣтъ Фотія. Въ этомъ отвѣтномъ посланіи къ митрополиту Аквилейскому, находящемся въ новѣй-

шемъ прибавленіи къ библіотекѣ греческихъ Отцовъ, Фотій пишетъ (стр. 527): «дошедшее до насъ письмо твоего блаженства прежде всего показало намъ твой умъ, проникнутый религіознымъ благочестіемъ, также силу духа великой и высокой любви, превосходящей состояніе обыкновенныхъ людей. Затѣмъ и человѣкъ, которому это письмо ввѣренно было для передачи, своимъ благоразуміемъ, твердостью ума и остротою мысли, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается твоя почтенная передъ Богомъ святость, давалъ возможность яснѣе и совершеннѣе тебя видѣть, радоваться и услаждаться величіемъ твоихъ добродѣтелей. Мы видѣли человѣка, заслуживающаго уваженія болѣе за свою мудрость, чѣмъ за сѣдину; человѣка, украшеннаго не менѣе разнообразіемъ добродѣтелей, чѣмъ благоразуміемъ,—который одинаково силенъ и твердостью, и остротою мысли, однимъ словомъ—одаренъ такою благодатью, каковой подобало сіять тому, кто получилъ отъ Бога право быть служителемъ страшныхъ нашихъ таинствъ и оказался достойнымъ и твоего ученія, и возложенія рукъ. Такимъ показался намъ по нашему изслѣдованію вѣстникъ твоей святости. Отсюда уже можно было понять и съ несомнѣнностью заключать, что его начальникъ и повелитель, возложивший на него посольство къ намъ, исполненъ божественной благодати и блескомъ всей своей жизни, горячей ревностью и любовью къ догматамъ не можетъ не быть образцомъ спасенія для взирающихъ на него. Только напоенный твоимъ благочестіемъ, ученіемъ и наставленіями, только тотъ, кто получилъ отъ тебя благодать епископскаго сана, кто черпалъ изъ неисчерпаемаго источника твоихъ добродѣтелей, могъ достигнуть столь великаго совершенства, какъ это и подобаетъ высшимъ священнослужителямъ Божьимъ.—Ибо не всегда даже въ малой яркости и блескѣ сохраняютъ сходство тѣ формы, которыя бываютъ вторыми, съ тѣми формами, которыя имъ предшествовали. За все это хвала Господу Богу, Который изливаетъ свои дары на всѣхъ и является зиждителемъ всего и какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ странахъ воздвигаетъ свѣточей и вождей и ставитъ ихъ на высотѣ епископскихъ престоловъ, чтобы они непрестанно сіяли и просвѣщали души и мысли народа». Такъ какъ митрополитъ

Аквилейскій извѣщалъ Фотія относительно исхожденія Св. Духа отъ Сына, какъ мы потомъ увидимъ, а здѣсь Фотій восхваляетъ его вѣроученіе и усердіе къ этому вѣроученію: «который, говоритъ онъ, далеко извѣстенъ горячею ревностью и любовью къ догматамъ»: то ясно, конечно, что въ утвержденіи исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца митрополитъ Аквилейскій былъ согласенъ съ Фотіемъ. Затѣмъ далѣе, такъ какъ Фотій осыпаетъ такими похвалами легата митрополита Аквилейскаго и хвалитъ его ученіе и наставленія: «только, говоритъ онъ, напоенный твоими, исполненными благочестія, наставленіями и ученіемъ», то несомнѣнно, что точно такъ же не былъ противенъ Фотію въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца и этотъ легатъ. Иначе онъ не заслужилъ бы у Фотія столькихъ похвалъ, и тотъ не одобрилъ бы его ученія. Затѣмъ Фотій продолжаетъ въ томъ же посланіи опровергать исхожденіе Св. Духа отъ Сына, о чемъ именно и писалъ Фотію митрополитъ Аквилейскій: «но въ то время какъ я такъ размышлялъ о твоей святой добродѣтели, радовался и восхищался его (т. е. легата) прекрасными качествами, вдругъ доходитъ до моихъ ушей извѣстіе (о, еслибы оно никогда не доходило! оно причинило мнѣ жестокую боль духа, а не тѣла: но получивши великую надежду отъ тебя, я счелъ нужнымъ открыть тебѣ мою печаль), о которомъ не знаю, какъ мнѣ говорить безъ горечи и печали. Ибо выходитъ, какъ будто божественныя слова ничего не значатъ, или даютъ возможность ни во что ставить опредѣленія и установленія Отцовъ и соборовъ, пренебрегать такимъ образомъ ихъ трудами, или прямо не обращать на нихъ вниманія, или—ужъ не знаю, какъ и выразить это. И о если бы дѣло обстояло иначе!... но дошло, говорю, до моихъ ушей, что нѣкоторые изъ западныхъ вводятъ новый догматъ, именно—что божественный и святѣйшій Духъ исходитъ не только отъ Бога Отца, но и отъ Сына, и такимъ выраженіемъ вводятъ въ большую погибель тѣхъ, которые этому вѣрятъ и повинуются». Когда Фотій говоритъ: «въ то время какъ, т. е., при видѣ легата, я восхищался его прекрасными качествами, въ мои уши падаетъ», или, какъ потомъ онъ выражается, «до моихъ ушей доходитъ», очевидно, изъ самого письма

митрополита Аквилейскаго, что среди латинянъ есть такіе, которые учатъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына (ибо Фотій узналъ это иначе—еще во время папы Николая, значитъ не впервые, только раньше по слухамъ). Отсюда ясно слѣдуетъ, что митрополитъ Аквилейскій сообщилъ Фотію и объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Высказавъ въ томъ же посланіи много доводовъ противъ новаго догмата, Фотій приглашаетъ затѣмъ митрополита Аквилейскаго продолжать борьбу съ этимъ догматомъ, удерживать отъ заблужденія другихъ и не останавливаться въ своей испытанной на дѣлѣ ревности, пока не обратитъ заблуждающихся. Вотъ его слова: «и какъ можно относиться къ этому безъ слезъ и вздоховъ? Нужно приложить большое стараніе, чтобы не дать распространиться этому злу и не допустить до погибели еще большаго числа тѣхъ, которые считаются въ стадѣ Божіемъ. По этой причинѣ и я смиренный приглашаю твою высокую добродѣтель, какъ нѣкій крѣпкій столпъ церкви и какъ стража дома израилева,—обнаружить предъ всѣми ярко пылающую ревность о Богѣ, которую ты хранишь въ твоемъ сердцѣ и отъ которой, какъ отъ зажженнаго свѣтильника, прольется тогда спасительный свѣтъ верховнаго священства на всѣхъ заблуждающихся и, отвлекши ихъ отъ заблужденія, приведетъ къ благочестію, объявшему всю вселенную». Такъ какъ говоря: «приглашаю тебя обнаружить предъ всѣми ярко пылающую ревность о Богѣ, которую ты хранишь въ сердцѣ», Фотій хочетъ сказать: приглашаю тебя противиться исхожденію Св. Духа отъ Сына, то, конечно, ясно, что еще раньше митрополитъ Аквилейскій ревновалъ противъ этого догмата, а слѣдовательно и онъ былъ до этого времени противникомъ его. Наконецъ, въ заключеніи посланія Фотій желаетъ Аквилейскому митрополиту успѣха въ борьбѣ съ прочими латинянами, чтобы онъ какъ доселѣ въ сердцѣ, такъ затѣмъ и самымъ дѣломъ твердо противостоялъ недостойнымъ попыткамъ прочихъ латинянъ и не только обратилъ на путь истины уклоняющихся въ противную сторону, но и получилъ за столь великій трудъ достойную награду въ вѣчности. Такъ на стр. 537 онъ говоритъ: «о, еслибы никто не явился подражателемъ этого злого дѣла и не подпалъ подъ проклятіе! И да будетъ милостивъ

Христосъ Богъ нашъ къ тѣмъ, кого охватило это беззаконіе убійцъ и кто возсталъ противъ Его закона и заповѣди, и по своему милосердію и благости да обратитъ ихъ отъ заблужденія и примиритъ съ Собою столь дерзко противъ Него возставшихъ; да направитъ Онъ ихъ на путь исправленія; да причислитъ ихъ къ жребію покрывшихъ отцовскую наготу и да не попуститъ затѣмъ никого сдѣлаться пищею и добычею лютаго звѣра,—виновника и начинателя зла; между тѣмъ какъ достопочтенная глава твоя поддерживаетъ борьбу за ихъ спасеніе, воздвигаетъ трофеи противъ общаго врага рода человѣческаго, приноситъ Богу плодъ спасенія впадшихъ въ заблужденіе и приводитъ къ нему тѣхъ, къ которымъ и у насъ да сохранится неугасимое и непоколебимое пламя божественной любви въ Томъ же Христѣ и Господѣ нашемъ».

Поэтому-то Баронiй чрезвычайно нападаетъ на митрополита Аквилейскаго. Такъ подъ 883 годомъ онъ пишетъ: «онъ же, не только отвратившись отъ Римской церкви, но ставши противникомъ всѣхъ западныхъ, т. е., латинскихъ церквей, и соединившись съ схизматиками—греками, въ высшей степени дерзко нападалъ на установленное многими вѣками ученіе объ исхожденіи Св. Духа. Такъ какъ между латинянами онъ одинъ только отважился на это, то чрезъ посольство и письмомъ просилъ у Фотія помощи, именно, чтобы тотъ издалъ посланіе противъ латинянъ. Получивши письмо, Фотій доставилъ ему просимое, не скупясь». И далѣе: «наконецъ, что касается патріарха Аквилейскаго, который (какъ ты слышалъ) при посредствѣ посольства совѣтовался объ этомъ съ Фотіемъ и, схизматикъ, сошелся съ схизматикомъ: то не могу не удивляться легкомыслію и невѣжеству этого человѣка. Ибо если бы онъ былъ (какъ прилично іерарху) постояненъ духомъ и образованъ, то, конечно, слѣдовалъ бы по стопамъ своихъ предшественниковъ, особенно тѣхъ, которые прославились мудростью и святостью,—какимъ былъ св. Павлинъ, патріархъ Аквилейскій, подробно разсудившій на соборѣ Фріульскомъ (Forojuliensi), созванномъ во время Карла Великаго, освященномъ догматѣ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына».

Все это совсѣмъ неосновательно. И не отвращался митрополитъ Аквилейскій отъ Римской церкви: ибо тогда его начальникомъ былъ Іоаннъ VIII, который также ратовалъ противъ догмата исхожденія Св. Духа отъ Сына; и не былъ митрополитъ Аквилейскій противникомъ всѣхъ латинянъ: ибо между ними отъ появленія и изобрѣтенія этого догмата всегда до того даже времени были такіе, которые противились новшествамъ прочихъ, какъ то и другое уже было доказано. Затѣмъ безъ всякаго основанія Бароній называетъ грековъ схизматиками и далѣе къ нимъ прибавляетъ Фотія: ибо, что Фотій и прочіе восточные жили въ тѣснѣйшемъ единеніи и общеніи съ Іоанномъ VIII, это подробно доказано въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, гдѣ шла рѣчь о Фотіи. Наконецъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Сына отнюдь не было установлено въ латинской церкви въ теченіи многихъ вѣковъ до этого времени, доказано въ главахъ о свидѣтельствахъ латинскихъ Отцовъ и о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ твореніяхъ латинскихъ Отцовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что апокрисіаріи, посланные Ахенскимъ соборомъ въ Римъ, прямо признаются, что задолго до ихъ времени догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына былъ неизвѣстенъ въ латинской церкви. Слѣдовательно, не одинъ только Аквилейскій митрополитъ, какъ доказано, нашелся тогда между латинянами отважившимся на борьбу противъ новаго догмата; а что онъ послалъ упомянутое письмо, то причиною этого была уже широко наводнившая латинскую церковь прибавка къ символу. Поэтому онъ и просилъ Фотія, чтобы тотъ противопоставилъ свой авторитетъ и воспротивился натиску зла. Какимъ же образомъ Бароній укоряетъ Аквилейскаго митрополита въ легкомысліи и невѣжествѣ? Что касается Павлина (больше изъ предшественниковъ назвать онъ не могъ), то слова его повреждены, какъ мы доказали въ главѣ о поврежденіяхъ, произведшихъ въ писаніяхъ латинскихъ Отцовъ. Безъ сомнѣнія, по этой же причинѣ далѣе изъ памятниковъ латинскихъ и не видно, кто изъ латинянъ противился ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына и прибавкѣ его къ символу. Однако, разъ съ Іоанномъ VIII другіе епископы, а съ митрополитомъ Аквилейскимъ его клирики—думали согласно, какъ

мы выше видѣли: то, конечно, ясно, что съ того времени на многіе еще годы среди латинянъ были такіе, которые возставали противъ того и другого. Съ неменьшимъ основаніемъ слѣдуетъ полагать, что, занесенные изъ Галліи и Германіи въ другія латинскія государства, какъ то: въ Испанію, Англію, догматъ этотъ и прибавка его къ символу подали тамъ поводъ къ смутамъ, волненіямъ и расколамъ (хотя объ этомъ изъ прочихъ памятниковъ ничего неизвѣстно), пока, наконецъ, всѣ латиняне приняли то и другое, и сама Римская церковь также стала пѣть символъ съ прибавкой при богослуженіи, что случилось подъ конецъ XI вѣка.

Итакъ, теперь мы видѣли, какъ, когда догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына и прибавка его въ св. символѣ впервые появились и были измышлены нѣкоторыми нововводителями, остальные латиняне противились этимъ новшествамъ и въ теченіи цѣлаго вѣка боролись съ ихъ изобрѣтателями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

въ которой изъ богословскихъ началъ доказывается, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца.

Доказательство I.

Учители каѳолической Церкви единогласно учатъ, что въ Тройцѣ у каждаго изъ лицъ все общее, за исключеніемъ однихъ только образовъ бытія. *Св. Іустинъ Философъ и мученикъ* (въ вопросѣ CXXXIX къ православнымъ, стр. 188 Парижскаго греко-латинскаго изднія 1615 г.) пишетъ: «что говорится о трехъ Божескихъ лицахъ однимъ и тѣмъ же неизмѣняемымъ образомъ, усматривай въ этомъ единство существа; изъ того же, что говорится не однимъ и тѣмъ же образомъ, усматривай образъ бытія лицъ». Какъ видимъ, Іустинъ ясно говоритъ: во всемъ, что ни говорится о трехъ лицахъ неодинаково, должно видѣть образы бытія. Итакъ, исключая только образы бытія, все остальное у трехъ Божескихъ лицъ одно и то-же.

Василій Великій въ посланіи къ брату Григорію (посл. XXIII, т. II греко-латинскаго изд. его твореній 1618 г., стр. 812) пишетъ: «въ Св. Тройцѣ разумъ усматриваетъ одно—общее, а другое—особенное: общее относится къ сущности, а ипостась (лицо) есть особенный признакъ каждаго». То, что есть въ Богѣ, онъ раздѣляетъ на общее и особенное, и общее относится къ существу, особенное къ ипостаси; слѣдовательно, что не есть общее, или что не относится къ существу, то относится къ ипостаси или касается свойствъ ипостаси.

Епифаній (о тайнахъ чиселъ, число II, стр. 304, т. II твореній, Парижское греко-латинское изд. 1622 г.) пишетъ: «Троица простая, чуждая малѣйшей сложности, ни съ чѣмъ несравнимая, неизъяснимая, неописуемая, неопредѣлимая: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ,—единосущная во всемъ: въ единомыслiи, силѣ, дѣйствiи, божествѣ, величiи; ипостасью только и именами раздѣляемая, въ силѣ и дѣйствiи соединенная». Во всемъ, говоритъ Епифаній, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть одно и то же, исключая только ипостасей или свойствъ ипостасей.

Григорій, епископъ Нисскій, въ концѣ сочиненія о вѣрѣ къ Симплицію (т. II твореній греко-латинскаго Парижскаго изд. 1615 г., стр. 473) говоритъ: «всякое досточтимое имя одинаково говорится о Духѣ Святомъ, какъ и объ Отцѣ и Сынѣ, исключая того, чѣмъ ипостаси достаточно и несмѣшанно взаимно различаются. Поэтому, говорю, ни Отецъ, ни Сынъ не называются Духомъ Святымъ; прочее же, что называется Отцомъ и Сыномъ, то же усвояется Писанiемъ и Св. Духу». Такъ пространно Григорій говоритъ, что все, что говорится объ Отцѣ и Сынѣ, говорится и о Св. Духѣ, или—что—въ Троицѣ все—общее, исключая только ипостаси, а слѣдовательно и свойства ипостасей.

Кесарій, родной братъ Григорія Назiанзина, въ діалогѣ I (т. I библiотеки греческихъ Отцовъ, изд. въ Парижѣ 1624 г., стр. 549) говоритъ: «въ Троицѣ во всемъ единство, равенство и тождество, исключая нерожденность, рожденiе и исхожденiе». Итакъ, все въ Троицѣ общее тремъ лицамъ, исключая только свойства лицъ.

Іеронимъ въ истолкованiи символа къ Дамасу (т. II твореній, Парижское изд. 1602 г., столб. 158): «въ Троицѣ нѣтъ рѣшительно никакой степени, ничего, что можно было бы назвать —ниже, или выше: но все Божество въ своемъ совершенствѣ—равно,—такъ что, за исключенiемъ словъ, которыя означаютъ свойство лицъ, все, что говорится объ одномъ лицѣ, можетъ быть достойнѣйше понимаемо и въ отношенiи трехъ». Этими словами Іеронимъ, конечно, ясно учитъ, что у трехъ лицъ все общее, за исключенiемъ личныхъ свойствъ.

Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдѣ о вѣрѣ (т. VII твореній, изд. по-гречески въ Итонѣ въ Англiи, Генрихомъ Савиліемъ 1712 г.,

стр. 289) говоритъ: «Троица простая, несложная, неизреченная, неуписуемая, нераздѣльная по единомыслію, по могуществу, по дѣйствію, по Божеству, по величію; въ ипостасяхъ и именахъ раздѣляемая, въ дѣлахъ и дѣйствіяхъ единая» [1]). Если же такимъ образомъ въ отношеніи всего прочаго Троица нераздѣльна, —раздѣльна же только въ отношеніи лицъ: то отсюда, конечно, явствуетъ, что все прочее въ трехъ ипостасяхъ общее, *исключая только сами ипостаси или свойства ипостасей.*

Θеодоритъ въ діалогѣ I, который озаглавливается—неизмѣнный (ἄτρεπτος) (т. IV твореній, Парижское греко-латинское изд. 1624 г., стр. 6), разсуждая о томъ, что̀ можно сказать о Богѣ, пишетъ: «мы сказали, что иное въ Святой Троицѣ общее, а иное свойственно каждому лицу». То, что о Богѣ можно сказать, онъ раздѣляетъ на общее и свойственное ипостаси; иного различія между ними онъ не знаетъ. Итакъ, то, что не обще тремъ ипостасямъ, принадлежитъ одной ипостаси.

Авторъ книгъ о единой по божеству Троицѣ, которыя извѣстны подъ именемъ Аѳанасіевыхъ, по скорѣе должны быть приписаны латинскому отцу—*Виглію* (кн. II, т. II твореній Аѳанасія, греко-латинское изд. въ Парижѣ 1627 г., стр. 555) говоритъ: «ты видишь, что одинъ отъ другого, *или иной отъ иного* только въ лицѣ различается, а *не въ отношеніи полноты* сущности божества... Знай, что иной отъ иного, *или одинъ отъ другого* только по ипостаси различается, а не по единой полнотѣ сущности божества». И въ кн. II-й въ срединѣ (стр. 556): «разъясни мнѣ: дѣйствительно ли раздѣльна эта Троица, или нераздѣльна? Несомнѣнно, раздѣльна только въ именахъ лицъ, въ божествѣ же нераздѣльна». Эти слова разсматриваемаго автора приводитъ также въ IX вѣкѣ *Гинкмаръ,* архіепископъ Реймскій въ книгѣ о петроякомъ Божествѣ (т. I сочиненій его, стр. 482, Парижское изд. 1645 г.). Авторъ книги о единой Троицѣ въ божествѣ затѣмъ въ VII кн. (574 стр.) говоритъ: «прочь отъ насъ подобная хула; одно имя божества въ Троицѣ мы принимаемъ,

[1]) Бесѣда о вѣрѣ относится къ числу подложныхъ твореній Златоустаго; означенное мѣсто принадлежитъ Епифанію и приведено выше. *Прим. перев.*

единымъ словомъ выраженное; черезъ него мы получили отпущеніе грѣховъ по дѣйствію на насъ крещенія; имена же мы должны различать всецѣло только въ лицахъ». Слѣдовательно онъ не знаетъ иной общности и раздѣленія въ Тройцѣ, какъ только общность по сущности и раздѣленіе по ипостасямъ. Такимъ образомъ то, что не относится къ сущности, или что не есть обще тремъ ипостасямъ, будетъ относиться къ ипостаси или къ личному ипостасному свойству.—

Леонтій монахъ [1]) также ясно говоритъ въ сочиненіи о сектахъ (I дѣяніе, I т. библіотеки греческихъ Отцовъ, упомянутое изданіе, стр. 493): «одна есть ипостась Отца, другая—Сына, третья—Духа Святаго, и эти три ни въ чемъ между собою не разнствуютъ, кромѣ однихъ только свойствъ, и потому одинъ долженъ быть Отецъ, другой—Сынъ и третій—Духъ Святый. Ибо у этихъ трехъ одна сущность, одно могущество, одна воля; различаются же они только тѣмъ, что Сынъ рождается отъ Отца, и Духъ Святый исходитъ отъ Него».

Авторъ книги о Тройцѣ, которая приписывается св. Кириллу Александрійскому (гл. IX, т. VI его твореній, греко-латинское изд. въ Парижѣ 1638 г. въ концѣ) говоритъ: «въ однихъ только ипостасныхъ свойствахъ различаются одна отъ другой святыя три ипостаси, не по сущности, но по характеру собственной ипостаси нераздѣльно различаемыя. И въ X главѣ: «мы признаемъ единаго Бога, и только въ свойствахъ отцовства, сыновства и исхожденія понимаемъ различіе въ отношеніи причины и происхожденія отъ причины и совершенія ипостаси, т. е., образа бытія». Наконецъ тамъ же: «во всѣхъ отношеніяхъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть одно, кромѣ *нерожденности*, *рожденія* и исхожденія».

Всѣ приведенныя нами изъ кн. о Тройцѣ мѣста приводитъ и *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. своего «изложенія православной вѣры» (гл. X и XI, стр. 37 и 41 греко-латинскаго Базельскаго изд. 1577 г.), а послѣднія слова, кромѣ того, повторяетъ въ

[1]) Леонтій, родомъ изъ Византіи, былъ сначала учителемъ, а потомъ постригся въ монахи въ Палестинѣ, въ лаврѣ св. Савы; пользовался извѣстностью ок. 590 г. *Прим. перев.*

I кн. гл. II «изложенія православной вѣры» и въ исторіи Варлаама и Іосафата, въ гл. XIX.

Кромѣ того, въ книгѣ противъ Акефаловъ, помѣщенной въ IV томѣ «чтеній о древности» Генриха Канизія, и которая отличается отъ находящейся между твореніями Дамаскина, читаемъ (гл. XLVII, стр. 187): «иной природы не имѣло Слово, кромѣ Божества, одной и той же природы Слово съ Отцомъ и Духомъ; и все общее у Отца, Сына и Св. Духа, исключая только образа бытія».

Въ книгѣ *противъ Несторія* (номеръ XXI, т. IV Канизіевыхъ чтеній о древности, стр. 248) Дамаскинъ говоритъ: «одна есть природа Святой Троицы и одно дѣйствованіе,—и все въ ней—общее, кромѣ ипостаси».

Въ книгѣ III «изложенія православной вѣры», гл. V: «различіе же ипостаси мы признаемъ въ однихъ только трехъ свойствахъ: въ причинѣ—со стороны Отца, въ происхожденіи отъ причины—со стороны Сына и происхожденіи отъ причины со стороны исхожденія» [1]).

Въ посланіи о Трисвятомъ, въ серединѣ, Дамаскинъ пишетъ: «ни мѣстомъ, ни хотѣніемъ, ни дѣйствованіемъ, ни силою, ни могуществомъ, или чѣмъ-нибудь другимъ изъ того, что о Богѣ говорится,—не различаются кромѣ какъ только ипостасями и характеристическими свойствами каждой ипостаси». И тамъ же въ концѣ: «въ чемъ не различается ипостась отъ ипостаси,—это въ томъ, что относится къ сущности».

Но къ чему все это подробно приводить? *Григорій Нисскій* прямо свидѣтельствуетъ, что таково ученіе каѳолической: все общее у трехъ ипостасей, за исключеніемъ только способовъ ипостаснаго бытія. Такъ, въ словѣ I противъ Евномія (т. II стр. 64) онъ говоритъ: «церковное ученіе провозглашаетъ въ Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ одну силу, одну благость, одну сущность, одну славу и все прочее, за исключеніемъ различія по ипостаси».

---

[1]) Трудно передаваемое мѣсто: τῇ ἀναιτίῳ καὶ πατρικῇ, καὶ τῇ αἰτιατῇ καὶ υἱικῇ, καὶ τῇ αἰτιατῇ καὶ ἐκπορευτῇ;—in causa et paterna, causato et filiali causato, et processivo.

Поэтому даже самъ *Іоаннъ Провинціалъ*, [1]) который на Флорентинскомъ соборѣ велъ состязаніе съ Маркомъ, архіепископомъ Ефесскимъ, защищая исхожденіе Св. Духа отъ Сына въ XVIII засѣданіи собора, говоритъ: «такъ какъ въ Божествѣ (in divinis), кромѣ ипостасныхъ и личныхъ свойствъ, все остальное общее, то когда мы говоримъ, что что-нибудь происходитъ изъ чего-нибудь, слѣдуетъ понимать, что оно (первое) изъ того (второго) получаетъ и свое бытіе».

И раньше его *Бруно Картузіанскій* [2]) въ словѣ I о Св. Троицѣ (т. III его сочиненій, стр. 72, Кельнское изд. 1611 г.) писалъ: «одно Божество, одна сила, одно величіе, одна мудрость, одна крѣпость, одно всемогущество, одинъ свѣтъ, одно начало, одна любовь и все, что ни есть другое,—кромѣ личнаго свойства,—что говорится объ одномъ лицѣ, говорится равно о всѣхъ». Ибо все, что есть или является въ Божествѣ, есть или сущность, или ипостась,—средины быть не можетъ. Слѣдовательно, необходимо, чтобы все, что ни говорится о Богѣ, говорилось или въ отношеніи сущности, или въ отношеніи ипостаси,—чтобы оно было свойственно или природѣ, или ипостаси. Итакъ, что говорится не въ отношеніи сущности, будетъ сказано въ отношеніи лица, т. е., что не относится къ природѣ, есть свойство лица. А что—быть отъ причины, не быть Отцомъ или Сыномъ—говорится только о двухъ лицахъ и поэтому можетъ казаться, что входятъ нѣкоторыя посредствующія понятія между сущностью и ипостасными свойствами: то это возраженіе мы разрѣшимъ вслѣдъ за симъ.

Итакъ установлено: «все въ Троицѣ—общее тремъ лицамъ, исключая только ипостасныя свойства». Такъ какъ изведеніе Духа Святаго или προβολεία, бытіе Духомъ Святымъ—не есть нѣчто общее тремъ ипостасямъ: ибо Духъ Святый не есть προβολεύς Самого Себя, т. е. Самъ Себя не изводитъ, какъ это всѣ признаютъ, то отсюда слѣдуетъ, что изведеніе Св. Духа есть ипостасное свойство. Но ипостасное свойство есть свойство только

[1]) См. о немъ выше.

[2]) Бруно, основатель ордена Картезіанцевъ, род. въ Кельнѣ; причисленъ къ лику святыхъ (1030—1101).

того, кому оно принадлежитъ,—т. е., принадлежитъ только одному лицу. Ибо лицо есть собственность только одного, и такъ какъ лицо отъ лица рѣшительно отличается и съ нимъ не смѣшивается, то равнымъ образомъ съ необходимостью слѣдуетъ заключить, что то, что составляетъ свойство лица, не можетъ также принадлежать и другимъ, но отъ остальныхъ лицъ отличается. Поэтому *Аѳанасій* въ діалогѣ II о Св. Троицѣ (т. II твореній, стр. 170) говоритъ: «ипостась, за исключеніемъ того, что допускаетъ число, имѣетъ свойство нисколько не общее ипостасямъ, которыя суть одной и той же сущности». *Св. Василій* (въ началѣ XLIII [2]) посланія, т. II твореній, стр. 808) пишетъ: «по свойству понятіе Сынъ не имѣетъ ничего общаго ни съ Отцемъ, ни съ Духомъ Святымъ». *Ѳеодоритъ* въ діалогѣ, который озаглавливается «неизмѣнный» (т. IV твореній, стр. 6): «то, что обозначаетъ ипостаси, не есть, конечно, общее всей Святой Троицѣ, но принадлежитъ той ипостаси, свойство которой составляетъ».

Анастасій Синаитъ въ «путеводителѣ» (гл. XVI, стр. 304 Ингольштадскаго изд. 1606 г.) говоритъ: «Слово не имѣетъ нерожденности Отца, ни способности родить и не безначально; никто не возсѣдаетъ по правую сторону Его, Оно не носитъ кого-нибудь въ своемъ лонѣ, не имѣетъ исхожденія Духа и иныхъ ипостасныхъ свойствъ Отца и Духа Святаго». Такъ говорятъ и другіе.—

Изъ всего этого слѣдуетъ, что изведеніе Духа Святаго, какъ ипостасное свойство, нераздѣльно принадлежитъ только одной ипостаси, а не нѣсколькимъ; и такъ какъ несомнѣнно, что Самъ Духъ Святый отъ Отца исходитъ, по словамъ Христа, то отсюда ясно, что Духъ Святый только отъ Одного Отца, а не и отъ Сына исходитъ.—

Но скажутъ, что изведеніе Духа Святаго происходитъ изъ посредствующихъ понятій, которыя могутъ быть сказаны только о двухъ лицахъ, именно изъ понятій: быть отъ причины (causatum esse, τὸ αἰτιατὸν εἶναι), не быть Отцомъ, Сыномъ, или Духомъ Свя-

[1]) Посланіе это въ изданіи Гарнье считается XXXVIII.

Прим. перев.

тымъ, не родить, не быть рожденнымъ, не исходить. Но это послѣднее вовсе не противорѣчитъ каѳолическому ученію Церкви, на основаніи котораго Отцы передали, что въ Тройцѣ все общее, кромѣ однихъ только ипостасныхъ свойствъ: ибо быть отъ причины и прочее, выставляемое какъ такое, что можно сказать только о двухъ лицахъ, опирается, конечно, на двухъ различныхъ способахъ существованія, т. е. опять раздѣляется на ипостасныя свойства. Ибо происшедшимъ отъ причины Сынъ называется не по иной причинѣ, какъ только потому, что Онъ рожденъ;—а Духъ Святый также называется не почему-либо другому, какъ потому только, что Онъ исходитъ. Опять таки: говорится о Сынѣ и Духѣ Святомъ—что Они—не суть Отецъ;—но о Сынѣ это говорится потому, что Сынъ есть Сынъ и раждается, а Духъ Святый потому, что Духъ Святый есть Духъ и исходитъ. То же нужно сказать и о выраженіяхъ: не быть Сыномъ, или Духомъ Святымъ, не раждать, не раждаться, не исходить. Именно—въ виду того, что говорилось бы о двухъ лицахъ, то пришлось бы опираться на различныхъ ипостасныхъ свойствахъ, такъ напр.: потому что Отецъ раждаетъ, а Духъ исходитъ, то ни Отецъ, ни Духъ Святый не есть Сынъ... и т. д. Между тѣмъ произведеніе Духа Святаго, по словамъ латинянъ, происходитъ равнымъ и одинаковымъ способомъ какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, и есть одно и то же въ Томъ и Другомъ;—оно не есть, по ихъ мнѣнію, по иному свойству въ Отцѣ, и по иному въ Сынѣ и не раздѣляется на два опять-таки различныхъ ипостасныхъ свойства. Здѣсь-то и выходитъ громадная разница, и изведеніе Св. Духа, будучи общимъ Отцу и Сыну, не можетъ быть совмѣстимо съ остальными свойствами. Вотъ на этомъ-то основаніи оно и противорѣчитъ каѳолическому догмату Церкви, переданному Отцами: «все въ Тройцѣ—общее тремъ лицамъ, исключая только личныя свойства».

Доказательство II.

Отсюда далѣе ясно слѣдуетъ, что «всѣ внутреннія дѣйствія Божіи (opera Dei adiatra) могутъ принадлежать только одному лицу, не больше»: ибо все въ Тройцѣ общее, исключая трехъ

ипостасей, или ипостасныхъ свойствъ. Слѣдовательно, внутреннія дѣйствія Божіи имѣютъ основаніе въ самыхъ свойствахъ лицъ и нераздѣльны съ ними. Поэтому внутреннія дѣйствія Божіи не общи тремъ ипостасямъ, какъ это вытекаетъ изъ наведенія:— значитъ—раждать, или изводить, раждаться, или исходить не есть нѣчто общее тремъ ипостасямъ. Но свойство ипостасное принадлежитъ только одному лицу, а не нѣсколькимъ, какъ только что показано,—слѣдовательно, и внутреннія дѣйствія Божіи точно такъ же принадлежатъ только одному лицу, а не нѣсколькимъ. Къ числу же внутреннихъ дѣйствій Божьихъ принадлежитъ изведеніе Св. Духа, ибо оно есть дѣйствованіе Бога, которое Онъ отъ вѣчности совершаетъ въ Своей сущности, безъ всякаго отношенія къ тварямъ; поэтому-то изведеніе Духа Святаго не меньше есть внутреннее дѣйствованіе Божіе, какъ и дѣйственное рожденіе Сына. Итакъ, одному только лицу, а не нѣсколькимъ принадлежитъ изведеніе Св. Духа. Въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ отъ Отца и Сына, т. е. отъ двухъ лицъ, могъ бы исходить Духъ Святый? А такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца: «Который отъ Отца исходитъ», сказалъ Самъ Спаситель,—то отсюда, конечно, явствуетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына.

Доказательство III.

Далѣе: «не въ смыслѣ общности природы, но въ смыслѣ ипостаси говорится объ Отцѣ, что Онъ изводитъ Духа Святаго». Поэтому-то, во-первыхъ, св. Отцы вездѣ учатъ, что Духъ Святый исходитъ изъ ипостаси Отца. *Аѳанасій* въ діалогѣ I о Троицѣ (т. II, стр. 163): «и мы говоримъ, что все отъ Бога». Православный: «Но все прочее произошло отъ Него по Его повелѣнію, какъ созданное, Сынъ же произошелъ отъ Него, какъ рожденный изъ Его ипостаси, а Духъ, какъ исходящій». Аномей: «Скажешь-ли, что и Духъ изъ ипостаси?» Православный: «А откуда-же иначе?»

Григорій Нисскій въ «изслѣдованіи объ общихъ понятіяхъ» (въ началѣ, т. I, стр. 917) говоритъ: «одно и то-же лицо Отца, отъ Котораго раждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый».

Геннадій Массилійскій въ своемъ «каталогѣ знаменитыхъ мужей» (гл. LXV) говоритъ о Сіагріи [1]): «ты докажешь, что и Отца можно назвать нерожденнымъ, хотя Писаніе не сказало этого, и что Онъ родилъ изъ Себя лично (in persona, ἐν προσώπῳ) Сына, а не сотворилъ; и что Онъ извелъ изъ Себя лично Духа Святаго, а не родилъ и не сотворилъ».

Мансветъ, епископъ Медіоланскій, и съ нимъ остальной соборъ латинскихъ епископовъ, въ посланіи къ императору Константину, приложенномъ къ актамъ VI вселенскаго собора (т. VI Соборовъ, столб. 604) пишетъ: «когда называемъ Сына вѣчнымъ, то это относится къ лицу вѣчнаго Отца; и когда называемъ Духа Святымъ, то показываемъ, что Онъ исходитъ отъ лица вѣчнаго Отца».

Затѣмъ, доказательствомъ того, что Духъ Святый именуется исходящимъ отъ Отца въ отношеніи лица (изъ ипостаси), можетъ служить также и то, что,—какъ показано въ доказательствѣ I,—все общее у Троицы, кромѣ того, что говорится въ отношеніи лица, или за исключеніемъ самихъ лицъ. Отецъ точно такъ же могъ извести изъ Своего лица Святаго Духа, какъ родилъ изъ него же (лица) Сына; поэтому не сущность раждаетъ или раждается, изводитъ или изводится, но только ипостась раждаетъ и раждается, изводитъ и изводится. Итакъ Отецъ извелъ Духа Святаго изъ своего лица и поэтому въ отношеніи лица, а не въ отношеніи сущности говорится объ Отцѣ, что отъ Него исходитъ Духъ Святый. Поэтому хотя въ другихъ отношеніяхъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть одно и то-же во всемъ, однако въ отношеніи лицъ Они никоимъ образомъ не сливаются, но въ отношеніи ихъ совершенно другъ отъ друга различны. Если же лицо отъ лица совершенно различается, то, конечно, и то, что говорится въ отношеніи какого-нибудь лица, какъ лица, а не въ отно-

[1]) Объ этомъ Сіагріи никто, кромѣ Геннадія, не упоминаетъ. О немъ только и извѣстно, что ок. 437 г. онъ издалъ небольшое сочиненіе «противъ еретиковъ, отказывающихся называть Божественныя лица по ихъ отношеніямъ». Геннадій называетъ и другое его сочиненіе «о вѣрѣ и правилахъ вѣры».

Прим. перев.

шеніи сущности, никоимъ образомъ не есть общее другому лицу; но точно такъ же это различается отъ всякаго другого лица. То-же самое вытекаетъ изъ сведенія всего, что говорится объ Отцѣ, или Сынѣ, или Св. Духѣ не въ отношеніи сущности, но въ отношеніи лица. Лицо принадлежитъ только тому, чье оно есть лицо, и съ другими не смѣшивается. Слѣдовательно, что говорится въ отношеніи лица, не говорится въ отношеніи сущности: оно является не болѣе общимъ другимъ, чѣмъ само лицо. Равнымъ образомъ и то, что говорится въ отношеніи образа бытія, составляетъ свойство только одного лица. Ибо одинъ образъ бытія устанавливаетъ только одно лицо. А что говорится въ отношеніи лица, а не въ отношеніи сущности, говорится въ отношеніи образа бытія: ибо лицо устанавливаетъ не что иное, какъ только образъ бытія. Слѣдовательно, не могло быть общимъ другому то, что говорится не въ отношеніи сущности, а въ отношеніи ипостаси и образа бытія. Итакъ, если только изведеніе Св. Духа отъ Отца должно понимать въ отношеніи изведенія отъ лица, какъ лица, а не въ отношеніи природы, то отсюда съ необходимостью слѣдуетъ выводъ, что въ отношеніи изведенія Св. Духа Отецъ различается отъ Сына и что оно никоимъ образомъ не есть общее Отцу и Сыну. Слѣдовательно, Духъ Святый исходитъ не отъ Отца и Сына вмѣстѣ, а отъ Одного только Отца.—

Доказательство IV.

Коль скоро мы, христіане, признаемъ, что Сынъ Божій и Духъ Святый имѣютъ начало, то, конечно, не разумѣемъ при этомъ начало временное, ибо Сынъ рожденъ и Духъ Святый исходитъ прежде всѣхъ временъ; но подъ словомъ «начало» мы разумѣемъ только производителя или причину. Говоря, что Отецъ есть начало Сына и Духа Святаго, мы этимъ самымъ обозначаемъ не что иное, какъ только то, что Отецъ есть причина, производитель или виновникъ Духа Святаго и Сына, т. е., что Онъ произвелъ Того и Другого. А если Отецъ есть производитель Духа Святаго такимъ образомъ, что вмѣстѣ и Сынъ есть производитель Духа Святаго, то значитъ Духъ Святый будетъ имѣть уже не одно начало, а по-необходимости два, такъ какъ долженъ имѣть не

одного, а двухъ производителей—Отца и Сына. Это доказывается различными аргументами.

Во-первыхъ: что латиняне полагаютъ двухъ производителей Св. Духа, это признали они сами, приписавъ такое ученіе *Иларію Пиктавійскому* и ссылаются на приписываемыя ему слова какъ на подлинныя, выставляя ихъ восточнымъ въ качествѣ довода въ пользу исхожденія Св. Духа и отъ Сына. Такъ Иларій (въ кн. II о Тройцѣ, стр. 29) говоритъ [1]): «нѣтъ нужды говорить о Духѣ Святомъ, потому что Онъ долженъ быть исповѣдуемъ, какъ происходящій отъ двухъ виновниковъ—Отца и Сына». Итакъ сами латиняне признаютъ, что они вводятъ двухъ виновниковъ, а потому и двухъ производителей или два начала: всѣ они обыкновенно соглашаются, что этимъ самимъ они устанавливаютъ двухъ производящихъ. Отсюда авторъ книги о зерцалѣ у Августина (гл. XXVII, т. IX, л. 287) говоритъ: «какимъ образомъ Духъ Обоихъ, Который производится чрезъ исхожденіе, не ставится у васъ ниже Его производящихъ?» И тотъ, кто неправильно приписалъ эти слова Григорію Великому, внеся ихъ въ его сочиненія (XXX кн. толкованій на Іова, т. II, стр. 984), говоритъ то-же: «какъ Тотъ, Который производится чрезъ исхожденіе, не стоитъ ниже производящихъ?» Но быть производящимъ и быть производителемъ значитъ одно и то же: быть производителемъ обозначаетъ нисколько не болѣе, чѣмъ быть производящимъ, и наоборотъ: быть производящимъ выражаетъ нисколько не болѣе, чѣмъ быть производителемъ. И всякій производящій есть производитель, какъ равно всякій производитель есть производящій. Точно такъ же по значенію слова суть одно и то же — раждающій и родитель, и быть родителемъ обозначаетъ нисколько не болѣе, какъ быть раждающимъ. Опять таки, когда говорится, что Отецъ есть производящій Духа Святаго, то, конечно, этимъ обозначается, что Онъ есть производитель Св. Духа. Итакъ, по значенію слова—производящій и производитель—одно и то же. Слѣдовательно, кто полагаетъ двухъ производящихъ Духа Святаго, тотъ необходимо полагаетъ и двухъ производителей Его, а потому и два начала.

[1]) См. выше III гл., поврежд. II.

Затѣмъ латиняне соглашаются, что, утверждая изведеніе Духа Святаго Отцомъ и Сыномъ, они этомъ самымъ устанавливаютъ двухъ производителей Духа Святаго—и такое мнѣніе мы находимъ повсюду введеннымъ (insertum) въ творенія латинскихъ Отцовъ. Опять же, когда Отецъ называется производителемъ Духа Святаго, то этимъ самымъ не иное что обозначается, какъ только то, что Отецъ произвелъ Духа Святаго, и, когда говорится, что Отецъ произвелъ Духа Святаго, то этимъ выраженіемъ не иное что обозначается, какъ то, что Отецъ есть производитель Духа Святаго. Итакъ, производить и быть производителемъ означаетъ одно и то же, и отсюда всякій, кто производитъ, есть производитель, и всякій производитель производитъ. Итакъ, изъ этого сопоставленія опять таки ясно видно, что одно и то-же—производить и быть производителемъ. Слѣдовательно, разъ, по ученію латинянъ, двое произвели Духа Святаго, то, конечно, ясно, что такимъ образомъ вводятся вмѣстѣ два производителя, а слѣдовательно и два начала Духа Святаго.

Во-вторыхъ:—не въ отношеніи сущности, но въ отношеніи лица говорится объ Отцѣ, что Онъ изводитъ Духа Святаго, какъ доказано въ доказательствѣ III. Итакъ, лицо Отца, какъ лицо, есть начало Духа Святаго. Если бы, затѣмъ, и Сынъ изводилъ Духа Святаго, то, конечно, изводилъ бы точно такъ же не въ отношеніи сущности, а въ отношеніи лица и, слѣдовательно, такимъ образомъ лицо Сына, какъ лицо, было бы началомъ Св. Духа. Но все, что говорится о лицѣ, какъ лицѣ, раздѣляетъ и различаетъ, а не соединяетъ: ибо лицо отъ лица совершенно разнится и въ высшей степени отлично. Итакъ, необходимо признать, что, разъ Отецъ и Сынъ суть два различныя лица, а между тѣмъ и въ отношеніи лица говорится какъ объ Отцѣ, такъ и о Сынѣ, что они произвели Духа Святаго: то отсюда слѣдуетъ, что, какъ въ отношеніи лицъ Отецъ и Сынъ суть не одно, а двое, такъ и не одинъ, а два производителя, потому и два начала Духа Святаго—Отецъ и Сынъ. И никоимъ образомъ отсюда нельзя вывести, что Отецъ и Сынъ будутъ однимъ производителемъ Духа Святаго иначе, какъ только смѣшавши и сливши лица Отца и Сына;—а между тѣмъ лицо Отца, какъ

Отца, производило Духа Святаго, и опять таки лицо Сына, какъ лицо, производило бы Духа Святаго.

Въ-третьихъ:—невозможно, чтобы два лица—Божества когда-нибудь были однимъ произведеннымъ, или однимъ происшедшимъ отъ причины (unus productus sive unum causatum): они всегда существуютъ и остаются двумя произведенными, двумя происшедшими отъ причины,—такъ какъ, разумѣется, быть отъ причины говорится въ отношеніи лица, и производится лицо, а не сущность. Такъ двѣ рѣки, текущія по различному руслу, хотя изъ одного источника вытекаютъ, одной рѣкой не могутъ быть, но всегда по необходимости остаются двумя. Но равнымъ образомъ и о производящихъ говорится, что они производятъ, въ отношеніи лица, а не въ отношеніи сущности. Слѣдовательно, Отецъ и Сынъ, какъ два различныхъ лица, никакъ не могутъ быть однимъ производителемъ, но необходимо суть и остаются двумя производителями, а потому и оказывается два начала, двѣ причины Духа Святаго, если Духъ Святый исходитъ вмѣстѣ отъ Отца и Сына.

Въ-четвертыхъ:—такой же выводъ получается, если мы допустимъ невозможное положеніе,—именно: Духъ Святый такъ же раждается отъ Отца, какъ Сынъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-нибудь сказалъ, что Духъ Святый рожденъ отъ Отца и Сына, то для всѣхъ было бы ясно, что въ данномъ случаѣ онъ вводилъ бы не Одного Отца, а двухъ Отцовъ Духа Святаго, и слѣдовательно не одного, а двухъ производителей Духа Святаго. Ибо въ такомъ случаѣ былъ бы уже не одинъ Отецъ Духа Святаго, если, кромѣ Одного Отца, родителя Сына, вводился бы другой еще Отецъ Духа Святаго, т. е., Сынъ. Точно такъ же, въ то время какъ Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, если бы допустить, что Онъ исходитъ вмѣстѣ отъ Отца и Сына, то этимъ самымъ вводился бы не одинъ только производитель Духа Святаго чрезъ исхожденіе, а непремѣнно два, а слѣдовательно и два начала. Ибо если потому, что Отецъ и Сынъ раждаютъ Духа Святаго, было бы два производителя Духа Святаго по рожденію, потому именно, что въ этомъ случаѣ было бы два Отца Его; то на томъ же основаніи и при исхожденіи Духа Святаго вмѣстѣ

отъ Отца и Сына будутъ два производителя, а слѣдовательно и два начала Духа Святаго.

Въ-пятыхъ:—не подлежитъ сомнѣнію, что если бы кто-нибудь сталъ богохульно утверждать, что Сынъ рожденъ вмѣстѣ отъ Отца и Духа Святаго, то онъ такимъ образомъ вводилъ бы двухъ Отцовъ, два начала Сына. Такъ *Дамаскинъ* въ діалогѣ о ереси Манихеевъ (въ началѣ) говоритъ: «невозможно, чтобы Отецъ былъ отъ Сына, или Сынъ отъ Духа. Поэтому я признаю одно начало—Отца, какъ естественную причину Сына и Духа». Итакъ, если кто скажетъ, что Сынъ рожденъ отъ Отца и Духа Святаго, тотъ вводитъ два начала,—потому что утверждаетъ, что, кромѣ Отца, есть еще другое лицо, какъ начало Сына. Слѣдовательно, когда кромѣ Отца вводится еще другое лицо въ качествѣ начала третьяго лица, то такимъ образомъ непремѣнно вводятся два начала. Между тѣмъ тотъ, кто говоритъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, точно такъ же утверждаетъ, что, кромѣ Отца, другое лицо—именно Сынъ—служитъ началомъ Духа Святаго. Слѣдовательно, точно такъ же и тотъ, кто учитъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, вводитъ два начала Духа Святаго.

Въ-шестыхъ:—самъ затѣмъ *Дамаскинъ* ясно учитъ: если Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, то Отецъ уже не будетъ единственною причиною Духа Святаго. Такъ въ кн. I «православной вѣры», гл. XIII, онъ говоритъ: «Онъ есть Духъ и Сына, но не какъ отъ Него, а какъ чрезъ Него отъ Отца исходящій; ибо единственная причина—Отецъ». Если же, такимъ образомъ, исхожденіе Духа Святаго отъ Сына устраняетъ Отца, какъ единственную причину, то ясно, что при исхожденіи Св. Духа и отъ Сына Отецъ не будетъ уже болѣе одною причиною Духа Святаго, а будетъ двѣ—Отецъ и Сынъ.

Въ-седмыхъ:—*Григорій Нисскій* въ изслѣдованіи объ общихъ понятіяхъ, въ началѣ говоритъ: «лица человѣческія всѣ имѣютъ бытіе не отъ одного и того же лица непосредственно, но одно—отъ того, другое—отъ другого, такъ что многое и различное бываетъ причиною для происшедшихъ отъ причины. Не такъ однако въ Св. Троицѣ: ибо одно и то же лицо Отца, отъ Котораго ра-

ждается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Посему того, кто въ собственномъ смыслѣ есть единый виновникъ происшедшихъ отъ Него, называемъ единымъ Богомъ, потому что Онъ и существуетъ вмѣстѣ съ Ними». У людей, говоритъ Григорій, не всѣ происходятъ отъ одного лица, но одни отъ того, другіе отъ другого, такъ что и виновники, и происшедшіе отъ нихъ—различны: въ Тройцѣ же не такъ, т. е., не такъ, чтобы не отъ одного, а отъ различныхъ лицъ происходили лица и, слѣдовательно, имѣли бы многихъ виновниковъ, но какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый—отъ одного только лица—Отца, и поэтому одна только причина Сына и Духа Святаго—Отецъ. Григорій тутъ ясно признаетъ, что въ Тройцѣ будетъ нѣсколько виновниковъ, если бы лица имѣли начало отъ нѣсколькихъ лицъ, и что поэтому отъ одного только лица Отца произошли Сынъ и Духъ Святый, а слѣдовательно и одинъ только виновникъ Того и Другого—Отецъ. Равнымъ образомъ будутъ двѣ причины Духа Святаго—Отецъ и Сынъ, если Духъ Святый исходитъ отъ Того и Другого. Если при исхожденіи Сына и Духа Святаго отъ одного лица Отца является одинъ только виновникъ Того и Другого, а не нѣсколько, то несомнѣнно, что при исхожденіи Духа Святаго отъ нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ должны быть два виновника Духа Святаго, а не одинъ.

Наконецъ *Кириллъ Александрійскій* въ «исповѣданіи о Тройцѣ», въ мѣстѣ, также приведенномъ въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, говоритъ: «не такъ, какъ Сынъ исшелъ отъ Отца чрезъ рожденіе, и Духъ Святый исходитъ отъ Сына, чтобы можно было полагать перваго, втораго и третьяго. Прочь такое богохульство и греческое многобожіе! Ибо одна причина и связь для двухъ послѣднихъ лицъ—Отецъ». Такимъ образомъ Кириллъ ясно показываетъ, что если о Духѣ Святомъ говоритъ, что Онъ исходитъ отъ Сына, то это значитъ, что есть нѣсколько Боговъ или нѣсколько началъ, такъ какъ, именно, и Отецъ былъ бы началомъ, и съ другой стороны былъ бы началомъ и Сынъ. Итакъ, вводятся двѣ причины, два начала, когда и Сынъ поставляется началомъ въ Божествѣ; а это, конечно, устанавливаютъ тѣ, которые говорятъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ

Сына. Если, затѣмъ, потому не исходитъ отъ Сына Духъ Святый, что единственная причина—Отецъ, то ясно, конечно, что Отецъ будетъ не единственной причиной Духа Святаго, если Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, но одинаково и вмѣстѣ съ Нимъ будетъ причиною Духа Святаго и Сынъ, и, слѣдовательно, уже будетъ не одна, а двѣ причины Духа Святаго—Отецъ и Сынъ. Итакъ, двухъ производителей, два начала, двѣ причины Духа Святаго вводятъ латиняне, когда говорятъ, что Духъ Святый исходитъ вмѣстѣ отъ Отца и Сына; что́ невозможно. Ибо каѳолической Церковью предавались и предаются анаѳемѣ тѣ, которые вводятъ два начала въ Божествѣ, такъ какъ такимъ образомъ вводится языческое двоебожіе.

На это обыкновенно возражаютъ, что хотя есть два производящіе Духа Святаго—Отецъ и Сынъ, но не два производителя и не два начала. Ибо и Отецъ, и Сынъ, и Духъ—три суть творящіе, однако одинъ только Творецъ. О первомъ довольно уже сказано: что касается второго положенія, то не правда, что есть трое творящихъ: ибо неправильно заключать такимъ образомъ: Отецъ есть творящій, Сынъ—творящій и Духъ Святый—творящій, слѣдовательно,—трое творящіе. Это равносильно тому, какъ если бы сказали: Отецъ—творецъ, Сынъ—творецъ и Духъ Святый—творецъ,—слѣдовательно—три творца. На самомъ дѣлѣ, какъ въ послѣднемъ случаѣ—Отецъ, Сынъ и Духъ Святый являются только однимъ Творцомъ: точно такъ-же три ипостаси суть только одинъ творящій. Ибо, во первыхъ, быть творящимъ и творцомъ по значенію слова—одно и то же, и быть творцомъ не больше означаетъ, какъ и быть творящимъ. Во-вторыхъ, быть творящимъ—есть свойство сущности или природы божественной; а въ этомъ отношеніи не разнствуютъ, но одно и то же суть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ: слѣдовательно—одинъ только творящій. Въ-третьихъ: то, что говорится въ отношеніи божественной сущности, не можетъ быть сказано о Тройцѣ во множественномъ числѣ. Поэтому и Августинъ въ V кн. о Тройцѣ, гл. VIII, говоритъ: «все, что ни говорится о Богѣ въ Самомъ Себѣ (а не относительно), будетъ-ли идти рѣчь о каждомъ лицѣ въ отдѣльности, т. е., объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ, или о Тройцѣ вмѣстѣ,—говорится не во множественномъ, а въ

единственномъ числѣ». И Іоаннъ Дамаскинъ въ посланіи о Трисвятомъ, въ концѣ, пишетъ: «въ чемъ не различается ипостась отъ ипостаси, т. е. въ томъ, что касается природы ея, того не должно исчислять въ Богѣ во множественномъ числѣ, но въ отношеніи каждой ипостаси должно называть относящееся къ природѣ ея въ единственномъ числѣ и, соединяя, опять въ единственномъ числѣ называть касающееся природы сообразно съ тремя ипостасями—и Богъ, и Богъ, и Богъ. Но одинъ Богъ, а не три Бога». Такой же выводъ слѣдуетъ сдѣлать о томъ, что говорится о Богѣ въ отношеніи сущности, какъ то: быть безпредѣльнымъ, вѣчнымъ, безсмертнымъ, Господомъ, Богомъ, всемогущимъ. Не трое безпредѣльныхъ, не трое вѣчныхъ, но одинъ только безпредѣльный, вѣчный и т. д. Равнымъ образомъ и не трое творящихъ, но одинъ только творящій: ибо быть творящимъ—говорится въ отношеніи Божественной сущности. Въ-четвертыхъ:—если есть трое творящихъ, то будетъ и трое всемогущихъ, такъ какъ твореніе—самый главный признакъ всемогущества. Ибо кто есть творящій, тотъ есть и всемогущій. Наконецъ, мы знаемъ не двухъ или трехъ, которые все сотворили, но только одного, т. е., одного Бога,—Одного, Который безпредѣленъ, всемогущъ и одно начало всего. Итакъ, не трое творящихъ, но только одинъ,—а слѣдовательно еще разъ остается несомнѣнный выводъ: если есть два производящихъ Духа Святаго, то должны быть и два производителя Его. Поэтому и іезуитъ *Петавій* наконецъ склоняется къ тому, что лучше полагать одного производящаго [1]) Духа Святаго, что Сынъ и Отецъ въ этомъ случаѣ—одно. Такъ, въ кн. VII о Тройцѣ, гл. X, онъ говоритъ: «Божественная сущность, будучи началомъ произведенія, дѣйствуетъ не сама по себѣ, но такъ, какъ дѣйствуютъ дышущіе (spirantes), или, лучше сказать, дышущій, если такъ можно выразиться по-латыни, и, дѣйствуя такъ, обращаются на третье лицо». Но какъ сливаются лица, если Отецъ и Сынъ не называются только однимъ производителемъ, а даже однимъ только производящимъ, или дышу-

[1]) т. е. отказаться отъ положенія: двое производящихся, но одинъ производитель,—двое творящихъ, но одинъ Творецъ.

Прим. перев.

щимъ, это достаточно ясно видно изъ вышесказаннаго. Пусть, наконецъ, будутъ трое творящихъ, а одинъ только творецъ: то развѣ отъ этого не получится такой выводъ: двое суть производящіе Духа Святаго,—слѣдовательно, есть и два производителя Его? Конечно, большая разница: потому одинъ только творецъ, что быть творцомъ—есть свойство Божественной сущности, а въ отношеніи ея, какъ сказано, Отецъ, Сынъ и Духъ Святый—суть совершенно одно. Между тѣмъ—производить Духа Святаго—говорится объ Отцѣ въ отношеніи лица, и нисколько не менѣе говорилось бы также и о Сынѣ въ отношеніи лица, если бы Духъ Святый исходилъ отъ Сына,—какъ это доказано въ III доказательствѣ. Но лицо отъ лица всемѣрно отличается, и въ отношеніи лица Отецъ и Сынъ—не одно, а непремѣнно двое,—отсюда Отецъ и Сынъ не одинъ, но два производителя Духа Святаго.

Возражаютъ еще: такъ два лица становятся (суть) производителемъ Духа Святаго, что однако лица не сливаются. Подобно тому, какъ три лица суть одинъ творецъ и одно начало всего, на такомъ же основаніи Отецъ и Сынъ составляютъ одно въ отношеніи исхожденія Духа Святаго, и вслѣдствіе такого единства составляютъ одного производителя и одно начало Духа Святаго, такъ чтобы при этомъ лица никоимъ образомъ не сливались. Однако Отецъ, Сынъ и Духъ Святый суть одно начало тварей, такъ какъ дѣйствованіе и сила—одна во всѣхъ лицахъ и въ отношеніи сущности имъ всѣмъ одинаково принадлежатъ: по сущности лица не различаются одно отъ другого, но суть совершенно одно и то-же. Между тѣмъ произведеніе Духа Святаго понимается не въ отношеніи сущности, а въ отношеніи лица; а въ отношеніи лица Отецъ и Сынъ не одно, а несомнѣнно двое. Но объ этомъ только что говорено. Мало того,—обыкновенно говорятъ, что двое суть производящіе Духа Святаго—Отецъ и Сынъ, а не одинъ,—потому что иначе смѣшивались бы лица. Между тѣмъ, спрашивается, какіе основанія доказываютъ, что лица смѣшиваются, если устанавливается одинъ только производящій Духа Святаго; развѣ равнымъ образомъ они не станутъ доказывать, что сливаются лица, если устанавливается одинъ только производитель Духа Святаго? Но говорили латиняне: про-

изведеніе Духа Святаго есть нѣчто общее Сыну и Отцу, и такъ какъ они въ этомъ сходятся, то Отецъ и Сынъ суть одинъ производитель Духа Святаго. Однако,—что не можетъ быть такого посредствующаго понятія, которое бы не принималось ни въ смыслѣ лица, ни въ смыслѣ сущности, и тѣмъ не менѣе представляло бы нѣчто единое и принималось бы въ единственномъ отношеніи, а не въ отношеніи различныхъ свойствъ и не основывалось бы на двухъ различныхъ свойствахъ, это доказано уже выше въ концѣ I доказательства; а что произведеніе Духа Святаго понимается всецѣло въ отношеніи лица, выяснено въ III доказательствѣ.

Наконецъ, иные прибавляютъ, что потому Отецъ и Сынъ суть одно начало Духа Святаго, а не два, что Сынъ то, что Онъ является началомъ Духа Святаго, имѣетъ отъ Отца, а не отъ Себя. Но это нисколько не помогаетъ дѣлу. Хотя Сынъ имѣетъ все отъ Отца, тѣмъ не менѣе Отецъ и Сынъ остаются совершенно отдѣльными лицами; и такъ какъ Отецъ и Сынъ только ипостасно (въ качествѣ лица) могутъ производить Духа Святаго,—то всегда Отецъ и Сынъ остаются двумя производителями Духа Святаго, потому что въ отношеніи лица Отецъ и Сынъ не одно лицо, а два. Далѣе, мы всѣ осудимъ того, кто сталъ бы говорить, что Сынъ рожденъ отъ Отца и Духа Святаго,—осудимъ, какъ вводящаго два начала. Но развѣ ему помогло бы, если бы онъ сталъ возражать, что Духъ Святый имѣетъ отъ Отца то, чтобы быть началомъ Сына, и что поэтому Отецъ и Духъ Святый являются однимъ только началомъ Сына? Это равносильно тому, какъ если бы, допустивъ невозможное, что Духъ Святый, раждаясь отъ Отца, раждается и отъ Сына,—ты въ оправданіе этого сказалъ бы, что Сынъ имѣетъ отъ Отца то, что Онъ раждаетъ Духа Святаго: все-таки, конечно, въ данномъ случаѣ вводились бы два Отца Духа Святаго, а слѣдовательно и два начала. Итакъ, нужно признать несомнѣннымъ, что латиняне, говоря, что Отецъ и Сынъ производятъ Духа Святаго, этимъ вводятъ двухъ производителей и два начала Его.

Доказательство V.

Не подлежитъ сомнѣнію притомъ, что отнюдь нельзя приписывать и другому лицу того, что относится къ образу, или

различію бытія: ибо образъ бытія устанавливаетъ самое лицо. Поэтому и *Іоаннъ Дамаскинъ* въ книгѣ о двухъ во Христѣ воляхъ и дѣйствованіяхъ, въ гл. VI говоритъ: «въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ, такъ какъ различно бытіе каждаго, есть три ипостаси». Слѣдовательно, какъ лицо свойственно только одному, точно такъ же не нѣсколькимъ, а одному только можетъ принадлежать и образъ бытія. А что быть производителемъ или προβολεύς Духа Святаго—относится къ образу или отличію бытія первой ипостаси Божества, т. е. ипостаси Отца, это можно подтвердить разными доказательствами.

Во-первыхъ: образъ бытія или отличіе значитъ не что иное, какъ не быть сущностью или природою, а только—какимъ образомъ быть (имѣть ипостась). Это доказываетъ само слово—образъ, или отличіе бытія: ибо если говорятъ—не бытіе, а образъ, или отличіе бытія, то ясно, что этимъ хотятъ обозначить не то, что есть, а то, какимъ образомъ есть (существуетъ) ипостась. Поэтому *Анастасій Синаитъ* въ кн. I о догматахъ вѣры говоритъ: «разница рожденія и исхожденія не показываетъ различія сущности: ибо различіе бытія означаетъ не бытіе (не быть), а только выясняетъ образъ бытія (—какъ быть), между тѣмъ какъ существо остается одно и то же и у того, изъ котораго, и у тѣхъ, которые изъ него по различному образу, т. е., пониманію, происходятъ. Слѣдовательно, образъ бытія, какъ сказано, различенъ, сущность же одна и та же». Но быть производителемъ или προβολεύς объясняетъ не бытіе или сущность (чѣмъ быть), а образъ бытія (—какъ быть) первой ипостаси Божества, т. е., Отца. Ибо если бы оно объясняло сущность, то было бы общимъ всей Троицѣ, что невозможно. Обозначаетъ же (выраженіе) быть производителемъ въ нѣкоторомъ смыслѣ вотъ что: особеннымъ образомъ, намъ совершенно неизвѣстнымъ, производится Духъ Святый, подобно тому, какъ Сынъ болѣе извѣстнымъ намъ образомъ, т. е., путемъ рожденія, производится изъ Отца. То же вытекаетъ изъ подобнаго положенія: исходить не обозначаетъ сущность или бытіе (быть), но способъ бытія (какъ быть) ипостаси, что для всякаго несомнѣнно. По противоположенію—быть производителемъ—προβολεύς точно такъ же обозначаетъ не бытіе, а способъ бытія ипостаси. Опять: что значитъ быть выдыхаемымъ

(исходить изъ устъ) [1]), то же значитъ и дышать, и между тѣмъ и другимъ нѣтъ иного различія,—какъ только то, что послѣднее означаетъ дѣйствіе, а первое—страданіе. Если быть выдыхаемымъ и дышать будетъ означать не бытіе, а образъ бытія ипостаси, точно такъ же, далѣе, раждать и раждаться обозначаетъ не бытіе, а образъ бытія ипостаси. Слѣдовательно необходимо признать, что дышать и быть выдыхаемымъ равнымъ образомъ означаетъ одно и то же: ибо Отецъ внутренно не менѣе есть производитель—προβολεύς, или дышитъ, какъ и раждаетъ; и не менѣе Отецъ внутренно есть причина Духа Святаго, какъ и Сына; именно—не менѣе изъ Своего лица неизъяснимымъ образомъ произвелъ Духа Святаго, какъ и изъ него же родилъ Сына, а слѣдовательно, Отецъ есть такой же προβολεύς или дышущій (spirator, πνέων), какъ и родитель. Итакъ, на какомъ основаніи будетъ доказано, что исходить, раждать и раждаться выясняютъ образъ бытія, а не самое бытіе ипостаси, на томъ же будетъ доказано, что дышать—имѣетъ такой-же смыслъ. Раждать же означаетъ не быть (бытіе), а—какъ быть (образъ бытія) не по какой иной причинѣ, какъ по той, что оно въ нѣкоторомъ смыслѣ—именно черезъ рожденіе означаетъ быть производителемъ. Но равнымъ образомъ и дышать означаетъ не быть, но въ извѣстномъ смыслѣ быть производящимъ, разумѣется, неизъяснимымъ для насъ образомъ.—

Во-вторыхъ: въ Тройцѣ образы бытія основываются только на причинѣ и на происхожденіи отъ причины, что явствуетъ изъ рожденія дѣятельнаго и страдательнаго, а также исхожденія, которыя обозначаютъ причину, или происхожденіе отъ причины (причинность). Но быть προβολεύς понимается въ смыслѣ причины, слѣдовательно вмѣстѣ съ дѣятельнымъ рожденіемъ опредѣляетъ образъ бытія первой ипостаси.

Въ-третьихъ: настолько Отецъ есть προβολεύς Св. Духа, насколько Онъ родитель Сына, и Тройцу одинаково дополняютъ Сынъ и Духъ Святый, и равнымъ образомъ Божество сообщается Духу Святому, какъ и Сыну, такъ какъ Отецъ произвелъ изъ Своего лица какъ Духа Святаго, такъ и Сына. Итакъ, насколько

[1]) Собственно—быть дышимымъ—spirari—πνεῖσθαι

къ образу бытія первой божественной ипостаси, т. е., Отца относится рожденіе, настолько къ той же ипостаси должно относиться и дыханіе (т. е. изведеніе Духа Святаго).

Въ-четвертыхъ: то, что составляетъ отличительный признакъ (constitutivum) въ опредѣленіи какой-нибудь ипостаси, относится, конечно, къ образу бытія ея, потому что образъ ипостаснаго бытія (существованія) есть отличительный признакъ ипостаси. Но дышать—опредѣляетъ первую божественную ипостась, какъ προβολεύς (производителя), подобно тому какъ раждать—опредѣляетъ ту же ипостась, какъ родителя. Слѣдовательно дыханіе (изведеніе Духа) составляетъ отличительный признакъ первой ипостаси. Если же дыханіе не составляетъ отличительнаго свойства Отца потому, что оно не опредѣляетъ Отца, то и рожденіе не составляетъ отличительнаго свойства первой божественной ипостаси потому, что она является насколько Отцомъ, настолько же и προβολεύς. Но быть Отцомъ или родить не опредѣляетъ первую ипостась въ положеніи—быть προβολεύς или дышать.

Въ-пятыхъ: тому же, наконецъ, учили святые Отцы, которые, какъ видно изъ главы о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, утверждаютъ, что Сынъ, а также и Духъ Святый—имѣютъ все принадлежащее Отцу, за исключеніемъ причины. Итакъ, если Отецъ имѣетъ только то личное свойство, что Онъ является причиной, при общихъ съ другими лицами остальныхъ свойствахъ, а образъ бытія, безъ сомнѣнія, не можетъ принадлежать другимъ: то ясно, конечно, что образъ ипостаснаго бытія первой божественной ипостаси или Отца—заключается въ томъ, чтобы быть причиною Сына и Духа Святаго; слѣдовательно въ образъ ипостаснаго бытія входитъ и изведеніе Духа Святаго.

Наконецъ, Отцы многократно учатъ, что все въ Тройцѣ общее, за исключеніемъ только образовъ ипостаснаго бытія. По этому поводу *Іустинъ* въ «вопросѣ CXXXIX къ православнымъ» говоритъ: «во всемъ, что ни говорится о трехъ ипостасяхъ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ образомъ, понимай единство сущности; въ томъ же, что говорится неодинаковымъ образомъ, понимай образъ бытія ипостасей». *Авторъ* книги о Тройцѣ, которая обыкновенно приписывается Кириллу, въ гл. X говоритъ: «мы по-

знаемъ Одного Бога, и только въ свойствахъ отцовства, сыновства и исхожденія, въ отношеніи причины и происхожденія отъ причины (причинности),—иначе,—въ отношеніи совершенія ипостаси, т. е., образа ипостаснаго бытія, разумѣемъ различіе». *Іоаннъ Дамаскинъ*, въ книгѣ противъ Акефаловъ (т. IV чтеній о древности Канизія, гл. XLVII) пишетъ: «у Отца, и Сына, и Св. Духа все общее, за исключеніемъ образа ипостаси». Если же все общее у трехъ ипостасей, кромѣ образа бытія, ясно, что изведеніе Духа Святаго, какъ не общее тремъ ипостасямъ, входитъ въ образъ ипостаснаго бытія Отца: отъ Него, значитъ, несомнѣнно исходитъ Духъ Святый. Итакъ, коль скоро исхожденіе Духа Св. относится къ образу ипостаснаго бытія Отца, образъ же ипостаснаго бытія можетъ принадлежать только одному лицу, какъ прежде было сказано: то, конечно, ясно, что изведеніе Духа Святаго принадлежитъ Одному только Отцу, а не вмѣстѣ и другой ипостаси, слѣдовательно—и не Сыну. Итакъ, отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый, а не вмѣстѣ и отъ Сына. Очевидно, существенное свойство или образъ бытія ипостаси Отца есть то, чтобы быть причиною Сына и Духа Святаго, Перваго въ качествѣ родителя, а Втораго—въ качествѣ изводителя (προβολεύς). Итакъ, отличительнымъ признакомъ или образомъ ипостаснаго бытія Отца является какъ рожденіе, такъ и дыханіе (изведеніе посредствомъ дыханія), при чемъ ни то, ни другое въ отдѣльности, а оба вмѣстѣ этотъ образъ восполняютъ. Но равнымъ образомъ невозможно было, чтобы страдательное рожденіе и исхожденіе одинаково устанавливали одинъ образъ бытія: ибо не могло одно и то же отъ одного и того же и раждаться и исходить (посредствомъ дыханія), такъ какъ исхожденіе совершенно исключаетъ рожденіе. Между тѣмъ невозможно, что-бы одинъ и тотъ же отъ одного и того же раждался и не раждался. Но одинъ могъ иного раждать, иного же не раждать, а изводить (дыханіемъ), какъ въ дѣйствительности и родилъ Отецъ Сына, и извелъ Духа Святаго. Поэтому названіе προβολεύς указываетъ на образъ бытія Отца, но не какъ на Отца или Родителя, а поскольку этимъ именемъ обозначается Его цѣлостная божественная первая ипостась. Ибо и родительство или отцовство отно-

сится къ образу бытія изводителя (дышущаго), но не потому, что Онъ—изводитель (дышущій), а поскольку именемъ изводителя (дышущаго) опредѣляется первая божественная ипостась.

И Отцы полагаютъ образъ бытія Отца, или первой ипостаси въ томъ, что Онъ—Родитель или Отецъ; но этимъ не исключается изъ образа ипостаснаго бытія первой божественной ипостаси и изводительство (свойство быть προβολεύς). Ибо они часто полагаютъ образъ ипостаснаго бытія первой божественной ипостаси и въ нерожденности (въ томъ, что только Онъ (Богъ Отецъ) нерожденъ). Но утверждаютъ ли они этимъ послѣднимъ, что родительство или отцовство не есть образъ бытія первой божественной ипостаси? Такъ *Григорій Богословъ* въ словѣ XXXVII говоритъ: «изъ этихъ словъ: нерожденъ, рожденъ, исходитъ—слѣдуетъ, что одинъ называется Отцомъ, другой—Сыномъ и иной—Духомъ Святымъ, и такимъ образомъ сохраняется въ одной природѣ и достоинствѣ Божества несліянное различіе трехъ лицъ». *Кесарій*, родной братъ того же Григорія, въ I діалогѣ говоритъ: «все единство, равенство и тожество въ Тройцѣ, исключая нерожденности, рожденія и исхожденія». *Кириллъ* въ кн. о Тройцѣ, гл. VII выражается: «все, что ни имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Ему (Сыну), исключая нерожденности, которая обозначаетъ не различіе сущности и не достоинство, но образъ бытія». Наконецъ, *Іоаннъ Дамаскинъ* между прочимъ въ кн. I изложенія православной вѣры, въ гл. IX замѣчаетъ: «за исключеніемъ нерожденности, Сынъ имѣетъ все то, что и Отецъ». Многократно исключая въ Сынѣ одну только нерожденность Отца, тотъ же Дамаскинъ въ III кн. «объ иконахъ» исключаетъ вмѣстѣ съ нею и отцовство: «Сынъ, говоритъ онъ, есть образъ Отца, ни въ чемъ не различающійся, во всемъ подобный Отцу, кромѣ только нерожденности и отцовства». Потому святые Отцы многократно учатъ, что образъ бытія Отца составляетъ бытіе родителемъ или Отцомъ, что, хотя первая божественная ипостась есть не менѣе производитель (προβολεύς), какъ и Отецъ: однако никогда въ Св. Писаніи первая божественная ипостась не обозначается какимъ-нибудь особымъ именемъ въ разсужденіи изведенія Св. Духа, подобно тому какъ въ разсужденіи рожденія Сына, обозначается

она именемъ Отца; значитъ, Духъ Святый произведенъ несказаннымъ образомъ, намъ съ точностью неоткрытымъ. Вотъ почему Онъ и не имѣетъ собственнаго имени, но усвояетъ общее имя Отца и Сына, какъ свое собственное. Поэтому-то изъ этого имени Отца, которое одно только открыто въ Священномъ Писаніи, Отцы объясняютъ образъ бытія первой ипостаси, и его совершенно достаточно было для доказательства, что первая ипостась совершенно отличается отъ Сына, мало того—отличается также и отъ Духа Святаго. Такъ *Григорій Нисскій* въ словѣ I противъ Евномія говоритъ: «Духъ Святый соединенъ съ Отцомъ въ томъ отношеніи, что Оба не созданы; отличается же отъ Него тѣмъ, что не есть Отецъ, какъ Тотъ».

На это говорятъ: Отцы учатъ, что Духъ Святый не имѣетъ Отца, и что Отецъ—есть Отецъ только Сына, какимъ же образомъ дыханіе (изведеніе черезъ дыханіе) можетъ устанавливать лицо Отца? Ибо если дышущій (изводитель черезъ дыханіе) есть Отецъ, слѣдовательно, такъ какъ подъ Отцомъ разумѣется только отношеніе къ Сыну (какъ многократно свидѣтельствуютъ св. Отцы), то Духъ Святый необходимо есть Сынъ, и кто понимаетъ Отца изводителемъ (дышущимъ), необходимо понимаетъ Сына изведеннымъ черезъ дыханіе (spiratum, πνεύμενον): ибо невозможно, чтобы Отецъ былъ отцомъ по отношенію къ кому-нибудь другому, кромѣ Сына, и, по свидѣтельству святого Аѳанасія, имѣть Отца значитъ то же, что быть рожденнымъ. Итакъ, если Духъ Святый имѣетъ Отца, то Онъ долженъ будетъ быть рожденнымъ и быть Сыномъ [1]). Но какъ же можно было когда-нибудь отрицать, что Отецъ есть изводитель черезъ дыханіе (дышущій—spirator) Духа Святаго, или что Духъ Святый имѣетъ началомъ Отца? Развѣ латиняне этого не утверждаютъ? И какимъ образомъ отсюда можно было выводить заключеніе, что Духъ Святый есть Сынъ Отца? Если бы дѣйствительно такъ заключать: изводитель черезъ дыханіе (дышущій) есть Отецъ,—подъ словомъ Отецъ разумѣется только отношеніе къ Сыну,—слѣдовательно—Духъ Святый съ необходимостью есть Сынъ; съ другой стороны: кто понимаетъ дышущаго Отцомъ, тотъ по необходимости понимаетъ Сына—

[1]) Такъ возражаетъ полякъ Цихивій, въ своемъ трибуналѣ, стр. 87.

изведеным черезъ дыханіе, такъ какъ невозможно быть Отцомъ, какъ только въ отношеніи къ Сыну,—если-бы, говорю, допустить такой способъ заключенія; то равнымъ образомъ нужно было бы заключать и такъ: такъ какъ всѣми твердо установлено, что Отецъ есть производитель или изводитель черезъ дыханіе (spirator) Духа Святаго,—то Отецъ есть дышущій; но подъ словомъ—дышущій разумѣется только отношеніе къ изведенному черезъ дыханіе, слѣдовательно Сынъ по-необходимости—есть Духъ. Съ другой стороны: кто признаетъ Отца дышущимъ, по-необходимости признаетъ изведеннаго черезъ дыханіе (spiratum), т. е., Духа Святаго, рожденнымъ, такъ какъ невозможно, чтобы кто-нибудь былъ дышущимъ иначе, какъ только въ отношеніи изведеннаго черезъ дыханіе. Такъ какъ такой способъ заключенія оказывается нелѣпымъ, то очевидно, что вышеприведенное возраженіе не имѣетъ никакой силы. Несомнѣнно, Духъ Святый имѣетъ началомъ Своимъ Отца, и Отецъ есть изводитель черезъ дыханіе Св. Духа, но не какъ Отецъ, а поскольку именемъ Отца обозначается первая ипостась. Подъ понятіемъ же Отца, какъ Отца, разумѣется отношеніе къ Сыну, но не поскольку именемъ Отца обозначается цѣлостная ипостась. Наконецъ, невѣрно, будто мы утверждаемъ, что Духъ Святый имѣетъ Отца; такъ какъ мы только говоримъ, что въ понятіе образа бытія Отца, поскольку этимъ именемъ обозначается первая ипостась, входитъ изведеніе Св. Духа и что Отецъ есть изводитель, однако не какъ Отецъ.

Могутъ еще возразить: Отцы учатъ, что Сынъ служитъ опредѣленіемъ Отца: какимъ же образомъ личнымъ признакомъ Отца является не только отцовство, но и изведеніе черезъ дыханіе [1]). Но, какъ было сказано, изведеніе служитъ личнымъ признакомъ Отца не какъ Отца, а поскольку именемъ Отца обозначается первая ипостась: ибо быть προβολεύς не значитъ быть родителемъ. А понятіе Сынъ опредѣляетъ Отца, какъ Отца, а не поскольку именемъ Отца обозначается первая ипостась. Слѣдовательно, это ученіе вовсе не абсурдъ, не противорѣчитъ св. Отцамъ и не придумано только для отнятія отъ Сына изведенія черезъ дыханіе (spirationem).

[1]) И это возраженіе заявляетъ тотъ же Циховій тамъ же.

Доказательство VI.

Всѣми признается, что есть одно и только одно начало Божества, т. е., Сына и Св. Духа. Сынъ, Который родился изъ этого единственнаго начала, рожденъ отъ Одного только Отца. Слѣдовательно, Одинъ только Отецъ есть одно и только одно начало Сына и Св. Духа. Исходить и Духъ Святый изъ этого единственнаго начала; а такъ какъ этимъ началомъ служитъ только Одинъ Отецъ, то очевидно, конечно, что Духъ Святый исходитъ изъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и изъ Сына.

Доказательство VII.

Съ другой стороны,—если бы Духъ Святый исходилъ и отъ Сына и все у Отца и Сына было бы общее, за исключеніемъ того, чего не допускаетъ противоположеніе отношеній: то въ такомъ случаѣ никоимъ образомъ не будетъ такого единства между Отцомъ и Духомъ Святымъ, какое существуетъ между Отцемъ и Сыномъ, и не такъ все, принадлежащее Отцу, будетъ имѣть Духъ Святый, какъ имѣетъ все, принадлежащее Отцу, Сынъ, или имѣетъ все, принадлежащее Сыну, Отецъ. Тогда придется исключить не одно только то, чего не допускаетъ противоположеніе отношеній; но тогда Духъ Святый не имѣлъ бы и кой-чего такого, что принадлежитъ Отцу, тамъ, гдѣ нельзя усмотрѣть никакого противоположенія отношеній. Отецъ, напримѣръ, будетъ имѣть дѣятельное рожденіе, котораго не имѣетъ Духъ Святый и которое однако относительно не противополагается Духу Святому. Слѣдовательно единство между Отцомъ и Сыномъ будетъ больше, чѣмъ между Отцомъ и Духомъ Святымъ. Но это нелѣпо и совершенно противорѣчитъ догмату каѳолической Церкви. Ибо св. Отцы одинаково учатъ, что какъ Сынъ, такъ равно и Духъ Святый имѣетъ все то, что принадлежитъ Отцу. *Діонисій Ареопагитъ* въ книгѣ «объ именахъ Божіихъ», гл. II, въ началѣ, говоритъ: «все, что принадлежитъ Отцу и Сыну, совмѣстно и слитно прилагается и Божественному Духу». *Василій* (въ кн. III къ Евномію): «все, что обще Отцу и Сыну, равно обще и Св. Духу». *Августинъ* (кн. II о Троицѣ, гл. IV): «все, что имѣетъ Отецъ,

принадлежитъ не только Сыну, но и св. Духу». *Левъ Великій*, папа Римскій, въ словѣ I на пятидесятницу: «нѣтъ иного у Отца, иного у Сына и иного у Духа Святаго, но все, что ни имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ, имѣетъ и Св. Духъ». Наконецъ, *Антіохъ* [1]), *монахъ монастыря игумена Саввы* (слово I о вѣрѣ, т. I библіотеки греческихъ Отцовъ, стр. 1028): «коротко сказать: Слово самого божественнаго величества говоритъ: Я и Отецъ—одно. Мое—все Твое, и Твое—Мое [2]). Точно такъ же все, что ни принадлежитъ Отцу и Сыну, то Самъ Сынъ всецѣло приписываетъ священнѣйшему въ величіи Божества Св. Духу, по нераздѣльному тождеству общей и единой природы, а равно и по достопокланяемому образу божественнаго дѣйствованія, источной и непрестанной причины творческаго могущества, когда говоритъ: идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа» [3]). Итакъ, такимъ же образомъ Сынъ имѣетъ все, что имѣетъ Отецъ, какъ и Духъ Святый, но Духъ Святый не имѣетъ дѣятельнаго рожденія Сына, а слѣдовательно и Сынъ не имѣетъ изведенія Духа Святаго. Значитъ, отъ Одного только Отца исходитъ Духъ Святый, а не вмѣстѣ и отъ Сына.

Доказательство VIII.

Священное богословіе Отцовъ учитъ, что потому Отецъ, и Сынъ и Св. Духъ суть Одинъ Богъ, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый относятся къ одному началу. Такъ, въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ мы видѣли, какъ учитъ *Св. Григорій Чудотворецъ* въ изложеніи вѣры, которое называется κατὰ μέρος (по частямъ), также *Св. Григорій Богословъ* въ словахъ XXIX, XXXVII и XL; *Св. Іоаннъ Дамаскинъ* въ кн. противъ акефаловъ, гл. LXVII: *Михаилъ Синкелла* въ жизнеописаніи Св. Діонисія Ареопагита; наконецъ *Илія, Митрополитъ Критскій*, въ толкованіяхъ къ словамъ III, IV и VI Григорія Богослова. Итакъ,

[1]) Антіохъ жилъ во времена императора Ираклія, ок. 614 г.— *Прим. пер.*

[2]) Азъ и Отецъ едино есма. Моя вся—твоя суть и твоя моя. Іоан. XVII. 10.

[3]) Шедше научите вся языки крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.—Матѳ. XXVIII, 19.—

если, кромѣ Отца, относить Св. Духа къ другому, какъ Его началу; то, слѣдовательно, какъ Сынъ, такъ и Духъ Святый не будутъ уже возводиться къ одному только началу Отцу и поэтому Отецъ, и Сынъ, и Св. Духъ не будутъ болѣе однимъ Богомъ, что невозможно. Слѣдовательно, чтобы не разрушалось единство Божества, необходимо исповѣдывать, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына.

Доказательство IX.

Мы вѣруемъ, что въ одномъ Божествѣ—Тройца: ибо названіе Отецъ не примѣняется къ другимъ, а только къ Одному Отцу, точно такъ же имя Сынъ усвояется Одному только Сыну, а не другимъ, и, наконецъ, именемъ Духъ Святый обозначается Одинъ только Духъ Святый, а не и другіе. Такимъ образомъ въ Божествѣ находятся три собственныхъ имени, или три различныхъ ипостасныхъ свойства, поэтому мы и исповѣдуемъ Тройцу въ Божествѣ. Но, съ другой стороны, мы исповѣдуемъ и единство: ибо въ единственномъ, а не во множественномъ числѣ выражаемся, говоря, напримѣръ: есть Богъ, Господь; Онъ—вѣченъ, всемогущъ, всевѣдущъ и т. д. Слѣдовательно, если-бы изведеніе Духа Святаго было общимъ Отцу и Сыну, то, кромѣ Тройцы и единицы, вводилась бы въ Божество еще двойца. Въ этомъ случаѣ—два лица—Отецъ и Сынъ—въ одномъ, именно въ изведеніи Духа Святаго, сходились бы и именно въ этомъ отношеніи составляли бы одно, какъ и утверждаютъ поэтому латиняне, говоря, что Отецъ и Сынъ составляютъ единаго производителя Св. Духа. Однако въ этомъ не сходился бы съ Ними отнюдь Св. Духъ, и совершенно изъ этого былъ бы исключенъ. Слѣдовательно, Отецъ и Сынъ, сходясь въ изведеніи Св. Духа, будутъ одно, а Духъ Святый, Который никакимъ образомъ въ этомъ изведеніи не сходится, будетъ представлять другое; такимъ образомъ ясно, что, кромѣ Тройцы и единицы, вводится еще двойца. Но это невозможно. Итакъ, изведеніе Св. Духа не обще Отцу и Сыну; не принадлежитъ оно Сыну, а Одному только Отцу, и для всѣхъ несомнѣнно, что отъ Отца исходитъ Духъ Святый. Если станутъ намъ приводить въ качествѣ возраженія: происходитъ отъ причины,

не исходить, не быть Отцомъ и т. п., то мы это рѣшили уже въ концѣ I доказательства. Каждое изъ этихъ положеній основывается на двухъ различныхъ ипостасныхъ свойствахъ и раздѣляется въ свою очередь на ипостасныя свойства. Совсѣмъ это отлично отъ изведенія Духа Святаго.

Наконецъ, замѣтимъ, что не менѣе неосновательно латиняне для доказательства изведенія Духа Святаго и Сыномъ прибѣгаютъ къ словамъ: причина производная (causa produkta) и непроизводная (improducta),—причина или начало главное (изначальное—principalis) и не главное (minus principalis). Измышляя такимъ образомъ, что Сынъ не отъ Себя, но отъ Отца имѣетъ способность быть началомъ Духа Святаго, они называютъ Отца причиной непроизводной и началомъ главнымъ, а Сына—причиной производной и началомъ менѣе главнымъ. Конечно, подобное утвержденіе ни съ чѣмъ несообразно. Ибо хотя Сынъ имѣетъ отъ Бога Отца то, что Онъ—Богъ, однако было бы нелѣпостью и даже богохульствомъ утверждать, что Богъ Отецъ—Богъ непроизводный, или Богъ—главный, Сынъ же—Богъ производный, или Богъ неглавный. Далѣе, Сынъ имѣетъ отъ Отца и то, что Онъ является творцомъ: неужели же отсюда Отецъ можетъ быть названъ творцомъ главнымъ и непроизводнымъ, а Сынъ—творцомъ неглавнымъ и производнымъ? Почему нельзя такъ разсуждать, какъ не потому, что въ такомъ случаѣ являлось бы уже два Бога, два творца? Если же такіе выраженія, какъ нелѣпыя, должны быть осуждаемы и недопускаемы по отношенію къ Божеству: то одинаково, конечно, они должны быть отвергаемы и относительно изведенія Духа Святаго. Правда, Отцы Церкви называютъ Отца причиною изначальною (главною—causa princeps); но этимъ они вовсе не предполагаютъ другой причины, менѣе главной, произведшей Духа Святаго. Они только полагаютъ, что Отецъ есть причина причины, которая все создала, т. е., Сына. Съ другой стороны, Отцы называютъ Сына началомъ отъ начала, иначе—началомъ тварей; однако они никогда не называютъ Его началомъ неглавнымъ (менѣе начальнымъ). Подобно тому какъ Сынъ называется началомъ отъ начала, такъ равно называется Онъ Богомъ отъ Бога, свѣтомъ отъ свѣта. Однако отсюда никто не скажетъ, что

Сынъ есть Богъ менѣе главный. Итакъ, есть разница сказать: Сынъ есть начало отъ начала—и начало менѣе начальное, или неглавное. Впрочемъ мы сами знаемъ, что изъ того только, что Богъ Отецъ отъ Себя Самого имѣетъ бытіе, Сынъ же отъ Отца это имѣетъ, не слѣдуетъ непремѣнно, что Отецъ и Сынъ—два начала Духа Святаго. Ибо равнымъ образомъ Отецъ отъ Себя имѣетъ то, что Онъ есть начало твари, Сынъ же это имѣетъ отъ Отца: однако отсюда еще не слѣдуетъ, что есть два начала твари—Отецъ и Сынъ, а не одно. Но въ этомъ доказательствѣ мы настаиваемъ на томъ, что неосновательно употреблять въ вопросѣ объ изведеніи Духа Святаго слова: причина производная и непроизводная, причина главная и неглавная;—они придуманы латинянами для уклоненія отъ истины. Въ этомъ случаѣ латиняне думали, что съ помощью такого различенія удобнѣе найти изворотъ противъ словъ, въ которыхъ св. Отцы столько разъ учили, что только Отецъ—причина или начало Духа Святаго; или удобнѣе повредить слова Отцовъ, наиболѣе противорѣчащія имъ, внеся въ ихъ текстъ одно слово главнымъ образомъ (изначально—principaliter). Это въ особенности было сдѣлано по отношенію къ Августину, что было доказано въ главѣ о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ твореніяхъ латинскихъ Отцовъ.—

ГЛАВА СЕДМАЯ,

въ которой доказывается, что постановленіемъ вселенскихъ соборовъ, установившимъ не вводить въ церкви иного опредѣленія вѣры, кромѣ Никейскаго, воспрещается вносить въ символъ не только противное, но даже и вѣрное, а потому, если-бы ученіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, было даже вѣрнымъ, его отнюдь нельзя было прибавить къ св. символу.—

Постановленіе (правило) III вселенскаго собора (дѣяніе VI этого собора, т. III Соборовъ, столб. 689) говоритъ слѣдующее: «по прочтеніи сего святой соборъ опредѣлилъ: да не будетъ дозволено никому произносить, или писать, или составлять другую вѣру, кромѣ опредѣленной святыми Отцами, собранными Духомъ Святымъ въ городѣ Никеѣ. Кто-же дерзнетъ составлять другую вѣру, или объявлять, или предлагать желающимъ обратиться къ познанію истины изъ язычества-ли, или изъ іудейства, или изъ какой-бы то ни было ереси: тотъ, если онъ епископъ, или принадлежитъ къ клиру, да будетъ епископъ—лишенъ епископства, а клирики удалены изъ клира: если же это будетъ мірянинъ, да будетъ преданъ анаѳемѣ». То же опредѣленіе повторили и подтвердили послѣдующіе три вселенскіе собора. Такъ, на Халкидонскомъ соборѣ (дѣяніе V, т. VI Соборовъ, столб. 567) было постановлено: «Итакъ, по разсмотрѣніи этого со всѣхъ сторонъ съ полнымъ усердіемъ и прилежаніемъ, святой и вселенскій соборъ опредѣлилъ, да не будетъ никому дозволено объявлять, или писать, или составлять, или мыслить, или научать другихъ иной вѣрѣ. Кто же дерзнетъ составлять инную вѣру, или объявлять, или предлагать иной символъ желающимъ обратиться къ познанію истины изъ язычества ли, или изъ іудейства, или изъ какой-бы

то ни было ереси: такихъ, если они будутъ епископы, или принадлежатъ къ клиру, епископовъ—лишить епископства, а клириковъ удалить изъ клира; если же будутъ монахи, или міряне, предать анаѳемѣ». Дословно повторяютъ и подтверждаютъ то же и Отцы V вселенскаго собора, собравшагося во второй разъ въ Константинополѣ (дѣяніе VI, т. V Соборовъ, столб. 544); наконецъ, повторяетъ и подтверждаетъ это въ своемъ опредѣленіи и VI вселенскій соборъ. Вотъ эти опредѣленія (правила) (дѣяніе XVII, т. VI Соборовъ, столб. 1028): «итакъ послѣ того, какъ это установлено нами со всякимъ стараніемъ и заботливостью, мы опредѣляемъ, да не будетъ дозволено никому объявлять, или писать, или составлять, или разумѣть иную вѣру, или иначе учить. Тѣ же, которые вздумали бы составлять иную вѣру, или объявлять, или учить, или предлагать иной символъ желающимъ обратиться къ познанію истины изъ язычества-ли, или изъ іудейства, или изъ какой-либо ереси; а равно и тѣ, которые дерзнули бы вводить новыя слова или измышленныя выраженія для испроверженія того, что теперь нами опредѣлено: таковые, если будутъ епископы, или принадлежатъ къ клиру, да будутъ лишены епископы—епископства, а клирики—удалены изъ клира; если же будутъ монахи, или міряне, да будутъ преданы анаѳемѣ».

Что подъ именемъ Никейскаго символа III вселенскій соборъ разумѣлъ вмѣстѣ и символъ Константинопольскій, это подтверждаютъ различныя доказательства. Такъ, IV вселенскій соборъ (Халкидонскій), упомянувъ отдѣльно символъ Никейскій и Константинопольскій и подробно изъяснивъ, въ противовѣсъ ученію Евтихія, каѳолическій догматъ о двухъ природахъ въ Спасителѣ нашемъ, присоединяетъ опредѣленіе III вселенскаго собора, которымъ запрещаетъ вносить въ Церковь Христову иное исповѣданіе вѣры. Слѣдовательно, онъ полагаетъ, что въ христіанской церкви должны быть только Никейскій и Константинопольскій символы и, кромѣ нихъ, не долженъ быть вносимъ никакой иной. Такую же мысль проводитъ и V вселенскій соборъ, полностью повторяя все опредѣленіе Халкидонскаго собора. Наконецъ, VI вселенскій соборъ, отдѣльно упомянувъ въ опредѣленіи своемъ символы I и II вселенскихъ соборовъ, и затѣмъ изложивъ каѳолическое вѣроученіе

противъ монофелитовъ,—прибавляетъ подобное же постановленіе о неизмѣняемости символа. Такимъ образомъ и этотъ соборъ, запрещая объявлять иное исповѣданіе вѣры, признаетъ, что, кромѣ Никейскаго и Константинопольскаго опредѣленія вѣры, никакое другое вѣроопредѣленіе не должно быть употребляемо въ Церкви, слѣдовательно такова мысль III Никейскаго собора, когда онъ постановляетъ, что, кромѣ Никейскаго символа, никакое другое опредѣленіе вѣры не должно быть вносимо въ Церковь. Такимъ образомъ, каѳолическая Церковь всегда считала символы Никейскій и Константинопольскій за одинъ и тотъ же символъ, такъ какъ, конечно, Константинопольскій символъ былъ переданъ Отцами II вселенскаго собора, какъ нѣкоторое дополненіе къ Никейскому. И поэтому, назвавъ только Никейскій символъ, Ефесскій I соборъ (т. е. третій вселенскій) вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣетъ и Константинопольскій символъ. Точно такъ же Халкидонскій вселенскій соборъ, упомянувъ отдѣльно о Никейскомъ и Константинопольскомъ символѣ (дѣяніе V, т. IV Соборовъ, столб. 568) вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «достаточно было сего премудраго и спасительнаго символа Божественной благодати для совершеннаго уразумѣнія и утвержденія благочестія». И V вселенскій соборъ (засѣданіе IV, т. V Соборовъ, столб. 455) говоритъ: «мы знаемъ одинъ только символъ вѣры, который изложили и передали святые Никейскіе Отцы; передали его и (послѣдующіе) святые три собора». И VI вселенскій соборъ, упомянувъ въ дѣяніи XVIII отдѣльно Никейскій и Константинопольскій символы (т. VI Соборовъ, столб. 1024), равнымъ образомъ говоритъ: «для совершеннаго познанія и утвержденія православной вѣры достаточно было сего благочестиваго и православнаго символа Божественной благодати». И на томъ же VI вселенскомъ соборѣ Софроній, патріархъ Іерусалимскій, въ посланіи своемъ къ Сергію, патріарху Константинопольскому, читанномъ въ концѣ XII дѣянія этого собора (т. VI Соборовъ, столб. 888) говоритъ: «слѣдуя этимъ пяти блаженнымъ и святымъ соборамъ, признаю только одно опредѣленіе вѣры; знаю одно ученіе, одинъ символъ, который мудрѣйшій и блаженный соборъ триста восемнадцати богоносныхъ св. Отцовъ изрекъ отъ Духа Святаго въ Никеѣ, который—соборъ ста пятидесяти отъ Бога вдохновенныхъ Отцовъ

въ Константинополѣ утвердилъ и соборъ двухсотъ божественныхъ Отцовъ въ Ефесѣ укрѣпилъ». Отсюда также и императоръ Юстиніанъ ясно говоритъ, что Ефесскій соборъ запретилъ предлагать приступающимъ къ крещенію иной символъ, кромѣ Никейскаго, какъ онъ дополненъ Константинопольскими Отцами. Такъ и въ исповѣданіи правой вѣры противъ трехъ главъ (т. V Соборовъ, столб. 702) говорится: «Св. Отцы, собравшіеся прежде въ Ефесѣ противъ нечестиваго Несторія и соединившіеся въ Халкидонѣ противъ нечестиваго Евтихія, предали анаѳемѣ тѣхъ, которые приступающимъ къ святому причащенію, или обращающимся отъ какой бы то ни было ереси предлагаютъ иное опредѣленіе вѣры, или символъ, или ученіе,—кромѣ переданнаго,—какъ сказано, CCCXVIII св. Отцами и (изъясненнаго) CL св. Отцами». Итакъ, III вселенскій соборъ Ефесскій, постановляя вмѣстѣ съ прочими соборами впредь не вносить въ христіанскія церкви никакого иного символа, кромѣ одного Никейскаго, въ данномъ случаѣ разумѣетъ его, какъ символъ, дополненный Отцами II вселенскаго собора. Отсюда и латиняне впослѣдствіи, когда возникли споры между ними и восточными, и еще болѣе между ними самыми изъ-за прибавки къ символу, не отрицали, что таковъ смыслъ постановленія I Ефесскаго собора. Не отрицали этого латиняне и въ Феррарѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ акты собора Флорентинскаго.

Поводъ къ изданію этого постановленія на I Ефесскомъ соборѣ подали Несторіане, которые, чтобы шире распространить свою ересь, не довольствуясь символомъ каѳолической вѣры, предлагали своимъ послѣдователямъ иной символъ, какъ бы для болѣе подробнаго изъясненія вѣры, и въ него вмѣстѣ съ тѣмъ вводили и свои ереси. Поэтому Отцы Ефесскаго собора, чтобы воспрепятствовать этимъ попыткамъ еретиковъ, вмѣстѣ съ осужденіемъ заблужденій Несторія, издавъ упомянутое постановленіе, рѣшили, чтобы никто впредь не употреблялъ и не предлагалъ приступающимъ, или возвращающимся къ истинѣ иного символа, кромѣ Никейскаго, очевидно въ томъ видѣ, какъ онъ дополненъ Константинопольскими Отцами; а также,—чтобы послѣдній св. символъ какъ по буквѣ, такъ и по мысли сохранялся всѣми въ

неповрежденномъ видѣ и предлагался всѣмъ приступающимъ къ каѳолической вѣрѣ. Такимъ образомъ, въ силу этого постановленія нельзя было дополнять первоначальный символъ даже словами, согласными съ каѳолической истиной. Поэтому и самъ III вселенскій соборъ не пожелалъ вносить въ символъ, въ противовѣсъ ереси Несторія, православнаго ученія о томъ, что Пресвятая Дѣва есть Богородица; но удержавши св. символъ нетронутымъ какъ по буквѣ, такъ равно и по мысли, онъ отдѣльно изложилъ каѳолическое вѣроученіе противъ Несторія, не съ тою однако цѣлью, чтобы оно замѣняло символъ, но чтобы оно было для священнослужителей щитомъ противъ бредней еретиковъ. Вотъ какъ объ этого рода изложеніяхъ вѣроученія св. вселенскихъ соборовъ говорятъ епископы Памфиліи въ посланіи къ императору Льву (ч. III Халкид. соб., номеръ XLIII, т. IV Соборовъ, столб. 935): «приступающимъ къ спасительному и святому крещенію не предлагается нами никакого иного ученія, кромѣ того, которое провозглашено на св. Никейскомъ соборѣ по благодати Св. Духа. Мы достодолжно чтимъ св. Никейскій соборъ, Халкидонскій же принимаемъ какъ щитъ противъ еретиковъ, а не какъ являющій ученіе вѣры. Ибо послѣднее написано нашей Львомъ и св. Халкидонскимъ соборомъ не для народа, который имъ могъ бы быть вводимъ только въ соблазнъ, а только для священнослужителей, чтобы они имѣли чѣмъ отражать противниковъ». Поэтому и послѣдующіе четыре вселенскіе собора не рѣшились внести что-либо въ символъ; но, удержавъ въ цѣлости текстъ символа, изложили каѳолическое вѣроученіе отдѣльно.—

Что смыслъ вышеуказаннаго постановленія именно тотъ, что не должно вносить въ св. символъ что-нибудь даже и истинное, этому, во-первыхъ, учитъ *Кириллъ Александрійскій*, который игралъ главную роль на III вселенскомъ соборѣ и котораго, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать виновникомъ этого постановленія, такъ что смыслъ его Кирилломъ, какъ наилучшимъ истолкователемъ своихъ собственныхъ словъ, воспроизводится вполнѣ точно. Такъ, Кириллъ въ посланіи къ Іоанну, епископу Антіохійскому (ч. III собора Ефесскаго, номеръ XXXIV, т. III Соборовъ, столб. 112) говоритъ: «мы никоимъ образомъ не допускаемъ, чтобы

кѣмъ-нибудь вѣра или символъ вѣры, изданный нѣкогда св. Никейскими Отцами, были колеблемы, и не позволяемъ ни себѣ, и никому другому измѣнить даже одно слово изъ того, что тамъ изложено, или опустить даже одинъ слогъ, помня слова сказавшаго: не переставляй вѣчныхъ границъ, установленныхъ твоими Отцами [1]). Ибо говорили не они, но Духъ Бога и Отца, Который отъ Него исходитъ, но не чуждъ и Сыну въ отношеніи сущности». Тутъ Кириллъ совершенно ясно учитъ, что III вселенскій соборъ въ своемъ постановленіи запретилъ измѣнять въ символѣ даже какое-нибудь слово, или опустить хотя-бы одинъ слогъ. Какимъ же образомъ можно, внося болѣе подробное, хотя бы и истинное изъясненіе вѣры, прибавлять слова и слоги къ св. символу? «Мало того», говоритъ онъ (чтобы нельзя было относить его словъ только къ неправому ученію), «мы не позволяемъ ни намъ, ни другимъ измѣнять хотя бы одно слово, или опустить одинъ слогъ»: намъ, замѣтьте,—каѳолическимъ Отцамъ (ибо таковымъ былъ Кириллъ и таковымъ считался) не позволяемъ дѣлать что-либо такое,—Отцамъ, которые внесли бы въ св. символъ, конечно, только каѳолическое ученіе.

Этими словами далѣе Кириллъ изъясняетъ вышеуказанное постановленіе Ефесскаго собора о неизмѣняемости символа. Согласно съ мыслью Отцовъ и отъ лица ихъ именно онъ говоритъ: «мы ни себѣ (т. е., намъ Отцамъ, собравшимся на вселенскомъ соборѣ), ни другимъ не позволяемъ измѣнять въ св. символѣ даже какой-нибудь слогъ». Между тѣмъ они, безъ сомнѣнія, могли внести въ символъ только истинное. Равнымъ образомъ отсюда очевидно, что Кириллъ подчиняетъ этому постановленію и Отцовъ другихъ вселенскихъ соборовъ, такъ какъ онъ не допускаетъ, чтобы кто-нибудь изъ епископовъ могъ дополнять св. символъ потому, что само Священное Писаніе повелѣваетъ не переступать предѣловъ Отцовъ, такъ какъ чрезъ нихъ говорилъ Духъ Святый. Этимъ основаніемъ руководятся и Отцы, собравшіеся на вселенскомъ соборѣ: и они не менѣе строго подчинялись заповѣдямъ и велѣніямъ Священнаго Писанія. Поэтому совершенно

[1]) Непрелагай предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои. Притч. XX, 28.

неосновательно латиняне на Феррарскомъ соборѣ возражали, что эти слова Кирилла относятся только къ частнымъ епископамъ Но если понимать эти слова Кирилла только въ отношеніи къ частнымъ епископамъ, то и тогда латиняне совершенно неправы. Ибо частными были тѣ, кто среди латинянъ измыслилъ прибавку къ символу; частными были также и тѣ, кто ее ввелъ въ употребленіе. Имъ противились папа Римскій Левъ III и многіе другіе латинскіе епископы: изъ этого необходимо слѣдуетъ заключить, что осмѣлившіеся на такое дѣло были частные епископы и что они подлежатъ тому наказанію, къ которому присудили четыре вселенскіе собора вводящихъ новизны въ св. символъ. Какимъ же образомъ указанная прибавка можетъ избѣжать анаѳемы и какимъ образомъ, лукаво измышленная первыми ея виновниками, она впослѣдствіи могла получить законныя права? Слова Кирилла были читаны и одобрены на IV вселенскомъ соборѣ, такъ что и Отцы этого собора тѣмъ самимъ засвидѣтельствовали, что ни имъ, ни другимъ не позволительно прибавить даже и одно слово, или опускать хотя бы одинъ слогъ въ символѣ. А между тѣмъ опять таки они могли бы внести въ символъ только православное ученіе. Поэтому неосновательно въ Феррарѣ латиняне доказывали, будто слова Кирилла: «мы не допускаемъ, чтобы кто-нибудь колебалъ св. символъ» имѣютъ въ виду внесеніе въ символъ противнаго и ложнаго. Ибо не менѣе колеблетъ св. символъ и тотъ, кто къ этому совершенному познанію и опредѣленію христіанской вѣры осмѣлится прибавить даже истинное, такъ какъ онъ дѣлаетъ этимъ насиліе символу, разрушаетъ стройную связь въ изложеніи каѳолической вѣры. Отсюда слѣдуетъ назвать колеблющимъ св. символъ такого человѣка, точно такъ же, какъ слѣдуетъ считать колеблющимъ божественное слово того, кто бы дерзнулъ прибавить что-нибудь къ Священному Писанію. Итакъ, изъ свидѣтельства Кирилла ясно, что смыслъ упомянутаго постановленія I Ефесскаго собора тотъ, что даже истинное не должно быть вносимо въ св. символъ.—

Далѣе тотъ же Кириллъ Александрійскій въ посланіи къ Акакію, епископу Мелитенскому (т. V твореній, ч. II, стр. 112) пишетъ: «я знаю, что они выставляютъ противъ насъ и это, а

именно: что мы будто бы приняли новое изложеніе вѣры, или новый символъ, какъ бы пренебрегши извѣстнымъ древнимъ и досточтимымъ символомъ. Но неразумный станетъ и говорить неразумное и сердце его замыслитъ пустое. Мы говоримъ только, что ни отъ кого не потребовали новаго изложенія вѣры и не приняли измышленнаго другими. Ибо для насъ достаточно Божественнаго Писанія, мудрости Святыхъ Отцовъ и символа вѣры, составленнаго правильно и точно относительно всѣхъ каѳолическихъ догматовъ. Но такъ какъ св. восточные епископы, будучи въ Ефесѣ, разошлись съ нами и вслѣдствіе этого являлось подозрѣніе, будто они оказались уловленными въ сѣти несторіанскаго нечестія; то чтобы освободить себя отъ этого подозрѣнія и вполнѣ оправдать себя въ глазахъ ревнителей чистоты вѣры, а также доказать, что они непричастны къ несторіанскому нечестію, они и составили апологію. И, конечно, они сдѣлали весьма благоразумно, и поступокъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ казаться достойнымъ какого-нибудь замѣчанія или порицанія. Ибо, если бы и Несторій, въ то время какъ мы всѣ предлагали ему осудить свое ученіе и воспринять истину, представилъ письменно свое исповѣданіе объ этомъ, то кто бы тогда могъ сказать, что онъ составилъ для насъ новый символъ вѣры? Итакъ, зачѣмъ напрасно поносить св. Финикійскихъ епископовъ, называя ихъ соглашеніе новымъ символомъ, тогда какъ они издали это соглашеніе съ пользою и въ силу необходимости, именно, чтобы оправдать себя и успокоить тѣхъ, которые были увѣрены, что они одобряютъ несторіанское ученіе? И св. вселенскій соборъ, собравшійся въ Ефесѣ, по необходимости предрѣшилъ, что не слѣдуетъ въ Церкви Божьи вносить оное изложеніе вѣры, кромѣ того, которое уже существовало и которое опредѣлили блаженнѣйшіе Отцы наши, изрекшіе его по внушенію Св. Духа. Однако упомянутые епископы, показавшіеся, не знаю почему, расходящимися съ этимъ изложеніемъ вѣры, и заподозрѣнные въ томъ, что они неправо мыслятъ и не слѣдуютъ апостольскимъ и евангельскимъ догматамъ, развѣ могли бы они освободить себя отъ этого позорнаго упрека молчаніемъ, а не полнымъ оправданіемъ и изложеніемъ своего ученія? Притомъ и божественный ученикъ

Христовъ оставилъ писаніе (заповѣдь): будьте всегда готовы къ защитѣ предъ всякимъ спрашивающимъ у васъ основанія той надежды, которая въ васъ. Слѣдовательно, кто желаетъ дѣлать это, не выдумываетъ, конечно, новаго и его нельзя считать составляющимъ новое изложеніе вѣры; а скорѣе онъ выясняетъ вопрошающимъ его ту вѣру о Христѣ, которую имѣетъ». Изъ исторіи мы знаемъ, какое разногласіе произошло въ Ефесѣ между Кирилломъ и нѣкоторыми восточными епископами. Но когда разногласившіе восточные епископы снова пришли къ согласію, то, чтобы устранить подозрѣніе въ томъ, что они склонны были къ несторіанскимъ мнѣніямъ, они издали изложеніе вѣры, согласное съ каѳолическими догматами. Нѣкоторые, полагая, что это изложеніе восточныхъ Отцовъ должно быть употребляемо впредь всѣми вмѣсто символа, утверждали, что оно не должно быть допускаемо, и рѣшили, что имъ нарушается постановленіе Ефесскихъ Отцовъ, по которому никоимъ образомъ не должно измѣнять символъ, переданный св. Отцами. Но даже изъ ихъ объясненія видно, что смыслъ упомянутаго постановленія Ефесскихъ Отцовъ былъ тотъ, что не слѣдуетъ допускать болѣе пространнаго изложенія каѳолической вѣры: потому именно они отвергли исповѣданіе восточныхъ Отцовъ, хотя и истинное, и каѳолическое. Полагая, что оно впредь должно передаваться всѣмъ вмѣсто символа, эти люди отвергали его, какъ нарушавшее постановленіе Ефесскихъ Отцовъ. Поэтому Кириллъ ихъ опровергаетъ, но не какъ попявшихъ постановленіе соборное въ томъ смыслѣ, что не должно быть употребляемо иное изложеніе вѣры вмѣсто символа, а въ томъ, что они считали каѳолическое изложеніе вѣры восточныхъ епископовъ общимъ символомъ, между тѣмъ какъ оно было написано восточными не вмѣсто общаго символа, а въ качествѣ частнаго исповѣданія и апологіи. Между тѣмъ тѣ, кого опровергалъ Кириллъ, упрекали его, что онъ самъ погрѣшалъ противъ постановленія Ефесскаго собора допуская изложеніе вѣры восточныхъ, ибо онъ этимъ принялъ новый символъ. Вотъ почему, разумѣя каѳолическое изложеніе вѣры, Кириллъ говоритъ, что онъ и не требовалъ ни отъ кого новаго изложенія вѣры, и не допускалъ изданнаго другими, т. е., въ томъ смыслѣ чтобы оно

ходило вмѣсто общаго символа. Онъ доказываетъ затѣмъ, что восточные епископы издали новое исповѣданіе вѣры для того только, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ сочувствіи Несторію. И потому именно Кириллъ, по словамъ его, не допускалъ новаго изложенія вѣры, конечно, каѳолическаго, и ни отъ кого не требовалъ его для того, чтобы оно замѣнило символъ, что для него достаточно символа св. Отцовъ, составленнаго св. Отцами точно въ отношеніи всѣхъ каѳолическихъ догматовъ. Итакъ, Кириллъ, кромѣ символа вселенскихъ Отцовъ, не допустилъ иного каѳолическаго изложенія вѣры въ такомъ смыслѣ, чтобы оно служило вмѣсто общепринятаго символа. «Поэтому», говоритъ онъ далѣе, «и св. Ефесскій соборъ призналъ мѣры относительно новыхъ изложеній вѣры, хотя бы каѳолическихъ и истинныхъ, чтобы впредь въ церкви не вносился иной общій символъ, кромѣ того, который уже существовалъ». Такимъ образомъ, онъ ясно указываетъ, что св. Ефесскій соборъ принималъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы, кромѣ символа св. Отцовъ, не вносилось въ церкви иное каѳолическое изложеніе вѣры съ тѣмъ, конечно, чтобы употреблять его вмѣсто общепринятаго символа. Поэтому-то онъ и прибавляетъ, что восточные епископы не внесли въ церкви такого новаго изложенія вѣры, а только заявили свою вѣру въ частномъ исповѣданіи, и слѣдовательно они вовсе не погрѣшили противъ постановленія Ефесскаго собора, который, запретивъ кому бы то ни было вносить въ церкви новое изложеніе вѣры, конечно, имѣлъ въ виду не частное изложеніе вѣры, а такое, которое затѣмъ должно было бы употребляться вмѣсто символа. Отсюда ясно и несомнѣнно слѣдуетъ заключить, что, по мысли III вселенскаго собора, нельзя увеличивать св. символъ болѣе подробнымъ, хотя бы и вѣрнымъ изложеніемъ вѣры.

Агаѳонъ, папа Римскій, въ посланіи къ императору Константину, читанномъ въ IV дѣяніи VI-го вселенскаго собора (т. VI Соборовъ, столб. 633) говоритъ: «то, что правильно опредѣлено святыми и апостольскими предшественниками и досточтимыми пятью соборами, въ простотѣ сердца и безъ колебанія въ переданной Отцами вѣрѣ мы сохраняемъ, всегда желая и стараясь имѣть единое и особенное благо, чтобы ничто изъ того, что пра-

вильно опредѣлено, не уменьшалось, ничто не измѣнялось или дополнялось, но одно и тоже да сохраняется нерушимо и въ словахъ, и въ ихъ смыслѣ». Если же св. символъ не должно измѣнять даже въ отношеніи расположенія словъ, то несомнѣнно, что нельзя вносить въ св. символъ и болѣе пространнаго изложенія вѣры, хотя бы и истиннаго, ибо въ такомъ случаѣ слова символа увеличатся. Далѣе: «должно сохранять, говоритъ Агаѳонъ, нерушимо въ отношеніи словъ и ихъ смысла». Но такъ какъ слова, выражающія противное, совершенно измѣняютъ и смыслъ, а здѣсь Агаѳонъ упоминаетъ раздѣльно и о словахъ, и о смыслѣ, то очевидно, что подъ именемъ словъ онъ разумѣлъ не противныя и ложныя слова, а истинныя. Итакъ, и истинное не можетъ быть вносимо въ св. символъ.

Затѣмъ, Павлинъ, епископъ Аквилейскій, на соборѣ Фріульскомъ, бывшемъ въ 791 году (т. VII Соборовъ, столб. 993) говоритъ: «итакъ, послѣ ненарушимаго и, по моему разумѣнію, всячески подлежащаго внесенію въ символъ опредѣленія вѣры, нѣкогда чудно составленнаго (какъ сказано) по внушенію Св. Духа, досточтимыми тремя стами восемнадцатью архіереями въ Никеѣ Виѳинской и сто пятидесятью въ Константинополѣ—я заявляю, что намѣренъ, согласно обѣщанію, подробнѣе высказаться о тайнѣ святой и дивной Троицы. Вслѣдствіе многоразличныхъ заблужденій еретиковъ и разныхъ подозрѣній нѣкоторыхъ простецовъ, я рѣшаю излагать или учить не иной вѣрѣ, но той, которую, какъ переданную св. Отцами, чистосердечно приняли всѣ вѣка. Ибо я знаю, въ нѣкоторыхъ соборныхъ актахъ постановлено, что для опроверженія новыхъ и многоразличныхъ ересей, особенно же въ виду лукаваго и измышленнаго, не говорю,—вѣроученія, а скорѣе невѣрія Несторія или Евтихія, этихъ лживыхъ и вредоносныхъ мужей,—никому не дозволено излагать или составлять иной символъ вѣры. И да не будетъ у насъ, да будетъ далеко отъ всякаго вѣрнаго сердца желаніе составлять иной символъ, или наставлять вѣрѣ иначе, чѣмъ установили сказанные архипастыри. Но мы рѣшили передать, согласно съ ихъ пониманіемъ, въ нѣкоторомъ (распространенномъ) изложеніи то, что вслѣдствіе краткости и сжатости можетъ быть понято

не такъ, какъ слѣдуетъ, простыми или неучеными людьми; самый же текстъ символа мы заповѣдали твердо удерживать въ памяти. Ибо въ дѣлѣ вѣры не значитъ прибавлять, или убавлять то, что прекрасно и къ нашему спасенію провозвѣщено св. Отцами, когда правильно понимаютъ изложенное или когда согласно съ ихъ смысломъ стараются дополнить тонкость ихъ мысли; а прибавлять или убавлять—значитъ мыслить коварно противно ихъ святому ученію и, мысля иначе, чѣмъ они, излагать безпорядочнымъ языкомъ искаженное ученіе и такимъ образомъ скорѣе нечестивыми устами хвастливо болтать, чѣмъ учить». Какъ видимъ, епископъ Павлинъ заявляетъ, что онъ станетъ говорить о тайнѣ св. Троицы послѣ прочтенія св. символа въ неприкосновенномъ видѣ; и онъ соглашается, что въ виду различныхъ ересей, иной вѣры или иного символа не должно составлять или учить, но необходимо сохранять только тотъ символъ, который въ чистотѣ принимали всѣ вѣка, какъ переданный самими св. Отцами,—послѣ того, разумѣется, какъ на Ефесскомъ соборѣ было постановлено, для опроверженія еретическихъ заблужденій Несторія, впредь не составлять иного символа вѣры. Поэтому Павлинъ не намѣренъ составлять иной символъ, но, сохраняя нетронутымъ текстъ символа, на основаніи его станетъ отдѣльно изъяснять каѳолическое вѣроученіе. Тотъ, по его мнѣнію, прибавляетъ что-нибудь къ вѣроученію Отцовъ, кто передастъ противное, а не согласное съ каѳолическими догматами. Онъ же ничего не прибавляетъ къ вѣроученію, когда, удержавши текстъ символа, подробнѣе изъяснятъ самую мысль св. Отцовъ.

Отсюда, конечно, явствуетъ, что Павлинъ понималъ постановленіе Ефесскаго собора въ томъ смыслѣ, что даже и истинное, но болѣе подробное изложеніе вѣроученія не должно вносить въ св. символъ. Потому, по словамъ его, онъ станетъ объяснять каѳолическую вѣру, послѣ прочтенія св. символа ненарушимымъ или, какъ онъ затѣмъ прибавляетъ, сохраняя въ цѣлости самый текстъ символа, что вслѣдствіе появленія ересей нельзя составлять иной символъ: и этого нельзя дѣлать именно въ виду постановленія Ефесскаго Собора. Между тѣмъ Павлинъ желалъ предлагать только каѳолическое вѣроученіе, или какъ онъ говоритъ,

смыслъ самихъ Отцовъ, и однако онъ соглашается, что, въ виду возможности появленія ересей, этого смысла не должно вводить въ св. символъ, а, при сохраненіи текста самого св. символа нетронутымъ, должно предлагать отдѣльно, такъ какъ иной символъ передавать воспретилъ Ефесскій соборъ. Слѣдовательно, этотъ соборъ, по мысли Павлина, запретилъ вводить въ св. символъ болѣе пространное изложеніе вѣры, хотя бы и истинное, если, по его постановленію, къ самому тексту не должно прибавлять даже каѳолическаго смысла символа. Если же должно сохранять символъ такъ, какъ онъ переданъ Отцами, въ томъ видѣ, въ какомъ текстъ его былъ постоянно и усердно хранимъ послѣдующими вѣками, чтобы въ него не вносить даже того, что составлено въ опроверженіе еретиковъ: то отсюда слѣдуетъ здравый логическій выводъ, что въ данномъ случаѣ Павлинъ учитъ о необходимости охранять символъ отъ какой бы то ни было прибавки, хотя бы и истинной.

Но обратимся къ Льву III, однимъ только свидѣтельствомъ котораго несогласные съ нами латиняне настолько явно изобличаются во лжи, что имъ, за неимѣніемъ никакихъ хитросплетеній и возраженій на столь ясныя слова, слѣдовало бы стать нѣмѣе рыбы. Ибо когда незадолго передъ тѣмъ нѣкоторые латиняне дерзнули нарушить достоинство св. символа прибавкой, Левъ III, будучи спрошенъ объ этомъ, такъ истолковалъ извѣстное постановеніе вселенскихъ Отцовъ въ бесѣдѣ съ апокрисіаріями, посланными къ нему Ахенскимъ соборомъ въ 809 году (т. VII Соборовъ, ст. 1196): «развѣ вѣровать, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына такъ же, какъ отъ Отца, болѣе спасительно, а не вѣровать въ это болѣе опасно, чѣмъ вѣровать или не вѣровать въ то, что Сынъ Богъ—премудрость рожденъ отъ Бога—премудрости, Богъ—истина—отъ Бога—истины, а между тѣмъ Тотъ и Другой суть по существу одна Богъ—премудрость, одна—Богъ—истина, хотя однако извѣстно, что это св. Отцами въ символъ не внесено? Если этихъ двухъ (примѣровъ) для васъ, людей мудрыхъ, въ нашемъ мирномъ и дружескомъ разсужденіи достаточно для того, что-бы вы вмѣстѣ съ нами понимали и сознавали, что столько каѳолическихъ древнихъ Отцовъ, либо не

внесшихъ въ символъ того, о чемъ идетъ рѣчь, либо подобно прочему, о чемъ выше было сказано, запретившихъ вносить,—пропустили и запретили пропущенное вносить не по невѣдѣнію въ настоящемъ и не по недостатку предусмотрительности относительно будущаго;—то мы охотно воздерживаемся отъ приведенія большаго числа свидѣтельствъ. Слѣдуетъ при этомъ знать, что не только относительно сущности Божества, но также и относительно тайны воплощенія Господа мы съ помощью Божіей даемъ столько и на основаніи свидѣтельствъ тѣхъ же Отцовъ такихъ доказательствъ, что они имѣютъ силу не только удовлетворить мудрыхъ, но и опровергнуть безумныхъ». И далѣе:—«святые Отцы не постановили и не утвердили съ такимъ различіемъ, чтобы ихъ рѣшеніе могъ передѣлывать благомыслящій, а злонамѣренный не могъ,—но (постановили) чтобы никто не смѣлъ». А предъ этимъ онъ заявилъ: «какъ я не смѣю сказать, что они (св. Отцы) не хорошо сдѣлали, поступивъ такъ, какъ поступили, потому что я далекъ отъ сомнѣнія, что какъ прочее, такъ и то, что они опустили, они сдѣлали, конечно, сознательно, озаренные мудростью не столько человѣческою, сколько божественною: точно такъ же я не смѣю сказать, что они это не достаточно разумѣли и достаточно не взвѣсили, почему опустили что-нибудь, или почему опущенное, какъ и прочее, запретили распространять». И еще передъ этимъ: «можно, говорю, поучая пѣть и пѣніемъ поучать, но нельзя запрещенное незаконно вносить (въ символъ) на письмѣ ли, или въ пѣніи». Затѣмъ и сами апокрисіаріи послѣ только что приведенныхъ словъ Льва весьма ясно подтверждаютъ эту мысль Льва. Вотъ что они говорятъ: «такъ какъ и тѣмъ и другимъ (т. е., признающимъ и не признающимъ прибавку къ символу) извѣстно, что потому вы считаете или называете непозволительнымъ вносить это (прибавку) въ символъ въ пѣніи, или на письмѣ, что этого не внесли туда, какъ и прочаго, тѣ, кто составлялъ этотъ символъ, послѣдующіе же великіе соборы, т. е., четвертый Халкидонскій и затѣмъ Константинопольскіе пятый и шестой запретили кому бы то ни было, по какой бы то ни было надобности, даже изъ ревности къ человѣческому спасенію составлять новый сверхъ составленнаго, сим-

волъ, а въ старыхъ что-нибудь отбрасывать, прибавлять и вносить или измѣнять: то нечего долѣе на этомъ останавливаться». Изъ этого, конечно, очень ясно видно, что, по мнѣнію Льва III, смыслъ вышеупомянутаго постановленія вселенскихъ соборовъ былъ тотъ, что даже истинное не можетъ быть вносимо въ св. символъ. Чего же намъ болѣе желать? Мы имѣемъ истолкователемъ разсматриваемаго постановленія соборовъ самого Римскаго папу; имѣемъ свидѣтеля, предъ которымъ латиняне должны только преклоняться. Итакъ, падаетъ самъ собою споръ всего Феррарскаго собора, падаетъ и утвержденіе латинянъ, стремившихся въ Феррарѣ доказать, что означеннымъ постановленіемъ запрещается вносить въ символъ только противное (истинному ученію). Такимъ образомъ, одна изъ сторонъ Ферраро-Флорентинскаго собора самимъ Львомъ изобличается во лжи, въ заблужденіи, такъ что, отсюда можно заключать, что́ слѣдуетъ думать о Флорентинскомъ соборѣ, столько засѣданій [1]) котораго было потрачено не для показательства истины, а на защиту лжи, какъ показываетъ хотя бы одно только свидѣтельство Льва III.

Но выслушаемъ доводы Льва въ устахъ Марка, архіепископа Ефесскаго: Левъ училъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Сына не можетъ быть прибавлено къ символу потому, что по постановленію вселенскихъ соборовъ въ символъ нельзя вносить даже и истинное. То же доказалъ въ Феррарѣ Маркъ. Левъ училъ, что въ доказательство этого, кромѣ другихъ примѣровъ, можетъ быть приведено также ученіе о воплощеніи Сына Божія, такъ какъ въ данномъ случаѣ именно то, что отрицали еретики, сами вселенскіе Отцы не внесли въ символъ. То же и многое другое приводилъ въ Феррарѣ Маркъ. Затѣмъ Левъ прибавлялъ: «эти доказательства не только удовлетворяютъ мудрыхъ, но заставляютъ убѣдиться и лишенныхъ смысла». Вотъ, наконецъ, мнѣніе Льва о Феррарскомъ соборѣ! Тѣ доводы, которые до этого времени приводилъ Левъ, тѣ же доказательства въ свою очередь гораздо пространнѣе выставлялъ въ Феррарѣ Маркъ; но все это не оказало никакого дѣйствія на латинянъ, точно говорилось глухимъ!

[1]) Спорамъ о прибавкѣ посвящено было въ Феррарѣ шестнадцать засѣданій. *Прим. перев.*

Мало того, противъ этого возражалъ кардиналъ Юліанъ, не постыдившись назвать доводы Марка дѣтскими и недостойными серьезнаго мужа. Какими же слѣдуетъ считать, съ точки зрѣнія Льва, латинскихъ Отцовъ, собравшихся на томъ же соборѣ вмѣстѣ съ папой Римскимъ Евгеніемъ IV, котораго они называютъ намѣстникомъ Христа и, не говоря о прочемъ, непогрѣшимымъ и верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ споровъ? Ихъ нельзя считать мудрыми: иначе доводы Марка должны были бы убѣдить ихъ, нельзя считать и лишенными смысла: ибо и въ этомъ случаѣ ихъ поразили бы доводы Марка;—остается считать ихъ хуже лишенныхъ разума. Ибо тѣ доводы, которые, по мнѣнію Льва, должны убѣдить даже безумныхъ, латинянъ, собравшихся на соборѣ, убѣдить не могли. Разумѣется, тѣ, кого ослѣпило пристрастіе къ собственному мнѣнію, не могутъ легко признать свѣтъ истины. Латиняне, увѣренные въ своемъ ослѣпленіи, что ратуютъ за истину, выступали на арену не для иной цѣли, какъ только для того, чтобы увлечь на свою сторону восточныхъ, а вовсе не для того, чтобы убѣдившись въ заблужденіи, подать руку истинѣ. Отсюда стремленіе возвеличивать свои доказательства, а доводы восточныхъ считать ребяческими и нелѣпыми. Но, наконецъ, истина всплываетъ наружу и приводитъ намъ Льва въ свидѣтели того, что Маркъ ратовалъ за истину. Нужно было только, чтобы Маркъ зналъ слова Льва III и могъ также и ихъ выставить противъ латинянъ въ Феррарѣ; но думаю, что они скорѣе передвинули бы самый Ахеронтъ, чѣмъ согласились признать себя побѣжденными Маркомъ.

Наконецъ Левъ, въ виду именно упомянутаго постановленія соборовъ, доказываетъ, что и онъ не въ правѣ вносить даже истинное въ св. символъ. Такъ въ той же бесѣдѣ съ апокрисіаріями, посланными Ахенскимъ соборомъ въ Римъ, онъ говоритъ: «то же, чего нѣтъ въ вышеупомянутыхъ (т. е., Никейскомъ и Константинопольскомъ) символахъ и относительно чего мы знаемъ, что оно только не совпадаетъ съ ними, мы, какъ не разъ было говорено, не дерзаемъ вносить (въ св. символъ), но при удобномъ мѣстѣ и времени, кому слѣдуетъ, стараемся сообщить (ministrare)». Такимъ образомъ изъ свидѣтельства Льва III ясно

слѣдуетъ, что смыслъ постановленія вселенскихъ соборовъ, которымъ они запретили вносить въ церкви Христовы иной символъ, тотъ, что даже истинное не можетъ и не должно быть вносимо въ св. символъ. Но затѣмъ мы можемъ привести въ качествѣ свидѣтелей по данному вопросу самихъ апокрисіаріевъ Ахенскаго собора, посланныхъ въ Римъ, не смотря на то, что они являются защитниками извѣстной прибавки. Такъ, въ приведенномъ выше разговорѣ, въ отвѣтъ на ссылку Льва на извѣстное постановленіе соборовъ, они говорятъ: «мы не потому трудимся, чтобы не быть въ покоѣ, но чтобы вслѣдствіе бездѣйствія не упустить награды за благочестивый трудъ, и, оставивши въ сторонѣ болѣе тщательное изслѣдованіе и отклонивши упорное состязаніе, мы выше ставимъ пользу, которая черезъ это пріобрѣтается въ сердцѣ изслѣдующихъ, чѣмъ вредъ, причиняемый этимъ сдѣлавшимъ прибавку, если только по безумію они оказались презрѣвшими установленія Отцовъ. Ибо иное дѣло, обходя изъ гордости, пренебрегать хорошимъ, иное—изъ добраго намѣренія хорошее дѣлать лучшимъ». Итакъ, сами апокрисіаріи не могутъ отрицать, что смыслъ опредѣленія Отцовъ, которымъ послѣдніе запретили вносить въ Церковь иное вѣроученіе, тотъ, что даже и истинное не можетъ быть вносимо въ св. символъ. Потому-то, чтобы отразить силу этого довода противъ нихъ, они говорятъ, что прибавили къ символу выраженіе Filioque не изъ презрѣнія къ установленіямъ Отцовъ, а съ намѣреніемъ преобразовать ихъ по благожеланію въ лучшій видъ. Но, конечно, въ этомъ случаѣ они только прибѣгаютъ къ неосновательному извороту. Мы всѣ признаемъ, что во всемъ, что св. вселенскіе соборы исповѣдали, или опредѣлили, они дѣйствовали по внушенію Св. Духа. По внушенію Того же Св. Духа они сдѣлали постановленіе о неизмѣнности символа, въ томъ именно соображеніи, что, если бы разрѣшить всякому предлагать приступающимъ къ вѣрѣ какое угодно исповѣданіе вѣры, то многіе предлагали бы имъ символъ, наполненный пустыми измышленіями или даже ересями. Такъ какъ эта причина остается вѣчною, то какимъ образомъ принятое по этому поводу опредѣленіе, составленное по внушенію Духа Святаго, могло быть замѣнено лучшимъ? Какимъ образомъ можно

отвергнуть то, причина чего вѣчна? Мало того, на этомъ, наконецъ, основаніи всякіе непокорные враги каѳолической Церкви могли бы увѣрять, что они не пренебрегаютъ уставами Церкви, но благожелательно измѣняютъ ихъ на лучшее, если бы такого утвержденія было достаточно для устраненія постановленій вселенскихъ соборовъ. Поэтому и самъ Левъ на это отвѣчаетъ, что не только зложелательнымъ, но всѣмъ вообще, въ томъ числѣ и благожелательнымъ, святые соборы своимъ опредѣленіемъ запретили прибавлять истинное къ символу. Вотъ его слова въ той же бесѣдѣ: «это запрещеніе или, если такъ можно выразиться, предосторожность не относится и не направлена на то, или другое: ибо Отцы не постановили и не опредѣлили, дѣлая различіе, что благожелательный можетъ передѣлывать (ихъ рѣшеніе), а зложелательный нѣтъ, а постановили, чтобы никто никоимъ образомъ не смѣлъ передѣлывать».

Далѣе, вселенскій соборъ, созванный для утвержденія Фотія на патріаршествѣ, точно такъ же доказываетъ, что таковъ именно смыслъ разсматриваемаго постановленія вселенскихъ соборовъ. Такъ во II томѣ, въ части II Сборника каноновъ, заимствованныхъ отъ Греческой Церкви (изд. въ Оксфордѣ 1672 г. стр. 288) сказано: «опредѣленіе чистой христіанской вѣры, издревле отъ Отцовъ и непрерывно до нашего времени нисходящее и въ мысли, и въ языкѣ мы вполнѣ одобряемъ и постоянно всѣмъ громогласно объявляемъ, ничего не отбрасывая, ничего не прибавляя, ничего не измѣняя, ничего не повреждая: ибо отнятіе и прибавленіе, когда не возбуждается никакой ереси кознями лукаваго, наноситъ умышленно неизвинительное оскорбленіе незаслуживающимъ укоризны и Отцамъ; измѣненіе же опредѣленій Отцовъ посредствомъ поврежденія словъ еще гораздо гибельнѣе этого». Такъ какъ, сказавъ: «отнятіе и прибавленіе при отсутствіи ереси, возбужденной кознями лукаваго, наноситъ Отцамъ неизвинительную обиду», Отцы собора прибавляютъ: «измѣненіе же опредѣленій Отцовъ поврежденными словами гораздо гибельнѣе этого»; то очевидно, конечно, что въ первомъ выраженіи разумѣются не поврежденныя слова, а истинныя, вносимыя въ св. символъ. Въ этомъ же смыслѣ дальше соборъ говоритъ: «если же кто-нибудь

осмѣлится, кромѣ этого св. символа, переданнаго намъ нашими блаженными и святыми Отцами, издавать иное изложеніе вѣры и объявить его опредѣленіемъ вѣры, чтобы восхитить достоинство исповѣданія этихъ божественныхъ мужей, и унизить ихъ символъ своими многорѣчивыми и ненужными измышленіями и будетъ предлагать это ученіе, какъ всеобщее, вѣрнымъ, или тѣмъ, которые обратились отъ какой-нибудь ереси, и ложными словами, сокращеніями или прибавками дерзнетъ повредить древность приведеннаго выше священнаго и досточтимаго опредѣленія (вѣры): того, по рѣшенію святыхъ вселенскихъ соборовъ, еще задолго до нашихъ временъ изданному, если онъ будетъ изъ восприявшихъ благодать священства, подвергаемъ полному низложенію; если же онъ мірянинъ, предаемъ анаѳемѣ». Такъ какъ Отцы собора говорятъ: «если кто-нибудь осмѣлится издать новое опредѣленіе вѣры, чтобы восхитить достоинство св. символа и унизить его своими многорѣчивыми и ненужными измышленіями» и затѣмъ тамъ же прибавляютъ: «и ложными словами или прибавками задумаетъ повредить древность св. символа», то ясно, конечно, что въ предыдущихъ словахъ они разумѣли не ложныя слова прибавки, но такія, которыя, хотя и истинны, но не важны и многорѣчивы и безъ основанія вносятся въ св. символъ. Такимъ образомъ этотъ же вселенскій соборъ, на которомъ присутствовали триста восемьдесятъ три Отца вмѣстѣ съ легатами папы Римскаго Іоанна VIII, подтверждаетъ, что смыслъ вышеуказаннаго постановленія вселенскихъ соборовъ тотъ, что даже и истинное не можетъ быть вносимо въ св. символъ.

Св. Отцы Ефесскаго собора, повидимому, желали слѣдовать завѣту самого св. Василія, который послѣ внесенія [1]) Константинопольскими Отцами въ символъ догмата о воплощеніи и о Св. Духѣ, предвидя уже, какъ неудобно оставлять на будущее время возможность измѣненія и увеличенія символа, своимъ част-

[1]) Ошибается въ данномъ случаѣ Зерникавъ, думая, что Василій В. жилъ во время Константинопольскаго (второго вселенскаго) собора и даже пережилъ его. Онъ ум. въ 379 г., за два года до собора. Но несомнѣнно, что Василій В. принималъ участіе въ подготовленіи этого собора. *Прим. перев.*

нымъ мнѣніемъ опредѣлилъ, чтобы никто не вносилъ въ символъ ничего сверхъ того, что внесли въ него Константинопольскіе Отцы. Очевидно, по мысли св. Василія, нельзя ничего прибавить къ св. символу даже въ видахъ болѣе подробнаго изъясненія. Вотъ что онъ говоритъ въ посланіи къ Епифанію, которое помѣщено среди его посланій подъ номеромъ CCCXXV (т. II твореній, Парижское греко-латинское изд. 1618 г., стр. 1099): «итакъ я послалъ къ возлюбленнымъ нашимъ братьямъ, находящимся на Елеонѣ, нашему Палладію и Иннокентію Италійскому, отвѣтъ на ихъ запросы. Именно я отвѣтилъ имъ, что мы не можемъ ничего, даже и одной буквы, прибавить къ Никейскому исповѣданію вѣры, исключая ученія о прославленіи Св. Духа, о каковомъ предметѣ Отцы наши какъ бы мимоходомъ упомянули, такъ какъ еще не былъ возбужденъ вопросъ о Св. Духѣ. Прибавленные къ этому исповѣданію догматы о воплощеніи Господа нашего, какъ превышающіе наше разумѣніе, мы не сочли возможнымъ ни отвергнуть, ни принять, зная, конечно, что, если мы разъ позволимъ поколебать простоту вѣры, то увлекаемые пыломъ противорѣчія все далѣе и далѣе, не найдемъ никакихъ предѣловъ спорамъ и только смутимъ души людей простыхъ введеніемъ новыхъ догматовъ». Для всякаго совершенно ясно, что Василій Великій, не считая возможнымъ ни для себя, ни для другихъ прибавлять что-нибудь къ символу, кромѣ того, что прибавили къ нему Константинопольскіе Отцы, хочетъ этимъ сказать, что впредь въ св. символъ не можетъ быть вносимо даже и истинное изложеніе вѣры. Ибо то, что внесено въ св. символъ на Константинопольскомъ соборѣ, есть истинное ученіе, а, за исключеніемъ этого, все иное онъ запрещаетъ вносить въ св. символъ. Слѣдовательно, онъ исключаетъ дальнѣйшее изложеніе вѣры истинное и чистое; причину же этого онъ указываетъ въ томъ, что если мы разъ позволимъ поколебать простоту вѣры, то увлекаемые пыломъ разсужденія о новыхъ догматахъ, снова и снова будемъ увеличивать св. символъ. И въ самомъ дѣлѣ, это именно зло извѣдали латиняне: ибо, полагая, что св. символъ на законномъ основаніи можетъ пополняться тѣмъ, что имъ кажется истиннымъ, какимъ только новымъ и чудовищнымъ догматомъ они его не допол-

нили? [1]) Что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что приведенное посланіе принадлежитъ св. Василію, такъ какъ онъ упоминаетъ о нѣкоторомъ Италіанцѣ, спрашивающемъ его можно-ли увеличить символъ, это доказываютъ слова посланія: «прибавленные къ исповѣданію (Никейскому) догматы мы не можемъ ни отвергнуть, ни принять». Эти слова, конечно, указываютъ на то, что было внесено въ символъ на Константинопольскомъ соборѣ.

Итакъ, до сихъ поръ мы установили незыблемо, что смыслъ опредѣленія соборовъ, которымъ они воспретили вносить въ церкви иное изложеніе вѣры, тотъ, что символъ нельзя дополнять даже и истиннымъ болѣе подробнымъ изложеніемъ вѣры, кромѣ того, какъ изъяснили символъ Никейскій св. Отцы собора Константинопольскаго. Поэтому, такъ какъ латиняне, получивъ нѣкогда отъ своихъ Отцовъ св. символъ съ внесеннымъ въ него догматомъ объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца и затѣмъ прибавивъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, твердо удержали эту прибавку, то ясно, что хотя бы даже ученіе объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, было истиннымъ, они несомнѣнно погрѣшаютъ противъ указаннаго опредѣленія вселенскихъ соборовъ и повинны анаѳемѣ, къ которой присудили вносящихъ новизны въ символъ четыре вселенскихъ собора. Какимъ же образомъ Флорентинскій соборъ могъ опредѣлить, что исхожденіе Св. Духа отъ Сына справедливо внесено въ св. символъ,—когда существуетъ опредѣленіе четырехъ вселенскихъ соборовъ, воспрещающее вносить въ св. символъ даже истинное ученіе? Могло-ли быть законно внесено то, что столько соборовъ осуждаютъ? Законенъ-ли и долженъ-ли быть причисленъ къ св. вселенскимъ соборамъ соборъ, который, постыдно попирая постановленія столькихъ вселенскихъ соборовъ, опредѣлилъ противное имъ?

Если же одно прибавленіе къ символу даже истиннаго догмата, навлекло анаѳему св. вселенскихъ соборовъ, то насколько болѣе погрѣшаютъ, нарушая цѣлость и чистоту св. символа какимъ-нибудь ложнымъ и чудовищнымъ догматомъ, напримѣръ,

[1]) Здѣсь лежитъ причина появленія въ латинской Церкви разныхъ реформаторовъ: Виклефа, Гусса, Лютера, Кальвина, Цвингли и пр., и пр. *Прим. перев.*

исхожденіемъ Св. Духа отъ Сына? Мы потому вѣруемъ, что въ трехъ ипостасяхъ Одинъ Богъ, что къ одной причинѣ—Отцу относятся Сынъ и Духъ Святый, и это единодушно передаютъ св. Отцы, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ устанавливается уже не одинъ, а многіе Боги, когда Сынъ или Духъ Святый относятся не къ Одному только Отцу, какъ началу, но, кромѣ Отца, вводится еще иной изводитель, напримѣръ, Духа Святаго. Поэтому догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына подлежитъ со стороны св. Отцовъ всѣмъ тѣмъ анаѳемамъ, которымъ они когда-либо предали еретиковъ, вводившихъ два начала. Итакъ, чѣмъ, какъ не преступленіемъ, какъ не беззаконіемъ, какъ не богохульствомъ можно назвать внесеніе исхожденія Св. Духа отъ Сына въ св. символъ, къ которому не можетъ быть прибавлено даже истинное? Вносить язычество, два начала, двѣ причины, двухъ Боговъ,—могло-ли быть когда-нибудь большее оскорбленіе и поруганіе символа? Потому-то ученіе это и прибавка его въ символъ вполнѣ справедливо были осуждены самими латинянами: Альбиномъ Алкуиномъ, Павлиномъ Аквилейскимъ и многими другими, собравшимися на Ахенскомъ соборѣ. Ибо кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что вначалѣ хотя нѣкоторые изъ нововводителей въ такомъ смыслѣ толковали этотъ догматъ [1]). Вполнѣ законно затѣмъ эта прибавка была отвергнута иными изъ латинянъ въ концѣ IX вѣка. Между ними особенно заслуживаетъ вниманія папа Римскій Іоаннъ VIII. Какъ онъ осуждалъ эту прибавку, мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ. Справедливо, наконецъ, противъ нея всегда ратовали и до сихъ поръ ратуютъ восточные.

Поэтому, крайне безумно поступилъ Римскій папа Левъ IX, когда въ буллѣ, положенной его легатами, не менѣе его бѣдными умомъ [2]), на святомъ престолѣ великой Константинопольской церкви, дерзнулъ произнести анаѳему (Маранъ-ата) патріарху Константинопольскому Михаилу и прочимъ единомышленнымъ съ

[1]) т. е., что Духъ Святый происходитъ отъ двухъ началъ. Это видно изъ поврежденій писаній св. Отцовъ. См. гл. II, поврежд. II. *Прим. перев.*

[2]) Это были кардиналы Гумбертъ и Фредерикъ и епископъ Амальфійскій Петръ. Явились они въ Константинополь въ 1054 г., въ царствованіе Константина Мономаха. *Прим. перев*

нимъ восточнымъ за то, что они, какъ духоборцы, изъяли изъ св. символа исхожденіе Св. Духа отъ Сына; при этомъ онъ ставитъ ихъ на ряду съ духоборцами и другими еретиками, даже, страшно сказать, съ діаволомъ и ангелами его, какъ говорится въ грамотѣ осужденія (помѣщена въ XI т. Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 336 и въ IX т. Соборовъ, столб. 992; также у Льва Аллатія во II кн. его соч. «о церковныхъ книгахъ грековъ»). Такимъ образомъ Львомъ IX предаются осужденію шесть вселенскихъ соборовъ, исповѣдавшихъ въ св. символѣ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца; преданы осужденію имъ и тѣ слова Священнаго Писанія, гдѣ также говорится, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца; предается анаѳемѣ вся каѳолическая церковь, которая, прежде чѣмъ эта прибавка была допущена въ св. символѣ, исповѣдывала, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца. Кто, спрашивается, не ужаснется этихъ преступныхъ дѣяній?

Укоряетъ Левъ IX восточныхъ въ томъ, что они удалили изъ символа исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Но какимъ образомъ можно укорять восточныхъ за удаленіе изъ символа того, что не внесли въ него сами Константинопольскіе Отцы и чего остальные пять вселенскихъ соборовъ никогда не читали въ символѣ, сохранявшемся въ неповрежденномъ видѣ даже до этого времени (т. е., до Льва IX)? Какъ можно было предавать проклятію за преступленіе, котораго они не совершали? Какъ можно было ихъ осудить наравнѣ съ духоборцами и всѣми еретиками, даже наравнѣ съ діаволомъ и ангелами его? Скорѣе всѣ эти проклятія пали на голову ихъ произнесшаго, поддержавшаго своимъ одобреніемъ дѣйствительно чудовищный, произвольно внесенный въ св. символъ, догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Поэтому помянутый Константинопольскій патріархъ Михаилъ на соборѣ многихъ епископовъ въ свою очередь вполнѣ заслуженно предалъ анаѳемѣ грамоту осужденія и авторовъ ея,—и посланіями, отправленными къ остальнымъ восточнымъ патріархамъ, увѣдомилъ послѣднихъ о зломъ дѣлѣ латинянъ.—

Такъ утвердился расколъ, который, начавшись изъ какихъ бы то ни было причинъ, раздѣлялъ уже церкви до начала XI вѣка, а съ тѣхъ поръ продолжается и до нынѣшняго дня.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Константинопольскіе Отцы, съ цѣлью утвердить каѳолическій догматъ противъ еретиковъ, оспаривавшихъ божество Св. Духа, внесли, чтобы показать единосущіе Духа Святаго съ Отцомъ и Сыномъ, не первыя попавшіяся слова, но подлинныя слова Св. Писанія. Такъ Халкидонскій вселенскій соборъ (дѣяніе V, т. IV Соборовъ, столб. 565) говоритъ: «настоящій святый и вселенскій соборъ опредѣлилъ прежде всего, чтобы исповѣданіе вѣры трехсотъ восемнадцати Отцовъ осталось нерушимымъ; утверждаетъ также изданное для опроверженія возстающихъ противъ Духа Святаго ста пятидесятью Отцами, собравшимися позднѣе въ Царь-градѣ, ученіе о Св. Духѣ. Это ученіе Отцы объявили всѣмъ, не прибавляя что-нибудь какъ бы недостававшее прежнему ученію, но объясняя, на основаніи свидѣтельствъ писаній, свое разумѣніе о Св. Духѣ, для опроверженія тѣхъ, которые пытались отвергать Его владычество». Поэтому они и не внесли слова «Богъ», но назвали Духа Святаго только Господомъ и Животворящимъ, такъ какъ въ Св. Писаніи Духъ Святый нигдѣ не называется Богомъ,—хотя съ другой стороны, на основаніи самыхъ очевидныхъ доказательствъ изъ того же св. писанія не подлежитъ сомнѣнію, что Духъ Святый есть Богъ. Такимъ образомъ то, что Отцы Константинопольскіе прибавили къ символу о Св. Духѣ, представляетъ подлинныя слова Св. Писанія. Если же Константинопольскіе Отцы въ изложеніи члена о Св. Духѣ слѣдовали такому правилу, то какимъ образомъ, спрашивается, латиняне, вопреки этого правила II вселенскаго собора могли когда-нибудь внести въ членъ о Св. Духѣ выраженіе, которое нигдѣ не встрѣчается въ Священномъ Писаніи? Ибо выраженіе—Духъ Святый исходитъ отъ Сына—не есть выраженіе Писанія: тамъ только говорится: «Который отъ Отца исходитъ, Духъ Сына, отъ Моего возьметъ» и пр. И отсюда еще разъ становится очевиднымъ, что исхожденіе Святаго Духа отъ Сына прибавлено въ св. символѣ позднѣйшими латинянами противно мысли св. Константинопольскихъ Отцовъ и вопреки правилу, которому они слѣдовали въ изложеніи члена о Святомъ Духѣ.—

Конецъ первой части.—

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . 1.

Жизнь Адама Зерникава, ученѣйшаго мужа, сжато изложенная и представленная въ краткомъ очеркѣ по разсказу, который нѣкогда написалъ собственною рукою Адамъ . . . . . 9.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

въ которой показывается, какъ св. восточные Отцы первыхъ десяти вѣковъ единомысленно и единодушно вѣровали, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца. . . . . 17.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О поврежденіяхъ въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ Церкви относительно исхожденія Святаго Духа отъ Сына, совершенныхъ латинянами или олатинившимися греками . . . . . 245.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О поврежденіяхъ, произведенныхъ латинянами въ писаніяхъ западныхъ Отцовъ относительно исхожденія Св. Духа отъ Сына . 313.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

въ которой доказывается, что Отцы западныхъ Церквей единодушно и согласно до конца VIII вѣка вѣровали въ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца . . . . . 371.

стр.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

въ которой доказывается, что сами латиняне, когда въ концѣ VIII вѣка нѣкоторые изъ нихъ въ первый разъ внесли въ латинскую Церковь догматъ исхожденія Св. Духа отъ Сына и прибавку его къ символу, долгое время изъ-за этого между собою спорили, —въ особенности же выясняется, что первые виновники этого нововведенія прочими латинянами того времени были осуждены. 439.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

въ которой изъ богословскихъ началъ доказывается, что Духъ Святый исходитъ отъ Одного только Отца . . . . . 549.

ГЛАВА СЕДМАЯ,

въ которой доказывается, что постановленіемъ вселенскихъ соборовъ, установившимъ не вводить въ церкви иного опредѣленія вѣры, кромѣ Никейскаго, воспрещается вносить въ символъ не только противное, но даже и вѣрное, а потому, если-бы ученіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, было даже вѣрнымъ, его отнюдь нельзя было прибавить къ св. символу . . . . . 581.